

ГОДЪ

III.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

ЦѢНА годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 18.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года мая 1-го дня.

Содержаніе: I. Пловучая церковь. II. Пальмовъ.—II. Хозяинъ. Свящ. В.
Пестряковъ.—III. О чумной эпидеміи (продолженіе). Пренед. врачъ
Городецкий.—

Пловучая церковь.

Вблизи г. Астрахани, по берегамъ р. Волги и ея при-
токовъ, по сѣверо-восточному берегу Каспійскаго моря и по
островамъ, разбросаннымъ въ сѣверо-восточной части Кас-
пійскаго моря, находятся, какъ извѣстно, самыя богатыя въ
Россіи рыболовные промыслы.

Ежегодно, съ открытіемъ навигаціи по Волгѣ, въ Астра-
хань ѣдутъ чуть ли не изъ всѣхъ губерній тысячи рабочихъ
обоего пола въ чаяніи найти хорошій заработокъ на рыб-
ныхъ промыслахъ. Обыкновенно, надежда не обманываетъ
бѣдняковъ. Проработавъ 6—7 мѣсяцевъ около рыболовныхъ
сѣтей, на плотяхъ, гдѣ съ лодокъ принимается пойманная
рыба, въ рыбныхъ амбарахъ и погребахъ, глубокой осенью
они возвращаются домой съ изрядной суммой денегъ въ
карманѣ.

Но не одни деньги приносить съ собой въ деревню работникъ, а кое-что и другое.

Какъ измѣнился духовный и физическій обликъ возвратившагося въ родную деревню и въ семью рабочаго! Не узнать въ немъ прежняго скромнаго, честнаго, богобоязненнаго труженника. Часто бываетъ—гибнетъ добрый сынъ и нѣжный семьянинъ. Домой вернулся грубый, буйный, потерявшій стыдъ и совѣсть, пьяница и развратникъ. Такимъ сдѣлала его жизнь на промыслахъ, куда съ такою свѣтлою надеждою отправляли его родители, жена и родная семья. Кажется, не одинъ бы отецъ, не одна жена ни за что не согласилась бы отпустить отъ себя сына и мужа въ этотъ омутъ пьянства и разврата, если бы вопіющая, безысходная нужда не заставляла людей забывать опасность или безнадежно махать на нее рукой.

Тяжела работа на промыслахъ. День и ночь приходится проводить за спѣшной уборкой рыбы въ душливой атмосферѣ, пропитанной тѣмъ специфическимъ тяжелымъ запахомъ, какой издастъ приготовляемая къ просолу рыба. Кругомъ смердятъ груды вынутыхъ рыбьихъ внутренностей, кучи зацекшейся на солнце крови, слизи... И вотъ при такой то обстановкѣ работай день и ночь, потому что работа не ждетъ, и рабочихъ рукъ—всегда въ обрѣзъ. Чѣмъ подкрѣпиться, чѣмъ подбодрить силы?—У рабочаго на рыбномъ промыслѣ одна „поддержка“, одно „освѣженіе“—водка, въ громадныхъ дозахъ принимаемая до тѣхъ поръ, пока отъ нея окончательно не свалится съ ногъ выбившійся изъ силъ рабочій! Но приходитъ праздникъ,—работа на промыслахъ прекращается. Отдохнуть бы, и провести хоть одинъ день по христіански, по человѣчески. Нѣтъ возможности. Нечѣмъ заполнить свободнаго времени. У себя, въ деревнѣ, крестьянинъ пошелъ бы въ церковь, потолковалъ бы съ односельчанами по поводу различныхъ „злобъ дня“, посидѣлъ бы среди семьи. Тутъ ничего нѣтъ. Нѣтъ, прежде всего, церкви, по которой такъ сильно,—заявляютъ сами пріѣзжіе на промыслъ му-

жички, — тоскуетъ душа. Нѣтъ ближнихъ, съ которыми можно было бы обмѣняться добрымъ и ласковымъ словомъ. Здѣсь ничего не услышишь, кромѣ сплетень, пересудовъ и сквернословія. Даже—пѣсни, и тѣ поются только похабныя. Дома отъ нихъ убѣжалъ-бы, если бы кто явился въ село и вздумалъ запѣть. А воспоминаніе о семьѣ? сжимается болью сердце при одной мысли, что семья тамъ гдѣ то далеко, — цѣлыя тысячи верстъ отдѣляютъ промыслъ отъ родной церкви, и не скоро узнаешь, благополучны ли, живы ли мать, отецъ, братья, сестры, жена, дѣти...

Сначала промысловый рабочій груститъ въ тѣ часы, которые свободны у него отъ работы, а потомъ... потомъ втягивается въ общую пьяную и разгульную жизнь. Праздникъ не приноситъ съ собой бодрости. Напротивъ, съ тяжелой головой, съ сквернымъ ощущеніемъ во всемъ тѣлѣ, съ раскаяніемъ (сначала, впрочемъ, только!) за вчерашнее просыпается рабочій на другой день послѣ праздника и съ бранью, вмѣсто молитвы, принимается за свой каторжный трудъ...

Если мы вспомнимъ, что духовно огрубѣвшіе и загрязнившіеся люди, съ ужасными, — нерѣдко! — болѣзнями, возвращаются на родину и тамъ начинаютъ духовно и физически заражать окружающихъ, то должны будемъ признать, что зло, свившее себѣ гнѣздо тамъ, куда людей манятъ къ себѣ деньги и толкаетъ нужда, не составляетъ опасность только мѣстную, астраханскую, но — *общерусскую*. Съ деньгами изъ Астрахани привозятся домой укоренившіеся навыки къ пьянству, къ разврату, къ безчиніямъ; съ деньгами же привозятся и эти ужасныя болѣзни, отъ которыхъ уже все больше и больше начинаетъ страдать несчастная Россія.

Послѣ объявленія пресловутыхъ „свободъ“, къ старому злу присоединились еще новыя бѣды. Нравственная грязь, въ которой барахтаются промысловые рабочіе, оказалось благоприятною средою для возрастанія сѣмянъ, разбрасываемыхъ по Россіи религіозными и политическими лжеучителями. Потерявшіе сами вѣру, совѣсть и здравый политическій смыслъ,

эти лжеучители нашли себѣ хорошей пріемъ среди пьяныхъ. зачастую совершенно лишившихся человѣческаго образа, обремененныхъ на весь міръ людей, и возрадовались дьявольскою радостью, вкушая уже и теперь плоды своего сѣянія, а въ будущемъ надѣясь собирать и вкушать плоды еще болѣе обильные.

Опытъ показалъ, что самые фанатичные сектанты под старость выходятъ изъ тѣхъ, кто въ молодости развратилъ душу свою и тѣло. Мысль о скорой смерти и о неизбежной расплатѣ на томъ свѣтѣ за все волнуетъ человѣка, прошедшаго жизнь въ грѣхѣхъ, но сатанинская гордость и ожесточеніе сердца, оставленнаго Богомъ, не даютъ возможности человѣку покаяться, обратившись въ лоно Православной Церкви. Напротивъ, они то—гордость и ожесточеніе сердца еще болѣе отталкиваютъ отъ Церкви и заставляютъ крѣпко хвататься за созданныя фантазіей религіозныя химеры. Опытъ не замедлитъ, безъ сомнѣнія, показать, что и фанатизмъ политическій способенъ породиться въ народной массѣ на той же самой почвѣ глубокаго нравственнаго паденія. И неизвѣстно, какой изъ нихъ окажется ужаснѣе по своимъ послѣдствіямъ—фанатизмъ или религіозный въ духѣ сектантства, или фанатизмъ политическій въ направленіи сумасбродныхъ идей нашихъ социаль-революціонеровъ.

Пресв. Георгію, архіепископу астраханскому, пришла въ сердце истинно святая мысль выступить на борьбу съ нравственнымъ зломъ, залившимъ жизнь русскихъ крестьянъ—рабочихъ на рыболовныхъ промыслахъ. Онъ избралъ вѣрное средство, рѣшилъ соорудить пловучую церковь, которая обслуживала бы духовныя нужды промысловыхъ рабочихъ, сохранившихъ еще въ душѣ христіанскую совѣсть и добрыя чувства. По мысли пресв. Георгія, церковь должна, въ извѣстныя времена, появляться то на одномъ, то на другомъ промыслѣ и доставлять духовное утѣшеніе, открывая желающимъ доступъ къ слышанію слова Божія и священныхъ молитвъ съ церковными пѣснопѣніями, къ вразумленію церков-

новъ проповѣдію и ученіемъ здраваго словесе и къ воспріятію благодати Христовыхъ таинствъ. Мысль преосв. Георгія немедленно нашла себѣ сочувственный откликъ и въ средѣ ближайшихъ соработниковъ преосв. Георгія — астраханскихъ пастырей, и въ средѣ представителей правительственныхъ и общественныхъ учреждений, и въ средѣ мірянъ всякаго званія и состоянія. Открылся сборъ пожертвованій на устройство пловучей церкви, давшій весьма благопріятные результаты, и дѣло по сооруженію церкви быстро начало подвигаться впередъ. Черезъ два мѣсяца послѣ покупки большого, полуморского типа, парохода и по окончаніи необходимыхъ перестроекъ въ немъ для алтаря, иконостаса и собственно церкви, 11 апрѣля 1910 года церковь была освящена во имя св. Николая Чудотворца и въ пятницу на страстной седмицѣ въ первый разъ отплыла на морской рейдъ для совершенія тамъ службъ въ великіе христіанскіе дни.

Интересно устройство пловучей церкви на пароходѣ. Виѣшній видъ послѣдняго, въ общемъ, сохранился, но отъ трубы къ носу, на передней части парохода блестятъ позолоченныя, увѣнчанныя крестами главы церкви и колокольницы, изъ которыхъ первая занимаетъ помѣщеніе трюма и рубки, а вторая поставлена наверху палубы. Церковь можетъ вмѣстить въ себѣ всего до 400 человѣкъ богомольцевъ, если считать, что они займутъ и самую церковь, и хоры, и свободные проходы снаружи. Въ церкви — благолѣпный иконостасъ, окрашенный бѣлою эмалевою краскою съ золотомъ. Иконы въ иконостасѣ и повсюду въ храмѣ писаны лучшими московскими мастерами по золотому чеканному фону. Алтарь и клиросы имѣютъ всѣ необходимыя принадлежности для совершенія богослуженія; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр., массивныя, окованныя серебромъ два напрестольныя евангелія, серебрено-вызолоченный крестъ, такая же дарохранительница, священническія облаченія и одежды на престолѣ и жертвенникѣ, стобятъ большихъ денегъ. Вся почти церковная утварь — даръ частныхъ благотворителей.

Большой пароходъ, на которомъ устроена церковь, даетъ возможность нѣкоторыя свободныя пространства въ немъ приспособить подъ каюты для причта, для пѣвчихъ, для церковнаго старосты и даже для *больницы* (на три койки) и фельдшера. вмѣстѣ съ врачевствомъ духовнымъ, пароходъ будетъ подавать рыбацкому и промысловому населенію еще и медицинскую помощь!

Надо ли говорить, что пловучая церковь, когда появилась предъ изумленными сначала глазами рыбаковъ и рабочихъ, была затѣмъ принята ими съ распростертыми объятіями? Недавно изданная въ г. Астрахани брошюра по поводу сооруженія пловучей церкви ¹⁾, описывающая самыя обстоятельства сооруженія и изображающая весь ходъ дѣла по сооруженію церкви, удѣляетъ не малое число страницъ (36—96) картинамъ высокаго религіознаго воодушевленія и благодатнаго духовнаго подъема, какими охватывались истосковавшіеся по храму бѣдные рабочіе русскіе люди, и какія можно было наблюдать въ теченіе *перваго года* плаванія церкви.

Лишь только издали увидятъ рыбаки на морѣ сіяющую золотыми главами и плывущую къ нимъ церковь, лишь слышать звонъ ея колоколовъ, отрадный для русскаго сердца, мигомъ бросаютъ свои сѣти, разставляютъ паруса на своихъ рыбацкихъ лодкахъ и несутся навстрѣчу дорогой гостьѣ, чтобы помолиться предъ ея св. иконами, поставить предъ образомъ св. Николая свѣчу, побывать за службой, послушать назидательное поученіе, а весьма часто, и сподобиться св. таинствъ покаянія и причащенія.

Замѣчательно, что *язычники калмыки* (буддисты) тоже не отстаютъ отъ православныхъ въ усердіи и благоговѣніи къ храму. Они приносятъ деньги на свѣчу Николаю Чудотворцу и просятъ допустить въ храмъ поклониться образу св. угодника, который, какъ извѣстно, не у однихъ только право-

¹⁾ „Пловучая церковь во имя св. Чудотворца Николая на волнахъ рѣки Волги и Каспія въ Астраханской губерніи“. Астрахань. 1911 г.

славныхъ и русскихъ считается покровителемъ моряковъ. Особенную радость проявляютъ калмыки, когда священнослужитель пропоетъ имъ нѣсколько молитвенныхъ словъ къ Спасителю, Божіей Матери и къ Николаю угоднику на родномъ для нихъ калмыцкомъ языкѣ...

Великой важности дѣло начинается въ Астраханской епархіи, дѣло, касающееся не ея одной только, но положительно — *всей Россіи*. Именно: принимаются мѣры къ нравственному оздоровленію пришлаго въ Астрахань изъ всѣхъ губерній бѣднаго рабочаго люда, который отсѣлъ. Богъ дастъ, не будетъ уже развозить изъ Астрахани по Россіи нравственную грязь съ ужасными физическими болѣзнями, но, сохранивъ чистыми свой духъ и тѣло, привезетъ, вмѣстѣ съ неистраченнымъ на пьянство и развратъ денежнымъ заработкомъ, сѣмена добра Христова. посѣянная въ его душѣ астраханскими пастырями при обетановкѣ, прибавимъ, — до нѣкоторой степени напоминающей собою евангельскую (Лук. V. 31). Дай Богъ, чтобы доброе дѣло крѣпло и разрослось

Н. Пальмовъ.

¹⁾ „Влѣзь Иисусъ въ единъ отъ кораблю и стѣлъ учаше изъ корабля народы.

Хозяинъ.

Съ Маркелломъ Пашинскимъ мы были друзьями съ дѣтства. Вмѣстѣ мы поступили въ духовное училище, окончили его и перешли въ семинарію. Я любилъ этого кроткаго мечтательнаго мальчика съ большими черными глазами, какъ брата; когда его, беззащитнаго, обижали товарищи, я, не задумываясь, лѣзъ въ драку и готовъ былъ цѣлый міръ вызвать на поединокъ. За вмѣшательство въ чужія дѣла меня покалачивали, но это еще больше скрѣпляло нашу дружбу съ Маркелломъ. Такъ было въ бурсѣ. Въ семинаріи эта дружба

¹⁾ *„Влѣзь Исусъ въ единъ отъ кораблю и стѣвъ чинше изъ корабля народы.*

стала прочнѣе и серьезнѣе. Вмѣстѣ мы учили уроки, писали сочиненія, дѣлились планами, ничего не скрывая другъ отъ друга. Учился Маркелль средне, ни плохо, ни хорошо; способностями его Богъ не обидѣлъ, но на ученье онъ не налегаль, казалось—собираль силы для другого большого дѣла. Еще въ училищѣ Маркелль началъ учиться играть на скрипкѣ и обнаружилъ въ этомъ дѣлѣ большія способности. Въ свободные отъ занятій часы товарищи любили собраться въ кружокъ и просили Нашинскаго сыграть: что-то милое, ласковое слышалось въ его игрѣ и навертывались слезы на бурсацкія, не избалованныя нѣжностями очи. Кажется, раньше другихъ Маркелль избралъ себѣ пастырскую дорогу, и рисовалось ему здѣсь жизнь, вся сотканная изъ подвига и красоты, какую онъ только и находилъ въ деревнѣ, среди природы. Въ шестомъ классѣ, подѣ большимъ секретомъ, Маркелль показалъ мнѣ фотографическую карточку и добавилъ: „моя невѣста“. На меня смотрѣло нѣжное дѣтское личико съ улыбающимся ротикомъ; широкая коса, опущенная напередъ, спускалась ниже пояса, отъ нѣжной хрупкой фигурки, отъ кроткаго личика вѣяло красотой и изяществомъ.

Послѣ семинаріи судьба разбросала насъ—окончившихъ курсъ—въ разныя стороны, и лишь черезъ 20 лѣтъ, совершенно неожиданно мнѣ пришлось попасть въ медвѣжій уголокъ, гдѣ священствовалъ Маркелль, и я не отказалъ себѣ въ удовольствіи увидѣть друга юности.

Въ жаркій июльскій день прибылъ я въ Безрадици. Возчикъ мой здѣсь никогда не былъ, но домъ священника опредѣлилъ правильно и подвезъ меня къ нему. Среди большого двора, обнесеннаго основательнымъ плетнемъ, стоялъ обширный домъ, крытый желѣзомъ. Во дворѣ жизнь была ключемъ: сотни домашней птицы, разныхъ породъ, кучками и семействами, бродили по двору; десятка три свиней, толкая другъ друга, возились возлѣ корыта. Была обѣденная пора и вся эта живность кричала, хрюкала, суетилась: во дворѣ было шумно и довольно грязновато. На деревянномъ крылечкѣ, съ

подоткнутымъ подоломъ, стояла толстая баба и съ большою экспрессіей ругала незримую Анютку:

— Гдѣ ты запропастилась, окаянная?... Чего не смотришь за цыплятами? Дармофды—вамъ-бы спать только, да хлѣбъ ѣсть...

Ругню и упреки Анюткѣ прервалъ мой извозчикъ.

— Тетка! а тетка! Батюшку можно видѣть?

— Нѣту батюшки... зачѣмъ тебѣ батюшка?

— Гостя привезъ...

Тетка скрылась. Стоя сонныхъ цесовъ, почувявъ незнакомыхъ людей, начала привѣтствовать нашъ пріѣздъ самымъ разнообразнымъ лаемъ. Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ выбѣжала босоногая дѣвчонка и, указавъ мнѣ на парадное крыльцо, опять засверкала нятками. На парадномъ крыльцѣ пришлось подождать: дверь здѣсь видно открывалась рѣдко, въ торжественныхъ случаяхъ: дѣвчонка долго искала нужный ключъ. Въ передней было грязно. Въ старыхъ ситахъ и корзинахъ здѣсь сидѣло нѣсколько позднихъ насѣдокъ—все породистая, величиною съ добраго гуся; здѣсь имъ было удобно и покойно. Обстановка въ залѣ, куда меня провели, была довольно приличная, но запущенная: на шанино, этажеркахъ, на креслахъ замѣтенъ былъ слой пыли и не было ничего, что говорило бы о жизни хозяевъ и ихъ вкусахъ—забытой работы, газеты, книжки. Пришлось и еще подождать, пока я увидѣлъ живого человѣка. Принарядившись, съ привѣтливою улыбочкой, ко мнѣ вышла матушка. Безъ труда узналъ я въ ней тетку, разносившую полчаса назадъ Анютку.

— Вы къ мужу? Къ сожалѣнію, его нѣтъ дома и кажется нескоро будетъ. А по какому вы дѣлу къ нему? Можетъ быть, экстренное что-нибудь, тогда я верхового за нимъ пошлю...

— Пожалуйста не беспокойтесь. Никакого дѣла у меня въ Маркеллу нѣтъ. Мы товарищи, вмѣстѣ учились.—Я называю свою фамилію.—Случилось по дѣламъ быть въ вашемъ

краю—не преминуль посмотрѣть пріятели—только, кажется, не во время...

— Отчего же? Маркелль вамъ всегда радъ: такъ много рассказываль о васъ...

Черезъ нѣсколько минутъ хозяйка меня оставила.

— Извините меня. Я пойду распорядиться по хозяйству, а вы минутку отдохните отъ дороги и, пожалуйста, не стѣсняйтесь: располагайтесь здѣсь какъ дома.

Скоро худенькая дѣвченка, встрѣчавшая меня у воротъ, принесла холодной воды, кусокъ простого мыла и бѣлоснѣжное вышитое полотенце. Изъ бесѣды съ ней я узналь, что она и есть злополучная Анютка, огорчившая матушку при моемъ вѣздѣ.

Было жарко. Июльское солнце жгло, какъ раскаленное желѣзо, но безъ чаю дѣло не обошлось. Здѣсь матушка представляла мнѣ двухъ своихъ ребятишекъ—мальчиковъ 7 и 8 лѣтъ. Загорѣлыя босыя дѣти дичились и смотрѣли волчками. Выгорѣвшіе на солнцѣ волосы и бронзовыя личики говорили о томъ, что дѣтей не нѣжать и воспитываютъ на лонѣ природы. Разговоръ клеился плохо.

— Учитесь уже, дѣтки?

Дѣтки молчали.

— Куда-же имъ учиться:—малы еще. Старшій Ваня—его сейчасъ нѣтъ дома—учится въ гимназіи, только полѣнивается—сорванецъ большой. Дома не сидитъ, все больше съ отцомъ по хозяйству возится.

— Что же, это—хорошо; близость къ природѣ на дѣтей дѣйствуетъ благотворно, и отцу помощь.

— Отъ ученья отвыкаетъ. За цѣлое лѣто въ книжку не заглянетъ; какъ только грамоты не забудетъ?..

Послѣ чаю матушка постаралась сбыть меня съ рукъ.

— Можетъ быть, съ дороги отдохнете или газетку почитаете? Мужъ газеты рѣдко читаетъ, а все же выписываетъ. Сережа, найди дядѣ газету.

Откланявшись, я ушелъ съ ребятами. Газеты найти оказалось не такъ легко. Въмѣсто чтенія я предпочелъ погулять съ дѣтьми. Предложеніе мое дѣтямъ понравилось, и мы направились въ садъ. Молодой еще фруктовый садъ занималъ около двухъ десятинъ. Деревья въ немъ были разсажены въ шахматномъ порядкѣ и содержались образцово: всѣ были обкопаны, обмазаны известью, на каждомъ былъ металлическій ярлыкъ. На деревьяхъ наливались груши и яблоки, вишневая деревья краснѣли отъ ягодъ.

— Дядя, а вонъ мой садъ, показалъ младшій мальчикъ на десятокъ маленькихъ деревьевъ.

— Почему-же твой?

— Я самъ сажалъ его съ папой... и яблоки я самъ буду продавать, когда выростутъ деревья.

Во всемъ саду былъ одинъ недостатокъ: не было никакой эстетики, и слово „мѣщанство“ вертѣлось въ головѣ, когда я смотрѣлъ на него. Въ саду не было укромнаго тѣнистаго уголка, бесѣдки; я замѣтилъ только двѣ почернѣвшихъ скамейки и на нихъ рѣдко сидѣли: онѣ кругомъ заросли травой.

— Цвѣты у васъ, дѣти, есть?

— Нѣту, дядя. А зачѣмъ они? наивно спросилъ младшій мальчикъ.

— Розы есть, перебилъ старшій Сережа. Мама изъ нихъ варить вкусное варенье... съ орѣхами.

Изъ сада дѣти повели меня во дворъ.

Хозяйство у Маркелла было большое—въ пору помѣщику или поссессору средней руки.

Конюшня, со стойлами штукъ на двадцать лошадей, была сооружена основательно и содержалась въ порядкѣ. Въ стойлахъ было только пять лучшихъ лошадей; остальные работали въ полѣ. Въ конюшнѣ старшій мальчикъ, на видъ довольно вялый, оживился, даже глазенки заблестѣли. Лошади маленькаго хозяина знали и привѣтливо откликались на его

голосъ. Смѣло вертѣлся онъ между лошадьми, описывая ихъ характеръ, качества, цѣну.

Въ коровникѣ было цѣлое стадо коровъ, мирно жевали онѣ жвачку, равнодушно глядя на насъ—визитеровъ. Особое вниманіе мое привлекла одна—голландка, какъ ее называли дѣти, дававшая будто-то бы три ведра молока. Въ отдѣльномъ загонѣ толпились десятка два телятъ разныхъ возрастовъ.

— Зачѣмъ у васъ столько рогатаго скота? полюбобытствовалъ я у дѣтей.

— Для продажи. Мама коровъ продаетъ и масло въ городъ продаетъ, а бычковъ выкармливаемъ, и тоже продаемъ...

— И свиной продаемъ, добавилъ Сережа. У насъ большія свиньи, во какія—показалъ малячкѣ, широко раскинувъ руки...

Въ отдѣльномъ сараѣ, въ большомъ порядкѣ, сложены были хозяйственные орудія, плуги, бороны; здѣсь же стояла новенькая пожарная труба. Во всемъ видѣнъ былъ дѣльный хозяинъ и со средствами. Осмотрѣвъ все хозяйство мы не успѣли, насъ позвали обѣдать. Къ обѣду вернулся и хозяинъ. Я залюбовался на его крѣпкую стройную фигуру, съ мужественнымъ лицомъ, съ черной роскошной бородой, съ глазами, глядѣвшими смѣло и увѣренно.

— Измѣнился ты. Маркелль, похорошѣлъ—любо смертѣть. Откуда ты богатырской силы набрался?..

— Отъ земли и воздуха... А матушку мою узнаешь? проговорилъ онъ, здороваясь съ женой, ласково трепля ее по щекѣ.—Помнишь, какъ ты опасался за ея здоровье и какъ любовался по карточкѣ косой? Коса, положимъ, слиняла, за то видишь, какая здоровая стала.

Матушка густо покраснѣла.

— Ты, Маркелль, лучше на свою голову посмотри, тоже слѣды времени на ней есть.

— Сѣдина?! Это мнѣ къ лицу.

— А лысина?

— До лысины еще далеко... Ну-съ, будущій прокуроръ, шутливо обратился онъ къ старшему мальчику—гимназисту, лошадю распорядись самъ, а я начну распряжаться пріятелемъ. Прежде всего накорми насъ, женушка...

Обѣдъ матушка приготовила на славу: обильный и очень вкусный. Въ напиткахъ недостатка не было: было вино, хорошей марки, коньякъ—выраженіе высшаго деревенскаго шика. Къ кофе подали ликеръ.

— Зачѣмъ такъ много яствъ и особенно питія, Маркелль? Ты, кажется, трезвенникомъ былъ?

— Я и теперь не злоупотребляю. Съ хорошимъ человѣкомъ могу и выпить, но въ мѣру; насчетъ ѣды совсѣмъ не требователенъ—приходится не разъ и полевой кашей довольствоваться...

Говорилось съ Маркелломъ легко и непринужденно: Маркелль воспоминалъ прошлое, много шутилъ, весело смялся и шутками оживлялъ матушку и меня. Серьезный разговоръ не налаживался, ему мѣшали. Люди пользовались рѣдкимъ присутствіемъ батюшки и спѣшили удовлетворить свои нужды. Зашелъ ветхій псаломщикъ, одѣтый по старинному—въ кафтанъ, и, получивъ благословеніе, подаль какую-то бумажку.

— Гостинецъ принесли? Что это?

— Метрика, ваше преподобіе. Подписать нужно.

— Положите, пусть остынетъ.

— Нельзя, о. настоятель, мужику экстренное дѣло въ судѣ.

— И все у васъ, дьяче, экстренное. Не дадите свободно вздохнуть настоятелю. Вотъ, милый коллега, будешь писать въ журналахъ, пожалуйста похлопочи, чтобы сняли съ насъ эту канцелярскую обузу. Правда, Григорій Ивановичъ?

— Было-бы очень пріятно, ваше преподобіе.

— А что, развѣ такъ много переписки? поинтересовался я.

— Не много, а все же есть. Не наше это дѣло...

На метрической выписи очень рельефно былъ выведенъ 30-ый номеръ—для середины года какъ будто и немного.

— Такъ подпишете, о. настоятель?

— Что съ вами сдѣлаешь?.. Гриша, принеси ручку и чернила.

Долго мокаль въ чернильницу перо Маркелль, пока разобраль, что чернилъ тамъ не было.

— Не придется, видно, сегодня подписать ваше каллиграфическое издѣліе.

Псаломщикъ взялъ чернильницу, осторожно налилъ въ нее воды изъ самовара и долго потомъ мѣшалъ обратнымъ концомъ ручки.

— Теперь годится, воскликнулъ онъ и, вытеревъ ручку о полу кафтана, подалъ ее Маркеллу.

— Вы — Эдиссонъ, дьяче.

Съ печатью тоже вышла задержка: не могли найти краски или сургуча. Ихъ удачно замѣнили воскомъ со свѣчи.

— Ну, слава Богу, — съ искреннимъ облегченіемъ проговорилъ Маркелль, когда метрика была готова.

За дьячкомъ къ о. Маркеллу пришелъ прихожанинъ. Низко кланаясь, онъ убѣдительно просилъ похоронить его умершаго ребенка рано утромъ, чтобы не пропалъ рабочий день. Маркелль говорилъ съ нимъ ласково, но твердо.

— Не могу, голубчикъ, завтра, рано утромъ, я выѣзжаю въ поле; самъ знаешь, сколько у меня тамъ народу работаетъ, а вотъ въ обѣденную пору сдѣлаю, что тебѣ нужно.

Мужикъ ушелъ.

— Можетъ быть, Маркелль, ему и въ самомъ дѣлѣ удобнѣе исполнить гребу утромъ?

— Несомнѣнно, только мнѣ это неудобно.

— А недовольства у него на тебя не останется на душѣ?

— Возможно, только трудно устроиться такъ, чтобы всѣмъ было удобно. Я создаю имъ то удобство, что не беру съ нихъ никакой платы, поэтому они и съ моими желаніями считаются.

Вечеромъ мы остались съ пріятелемъ вдвоемъ въ кабинетѣ: здѣсь было свободнѣе и говорить по душѣ никто не мѣшалъ.

— Неуютно у тебя въ кабинетѣ. Маркелль, сказалъ я облядывая комнату.

— А зачѣмъ здѣсь уютъ—тутъ я рѣдко бываю. Лишняя собственно комната. больше для гостей. Столовая, спальня, тѣтская—это я понимаю, нужно, а кабинетъ больше изъ моды и подражательности строилъ. Зачѣмъ онъ мнѣ? Я давно превратилъ-бы его въ хозяйственный складъ, да матушка противится.

— А почитать, подумать гдѣ-же?

— Я этимъ давно не занимаюсь. Видишь, у меня и книгъ совсѣмъ нѣтъ, а что есть—больше хозяйственныя руководства, справочники, каталоги.

— Неужели и газетъ не читаешь?

— Это бываетъ. Великолѣнное это средство отъ бессонницы. У меня правило: пять минутъ почитать передовицу и я засну какъ убитый.

Я не скрывать своего удивленія передъ той духовной переменной, какая совершилась съ моимъ товарищемъ.

— Отчего ты такъ переменился, совсѣмъ другой какой-то сталъ.

— Сельско-хозяйственный—хочешь сказать?.. Это, другъ мой, святая правда. Съ головой зарылся въ землю, въ хозяйство, да такъ, что теперь и не оторвать отъ нихъ...

— И давно?

— Съ первыхъ годовъ службы. Послѣ семинаріи я сразу поступилъ сюда въ Безрадичи. Привезъ я сюда кое-какіе порывы идеальныя, молодую жену и ободраанный чемоданъ, гдѣ все наше семейное состояніе и снаряженіе хранилось. Приходишко—бѣдный, даже квартиры не было; и начался для меня здѣсь настоящій голодъ. Семинарское и бурсацкое житье въ первые годы вродѣ масляницы или праздника вспоминались. Въ церкви дохода—ни гроша, требъ мало и за тѣ платили копейки. Покрестишь за недѣлю младенца, или похоронишь и получишь двугривенный. Землю сдалъ въ аренду; получилъ сотенную, расплатился въ лавочку, женѣ теплое

пальто соорудилъ, да за рясу, сдѣланную къ посвященію долгъ выплатилъ.

Дѣла въ деревнѣ немного—особенно лѣтомъ; по цѣлымъ днямъ, бывало, на скрипкѣ играю, а жена книжку читаетъ, если у добрыхъ людей раздобуду. Смотрю на нее—и тяжело мнѣ дѣлается. Подурнѣла, похудѣла, нервная сдѣбалась; можетъ быть, отъ бездѣлья, а больше, думаю, отъ бѣдности.

— А приходское дѣло, Маркелль, пастырство, дѣлать ты для нихъ что-нибудь въ первые годы?

— Дѣлать. Съ крестьянами сошелся и сблизился. Школа у насъ была на курьихъ ножкахъ—въ ней цѣлые дни проводилъ. Служилъ часто и къ каждому служенію проповѣдь готовилъ...

— Писалъ даже?

— Не только писалъ—печаталъ и по шпѣйкѣ за строчку изъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ получалъ. Съ этой стороны у меня все хорошо шло, только голодъ и бѣдность все порывы охлаждали. До чего дѣло доходило: пріѣдетъ кто-нибудь изъ сосѣдей, а мы съ жепой возьмемъ да и спрячемся: и выйти не въ чемъ и для пріема ничего нѣтъ, а въ душѣ, какъ празднику, радъ бы былъ чужому человѣку.

Изъ крестьянъ особенно сошелся съ однимъ старикомъ. Разумный былъ дѣдъ, и ко мнѣ большую симпатію чувствовалъ. Говорили мы съ нимъ о божественномъ, не обходили вниманіемъ и земного, и во всемъ онъ проявлялъ природный умъ и сметку. Съ мужицкой точки зрѣнія, каждый попъ—богачъ, которому только птичьего молока не хватаетъ, а этотъ старикъ—нѣтъ, вовсе не смотрѣлъ на мое существованіе, какъ на особенно сладкое.

— Хорошій вы человѣкъ, о. Маркелль, душевный, слову Божію хорошо учите, народъ наставляете, служите усердно. Одно только плохо: очень ужъ вы бѣдны, ничего-то у васъ нѣтъ, даже жалко смотрѣть на васъ съ матушкой.

— Что-жъ дѣлать?—Божья воля; можетъ быть, когданибудь и лучше будетъ.

— Оно такъ-то, только и самому надо побольше трудиться, тогда и Богъ поможетъ.

— Что нужно, кажется—я дѣлаю, какъ умѣю. Что-же еще дѣлать, я не знаю.

— Хозяйствомъ бы вамъ заняться; надъ землею потрудиться слѣдуетъ; она, кормилица, добрая, только почетъ любить, и заботу и ласку человѣка чувствуетъ: потрудись надъ ней, погнись, натруженную голову и грудь къ ней приклони, тогда и она поклонится тебѣ золотистымъ колосомъ и достатокъ дастъ.

— Какой изъ меня хозяинъ, я ничего въ хозяйствѣ не знаю и не понимаю.

— Мы, темные люди, говорить, ничему не учились, и то хозяйственное дѣло постигаемъ, а вамъ, ученымъ, трудно ли его понять?... Если бы мнѣ смолodu грамоту дать, я бы во какихъ дѣлѣ наворочалъ...

— Зацѣпляться, говорю, не за что, самаго необходимаго нѣтъ и купить не на что.

— А мужики за что цѣпляются? За руки рабочіе.

Параллельно со мною хозяйственное воздѣйствіе и на матушку шло: то куръ развести, то огородиною заняться, то коровку купить рекомендуетъ мужичокъ, и отъ всего пророчить выгоду и сытость для семьи, и даже небольшія деньги взаимны предлагаетъ. Я вотъ, говорить, по храмовымъ праздникамъ люблю бывать и вижу, что кто изъ батюшекъ хозяйничаетъ, тотъ и достатокъ имѣеть.

Отравилъ мою душу старикъ; оставилъ я скрипку и все чаще сталъ на мѣр Божій смотрѣть не съ эстетической, какъ прежде, а съ коммерческой стороны и вездѣ выгоды искать. Потомъ сталъ и дѣйствовать, обзаводиться хозяйствомъ, небольшія запашки дѣлать, кое-что изъ хозяйственныхъ продуктовъ продавать. Трудно мнѣ было на первыхъ порахъ: работалъ самъ, не покладая рукъ, ходилъ за плугомъ, косилъ, ворочалъ тяжелыми снопами и теперь всякую сельскую работу понимаю и сдѣлаю не хуже любого мужика. Съ же-

ною не стоваривался, какъ то само собою вышло, что и она по моему примѣру стала хозяйствомъ интересоваться. Смотрю — моя бѣлоручка жена раньше меня встанетъ, куръ покормить, корову подоить, за работницами на огородъ присмотреть. Когда у насъ родился первенецъ, на работу она еще ретивѣе стала. Бывало останавливаю: „береги себя, отдохни, съ сынишкой повозись, вредно тебѣ много работать“ —

— Что-ты, говорить, милый, теперь то и нужно трудиться для сына, а за здоровье не бойся, видишь, какъ я, поздоровѣла, когда больше работать стала.

Постепенно у меня въ карманѣ цѣлковые заводились, только я имъ залеживаться не давалъ и опять въ хозяйство возвращалъ. Въ хозяйствѣ я не только достатокъ, но и нѣкоторую красоту нашелъ. Есть, знаешь, своя поэзія во всякомъ трудѣ, особенно, когда ему удача сопутствуетъ.

— Чѣмъ же ты собственно занимаешься, Маркелль, какую отрасль въ хозяйствѣ больше любишь и чѣмъ больше увлекаешься?

— Да чѣмъ угодно, — спроси только. Основа, конечно, полевое хозяйство, и возлѣ него птицеводство, скотоводство, молочное хозяйство и всякая иная коммерція. Продаю хлѣбъ, рогатый скотъ: жена свиней откармливаетъ, масло, птицу, пухъ и перья въ городъ доставляетъ. Городъ, спасибо ему, за все чистенькими денежками, безъ особаго торга, платитъ. Масло наше даже славится. Думаю сыроварню устроить...

— Гдѣ ты для всѣхъ этихъ предпріятій землю берешь? Для твоего хозяйства цѣлое помѣстье нужно...

— Началъ я работать на церковной землѣ, а когда разжился и тѣсно стало, арендаторомъ сдѣлался.

— Ты американецъ настоящій.

— Далекое намъ до нихъ. Американцы даже въ западныхъ Безрадицахъ золото лопатой-бы гребли. Развѣ позволили бы американцы, чтобы добрая половина сельско-хозяйственного заработка въ руки посредниковъ, скупщиковъ и кулаковъ переходила. А сколько еще есть на Руси богатствъ,

до которыхъ мы рукъ не умѣемъ приложить. Есть у насъ въ деревнѣ прудъ большой. Сейчасъ въ немъ не то рыба, лягушки новыдохли, а почисть его да присмотри, тысячи рыбой можно выручить. Говорю мужикамъ: „зачѣмъ навозъ и всякій соръ въ прудъ валите“?.. А куда же, отвѣчаютъ, его лѣвать. Безъ гати намъ невозможно, нужно, чтобы гать была. Лѣнь, видишь, лишнихъ полъчаса прудъ объѣхать, и губять такой чудный даръ Божій, какъ прудъ, а поля безъ всякаго удобрения, оставляютъ. Есть у насъ болота большія—втунѣ остаются, а подренируй ихъ, получится великолѣпный сѣнокосъ. Думаю, что и торфъ у насъ добывать можно; ожидаю изъ Петербурга отвѣта по этому вопросу: пошлешь пробу на изслѣдованіе.

— А скажи откровенно, Маркелъ, много ты денегъ наковаль?

— Копѣйка про черный день водится, и въ хозяйствѣ кое-какой грошъ ворочается, — инвентарь не малыхъ денегъ стоитъ. На этомъ я еще не думаю останавливаться.

— По лѣтамъ и кудрямъ не старикъ еще я.

Много думъ въ головѣ, много въ сердцѣ огня...

— Что ты, другъ мой, неужели такъ къ деньгамъ пристрастился, что въ стихахъ о нихъ говоришь.

— Представь, особеннаго пристрастія къ деньгамъ у меня нѣтъ. Видишь, я и домъ большой устроилъ, обстановку завелъ, съ людьми хлѣбъ соль теперь вожу. Хозяйствомъ увлекаюсь, порою до азарта. Деньги цѣню потому, что они человека свободнымъ и независимымъ дѣлаютъ. Скажи откровенно, есть-ли приниженіе и безправіе сословіе, чѣмъ наше? Начиная отъ мужика самаго завалащаго и до консисторскаго крючка, — не говоря уже о персонахъ высшаго ранга, — всякій вправѣ нами командовать, приказывать, требовать, только мы ни на что правъ не имѣемъ, даже просить. Попробуй я попросить у мужика двугривенный за свой трудъ, да узнай объ этомъ консисторія, будишь долго помнить... А теперь я,

по крайней мѣрѣ, въ кускѣ хлѣба отъ крестьянъ не завишу и передъ начальствомъ не гну выю.

— Ты, Маркелъ, новое рѣшеніе вопроса о содержаніи духовенства даешь.

— Совсѣмъ не новое. Большинство изъ насъ отъ земли и хозяйства питается, только не всѣ удачливы, какъ я не доводятъ дѣло до конца—на серединѣ останавливаются: и въ землѣ роются, и отъ мужицкой копѣйки не отказываются.

— Какъ, Маркелъ, люди, приехавше къ твоимъ коммерческимъ предпріятіямъ относятся?

— Разно. Иные не одобряютъ. Мужики, по дурости, а, можетъ быть, изъ зависти, даже по начальству жаловались, особенно послѣ того, какъ я въ гору сталъ расти. Приходскую жалобу и благочинный поддержалъ, интересный типикъ изъ шестуновъ: большой любитель губернскихъ переднихъ и приемныхъ. Самъ человѣкъ со средствами, а не можетъ равнодушно слышать, если у собрата два мѣдныхъ пятака въ карманѣ застучало: сейчасъ ему не по себѣ дѣлается и начинаетъ порядокъ наводить: либо переводъ старается дерзкому устроить, либо второй штатъ у него открываетъ. Отъ начальства я отписался, а крестьянамъ хорошую головомойку устроилъ. Созвалъ къ себѣ почтеннѣйшихъ изъ нихъ и спросилъ, чего имъ отъ меня хочется? и за что на меня жалуются?

Резоннаго ничего не сказали. Твердятъ одно: не годится батюшкѣ такимъ хозяйствомъ, какъ у пана, заводитьея и приходъ безъ вниманія оставлять. Не гоже...

— А вотъ, говорю, когда я у васъ нѣсколько лѣтъ голодалъ, оборваннымъ ходилъ, копейки на самое необходимое не имѣлъ, гоже то было или нѣтъ?

— Не гоже, батюшка...

— А, можетъ быть, гоже будетъ намъ такъ устроиться. Я хозяйство совсѣмъ оставлю, а вы отъ міра мнѣ жалованье положите. Примѣрно столько, сколько волостной писарь получаетъ—50 рубликовъ въ мѣсяцъ, да еще дѣтей моихъ въ люди выведете. За Ваньку въ гимназію 340 рублей въ годъ

защелтите, а другіе подростутъ—тѣмъ же порядкомъ воспрянете. Подумайте—можетъ быть такъ хорошо будетъ?

Молчать.

— Что-же, говорю, ничего не надумали? И не придумаете. А лучше намъ жить, какъ жили. Что нужно я дѣлаю, не всегда ваши требованія и капризы исполняю, за то и не беру отъ васъ ничего. Я васъ не обижаю, не беспокойте и вы меня своими доносами.

— Думаю, Маркелъ, что крестьяне отчасти правы были: хотѣли тебѣ на чувство мѣры указать, только не сумѣли свои мысли выразить.

— Чувство мѣры?! Не отъ тебя я это перваго слышу. Даютъ намъ землю не съ тѣмъ, конечно, чтобы ее въ аренду сдавали, а съ тѣмъ, чтобъ хозяйничали, но масштаба и способовъ хозяйства не указываютъ же. — предоставляютъ это дѣло нашему умѣнью и творчеству...

— Ты теперь обезпеченъ, не нуждаешься, вотъ и обратись.

— Не могу... Почти двадцать лѣтъ провозился я въ землѣ, въ хозяйствѣ; что же я безъ нихъ дѣлать буду? Куда время свое дѣну и на какое дѣло себя теперь могу настроить?

— А пастырство, служеніе ближнему—развѣ они не могутъ наполнить жизнь содержаніемъ?

— Могутъ, только для этого я уже подорванъ. Молодого порыва и увлеченія уже у меня не будетъ. Впрочемъ, хозяйство пастырскому дѣлу отчасти и помогаетъ: благодаря ему, я за грѣбы ничего не беру, крестьяне возлѣ меня хорошей заработокъ имѣютъ; гдѣ найду нужнымъ, я имъ и помогаю.

— А все же холодомъ и чиновничествомъ отдаетъ отъ твоего пастырства.

— Въ золотой серединѣ я не хуже другихъ. Большинство изъ насъ кое-какъ хозяйничаетъ; у меня размахъ шире и удача есть. Есть святые души и между нами, только ихъ вездѣ мало.

— Пастырство ты, Маркелъ, не любишь, не лучше ли тебѣ оставить службу?

— Какъ, санъ снять?

— Нѣтъ въ заштатъ уйти и заняться однимъ хозяйствомъ.

— Зачѣмъ? чѣмъ мнѣ служба мѣшаетъ или я ей?.. И не подвижникъ, но служеніе мое даетъ мнѣ минуты святого отдыха отъ труда, зоветъ къ молитвѣ, заставляетъ думать о вѣчности, о небѣ, безъ него можно совсѣмъ оземлениваться... А затѣмъ, оставить службу во ивѣтъ лѣтъ и предъ людьми было бы стыдно: всякій вправѣ сказать: нажился возлѣ храма, а теперь отъ храма бѣжить... Не хорошо...

— Тогда идеализма, святой ревности внеси въ свое пастырство.

— Радъ-бы, только по закону это не дѣлается. Виновать-ли я, что жизнь схватила меня въ тѣжки и пригнула къ землѣ?.. Такъ-то, дружище...

— А какъ твоя скрипка—преуспѣваешь?

— Лѣтъ десять въ руки не бралъ. На чердакъ снесли, можетъ быть изъ дѣтей кто захочетъ учиться... Ну заговорились мы съ тобою—смотри, востокъ алѣетъ. Чего недоговорили, завтра успѣемъ, а теперь почивай съ миромъ. До обѣда съ женой и ребятишками поскучаешь.

— А ты?

— Черезъ часъ выѣду въ полѣ. Тамъ отъ меня косари харчей и распорядка ожидаютъ. Будь здоровъ!

Долго я не могъ заснуть. Въ головѣ все вертѣлся вопросъ о томъ, отчего гаснутъ свѣтильники на нивѣ Божіей и какъ лучше рѣшить вѣковой вопросъ о насущномъ кускѣ хлѣба для пастыря.

Утромъ, подъ шумъ просыпавшейся жизни, мнѣ снился тихій мальчикъ съ задумчивыми глазами, и было грустно на душѣ оттого, что этого мальчика не стало, что жизнь пере-
дѣлала его по своему...

Свящ. В. Пестряковъ.

О чумной эпидеміи.

(Продолженіе ¹⁾).

Какъ же заражается человѣкъ? Оказывается, что чумная зараза можетъ проникать въ человѣка чрезъ всѣ—и наружныя, и внутреннія—поверхности тѣла, попадать въ кровь и быть готовой производить свои разрушительныя дѣйствія. Для дѣйственности ея не требуется, чтобы зараза попала непременно въ дыхательные органы, какъ при заразномъ воспаленіи легкаго, или въ кишечникъ, какъ при холерѣ, и т. п.; чумою человѣкъ можетъ заразиться и черезъ кожу, и слизистую оболочку дыхательныхъ органовъ и пищеварительныхъ органовъ; благопріятно для прониканія заразы въ тѣло, если покровы—кожный или внутреннихъ органовъ—ослаблены, измѣнены болѣзнію, повреждены механически; напримеръ, если въ нихъ имѣются ссадины, трещины, язвы, чирьи, пораненія: или они стали рыхлы, дряблы, истощены отъ болѣзни; благопріятно для прониканія и развитія заразы въ тѣлѣ, если слабы и нездоровы дыхательные и пищеварительные органы. Тотъ или другой путь поступленія заразы въ тѣло имѣетъ вліяніе на образованіе той или другой формы чумы; такъ, при зараженіи черезъ кожу (укусомъ или инымъ раненіемъ) развивается бубонная чума; зараженіе чрезъ дыханіе производитъ легочную чуму.

Вліяніе времени года на возникновеніе чумныхъ заболеванийъ точно не опредѣляется. Въ Россіи чумныя заболевания чаще начинались съ осени; осень есть время вообще неблагоприятныхъ для здоровья климатическихъ вліяній, ослабляющихъ человѣка: люди часто простуживаются, стараются проводить время больше въ жилищахъ; въ скученныхъ жилищахъ образуется духота и скопляется загрязненіе, особенно

¹⁾ См. № 18 за 1911 г.

при маломъ пользованіи вентиляціей въ ненастную погоду. Съ другой стороны, изнуряющая лѣтняя жара сопровождается усиленіемъ эпидеміи; а при наступленіи рѣзкихъ зимнихъ холодовъ появляются условія, способствующія образованію легочной формы чумы.

Что представляетъ собою возбудитель или зараза чумы? Это есть очень микроскопическое живое существо, имѣющее удлиненную овальную форму, съ закругленными и темноокрашенными концами и съ болѣе свѣтлою серединою. Такую чумную палочку (бациллу) находятъ у больныхъ чумою во всемъ тѣлѣ и его выдѣленіяхъ. Жизнеспособность чумныхъ бациллъ очень устойчива: будучи высушены въ печкѣ или на солнцѣ и затѣмъ спустя 28 дней будучи посяяны въ бульонѣ, бациллы ожили; бациллы находили живыми: въ мерзлой землѣ въ продолженіи 3 мѣсяцевъ, въ трупѣ чумнаго при 0 температуры въ продолженіи 30 дней въ водѣ въ теченіи 47 дней, въ мукѣ и пшеницѣ спустя 13 дней по прибытіи изъ зачумленной мѣстности, въ сухомъ шелкѣ и шерсти спустя 6 дней по прибытіи изъ зачумленной мѣстности. Попадъ въ благоприятную для себя почву, напримѣръ, въ тѣло человѣка, чумныя бациллы способны изъ небольшого количества и въ короткое время размножиться до безчисленнаго множества.

Какъ проявляется чумное заболѣваніе у человѣка? Разстройство въ здоровьи наступаетъ не тотчасъ послѣ зараженія; проходитъ нѣкоторое время, потребное для укрѣпленія и развитія въ тѣлѣ поступившей заразы и для производства разстройствъ въ немъ; время это въ зависимости отъ количества и силы поступившей заразы, а также отъ способности организма къ самозащитѣ и противустоянію дѣйствию заразы, не всегда одинаково и колеблется обыкновенно отъ 2 до 7 дней: въ особо тяжкихъ случаяхъ время скрытаго зараженія укорачивается до нѣсколькихъ часовъ (скоротечная форма чумы).

Начало заболѣванія проявляется головокруженіемъ, головною болью, общою разбитостію и слабостію настолью.

что человек не может держаться на ногах; появляются боли в спинѣ, особенно в поясницѣ; развивается жаръ в тѣлѣ (около 39°), иногда бывает ознобъ, рвота; головная боль и безсиліе все увеличиваются, такъ что больной не оставляетъ постели и лежитъ пластомъ, безучастный, какъ бы оглушенный: но сознание не теряется; глаза открыты, безъ выраженія, мутны, нерѣдко налиты кровью. В течение первыхъ дней болѣзни появляются у больныхъ въ паховыхъ сгибахъ, подъ мышками или подъ челюстями плотныя болѣзненные опухоли—*бубоны*, доходящія до величины большого кулака иногда, это—распухшія переполненные кровью, сукровичною жидкостью и массою чумныхъ бактерий лимфатическія железы; при дѣльнѣйшемъ теченіи болѣзни бубоны, въ лучшемъ случаѣ, рассасываются и исчезаютъ, но большею частію нагнаиваются, вскрываются и вытекаютъ, а въ худшихъ случаяхъ—увеличиваются и остаются въ затвердѣломъ состояніи надолго даже и при выздоровленіи больного. Въ болѣе тяжелыхъ заболѣваніяхъ на кожѣ больного появляются синія пятна, переходящія въ пузыри, съ гноевиднымъ содержимымъ подъ синей кожей, располагающіяся на затвердѣломъ основаніи; пузырь нѣкоторое время увеличивается, доходя иногда до величины ладони, и наконецъ лопается; по истеченіи содержимаго оказывается черное, какъ бы сожженное, затвердѣлое дно пузыря; почему такія разстройства въ кожѣ названы *карбункулами*. Со стороны дыханія, сидѣнія замѣчается нѣкоторое учащеніе, но безъ особыхъ разстройствъ и тягостныхъ ощущеній; со стороны живота нерѣдко бываетъ запоръ; мочи выдѣляется мало и моча уже скоро выдѣляется съ бѣлкомъ; больной испытываетъ большую жажду, хотя по причинѣ отупѣлости и слабости не высказываетъ на это жалобы. В теченіи нѣсколькихъ дней состояніе больного представляетъ колебанія въ сторону улучшенія или ухудшенія. Если наступаетъ у больного размягченіе бубоновъ и карбункуловъ и выдѣленіе изъ нихъ гноевидной жидкости, если появляется у больного испарина или обильный потъ, если благодѣ-

тельный сонъ и питаніе поддерживаютъ силы больного, если подавленная, отупѣлая мозговая сфера нѣсколько оживляется и жаръ въ тѣлѣ уменьшается, то наступаетъ склонность къ выздоровленію, которое въ теченіи недѣль 2—6 и совершается. Если у больного жаръ увеличивается (до 41°) и держится постоянно на большой высотѣ, если сознаніе и чувствительность не проясняются и подавленность не уменьшается, если сонъ у больного плохой, если дѣятельность сердца и дыханіе чрезмерно учащаются и слабѣютъ, особенно если появляется поносъ, если бубоны не вскрываются, а увеличиваются и очень болятъ, если увеличивается также и посинѣніе кожи, то наступаетъ смерть въ концѣ недѣли или немного позже. Синева тѣла у умершихъ выступаетъ рѣзче, переходя въ черный цвѣтъ; оттого народъ и назвалъ чумную эпидемію *черной смертью*. При склонности чумного заблѣванія къ смертельному исходу состояніе больныхъ бываетъ тяжелое: больные находятся большею частію въ сонливомъ состояніи и въ бреду, но не спятъ; взглядъ и слухъ тупѣютъ; сознаніе помрачается; иногда же угнетѣніе и отупѣлость смѣняются безпокойствомъ, тоскливостью, больные сползаютъ на полъ, сбрасываютъ съ себя одежду или одѣяло съ сосѣдей, дрожать, испытывая холодъ, несмотря на большой жаръ въ тѣлѣ; въ такомъ состояніи смерть наступаетъ иногда мгновенно и неожиданно.

Такова картина бубонной чумы. Еще тяжелѣе и опаснѣе легочная форма чумы, отличающаяся тѣмъ, что при чумномъ заблѣваніи рано (на 1—2 день) развивается пораженіе легкихъ. Больные жалуются на боль и стѣсненіе въ груди и трудность дыханія; появляется *кровохарканье*; иногда кровь выдѣляется въ мочѣ и въ калѣ; расстройства нервно-мозговой сферы и внутреннихъ органовъ, а также общее безсиліе достигаютъ рѣзкой степени и черезъ 2—3 дня (обыкновенно) наступаетъ смерть. Тяжесть разстройствъ въ организмѣ и скорое наступленіе смерти объясняется тѣмъ, что при этой формѣ заблѣванія, когда уже вначалѣ зараза поступила и размножилась во внутреннихъ органахъ, приходится раннее и быстрое

пораженіе внутреннихъ органовъ съ усиленнымъ отравленіемъ
крови чумнымъ ядомъ: это ведетъ и къ выдѣленію крови
кашлемъ, мочеиспусканіемъ и испражненіемъ

Преподават. врачъ *Городенкій*.
(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Древній колоколъ.

Газеты сообщаютъ (напр. „Кіевлянинъ“ за 12 марта 1911 г., № 71, въ отд. „Внутр. извѣстія“), что въ с. Каменкѣ, Нижегородской губ., доселѣ сохраняется колоколъ, отлитый, какъ свидѣтельствуемъ надпись на колоколѣ, въ 1003 году. Такимъ, образомъ, колоколъ является чуть не современникомъ крещенія Руси (988 г.)!

Судя по надписи на колоколѣ, сдѣланной на латинскомъ языкѣ, первая слова которой въ русскомъ переводѣ: „Радуйся, Марія, звѣзда Божія, мать, питательница, приснодѣва“..., колоколъ отлитъ не въ Россіи, а за границей. Вѣсъ колокола—около 5 пудовъ. Цвѣтъ колокола—темный. По преданію, колоколъ попалъ въ Каменку изъ какого-то разрушеннаго монастыря въ Васильковскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи.

Сообщеніе о древнемъ колоколѣ въ с. Каменкѣ даетъ намъ основаніе предложить вниманію читателей „Р. д. с. п.“ нѣкоторыя свѣдѣнія вообще о древнихъ колоколахъ въ Россіи. По изслѣдованію археологовъ, мы обязаны знакомствомъ съ колоколами нѣмцамъ. Самое слово „колоколъ“ есть измѣненное нѣмецкое слово Glocke въ древней его формѣ Cloucke. Е. Е. Голубинскій указываетъ первое письменное свидѣтельство о колоколахъ въ Новгородской I лѣтописи, гдѣ, подъ 1066 годомъ, читается: „Приде Всеволодъ (Полоцкій) и взя Новгородъ съ женами и съ дѣтьми, и колоколы съима у святыи Софіи“. Приводя эти строки, Голубинскій (И. Р. Ц. т. I, вторая полов. М. 1904, с. 152) говоритъ, что изъ случайнаго упоминанія о колоколахъ въ Новгородской I лѣтописи вовсе не слѣдуетъ, что колокола появились въ 1066 г. или только нѣсколько ранѣе этого года. Справедливость разсужденія Голубинскаго вполне подтверждается теперь колоколомъ въ с. Каменкѣ, появившемся на свѣтъ въ 1003 г., какъ этимъ же колоколомъ, отлитымъ за границей на Западѣ,

подтверждается и то, что Русская церковь получила первый колоколь не изъ Византіи, гдѣ колокола не пользовались симпатіей до времени занятія Константинополя крестоносцами (1204 г.), а съ запада, отъ нѣмцевъ. Древніе русскіе колокола были небольшіе. При раскопкахъ въ 1838 г., возлѣ нынѣшней Десятинной Церкви въ Кіевѣ найдены были въ землѣ два древнихъ, современныхъ, пожалуй древней Десятинной церкви, колокола: одинъ Коринтской мѣди, хорошо сохранившійся (у него отпала только дужка, къ которой прикрѣпляется языкъ), размѣромъ въ высоту на 9 вершковъ, въ нижнемъ поперечникѣ на 10, а въ верхнемъ на 7 вершковъ, при толщинѣ стѣнокъ въ $\frac{5}{8}$ вершка и въ высотѣ ушей въ 3 вершка, имѣетъ вѣсу 2 пуда и 10 фунтовъ; другой колоколь—разбитъ, но по уцѣлѣвшей нижней части и ушамъ, можно признать, что размѣры и вѣсъ этого колокола были почти тѣ же, что и перваго. Ни надписей, ни изображеній на колоколахъ нѣтъ (см. *Н. Закревскаго* „Описаніе Кіева“, т. I, М. 1868 г., с. 289). Въ сравненіи съ этими колоколами, колоколь с. Каменки долженъ быть признанъ уже большимъ, а это заставляетъ предполагать, что онъ принадлежалъ ранѣе какому-то большому храму, вѣроятно всего, храму изъ числа построенныхъ въ XI—XII в. въ Кіевѣ, если вѣрно, что колоколь попалъ въ с. Каменку съ юга. Что касается до неизвѣстнаго монастыря въ Васильковскомъ уѣздѣ, то туда колоколь могъ попасть изъ Кіева, по разрушеніи того храма, въ которомъ онъ раньше былъ. А изъ Васильковского монастыря, тоже послѣ разрушенія монастыря, могъ какимъ нибудь счастливымъ случаемъ попасть и въ с. Каменку.

Лѣтописныя свидѣтельства позволяютъ думать, что въ Кіевѣ въ домонгольскій періодъ было и собственное литье колоколовъ, но опять таки—литье небольшихъ колоколовъ (Голубинскій, *op. cit.*, с. 153, примѣч. 2). Большіе колокола появились въ Новгородѣ съ первой половины XVI в. Въ 1530 г. былъ отлитъ тамъ для Софіи колоколь въ 250 пудовъ, и лѣтопись по этому поводу говорить: колоколь „(бысть) вельми великъ яко таковаго величествомъ не бывало въ Великомъ Новгородѣ и во всей Новгородской области, яко страшной трубѣ гласящи“. Колокола въ тысячу пудовъ стали отливаться въ Москвѣ со временъ великаго князя Василія Ивановича († 1533 г.).

Н. П—въ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 25-го апрѣля 1911 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Авд. Обл. Печат. Н. Т. Берчакъ-Новицкаго Маринск. ул. 1. № 6.

ГОДЪ

III.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 19

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года мая 8-го дня.

Содержаніе: I. Одинъ изъ видовъ дѣятельности жены сельскаго священника на пользу народа. Н. П.—въ.—II. Прошлое и настоящее христіанской благотворительности. Н. Колосовъ.—III. Тревога. Свящ. В. Пестряковъ.—IV. О чумной эпидеміи. (Продолженіе). Превод. врачъ Городецкій.

Одинъ изъ видовъ дѣятельности жены сельскаго священника на пользу народа.

Въ № 13 Орловскихъ Епарх. Вѣдомостей за текущій годъ сообщаются интересныя свѣдѣнія о дѣятельности жены священника с. Дмитровскаго, — оно же Телепнево, — Мценскаго у., Орловской губ., А. П. Ключаревой по части такъ называемаго „ручнаго труда“.

Ручной трудъ, — иначе кустарное производство разнаго рода вышивокъ, тканей, деревянныхъ, глинянныхъ и металлическихъ вещицъ и т. п., все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе лицъ, озабоченныхъ улучшеніемъ внѣшней,

матеріальной стороны быта нашихъ крестьянъ. Признають, и совершенно справедливо, — что развитіе въ средѣ сельскаго населенія обоюго пола охоты къ ручному труду, равно какъ и надлежащая постановка этого дѣла, должны сопровождаться самыми благопріятными результатами и въ отношеніи качественнаго усовершенствованія продуктовъ ручнаго труда, и еще въ томъ отношеніи, что прочно поставленное кустарное производство явится немаловажнымъ подспорьемъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Въ столичныхъ и нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ Россіи (напр. въ Кіевѣ, Полтавѣ) уже образовались общества, поставляющія своею задачею содѣйствовать успѣху кустарнаго производства, открылись и склады—магазины для пріема отъ крестьянъ кустарныхъ издѣлій и для продажи ихъ публикѣ. Магазины идутъ весьма хорошо, и съ каждымъ годомъ обороты ихъ увеличиваются. Русская публика съ большимъ сочувствіемъ относится къ крестьянскимъ издѣліямъ и бойко ихъ раскупаетъ. Да, судя по нѣкоторымъ наблюденіямъ (сдѣланнымъ напр., въ Москвѣ), скоро, кажется, и за-граница протянетъ руки къ оригинальнымъ вышивкамъ, тканямъ и мережкамъ великорусскимъ и малорусскихъ крестьянокъ. Но принимая и распродавая крестьянскія рукодѣлія, кустарныя общества заботятся не объ одномъ лишь сбытѣ кустарныхъ издѣлій. Они стараются еще поднять качество и достоинство издѣлій. Особые инструкторши командируются иногда въ села, гдѣ жители занимаются кустарнымъ производствомъ, и эти инструкторши даютъ на мѣстахъ необходимые совѣты и указанія, какъ лучше дѣлать ту, или другую вещь. Иногда инструкторши занимаются при самыхъ складахъ—магазинахъ подборомъ узоровъ и заготовкою сырого матеріала, а пріѣзжающія изъ деревень крестьянки получаютъ все это и у себя дома вырабатываютъ. Ѣхать въ городъ, однако, не всегда бываетъ удобно. Поэтому общества поощряющія кустарное производство, стараются отърывать по селамъ „трудовые пункты“, гдѣ женщины и дѣвушки могли бы получить

матеріалъ для работы, знакомиться съ рисунками, съ подборомъ тканей и цвѣтовъ, а также и получать плату за трудъ¹⁾.

Однимъ изъ такихъ „трудовыхъ пунктовъ“ и является въ Орловской губерніи с. Дмитровское, оно же—Телепнево, гдѣ успѣшно, въ теченіе уже семи лѣтъ, работаетъ А. П. Ключарева, жена мѣстнаго священника. Каждый день, какъ рассказываетъ корреспондентъ Орловскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, она принимаетъ у себя по 100—150 человѣкъ женщинъ и дѣвушекъ, приходящихъ за работой и за расчетомъ. Работа кипитъ въ Дмитровскомъ и въ окружающихъ селахъ. Насчитывается до тысячи поставщицъ въ этомъ „трудовомъ пунктѣ“. Крестьянское населеніе замѣтно богатѣетъ. И неудивительно, разъ каждая хорошая работница можетъ заработать въ годъ отъ 50 до 70 рублей.

Дмитровскій трудовой пунктъ работаетъ на центральный магазинъ „Общества помощи ручному труду“ въ С.-Петербургѣ, и насколько высоко цѣнить „Общество“ дѣятельность руководительницы этого пункта—матушки Ключаревой, о томъ лучше всего свидѣтельствуется слѣдующій документъ—аттестатъ, присланный А. П. Ключаревой изъ Общества отъ 2 марта сего года: „Милостивая Государыня, Александра Петровна! Ввѣренный Вамъ трудовой пунктъ успѣшно и широко развивается. Получаемыя изъ Вашего пункта работы, все болѣе и болѣе усовершенствуются, отличаются изящнымъ исполненіемъ и показываютъ, что Вы не только раздаете работу, но неустаннымъ и добросовѣстнымъ наблюденіемъ умѣете требовать тщательнаго исполненія ея.

Такимъ отношеніемъ къ дѣлу Вы содѣйствуете достиженію цѣли Общества: оказать помощь крестьянамъ, развивая ихъ способность къ ручному труду.

¹⁾ Въ Кіевской, напр., губерніи пункты такого рода есть въ каждомъ уѣздѣ и, иногда, по нѣскольку на уѣздѣ. См. „Годовой отчетъ Кіевского Кустарнаго Общества, съ 1 января 1910 г. по 1 января 1911 г.“. Кіевъ, 1911 г., с. 4—5.

Правленіе Общества помощи ручному труду постановило выразить Вамъ, Милостивая Государыня, благодарность за всѣ Ваши труды въ дѣлѣ развитія пункта и вмѣстѣ съ тѣмъ пожелать Вамъ дальнѣйшаго успѣха въ Вашей плодотворной дѣятельности“.

Мѣстное крестьянское населеніе просто боготворить А. П. Ключареву и не иначе называетъ ее, какъ „матушка-кормилица“... Н. П.—вѣ.

Прошлое и настоящее христіанской благотворительности.

Христіанство явилось, какъ религія, совершенно новая по отношенію ко всѣмъ, когда либо существовавшимъ, религіямъ, не потому лишь, что оно возвѣстило новыя истины, провозгласило новыя принципы міропониманія и жизни, но и потому, что старымъ формамъ оно сообщило совершенно новый духъ, до неузнаваемости обновившій лицо земли.

Если это совершенно справедливо вообще, то на нѣкоторыхъ сторонахъ христіанской жизни, между прочимъ, — на благотворительности, это выступаетъ съ особенной вынуклостью.

Благотворительность, какъ извѣстная форма взаимныхъ человѣческихъ отношеній, какъ одинъ изъ типовъ борьбы съ экономическимъ неравенствомъ, существовала съ древнѣйшихъ временъ, была вѣдома языческому міру и ко времена римскихъ императоровъ достигла въ своемъ развитіи широкихъ размѣровъ.

— Хлѣба и зрѣлищъ! — кричала римская голытьба въ моменты торжественныхъ событій въ жизни мірового города: праздниковъ, триумфовъ полководцевъ, восшествія на престолъ новыхъ цезарей и т. д. И хотя въ этомъ крикѣ звучали ноты требованія, но это было требованіе, собственно, не заслуженнаго по праву, а установленнаго традиціей благотворительности. И въ отвѣтъ на многоголосое „хлѣба и зрѣлищъ“

римскіе повелители умѣли благотворить именно по-цесарски. Десятками тысячъ пудовъ нужно было измѣрять хлѣбъ, какой отпускаясь голодной черни; тысячами головъ считался убиваемый для нея скотъ. Самая продолжительность народныхъ праздниковъ, гдѣ проявлялась щедрость древнихъ властителей, исчислялась десятками дней, иногда же—нѣсколькими мѣсяцами: такъ, послѣдніе изъ римскихъ императоровъ, напр., Августъ, Тиверій, Титъ, устраивали для народа праздники, продолжавшіеся сто и болѣе дней подрядъ ¹⁾.

Но насколько язычество было мало одухотворено въ самомъ существѣ своемъ, настолько чувственный, разнузданный и чисто-практическій характеръ носила и вся языческая благотворительность. Язычникъ благотворить лишь для того, чтобы жертвой своей заставить замолчать чужое горе и чужую нужду, которые крикомъ своимъ и жалкимъ своимъ видомъ раздражаютъ его зрѣніе, слухъ и мѣшаютъ ему наслаждаться благами жизни, уживаться ея красотами и безмятежно работать въ сферѣ то чистаго искусства, то отвлеченной философіи и т. под.

Если же и были у язычника какіе либо болѣе высокіе мотивы благотворительности, то развѣ боязнь передъ рекомъ, который, по мысли древняго язычника, былъ завистливъ къ человѣческому счастью. Въ извѣстной поэтической фантазіи Шиллера ²⁾, точно отображающей языческій духъ, олимпійскій правитель говорить другому:

Судьба и въ милостяхъ мздоимецъ.
 Какой, какой ея любимецъ
 Свой вѣкъ небѣдственно кончалъ?
 Когда жъ въ несчастьѣ рокъ откажетъ,
 Исполни то, что другъ твой скажетъ:
Ты призови несчастье самъ.

¹⁾ Фр. Паульсенъ. „Основы этики“. Вып. I, стр. 106—107. М. 1906 г.

²⁾ „Поликратовъ перстень“.

Твои сокровища несмѣтны,
 Изъ нихъ скорѣй, какъ даръ заветный,
 Отдай любимое богамъ.

Нужно дѣлиться съ другимъ своимъ достояніемъ, счастьемъ своимъ, потому что, если не будешь дѣлиться добровольно, то на твое счастье предъявятъ права если не люди, то сами боги.

Таково отношеніе къ благотворительности древняго язычника. Гораздо болѣе высокимъ и благороднымъ характеромъ была запечатлѣна благотворительность у евреевъ. Еврей благотворилъ потому, что обладателемъ всѣхъ земныхъ благъ считалъ Единого Бога, потому, что благотворительность была заповѣдана для него Господней волей, потому, что въ каждомъ правовѣрномъ, каково бы ни было его экономическое состояніе, онъ признавалъ человѣческое достоинство. Поэтому еврейская благотворительность въ значительной мѣрѣ была чужда себялюбивыхъ побужденій и выражалась не въ видѣ капризныхъ и самодовольныхъ подачекъ язычника, а въ видѣ опредѣленныхъ, строго упорядоченныхъ установленій. Черезъ каждыя семь лѣтъ евреи отпускали на волю рабовъ, кредиторы прощали долги своимъ должникамъ, черезъ каждыя 50 лѣтъ проданныя наследственные владѣнія возвращали безъ вознагражденія ихъ первоначальнымъ владѣльцамъ и т. под. ¹⁾.

Иногда же еврейская благотворительность принимала до трогательности нѣжныя черты. „Когда будешь жать жатву на землю твоею,—говоритъ ветхій законъ,—не дожинай до края поля твоего и оставшагося отъ жатвы твоей не подбирай: оставь это бѣдному ²⁾“. Однако и еврейская благотворительность была слишкомъ далека отъ идеальныхъ нравственныхъ нормъ. Въ ветхомъ заветѣ узаконялось благотворить человѣку доброму и благочестивому, всякій же нуж-

¹⁾ Лев. XXV, 1—23; ср. Исх. XXI, 2; Втор. XV, 2—11.

²⁾ Лев. XIX, 9—10; XXIII, 22; ср. Втор. XXIII, 24—25.

дающійся, не удовлетворившій этимъ условіямъ, обрекался на нищету. *Не помогай грѣшнику*,—поучаетъ древній мудрецъ,—...*затирай отъ него хлѣбъ и не давай ему*¹⁾. Далѣе: еврей могъ благотворить еврею, но всякій человѣкъ не еврейскаго происхожденія былъ для него не болѣе, какъ капля, упавшая изъ переполненнаго сосуда, и благотворить ему было грѣшно. Наконецъ, исполняя въ дѣлахъ благотворительности изложенную въ законѣ Божію волю, еврей сознаниемъ своимъ и своимъ сердцемъ далеко отстоялъ отъ этихъ дѣлъ, ибо весь законъ былъ для него лишь книгою виѣшнихъ, хотя и Божескихъ, установленій. Отсюда—холодность еврея въ его благотворительности, отсюда механическій ея характеръ.

Только съ появленіемъ христіанства благотворительность получаетъ высшій смыслъ и утверждается на основахъ высшаго духовнаго порядка.

Для христіанина основнымъ побужденіемъ его въ помощи ближнему, какъ во всей его нравственной жизни, является властный и всепобѣждающій примѣръ Всемиловитаго Спаса Іисуса, Который всюду несъ съ Собою безграничную любовь и нѣжную ласку, Который всегда былъ Помощникомъ и Покровителемъ всѣхъ голодныхъ и холодныхъ, сырыхъ и безпріютныхъ, всѣхъ труждающихся и обремененныхъ. Христосъ былъ другомъ всѣхъ обездоленныхъ, всѣхъ нищихъ. Ради нихъ Онъ дважды совершилъ чудо преломленія хлѣба, ради нихъ возвѣстилъ блаженство и помилованіе всѣмъ *милостивымъ*, ради нихъ училъ богатыхъ по мѣрѣ силъ дѣлиться своимъ богатствомъ съ бѣдными, ради нихъ даже на послѣднемъ судѣ Своемъ обѣщаль наградить или осудить Своихъ послѣдователей, въ зависимости отъ того, накормили ли они алчущаго, напоили ли жаждущаго, одѣли ли нагого... Свѣтлый и обаятельный образъ Христовъ неотразимо побуждаетъ истиннаго христіанина слѣдовать въ отношеніи къ своимъ ближнимъ по стопамъ Спасителя. Если Онъ, Спаси-

¹⁾ Іис. Сир. XII, 4—7.

тель, любилъ немущаго, скорбѣлъ о немъ и завѣщаль о немъ заботиться, какъ о братѣ, какъ равноправномъ съ ними наслѣдникѣ вѣчныхъ благъ, то какъ же преданный Спасителю христіанинъ, имѣя тотъ или другой матеріальный недостатокъ, можетъ положить въ протянутую руку бѣдняка, вмѣсто хлѣба, камень? Имѣя въ своемъ источникѣ свободную и безпредѣльную любовь ко Христу и къ человѣку, ради котораго Самъ Христосъ претерпѣлъ муки на Голгофскомъ крестѣ, христіанская любовь и въ формахъ своего выраженія не поддается какой либо юридической регламентаціи. Въ согласіи съ ученіемъ Христовымъ, христіанство идеаломъ своимъ имѣетъ благотворить такъ, чтобы одна рука не знала что дѣлаетъ другая, чтобы въ размѣрахъ помощи ближнему не ставить для себя какихъ либо ограниченій, ненавидящему помогать такъ же, какъ и любящему, и быть милосерднымъ самаритяниномъ по отношенію къ первому попавшемуся нуждающемуся, кто бы онъ ни былъ по своему званію, положенію по національности.

Первыми наиболѣе вдохновенными подражателями Христу въ дѣлѣ служенія ближнему были Его апостолы. Они въ пламенномъ словѣ проповѣдывали благотворительность, они не разъ принимали личное участіе въ организаціи благотворительнаго дѣла среди первыхъ христіанъ, въ разныхъ концахъ міра они собирали для бѣднѣйшихъ изъ нихъ подаванія и всѣми этими своими заботами довели первенствующую Церковь до идеальнаго экономическаго состоянія. „Книга Дѣяній Апостольскихъ“, чудесно сохранившая на себѣ отблескъ первыхъ лучезарныхъ дней церковной исторіи, даетъ такую картину взаимныхъ отношеній христіанъ апостольскаго времени: „всѣ вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее, и продавали имѣнія и всякую собственность, и раздѣляли всѣмъ, смотря по нуждѣ каждаго... У множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее... Не было между ними никого нуждающагося, ибо всѣ, которые владѣли зем-

лями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ; и каждому давалсь, въ чемъ кто имѣлъ нужду" ¹⁾.

Въ христіанскихъ своихъ основахъ и въ христіанскихъ формахъ благотворительность усердно поддерживалась и всѣми позднѣйшими выдающимися представителями христіанства, христіанскими писателями, проповѣдниками, святителями. Особенно ревностными апологетами христіанской благотворительности были: св. Іустинъ мученикъ ²⁾, Тертуліанъ ³⁾, св. Кипріанъ Карфагенскій ⁴⁾, Василій Великій ⁵⁾, Григорій Богословъ ⁶⁾, Григорій Нисскій ⁷⁾, но еще болѣе славный церковный витія Іоаннъ Златоустъ. Этотъ св. отецъ такъ высоко цѣнилъ благо милостыни, что училъ считать ее не за расходъ, а за приходъ, ⁸⁾ а бѣдныхъ и обездоленныхъ любилъ такъ, что, съ цѣлью привлечь къ нимъ расположеніе богатыхъ, не разъ представлялъ въ своихъ проповѣдяхъ, что Христосъ не только страдалъ, живя на землѣ, и умеръ на крестѣ, но послѣ этого сталъ еще нищимъ, странникомъ, безпріютнымъ, нагимъ, больнымъ, ходить по землѣ и, обращаясь къ людямъ, говорить: „если вы не воздаете Мнѣ за то, что я страдалъ за васъ, то сжальтесь надо Мной ради нищеты, троньтесь Моей болѣзнью“ ⁹⁾...

Будучи провозглашена всѣми лучшими умами христіанства, благотворительность во всѣ времена существованія

¹⁾ Дѣян. II, 44—46; IV, 32—35.

²⁾ Смолр., напр., его „Первую апологію“.

³⁾ См. его „Апологію“.

⁴⁾ Книга о благотвореніи и милостынѣ.

⁵⁾ „Бесѣда о милости и судѣ“; „Бесѣда къ обогащающимся“; „Бесѣда во время голода и засухи“; „О любостыжательности“ и друг.

⁶⁾ Напр. „Слово о любви къ бѣднымъ“.

⁷⁾ Слово о нищелюбіи.

⁸⁾ Бесѣда 8 „противъ аномеевъ“.

⁹⁾ Бесѣда 15 на посл. къ Римл.; срав. другія бесѣды на Евангл. и послан. апостол.

Церкви давала на ея нивѣ обильные всходы. Уже въ третьемъ и четвертомъ вѣкахъ въ огромномъ количествѣ внутри церковной ограды выросли всякаго рода богадѣльни, пріюты для малолѣтнихъ дѣтей, для престарѣлыхъ работниковъ, для немощныхъ, страннопріимницы, лѣчебницы, школы и всякія другія учрежденія, которыя имѣли цѣлью удовлетворять нужду бѣдняковъ во всѣхъ мелочахъ жизни; извѣстно, напр., что въ древней Церкви существовалъ институтъ копіатовъ (бесплатныхъ могильщиковъ). Виды же частной благотворительности не могутъ быть и исчислены.

И именно этой широкой и многообразной благотворительностью, которая нѣкоторымъ изъ язычниковъ казалась даже странностью, христіанскій міръ достигъ того, что самое понятіе „христіанское ученіе“ стало совершенно синонимическимъ понятіямъ: „любовь“, „добро“, „милосердіе“, истинная „гуманность“ и всѣмъ другимъ лучшимъ понятіямъ, какія выражены на человѣческомъ языкѣ...

Заботливо культивируясь въ христіанствѣ въ былую пору, въ настоящее время переоцѣнки прежнихъ цѣнностей благотворительность въ христіанскомъ мірѣ встрѣчаетъ иногда въ своемъ развитіи нѣкоторыя затрудненія, въ видѣ возраженій противъ нея. Около велькаго христіанскаго учрежденія роємъ вьются всякаго рода измышленія свободной человѣческой мысли, пытаясь поколебать твердыню, которая имѣетъ за собой Божественную санкцію и тысячелѣтнюю давность, какъ будто хотя бы милліоны назойливыхъ, но мелкихъ мошекъ могутъ поколебать гранитную скалу.

Нѣкоторые изъ противниковъ нашей филантропіи, говорятъ, напр., что она не выдерживаетъ критики по психологической своей сторонѣ, такъ какъ, будто бы, дѣло помощи одного человѣка другому тяжело отзывается на отношеніяхъ одной личности къ другой. Дѣлая извѣстное доброе дѣло, благотворитель непременно занимаетъ высшее положеніе сравнительно съ тѣмъ, кому оказывается благолѣпаніе, и послѣдній непременно долженъ чувствовать зависимость отъ перваго,

что якобы тяжелымъ гнетомъ ложится на его душу, принижаетъ его самосознаніе, оскорбляетъ гордость, лишаетъ духовной свободы, и мало ли какихъ еще дутыхъ фразъ не говорить въ такихъ случаяхъ!.. Но въ этихъ случаяхъ забываютъ, что, какъ мы говорили выше, истинно-христіанскіе благотворители не по себялюбивымъ побужденіямъ стать выше другихъ оказываютъ помощь ближнему, а по безкорыстнымъ религіознымъ побужденіямъ, по искреннему желанію для своего ближняго добра. А если такъ, то о какомъ гнетѣ благотворительности на человѣческую личность можетъ быть рѣчь?

Вообще же, указанное возраженіе можетъ представляться значительнымъ лишь тѣмъ, кто изъ области человѣческихъ отношеній исключаетъ все, кромѣ строгаго юридизма, кто всю сложную сѣть человѣческихъ отношеній, такъ сказать, тклетъ изъ права, забывая, что основой этихъ отношеній могутъ быть и должны быть и любовь, и довѣріе, и благодарность, и другія благородныя чувствованія и высокія духовныя настроенія. Избытокъ въ жизни юридизма можетъ привести къ ослабленію гуманныхъ чувствъ, къ обезпѣненію начала личной творческой инициативы, сердечной внимательности, трогательной благодарности, открытаго довѣрія, безкорыстной любви и т. дал., т. е. можетъ привести къ своеобразному психическому уродству. Да и съ чѣмъ, какъ не съ уродствомъ, граничить уже и это современное утвержденіе. будто благотворительность поставляетъ въ унижительную зависимость получившаго благодѣяніе отъ того, кто это благодѣяніе оказалъ? Неужели чувство естественной благодарности, какое долженъ питать облагодѣтельствованный къ благодѣтелю, совершенно тождественно съ чувствомъ удручающей зависимости одного отъ другого? Не нужно ли строже раздѣлять два совершенно различныя духовныя состоянія? Иначе за тяжелую и унижительную зависимость мы должны будемъ признать и чувство дружбы, налагающее на насъ извѣстныя обязательства по отношенію къ другу, и чувство, напр., супружеской любви, обязательства которой особенно широко-объемлющи и

серьезны... Очевидно, нетерпимость къ какимъ бы то ни было, хотя бы самымъ тонкимъ, хотя бы самымъ благороднымъ нравственнымъ путамъ, опираясь пока на утвержденіи, что основы права болѣе устойчивы, чѣмъ основы довѣрія и любви. въ дальнѣйшемъ приближается къ той глубоко опасной доктринѣ индивидуализма, которая, порывая всѣ нравственныя путы, стираетъ и всѣ правовыя скрѣпы въ отношеніяхъ людей другъ къ другу и въ апофеозъ возводитъ только личность, одно только я. Это—возрожденіе того холоднаго эгоизма, который полновластно царилъ въ дохристіанскомъ мірѣ и который разъ уже былъ осужденъ исторіей. Нужно ли говорить о томъ, что не можетъ быть серьезной точки зрѣнія, съ какой можно было бы привѣтствовать возвратъ къ тому, что уже изжило само себя? Въ нашихъ глазахъ, вся доктрина индивидуализма—это лишь новый краснорѣчивый свидѣтель, что со времени появленія христіанства слишкомъ трудно стало для человѣка оригинальное философское творчество.

Говорятъ еще, что благотворительность часто развращаетъ тѣхъ, кто къ ней прибѣгаетъ. Надѣясь на чужую помощь, пользующійся благотворительностью, вмѣсто того, чтобы собственнымъ трудомъ обезпечивать себѣ существованіе, всю заботу о себѣ переноситъ на благотворителя, а личную свою энергію расходуетъ не только непроизводительно, но даже иногда безнравственно.

Это, можетъ быть, и правда, но лишь тогда, когда благотворитель не различаетъ въ своей дѣятельности истинной нужды отъ фальшивой и, вообще, когда забываетъ о необходимости для христіанина быть добрымъ, довѣрчивымъ и безхитростнымъ, какъ голубь, но еще и мудрымъ, какъ змѣя. Эта мудрость въ благотворительномъ дѣлѣ достигается правильной его организаціей и строгой продуманностью всей его системы. Съ точки же зрѣнія христіанскаго идеала, положительное значеніе имѣетъ жертва и въ томъ случаѣ, когда она дается человѣку и внушающему надежды, что онъ воспользуется ею разумно и съ пользой для себя, напр.,—

человѣку, низко павшему нравственно. Необходима помощь и ему, потому что, безнадежный въ нашихъ глазахъ, онъ еще имѣеть высокую цѣну въ очахъ Божіихъ, какъ разбойникъ, раскаявшійся и спасшійся на самомъ краю грѣховной бездны. Да и изъ болѣе близкой намъ жизни извѣстны случаи, когда, повидимому, совсѣмъ уже павшіе люди возвращались на путь добра подѣ впечатлѣніемъ одного только напоминанія о лучшихъ дняхъ ихъ жизни, объ ихъ золотомъ дѣтствѣ, и чистой юности, подѣ влияніемъ полузабытаго церковнаго напѣва, даже подѣ дѣйствіемъ удара церковнаго колокола. Если такіе случаи бывали, то понятно, какое возрождающее и облагораживающее значеніе можетъ имѣть для человѣка реальная и искренняя помощь со стороны добраго человѣка!

Наиболѣе же упорной критикѣ христіанская благотворительность подвергается со стороны тѣхъ, кто видитъ въ ней опасный суррогатъ соціалистическаго рѣшенія вопроса объ экономическомъ неравенствѣ, и кому, вслѣдствіе этого, дѣятельность нашихъ благотворителей кажется половинчатой, недостаточно радикальной. „Зачѣмъ, говорятъ, эта частичная помощь нуждающимся? Необходимо устранить нужду разъ навсегда, перестроивъ жизнь на новыхъ соціальныхъ началахъ“. Противники соціализма находятъ въ соціалистической доктринѣ свою Ахиллесову пятю, куда и направляютъ свои стрѣлы. Но мы здѣсь укажемъ только, что успѣхи соціализма слишкомъ ненадежны, чтобы въ надеждѣ на нихъ можно было успокоиться въ отношеніи къ немущимъ нашимъ ближнимъ. Попытки устранить зло экономическаго неравенства путемъ соціальнаго переворота и въ теоріи, и на практикѣ предпринимаются съ незапамятныхъ поръ. Однако, въ смыслѣ ослабленія этого неравенства, соціализмъ и къ настоящему времени сдѣлалъ слишкомъ мало. Гораздо больше его сдѣлала христіанская проповѣдь любви и благотворительность, свободно развивавшаяся на почвѣ христіанскихъ настроеній. Если же до сихъ поръ соціализмъ по отношенію къ міровому злу

заявлялъ себя больше благими воздыханіями, пламенными угрозами и т. под., то это наводитъ на мысль, что социализмъ, какъ система искусственная и дряблая въ сущности своей, едва ли когда либо восторжествуетъ надъ свободой христіанскаго добродѣланія, а если бы—допустимъ условно—и восторжествовалъ, то въ столь отдаленномъ будущемъ и въ столь неуволвимыхъ для настоящаго времени формахъ, что именно только утописты могутъ обвинять христіанскую благотворительность, въ томъ, что она не обрекаетъ бѣдняковъ на голодную смерть засчетъ будущихъ блестящихъ завоеваній социализма...

По плодамъ ихъ узнаете ихъ.—Вотъ оставленная Христомъ критическая аксіома, которой должно руководиться при разборѣ всякаго рода ученій и системъ, и если мы эту мѣрку приложимъ къ евангельскому ученію о благотворительности, то увидимъ плоды, которые не могутъ получаться съ сухого или недобраго дерева. Если, напр., мы представимъ себѣ, что чуть ли ни при главномъ посредствѣ христіанской благотворительности въ настоящее время Русская земля отъ края до края покрыта сѣтью Божіихъ храмовъ, черезъ которые льется на нашу землю христіанская культура, если то здѣсь, то тамъ на средства благотворителей воздвигаются школы при церквахъ, при фабрикахъ и заводахъ, учреждаются народныя аудиторіи и народныя дома, сооружаются богатныя зданія всякаго рода богадѣлень и пріютовъ, гдѣ голодные находятъ хлѣбъ, озябшіе—тепло, больные—покой, безработные—работу, выброшенные за бортъ жизни—поддержку и призоръ, алчущіе и жаждущіе правды—утѣшеніе, то какъ же не признать христіанскаго милосердія за благо? По плодамъ христіанской благотворительности нужно оцѣнивать ея значеніе, и тогда мы убѣдимся въ глубокой жизненности всего, что вырастаетъ на почвѣ христіанскаго ученія о любви и милосердіи.

Н. Колосовъ.

Тревога.

Тихая майская ночь. Пасмурное небо черною пеленою окутало землю и каждую минуту готово расплакаться проливнымъ дождемъ. Темень непроглядная: ни ясной звѣздочки, ни привѣтливаго огонька не видно въ селѣ Зозулинцахъ. Все спитъ послѣ трудового весенняго дня; не спится только зозулинецкому батюшкѣ о. Никитѣ Василевскому. Въ сотый разъ переворачивается онъ съ боку на бокъ, напряженно рѣшая трудную ариметическую задачу. На дняхъ онъ получилъ требованіе изъ училища внести за содержаніе сына 80 рублей; въ противномъ случаѣ начальство грозило не допустить сына къ экзаменамъ, а экзамены были на носу. Сумма обозначена точная и безспорная; отъ о. Никиты требуется найти слагаемыя. Одно слагаемое, на которое онъ рассчитывалъ, какъ на каменную гору, уже его обмануло. На „проводахъ“, на могилкахъ, — издревле такъ повелось въ Зозулинцахъ, — за каждую панихидку платили причту пятакъ. Въ этомъ году крестьяне устроили стачку, дали только по двѣ копейки, и тѣмъ спутали всю бухгалтерію о. Никиты. Скорбитъ о. Никита о подрывѣ заработка и упрекаетъ себя за то, что рассчитывалъ на деньги, которыхъ не было въ карманѣ.

— Въ казначействѣ — тамъ вѣрныя деньги, — не уменьшать и не просрочать, а нашъ заработокъ — одна тѣнь и гаданіе... Къ сожалѣнію, въ казначействѣ о. Никита получаетъ деньги только дважды въ годъ, по 50 рублей, и слѣдующая получка будетъ въ іюль.

— Плохо, что раньше не даютъ...

Обсуждая спокойно свое положеніе, о. Василевскій находитъ, что оно не такъ еще плохо: слагаемыхъ есть больше, чѣмъ достаточно: лошадь, корова, телушка, пара свиней, пудовъ 20 ржи въ закромахъ. Вопросъ лишь въ томъ, что съ чѣмъ сложить, чтобы меньше было ушерба для семьи? Про-

дать лошадь—придется во всякую погоду пѣшкомъ мѣрять Зозулинцы: давать лошадей о. Никитѣ мужики отказываются. Продать корову, значитъ лишить ребятъ молока; а мелочь: телушка, свиньи и рожь, даже по высокой расцѣнкѣ, далеки отъ идеальной цифры 80. Болѣе удобная комбинація, по мнѣнію о. Никиты, состоитъ въ томъ, чтобы продать корову и свиней. Въ лѣтнюю пору купить молока въ деревнѣ не трудно, а лошади подчасъ не найдешь ни за какія деньги. За лѣтнее жалованье корову легче купить, чѣмъ лошадь; въ крайнемъ случаѣ—не за горами и телушка станетъ коровой. Не хочется о. Никитѣ и первенца своего, бурсака Ильюшу, огорчать: съ Гибкомъ онъ выросъ и будетъ о немъ плакать. Возможенъ для о. Никиты и еще одинъ выходъ, но пользоваться имъ тяжело и невыгодно. Владѣлецъ универсальнаго въ Зозулинцахъ магазина и мастеръ по снабженію крестьянъ, въ потребный часъ, жизненной влагой, Сруль Нахмановичъ осужаетъ добрыхъ людей и деньгами; ему о. Никита уже долженъ рублей 20; для округленія цифры до сотни оно бы и хорошо взять еще, но Сруль пощады не дастъ—задушить процентами.

Въ прежніе годы, во время бессонницы, когда трудныя обстоятельства заставляли подолгу думать, о. Никита шелъ въ садъ, глядѣлъ на небо, на звѣзды, на темный садъ; иногда молился, и ему дѣлалось легче. Теперь времена и люди перемѣнились. Какъ только стемнѣетъ на дворѣ, о. Никита самъ запираетъ сарай, служанка закрываетъ ставни на желѣзные болты; запираются двери на всѣ запоры: въ болѣе отдаленномъ и угрожаемомъ пунктѣ подь окномъ нагромождаются стулья. Съ возможностью нападенія о. Василевскій почти свыкъся и боится только неожиданности. Возможной опасности о. Никита не преувеличиваетъ: деревенская молодежь распустилась, и съ нею нѣтъ сладу. Коровство въ деревнѣ—ежедневное. У работающихъ мужиковъ опускаются руки: зачѣмъ работать, если завтра же трудъ твой испакостятъ, изломаютъ, обворуютъ? Нахмановича два раза поджигали.

Старосту избили и повѣсили вверхъ ногами, — едва не залился кровью. На Страстной недѣлѣ ограбили на окраинѣ деревни старуху нищую: забрали тряпье и надругались надъ больной калѣжкой.

О. Никита знаетъ, что среди всеобщаго деревенскаго обнищанія онъ больше другихъ возбуждаетъ зависть и воровскіе аппетиты; у него есть корова и лошадь; матушка въ церковь въ шляпѣ приходитъ; благополучіе его мужицкое воображеніе исчисляетъ тысячами. Что его навѣщаютъ, о. Никита знаетъ хорошо: стѣбитъ что нибудь забыть во дворѣ, на другой день уже не найдешь, непременно стянуть. Все это дѣйствуетъ на настроеніе о. Никиты, давить его, а выхода никакого не видно... Надъ успокоеніемъ, о которомъ иногда пишутъ газеты, о. Никита смѣется.

— Хорошо имъ, писакамъ, въ городѣ. Тамъ и войска, и полиція, и начальство всякое, и дворникъ возлѣ каждаго дома стоитъ. Пожили бы на нашемъ мѣстѣ...

Скучно одному о. Никитѣ оставаться со своими думами, со сложными цифрами и комбинаціями, отъ которыхъ все равно остается пустое мѣсто въ хозяйствѣ. Разбудить жену онъ не хочетъ: утомленная дневной работой и возней съ двумя малыми ребятами, она сладко спитъ, слегка похрапывая. Возлѣ нея полугодовой ребенокъ; закинувъ вверхъ пухлыя ручки и ножки, тоже спитъ съ выраженіемъ сытости и полнаго довольства своей судьбой.

Дремлется о. Никитѣ и во снѣ дѣйствительность мѣшается со всякой небылицей. Гнѣдко, обученный Илюшей дѣлать всякія штуки, становится передъ о. Никитой на колѣни и часто, часто кланяется, проситъ не продавать и не уводить со двора, гдѣ за нимъ, какъ за членомъ семьи, смотрятъ. Корова протестуетъ рѣзче: мычитъ и, тупо глядя на о. Никиту, твердитъ: „не пойду, не пойду, не пойду“.

За Гнѣдкомъ виденъ и пріятель его Илюша... Только что же это съ нимъ? Мальчикъ волнуется, безпокойно перелистываетъ книгу... ахъ, да... экзамень... не даромъ за сто-

ломъ сидятъ три господина и о чемъ то шепчутся; одинъ изъ нихъ на зеленомъ сукнѣ билетики раскладываетъ. Вдругъ все зашевелилось, открылась настежь большая классная дверь: шумныя дѣтскіе голоса что-то пропѣли. Медленно вошелъ въ классъ сѣденькій старичекъ, съ длинною бѣлою бородою, съ глубокими добрыми глазами, вся комната наполнилась радостнымъ сіяніемъ отъ глазъ старичка, отъ блестящей одежды, отъ иконки на его груди.

— Василевскій! шепчетъ старичекъ.

Илюша бѣжитъ къ столу, начинать что-то говорить, быстро, быстро.

Привѣтливо смѣется старичекъ, улыбается Илюша, радостно и о. Никитѣ.

— Его хотѣли до экзамена не допустить? неодобрительно качаетъ головой старичекъ и хочетъ разсердиться.

— Нельзя дѣтокъ обижать—уже сурово твердитъ онъ. Изъ этого мальчика большой человѣкъ будетъ и полезный работникъ для Церкви... Хорошо ты отвѣчаешь, мальчикъ; экзамены всѣ будешь держать, а когда выучишься, людей жалѣй и всѣмъ помогай. Въ морѣ человѣческаго горя и скорби и самая малая ласка и помощь человѣку не будетъ лишними.

А потомъ къ зеленому столу подбѣжалъ Гнѣдко и, подхвативъ Илюшу на широкую спину, помчался въ Зозулинцы; за нимъ бѣжала корова и кричала вдогонку: „и я съ вами“...

Но что это,—не во снѣ, а на яву уже слышится о. Никитѣ,—собаки лаютъ, да какъ сердито. Неужели пришли?...

Легкій холодокъ пробѣжалъ по тѣлу о. Никиты. На минутку собаки смолкли, потомъ снова на кого-то сердито набросились, но взять видно боятся.

О. Никита будить жену.

— Мапа, а Мапа, проснись... никакъ добираются къ намъ.

— Кто добирается?.. Съ трудомъ просыпается жена и глазами, полными ужаса, смотритъ на мужа.

— Во дворѣ кто-то ходитъ,—слышишь, какъ сабаки над-
рываются?

— Пошелъ-бы ты, Никитушка, домъ осмотрѣль.

О. Никита беретъ свѣчу и тихонько осматриваетъ окна и болты—все въ порядкѣ. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ намѣ-
ренно оставлена въ ставнѣ щель пошире, о. Никита прячетъ
въ сторону огонь и долго смотритъ во дворъ, туда, гдѣ стоятъ
сарай: ни зги не видно. И какъ бы подтверждая подозрѣнія
и опасенія о. Никиты, сабаки съ звонкимъ лаемъ бросились
къ сараямъ.

Въ кухнѣ о. Никита съ трудомъ разбудилъ единствен-
ную женскую прислугу; скоро здѣсь составляется совѣтъ.
Съ блѣднымъ лицомъ стоитъ батюшка; какъ въ лихорадкѣ
дрожитъ его жена; стыдливо оправляетъ растрепанные во-
лосы служанка.

— Можетъ быть, съ требой кто пришелъ: крестить или
къ больному позвать,—строить предположеніе матушка.

— Всѣ знаютъ, куда къ намъ идти, чего же около са-
раевъ возиться? отвѣчаетъ ей о. Никита.

Собаки на мигъ смолкаютъ, изрѣдка ворчатъ безъ гнѣва
и досады.

— Дали, навѣрное, хлѣба, или отравленнаго мяса под-
бросили...

Въ спальной слышится плачь четырехлѣтняго Мишутки;
его крикъ разбудилъ шестимѣсячную дѣвочку.

— Маша, я думаю надо выйти посмотреть.

— Что ты, съ умомъ? Семьи не жалѣешь? Подожди,
можетъ быть, еще и въ квартиру начнутъ ломиться... На
всякій случай ты бы цѣнности спрятай...

О. Никита открываетъ комодъ и вынимаетъ оттуда за-
вѣтный ящичекъ, гдѣ хранятся ихъ драгоценности: обручаль-
ное кольцо о. Никиты,—ихъ не принято носить іереямъ,—
дѣтскіе крестильные крестики, браслетъ, купленный матуш-
кой во времена учительства, и пятирублевый золотой, поло-
женный матерью въ ея свадебный башмачекъ. О. Никита

нѣсколько минутъ подумалъ и прячетъ ящикъ подъ комодъ: кто догадается, что онъ тутъ?

А псы дѣлаютъ свое дѣло: съ отвагою бросаются на невидимаго врага и снова смолкаютъ, чувствуя свое безсиліе.

Сознаніе людей, запертыхъ въ домѣ, давить уже не самая опасность, а ея ожиданіе: будь что будетъ, только-бы поскорѣе; не мучиться бы этимъ ожиданіемъ, что вотъ начнутъ ломиться въ домъ, ограбятъ, убьютъ...

Вдругъ одна мысль рѣзко пробѣжала въ головѣ о. Никиты: опасность грозитъ не ему, а его сыну Илюшѣ, его экзаменамъ, а, можетъ быть, и всему будущему мальчика...

Перекрестившись, онъ твердо говоритъ женѣ:

— Прости меня, Маша, будь что будетъ, а я пойду, я долженъ идти.

— И я съ вами, расхрабрилась служанка.

— Вотъ и хорошо. Я пойду впередъ. Если на меня набросятся, ты бѣги къ церкви и бей въ набатъ, а ты, Маша, за нами дверь изъ кухни запри на крючекъ.

Дверь изъ кухни заперта. Дрожащими руками открываетъ о. Никита наружную дверь въ холодномъ коридорчикѣ и какъ человѣкъ, на все рѣшившійся, смѣло выходитъ во дворъ. Весенняя ночная свѣжесть и тьма охватываетъ его; зорко глядитъ онъ въ темноту и ничего не видитъ. Почувявъ помощь, собаки снова бросились на невидимаго врага, готовые его растерзать. Вдругъ нечеловѣческій крикъ, крикъ отчаянія и животнаго страха предъ опасностью разрѣзаль ночной воздухъ. Волосы становятся дыбомъ у о. Никиты и онъ не знаетъ, онъ-ли это кричить, или служанка, схватившая его, какъ желѣзными щипцами, за руку; съ трудомъ разбираетъ онъ безсвязныя слова, какія то шепчетъ: батюшка... нечистый... оборотень—съ нами крестная сила... Вотъ... шевелится... дрожащею рукою указываетъ она туда, гдѣ надрываются собаки. Медленно идетъ о. Никита въ кружокъ, гдѣ хлопчуть псы, и, наклонившись, видитъ небольшого ежика, свернувшагося клубкомъ.

— Слава Богу— это ежъ, облегченно крестится онъ.

Ежа арестовали и принесли въ домъ. Никто къ нему злобы за доставленное безпокойство не питаетъ; послѣ пережитыхъ волненій всѣ почувствовали облегченіе и повеселѣли. Больше всѣхъ доволенъ Мишутка; босыми ножками обѣгаетъ онъ вокругъ ежика, осторожно трогаетъ ручкой и убѣдительно проситъ показать „молдоцку“...

Свящ. В. Пестряковъ.

О чумной эпидеміи.

(Продолженіе ¹⁾).

Леченіе чумныхъ больныхъ. Такъ какъ явленія чумнаго заболѣванія протекаютъ быстро и теченіе болѣзни кратковременно, то чѣмъ раньше леченіе начато, тѣмъ надежнѣе оно даетъ успѣшные результаты. Леченіе чумныхъ больныхъ слагается изъ воздѣйствія на причину болѣзни—дѣятельность чумныхъ бациллъ въ организмѣ—изъ пособій, улучшающихъ и облегчающихъ тяжесть разстройствъ въ организмѣ въ зависимости отъ дѣятельности чумныхъ бациллъ. Рациональнымъ причиннымъ леченіемъ, благоприятное дѣйствіе котораго устанавливается наблюденіями за время неоднократныхъ эпидемій отъ 1896 г. до настоящаго времени, признается впрыскиваніе подъ кожу больного противочумной сыворотки. Противочумная сыворотка готовится изъ крови лошадей, выздоравливающихъ или выздорѣвшихъ отъ чумы, которою онѣ заражаются специальной прививкой. Въ этой кровяной сывороткѣ содержатся такія вещества, которыя убиваютъ и разрушаютъ чумныя бациллы, тѣмъ она и помогала животному выздорѣть. Будучи вве-

¹⁾ См. № 18 за 1911 г.

дена въ кровь чумному человѣку, такая сыворотка оказываетъ также полезное помогающее дѣйствіе и для него въ борьбѣ съ чумою; если впрыскиваніе противочумной сыворотки больнымъ дѣлается въ 1—2 день заболѣванія чумой, то быстро иногда проявляется ея оздаравливающее дѣйствіе: прекращается развитіе болѣзни, черезъ 1—3 сутокъ больные поправляются, бубоны безъ нагноенія рассасываются; впрыскиваніе сыворотки въ дальнѣйшіе дни болѣзни, особенно въ не тяжелой, не легочной ея формѣ, также улучшаетъ состояніе больного и направляетъ теченіе болѣзни къ выздоровленію, которое и наступаетъ постепенно; но въ болѣе позднихъ періодахъ болѣзни, при сильномъ отравленіи организма и пораженіи внутреннихъ органовъ, при слабомъ и неправильномъ пульсѣ и дыханіи, благопріятнаго дѣйствія сыворотки не наступаетъ.

Для нагляднаго ознакомленія съ теченіемъ чумнаго заболѣванія и дѣйствіемъ впрыснутой сыворотки можно привести опубликованные примѣры изъ чумной эпидеміи 1909 г. въ Марокко: 1) саперъ, хорошаго сложенія человѣкъ, заболѣлъ 17 іюля вдругъ на желѣзнодорожной работѣ: появилось головокруженіе, головная боль, боль въ поясницѣ, общая разбитость и безсиліе; развился жаръ въ тѣлѣ до $38,7^{\circ}$; 18 іюля вечеромъ замѣтилъ болѣзненный паховой бубонъ; запоръ испражнений; ночь провелъ безпокойно; 19 іюля жаръ $=40,9^{\circ}$; 20 іюля отправленъ въ госпиталь; 21 іюля жаръ утромъ $=40^{\circ}$; пульсъ $=84$ удара въ минуту; больной подавленъ, въ безсиліи; боль во лбу, въ спинѣ; паховой бубонъ до $2\frac{1}{2}$ верш. въ діаметрѣ, твердый, болѣзненный, кожа на немъ красна, тверда, болѣзненна; дыханіе, сердцебиеніе, органы живота особыхъ измѣненій не представляютъ: мочи мало, съ бѣлкомъ; вечеромъ жаръ $=40,2^{\circ}$; пульсъ $=82$ въ мин.; 22 іюля: мало спалъ; состояніе хуже; подавленность сильнѣе; пульсъ $=132$ и дыханіе $=52$ въ мин.; жаръ $=39,6^{\circ}$; бубонъ въ прежнемъ состояніи; сдѣланъ разрѣзъ бубона. Къ вечеру больной умеръ.

2) Садовникъ, хорошаго сложенія, сильный человѣкъ, заболѣлъ 17 іюля на работѣ въ саду; почувствовалъ голов-

ную боль, боль въ спинѣ и общую слабость настолько, что упалъ, неся лейку воды; вечеромъ жаръ = $39,3^{\circ}$; то же состояніе и въ слѣдующіе дни, — сонъ неправильный, жаръ доходилъ до $40,5^{\circ}$; 19 іюля замѣтилъ болѣзненный паховой бубонъ; 20 іюля отправленъ въ госпиталь; 21 іюля: жаръ утромъ = $39,9^{\circ}$; пульсъ = 88 въ мин.; небольшая подавленность; общая разбитость; боль во лбу и спинѣ; сознание сохранено; паховой бубонъ въ 1 верш. въ діаметрѣ; кожа красна; со стороны дыханія, сердцебіенія и органовъ живота измѣненій не замѣчается; запоръ; мочи мало, съ бѣлкомъ; вечеромъ жаръ = $39,4^{\circ}$; пульсъ = 86 въ мин.; 22 іюля: ночь спалъ; общее состояніе лучше: голова и бубонъ меньше болятъ; жаръ утромъ = $38,2^{\circ}$; пульсъ = 78 въ мин.; вечеромъ жаръ = $38,3^{\circ}$; пульсъ = 88; 23 іюля: ночь мало спалъ, много кашлялъ; жаръ утромъ = $39,2^{\circ}$; пульсъ = 88 въ мин.; паховой бубонъ увеличился, очень болѣзненъ; появился поносъ; головная боль не сильна; больному впрыснуто подъ кожу 60 куб. снтм. противочумной сыворотки; вечеромъ жаръ = $39,7^{\circ}$, пульсъ = 90 въ мин.; 24 іюля: жаръ утромъ = $38,3^{\circ}$, пульсъ = 84 въ мин., бубонъ плотень, разрѣзанъ: впрыснуто 60 куб. снтм. сыворотки; вечеромъ жаръ = $38,3^{\circ}$, пульсъ = 80 въ мин.; 25 іюля: ночью потѣлъ; боли въ головѣ и въ спинѣ исчезли; температура утромъ = $36,8^{\circ}$, пульсъ = 68 въ мин.; впрыснуто 20 куб. снтм. сыворотки; вечеромъ $t^{\circ} = 37,5^{\circ}$, пульсъ = 72 въ мин. Съ 26 іюля больной сталъ поправляться; бѣлокъ въ мочѣ выдѣлялся до 3 августа; бубонъ зажилъ 11 августа; 6 сентября больной выписанъ выздоровѣвшимъ.

3) Артиллеристъ; заболѣлъ въ ночь на 23 августа ознобомъ и рвотой; 24 августа замѣтенъ бубонъ подъ мышкою; 25 отправленъ въ госпиталь; жаръ = $39,4^{\circ}$; впрыснуто 40 куб. снтм. сыворотки; 26 августа: бубонъ очень болѣзненъ, разрѣзанъ и удаленъ; впрыснуто 40 куб. снтм. сыворотки; 27 августа: вспрыснуто 20 куб. снтм. сыворотки. 6 октября выписанъ здоровымъ.

4) Зуавъ; заболѣлъ 25 августа: жаръ = 39,2°, бубонъ подчелюстной; 27 августа въ госпиталѣ выпрыгнуто 60 куб. снтм. сыворотки, 28 августа выпрыгнуто 40 куб. снтм. и 29 августа 20 куб. снтм. сыворотки. 1 сентября, вследствие сыворотки, появилась красная зудячая высыпь на кожѣ; 9 сентября появились боли въ суставахъ; снова появился жаръ до 38,9°; боли въ суставахъ и жаръ тянулись 10 дней; 6 октября выписанъ здоровымъ.

При симптоматическомъ леченіи болѣзненныхъ разстройствъ главною заботою является: уменьшить боли въ головѣ и подавленное состояніе мозга, поддержать силы больного, возбудить ослабѣвшую дѣятельность сердца; кромѣ того, нужно помочь скорѣйшему размягченію и рассасыванію или вскрытію бубоновъ, заживленію язвъ карбункуловъ и бубоновъ.

Для успокоенія головной боли и оживленія головного мозга, раздраженнаго и отравленнаго горячею чумною кровію, важно охлаждать голову, чтобы уменьшить застой крови въ ней; это болѣе или менѣе достигается держаніемъ на головѣ пузыря со льдомъ или снѣгомъ, безсмѣнно до облегченія; пузырь кладется и прямо на голову, покрытую волосами; а на безволосую голову требуется подстилать подъ пузырь сложенную раза въ 3—4 сухую тряпку; за неимѣніемъ пузыря можно толченый ледъ или снѣгъ разстилать между слоями сухой тряпки и въ формѣ лепешки накладывать на голову; ледъ или снѣгъ не скоро таятъ; при смачиваніи тряпки нужно замѣнять ее сухой: влажный холодъ на голову въ глубину мало вліяетъ.

Важно содержать больного въ комнатѣ умѣренно теплой, съ температурой не выше 14° R и съ чистымъ воздухомъ; помещеніе больного необходимо нѣсколько разъ въ сутки провѣтривать (черезъ вертиляторъ или черезъ оконную форточку); замѣна душнаго спертaго воздуха свѣжимъ облегчаетъ состояніе больного и сохраняетъ его силы: дышать становится легче, кровь дѣлается чище и голова свѣжѣе.—Питать

больного требуется понемногу, но часто; давать чашку кипяченого и охлажденного молока съ бѣлымъ хлѣбомъ, чашку супу или бульону съ бѣлымъ хлѣбомъ, нежирный студень изъ телятины, желе изъ рыбы, желе изъ фруктовъ, сливочное мороженое: при появляющемся оживленіи и укрѣпленіи больного можно давать ему въ пищу вареное, мягкое, сочное мясо или рыбу (жаренаго мяса избѣгать), варенныя яйца, молочныя каши. Чаше слѣдуетъ предлагать больному питье, поднося къ его рту; въ питье годится и остуженная кипяченая вода (можно—съ лимономъ, небольшимъ количествомъ сахару), холодный чай, холодный жидкій клюквенный морсъ, холодный хорошій квасъ (не перекисшій и не прѣсный).— Если требуется возбуждать упавшую дѣятельность сердца,— когда угнетенное состояніе мозговой дѣятельности выражено рѣзче, больной безпокоенъ, посиненіе тѣла выражено сильно, мочи выдѣляется ничтожное количество,—то полезно давать больному раза 3—4 въ день порошокъ коффеину (по 0,03 грамма до 0,06 грамма или по $\frac{1}{2}$ грана до 1 грана на приемъ), растворенный въ $\frac{1}{2}$ рюмки воды, или раза 3—4 въ день по 20 капель валеріановой настойки; малымъ дѣтямъ даются эти вещества въ половинномъ количествѣ; горячій ароматный кофе и чай также производятъ возбуждающее дѣйствіе, хотя и небольшое; не всегда только больные принимаютъ достаточно кофе или чаю, находясь въ ослабленномъ состояніи; спиртныхъ напитковъ слѣдуетъ избѣгать для больного, такъ какъ они неблагоприятно вліяютъ на мозгъ и на почки больного. — На бубоны слѣдуетъ накладывать согрѣвательные компрессы, сдѣланные такимъ образомъ: слоевъ 6 мягкой марли, а за неимѣніемъ—чистой полотняной ветоши, величиною нѣсколько больше величины бубона, сложенныхъ ровно, смачиваются 1⁰/₀ растворомъ карболовой кислоты и затѣмъ, насухо, выжимаются; на нихъ кладется англійская клеенка или восчаная бумага, совершенно ихъ прикрывающая; поверхъ клеенки или восчанки кладется слой чистой пушистой ваты (гигроскопической или сулемованной),

такъ, чтобы вата совершенно закрыла лежащiе подъ нею слои; все это повязывается платкомъ; наложенный согрѣвající компрессъ не смѣняется, пока не высохнетъ, — часовъ около 10 приблизительно; высохшiй согрѣвательный компрессъ замѣняется новымъ; если подъ согрѣвающимъ компрессомъ сформируется въ бубонѣ нарывъ, то нарывъ этотъ возможно раньше должно вскрыть (разрѣзать); вскрытый бубонъ очищается, тщательно промывается 1% карболовымъ растворомъ и закрывается повязкой описаннаго выше устройства; если наложенная повязка промокаетъ отъ впитыванiя жидкости изъ бубона, то она замѣняется новою. Карбункулы и образующiяся отъ лопанья ихъ язвы слѣдуетъ также покрывать повязкою въ формѣ описаннаго выше согрѣвающего компресса; если же по положенiю карбункуловъ на тѣлѣ и по причинѣ большой слабости больного наложенiе повязки затруднительно, то требуется прикрывать карбункулы и язвы марлевыми или полотняными компрессами, смоченными въ 1% карболовомъ растворѣ и достаточно выжатыми.

Наблюденiе надъ теченiемъ чумныхъ заболѣванiй въ Маньчжурскую нынѣшнюю эпидемiю показываетъ однако, что при такой силѣ заразы, когда заболѣваетъ до 200 человекъ въ сутки, часто — легочною формою чумы, при почти 100% смертности, леченiе чумныхъ больныхъ не даетъ благопрiятнаго результата, хотя примѣняются своевременно средства, благотворно дѣйствовавшiя въ теченiи другихъ чумныхъ эпидемiй. Напримѣръ: 9 января заболѣлъ чумою студентъ изъ санитарнаго персонала Маньчжурiи; 11 января ему была впрыснута противочумная сыворотка даже въ усиленной дозѣ; на 7 день болѣзни онъ умеръ; умерли также 3 врача, сестра милосердiя, — люди, которые имѣли возможность рано воспользоваться надлежащею помощью; леченiе противочумной сывороткою оказывается бесплоднымъ. Жестокость заболѣванiй указываетъ на сильную ядовитость чумнаго возбудителя въ эту эпидемiю; съ вѣроятностiю можно признать, что такое обилiе антисанитарныхъ условiй въ Маньчжурiи.

благопріятныхъ для жизни бациллъ, и недостаточное употребленіе или совершенное непримѣненіе обеззараживающихъ мѣропріятій способствовали процвѣтанію заразы.—она размножалась и крѣпла; равно какъ съ другой наблюдаемъ въ послѣдствіи, что уничтоженіе чумныхъ очаговъ и обеззараживаніе зачумленныхъ предметовъ сопровождается ослабленіемъ эпидеміи, а слѣдовательно, и чумнаго возбудителя. Чтобы противопоставить такой сильной заразѣ равносильное средство лечебное, дать чумному больному достаточное средство борьбы съ зарозою, необходимо впрыскивать противочумную сыворотку такой силы, которая равнялась бы силѣ ядовитости заразы; такую бы могла быть сыворотка, полученная отъ выздоравливающихъ животныхъ, послѣ зараженія ихъ бациллами маньчжурской чумы; но отъ маньчжурской чумы до сихъ поръ все умирало; между тѣмъ противочумная сыворотка для леченія маньчжурской чумы приготовлялась отъ болѣвшихъ бубонною чумою, слабѣйшею, чѣмъ маньчжурская легочная чума. Вотъ важная причина того слабосилія противочумной сыворотки и безуспѣшности леченія, какія наблюдаются въ Маньчжуріи.—Чтобы восполнить недостатокъ въ средствахъ борьбы съ эпидеміей въ зависимости отъ слабосилія противочумной сыворотки, требуется прибавить еще средство борьбы; именно: необходимо уменьшить податливость человѣка и сдѣлать его менѣе воспріимчивымъ или болѣе устойчивымъ въ отношеніи дѣйствія на него заразы. Для развитія невоспріимчивости или устойчивости въ отношеніи зараженія употребляется введеніе въ организмъ ослабленной заразы—вакцины, при чемъ хотя и, развивается заболѣваніе, но человѣкъ оказывается способнымъ его перенести. Такъ, напримѣръ, достигается невоспріимчивость и устойчивость къ зараженію натуральной оспой путемъ искусственнаго зараженія человѣка оспенною лимфою, взятою отъ выздоравливающаго оспеннаго теленка. Поэтому для достиженія болѣе или менѣе невоспріимчивости къ чумѣ, а также для болѣе устойчивости и болѣе успѣшнаго леченія въ случаѣ

заболѣванія чумой требуется предварительная прививка чумной лимфы—вакцины, къ чему теперь и прибѣгаетъ здоровое населеніе въ Маньчжуріи; при достиженіи нѣкоторой устойчивости противъ чумы, въ случаѣ заболѣванія ею, требуется возможно раннее впрыскиваніе противочумной сыворотки; можно надѣяться, что при такой комбинаціи леченіе и жестокой чумы будетъ болѣе успѣшно.

Преподават. врачъ *Горобейскій*.
(Окончаніе слѣдуетъ).

Печатать дозволяется. Кіевъ, 2-го мая 1911 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ, Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Мервергов. ул. д. № 6.

ГОДЪ

ЛЦ.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть **№ 20.** Подписка принимается въ редак-
цію журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ публей.

1911-го года мая 15-го дня.

Содержаніе: I. Наше лѣтнее dolce far niente. Свящ. В. П.—II. Патриоты
Свящ. А. Веселицкій.—III. О чумной эндемій. (Окончаніе). Препод.
врачъ Городецкій.

Наше лѣтнее dolce far niente.

Лѣтнее время почти вездѣ, по всему лицу православ-
ной Руси, характеризуется пониженіемъ или ослабленіемъ
церковно-религіозной жизни. Лѣтомъ деревенскій людъ занятъ
усиленнымъ полевымъ трудомъ. Утомленный за долгую не-
дѣлю тяжелыми работами въ полѣ, сельскій житель часто не
можетъ, лишень физической возможности относиться къ об-
щественному богослуженію съ такимъ усердіемъ, какъ онъ
относится къ нему осенью и въ зимнее время, тѣмъ болѣе,
что многимъ крестьянамъ приходится выѣзжать на поля за
нѣсколько верстъ отъ своего поселка и приходскаго храма.
Неудивительно поэтому, что въ лѣтніе мѣсяцы, наканунѣ
воскресныхъ и праздничныхъ дней, деревенскіе храмы обычно
пустуютъ; на всенощной, гдѣ она совершается съ вечера,

въ храмѣ только и можно выдѣть причтъ да двѣ—три старушки. Утромъ, за литургіей, народу бываетъ больше, но все же не столько, какъ въ осенніе и зимніе праздники. Такое ослабленіе религиозной жизни, къ сожалѣнію, по мѣстамъ поддерживается и духовенствомъ, особенно тѣми его представителями, которые ведутъ обширныя хозяйства: богослуженіе совершается съ бѣльшимъ спѣхомъ, чѣмъ обычно; прекращается проповѣдь, по нѣкоторымъ среднимъ праздникамъ и вовсе не бываетъ богослуженій. Нѣчто подобное, иногда въ большихъ размѣрахъ, наблюдается лѣтомъ и въ городахъ, которые лѣтомъ обычно пустѣютъ: закрываются обычно учебныя заведенія на мѣсяць—на два, разъѣзжаются по дачамъ всѣ, кто имѣетъ хотя небольшой достатокъ. Въ городахъ остается многолюдный рабочій классъ и вообще люди малоимущіе. Навстрѣчу имъ широкія объятія открываютъ городскіе скверы, лѣтніе театры, всевозможныя развлеченія обычно весьма невысокой пробы. Здѣсь казалось-бы самое удобное время вліянія Церкви, энергичной проповѣди не въ храмѣ только, но и на открытомъ воздухѣ. Къ сожалѣнію, въ это именно время въ городахъ понижается и сокращается религиозно-просвѣтительная работа. Безприходныя церкви учебныхъ заведеній, часто имѣющія не десятки, а сотни постоянныхъ богомольцевъ, запираютъ свои двери; просвѣтительныя Общества приостанавливаютъ свою дѣятельность, бесѣды и чтенія прекращаются, меньше слышится въ приходскихъ храмахъ церковная проповѣдь. Мы не отрицаемъ права духовенства на нѣкоторый лѣтній отдыхъ; тѣмъ болѣе далеки отъ мысли отмѣченныя нами явленія широко обобщать¹⁾. Но даже

¹⁾ Въ одномъ селеніи П. губерніи намъ пришлось наблюдать симпатичный лѣтній обычай. Въ страдную пору, когда все почти населеніе деревни выѣзжаетъ въ довольно отдаленное поле, гдѣ и ночуетъ, вечеромъ поля объѣзжаетъ священникъ. Звонкомъ колокольчика псаломщикъ созываетъ косарей съ сосѣднихъ нивъ къ одному центральному пункту, гдѣ и совершается общая молитва на сонъ грядущимъ. Въ памяти моей надолго сохранится трогательная картина обширныхъ полей, съ горящими кострами и колѣнопреклоненная толпа подъ открытымъ небомъ, стоявшая на вечерней молитвѣ.

и какъ частное явленіе, такіе случаи прискорбны и желательно было-бы ихъ устранить. Есть причины экономическія и физическія, почему въ лѣтніе мѣсяцы въ нашихъ храмахъ меньше молящихся, но не дѣло пастырей усиливать эти причины, идти къ нимъ навстрѣчу: закрытіе храмовъ на цѣлые мѣсяцы (при учебныхъ заведеніяхъ) прекращеніе проповѣди, отсутствіе богослуженія въ праздники, часто почитаемые въ народѣ—есть явленіе ненормальное. Пусть даже въ храмѣ будетъ одинъ—два молящихся, ими тоже нельзя пренебрегать: быть можетъ именно ихъ молитва предъ Богомъ особенно угодна. Горькій осадокъ на душѣ несомнѣнно останется у этихъ молитвенниковъ, если они видятъ привычный для нихъ и родной храмъ закрытымъ, или пастыря менѣе усерднымъ къ своему дѣлу, чѣмъ всегда.

Соображенія о томъ, что „нѣтъ молящихся“, что „храмъ пустой“ не могутъ и не должны ослаблять молитвенной ревности пастыря, ибо молиться за весь міръ—это нашъ пастырскій долгъ, независящій отъ числа богомольцевъ.

Свящ. В. П.

П а т р і о т ы .

Разсказъ.

І.

При современномъ крушеніи безкорыстныхъ общественныхъ идеаловъ, отсутствіи беззавѣтныхъ стремленій въ русскихъ людяхъ, жившихъ интересами родины, невольно вспоминаются лица и событія изъ временъ, предшествовавшихъ мрачному идейному краху. Приходитъ на память та роковая пора, съ которой начался общерусскій распадъ, и тѣ лица, которыя стояли на грани прошлаго и настоящаго и старались отстоять жившія въ ихъ душахъ свѣтлыя упованія, сохранить свою вѣру и въ родную Русь, и въ прочность ея историческихъ устоевъ. Бѣдные, славные люди: больно и тя-

жело было имъ видѣть наростаніе вокругъ себя общаго недовѣрія, приближеніе какихъ то темныхъ, разрушительныхъ силъ; но тѣмъ симпатичнѣе, привлекательнѣе кажется теперь ихъ стойкая, свѣтлая вѣра, ихъ упорное, хотя и мягкое, нравственное сопротивленіе надвигающейся разрушительной общественной волнѣ, которая превратилась потомъ въ такъ называемое „освободительное движеніе“ и чуть не настоящую революцію.

Изъ числа такихъ людей воскресаютъ въ памяти милые простые старички—о. дьяконъ Иванъ Ѳедоровичъ и его достойная супруга Прина Петровна, съ которыми судьба свела насъ тогда въ одномъ сѣверномъ городкѣ. Для оживленія недавняго прошлаго приведемъ здѣсь нѣсколько эпизодовъ, характеризующихъ этихъ милыхъ знакомыхъ, ихъ отношенія къ тогдашней тревожной русской дѣйствительности.

II.

Иванъ Ѳедоровичъ, о. дьяконъ уѣзднаго городка, прямо послѣ рядовой обѣдни забѣжалъ, по обычаю, въ городскую бібліотеку—посмотрѣть новую телеграмку съ театра военныхъ дѣйствій.

— Что новенькаго, господа, въ сегодняшней телеграмкѣ?—спросилъ онъ мелькомъ двухъ знакомыхъ, засѣдавшихъ въ бібліотекѣ за газетнымъ столомъ.

— А вотъ,—прочтите сами, о. дьяконъ!—пододвинулъ вошедшему, вмѣсто отвѣта, ленту съ телеграммами одинъ изъ нихъ.

Иванъ Ѳедоровичъ началъ читать, и странныя пере-мѣны происходили съ нимъ. На блѣдномъ лицѣ сразу появилось выраженіе и удивленія, и ужаса, и внутренней муки;—было похоже на то, какъ если бы онъ получилъ неожиданно страшный, роковой ударъ. И въ самомъ дѣлѣ, узкая печатная полоска бумаги содержала на этотъ разъ роковыя, печальныя вѣсти для истинно-русскаго, чуткаго сердца о. дьякона. Телеграммы сообщали о страшномъ разгромѣ русской

эскадры Рождественскаго японцами. О. дьяконъ, словно не вѣря глазамъ, нѣсколько разъ машинально перечитывалъ одни и тѣ же строки, потомъ дрожащей рукой положилъ телеграмму на столъ. вздохнулъ глубоко и погрузился въ печальную думу...

— Да что же это такое, Господи!... Ужъ правда ли?... Такъ неожиданно и такъ ужасно...—вымолвилъ, наконецъ, Иванъ Федоровичъ, уставившись взглядомъ на интеллигентовъ.

— Но почему неожиданно, думаете вы? На войнѣ всего можно ожидать... Притомъ же и раньше у насъ были однѣ неудачи,—спокойно возразили интеллигенты, и въ словахъ ихъ о. дьякону почудилось даже прямо-таки преступное равнодушіе.

— Однако же! господа... смущенно замѣтилъ онъ:—какъ вы относитесь къ такой страшной потерѣ; неужели она нисколько не тревожитъ васъ, не задѣваетъ за живое?

— Да что же намъ дѣлать, по вашему, о. дьяконъ? Не плакать же прикажете... И война, вѣдь, не нами затѣяна, безъ нашего вѣдома,—мы тутъ не при чемъ!—опять совсѣмъ хладнокровно отпарировали два господина деликатный упрекъ Ивану Федоровичу. Послѣднему показалось даже, что какъ-будто ядовитая усмѣшка скользнула по ихъ лицамъ. Послѣ этого напрасно было бы искать здѣсь сочувствія своей душевной тревогѣ, и не зачѣмъ было больше оставаться въ библиотекѣ.

О. дьяконъ порывисто всталъ и, не попрощавшись съ собесѣдниками, направился въ свою квартиру,—подѣлиться нерадостной вѣстью съ Ириной Петровной, матушкой дьяконицей. Онъ напередъ зналъ, какъ близко къ сердцу приметъ она это новое горе, свалившееся такъ неожиданно на русскую грудь; онъ предчувствовалъ, какъ взаимное пониманіе, взаимная мука душевная по поводу его облегчатъ его острую силу, помогутъ найти утѣшеніе.

Такъ всегда бывало, такъ, вѣрно, будетъ и теперь. За долгую совмѣстную жизнь у нихъ сложились одни общіе,

согласные взгляды, одинаковые интересы: что любишь одинъ, то дорого было и другой, что было ненавистно одному; тѣмъ же возмущалась и другая. Иванъ Ѳедоровичъ и Ирина Петровна, какъ говорится, молились однимъ богамъ.

III.

Просто и по-хорошему сложилась ихъ жизнь. Не осложнилась она и присутствіемъ дѣтей, которыя вмѣстѣ съ радостью вносятъ столько горя и тревогъ въ родительское существованіе. Но простота жизни нашихъ друзей не означала тупого довольства и животной сытости и не была слѣдствіемъ ограниченности ихъ кругозора. Оба были въ достаточной степени развиты, умственно интеллигенты. Иванъ Ѳедоровичъ кончилъ семинарію, Ирина Петровна—епархіальное училище, если же Иванъ Ѳедоровичъ до сихъ поръ не былъ священникомъ, то единственно по отсутствію честолюбія и еще потому, что служба дьякономъ приходилась ему по душѣ.

Не одна только своя личная жизнь съ узкими практическими интересами наполняла ихъ существованіе, занимала мысль супруговъ. Много было идейнаго, общечеловѣческаго въ ихъ интересахъ, думахъ, разговорахъ,—ничто человѣческое имъ не было чуждо Хорошая книга, умная, хотя и недорогая, газета и, наконецъ, умѣнье вдумчиво и сознательно относиться къ окружающей жизни не допускали ихъ до одичанія и въ деревенской глуши, гдѣ много лѣтъ прослужилъ Иванъ Ѳедоровичъ до перемѣщенія въ городъ.

Но изъ общаго душевнаго уклада и нравственнаго характера Ивана Ѳедоровича выдѣлялись нѣкоторыя черты, которыя придавали опредѣленность и особенную симпатичность его духовной фізіономіи. Цѣлостная, беззавѣтная, почти дѣтская вѣра, не испытывавшая ни разу тяжкихъ мучительныхъ сомнѣній, благожелательныя, любовно-кроткія отношенія къ людямъ, сознательная любовь къ родной землѣ, къ Государю, доходящая до обожанія, до гордости ими,—вотъ черты, которыя выгодно отличали о. дьякона. Успѣхи, процвѣтаніе

родины, благоденствіе, счастливыя событія въ жизни Государя дороги и близки были Ивану Ѳедоровичу; любилъ онъ поговорить обо всемъ этомъ съ Приной Петровной, которая всегда искренно раздѣляла его радости и восторги.

Съ особенной любовью и тщательностью служилъ о. дьяконъ молебны въ царскіе и высокаторжественные дни; въ его голосѣ, при произношеніи эктеній и моленій, всегда въ такихъ случаяхъ звучали неподдѣльное чувство и искреннее воодушевленіе. Тѣ же добрыя чувства старался онъ укрѣпить и въ деревенскихъ прихожанахъ, почасту ведя съ ними простые разговоры на патріотическія темы. Вполнѣ устойчивое, свѣтло-радостное патріотическое міровоззрѣніе Ивана Ѳедоровича до поры до времени не омрачалось никакими тѣневыми сторонами. Ближе ознакомиться съ послѣдними, отнестись критически къ политическому и гражданскому состоянию дорогой родины и въ голову не приходило простодушному о. дьякону, тѣмъ болѣе, что онъ избѣгалъ чтенія нашихъ либеральныхъ газетъ и журналовъ.

Такимъ, крѣпко вѣрующимъ въ непоколебимость своихъ положительныхъ, оптимистическихъ взглядовъ, застигли врасплохъ нашего друга тревожныя событія послѣднихъ лѣтъ. Притомъ же перемѣщеніе изъ села въ городъ, случившееся какъ-разъ къ этому времени, ставило его лицомъ къ лицу съ разнообразнымъ и часто безтолковымъ отношеніемъ нашего общества къ совершающимся событіямъ грамаднаго политическаго и государственнаго значенія. И вотъ среди этого водоворота современной русской жизни долженъ онъ былъ вмѣстѣ съ Приной Петровной вынести цѣлую массу душевныхъ мукъ и терзаній...

IV.

Особенно волновали нашихъ друзей, мучительно отзывались на нихъ событія ужасной и несчастной войны... Правда, въ началѣ ея, когда вслѣдъ за манифестомъ русскимъ обществомъ овладѣло патріотическое воодушевленіе, Иванъ Ѳедо-

ровичъ также испытывалъ необыкновенный душевный подъемъ и вмѣстѣ съ другими твердо вѣрилъ въ скорую и славную побѣду надъ коварнымъ врагомъ. То было хорошее время: въ обществѣ и народѣ не замѣчалось раздѣленія, розни; напротивъ, казалось, что надвинувшаяся гроза тѣснѣе и крѣпче, чѣмъ когда-нибудь, сплотила всѣхъ русскихъ. Всѣ и всюду выражали самоотверженную готовность на всевозможныя жертвы. Начался обильный притокъ пожертвованій, организовались общества и кружки съ одной цѣлью—содѣйствовать успѣху общерусскаго дѣла..

Маленькій городокъ, гдѣ служилъ Иванъ Ѳедоровичъ, не отставалъ отъ общерусскаго движенія. Скромный по природѣ и по служебному положенію, о. дьяконъ, тѣмъ не менѣе, являлся дѣятельнымъ членомъ по организаціи разныхъ сборовъ на военныя нужды и самъ вносилъ болѣе, чѣмъ посильныя лепты. Ирина Петровна примкнула къ дамскому кружку, заботой котораго было оказывать вещественную поддержку военнымъ нуждамъ—готовить одежду, бѣлье для воиновъ.

— Ты, матушка, пользуйся случаемъ, который даетъ намъ теперь самъ Богъ, сдѣлать хорошее, доброе дѣло. Не жалѣй своихъ трудовъ и того, что удалось приконить раньше,—все носи въ жертву нашему отечеству, его славнымъ защитникамъ.

Такія рѣчи слышала Ирина Петровна въ это время отъ своего супруга и, поощряемая его примѣромъ, работала въ кружкѣ, не покладая рукъ. Перешла она массу рубашекъ и прочаго бѣлья на раненыхъ воиновъ, а когда матеріаль оскудѣвалъ въ дамскомъ кружкѣ, матушка-дьяконица съ легкимъ сердцемъ доставала холстъ, скопленный годами, изъ своего сундука и продолжала шить и кроить.

— Не къ чему намъ жалѣть и скопидомить, у насъ не дѣти!—оправдывала свои значительныя жертвы при случаѣ скромная дьяконица, когда въ кружкѣ пробовали благодарить ее.

Пока все, происходившее на глазахъ нашихъ друзей, было все же понятно для нихъ, имѣло смыслъ и оправданіе: и тяготы войны, и увлеченіе общества, имѣющее цѣлью съ

честью и славой выйти изъ постигшей бѣды. Но потомъ, что дальше, то больше казались странными, подчасъ дикими, возмутительными факты, совершающіеся на Руси и даже ближе—въ ихнемъ ничтожномъ городкѣ. вмѣсто единодушія всюду замѣчался разладъ, слышались дикіе толки и споры, чувствовалось общее недовольство, по поводу военныхъ неудачъ выражалось какое-то злорадство...

Общество, наперекоръ горю и бѣдѣ, постигшимъ родину, старалось, словно напоказъ, усиленно предаваться развлеченіямъ, удовольствіямъ. Откуда это извращенное, дикое, безучастное, злорадное, хамское отношеніе русскихъ людей къ своимъ собственнымъ бѣдамъ, недостаткамъ и недугамъ?—недоумѣвали простые люди, и возмущалась, закипала негодованіемъ неизвращенная русская душа...

— Эхъ, безстыдники, безстыдники!—съ горкимъ упрекомъ повторялъ всякій разъ Иванъ Ѳедоровичъ, проходя по городу и замѣчая на полусгнившихъ, убогихъ уличныхъ фонарныхъ столбахъ новыя афиши и анонсы о любительскихъ спектакляхъ, гуляньяхъ и другихъ общественныхъ увеселеніяхъ. —Что, дѣлаютъ и когда!.. Тамъ въ эти самыя минуты кровь наша же, можетъ быть, льется рѣкой, падаютъ и умираютъ изувѣченными родные дѣти, братья, отцы, а они здѣсь веселятся, устраиваютъ праздныя потѣхи!... Боже мой, да гдѣ же совѣсть, гдѣ стыдъ у людей?.. И вздыхали, и тужили, и возмущались современной тайной беззаконія, смущающей святую Русь, наши друзья, и молились тепло и искренне за своего Государя, за дорогую, милую, многострадальную родину.

V.

Вотъ и теперь—эта ужасная телеграмма и эта встрѣча въ библіотекѣ... Какъ и то и другое мучительно до боли отозвалось на душѣ Ивана Ѳедоровича! Вѣдь, вся Русь,—та, что не потеряла еще разсудка,—жила надеждой, что Рождественскій поправитъ прежнія неудачи, отомститъ за нихъ

врагу, ждала этой счастливой минуты чуть не полгода, и—вдруг!.. Да какъ же тутъ до слезъ не опечалиться, а вмѣсто того—равнодушное: „не наше дѣло“, словно не наша родная, кровная русская честь и слава подвергается униженію на радость недоброжелателямъ русскаго величія.. И до какого затменія, помраченія смысла дошли у насъ, если и такіе удары не заставляютъ насъ придти въ себя, одуматься!..

Безпросвѣтно, нерадостно было настроеніе о. дьякона, когда онъ возвратился домой, гдѣ съ готовымъ самоваромъ ждала его, по обыкновенію, Ирина Петровна. Но не самоваръ занялъ теперь вниманіе Ивана Ѳедоровича и матушки-дьяконицы.

— Въ конецъ, видно, прогнѣвалъ русскій народъ Господа Бога, не являетъ Онъ намъ всеильной помощи, опять погибла наша надежда!..

Началь о. дьяконъ передавать Принцъ Петровнѣ нерадостную новость, и встрѣтилъ съ ея стороны полное сочувствіе и пониманіе страшнаго событія... Самоваръ простылъ, а они сидѣли скорбные, печальные, бессильные понять смыслъ совершающихся вокругъ событій. Когда же, когда и чѣмъ закончится это великое испытаніе посланное на родную землю, когда опомнятся, покаются ея недостойныя, заблуждавшіяся дѣти? Эти вопросы томили и мучили уныло и тихо бесѣдующихъ супруговъ...

— Говорятъ,—припоминалъ Иванъ Ѳедоровичъ и газетные и ходячіе среди городской интеллигенціи толки,—что все это нестроеніе,—смута внутри и война снаружи,—приведутъ къ свѣтлому будущему. Это, по ихнему, признаки наступающей весны. Не знаю, теплая ли, свѣтлая ли весна встанетъ изъ всѣхъ безобразій, что творятся у насъ! Видятъ въ чемъ-то пробужденіе общественнаго самосознанія... и это-тѣ люди, которые злорадно смѣются надъ своей бѣдой, которые не чувствуютъ своего позора, плюя на себя самихъ. Нѣтъ, не этимъ господамъ создать русскую весну, возвратить родинѣ миръ и счастье, отомстить за поруганную честь!...

Такъ мучились великими муками, занимались важными вопросами маленькіе и совсѣмъ ужъ неважные люди. Излишнее увлеченіе дѣлами такой важности, экспансивность нашихъ знакомыхъ при разговорахъ о событіяхъ и фактахъ русской жизни, вмѣстѣ съ простотой и „отсталостью“ ихъ взглядовъ, давно подмѣчены были въ маленькомъ городкѣ досужими людьми; надъ ними подшучивали и смѣялись въ глаза и за глаза. Но Иванъ Ѳедоровичъ и Ирина Петровна оставались вѣрны своимъ честнымъ русскимъ убѣжденіемъ и не стыдились беззавѣтныхъ порывовъ своего, любящаго родину, сердца.

VI.

Послѣдовавшіе за несчастной войной событія въ русской жизни еще болѣе обезкуражили, выбили изъ мирной колеи сложившихся взглядовъ моихъ добрыхъ знакомыхъ. Революціонный, освободительный натискъ со стороны почти всѣхъ слоевъ общества на исконный строй русской жизни, въ который такъ вѣрили мои патріоты, на ихъ глазахъ увѣнчивался, какъ-будто, дѣйствительными успѣхами. Послѣдовало 17 октября съ его свободами, учрежденіе Думы, горячая партійная агитація при выборахъ, сопровождавшаяся небывалымъ оживленіемъ общества, надеждами какой-то новой жизни,—все это было чѣмъ-то несомнѣстимымъ съ наивными идеалами Ивана Ѳедоровича и его достойной половины, но въ тоже время настолько реальнымъ, сильнымъ, что открыто возставать и бороться съ новымъ направленіемъ казалось имъ напрасно, бесполезно. И пришлось „отсталымъ, дикимъ“ людямъ, какъ иногда называли тогда подобныхъ младенцевъ въ жизни, отойти молчаливо въ сторонку отъ окружающей шумихи, покорно замкнуться въ себѣ, выжидая отъ времени рѣшенія своихъ недоумѣній.

О. дьяконъ давно уже бросилъ посѣщеніе библіотеки: такъ не по душѣ были для него газетныя сообщенія и толки; смущали его и встрѣчи, и разговоры тамъ со знакомыми.

Люди казались незнаемыми, — откуда бралась только у них прыть и смѣлость сужденій, часто чудовищныхъ, неожиданныхъ. Но что особенно мучило внутренне кроткаго Ивана Ѳедоровича, — такъ это невольное признаніе нѣкоторой правды во всѣхъ этихъ новыхъ порывахъ, требованіяхъ „освободителей“, сознание излишняго оптимизма, наивности своихъ прежнихъ взглядовъ. Какъ-никакъ, предъ нимъ вставали теперь ясно въ первый разъ мрачныя стороны и прежнихъ порядковъ, сознавалась необходимость ихъ исправленія; но тутъ же возникло непреодолимое сомнѣніе въ искренности словъ и дѣлъ крикливыхъ борцовъ за новые порядки. Очень ужъ знакомы были по недавнему прошлому всѣ эти общественные крикуны уѣзднаго болота, сразу превратившіеся въ безкорыстныхъ народныхъ сторонниковъ. — „Очень ужъ усердствуютъ что-то для блага народнаго, не забыли бы только про него, какъ доберутся до власти. Небойсь себя напередъ постараются устроить повольнѣе“ — говорилъ онъ недовѣрчиво о нихъ наединѣ съ Приной Петровной, — „а народъ-то, да матушка Русь останутся при чемъ были!..

Не лучше чувствовалось Ивану Ѳедоровичу и въ родной духовной средѣ. Здѣсь „освободительныя“ страсти разгорались на широкомъ просторѣ, и большинство молодого духовенства считало за стыдъ не отозваться сочувственно на призывы либеральныхъ политическихъ партій, обѣщавшихъ своимъ сотрудникамъ всякія блага. Съѣзды, пастырскія собранія смѣняли одни другіе, давая возможность ораторамъ въ рясахъ выражать „назрѣвшія нужды“, и что только не говорилось. не обсуждалось на нихъ въ тѣ времена!.. И дико, и странно казалось нашему о. дьякону это возбужденіе представителей духовной среды, не мирилась душа его съ крайнимъ практицизмомъ и политической неустойчивостью батюшекъ.

— Ну, матушка, и дѣла же дѣлаются у насъ, — дѣлился Иванъ Ѳедоровичъ съ женой своими чувствами и впечатлѣніями, вынесенными съ одного такого съѣзда, — совсѣмъ, вѣдь, мы потеряли головы. Чего-то только не требовали: и архі-

ерея выборнаго, консисторію выборную, и пошамъ, дьяконамъ жениться по дважды и трижды, и жалованье чтобы было имъ положено министерское, и всякія права даны... Всего не перечесть. А чтобы о томъ, какъ строже и лучше дѣло Божіе править,—никто и не заикается... Нѣтъ, не пойду больше на ихъ собранія, Господь съ ними. Стану отказываться, пусть хоть штрафуютъ за упорство, все равно...

Иванъ Ѳеодоровичъ и впрямь не появлялся потомъ ни на одномъ съѣздѣ и собраніи духовенства, отказываясь подъ вымышленными предлогами, такъ что на него рукой махнуло начальство... Пришлось, такимъ образомъ, прямодушному о. дьякону оставаться въ бурно кипѣвшей кругомъ жизни совершенно изолированнымъ со своимъ патріотизмомъ, со своимъ свѣтлымъ, несложнымъ, но глубоко проникнутымъ вѣрою міросозерцаніемъ. Одна вѣрная подруга жизни Ирина Петровна дѣлила его душевныя терзанія, не теряя надежды на свѣтлый исходъ; находилъ Иванъ Ѳеодоровичъ отдыхъ себѣ еще въ нашемъ семейномъ кругу, откровенно говоря мнѣ свои завѣтныя думы. Но судьбѣ угодно было разлучить насъ какъ разъ въ эту пору: я перешелъ на службу за тысячи верстъ и съ того времени не слыхалъ уже ничего о своихъ милыхъ знакомыхъ.

Гдѣ-то вы теперь, мои простые, чистые сердцемъ и свѣтлымъ міросозерцаніемъ друзья, крѣпкіе вѣрой во все честное, доброе, святое, чтѣ есть въ человѣкѣ? Почему-то думается, что не сломили васъ прошумѣвшія надъ любимой родиной бури, и если вы умерли,—чего не дай Богъ,—то, вѣрно, съ надеждой на торжество свѣта и добра въ православной Руси... И кто изъ насъ не живетъ той же свѣтлой и чудной надеждой?

Бури пронесутся, солнце правды взглянетъ

Надъ родной страной;

Послѣ униженья краше еще встанетъ

Русь, нашъ край родной!

Свящ. А. Веселицкій.

О чумной эпидеміи.

Мѣры борьбы съ чумою.

(Окончаніе ¹⁾).

Незнакомство съ сущностью чумнаго заболѣванія и съ условіями распространенія эпидеміи, непринятіе цѣлесообразныхъ мѣръ, страхъ предъ чумою и стремленіе укрыться отъ нея въ тщательно запираемыхъ жилищахъ давали въ былыя времена возможность чумной заразы производить страшныя опустошенія въ населеніи, какія въ позднѣйшее время встрѣчаемъ развѣ среди некультурныхъ кочевниковъ. Или полное невѣжество, дерзающее отрицать очевидную опасность и совершенно пренебрегать мѣрами предохраненія и обеззараживанія, что наблюдалось при возникновеніи чумныхъ заболѣваній среди полудикихъ китайцевъ Маньчжуріи, естественно, не могло обойтись безъ многочисленныхъ жертвъ; тысячи ихъ пожрала зараза, ничѣмъ не останавливаемая, но еще и споспѣшествуемая на пути ея смертоноснаго распространенія. Довольно указать на такія противусанитарныя безобразія, какія въ первое время эпидеміи позволяли себѣ китайцы: умирающихъ и умершихъ отъ чумы клали на улицахъ, на берегу, бросали въ рѣку; на базарахъ торговали между прочимъ и старой одеждой, снятой съ умирающихъ и умершихъ отъ чумы; въ мѣшкѣ съ картофелемъ клали и чумной трупъ; на подводѣ съ мѣшками муки вывозили и чумные трупы, положенные поверхъ мѣшковъ; въ погребахъ съ овощами оставляли и чумные трупы. Но среди культурнаго населенія въ настоящее время, при энергичномъ и неослабномъ примѣненіи цѣлесообразныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ предохраненію отъ чумы и къ прекращенію ея распространенія, борьба съ чумою приводитъ къ болѣе благоприятнымъ результатамъ: продолжительность

¹⁾ См. № 19 за 1911 г.

эпидеміи укорачивается, районъ ея распространенія ограничивается, смертность отъ нея уменьшается.

Мѣры борьбы съ чумою группируются въ 2 категоріи: къ 1-ой относятся административныя мѣры, принимаемыя для устраненія заноса и прекращенія распространенія чумы изъ ея очага; ко 2-ой относятся мѣры, принимаемыя лично и въ домашнемъ быту для предохраненія отъ зараженія и для уничтоженія чумной заразы.

При обнаруженіи чумныхъ заболѣваній очагъ этотъ оцѣпляется стражею съ цѣлью не выпускать изъ него ничего зачумленного или подозрительнаго; въ оцѣпленіи (кордонѣ) отправляющіеся изъ чумнаго очага задерживаются и подвергаются врачебному наблюденію въ особыхъ помѣщеніяхъ (карантинѣ) въ теченіи 5 дней—не обнаружится ли чумное заболѣваніе? если обнаруживаются заболѣвающіе, таковыя изолируются въ больницы. Тавары и друг. вещи подлежатъ дезинфекціи; исключеніе сдѣлано международной конференціей только для корреспонденціи, которая можетъ пересылаться безъ дезинфецированія.

Со времени маньчжурской эпидеміи въ полосѣ отчужденія на протяженіи Восточно-Китайской желѣзн. дороги учреждено много врачебно-наблюдательныхъ пунктовъ; на санитарно-врачебной службѣ работаетъ санитарный персоналъ изъ 375 лицъ, въ числѣ коихъ 18 врачей, студенты, фельдшера, сестры милосердія и санитары; персоналъ дѣлится на отряды: больничный, дезинфекціонный и летучій для перевозки больныхъ и умершихъ; имѣются дезинфекціонныя камеры, гидропульты, кареты, телѣги, платформы; отведено 11 теплушекъ и 2 барака для карантина, 4 барака подъ изоляціонную и чумную больницы; одежда и вещи больныхъ обеззараживаются; устроены отдѣльныя кухни въ карантинѣ и въ больницахъ; желѣзная дорога не перевозитъ китайцевъ въ экстренныхъ и почтовыхъ поѣздахъ и въ 3 и 4 класс. пассажирскихъ поѣздовъ; въ 1 и 2 классы пассажирскихъ поѣздовъ китайцы допускаются послѣ врачебнаго осмотра; пас-

сажирскіе вагоны каждый разъ передъ посадкой пассажировъ обеззараживаются; китайцы могутъ проѣзжать только до станцій, отстоящихъ отъ границы Приморской области не ближе 300 верстъ, и до пограничной станціи Маньчжурія, при слѣдованіи въ Забайкалье—выдерживаютъ 5-дневный карантинъ; поѣзда сопровождаютъ фельдшера и обязаны измѣрять температуру у подозрительныхъ по здоровью пассажировъ. Благодаря этимъ принятымъ мѣрамъ въ поѣздахъ Восточно-Китайской ж. д. не было заболѣваній въ нынѣшнемъ году.

Противочумныя мѣры въ г. Харбинѣ приняты слѣдующія: городъ оцѣпленъ кругомъ на пространствѣ 15 верстъ; имѣется санитарный персоналъ изъ 56 лицъ (13 врачей, студенты, фельдшера) и учреждены городскія попечительства; попечительства много способствуютъ обонаруженію больныхъ въ китайскихъ кварталахъ; зачумленные китайскія фанзы, неподдающіяся обеззараживанію, сжигаются; жильцы изъ чумныхъ фанзъ, не больные, переводятся въ карантинъ и вещи ихъ обеззараживаются; устроены бесплатныя бани съ обеззараживаніемъ одежды и ночлежные пріюты съ выдачею хлѣба и чаю; всѣмъ ночлежникамъ ежедневно измѣряется температура; курильни опиума, харчевни и ночлежки низшаго разбора закрыты; чумные трупы, разбросанные, собираются и сжигаются въ печахъ, назначавшихся для обжиганія кирпичей; сжигаются также трупы и теперь умершихъ.— Въ предупрежденіе распространенія чумы по воднымъ путямъ и заноса заразы на Амуръ учреждены кордонъ и карантинъ по берегу Амура на протяженіи 50 верстъ вверхъ и внизъ отъ Благовѣщенска; изъ Владивостока, Николаевска и Хабаровска выселено 4000 безработныхъ китайцевъ и учрежденъ кордонъ; ко времени открытія навигаціи по воднымъ путямъ Амурскаго бассейна будутъ оборудованы 7 врачебно-наблюдательныхъ пунктовъ и 3 крейсера для надзора за судами. Признано особенно важнымъ предупредить зараженіе рѣчныхъ водъ, очистить рѣки, берега и острова отъ чумныхъ труповъ и ихъ остатковъ, не поѣденныхъ собаками. Въ предупрежде-

не заноса чумы изъ киргизской степи и развитія чумной эпидеміи на рыбныхъ промыслахъ Каспійскаго побережья открываются 3 врачебно-наблюдательныхъ пункта на Каспійскомъ побережьи.—Въ предупрежденіе заноса чумы въ Сибирь и въ Европейскую Россію съѣздъ въ Иркутскѣ постановилъ: организовать развѣдочные отряды обнаруженія чумныхъ заболѣваній, устроить бактериологическія лабораторіи, изоляціонныя отдѣленія и больницы, медицинскій персоналъ помѣщать въ особыхъ зданіяхъ, трупы китайцевъ сжигать, а для европейцевъ устроить особыя кладбища, истреблять крысъ, воспретить торговлю тряпьемъ и старымъ платьемъ, бумажныя деньги и монету при выдачѣ изъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій дезинфицировать, дезинфицировать пассажирскій багажъ, посылки и корреспонденцію, пассажировъ передъ посадкой осматривать; поѣзда должны сопровождать медицинскій персоналъ; въ поѣздѣ имѣть запасный вагонъ для обособленія заболѣвшихъ; не допускать тѣсноты въ вагонахъ, уменьшивъ число мѣстъ; движенія переселенцевъ въ Забайкальскую, Приморскую и Амурскую области не прекращать, но въ чумные районы переселенцевъ не впускать.—

Однако минуютъ кордонъ и карантинъ крысы, разбѣгающіяся изъ чумнаго очага или остающіяся въ скрытыхъ норахъ; а съ крысами разносится или удерживается и чума. Въ этомъ отношеніи опубликовано снова важное сообщеніе изъ Одессы. Съ 13 ноября 1910 г. чумную эпидемію въ Одессѣ можно было считать прекратившеюся: ни заболѣвшихъ чумою людей, ни зачумленныхъ крысъ не обнаруживалось. Но въ январѣ 1911 г. въ Одессѣ снова обнаружилось чумное заболѣваніе дѣвочки; изслѣдованіе пойманныхъ въ районѣ послѣднихъ чумныхъ заболѣваній крысъ показало, что 6 крысъ (изъ 57) несомнѣнно зачумлены. По этимъ основаніямъ настоятельно необходимо всѣми мѣрами тщательно истреблять крысъ и мышей. Истребленіе крысъ лучше всего производить посредствомъ отравленія ихъ крысинымъ тифомъ; ядомъ этимъ

смачиваются кусочки бѣлаго хлѣба и раскладываются въ мѣстахъ пребыванія и появленія крысъ, особенно у ихъ выходовъ; нужно однако остерегаться, чтобы эти отравленные куски хлѣба не попали въ пищу домашнимъ животнымъ и птицамъ, а также и человѣку; послѣднее можетъ случиться у малыхъ дѣтей; крысиный тифозный ядъ вреденъ и для другихъ организмовъ; даже взрослые люди умираютъ отъ него. Для истребленія мышей пригодны и мышеловки, и мышьяковая отравка. Подохшихъ и пойманныхъ крысъ и мышей требуется немедленно собирать и уничтожать сжиганіемъ или закапывать въ землю при тщательномъ обеззараживаніи ихъ труповъ и ямы; почву, гдѣ валялись крысиныя трупы или гдѣ имѣются крысиныя норы, требуется также обеззараживать, раскапывая самыя норы. Обеззараживаніе производится обильнымъ смачиваніемъ почвы свѣжеприготовленнымъ 20⁰/₀ известковымъ молокомъ или 4⁰/₆ растворомъ хлориновой извести. Для приготовленія известкового молока берется негашенная известь (непремѣнно въ камняхъ, а не въ порошокѣ) и смачивается въ ведрѣ теплою водою, приливаемою малыми порціями, пока не начнется разогрѣваніе, кипѣніе и распаденіе известкового камня; при достаточномъ прилитіи воды и смѣшеніи съ известью она вся соединяется съ известью и образуется густое известковое тѣсто; разбавивъ 1 ведро этого тѣста 2 ведрами воды, получаемъ 20⁰/₀ известковое молоко. Хлориновая известь (не вывѣтрившаяся, сильно пахучая) разводится прямо въ водѣ; 1 фунт. ея на 1 ведро воды даетъ (приблизительно) 4⁰/₀ растворъ.

Промышленные и домашніе предметы и вещи, находящіяся или бывшіе въ употребленіи въ зачумленной мѣстности, требуется надежно обеззараживать. Если вещи малопѣнны, тѣмъ болѣе ветхи, или были на тѣлѣ и на постели больныхъ, то благоразумнѣе прямо уничтожать ихъ сожженіемъ; сожженію же подлежатъ и тѣ вещи, которыя не выдерживаютъ обеззараживанія и отъ него портятся, напримѣръ, пуховыя. Обеззараживаніе вещей, смотря по роду ихъ и отношенію къ способамъ обеззараживанія, производится: 1) ки-

паченіемъ въ водѣ въ продолженіи не менѣе 1 часа; такому провариванію особенно хорошо подвергаются бумажныя, полотняныя, шелковыя и шерстяныя ткани и всякая посуда; 2) прогрѣваніемъ паромъ въ паровой камерѣ; этотъ способъ съ выгодою замѣняетъ кипяченіе въ случаѣ, если требуется обеззараживать много вещей и кипяченіе ихъ затруднительно; кожанныя, мѣховыя и пуховыя вещи какъ отъ кипяченія, такъ и отъ пропариванія портятся; 3) деревянныя, металлическія, косяныя вещи обеззараживаются погруженіемъ ихъ въ 3% растворъ карболовой кислоты, или въ $\frac{1}{10}$ % растворъ сулемы, или 5% щелочнодегтярный растворъ. Для обеззараживанія поверхности вещей достаточно погрузить ихъ въ растворъ на 20—30 минутъ: если требуется обеззараживать толщѣ вещей (толстую одежду, бѣлье), то необходимо вещи вымачивать въ растворѣ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Если нельзя погрузить вещи въ растворъ, то для обеззараживанія поверхности вещи должно тщательно во всѣхъ мѣстахъ и обильно вымыть растворомъ. Щелочнодегтярный растворъ готовится такъ: въ деревянной кадкѣ къ $1\frac{1}{2}$ фунт. кусковой негашенной извести приливаютъ понемногу тепло-ватой воды и смѣшиваютъ; когда образуется горячая тѣстообразная известковая масса, то къ ней прибавляютъ небольшими порціями 1 фунт. хорошаго соснового дегтя, стараясь медленнымъ постояннымъ помѣшиваніемъ равномернo смѣшать его съ известковымъ тѣстомъ; полученную буроватую массу разбавляютъ 1 ведромъ воды и послѣ тщательнаго размѣшиванія даютъ смѣси отстояться; черезъ 1 часъ отстоявшуюся жидкость сливаютъ,—это и есть щелочнодегтярный растворъ; чтобы не задерживаться отстаиваніемъ, можно разболтанную массу процѣдить черезъ рѣдкое полотно, и щелочнодегтярный растворъ тогда также готовъ къ употребленію; обеззараживаніе бѣлья требуетъ вымачиванія въ немъ въ теченіи 5 часовъ, при этомъ бѣлье не портится и не пачается дегтемъ.

4) Кожанная и меховая вещи, книги удобнее всего обеззараживать формалином; кожа и мех, предварительно расчесанный, тщательно протираются губками или тряпками смоченными 20% раствором формалина; книги, тетради окуриваются (в развернутом состоянии) парами формалина; пары формалина требуется разводить посредством специального аппарата в замкнутом шкафу или ящике. 5) Выделения больного (рвотные, каловые, моча, мокрота), вода после обмывания покойника обеззараживаются тщательным смыванием их с 20% известковым молоком и 4% раствором хлорной извести или 5% щелочнодегтярным раствором в равных количествах с обеззараживаемыми предметами.

Большую важность для предохранения от появления чумной заразы, а также и наиболее хлопот для обеззараживания в случае появления чумного заболевания представляет содержание в чистоте жилищ. Особенно требуется достигнуть чистоты тех помещений, которые вообще всегда пользуются меньшею нашею заботою и потому всегда служат местами скопления сора, нечистоты, гнили и пристанищем разных паразитов, в частности крыс и мышей. Таковыми местами оказываются подвалы, продуктовые кладовые, амбары, погреба, сарай, конюшни, мусорные и выгребные ямы. Отсутствие или недостаток света и вентиляции в подвалах, погребах делает их еще более опасными местами в отношении появления и утверждения заразы. Эти загрязняемые обильно места требуется не только очищать от сора и гнили, но и обеззараживать. Собранный сор подлежит сожжению; а потолок, стены, пол, полки, ящики, почва тщательно промазываются свежим 20% известковым молоком. В жилом помещении, кроме предметов обстановки, требуют содержания в чистоте, а в случае заболевания—и обеззараживания, поверхность внутренняя помещения и самый воздух. Потолок и стены жилого помещения очищаются и обеззараживаются промазыванием их 4% раствором хлорной извести и 20% известковым моло-

комъ съ перетиркою штукатурки; деревянный полъ хорошо вымывается и обеззараживается 5⁰/₀ щелочнодегтярнымъ растворомъ. Воздухъ жилого помѣщенія очищается посредствомъ хорошаго провѣтриванія и послѣдующаго затѣмъ насыщенія его парами скипидара, или эвкалиптоваго масла, или такъ называемой „лѣсной водой“, для обеззараживанія же жилого воздуха требуется окуриваніе помѣщенія парами формалина; послѣ предварительнаго провѣтриванія жилого помѣщенія оно плотно затворяется, оконныя щели заклеиваются, воздухъ комнатный насыщается сначала парами воды, а затѣмъ тотчасъ парами формалина; цѣлые сутки стоятъ разведенные пары формалина въ комнатномъ воздухѣ, а затѣмъ жилое помѣщеніе хорошо провѣтривается для удаленія формалина; на все время производства дезинфекціи формалиномъ (а также и хлориновой известью) жильцы удаляются изъ помѣщенія.—

Но въ стѣнахъ, въ полу, въ мебели могутъ жить разныя насѣкомыя—паразиты; они ранятъ кожу и переносятъ заразу отъ больныхъ людей и животныхъ къ здоровымъ. Посему требуется тщательно истреблять насѣкомыхъ. Вотъ предлагаемая для этой цѣли средства:

Для истребленія блохъ. Полъ помѣщенія, постельныя принадлежности и проч. смазываются или опрыскиваются смѣсью керосина съ мыльнымъ растворомъ; сулема и формалинь на блохъ не дѣйствуютъ. Смѣсь готовится такъ: 3 части мыла распускаютъ въ 15 частяхъ горячей воды; къ мыльной водѣ постепенно прибавляютъ, хорошо размѣшивая, нагрѣтый керосинъ до полученія 100 частей. Передъ употребленіемъ этой смѣси берутъ 1 часть ея и разбавляютъ 20 частями воды.

Для клоповъ. Формалинь не дѣйствуетъ. Наиболѣе пригодна смѣсь слѣдующаго состава и приготовленія: пикриновой кислоты и гвоздичнаго масла по 5 частей, стеариновой свѣчи и параффина по 10 частей, очищеннаго петролеума 250 частей варятъ на медленномъ огнѣ нѣсколько часовъ и затѣмъ сливаютъ въ бутылку.

Для вшей и гнидъ. Въ бѣльѣ онѣ убиваются кипяченіемъ; въ платѣ, въ постели, въ помѣщеніи убиваются пульверизаціей слѣдующей смѣси: керосина 6 частей, скипидара 3 части, ксилола 1 часть и карболовой кислоты $\frac{1}{2}$ части; въ головѣ убиваются пульверизаціей волосъ смѣсью 1 части ксилола и 2 частей керосина; голова затѣмъ вымывается теплой водой съ мыломъ; при пульверизаціи и вымываніи нужно защищать глаза отъ попаданія жидкости.

Для муравьевъ. Для изгнанія муравьевъ изъ жилого помѣщенія, кладовыхъ, амбаровъ, оказывается полезнымъ опрыскиваніе или смачиваніе мѣстъ ихъ пребыванія смѣсью камфорнаго и нашатырнаго спиртовъ въ равныхъ частяхъ.

Для таракановъ. Приготовляютъ крутое тѣсто изъ смѣси: по 20 частей муки, сахара, бѣлой чемерицы и рвотнаго камня, 50 частей глицерина и нѣкотораго количества воды; тѣсто кладутъ въ мѣста, гдѣ ползаютъ тараканы; а въ щели, гдѣ ютятся тараканы, вдуваютъ баллономъ смѣсь изъ 4 частей порошка буры, 1 части пшеничной муки и 1 части сахара.

Для мухъ. Ловятъ на бумажный листъ, намазанный сплавомъ изъ 1 одной части канифоли и 2 частей кастороваго масла, или ловятъ въ водный настой квасцинъ, разлитый въ тарелки или плошки. Сквозной вѣтерокъ въ помѣщеніи уменьшаетъ количество мухъ въ помѣщеніи.

Меры личнаго предохраненія отъ чумнаго зараженія указываются самымъ характеромъ зараженія и противустоянія заразѣ: человекъ долженъ удаляться зачумленного или подозрительнаго и сохранять въ себѣ крѣпость силъ и здоровье своихъ органовъ. Наблюденія указываютъ, что особенно легко заражаются люди ухаживающіе за чумными больными, живущіе съ ними, обряжающіе умершихъ. Посему заболѣвшаго чумою, или даже при подозрѣніи на чуму, необходимо выдѣлить тотчасъ же, если нѣтъ больницы или другого приспособленнаго помѣщенія, то хотя бы въ особую комнату, которую нужно и содержать отдѣльно отъ другихъ. Лица, ухаживающія или соприкасающіяся съ чумными, должны изъ-

бѣгать близости дыханія больного; голову должны покрывать шапочкой или платкомъ; должны одѣвать поверхъ одежды халатъ (холщевый), который, уходя отъ больного, нужно снимать; должны послѣ прикосновенія къ чумному больному и его выдѣленіямъ мыть свои руки водою съ мыломъ, а затѣмъ смывать сулемовымъ растворомъ (1 часть на 1000), или виннымъ спиртомъ, или 20% растворомъ борной кислоты; по уходѣ отъ больного, должны вымыть лицо и особенно волосистыя части (бороду, усы, а иногда и голову). Одежду слѣдуетъ чаще мѣнять; если-же на нее попадутъ выдѣленія больного,—мѣнять тотчасъ же и обеззараживать. Въ комнатѣ больного не слѣдуетъ ни ѣсть, ни пить; нельзя пользоваться одною посудою съ больнымъ; нельзя долго находиться вблизи чумнаго, а тѣмъ болѣе спать вблизи него. Чумныхъ покойниковъ опасно обмывать и одѣвать; слѣдуетъ прямо класть въ гробъ, плотно закрывать и скоро хоронить, отпѣвая на кладбищѣ. При большомъ числѣ умирающихъ допускается вырывать общія могилы (для 2—3 покойниковъ), но требуется непременно вырывать на глубину 3 аршинъ и могилу засыпать плотно землею; если же могила, плохо засыпанная, начнетъ обваливаться, осѣдать, то необходимо ее съ поверхности обеззараживать хлориновой и негашеной известью и плотно засыпать землею.—

Опасно во время чумы посѣщать базары и покупать тамъ вещи, особенно подержанныя, или пищевые продукты у торговцевъ и разносчиковъ; базары—это мѣста скопленія заразы; какія крайнія антисанитарныя явленія могутъ встрѣчаться на базарахъ, показываютъ сообщенія изъ Маньчжуріи. Не слѣдуетъ во время чумы посѣщать рестораны и разныя мѣста увеселеній, обычно не отличающіяся чистотою; въ особенности опасно проводить время въ разгулѣ, допускать излишества, употреблять обильно спиртные напитки, проводить бессонныя ночи; все это съ одной стороны увеличиваетъ возможность встрѣчи съ заразою, а съ другой стороны ослабляетъ организмъ и ведетъ къ разстройству здоровой дѣятель-

тельности органовъ. Нужно беречься простуды, не дѣлать прогулокъ въ неблагопріятное время и въ не вполне гигиеническихъ мѣстахъ; необходимо блюсти чистоту тѣла и оберегать его покровы; отъ нечистоты кожи появляются сыпи и расчесы; при ходьбѣ босыми ногами можно поранить ноги и ступать по зачумленной почвѣ; а черезъ мѣста раненій зараза свободно входитъ въ тѣло. Съ другой стороны—безпокойство и страхъ, раздраженіе и гнѣвливость, усталость и изнеможеніе, голоданіе и изнуреніе располагають къ заболѣванію, лишая организмъ потребныхъ для борьбы и устойчивости силъ. Для успѣшной борьбы съ заразою и самосохраненія нужны чистота во всемъ, правильный образъ жизни, спокойствіе духа и здоровые органы тѣла.

Преподават. врачъ *Городецкий*.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 10-го мая 1911 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ, Гиб. Аки. Обл. печат. в изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Мерингов. ул. д. № 6.

ГОДЪ

ЛІ

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 21

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года мая 22-го дня.

Содержаніе: I. Возрожденіе чрезъ крещеніе. Н. Гумилевскій. — II. Формальность. Свящ. В. Пестряковъ. — III. Мнѣніе простаго народа о пьянствѣ. Е. Х—ъ. — VI. Замѣтки: а) Портреты Л. Толстого въ русскихъ школахъ. — б) Сообщаніе пастырей.

Возрожденіе чрезъ крещеніе.

(Противъ баптистовъ).

Однимъ изъ главныхъ отличительныхъ пунктовъ баптистскаго ученія, не только отъ православія, но и отъ другихъ христіанскихъ исповѣданій, является отрицаніе крещенія младенцевъ. Противъ такого отрицанія баптистамъ обыкновенно указываютъ на то, что безъ возрожденія, совершающагося въ крещеніи, никто „не можетъ войти въ Царствіе Божіе“ (Іоан. 3, 5), и потому некрещенные младенцы лишаются надежды на вѣчное спасеніе. Чтобы отстоять свое заблужденіе, баптисты оказались вынужденными извратить самое ученіе

благодатномъ дѣйствиі крещенія. Они учатъ, что человекъ возрождается Словомъ Божиимъ, а потомъ принимаетъ крещеніе, которое есть только символъ, или внѣшній знакъ возрожденія, уже совершившагося раньше. Въ этомъ смыслѣ они стараются изъяснить и указанія слова Спасителя (Іоан. 3, 5); по крайней мѣрѣ, въ статьѣ „Бесѣда о крещеніи младенцевъ“ (журн. „Баптистъ“ 1911 г. № 1) рассказывается, какъ подобнымъ толкованіемъ баптисты поразили православнаго миссіонера, который будто бы ничего на это не могъ отвѣтить.

Довольно подробно излагается и аргументируется это ученіе въ томъ-же журналѣ, въ статьѣ англійскаго баптистскаго проповѣдника Спердженъ „Возрожденіе чрезъ крещеніе“ („Баптистъ“ 1911, № 4—8). Спердженъ критикуетъ англиканское ученіе по данному вопросу, но его критика можетъ быть примѣнена и къ православному ученію, почему она и попала на страницы русскаго сектантскаго журнала. Означенная статья представляетъ собою проповѣдь на текстъ Марк. 16, 15—16. Спердженъ останавливается на словахъ: „кто не будетъ вѣровать, осужденъ будетъ“, и дѣлаетъ изъ нихъ выводъ, что спасаетъ человека вѣра, а не крещеніе. Если же крещеніе не спасаетъ, то ученіе о возрожденіи чрезъ крещеніе есть величайшее заблужденіе. „Мы признаемъ“, говоритъ проповѣдникъ, „что никто не спасается крещеніемъ, потому что мы думаемъ, прежде всего, что *кажется несогласнымъ съ характеромъ духовной религіи, которой училъ Христосъ*, чтобы Онъ слѣлалъ спасеніе зависящимъ лишь отъ обряда... Христосъ утверждаетъ о Своей вѣрѣ, что она чисто духовная; какимъ же образомъ могъ Онъ соединить возрожденіе съ особымъ употребленіемъ воды? Я не могу понять, какъ оно могло бы быть механическимъ, если бы я посланъ былъ учить, что простое окропленіе лба нѣсколькими каплями воды, или даже погруженіе человека въ воду можетъ спасти душу. Такая религія кажется мнѣ самой механической изъ всѣхъ существующихъ въ настоящее время религій, которая стоитъ наравнѣ съ молитвенными вѣтрянными

мельницами въ Тибетѣ¹⁾.—Но Слово Божіе ясно свидѣтельствуєтъ, что „крещеніе спасаетъ насъ воскресеніемъ Іисуса Христа“ (1 Петр. 3, 21). Въ указанной выше „Бесѣдѣ о крещеніи младенцевъ“ баптистъ старается изъяснить эти слова въ томъ смыслѣ, что спасаетъ насъ не крещеніе, а воскресеніе Христово: но извращеніе текста при такомъ толкованіи очевидно само собою. Ап. Павелъ также говоритъ, что Христосъ „спасъ насъ банею возрожденія“ (Тит. 3, 5), а въ другомъ мѣстѣ называетъ эту баню „банею водною“ (Еф. 5, 26), такъ что очевидно разумѣть подъ нею водное крещеніе. Напрасно баптисты стараются послѣднее выраженіе изъяснить аллегорически, ссылаясь на дальнѣйшее: „посредствомъ слова: „баня водная“ и „слово“—два различныхъ понятія, такъ какъ въ практикѣ апостольской словесное наставленіе всегда совершалось отдѣльно отъ воднаго крещенія. примѣромъ чего можетъ служить крещеніе Корнилія сотника (Дѣян. 10, 34—48) и евнуха (Дѣян. 8, 35—38). Наконецъ, о спасительности воднаго крещенія ясно свидѣлствуютъ слова Самого Господа: „если кто не родится отъ воды и Духа, не можетъ войти въ Царствіе Божіе“ (Іоан. 3, 5). Совершенно неправильно въ указанной бесѣдѣ баптистъ доказываетъ, что здѣсь подъ водою нужно разумѣть Слово Божіе, какъ и въ бесѣдѣ Христа съ самарянкой: тамъ Христосъ прямо противопоставляетъ живую воду, которую Онъ дастъ, водѣ обыкновенной и тѣмъ показываетъ, что слова тѣ нельзя понимать въ буквальномъ смыслѣ; въ бесѣдѣ же съ Никодимомъ никакого подобнаго указанія Христосъ не даетъ. Кромѣ того, вода, текущая въ жизнь вѣчную, по изъясненію евангелиста Іоанна (7, 39), означаетъ не Слово Божіе, а благодать Духа Св., а въ рассматриваемомъ мѣстѣ Христосъ говоритъ о рожденіи отъ воды и Духа.

Но, признавая средствомъ спасенія человѣка именно водное крещеніе, Православная Церковь, вопреки утверженію

¹⁾ „Баптистъ“, № 5, 35 стр.

Спёрджена, не приписываетъ крещенію механическаго вѣдѣнія. Православная Церковь признаетъ какъ вообще въ дѣлѣ спасенія, такъ, въ частности, и въ крещеніи необходимость активнаго личнаго участія самого человѣка, такъ что, по ученію Церкви, человѣка не вѣрующаго, не кающагося во грѣхахъ, не обращающагося къ милосердію Божію крещеніе само по себѣ власти не можетъ. Правда, Церковь допускаетъ крещеніе неразумныхъ младенцевъ, но это совершаетъ она въ томъ убѣжденіи, что и младенцы способны къ воспріятію благодати Божіей (Лук. 1, 41), такъ какъ въ ихъ природѣ есть зачатки добра и стремленія къ Богу, несмотря на присущій и имъ прародительскій грѣхъ; есть у нихъ и нѣкоторая степень сознательности (Матѣ. 21, 16).

Далѣе Спёрджень въ своей проповѣди хочетъ доказать, что ученіе о возрождающемъ дѣйстви крещенія не подтверждается фактами. Онъ указываетъ на то, что многіе изъ преступниковъ, заключенныхъ въ тюрьмы и даже повѣшенныхъ, были крещены въ дѣтствѣ, и заключаетъ отсюда, что не всѣ крещенные суть дѣти Божіи. Но вѣдь и пережившіе то, что у баптистовъ называется обращеніемъ и возрожденіемъ, не свободны отъ грѣховъ, и среди нихъ возможны даже тяжкія преступленія. Ап. Павелъ говоритъ, что просвѣщенные и вкусившіе дара небеснаго, и содѣлавшіеся причастниками Духа Святаго, и вкусившіе благого глагола Божія и силъ будущаго вѣка могутъ пасть настолько глубоко, что „снова распинаютъ въ себѣ Сына Божія и ругаются Ему“ (Евр. 6, 4—6). Такое явленіе возможно потому, что возрожденіе, совершающееся въ крещеніи, есть только начало освященія, а не достиженіе высшей степени святости и невозможности грѣшить.

При крещеніи требуется отъ крещаемаго „обѣщаніе Богу доброй совѣсти“ (1 Пет. 3, 21); такъ какъ сами младенцы такого обѣщанія дать не могутъ, то за нихъ даютъ его ихъ родители и восприемники. Такое установленіе церковное Спёрджень также сильно порицаетъ. Онъ говоритъ, что, давая за младенца обѣтъ отречься отъ сатаны, отъ міра

и всѣхъ похотей его, воспріемники должны понимать, что они даютъ обѣтъ неисполнимый и, такимъ образомъ, обмазываютъ Бога. Но если обѣты, даваемые при крещеніи, не выполнимы, то не въ лучшемъ положеніи оказываются и тѣ баптисты, которые крестятся взрослыми и даютъ обѣты сами за себя. Исполненіе этихъ обѣтовъ, конечно, невозможно для собственныхъ силъ человѣка; но даются эти обѣты и взрослыми крещаемыми, и за младенцевъ ихъ воспріемниками съ упованіемъ на всесильное содѣйствіе благодати Божіей.

Отвергая спасительное значеніе крещенія, баптисты противорѣчатъ сами себѣ, такъ какъ сами принимаютъ водное крещеніе. Поэтому Спёрджень, отвергнувши англиканское (и православное) пониманіе крещенія, старается все-таки показать, что крещеніе нѣкоторый смыслъ имѣетъ. Онъ есть, по его изъясненію, исповѣданіе вѣры, свидѣтельство о вѣрѣ, даже подкрѣпленіе вѣры: „такъ какъ мы созданы изъ души и тѣла, то намъ нужны нѣкоторыя средства, которыми тѣло побуждается иногда къ совмѣстной работѣ съ душою... Мы не оказываемъ никакого благоговѣнія крещальнѣ, ни крещенію, но въ крещеніи и водѣ мы видимъ такое вспомогательное средство, которое дѣлаетъ болѣе яснымъ и нагляднымъ для насъ наше погребеніе со Христомъ и наше воскресеніе съ нимъ въ обновленіи жизни“¹⁾. Но мы уже приводили утвержденія Спёрджена, что христіанство есть религія исключительно духовная. Повидимому, онъ и самъ понимаетъ недостаточность своего объясненія, почему крещеніе необходимо, такъ какъ приходитъ къ выводу, что необходимость эта обусловливается, главнымъ образомъ, (а въ существѣ дѣла, по баптистскому представленію—исключительно) повелѣніемъ Христа совершать крещеніе. „Крещеніе есть, или должно быть первымъ дѣйствіемъ послушанія вѣры... Если бы оно приносило пользу, то мое себялюбіе заставило бы меня сдѣлать это, и хотя на мой взглядъ, въ немъ нѣтъ

¹⁾ „Баптистъ“ 1911 г., № 8, 59 стр.

никакой пользы, но такъ какъ мой Господь велитъ мнѣ такимъ образомъ исполнить всякую правду, то это есть мое первое публичное объявленіе того, что представляющееся неразумнымъ и кажущееся бесполезнымъ, будучи приказано Богомъ, есть законъ для меня“¹⁾. Но Христосъ неразумныхъ и безцѣльныхъ повелѣній не давалъ: слова Его суть „духъ и жизнь“ (Іоан. 6, 63). А при призваніи ученія Христова исключительно духовнымъ, водное крещеніе оказывается бессмысленнымъ, что и утверждаютъ молоканы и такъ называемые духовные шундисты (евангельскіе христіане).

Такимъ образомъ, всё возраженія, приводимыя Спердженомъ противъ возрождающаго дѣйствія крещенія оказываются неосновательными. Замѣчательно, что онъ не приводитъ доказательствъ изъ Слова Божія, кромѣ текста, поставленнаго въ началѣ проповѣди. Доказательствъ проповѣдуемаго Спердженомъ ученія въ Св. Писаніи и нельзя найти; послѣднее, напротивъ, ясно свидѣтельствуетъ о спасительности крещенія. Кромѣ указанныхъ выше мѣстъ Св. Писанія, есть много другихъ, въ которыхъ та же мысль раскрывается частнѣе и подробнѣе. По свидѣтельству ап. Павла, чрезъ крещеніе человѣкъ присоединяется къ тѣлу Христову—Церкви и, такимъ образомъ, становится членомъ Самого Христа: „какъ тѣло одно, но имѣетъ многіе члены, и всё члены одного тѣла, хотя ихъ и много, составляютъ одно тѣло,—такъ и Христосъ; ибо всё мы однимъ Духомъ крестились въ одно тѣло“ (1 Кор. 12, 12—13). Въ томъ же смыслѣ ап. Павелъ въ другомъ мѣстѣ пишетъ: „всѣ вы, во Христа крестившіеся, во Христа облеклись“ (Гал. 3, 27). Но безъ тѣснаго, органическаго соединенія со Христомъ невозможна истинная духовная жизнь и, слѣдовательно, невозможно спасеніе (Іоан. 15, 4—6). Грѣхопаденіемъ прародителей духовное начало было настолько ослаблено въ человѣкѣ, что онъ сталъ плотнымъ, проданнымъ грѣху (Рим. 7, 14). „Однимъ человѣкомъ грѣхъ во-

¹⁾ Тамъ-же, 58—59 стр.

шелъ въ міръ“ (Рим. 5, 12) и такъ укоренился въ природѣ человѣческой, что сталъ въ ней „инымъ закономъ“, дѣлающимъ человѣка своимъ плѣнникомъ (Рим. 7, 23). Отъ такого грѣховнаго состоянія человѣкъ самъ не въ силахъ избавиться; поэтому для спасенія людей необходимо было, чтобы Сынъ Божій воспринялъ природу человѣческую и въ Себѣ Самомъ возстановилъ и освятилъ ее. Черезъ соединеніе со Христомъ и всѣ люди могутъ воспринять въ себя начало новой, духовной, Божественной жизни и избавиться „отъ суетной жизни, преданной отъ отцовъ“ (1 Пет. 1, 18), отъ вошедшаго въ природу человѣческую грѣховнаго начала, или, какъ говорить ап. Павелъ, „совлечься тѣла грѣховнаго—плоти“, а это совлеченіе совершается въ крещеніи (Кол. 2, 11—12).

Наиболѣе подробно благодатное дѣйствіе крещенія раскрывается въ 6-й гл. посл. къ Римлянамъ. Ап. Павелъ говоритъ, что крещеніе подобіе смерти и воскресенія Христа. „Неужели вы не знаете, что всѣ мы, крестившіеся во Христа Іисуса, въ смерть Его крестились? Итакъ мы погреблись съ Нимъ крещеніемъ въ смерть, какъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ славою Отца, такъ и намъ ходить въ обновленной жизни... Ветхій нашъ человѣкъ раснять съ Нимъ, чтобы упразднено было тѣло грѣховное, дабы намъ не быть уже рабами грѣху; ибо умершій освободился отъ грѣха“ (3—4 6—7 ст.). Итакъ, крещеніе есть смерть для грѣха и начало жизни для Бога (11 ст.). Благодатию Божіею, подаваемою въ крещеніи, человѣкъ освобождается отъ владычества грѣха, который поработалъ его. Правда, возможность и склонность къ грѣху остается въ человѣкѣ и послѣ крещенія, но человѣкъ получаетъ силы побѣждать эту склонность: „итакъ да не царствуетъ грѣхъ въ смертномъ вашемъ тѣлѣ, чтобы вамъ повиноваться ему въ похотяхъ его“ (12 ст.). Разумѣется, такое благодатное дѣйствіе оказываетъ вода крещенія не сама по себѣ, а какъ орудіе благодати Божіей; никакой магической силы эта вода въ себѣ не заключаетъ, но Богъ искони благоволилъ избирать внѣшнія средства для проявленія Своей

чудодѣйственной силы, какъ жезлъ Моисея, кусокъ дерева, усладившій воды Мерры, ковчегъ завѣта, воды Вивезды (Юан. 5, 4), бренье при исцѣленіи слѣпорожденнаго (Юан. 9, 6) и т. д.

Остается сказать о тѣхъ мѣстахъ Св. Писанія, гдѣ слову Божію приписывается возрождающее дѣйствіе (Іак. 1, 18 Пет. 1, 23). Эти и подобныя мѣста приводятся баптистами въ подтвержденіе того, что возрожденіе совершается не чрезъ крещеніе, а чрезъ слушаніе и принятіе съ вѣрою Слова Божія. Но въ указанныхъ мѣстахъ вовсе не отвергается важность крещенія, столь ясно раскрытая въ Св. Писаніи. Какъ уже было сказано, крещеніе не дѣйствуетъ механически, а спасаетъ только человѣка вѣрующаго, предающаго себѣ въ руки Божіи. Для созданія въ человѣкѣ такого настроенія, необходимо слышаніе Слова Божія, вслѣдствіе чего послѣднее также содѣйствуетъ возрожденію человѣка: но при какихъ внѣшнихъ посредствахъ происходитъ это возрожденіе, объ этомъ въ разсматриваемыхъ мѣстахъ совершенно не говорится.

Н. Гумилевскій.

Формалистъ.

(Съ натуры. Изъ городскиъ нравовъ).

Городской іерей, — назовемъ его о. Мелетіемъ — живетъ и дѣйствуетъ, какъ большинство его собратьевъ: утренніе часы посвящаетъ законоучительству въ нѣсколькихъ школахъ; послѣ обѣда пастырствуетъ, т. е. исполняетъ требы, порою не безъ спѣшности и туги сердечной. Уроковъ у него не много, всего 20, но и тѣ онъ исполняетъ съ трудомъ и пропусками: всякая экстренная треба, совершаемая утромъ, отрываетъ часы отъ школьныхъ занятій. Впрочемъ, большая часть требъ, по условіямъ городской жизни, исполняются въ воскресные и праздничные дни; даже умирать люди какъ-то стараются больше наканунѣ этихъ дней. Черезъ это городской іерей въ праздничные дни, — для другихъ дни покоя и тихихъ семей-

ныхъ радостей,—сбрасывается въ вода мелотяща, коему не даютъ покоя и на пять минутъ.

Отказаться бы отъ уроковъ?..

Одна мечта объ этомъ приводитъ о. Мелетія въ невыразимый восторгъ. Сколько можно было-бы прочесть, пере-думать, сдѣлать для прихода!.. Но какъ же отказаться?

На сто рублей въ мѣсяцъ, какіе даетъ приходъ, съ семьей въ городѣ не прожить, когда и съ уроками едва сведешь концы съ концами. И о. Мелетій тянетъ свой трудъ, подбодряя себя примѣрами, какіе видить кругомъ. 20 уроковъ въ городскихъ училищахъ—большая важность! А не угодно-ли 30, изъ нихъ часть въ высшихъ, часть въ среднихъ училищахъ, да приходская церковь, да почетныхъ должностей штуки три—ихъ такъ много въ духовенствѣ, что только никудышныхъ да строптивыхъ ими не награждаютъ. Вотъ это трудъ!.. Есть богато-одаренные и трудоспособные люди, которымъ что-бы ни предложили,—разъ запахло рублемъ или милостью начальства, —никогда не откажутся. Лучше оплачиваемые уроки и платныя должности заняты, какъ и вездѣ въ мірѣ, болѣе заслуженными и обеспеченными людьми. Для молодежи занятія попроше и подешевле въ разныхъ концахъ города; это не только справедливо, но и полезно: въ кипучемъ трудѣ укрѣпляются нервы, легкіе и развивается голова...

Три часа дня. Возвратившійся съ уроковъ о. Мелетій обѣдаетъ; обжигается супомъ, перебрасывается отрывочными фразами съ женой, пробѣгаетъ газету... Звонокъ... Нервно вскакиваетъ о. Мелетій, чтобы бѣжать навстрѣчу посѣтелямъ.

— Успокойся и не спиши, окончи обѣдъ; пять минутъ подождать, останавливаетъ его жена.

О. Мелетій усаживается и принимается за второе блюдо: въ домѣ правило: для скорости, обѣдъ полностью долженъ стоять на столѣ.

— Люди пришли; насчетъ вѣнчанья желаютъ погово-
рить, докладываетъ бойкая горничная.

— Много людей-то?

— Четыре человѣка.

— Проби въ кабинетъ, сейчасъ выйду.

Въ пять минутъ обѣдъ оконченъ. Слѣшно крестится о. Мелетій и направляется къ посѣтителѣмъ. Въ кабинетѣ онъ застаётъ трехъ человѣкъ. На кушеткѣ расположилась мѣшанка, лѣтъ тридцати, одѣтая по городскому, съ замѣтной полнотою, уродующей ее. Возлѣ нея сидитъ веснучатый паренъ, неопредѣленнаго возраста и неопредѣленныхъ занятій. Съдобородный человѣкъ, не то извозчикъ, не то дворникъ, перелистываетъ книгу, оставленную о. Мелетіемъ на письменномъ столѣ. Изъ передней возвращается и четвертый посѣтитель, типичный городской мастеровой, въ пиджакѣ, съ налетомъ цивилизаціи; на ходу онъ бросаетъ окурокъ папиросы и отплеивается.

Вся компанія почтительно подходитъ къ о. Мелетію подъ благословеніе. О. Мелетію это нравится; онъ съ довѣріемъ ласково спрашиваетъ посѣтелей.

— Чѣмъ могу вамъ послужить, люди добрые?..

— А вотъ, папаша, надо намъ молодыхъ окрутить.

— Т. е. какъ окрутить?.. какъ-бы не понимая, спрашиваетъ о. Мелетій.

— Значитъ сочетать законнымъ бракомъ требуется, отвѣчаетъ за всѣхъ мастеровой.

О. Мелетій смотритъ на невѣсту и понимаетъ, что повѣнчать ее дѣйствительно требуется.

— Невѣсту, говоритъ онъ, угадать не трудно: она одна, а кто же изъ васъ женихъ;

— Онъ... указываетъ мастеровой на веснучатаго парня.

— А вы? Обращается къ пиджачнику о. Мелетій.

— А я—ихній знакомый. Для компаніи позвали.

— А вы? спрашиваетъ священникъ бородача.

— Я сродственникъ жениха: значить дядя ему буду.

О. Мелетій спрашиваетъ больше для формы. Ему прекрасно извѣстенъ обычай, въ городахъ вездѣ распространенный, при сговорѣ брака брать нѣсколько человѣкъ свидѣтелей, одного непременно зубатаго для „словесности“, чтобы можно было уломать попа, или быть свидѣтелемъ, если потребуется на него жаловаться.

О. Мелетій спрашиваетъ о документахъ. Парень лѣзетъ за пазуху и оттуда вытаскиваетъ пару засаленныхъ паспортовъ. Имѣющуюся тамъ сберегательную книжку, замѣтно стѣсняясь, онъ прячетъ обратно.

— Отчего же у васъ нѣтъ нотаріальнаго свидѣтельства, спрашиваетъ священникъ.

— Это что же такое?..

— Бумага такая теперь требуется передъ бракомъ; прежде нужно было доставить изъ деревни предбрачное свидѣтельство, теперь—свидѣтельство отъ нотаріуса.

— Вотъ такъ штука! замѣчаетъ старикъ. Сколько лѣтъ живу на свѣтѣ, а такого не слышалъ. Какъ землю покупаютъ или домъ,—идутъ къ нотаріусу, а чтобы передъ вѣнчаніемъ—первый разъ слышу.

— Зачѣмъ оно—это свидѣтельство? вставляетъ поджакъ. За него деньги придется платить нотаріусу; бѣдному человѣку только стѣсненіе: лишній расходъ денегъ и рабочаго времени. Вы оставьте это, батюшка, лучше документы посмотрите: паспорта у нихъ въ порядкѣ...

О. Мелетій открываетъ паспорта. Имена и фамиліи для него звукъ пустой, лишенный какого нибудь содержанія; главное, на чемъ сосредоточивается его опытный глазъ,—4-й пунктъ паспортовъ, озаглавленный: „состоить-ли или состоялъ-ли въ бракѣ“. У жениха эта графа въ порядкѣ: написано „холостъ“. У невѣсты значится: „не замужняя“, и кажется о. Мелетію, что „не“ написано другою рукою, чѣмъ весь паспортъ. Послѣ четвертаго пункта о. Мелетій смотритъ 2-й, гдѣ указывается возрастъ или время рожденія. Женихъ оказывается на 10 лѣтъ моложе невѣсты, ему всего 18 лѣтъ—

цифра для священника очень опасная: окажись повѣнчанному одной недѣлей меньше и узнай объ этомъ консисторія. — отъ суда не уйдешь, а. можетъ быть, и монастырскаго сидѣнія отвѣдаешь.

О. Мелетій знаетъ, что въ волостяхъ за рубль—цѣлесый, во избѣжаніе фабричныхъ придинокъ къ несовершеннолѣтню, въ паспортахъ цѣлые года приписываютъ.

— Женихъ совсѣмъ молодой... Вы добровольно и сознательно женитесь; невѣсту давно знаете?

Парень прекращаетъ чистку носа, какую занялся довольно усердно.

— Полгода мы вмѣстѣ служили и уже довольно знаемъ одинъ другого, отвѣчаетъ онъ.

— Согласіе родителей на бракъ получили?

— Это намъ не важно. Писалъ отецъ, будто родительскаго благословенія не дастъ, какъ я будто бы есть молоко-сось; такъ я ему отписалъ, что и безъ него обойдусь. Потому съ невѣстою жить мнѣ, а не ему...

— Деревенщина... снисходительно замѣчаетъ мастеровой. Думаетъ, что и теперь, какъ въ старину, на комъ батька прикажетъ, на томъ и женись. Нѣтъ, теперь дудки—нѣту дураковъ. Вѣрно, Петруха?...

Радуюсь поддержкѣ, Петруха дѣлается смѣлѣе.

— А что мнѣ отецъ—шубу я сошью съ его благословенія? У него только и есть, что изба да надѣлу полдесятины, а невѣста мнѣ очинно нравится, опять же у нея и книжка сберегательная есть. .

Проживемъ и безъ отца—эка невидаль!..

О. Мелетію дѣлается неловко и противно: зачѣмъ только онъ разговоръ этотъ завелъ, съ самаго начала ненужный.

— Повѣнчать я васъ не могу, дѣлаетъ онъ свое заключеніе, желая окончить разговоръ. Документовъ у васъ мало и тѣ не въ порядкѣ...

— Что вы, отецъ, съ раздраженіемъ уже возражаетъ мастеровой. Документы какъ слѣдуетъ. Какіе вы въ нихъ непорядки нашли?

— А вот смотрите. Жениху въ паспортѣ обозначено 18 лѣтъ. Я знаю, что въ волостяхъ часто прибавляютъ лѣта, а если жениху одной недѣли не хватаетъ, уже мнѣ можетъ быть неприятность. Для точности, въ этомъ случаѣ нужно изъ деревни метрическую выпись представить.

— Какое не хватаетъ, протестуетъ мастеровой. Развѣ по виду нельзя знать, что ему не меньше 18 лѣтъ?

Петруха присанивается, но хилая фигура и безусое помятое лицо мало говорятъ о лѣтахъ.

— Нечего вамъ говорить,—продолжаетъ пиджакъ. За метрикой посылать—сколько времени уйдетъ: опять же и священникъ деревенскій не упустилъ случая слупить за бумагу: не любятъ они, если молодежь ихняя въ городѣ вѣнчается. Вотъ онъ знаетъ жениха и можетъ за него ручаться, указываетъ онъ на бородача.

— Это точно; какъ онъ мой есть сродственникъ, то я могу доподлинно за него поручиться.

О. Мелетію хочется сказать старику, что онъ становится въ некрасивое положеніе по отношенію къ отцу жениха, но стѣсняется конфузить стараго человѣка. Мелькомъ заглядываетъ онъ въ паспортъ жениха и какъ бы невзначай спрашиваетъ дялю.

— Изъ какой деревни вашъ племянникъ? здѣсь какъ-то неразборчиво написано.

Бородачъ деревню перевираетъ, а волости и совѣтъ не знаетъ. Для о. Мелетія ясно, что дядя подставной, напрокатъ взятый.

— У невѣсты паспортъ и совѣтъ не годится, продолжаетъ о. Мелетій.

— Что вы говорите, вспыхиваетъ невѣста. Что я его сама дѣлала? черезъ полицію получила...

— Я не то хочу сказать, спокойно отвѣчаетъ о. Мелетій, что вашъ паспортъ поддѣльный, а что по немъ вѣнчать нельзя: въ немъ написано, что вы не замужняя, а кто вы: дѣвица, вдова или разведенная, не сказано.

— Дѣвица она, принимается снова за дѣло „словесникъ“. Разъ незамужняя, то кто-же, какъ не дѣвица? Я вамъ ручаюсь и сколько угодно свидѣтелей приведу.

— Это вы говорите, а въ документѣ этого не сказано. Я могу даже подозрѣвать что она замужняя. Въ волостяхъ паспорта пишутъ небрежно.

— Не документы вы будете вѣнчать, а людей, съ усмѣшкой замѣчаетъ мастеровой?

— Замужняя я?! Вотъ еще, что выдумали! Или у меня креста на шеѣ нѣтъ, что я стала-бы при живомъ мужѣ въ другой разъ замужъ выходить?

— Я этого не утверждаю, высказываю лишь свое сомнѣніе. Вы знаете? какъ строго караютъ за совершеніе незаконныхъ браковъ.

— Кому до всего этого дѣло? Хромалистъ вы большой и бѣднымъ людямъ только стѣсненіе чините. Не даромъ говорится, что бѣдному человѣку жениться и ночь коротка...

— Повѣнчали-бы, батюшка,—смягчается мастеровой. Право слово; никакихъ тутъ препятствій нѣтъ.

— Я вѣнчать не отказываюсь, только доставьте документы исправные, да съ отцомъ жениха столкнитесь: грѣшно старика отца оскорблять.

О. Мелетій начинаетъ давать пространный совѣтъ, какъ устроить съ документами. „Словесникъ“ его грубо обрываетъ.

— Это долгая музыка, на все это годъ времени нужно, а у насъ дѣло экстренное... Сами вы, духовные, вынуждаете людей жить такъ, не вѣнчавшись, и незаконныхъ дѣтей плодить, одно только и остается—къ евангелистамъ уходить... Идемъ ребята, свѣтъ не клиномъ сошелся...

Компанія поднимается и уходитъ, на этотъ разъ уже безъ благословенія.

Изъ передней къ о. Мелетію явственно и отчетливо доносится.

— Хабарники известны: имъ-бы только драть съ живого и мертвого...

— Чего вы, господинъ, ругаетесь? Не хорошо такъ, вступается за хозяина горничная.

Мастеровой обидываетъ ее сокрушительнымъ взглядомъ.

— Не лѣзь не въ свое дѣло, попова сука...

За дверью мастеровой закуриваетъ папиросу и хлопаетъ парня по плечу.

— Кряжистый попъ; а ты не горюй, Петруха: поповъ у насъ въ городѣ—хоть прудъ пруди, поищемъ, который по-добрѣе... А теперь, дядя, подмигиваетъ онъ бородачу, не мѣшало-бы по стаканчику пропустить и пивомъ палитурку навести... Какъ полагаешь, Петруха, средства на это найдутся?...

О. Мелетій нервно ходитъ по кабинету и мучится думою о томъ, какъ устроиться такъ, чтобы всё отъ него уходило удовлетворенные и не приходилось-бы выслушивать незаслуженныхъ оскорбленій и горькихъ обидъ?

Свящ. В. Пестряковъ.

Мнѣніе простаго народа о пьянствѣ.

Много говорятъ и пишутъ о пьянствѣ и борьбѣ съ нимъ. Еще такъ недавно членъ Государственной Думы, Челышевъ, произнесъ въ Думѣ блестящую и грозную филиппику по адресу „зеленаго змія“. Всѣ вооружаются противъ этого страшнаго и исконнаго врага русской земли. Повсюду раздаются призывы, что нечего больше медлить съ „пьянымъ“ вопросомъ, что надо, наконецъ, какъ слѣдуетъ приняться за народное пьянство. Указываютъ на то, что отъ пьянства народнаго гибнетъ государство, вырождается нація, не хватаетъ дѣльныхъ и хорошихъ людей, мало становится здоровыхъ и крѣпкихъ солдатъ и т. п. въ этомъ родѣ. Всѣ эти страхи вполне основательны. Факты краснорѣчивѣе словъ говорятъ, что надо немедленно заняться отрезвленіемъ народнымъ.

Но вот какой вопрос: какъ самъ народъ смотритъ на пьянство и борьбу съ нимъ? Ознакомится съ этимъ несомнѣнно важно для всякаго дѣятеля трезвости. Какъ разъ въ нашемъ распоряженіи есть данныя для рѣшенія этого вопроса. По сообщенію одной изъ Кіевскихъ газетъ, недавно въ одной промышленной губерніи средней полосы Россіи была произведена анкета среди сельскихъ жителей по вопросу о пьянствѣ. Эта анкета представляетъ много поучительнаго.

Она, устанавливая, прежде всего, несомнѣнность того, что на Руси все еще считаютъ веселіемъ пить, говорить объ очень печальномъ фактѣ—о все болѣе увеличивающемся пьянствѣ дѣтей и молодежи. „Болѣе всего пьютъ не живущіе съ женами“. „Изъ подростковъ нѣтъ почти ни одного, который бы не пилъ водки“. Въ этомъ отношеніи дѣти идутъ всецѣло за своими родителями. Это и понятно. Не даромъ говорится: „Примѣры увлекаютъ“. „Дѣти видятъ, какъ родители, свои или чужіе, стоятъ у казенки цѣлною, что твой крестный ходъ, а также, какъ среди улины вышибаютъ пробки и пьютъ водку, ну и перенимаютъ все это“—говоритъ одинъ крестьянинъ. Хуже того: оказывается, „сами родители нарочно приучаютъ дѣтей къ пьянству“. „На праздникахъ, особенно на свадьбахъ, они заставляютъ насильно дѣтей пить вино, а потомъ уже дѣти и сами не уступаютъ взрослымъ“.

Итакъ, всѣ пьютъ и пьютъ, начиная отъ стариковъ и кончая самыми молодыми. Гдѣ же причина этого печальнаго явленія? Та же анкета дала слѣдующіе результаты по данному вопросу. Причины пьянства, по мнѣнію деревни, таковы: распущенность дѣтей и оторванность ихъ отъ семьи (22) процента показаній), необразованность, невѣжество (19 проц.), шинки (14 проц.), общій упадокъ нравовъ (14 проц.), бѣдность (7 проц.), отсутствіе разумныхъ развлеченій (6 проц.), близость винной лавки, семейныя неурядицы, общинная жизнь крестьянъ и т. п.

Нѣтъ надобности подвергать подробному анализу всѣ показанія. Всякій согласится съ тѣмъ, что всѣ указанные

анкетой факты могут и, дѣйствительно, имѣютъ значеніе въ развитіи пьянства въ той или другой мѣрѣ, въ зависимости отъ человѣка и склада его личности. Одного заставляють пить бѣдность, другого—семейное горе, третьяго—соблазнительный примѣръ другихъ и т. д. Но нельзя не остановиться на разсмотрѣніи одной причины пьянства. Какъ видно изъ анкеты, крестьяне (и въ довольно большомъ числѣ) указываютъ на невѣжество, какъ на одну изъ главныхъ причинъ пьянства. Какъ смотрѣть на этотъ фактъ? Въ самомъ-ли дѣлѣ, влѣніе необразованности сказывается въ развитіи пьянства очень сильно? Едва-ли это такъ. Вотъ что говоритъ одинъ изъ крестьянъ по этому поводу: „Долго думаль я надъ этимъ вопросомъ: какая разница между грамотными и неграмотными? Пока разницы никакой, по отношенію къ вину“. Этотъ приговоръ надъ грамотностью, по нашему мнѣнію, очень знаменателенъ и заслуживаетъ вниманія. Теперь всѣ наперерывъ стараются доказать, что стоитъ лишь дать народу образованіе—и онъ тотчасъ же станетъ изъ пьянаго трезвымъ. Особенно настаиваютъ на этомъ прогрессивныя партіи. Не уступаютъ имъ въ этомъ и всѣ остальные, „мнящіеся быти мудрыми“, стоящіе выше народа по своему развитію, т. е. попросту сказать, интеллигенція въ широкомъ смыслѣ этого слова. Словно по уговору затвердили всѣ одно, что лучшее средство противъ пьянства—это школа, образованіе. Но зачѣмъ обманывать себя и другихъ? Если все дѣло въ необразованности, то зачѣмъ пьютъ сами образованные? Зачѣмъ тѣ же депутаты Государственной Думы, которые такъ горячю ратуютъ за трезвость народную, не упускаютъ случая совершить возліанія Бахусу и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ пьютъ горькую? Ужъ, кажется, на что образованнѣе людей искать: и медицину, и гигиену и всякую такую науку превзошли нѣкоторые изъ нихъ. Или, быть-можетъ, одно дѣло—крестьяне, а другое—люди культурные? Народъ пьетъ отъ невѣжества, а образованный человѣкъ—отъ излишней учености? Что-жъ, оно можетъ быть и такъ, но все-таки

намъ думается, что тутъ что-то не такъ, что нельзя слишкомъ усердно ссылаться при объясненіи развитія пьянства на необразованность.

Но какъ же тогда понять крестьянъ, которые говорятъ, что пьютъ они отъ невѣжества? Трудно сказать, почему они такъ говорятъ. Не сказывается-ли въ этомъ наивное убѣжденіе крестьянина, что если онъ получитъ образованіе и будетъ, какъ „баринъ“, то и пить будетъ меньше? Крестьянинъ привыкъ идеализировать „барина“ или образованнаго чело-вѣка вообще. Онъ думаетъ, что „баринъ“, будучи образо-ваннымъ, и живетъ несомнѣнно лучше его, крестьянина; онъ надѣляется интеллигента всѣми хорошими чертами, какихъ не находитъ въ себѣ и своихъ однодеревенцахъ; онъ убѣ-жденъ, что „баринъ“—интеллигентъ и не пьетъ, и не разврат-ничаетъ и т. д. Поэтому-то, быть можетъ, крестьяне и ви-нять невѣжество въ развитіи пьянства.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно одно: необразован-ность не имѣетъ такого большого значенія въ развитіи пьян-ства, какое ей приписываютъ.

Больше значенія въ этомъ отношеніи имѣетъ скука и однообразіе жизни крестьянина. Въ самомъ дѣлѣ, что пред-ставляетъ жизнь крестьянина? „Вѣчно трудъ и трудъ, и не на чемъ ему душу отвести отъ этого труда“. Нѣтъ у крестья-нина „никакихъ развлеченій. Тяготитъ его эта сѣрая жизнь. Дѣлается пусто на душѣ. Тутъ-то вотъ и являются на по-мощь хмѣльные напитки: выпьетъ челоуѣкъ, и позабываетъ онъ всю скуку и неудовлетворенность жизни“ — пишетъ одинъ крестьянинъ. „Человѣку нуженъ трудъ, отдыхъ и раз-влеченіе“—говоритъ другой. „Труда-то у насъ очень много, отдыха очень мало, а развлеченій и совсѣмъ нѣтъ, кромѣ пьянства“.

Много вреда приносятъ деревенскіе шинки. Шинкар-ствомъ занимаются, по даннымъ анкеты, всѣ, кому хочется обогатиться на скорую руку. „Во время базара на каждомъ шагу стоятъ женщины съ сороковками въ карманѣ и

этой торговлей обезнечиваютъ содержаніе семейства“. Особенно любятъ заниматься этимъ ремесломъ молодые, даже дѣвушки, которыя стараются заработать этимъ путемъ себѣ на наряды и приданое. Для любителей выпить шинки очень удобны тѣмъ, что тамъ даютъ вино и на деньги, и въ закладъ подъ всякую обувь, сбрую, посуду и проч. При этихъ-то условіяхъ шинки, по сознанію самихъ крестьянъ, настоящая „язва и гибель народная“.

Пьянство, такимъ образомъ, пустило такъ глубоко корни въ народной средѣ, что откладывать борьбу съ нимъ нѣтъ никакой возможности. Это сознаютъ хорошо и сами крестьяне. „Если дѣло будетъ продолжаться такъ еще 2—3 года,—пишетъ одинъ изъ крестьянъ, тогда и дѣти будутъ рождаться пьяными. А это грозитъ зломъ похуже, чѣмъ какая-нибудь холера или чума“.

Какія же средства предлагаетъ народъ для борьбы съ страшнымъ врагомъ пьянства? Вѣрнѣйшимъ средствомъ противъ него является, конечно, устраненіе всѣхъ причинъ и условій, предрасполагающихъ къ пьянству. Надо поставить жизнь крестьянъ въ возможно лучшія условія существованія, надо поднять общій культурный уровень деревни. Въ этомъ смыслѣ отзываются многіе крестьяне. „Населеніе не бросить пьянства, пока оно невѣжественно“. „Когда народъ будетъ обезпеченъ и образованъ, онъ самъ не пойдетъ въ кабакъ“. „Необходимо побольше школъ, хорошихъ учителей, агрономовъ, добросовѣстно относящихся къ своему дѣлу, чтеній о вредѣ пьянства, уничтоженія винной монополіи и т. п. Когда народъ получитъ образованіе и сельскохозяйственную культуру, онъ меньше будетъ потреблять водки“.

Другихъ средствъ съ народнымъ недугомъ анкета не указываетъ. Но мы уже видѣли, что нельзя слишкомъ настойчиво объяснять пьянство невѣжествомъ, необразованностью народной. Поэтому и въ борьбѣ съ нимъ нужно обращать вниманіе и на другія стороны народной жизни, не менѣе не-

вѣжества предрасполагающія къ пьянству: это особенно—на унадокъ нравственности и распущенность въ деревнѣ, а также скуку и однообразіе жизни крестьянина. Для борьбы съ этими явленіями необходимо мобилизовать всѣ лучшія и здоровыя духовно силы нашего отечества. Деревня опустилась и оскудѣла нравственно: надо дать ей побольше хорошихъ образцовъ жизни. Съ этою цѣлію нужно какъ можно болѣе развить учительство (и не только пастырское); надо показать крестьянину всю красоту и чарующую обаятельность идеала Христова, величіе дивныхъ подвижниковъ духа и высокое значеніе образцовъ русской и иностранной литературы; надо познакомить его какъ можно лучше со всѣми тѣми хорошими и добрыми людьми, которымъ крестьянинъ могъ бы подражать въ своей жизни. Чуткое и отзывчивое сердце крестьянина еще не потеряло способности откликаться на зовъ къ лучшей жизни. Крестьянинъ охотно внимаетъ простымъ безыскусственнымъ разговорамъ и наставленіямъ, и часто простое чтеніе Евангелія заставляетъ его призадуматься надъ своею жизнью и остепениться. Пастырь Церкви можетъ многое сдѣлать въ этомъ отношеніи. Въ его распоряженіи имѣются дивныя воспитательныя средства; у него есть богослуженіе (каждый пастырь при желаніи всегда можетъ сдѣлать его болѣе понятнымъ и вразумительнымъ), съ акафистами и крестными ходами, которые такъ глубоко воспитываютъ народный духъ, есть храмъ, школа и многое, многое другое.

Крестьянина тяготитъ его сѣрая, однообразная жизнь. Надо по возможности скрасить ее ему. Душѣ крестьянина, какъ и всякаго человѣка, нуженъ любящій другъ, съ которымъ онъ могъ бы поговорить, посоветываться, который могъ-бы ему рассказать о томъ, о чемъ онъ самъ лишень возможности узнать, съ которымъ, наконецъ, онъ могъ-бы просто провести время съ пользой для себя. Надо удовлетворить и этой потребности крестьянской души. Для этого нужно очень немного: стоитъ только той интеллигенціи (не говоря уже о членахъ причта), которая живетъ въ деревнѣ.

сель, не забывать про своего меньшого брата, не презирать его нужды, потываться на нихъ и не чуждаться общенія съ бѣднымъ людомъ, хоть немного удѣлять ему вниманія—и крестьянинъ сердечное спасибо скажетъ всѣмъ. Общеніе съ людьми, болѣе просвѣщенными, болѣе культурными, заполнить пустоту въ его жизни, внести въ нее свѣтъ и дать ему скромную радость—радость сознанія, что онъ не одинокъ, что у него есть друзья. Ему будетъ легче перенести свою трудовую жизнь, и онъ рѣже будетъ прибѣгать въ своей тоскѣ къ такому средству, какъ проклятая водка.

* *
*

Зная теперь, что самому народу уже начинается надѣдать пьянство, и онъ все болѣе и болѣе приходитъ къ сознанію вреда пьянства, заручившись согласіемъ болѣе развитыхъ крестьянъ на борьбу съ „зеленымъ зміемъ“, вы, друзья народа и радѣтели объ его благѣ, — послѣшите скорѣе на поле брани и прогоните страшнаго врага русской земли! Этимъ вы спасете Россію, потому что только въ трезвости—залогъ ея счастья и мощи.

Е. Х—ъ.

ЗАМѢТКИ.

а) Портреты Л. Толстого въ русскихъ школахъ.

Глубоко оскорблено религіозное и патріотическое чувство православнаго русскаго народа разрѣшеніемъ чествовать величайшаго богохульника и революціонера, Л. Н. Толстого, не только устройствомъ въ честь его собраній съ пѣніемъ кощунственныхъ „гражданскихъ“ панихидъ, но и помѣщеніемъ его портретовъ въ нашихъ народныхъ государственныхъ школахъ. Какъ будто недостаточно было допущенія распространенія противохристіанскихъ и противогосударственныхъ идей Л. Толстого молчаливымъ согласіемъ и позволені-

емь обращенія въ народѣ такихъ его произведеній. за которыя остальные русскіе граждане, безъ всякаго сомнѣнія, понесли бы суровыя наказанія. Хотятъ, чтобы и по смерти Л. Толстого его тлетворное вліяніе распространялось не только на взрослыхъ, но и на подростяющее молодое поколѣніе русскаго народа.

Разрѣшаютъ помѣщать портреты Л. Толстого тамъ, гдѣ собираются для обученія рел.-нравственнаго и патріотическаго воспитанія дѣти,—будущіе граждане Россіи, гдѣ находятся св. иконы, честный Крестъ Христовъ, гдѣ висятъ портреты Государя Императора и Его Царской семьи!

Что же долженъ отвѣтить законоучитель ученикамъ на ихъ вопросъ, чей это портретъ внесенъ въ ихъ школу?

Онъ долженъ отвѣтить, что это портретъ того, кто отрицалъ Св. Троицу и Божество Господа Иисуса Христа, называя молитву къ Нему „величайшимъ кощунствомъ“, кто глумился надъ христіанскими обрядами и таинствами Церкви, называя ихъ „грубымъ колдовствомъ“, кто сатанински издѣвался надъ святѣйшимъ таинствомъ св. Причащенія, кто училъ, что „истязаніе, убійство, изнасилованіе—ничто въ сравненіи съ преподаваніемъ Закона Божія“, кто иконы называлъ „чурбанами“, а честный Крестъ Христовъ—висѣлицей, кто отвергалъ не только православіе, но и все христіанство и, отвергнувъ св. Евангеліе Господа нашего Иисуса Христа, измыслилъ, издалъ и распространилъ свое кощунственное евангеліе, кто и умеръ въ злобѣ къ Церкви Христовой, отлученный ею, какъ величайшій грѣшникъ и еретикъ.

На тотъ же вопросъ и учитель долженъ имъ отвѣтить, что это портретъ того, кто не признавалъ не только Царскую, но и всякую вообще власть, кто отрицалъ присягу, военную службу, подати, собственность, суды, весь порядокъ въ государствѣ, кто осуждалъ и самую любовь къ отечеству. За все это, долженъ сказать учитель, правительство и чувствуетъ Л. Толстого помѣщеніемъ въ русскихъ школахъ его портретовъ!...

Съ чувствомъ великой душевной тревоги многіе думаютъ о будущемъ нашего молодого поколѣнія, озабоченные охраненіемъ учащихся дѣтей отъ тлетворнаго на нихъ вліянія религіозныхъ и социальна-политическихъ воззрѣній Л. Толстого, просятъ русскихъ людей, отъ имени русскихъ православныхъ отцовъ и матерей, отъ кого это зависитъ, всѣми возможными законными мѣрами не допустить помѣщеніе портретовъ Л. Толстого въ тѣхъ школахъ, гдѣ будутъ получать воспитаніе и образованіе дѣти православнаго русскаго народа, ибо допустить помѣщеніе портретовъ Л. Толстого въ школахъ это—значило бы оказать, для соблазна милліонъ дѣтей, небывалую честь величайшему богохульнику, кощуннику и врагу государственнаго строя и порядка; это значило бы,—вмѣстѣ съ портретомъ Л. Толстого вознательно внести въ русскую школу и привить русскимъ дѣтямъ губительную заразу безбожія и всеразрушающаго анархизма. (*Колок.*)

М. Кальневъ.

в) Совѣщаніе пастырей.

Недавно въ г. Меленкахъ и въ селѣ Денятинѣ Меленк. уѣзда, подъ предсѣдательствомъ Епископа Муромскаго Евгенія, происходили особыя, нарочитыя собранія пастырей. На этихъ собраніяхъ были поставлены вопросы объ оживленіи приходской жизни и объ усиленіи миссіонерской дѣятельности въ виду настойчивой по здѣшнему уѣзду пропаганды штундизма и адвентизма, о каковой пропагандѣ упоминалось уже въ „Москов. Вѣдомостяхъ“ за мартъ текущаго года.—Преосвященный Евгеній (Мерцалловъ), назначенъ на Муромскую кафедру специально для поднятія православно-миссіонерской жизни и дѣятельности; Владыка ежегодно въ лѣтніе мѣсяца объѣзжаетъ Муромскій и Меленковскій уѣзды, совершаетъ служеніе литургій по селамъ и торжественныхъ молебновъ по деревнямъ, лично и непосредственно знакомясь съ религіозными нуждами православнаго населенія. Въ послѣдній объ-

вздъ Преосвященнаго Евгенія, по его иниціативѣ и подъ его предсѣдательствомъ, происходили указанныя пастырскія совѣщанія, для чего собирались городскіе и сельскіе священники. Послѣ продолжительнаго обмѣна мыслей, совѣщаніе пастырей остановилось на слѣдующихъ мѣрахъ, скорое проведеніе которыхъ въ жизнь признано крайне желательнымъ.

Прежде всего для развитія религіознаго сознанія въ своихъ прихожанахъ приходскіе пастыри признали необходимымъ усиленіе проповѣди въ формѣ живыхъ, непосредственныхъ бесѣдъ съ прихожанами; съ тою же цѣлю постановлено организовать при каждой церкви особыя приходскія бібліотеки со строгимъ подборомъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія; пользованіе этими книгами изъ приходскихъ бібліотекъ для каждаго должно быть бесплатнымъ. Далѣе каждый пастырь особенно въ зараженныхъ сектанствомъ приходяхъ, на помощь себѣ привлекаетъ наиболѣе религіозныхъ, грамотныхъ и способныхъ мужчинъ и женщинъ, составляя изъ нихъ особый кружокъ „ревнителѣй православія“, которые бы своей истинно-христіанскою жизнію могли воздѣйствовать на заблуждающихся. Особливаго вниманія заслуживаетъ послѣднее постановленіе совѣщанія, которое приводимъ цѣликомъ: „Въ виду высокаго значенія христіанской благотворительности, каждый приходскій пастырь долженъ стоять во главѣ всего благотворительнаго дѣла своего прихода. Онъ заботится о тѣхъ изъ своихъ прихожанъ—бѣдняковъ, надъ которыми обрушилось какое-либо несчастіе (болѣзнь, пожаръ, надежь скота и т. п.), заботится объ устроеніи пріютовъ для бѣдныхъ и безпріютныхъ дѣтей, калѣкъ и другихъ несчастныхъ. Въ этихъ видахъ пастыри организуютъ церковно-приходскія попечительства, для которыхъ составляютъ средства по подписнымъ листамъ, посредствомъ кружечнаго сбора при богослуженіяхъ, а также посредствомъ эксплуатаціи выдѣленнаго на этотъ предметъ изъ общаго приходскаго земельнаго надѣла участка земли.“

Подробный отчетъ о совѣщаніяхъ составленъ Влад. епархіальнымъ миссіонеромъ, свящ. Г. Орфеевымъ и представленъ на благоусмотрѣніе Высокопреосвященнаго архіепископа Николая, по благословенію котораго и происходили указанныя совѣщанія.

Редакторъ, Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій

Печатать дозволяется. Кіевъ, 17-го мая 1911 года.

Цензоръ священникъ Николай Гроссу.

ГОДЪ

ЛII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть № 22. Подписка принимается въ редак-
цію журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

1911-го года мая 29-го дня.

Содержаніе: I. Современные диптихи. Свящ. В. Пестряковъ.—II. Митро-
политъ Московскій Филаретъ, какъ руководитель въ рѣшеніи воп-
росовъ пастырской практики. Св. Н. III-ій.—III. Библія и есте-
ствованіе. Перев. Н. П. Селивановской.—IV. Замятка. Одесское
благотворительное общество дамъ духовнаго званія.—

Современные диптихи.

(Изъ наблюдений надъ приходской жизнью).

Небольшія поминальныя книжечки, такъ хорошо извѣстныя
всякому православному христіанину... ¹⁾ За годы пастырскаго
служенія сотни а, можетъ быть, и тысячи, приходится свя-
щеннику прочитатъ такихъ книжечекъ, молитвенно вспоминая

¹⁾ Поминальныя записи, или диптихи, уже съ древнѣйшихъ вре-
мень имѣли широкое распространеніе. Нѣкоторое указаніе на это можно
видѣть въ литургіи Св. Василія Великаго, гдѣ въ тайной молитвѣ, по
освященіи Св. Даровъ, читаемъ: „И ихъже мы не помянухомъ невѣде-
ніемъ, или забвеніемъ, или множествомъ именъ, Самъ помяни, Боже,
вѣдый коегождо возрастъ и именованіе, вѣдый коегождо отъ утробы ма-
тери его“. Выраженіе здѣсь „множествомъ именъ“ съ большою вѣроят-
ностью можно относить къ ~~поминальнымъ записямъ~~.

тысячи безвѣстныхъ христіанъ, отошедшихъ къ праотцамъ, и тысячи живущихъ, просящихъ у Господа милости и оставленія грѣховъ. Священникъ, поминающій тысячи христіанъ, особенно во время проскомидіи, мнится намъ окруженнымъ тысячами духовъ, приникающихъ къ св. жертвеннику, чающихъ отрады и утѣшенія по молитвамъ живыхъ, подвигомъ добрымъ подвизающихся.

Поминальныя книжечки въ нѣкоторыхъ благочестивыхъ семействахъ передаются изъ рода въ родъ; у нѣкоторыхъ это—цѣлая фамиліальная лѣтопись, которую дѣды передаютъ своимъ сыновьямъ, внукамъ и правнукамъ. Съ сожалѣніемъ нужно признать, что у интеллигентныхъ и образованныхъ русскихъ людей, даже у тѣхъ, которые остаются вѣрными Православной Церкви, поминаенія или „грамотки“ переводятся: ихъ замѣняютъ записки на клочекъ бумаги, и это—очень печально. Здѣсь уже молитва за дорогихъ близкихъ—болѣе или менѣе случайное явленіе въ нарочитые дни—тезоименитствъ или кончины, а не постоянная потребность души. Простой вѣрующій народъ по старинному любитъ поминальную книжечку, всего чаще въ металлическомъ переплетѣ и особенно съ изображеніемъ своихъ родныхъ русскихъ святыхъ: преподобнаго Сергія Радонежскаго, Θεодосія Черниговскаго, Серафима Саровскаго. Пишущему эти строки въ одномъ изъ московскихъ храмовъ пришлось увидѣть bloc-note для поминаеній—изящные отрывные листики съ краснымъ крестикомъ и бордюромъ для записи живыхъ и съ чернымъ—для записи покойниковъ. Понравилось—завелъ и у себя, но въ приходѣ это дѣло не привилось: листки, правда, разобрали, и больше не спрашиваютъ, а на „грамотки“ спросъ постоянный.

Однообразны поминальныя записи, но и онѣ довольно поучительны: какъ часто въ нихъ сказывается характеръ и настроеніе тѣхъ, кому онѣ принадлежать! Вотъ скупая на имена книжечка: въ отдѣлѣ за живыхъ и умершихъ по одному—два имени. Тутъ одно изъ двухъ,—или одиночество въ жизни, то, что называется „ни роду ни племени“, или

черствый холодный характеръ, далекій отъ привязанности и любви къ людямъ. А вотъ другая книжечка съ десятками именъ—тутъ несомнѣнно—крѣпкая дружная семья въ настоящемъ или прошломъ и любящее сердце, забывшее кумовьевъ, сватовъ, дальнихъ родственниковъ и сосѣдей; всѣмъ знаемымъ просить добрая душа спасенія у Бога. . Порою въ поминальныхъ записяхъ увидишь предусмотрительность и нѣкоторый практицизмъ: за именемъ, напримѣръ, старшаго сына оставленъ пробыль, понятно почему—хотятъ сына женить и для будущей, еще неизвѣстной невѣстки уже приготовили мѣсто и въ сердцѣ и въ молитвенной записи. Иногда въ поминальной записи сказывается вся душа человѣка, мука цѣлой жизни. За каждымъ почти Богослуженіемъ читаю я по одной книжечкѣ „объ упокоеніи убіеннаго Андрея“. Владѣлецъ этой книжечки за каждымъ почти служеніемъ бываетъ въ храмѣ: становится въ углу на колѣняхъ и горячо молится; иногда плачетъ. Человѣческій судъ давно оправдалъ его, но совѣсть мучить, и болить душа о пролитой въ запальчивости человѣческой крови... Часто приходится встрѣчать поминовеніе „за безименнаго младенца“, умершаго, очевидно, безъ крещенія, быть можетъ, по винѣ родителей... Встрѣчаются записи удивительно трогательныя по чувству и по глубинѣ пониманія духа Христова ученія. Такъ, одинъ пишетъ: „За ненавидящихъ, любящихъ и обижающихъ насъ“. Хромой нищій въ своемъ поминовеніи въ отдѣлѣ за живыхъ пишетъ: „За нищю и немущюю братію“. Особенно растрогала меня одна запись: во время такъ называемыхъ „проводъ“ мнѣ попала въ руки книжечка, гдѣ послѣ цѣлаго ряда именъ умершихъ было добавлено: „И за тѣхъ, за кого нѣкому помолитца“.

Есть у народа и свои любимыя имена, за которыя онъ усердно молится: часто въ грамоткахъ встрѣчается имя незабвеннаго царя Освободителя Александра II-го; послѣдніе годы все чаще встрѣчается имя великаго пастыря молитвенника о. Іоанна Конштадскаго. Разрѣшаетъ народъ по своему и вопросъ о молитвѣ за пновѣрцевъ. Не спрашивая совѣта и

благословенія священника, особенно въ смѣшанныхъ семействахъ, какихъ не мало въ Юго-Западномъ краѣ, въ грамотки смѣло заносятъ имена католиковъ и лютеранъ, коверкая эти имена до неузнаваемости. Къ слову сказать, грамотки поучительны для священника и тѣмъ, что показываетъ, какъ нужно быть осторожнымъ и осмотрительнымъ, давая ново-рожденнымъ малоупотребительныя и труднопроизносимыя имена. Пискаются эти имена до невѣроятности...

По личной практикѣ можемъ высказать и кое какія соображенія и пожеланія относительно поминальныхъ записей. У одного изъ нашихъ видныхъ богослововъ (имени не будемъ называть) намъ пришлось прочесть такую фразу „не люблю я священниковъ, которые долго „копаются“ возлѣ жертвенника“. Указаніе, несомнѣнно, на тѣхъ священниковъ, которые внимательнымъ чтеніемъ поминальныхъ записей нѣсколько удлиняютъ богослуженіе. По нашему мнѣнію, внимательное отношеніе къ этимъ записямъ есть нашъ святой пастырскій долгъ, святая наша обязанность какъ къ живымъ, такъ особенно къ умершимъ. Народъ нашъ длиннымъ богослуженіемъ, слава Богу, не тяготится, можно богослуженіе начинать раньше, на *всѣ* поминовенія должны быть прочитаны и ни одно имя не должно быть оставлено или лишено молитвеннаго поминовенія. Имѣли мы неоднократные случаи убѣдиться въ томъ, что народъ очень зорко слѣдитъ за тѣмъ, какъ прочтываются поминовенія, и даже провѣряетъ священника (напримѣръ, лепту за молитвенное поминовеніе вкладываютъ въ послѣднія страницы книжки, склеиваютъ слегка листики и т. д.).

Обычно поминальныя книжечки пріобрѣтаются народомъ въ монастыряхъ. Полезно и удобно было-бы, чтобы нѣкоторый ихъ запасъ всегда имѣлся въ каждомъ приходскомъ храмѣ у церковнаго старосты. Такъ какъ грамотность въ деревняхъ развита у насъ не особенно широко и полуграмотные деревенскіе писатели часто искажаютъ имена въ поминовеніяхъ, то всего лучше было-бы запись поминовеній провѣрять и исправлять кому либо изъ членовъ причта.

Нерѣдко приходилось намъ наблюдать чисто внѣшнее отношеніе къ поминовеніямъ: подавъ грамотку для поминовенія, молящійся подчасъ только и слѣдить за тѣмъ, чтобы священнослужитель произнесъ родныя для молящагося имена, а самъ въ молитвѣ участія не принимаетъ, внимательно выжидая чтенія своего поминовенія. Выслушавъ свое поминовеніе, иные даже не ожидаютъ окончанія эктении, прячуть книжку въ карманъ и отправляются восвояси. Нелишне будетъ, если священникъ, разъясняя своимъ пасомымъ духъ христіанской молитвы, объяснить прихожанамъ, что въ поминовеніяхъ должны дѣятельно участвовать и они, подкрѣпляя и раздѣляя молитву пастыря. Нелишне напомянуть прихожанамъ и о томъ, что мѣсто для номинальной книжки—возлѣ божницы и что каждый, имѣющій ее, долженъ прочитывать поминовеніе за вечерней и утренней молитвой.

Не можемъ не поскорбѣть и о томъ, что номинальныя книжки, расходящіяся въ милліонахъ экземпляровъ (въ крестьянской избѣ это нерѣдко единственная книжка), издаются кое какъ—алаповато и небрежно¹⁾.

Къ обычнымъ въ поминовеніяхъ разсужденіямъ о молитвѣ за умершихъ слѣдовало-бы присоединить молитву за живыхъ и умершихъ. Встрѣчая въ книжкѣ только одну литію, совершаемую священникомъ, нѣкоторые простецы склонны думать, что и самое поминовеніе можетъ быть читаемо только священнослужителями.

Священ. В. Пестряковъ.

¹⁾ Исключеніе изъ этого—изданія синодальныхъ типографій.

Митрополитъ Московскій Филаретъ,
какъ руководитель въ рѣшеніи вопросовъ пастыр-
ской практики.

Въ жизни и дѣятельности пастырей представляется не-
мало случаевъ, которые могутъ поставить въ недоумѣніе
даже и опытныхъ и весьма почтенныхъ лицъ. Эти случаи

¹⁾ Исключеніе изъ этого—изданія синодальныхъ типографій.

могутъ происходить отъ разныхъ причинъ; но дѣло не въ томъ, отъ чего они произошли, а въ томъ, какой выходъ найти изъ данныхъ обстоятельствъ. Если дѣло касается собственно личности, совѣсти священника или мірянина, то лучший исходъ—это исповѣдь у духовника, чистосердечное и покаянное донесеніе о всемъ епархіальному архіерею, который, какъ архипастырь, является высшимъ судіею совѣсти и мірянъ и пастырей. Отъ усмотрѣнія архипастыря будетъ зависѣть назначить ближайшему и соприкосновенному участнику того или иного случая какое либо испытаніе или благочестивое упражненіе для заглаженія вины. Такъ поступалъ приснопамятный митрополитъ Московскій Филаретъ. Если, напр., священникъ доносить о томъ, что одинъ изъ причастниковъ, отходя отъ св. чаши, по неосторожности толкнулъ ее, такъ что произошло и пролитіе святыни изъ чаши, м. Филаретъ, кромѣ епитеміи для неосторожнаго причастника мірянина, и самому священнику назначалъ благочестивое упражненіе (постъ въ теченіе 3—7 дней, съ чтеніемъ акаѳиста Господу Иисусу). Это назначалось потому, что по опытному замѣчанію приснопамятнаго святителя, при надлежащемъ приготовленіи къ богослуженію и вниманіи во время богослуженія со стороны священнослужителя, Господь не допустилъ бы до несчастнаго случая¹⁾.

Но, кромѣ подобныхъ, могутъ быть и другіе недоумѣнные случаи, въ которыхъ, кромѣ субъективной стороны, есть сторона объективная. Разумѣется ближайшее соприкосновеніе даннаго явленія не съ личностью священника, пастыря, но съ достоинствомъ самой святыни, храма, богослуженія. Какъ быть въ подобныхъ случаяхъ?

Для рѣшенія подобныхъ случаевъ есть указанія въ „Учительномъ Извѣстіи“, печатаемомъ при Служебникѣ.

¹⁾ „Бдительнаго въ молитвѣ Богъ хранитъ отъ печальностей“. Собр. рез., т. II, рез. № 3421 и 3114.

Здѣсь немало указано обстоятельство чрезвычайныхъ, которыя очень рѣдко могутъ быть (напр., покажется въ св. чашѣ младенецъ). Но съ другой стороны, не указаны такіе случаи, которые всегда можетъ представить жизнь пастыря. Вообще жизнь часто не согласуется съ правилами и не всегда можетъ регулироваться извѣстными опредѣленными нормами. Какъ быть въ подобныхъ случаяхъ? И самому священнику, особенно молодому, и самому духовнику (хотя бы изъ очень опытныхъ), и архипастырю могутъ представиться недоумѣнные случаи, для разрѣшенія которыхъ въ „Учительномъ Извѣстіи“ не найдется соотвѣтствующихъ указаній. Скажутъ: предоставить усмотрѣнію архіерея, какъ верховнаго судіи всѣхъ пастырскихъ случаевъ. Но и сами архіереи въ своихъ резолюціяхъ не могутъ руководиться однимъ личнымъ усмотрѣніемъ. И для нихъ важно имѣть какое нибудь основаніе для рѣшенія недоумѣнныхъ вопросовъ, ибо одна благодать архіерейства еще не можетъ быть ручательствомъ непогрѣшимости сужденій. Православная Церковь никого не считаетъ непогрѣшимымъ и признаетъ и для архіереевъ авторитетъ соборнаго рѣшенія или общаго преданія Церкви.

Правда, въ повременной печати нерѣдко отводятся особыя отдѣлы для рѣшенія недоумѣнныхъ вопросовъ изъ пастырской практики. Такія рѣшенія даются „Церковнымъ Вѣстникомъ“, иногда „Церковными Вѣдомостями“, „Русскимъ Паломникомъ“, раньше — „Церковно-Общественнымъ Вѣстникомъ“. Редакція „Руководства для сельскихъ пастырей“ также помѣщаетъ нерѣдко рѣшенія недоумѣнныхъ вопросовъ, а въ 1903—4 г. былъ изданъ цѣлый сборникъ рѣшеній разныхъ недоумѣнныхъ вопросовъ по богослуженію и требамъ. Здѣсь находится по мѣстамъ разрѣшеніе и собственно вопросовъ церковной практики, а не только церковнаго устава. Есть и другіе сборники при разныхъ руководствахъ практической дѣятельности священнослужителей.

Но всетаки такимъ руководствамъ не достаетъ полноты разрѣшенія всѣхъ недоумѣнныхъ случаевъ. По нашему мнѣнію, не мѣшало бы издать цѣлую справочную книгу для архипастырей и пастырей, въ которой и по вопросамъ богослуженія, и по вопросамъ пастырской дѣятельности можно было бы найти практическое разрѣшеніе (по примѣру „Учительнаго Извѣстія“), разныхъ недоумѣнныхъ случаевъ.

Съ своей стороны, мы хотѣли бы ознакомить читателей съ нѣкоторыми разъясненіями по недоумѣннымъ вопросамъ, которыя заключаются въ резолюціяхъ приснопамятнаго митрополита Московскаго Филарета. Эти резолюціи и по разнообразію встрѣчающихся въ нихъ вопросовъ, и по глубинѣ и пронизательности мыслей, и по строго православной точкѣ зрѣнія и по авторитетности самаго архипастыря, безъ сомнѣнія, занимаютъ выдающееся мѣсто среди резолюцій другихъ архипастырей Русской церкви. Намъ думается, что если суждено когда нибудь осуществиться нашему предположенію объ изданіи новаго практическаго руководства для пастырей, то въ основу такого руководства именно должны войти резолюціи митрополита Филарета.

Резолюціи митрополита Филарета уже обращали на себя вниманіе нашихъ духовныхъ писателей. Въ Орловск. Епарх. Вѣдомостяхъ за 1886—1887 г. даже были систематизированы резолюціи, примѣнительно къ главамъ Устава духовныхъ Консисторій и управленія духовно-учебныхъ заведеній. Но такая систематизація отличается довольно искусственнымъ характеромъ. Напр., къ III ст. объ отношеніи священнослужителей къ иноепархіальному архіерею, гдѣ правильнѣе было бы ожидать именно указанія юридическихъ нормъ по затронутымъ вопросамъ, сведены резолюціи изъ одного дѣла о пребывавшемъ въ Москвѣ митрополитѣ Иліопольскомъ Неофитѣ и о непріятностяхъ, причиненныхъ ему во время проживанія его въ Москвѣ. (Орл. Еп. Вѣд. 1886 г. стр. 1373—1382).

Первое мѣсто среди недоумѣнныхъ вопросовъ занимаетъ вопросъ объ освященіи храмовъ, объ устройствѣ въ храмѣ иконостасовъ, объ упраздненіи храмовъ, о замѣнѣ антиминовъ и престольныхъ облаченій.

М. Филаретъ выдавалъ разрѣшеніе на освященіе храмовъ, какъ и требуется Уставомъ, лишь по надлежащемъ освидѣтельствovanіи храма чрезъ благочиннаго или члена Консисторіи. При этомъ требовалось представленіе самыхъ точныхъ свѣдѣній и описи церковнаго имущества. Замѣчательно, что при освященіи *домовыхъ* церквей митрополитъ Филаретъ не допускалъ помазанія стѣнъ св. муромъ¹⁾.

Затѣмъ обращалось самое строгое вниманіе на чертежи храмовъ, на проэты иконостасовъ. Въ этомъ отношеніи митрополитъ Филаретъ былъ самымъ строгимъ хранителемъ древняго преданія Церкви. Всякую вольность художника въ проэктахъ иконостасовъ, всякое новшество съ его стороны встрѣчало у митрополита Филарета неодобреніе: „не должно увлекаться тѣмъ, что выдумываютъ художники, не знающіе церковнаго дѣла, — писалъ онъ, — хотя къ несчастію нерѣдко и удается имъ вносить въ церковь свои выдумки“²⁾. По взгляду митрополита, въ проэктѣ иконостасовъ должна быть цѣльность и единство и вѣрность исторической правдѣ. Поэтому, при разсмотрѣннн проэкта иконостаса въ І.-Богословскую церковь подъ Вязомъ, Китайскаго сорока, онъ находилъ, что „Распятіе Господне посредѣ и опять крестъ на боку иконостаса — одно съ другимъ несообразно. Положеніе во гробъ наверху иконостаса, и притомъ въ обрѣзномъ видѣ, — неприлично. Чаша надъ иконостасомъ — и это не по обычаю Церкви. Надъ главнымъ иконостасомъ арка съ правымъ карнизомъ, безъ иконъ, кромѣ одной, страннаго длин-

¹⁾ Собр. рез., т. I, № 778. „Какъ Церковь домовая (въ домѣ грузинской царицы), то освященіе должно быть надъ престоломъ, а помазанія стѣнамъ не должно быть“.

²⁾ Ibidem. т. III, рез. № 4009.

нообразнаго вида, все сіе не по церковному и едва ли по правиламъ науки. Образъ Спасителя колоннами не украшенъ, а подлѣ него ни къ чему поставлены 2 колонны рядомъ и къ нимъ прилѣплена икона овальнаго вида,—все сіе мало представляетъ приличія и сообразности“¹⁾. Какъ извѣстно, художники нерѣдко, увлекаясь чисто случайными вліяніями, позволяютъ уклоненія отъ исторической правды и вносятъ въ сюжеты современныя черты, повидимому, съ цѣлію приблизить къ пониманію современниковъ идеи прошлаго. Подобное замѣчается даже и въ эскизахъ иконостасовъ. Такъ былъ составленъ проэктъ иконостаса для церкви Григорія Неокесарійскаго на Полянкѣ: въ проэктѣ между орудіями страданій поставленъ былъ бердышъ, на гробъ Христа положенъ крестъ. Подобныя вольности, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтили рѣшительный отпоръ со стороны митрополита Филарета: „Изображеніе надъ карнизомъ иконостаса противно приличію и исторической истинѣ: ибо между орудіями страданій Господнихъ поставленъ бердышъ, который къ онымъ не принадлежитъ; крестъ поставленъ на гробъ, чего никогда не было. Учинить слѣдующее:... поставить распятіе или приличную икону по обычаю церковному“²⁾.

Нерѣдко въ числѣ украшеній для карнизовъ иконостаса художники избираютъ чаши, какъ символы Новаго завѣта, или даже безъ особыхъ символическихъ знаменованій, скрижали, ангеловъ, крылатыя изображенія съ гирляндами или вѣнками. М. Филаретъ очень внимательно разсматривалъ всѣ эскизы и всякія новшества отвергалъ, не находя въ нихъ особаго смысла и значенія. Такъ, онъ пишетъ: „Вмѣсто чаши и двухъ ангеловъ въ полукругѣ (иконостаса) несравненно приличнѣе написать образъ тайной вечери Господней. По моему мнѣнію, въ рѣзныхъ эмблемахъ Ветхаго и Новаго завѣта, столь часто повторяемыхъ, мало и разума и красоты.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Т. III, рез. № 3922.

Гораздо лучше на ихъ мѣстѣ быть съ приличнымъ украше-
ніемъ небольшимъ иконамъ.“¹⁾ Когда однажды былъ пред-
ставленъ проэктъ, въ которомъ было показано изваяніе Господ-
да Саваоѳа и по его сторонамъ 2 чаши, а по сторонамъ арки
2 протянутыхъ крылатыхъ изображенія съ цвѣточными гирлян-
дами въ рукахъ и съ шаромъ подъ ногами, митрополитъ Фила-
ретъ указалъ, что изваянія Соборнымъ Положеніемъ Православ-
ной Церкви не одобрены; двѣ же широкія чаши, какъ неимѣю-
щія никакого церковнаго знаменованія, неумѣстны²⁾. Что ка-
сается крылатыхъ изображеній, которыя, по всей вѣроятности,
позаимствованы художниками съ Запада, то митрополитъ ука-
залъ, что они не только не напоминаютъ ничего церковнаго,
но даже походятъ на языческія божества (фортуна)³⁾. „Крыла-
тыя изображенія съ вѣнками имѣли бы значеніе въ архитек-
турѣ свѣтской, а въ церковной не имѣютъ. Надобно или
уничтожить оныя, или замѣнить приличными. Но и эмблемы
Ветхаго и Новаго завѣта даютъ болѣе дѣла для художника,
нежели назиданія для зрителя: лучше бы на мѣстѣ ихъ быть
иконамъ.“⁴⁾ Вообще всякія украшенія, вродѣ вазъ, на
иконостасахъ, какъ не имѣющія никакого церковнаго значе-
нія, считаются неумѣстными.⁵⁾ вмѣсто того наиболѣе при-
личнымъ украшеніемъ для верхней части иконостаса считается
крестъ или Распятіе Христово⁶⁾.

Но и въ этомъ отношеніи нѣкоторые художники допуска-
ли большія вольности, напр., наверху иконостаса помѣщаютъ
2 креста, или распятіе и крестъ. Подобныя композиціи, по-
мнѣнію митрополита Филарета, неумѣстны; крестъ долженъ

¹⁾ Т. III, рез. № 4123. „Орл. Еп. Вѣд.“ 1887 г. стр. 115.

²⁾ Ор. Еп. Вѣд. 1887, стр. 116.

³⁾ Собр. рез. Т. III рез. № 3896.

⁴⁾ Орл. Еп. Вѣд. 1887, стр. 123 и 113. „Въ эмблемахъ Ветхаго и Но-
ваго завѣта—мало и разума и красоты, гораздо лучше быть на ихъ мѣстѣ
иконамъ.“ стр. 127.

⁵⁾ *ibidem*, стр. 119.

⁶⁾ *Ibidem*, стр. 115.

быть *одинъ* наверху иконостаса, а „двумъ крестамъ въ одномъ иконостасѣ быть неприлично“, потому что *единый* крестъ Господа Иисуса Христа почитается въ Церкви ¹⁾).

Всякому извѣстно, что главнѣйшее мѣсто въ иконостасѣ—царскія двери, устрояемая обычно изъ 2-хъ половинъ, съ изображеніемъ на нихъ Благовѣщенія и 4-хъ Евангелистовъ. Такія изображенія издавна содержатся въ Православной Церкви. Однако нерѣдко можно встрѣтить и въ этомъ отношеніи разнообразіе и даже уклоненіе отъ древняго обычая. Напр., отсутствуютъ изображенія Евангелистовъ; икона Благовѣщенія помѣщается такъ, что при открытыхъ вратахъ одна половинка ихъ остается совсѣмъ безъ иконы. Митрополитъ Филаретъ въ подобныхъ случаяхъ прямо указывалъ на уклоненіе отъ древняго обычая и не одобрялъ проэктовъ... На царскихъ вратахъ, кромѣ двухъ мѣстъ, назначенныхъ, безъ сомнѣнія, для изображенія Благовѣщенія, надобно дать мѣсто изображенію четырехъ Евангелистовъ“. ²⁾ Самыя изображенія Евангелистовъ рекомендуется помѣщать не въ нижней части царскихъ вратъ, а выше.—„Если четыре круга внизу царскихъ вратъ назначены для иконъ Евангелистовъ, то неприлично имъ быть въ такой низости: образа... должны быть выше“. ³⁾ Неприлично устроить и рѣзбу креста съ якоремъ внизу подъ иконами Евангелистовъ. ⁴⁾ Изображенія Благовѣщенія и Евангелистовъ необходимо помѣщать на царскихъ вратахъ такъ, чтобы они приходились на каждую половину вратъ, такъ какъ „по Уставу церковному, священникъ, кадя святой алтарь, кадитъ и отверстыя царскія двери: но какъ... нѣтъ никакихъ священныхъ изображеній, то къ чему относиться будетъ каденіе? Золоченое дерево кадитъ неприлично“ ⁵⁾).

¹⁾ Собр. рез. Т. III, рез. № 4123. „Орл. Еп. Вѣд.“ 1887 г., стр. 116.

²⁾ Орл. Еп. Вѣд. 1887 г., стр. 124;

³⁾ „Не довольно хорошо, что мѣсто для изображенія Евангелистовъ назначено низко: изображенія святыхъ неприлично ставить близко къ ногамъ предстоящаго. Ibidem.“ стр. 128.

⁴⁾ Ibidem, стр. 116.

⁵⁾ Ibidem, стр. 115.

Вверху надъ царскими вратами мит. Филаретъ рекомендуетъ устроить по древнему обычаю крестъ, хотя бы и малый, изображеніе Духа святаго въ видѣ голубя, но не чашу ¹⁾).

Что касается иконъ, то и относительно ихъ можно найти у мит. Филарета опредѣленные указанія, какимъ требованіямъ онѣ должны удовлетворять. Самое важное здѣсь—вѣрность исторической правдѣ, а также согласіе съ древнимъ преданіемъ Церкви Восточной. Такъ, когда былъ представленъ эскизъ иконы Воскресенія Христова, мит. Филаретъ указалъ, что „на рисунокѣ одинъ ангелъ отваливаетъ камень, а другой сидитъ на другомъ камнѣ: но по исторіи камень только одинъ; а гроба или пещеры на рисунокѣ совсѣмъ не видно. Если на рисунокѣ снятія со креста представлена Божія Матерь лежащею въ обморокъ, то здѣсь также нѣтъ ни истины, ни приличія. Евангеліе говоритъ: стояху при крестѣ Иисусовѣ Мати Его и сестра Матери Его“ ²⁾). Выше было отмѣчено также указаніе на несоотвѣтствіе обстоятельствамъ времени и исторіи изображенія бердыша у воина. Отмѣтимъ кстати мнѣніе м. Филарета относительно т. называемыхъ фольговыхъ иконъ, имѣющихъ широкое употребленіе на югѣ Россіи въ селахъ и деревняхъ. „Употребленіе фольговыхъ иконъ... не довольно сообразно съ древнемъ преданіемъ и обычаемъ Православной Восточной Церкви, которая по примѣру первоначальнаго Нерукотвореннаго Образа Спасителя приѣмлетъ и одобряетъ иконы, изображенныя чертами и красками для зрѣнія, а изваянныя для осязанія только терпитъ“... Съ другой стороны, подобныя иконы обычно изготовляются неправильно, часто неестественно и безобразно. Кромѣ того, онѣ очень часто и легко подвергаются порчѣ и разрушенію. Въ виду этого, мит. Филаретъ поручилъ духовникамъ Лавры выяснитъ мастерамъ фольговыхъ иконъ несоотвѣтствіе фольговыхъ иконъ установленію Церкви.

¹⁾ Ibidem, стр. 116.

²⁾ Орл. Еп. Вѣд. 1887 г., стр. 118: Ср. стр. 117 и 121.

Относительно же финифтяныхъ иконъ и кипарисовыхъ крестовъ мит. Филареть дѣлалъ распоряженія лишь наблюдать за тѣмъ, чтобы изображенія не были неблагообразными ¹⁾.

Въ отношеніи распредѣленія разныхъ предметовъ въ храмъ въ Православной Церкви также существуютъ извѣстныя традиціи, отступленія отъ которыхъ, по взгляду мит. Филарета, неудобны и нежелательны. Такъ, напр., мит. Филареть не разрѣшилъ устроить на горнемъ мѣстѣ входъ въ усыпальницу, устроенную за алтаремъ, такъ какъ для сего нѣтъ основаній въ практикѣ древнихъ временъ ²⁾. Для храненія плащаницы, по взгляду митрополита, наиболѣе приличное мѣсто въ алтарѣ; въ крайнемъ-же случаѣ она можетъ помѣщаться и въ средней части храма, но тогда должна быть закрыта завѣсою, а не оставаться открыто, ибо „такъ требуетъ древній чинъ“. Однажды мит. Филареть замѣтилъ, что въ одной церкви открыто хранились въ двухъ мѣстахъ 2 плащаницы. Тогда онъ издалъ распоряженіе объ устраненіи такого непорядка. „Какъ по Уставу Церкви плащаница вносится въ церковь только въ извѣстные дни страстныхъ недѣли, и потомъ на извѣстное также время полагается на престолѣ, то поставленіе въ церкви и одной плащаницы есть пововведеніе, а поставленіе двухъ есть несообразность“ ³⁾.

Св. Н. III—IV.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Рез. Т. II, № 3070.

²⁾ Т. II, рез. № 3113.

³⁾ Орл. Еп. Вѣд. 1887, стр. 115.

Библия и естествознание.

(Противъ соч. Геккеля „Міровыя загодки“).

Вѣра въ безсмертіе и наука.

„Какая польза человѣку, если онъ приобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ“? Маркъ 8, 36.

Я буду говорить о душѣ. Нужно отвѣтить на три вопроса: что такое душа? Откуда она является? Куда она уходитъ?

¹⁾ Рез. Т. II, № 3070.

²⁾ Т. II, рез. № 3113.

³⁾ Орл. Еп. Вѣд. 1887, стр. 115.

Что такое душа? Душа это наше собственное „я“. Мы должны отличать душу от разума. Подъ разумомъ мы понимаемъ рассудокъ, мышленіе, дарованія человѣка, проявляющіяся въ его рѣчи и въ его поступкахъ. Человѣкъ можетъ не имѣть ничего или почти ничего изъ того, что мы называемъ разумомъ, но, несмотря на это, онъ можетъ имѣть душу, ибо душа-то, собственно говоря, и составляетъ его истинное „я“. Необходимо ясно отличать душу отъ разума и провести между ними рѣзкую грань; независимо отъ того, одаренъ-ли человѣкъ, много-ли или мало онъ учился, независимо отъ того, дѣлается-ли постепенно слабѣе, подъ переменными вліяніями этого міра, то, что составляетъ его разумъ—все-же внутри у человѣка остается нѣчто совершенно особое, нѣчто, способное оказывать сопротивленіе всѣмъ этимъ вліяніямъ, нѣчто, опредѣляющее истинную цѣнность его личности, это — его „я“, его душа, его истинная сущность, которую человѣкъ несетъ съ собою черезъ всю свою жизнь. Душа пребываетъ съ нимъ съ того момента, когда онъ вступаетъ въ жизнь ребенкомъ, до тѣхъ поръ, пока онъ, составившись, не распрощается съ жизнью. Она составляетъ его личность и все пережитое имъ, всѣ случаи, оставившіе слѣды на его „я“—всѣ они вліяютъ съ теченіемъ времени на внутреннее развитіе его души. Думая о нашей душѣ, мы определенно сознаемъ, что она въ насъ отлична отъ матеріи. Эта душа внутри насъ имѣетъ свои собственные, независимыя отъ тѣла, переживанія; переживанія ея касаются того, что хорошо или плохо, касаются вѣрности, вѣры и любви. Эти внутреннія переживанія человѣка образуютъ въ немъ единство, они остаются для человѣка чѣмъ-то пребывающимъ, что отъ него нельзя отнять, о чемъ онъ помнитъ даже черезъ нѣсколько десятилѣтій, о чемъ онъ знаетъ, что это его „я“ — онъ самъ. Только въ этой душѣ чувствуетъ себя человѣкъ отвѣтственнымъ за всѣ рѣшенія, добрыя и злыя, которыя онъ принимаетъ, въ ней онъ возвышается къ міру, существующему для его души внѣ вселенной. И если мы су-

димъ человѣка, сообразно съ его истинной цѣнностью, сообразно съ тѣмъ, за что мы его считаемъ въ дѣйствительности, то мы судимъ именно за то, хорошъ онъ или дуренъ, обладаетъ онъ или нѣтъ любовью, вѣрностью, послушаніемъ и сознаниемъ Бога, имѣеть-ли его жизнь идеальнѣйшій порывъ, возносящій его за предѣлы мгновенія къ вѣчности.— Все это именно и составляетъ его душевную жизнь.

Эта душевная жизнь въ своихъ проявленіяхъ совершенно отлична отъ того, что человѣкъ вообще дѣлаетъ, думаетъ и производитъ—въ школѣ и дома, въ наукѣ и искусствѣ, въ ремеслѣ—она совершенно отлична отъ всѣхъ способностей и талантовъ, которые ему присущи. Въ душѣ открывается взаимодействіе между Божествомъ и человѣчествомъ. Въ ней человѣкъ чувствуетъ, что въ немъ не преходитъ, что исходитъ отъ Бога и, покидая тѣло, возвращается опять къ Божеству, отъ Котораго оно произошло.

Для человѣка, чувствующаго такимъ образомъ свою душу, для такого человѣка напередъ уже извѣстно, что душа есть нѣчто отличное отъ тѣла и что, когда душа и тѣло расстаются въ смертный часъ и тѣло умираетъ,—душа все-же остается, какъ нѣчто, имѣющее самостоятельное бытіе. Кто это чувствуетъ, тотъ знаетъ также, что на душу возможны вліянія, совершенно независимыя отъ земли и отъ всего земного, вліянія, имѣющія свое происхожденіе опять-таки въ мірѣ духовномъ. Если мы сознаемъ душу, имѣющую самостоятельное бытіе, то мы также сознаемъ міръ, существующій независимо отъ міра матеріальнаго—міръ духовный. Кто чувствуетъ, что душа есть нѣчто независимое отъ матеріи, тотъ чувствуетъ одновременно, что независимо отъ вещества и матеріи, внѣ его души, существуетъ еще другой духовный міръ.

Люди, чувствующіе это, были всегда, но рядомъ съ ними другіе люди оспаривали это-же самое. Тѣхъ, которые сомнѣваются въ этомъ и считаютъ душу только лишь свойствомъ вещества, мы называемъ матеріалистами, приверженцами уче-

нія о томъ, что существуетъ только одна матерія, одно вещество. Въ настоящее время самымъ извѣстнымъ представителемъ матеріализма можно назвать Геккеля, воззрѣнія-же его подробно изложены въ его „Міровыхъ загадкахъ“. Въ своихъ „Міровыхъ загадкахъ“ онъ выражаетъ то, что твердятъ постоянно всѣ матеріалисты. Онъ говоритъ: „Понятіе о томъ, что душа безсмертна, матеріальна, невещественна—тривиально; оно предполагаетъ существованіе силъ, которыя должны были-бы существовать и дѣйствовать безъ матеріальной основы, оно опирается на допущеніе, будто внѣ природы существуетъ еще особый духовный міръ, о которомъ мы ничего не знаемъ изъ опыта и, сообразно съ нашей природою, знать ничего не можемъ“.

По его мнѣнію, этотъ гипотетическій духовный міръ есть только продуктъ поэтического вымысла. То-же самое, по его мнѣнію, можно сказать и о связанной съ этимъ вѣрѣ въ безсмертіе души, научную несостоятельность которой онъ хочетъ доказать. По его словамъ, научное познаніе до сихъ поръ еще не познакомило насъ съ силами, которыя-бы не нуждались въ матеріальной основѣ, а также и съ духовнымъ міромъ, который-бы находился внѣ природы и надъ ней. Но это не только воззрѣніе единичнаго ученаго, это точка зрѣнія многихъ тысячъ матеріалистовъ.

Мы должны себя прежде всего спросить: развѣ внутри насъ дѣйствительно нѣтъ силъ, независимыхъ отъ вещества? Съ этимъ тѣсно связанъ другой вопросъ: существуютъ-ли внѣ насъ силы, независимыя отъ вещества? Сущность этихъ двухъ вопросовъ одна и та-же. Мы утверждаемъ: мы чувствуемъ, что мы имѣемъ душу. Противники-же говорятъ, что это заблужденіе. Ты заблуждаешься, если чувствуешь, что у тебя есть душа; ты заблуждаешься также, если полагаешь, что душа есть нѣчто, имѣющее самостоятельное бытіе. Она есть не что иное, какъ комплексъ мозговыхъ функцій, по выраженію Геккеля. Душа—комплексъ мозговыхъ функцій! Конечно, нельзя отрицать того, что душа можетъ проявляться

только лишь съ помощью мозга, что она въ своихъ проявленіяхъ зависитъ отъ мозга; но этимъ еще не сказано, что она—то-же самое, что и мозгъ. Вотъ это именно и есть спорный вопросъ.

Матеріализмъ пользуется двумя путями для доказательства того, будто душа нѣчто бѣльшее, какъ вещество: прежде всего онъ пытается доказать, будто душа, или „такъ называемая душа“—растетъ вмѣстѣ съ тѣломъ и вмѣстѣ съ тѣломъ-же разрушается на нашихъ глазахъ, во—вторыхъ, будто эта душа совершенно совпадаетъ съ дѣятельностью и свойствами мозга, такъ что мозгъ и душа должны быть однимъ и тѣмъ-же.

По поводу перваго пункта Геккель говоритъ слѣдующее: „Какъ каждому извѣстно, новорожденное дитя совершенно не имѣетъ сознанія, а Шрейеръ говоритъ, что послѣднее развивается значительно позже того, какъ малое дитя начинаетъ говорить; ребенокъ долгое время говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ. Только съ того момента, когда онъ въ первый разъ произнесетъ „я“, когда въ немъ проявится сознаніе его „я“,—съ того момента зарождается его самосознаніе, которое противопоставляетъ себя внѣшнему міру. Быстрые и глубокіе успѣхи въ познаніи, которые дитя дѣлаетъ съ помощью родителей и школы въ первое десятилѣтіе своей жизни, и позднѣйшіе болѣе медленные во второе десятилѣтіе, завершающіеся полной духовной зрѣлостью, тѣсно связаны съ безчисленными успѣхами въ ростѣ и развитіи сознанія, а также и его органа—мозга. Но даже тогда, когда ученикъ получить „аттестатъ зрѣлости“, его сознаніе, въ дѣйствительности, далеко еще не можетъ быть названо зрѣлымъ и только позже, благодаря многостороннему соприкосновенію съ внѣшнимъ міромъ, начинаетъ развиваться у него „міровое сознаніе“. Только въ третье десятилѣтіе достигаетъ полнаго развитія разумное мышленіе, а вмѣстѣ съ нимъ и сознаніе, которое при нормальномъ развитіи приноситъ слѣдые плоды въ теченіе трехъ слѣдующихъ десятилѣтій. Обыкновенно, съ на-

чаломъ седьмого десятка (иногда раньше, иногда позже) начинается медленный и постепенный упадокъ высшей духовной дѣятельности, которымъ характеризуется старческій возрастъ“.

По поводу второго пункта, то-есть, что душа и мозгъ это одно и то-же, онъ говоритъ слѣдующее: „Имѣющее огромное значеніе признаніе современной фізіологін, что большой мозгъ у человѣка и у высшихъ млекопитающихъ служитъ органомъ духовной жизни и сознанія, убѣдительно подтверждается патологіей, распознаваніемъ его заболѣваній. При поврежденіи какой-либо части коры большого мозга, исчезаетъ ея функція; такимъ образомъ, можно даже частично показать локализацию мозговыхъ функцій; при заболѣваніи единичныхъ мѣстъ этой области, исчезаетъ также часть мышленія и сознанія, связанныхъ съ даннымъ мѣстомъ. Такой-же выводъ доставляетъ и патологическій экспериментъ; поврежденіе извѣстнаго мѣста (напримѣръ, разговорнаго центра) нарушаетъ его функцію (рѣчь). Въ общемъ, можно удовольствоваться только указаніемъ на наиболѣе извѣстныя повседневныя явленія въ области сознанія для того, чтобы доказать полную зависимость послѣдняго отъ химическихъ измѣненій въ мозговой субстанціи. Многіе напитки (кофе, чай) возбуждаютъ нашу мыслительную способность; другіе (вино, пиво) приводятъ насъ въ веселое настроеніе духа; мускусъ и камфора, какъ возбуждающія средства, оживляютъ погасшее сознаніе; эфиръ и хлороформъ усыпляютъ послѣднее и т. п. Какъ было-бы это все возможно, если-бы сознаніе было нематеріальнымъ существомъ, независимымъ отъ указанныхъ анатомическихъ органовъ? И въ чемъ заключается сознаніе „безсмертной души“, когда она лишается обладанія этими органами?“

Удаленіе маленькой части мозга, такъ называемой щитовидной железы, ведетъ за собой у человѣка слабоуміе, и изъ этого хотятъ вывести заключеніе, что будто-бы душа можетъ быть умерщвлена еще при жизни тѣла. Недавно на

одномъ общественномъ собраніи въ Берлинѣ главный врачъ Штеглицкаго сумасшедшаго дома выразился по поводу тождества души и мозга, будто анатомія доказала, насколько всё единичныя душевныя проявленія у человѣка связаны съ единичными мозговыми частями, такъ что теперь невозможно говорить о самостоятельной дѣятельности души, но, какъ онъ заключаетъ свои доказательства, „вездѣ намъ навстрѣчу выступаетъ сложная, составная душа; простого существа мы не замѣчаемъ нигдѣ“. Далѣе онъ говоритъ: „При нѣкоторыхъ душевныхъ болѣзняхъ, какъ напр., при такъ называемомъ размягченіи мозга, заболѣваютъ раньше всего какъ разъ самыя тонкія душевныя функціи; онѣ погибаютъ, а такъ называемая низшая душевная жизнь заболѣваетъ значительно позже и частью сохраняется. Другой примѣръ: при меланхолическомъ душевномъ разстройствѣ заболѣваетъ прежде всего только самая цѣнная душевная дѣятельность. Всѣ эти наблюденія неоспоримо показываютъ, что никакая простая душевная жизнь сверхмірнаго происхожденія существовать не можетъ. Безсмертная простая душевная сущность не могла-бы заболѣвать и дряхлѣть. Какъ разъ заболѣваніе внутренней личности человѣка показываетъ, что нельзя говорить, будто заболѣваетъ не душа, а только лишь ея органъ“.

Но какъ разъ большой вопросъ, дѣйствительно-ли это неоспоримо.

Прежде всего я бы хотѣлъ отмѣтить слѣдующее: это неправда, будто душа, какъ доказывалось выше, представляетъ собою сложное существо; напротивъ, душа являетъ собою единство. Сложное—это мозгъ. Въ мозгу можно указать: этой частью человѣкъ слышитъ, этой видитъ и т. д. Но навѣки неразрѣшимымъ остается вопросъ: кто соединяетъ воедино различныя дѣятельности мозга? Откуда происходитъ, что человѣкъ одновременно видитъ и слышитъ, тогда какъ эти функціи раздѣлены въ мозгу? Итакъ, мозгъ есть нѣчто составное, а раздѣленное въ мозгу охватывается единствомъ, анатомически неопредѣлимымъ, которое и есть то, что мы

называемъ душой. Кромѣ того, это совсѣмъ невѣрно, будто зрѣніе и слухъ для насъ только функціи мозга; пѣтъ, они въ то-же время являются дѣятельностью души. Человѣкъ можетъ быть такъ занятъ душевно, что онъ ничего не слышитъ, хотя его мозгъ и слухъ совершенно здоровы. Почему это? Потому, что душа его не слышитъ. Итакъ, мы видимъ, что для того, чтобы услышать, необходимо, чтобы, кромѣ слуха, участвовала наша душа. Можетъ случиться, что человѣкъ, отсутствуя душою, прочтетъ совершенно правильно цѣлую страницу въ книгѣ, но все-же не будетъ знать, о чемъ онъ читалъ. Почему? да потому, что его душа не слышитъ и не воспринимаетъ того, что онъ дѣлаетъ тѣломъ.

Во—вторыхъ: откуда это доказано, что когда мозгъ боленъ, и слѣдовательно, человѣкъ не можетъ проявлять себя черезъ мозгъ, и душа также заболѣваетъ? Это именно и требуется предварительно доказать.

Ясно нѣчто другое: мозгъ можетъ быть боленъ, а душа—здорова, и это можетъ проявиться и внѣшнимъ образомъ. Кто-нибудь, напримѣръ, можетъ заболѣть, и болѣзнь будетъ состоять въ томъ, что онъ будетъ знать, что онъ хочетъ сказать, а говорить будетъ другое. Это въ высшей степени мучительная болѣзнь. Человѣкъ хочетъ сказать „окно“, а говорить „дверь“. Онъ знаетъ, что говорить что-то неправильное, но иначе говорить не можетъ. При этомъ ясно проявляется, что душа совершенно отлична отъ дѣятельности мозга. Необходимо разграничить слѣдующее: душа пользуется услугами мозга, и когда мозгъ заболѣваетъ, то проявленія души не могутъ найти себѣ выраженія. Человѣкъ беретъ для своей души впечатлѣнія извнѣ; когда мозгъ боленъ, то онъ воспринимаетъ своей душой невѣрныя впечатлѣнія, и въ его душѣ образуются ложныя представленія. Или-же: душа хочетъ проявиться, а органъ боленъ, поэтому человѣкъ не можетъ передать внѣшнему міру того, что ощущаетъ. Поэтому, если мы, напримѣръ, наблюдаемъ сдѣлавшагося слабоумнымъ человѣка, то мы можемъ получить впечатлѣніе, будто и его

душа также слабоумна. Но доказать этого мы не можемъ. Мы имѣемъ только доказательство того, что чувствованія души не могутъ проявляться. Ясно, что съ этимъ находится въ связи также то, что пользованіе возбуждающими средствами можетъ оказать вліяніе на дѣятельность разума и души, ибо душа наша легче можетъ проявляться тогда, когда мозгу легче функционировать. Но если у человѣка есть горе, то такія виѣшнія средства, какъ пользованіе кофе, алкоголемъ и т. п., воздѣйствующія на его мозгъ, не создадутъ ему истинной веселости, они не будутъ въ состояніи вызвать душевный подъемъ, именно потому, что мозгъ не тождественъ съ душою. Иногда случается и обратное: человѣкъ, вслѣдствіе душевныхъ потрясеній, можетъ заболѣть душевно. Какъ-бы это могло случиться, если-бы душа не была отлична отъ мозга? Это совершенно невѣрно, будто мозгъ и душа представляютъ собою нѣчто единое, и будто единство это неопровержимо доказано.

На основаніи тѣхъ утвержденій, которыя я только что выставилъ, я съ полнымъ правомъ могу стоять на томъ, что душа представляетъ собою нѣчто особое, отличное отъ мозга. Поэтому-то невѣрно заключеніе, что если кто-либо, вслѣдствіе ослабленія тѣлесныхъ силъ, дѣлается ипохондрикомъ, то онъ ипохондрикомъ и вступитъ въ вѣчность. Душа не была больна, она могла остаться неизмѣнной, хотя тѣло и сдѣлалось слабымъ и препятствовало, такимъ образомъ, проявленіямъ души, или оказывало на нихъ вліяніе. Итакъ, развитіе тѣла не есть въ то-же время развитіе души. Нужно провести рѣзкую грань между душой и разумомъ. Развитіе жизни разума связано до извѣстной степени съ развитіемъ тѣла и мозга. Иначе обстоитъ дѣло съ душой: есть, напри- мѣръ, дѣти, неразвитыя ни въ отношеніи тѣла, ни въ отношеніи мозга, душа которыхъ все-же живетъ, та душа, которая воспринимаетъ вѣчное. Человѣкъ можетъ, вслѣдствіе болѣзни, ослабѣть тѣломъ и умомъ, но то, что мы называемъ душой, то, что, согласно нашей вѣрѣ, вѣчно и непреходяще

въ человѣкѣ, это въ немъ будетъ жить до послѣдняго издыханія. Съ этимъ находится въ связи то, что духовныя силы направляютъ душу на добро и зло въ отношеніи вѣры и надежды. Было-ли бы это возможно, если-бы душа не было отлична отъ тѣла? Изъ этого мы можемъ вывести заключеніе, что намъ нѣтъ необходимости принимать доказательства матеріализма, будто душа и мозгъ есть нѣчто единое, ибо мы имѣемъ достаточно вѣскіе доводы противъ такого принятія. Эти доводы, въ общемъ, приводятся уже много столѣтій тѣми, кто не принимаетъ матеріализма. Здѣсь выставляется утвержденіе противъ утвержденія, вѣра противъ вѣры.

Матеріалистъ не можетъ сказать ничего бѣльшаго, кромѣ того, что онъ вѣритъ въ единство мозга и души. А кто стоитъ на иной точкѣ зрѣнія, тотъ говоритъ: на основаніи личнаго моего опыта я этому не вѣрю.

Перев. *Н. Н. Селивановской.*

(Продолженіе слѣдуетъ)

ЗАМѢТКА.

Одесское благотворительное общество дамъ духовнаго званія.

9 февраля въ покояхъ архіерейскаго дома въ городѣ Одессѣ состоялось общее собраніе благотворительнаго общества дамъ духовнаго званія, подъ почетнымъ предсѣдательствомъ покровителя общества архіепископа херсонскаго и одесскаго Димитрія. На собраніи присутствовали: дѣйствительные члены общества—дамы духовнаго званія и много членовъ соревнователей. Изъ прочитаннаго отчета о дѣятельности общества за истекшіе полтора года (съ 1 сентября 1909 года) видно, что общество насчитываетъ уже шесть лѣтъ своего существованія. Превжній «Кружокъ» дамъ духовнаго званія, вызванный къ жизни ужасами не частной русско-японской войны, какъ доброе сѣмя, послужилъ благоплодной почвой

для дальнѣйшаго развитія и расширенія христіанскаго благотворенія со стороны дамъ духовнаго званія. Расширеніе это сказывается какъ въ значительномъ, все увеличивающемся, притокѣ пожертвованій на нужды общества, такъ въ самой дѣятельности общества. Не имѣвшее своего угла и вынужденное въ теченіе шести лѣтъ искать пріюта въ разныхъ частяхъ города за крайне обременительную для своего благотворительнаго бюджета плату, общество въ настоящее время твердо и прочно стало на ноги: въ истекшемъ году оно приобрѣло имущественную собственность, стоимостью въ 20 тысячъ рублей, съ домами и усадьбою. Безъ волненій и тревогъ о завтрашнемъ днѣ, общество теперь спокойно будетъ совершать свое святое дѣло помощи бѣдному и нищему. Въ связи съ приобретениемъ осѣлости общество окрыляетъ себя свѣтлыми надеждами въ недалекомъ будущемъ благотворить не только тѣлу, но и приниженой душѣ бѣдняка посредствомъ правильно организованныхъ въ своей столовой чтеній религіозно просвѣтительнаго характера, а затѣмъ открыть и бесплатную элементарную школу для бѣдныхъ, для обученія ихъ молитвамъ, чтенію, письму и счету. Денежныя средства общества представляются въ слѣдующемъ видѣ: къ 1 января 1911 г. состоитъ капиталовъ общества: а) расходнаго 2.208 р. 24 к., б) неприкосновеннаго 2.947 р. 39 к., в) 5.500 р. и домоваго 3.969 р. 53 к., а всего 14.625 р. 16 к.

(Свер. лтт.).

Редакторъ, ~~Редакторъ~~ Киевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Киевъ, 24-го апрѣля 1911 г.

Цензоръ священникъ Николай Гроссу

Киевъ, Тип. Аки. Общ. печат. и изд. ~~Дружеска~~ ~~Киевска~~ ~~Полнаго~~ Мерингов. ул., д. № 6.

ГОДЪ

III.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

№№ 23—24.

1911-го года 5—12-го іюня.

Содержаніе: I. Обь участіи церковныхъ старость на съѣздахъ духовенства. Н. Пальмовъ.—II. Митрополитъ Московскій Филаретъ, какъ руководитель въ рѣшеніи вопросовъ пастырской практики. (Окончаніе). Св. Н. III—ій.—III. Библія и естествознаніе. (Продолженіе). Перев. Н. П. Селивановской.—IV. Инструкція для приходскихъ священниковъ по преподаванію Закона Божія въ начальныхъ школахъ и для Наблюдателей за преподаваніемъ Закона Божія въ начальныхъ гражданскихъ школахъ.—Замѣтка. Обь отношеніи священнослужителей между собою.—

Обь участіи церковныхъ старость на съѣздахъ духовенства.

Согласно опредѣленію Св. Синода отъ 26 октября—2 ноября 1909 года (см. „Церк. Вѣдом.“ за 1910 г. № 7, с. 30 офиц. отд.), епархіальныя начальства получили теперь право приглашать на съѣзды духовенства церковныхъ старость при разсмотрѣннн и рѣшеніи на этихъ съѣздахъ церковно-хозяйственныхъ вопросовъ. Допуская старость до участія въ церковно-хозяйственныхъ дѣлахъ, обсуждаемыхъ на

епархіальныхъ и благочинническихъ сѣздахъ духовенства, Св. Синодъ выразилъ надежду, что старосты, какъ люди практики, окажутъ помощь хозяйственному дѣлу въ епархіи, разъ проявятъ надлежащее пониманіе церковныхъ интересовъ и вмѣстѣ съ духовенствомъ обнаружатъ стараніе къ надлежащему удовлетворенію многочисленныхъ епархіальныхъ нуждъ касательно: поддержанія въ должномъ благолѣпіи приходскихъ храмовъ, содержанія духовно-учебныхъ заведеній и упорядоченія матеріальной стороны разныхъ религіозно-просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій въ епархіи.

Сколько извѣстно изъ представленныхъ въ Св. Синодъ отзывы епархіальныхъ архіереевъ по поводу проведенія въ жизнь Синодальнаго опредѣленія отъ 26 окт.—2 ноября 1909 г., въ 8 епархіяхъ старосты церковные уже допущены до участія въ сѣздахъ духовенства. Что касается до прочихъ епархій, то въ 44-хъ епархіяхъ и въ Грузинскомъ экзархатѣ участіе старостъ на сѣздахъ также признано соответствующимъ потребностямъ времени и отвѣчающимъ мѣстной епархіальной жизни; лишь изъ 11 епархій послѣдовалъ отрицательный отзывъ, и участіе старостъ въ экономическихъ дѣлахъ епархіи, по мѣстнымъ условіямъ, признано или трудноосуществимымъ, или же преждевременнымъ.

Разсуждая а ргіогі, нельзя, конечно, не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ идеѣ о допущеніи церковныхъ старостъ до столь широкаго участія въ церковно-хозяйственныхъ дѣлахъ, которое открывается для нихъ съ приглашеніемъ на благочинническіе и епархіальные сѣзды духовенства. Хозяйственная сторона—больное мѣсто въ нашей Церкви, и прежде всего съ нея начинаютъ дѣлать обидные нападки на духовенство лица, враждебно или несочувственно настроенныя относительно духовенства. Деньги, приходящія въ церковный ящикъ отъ продажи свѣчей, деньги, опускаемыя въ многочисленныя кружки, и деньги, полагаемыя за службой на церковное блюдо, у многихъ разжигаютъ страсть корыстолюбія и вызываютъ зависть къ „попамъ“ вмѣстѣ съ досадой, что

такія „богатства“ льются въ глубокіе „поповскіе“ карманы. Кто изъ завистливыхъ людей повѣритъ священнику, когда тотъ начнетъ разъяснять, что ни отъ свѣчнаго дохода, ни отъ кружечныхъ сборовъ, ни отъ денегъ съ церковнаго блюда онъ самъ не пользуется. „Морочить попь голову“, скажетъ завистникъ въ отвѣтъ на всѣ разъясненія священника и однимъ этимъ: „морочить голову“ заставитъ „публику“ повѣритъ себѣ больше, чѣмъ священнику.

Чтобы освободить духовенство отъ лишняго повода къ обвиненію въ грѣхѣ, котораго оно въ данномъ случаѣ совершенно чуждо, необходимо сдѣлать церковное хозяйство не только предметомъ гласности, но и разумно—широкаго пониманія. Ближе и прежде всего это послѣднее должно начинаться, разумѣется, со стороны старостъ, которые, по Высочайше утвержденной для нихъ „Инструкціи“, оказываются *повѣренными* приходовъ, нарочито избираемыми для приобрѣтенія, храненія и употребленія (совмѣстно съ причтомъ) церковныхъ денегъ и всякаго церковнаго имущества (см. § 1 „Инструкціи“). Разъ прихожане облакаютъ довѣріемъ извѣстное лицо изъ своей среды и избираютъ его въ церковные старосты, то это же довѣріе, естественно, является для прихожанъ гарантіей принимать, безъ подозрѣній и возраженій, всѣ тѣ разъясненія, которыя пришлось бы сдѣлать церковному старостѣ для своихъ выборщиковъ въ случаѣ недоумѣнія послѣднихъ: куда на самомъ дѣлѣ, не въ карманъ ли священника, идутъ церковные доходы, образовавшіеся отъ продажи свѣчей и многочисленныхъ сборовъ?

Думается намъ, что ни одинъ староста не станетъ скрывать правду и сознательно извращать истину относительно назначенія поступающихъ въ церковь денежныхъ суммъ, такъ какъ всѣ денежныя поступленія записаны въ приходо-расходную церковную книгу, имъ самимъ подписаны и, если бы понадобилось, всегда могутъ быть выведены на справку. Но—вотъ бѣда. Далекое не всѣ у насъ старосты бываютъ способны взглянуть широко на церковное хозяйство. Боль-

шинству (по крайней мѣрѣ, большинству сельскихъ старостъ) кажется, что это хозяйство должно ограничиваться лишь предѣлами прихода. Все, что поступаетъ въ извѣстную церковь, все это и должно быть израсходовано на нужды ея прихода: такъ разсуждаютъ очень и очень многіе старосты, и имъ весьма прискорбно бываетъ отчислять денежныя суммы на такіе предметы и учрежденія, которые ихъ лично совершенно не интересуютъ, какъ, напр. на распространеніе христіанства на Кавказѣ, на Красный Крестъ, на Палестинское Общество, — пожалуй, даже, на епархіальныя духовно-учебныя заведенія, на Попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія и т. п. Нужна извѣстная степень образованія и развитія, чтобы понимать неизбѣжную необходимость того порядка въ собраніи и распредѣленіи церковныхъ суммъ, какой практикуется теперь. Трудно ожидать пониманія довольно сложныхъ финансовыхъ операцій въ хозяйствѣ нашихъ церквей старостами — простолюдинами, всю жизнь свою проведенными въ родныхъ деревняхъ и дальше сосѣднихъ сель никуда изъ своихъ деревень не выѣзжавшими! Между тѣмъ, отъ малой освѣдомленности, а подчасъ даже и — полной неосвѣдомленности самихъ церковныхъ старостъ, а за ними, конечно, и прихожанъ, касательно того, куда именно обращаются церковныя суммы, и почему существуетъ такой порядокъ въ расходованіи церковныхъ суммъ, какой въ настоящее время есть, нерѣдко зависитъ какъ то, что церкви часто впадаютъ въ неоплатныя долги, вслѣдствіе слабаго притока въ церковную кассу денежныхъ средствъ со стороны прихожанъ, такъ и то, что по адресу духовенства начинаютъ посылаться обвиненія въ попрошайничествѣ и „вымогательствѣ“, если найдется какой нибудь заботливый священникъ и станетъ изыскивать мѣры и обращаться къ прихожанамъ съ просьбою освободить церковь отъ долга.

Хорошей школой для старостъ, — въ особенности, для сельскихъ старостъ, — школой, гдѣ они могутъ вырабатывать себѣ вѣрное пониманіе задачъ церковнаго хозяйства каждаго

приходскаго храма въ отдѣльности и *въ связи* съ рядомъ приходскихъ храмовъ въ благочиніи, въ уѣздѣ и въ цѣлой епархіи, являются благочинническіе и епархіальные съѣзды духовенства, къ участию въ которыхъ получаютъ теперь доступъ церковныя старосты. На съѣздахъ, изъ усть не одного только своего приходскаго пастыря, но изъ усть цѣлаго сонма пастырей, также, какъ и изъ усть своихъ болѣе опытныхъ собратій по службѣ, староста услышитъ многое, что покажется ему своего рода откровеніемъ. Предъ нимъ откроются новые горизонты; онъ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ увидитъ то дѣло, которое совсѣмъ не казалось ему такимъ большимъ, когда онъ стоялъ у себя въ церкви за свѣчнымъ ящикомъ или ходилъ съ кошелькомъ и блюдомъ по рядамъ богомольцевъ и принималъ отъ нихъ копѣйки. И сколько практически-полезныхъ свѣдѣній и знаній онъ приобрѣтетъ на съѣздѣ!

Въ идеѣ—участіе церковныхъ старостъ на съѣздахъ духовенства можетъ вызывать къ себѣ только полное сочувствіе. Но какъ въ дѣйствительности? Окажутся ли старосты на съѣздахъ желательными помощниками для священниковъ при обсужденіи хозяйственныхъ вопросовъ, или они и сюда, въ церковно-хозяйственныя дѣла, постараются вцутать „политику“, безъ которой у насъ, какъ извѣстно, немислимо никакое, самое даже, повидимому, безобидное, начинаніе? Весь секретъ, разумѣется, въ томъ, *кто* изъ старостъ будетъ на съѣздѣ. Если выбранными окажутся лица, преданныя Церкви и способныя понять нужды духовенства, то участіе такихъ лицъ въ дѣлахъ съѣзда будетъ сопровождаться самыми благими послѣдствіями какъ для Церкви, такъ и для духовенства. Но если явятся на съѣздъ „товарищи“—изъ социаль-демократовъ и изъ социаль-революціонеровъ, или пропитанные политикой, хитрые кадеты,—то какой же пользы для Церкви и духовенства можно ждать отъ нихъ?

Правда, говорятъ, что въ странѣ наступаетъ успокоеніе. Возбужденныя „освободительными“ идеями умы начи-

нають приходять въ норму. Сильнѣе и сильнѣе заявляютъ о себѣ голоса людей благоразумныхъ. Не даромъ только въ 11 епархіяхъ высказываются опасенія за добрый исходъ новаго для духовенства начинанія. Дай Богъ, чтобы и въ этихъ епархіяхъ не замедлило *пришествіе мира*, и создались бы условія, благопріятныя для проведенія въ жизнь того что принципиально разрѣшено и одобрено Св. Синодомъ въ его опредѣленіи отъ 26 октября—2 ноября 1909 года.

Чрезвычайно интересно познакомиться съ настроеніемъ съѣздовъ по тѣмъ епархіямъ, гдѣ уже старосты были допущены до обсужденія церковно-хозяйственныхъ дѣлъ и участвовали въ ихъ рѣшеніи. У насъ подъ руками статья о наблюдателя церковныхъ школъ Нарымскаго края, въ Томской епархіи, священника Н. Никольскаго, написанная имъ „По поводу перваго епархіального съѣзда съ участіемъ церковныхъ старостъ въ Томской епархіи, имѣющаго быть 5 іюня 1911 года“ (см. № 8—9 Томскихъ Епарх. Вѣдом. за т. г. с. 460—468 неоффиц. отд.)¹⁾. Въ своей статьѣ о. Н. Никольскій при-

¹⁾ На этомъ съѣздѣ, замѣтимъ, предполагено обсужденіе такихъ серьезныхъ вопросовъ, какъ:

1. Изысканіе способовъ удовлетворенія нуждъ епархіи, въ виду опредѣленія Св. Синода за № 7962 („Церк. Вѣдом.“. 1910 г. № 41).

2. Обсужденіе предложенія Св. Синода о желательности введенія страхованія движимости церковной и частной собственности духовенства.

3. Учрежденіе эмиритуры.

4. Ассигнованіе средствъ на содержаніе двухъ новыхъ епархіальныхъ или пяти окружныхъ миссіонеровъ—6000 р. и на устройство миссіонерскихъ курсовъ 1000 р., по ходатайству братства Св. Димитрія Рост.

5. Ассигнованіе средствъ на содержаніе уѣздныхъ отдѣленій училищнаго совѣта 2000 руб.

6. Единовременное ассигнованіе 6124 руб., на возвратъ Училищному Совѣту денегъ, затраченныхъ на расширеніе церковно-учительской школы, нынѣ перешедшей подъ духовную Консисторію.

7. О построеніи новыхъ зданій для Томскаго духовнаго училища.

8. О вознагражденія епархіальной комиссіи, производящей испытанія на званіе псаломщика, діакона и священника.

9. Разсмотрѣніе отчетовъ и смѣтъ духовно-учебныхъ заведеній и свѣчнаго комитета.

водить выдержку изъ письма къ нему одного депутата Тверскаго епархіальнаго съѣзда духовенства, на каковомъ съѣздѣ участвовали и церковныя старосты. „Съ 9 по 20 декабря 1909 г. у насъ, въ Твери“, пишетъ о. Н. Никольскому его корреспондентъ, „былъ первый съѣздъ съ участіемъ выборныхъ изъ церковныхъ старостъ. Всего на съѣздѣ было 108 человекъ, поровну священниковъ и старостъ. По нашей епархіи давно уже въ очень многихъ приходахъ установились непріязненныя отношенія между священниками и старостами изъ-за разныхъ сборовъ съ церковью на содержаніе церковно-учебныхъ заведеній. Вообще, всѣ старосты непріязненно смотрѣли на свѣчной епархіальный заводъ, на обязательную выборку свѣчей съ него, на сборы по содержанію епарх. женск. училища и др. налоги. Поэтому предполагалось, что съѣздъ будетъ бурный, и опасались недобрыхъ послѣдствій участія старостъ на съѣздѣ. Въ самомъ началѣ рѣзко обозначилось непріязненное и оппозиціонное отношеніе старостъ къ духовенству, но духовенство повело дѣло на съѣздѣ умѣло и съ тактомъ, почему все кончилось благополучно и въ концѣ съѣзда старосты письменно выразили духовенству свое уваженіе и довѣріе.

„Первое присутствіе старостъ на епархіальномъ съѣздѣ принесло и приноситъ уже ощутительную пользу для епархіи. До съѣзда чувствовалось всеобщее недружелюбное отношеніе къ свѣчному заводу и духовно-учебнымъ заведеніямъ: свѣчи на заводѣ покупались съ принужденіемъ, взносы изъ церковныхъ суммъ на духовныя учебныя заведенія дѣлались съ ропотомъ и неудовольствіемъ, а нѣкоторыми старостами совсѣмъ не уплачивались, и таковыя встрѣчали въ товарищеской средѣ и приходахъ поддержку и сочувствіе. Теперь во многихъ мѣстахъ уже происходитъ обратное. Упорныхъ старостъ призываютъ на

10. О переносѣ пріюта престарѣлыхъ лицъ духовнаго званія изъ Томска въ какой-либо пунктъ епархіи, по журналу съѣзда 1909 г. за № 9. (Томск. Епарх. Вѣдом. за т. г. № 8—9, с. 163—164 офиц. отд.).

совмѣстныхъ собранія духовенства и старостьъ благочинническаго округа и здѣсь побуждаютъ къ уплатѣ долговъ и недоимокъ, нѣкоторыхъ устраняютъ отъ должности, и они уже не встрѣчаютъ поддержки нигдѣ, остаются одинокими. Отношенія къ нашимъ учреждениямъ мѣняются, нѣтъ единодушнаго неудовольствія, создается сочувствіе, теперь среди старость—депутатовъ духовенство находитъ поддержку“.

Высказывая увѣренность, что совмѣстныхъ собранія представителей отъ старость и духовенства послужатъ къ укрѣпленію добрыхъ отношеній между пастырями и пасомыми и будутъ сопровождаться благими послѣдствіями для епархіальнаго хозяйства, Тверской депутатъ касается въ своемъ письмѣ и маленькой частности—размѣровъ вознагражденія священникамъ и старостамъ, отправляющимся на сѣздъ въ губернской городъ. „Вознагражденіе за проѣздъ въ губернской городъ и прожитіе тамъ депутата“, пишетъ онъ, „получалось въ каждомъ благочиніи по раскладкѣ: депутатъ—священникъ изъ личныхъ средствъ духовенства своего благочинія получалъ отъ 1 до 2 р. съ cadaго причта, депутатъ—староста отъ церкви благочинія столько же. Богатые старосты по желанію ѣздили на свой счетъ“.

Священ. Н. Никольскій знакомитъ еще съ Тульскимъ и съ Рязанскимъ сѣздами духовенства при участіи церковныхъ старость. Онъ отмѣчаетъ, что и эти сѣзды, какъ Тверской, прошли мирно и гладко, вызвавъ во всѣхъ слояхъ мѣстнаго общества самый живой интересъ къ хозяйственнымъ дѣламъ епархій. Съ наибольшею подробностью о. Н. Никольскій останавливается на Тульскомъ епархіальномъ сѣздѣ, происходившемъ въ теченіи пяти дней, съ 25 по 29 января 1910 года. Интересъ, съ какимъ церковные старосты отнеслись къ дѣламъ сѣзда, превзошелъ всякія ожиданія. Правда, сначала старосты недоумѣвали: затѣмъ они собраны на сѣздъ; нѣкоторые хотѣли даже уѣхать. Но когда послышалась живая рѣчь, и когда сами старосты вошли въ подобающую имъ роль, то не безъ удовольствія и не безъ интереса просидѣли

на общихъ засѣданіяхъ съѣзда. Многіе изъ старостъ выступали съ серьезными и дѣловитыми замѣчаніями и предположеніями и даже съ цѣлыми рѣчами. Ни слова укора, ни какихъ либо нападокъ по адресу духовенства и Церкви въ рѣчахъ старостъ не было слышно. Напротивъ, видно было искреннее желаніе придти на помощь религіознымъ нуждамъ епархіи, прихода, школъ и духовно-учебныхъ заведеній. Сильное впечатлѣніе на духовенство произвело предложеніе одного изъ старостъ о необходимости скорѣйшаго устройства въ епархіи пріюта для круглыхъ сиротъ духовенства. Въ словахъ свѣтскаго добраго человѣка духовные депутаты почувствовали нравственную поддержку, готовую идти къ духовенству со стороны прихожанъ. Сочувственно отнеслись старосты и къ вопросу объ обученіи сиротъ—дѣтей духовенства. Епархіальное хозяйство остановило на себѣ самое серьезное вниманіе церковныхъ старостъ. Они участвовали въ комиссіяхъ по осмотру квартиры смотрителя свѣчнаго завода и подавали совѣты, какъ практичнѣе и дешевле ее устроить,— по осмотру больницы, бани и прачешной при Епарх. женск. училищѣ и здѣсь сдѣлали много цѣнныхъ указаній по части техники и гигиены.

На Тульскомъ съѣздѣ дебатировался, между прочимъ, вопросъ объ отдачѣ въ аренду епархіальнаго свѣчнаго завода. Кажется, никто изъ присутствовавшихъ на съѣздѣ не былъ такъ глубоко возмущенъ проектомъ отдать заводъ въ аренду, какъ церковные старосты, сразу опредѣлившіе важное значеніе завода для епархіи. „Развѣ мы затѣмъ пріѣхали сюда, чтобы разрушить епархіальное хозяйство?“ съ непритворнымъ возмущеніемъ говорили старосты. „Мы должны поддерживать и сохранить его“. Вопросъ объ отдачѣ свѣчнаго завода въ аренду былъ единогласно отвергнутъ на съѣздѣ. Когда изъ докладовъ выяснилось, что на свѣчномъ заводѣ дѣла идутъ не всегда хозяйственно, церковные старосты, не задумываясь, предложили свои услуги по упорядоченію заводскаго хозяйства и, съ согласія духовенства, выбрали изъ своей среды двухъ

представителей въ правящій и ревизіонный комитеты завода, безъ всякаго вознагражденія за трудъ... Одушевленные искреннимъ желаніемъ послужить благу своей епархіи, церковные старосты не остановились и предъ выраженіемъ порицанія тѣмъ своимъ собратіямъ по службѣ—старостамъ, которые, по непониманію задачъ епархіальнаго свѣчнаго завода, отказывались брать изъ него свѣчи для церквей и, изъ мелочныхъ расчетовъ, предпочитали покупать свѣчи на сторонѣ.

Отрадно видѣть доброе отношеніе церковныхъ старостъ къ хозяйственнымъ дѣламъ Церкви, какое старосты проявили на сѣздахъ духовенства въ Твери, въ Тулѣ и въ Рязани. Если бы и повсемѣстно по епархіямъ они заявили себя на сѣздахъ тою же рачительностью о церковномъ хозяйствѣ, то нашему духовенству оставалось бы только радоваться и за Церковь и за себя, такъ какъ въ лицѣ благожелательно настроенныхъ старостъ приходскіе настыри пріобрѣтали бы себѣ дѣйствительныхъ и надежныхъ помощниковъ по благоустройству выѣшней, очень важной, стороны церковной жизни.

Н. Пальмовъ.

Митрополитъ Московскій Филаретъ,

какъ руководитель въ рѣшеніи вопросовъ пастырской практики.

(Окончаніе)¹⁾.

Къ сожалѣнію, нерѣдко бываетъ, что храмы подвергаются нападению громилъ и воровъ, въ своихъ святотатственныхъ дѣйствіяхъ не щадящихъ и престола. Похищая цѣнныя серебряныя вещи съ престола, кресты, дарохранительницы, громилы руками касаются и престола, иногда и антимиаса. Но по церковнымъ правиламъ, никто изъ непосвященныхъ не имѣетъ права касаться престола. Въ случаѣ же прикосновенія къ престолу кого либо изъ непосвященныхъ, требуется

¹⁾ См. № 22 за 1911 г.

освященіе престола. По взгляду и практикѣ митрополита Филарета, въ такихъ случаяхъ достаточно совершить малое водоосвященіе и св. водою окропить трапезу и жертвенникъ. Но предварительно требуется установить, не прикасались ли воры къ антиминсу. Если были слѣды прикосновенія, напр., если илиторъ развернуть, если антиминсъ не на мѣстѣ и проч., тогда митрополитъ Филаретъ требовалъ представленія ему сего антиминса, и самое священнодѣйствіе въ такомъ храмѣ прекращалось до выдачи освященнаго антиминса¹⁾.

Въ случаѣ какого-нибудь пролитія на полъ алтаря или храма человѣческой крови, храмъ считается оскверненнымъ, и по правиламъ Церкви, необходимо тщательно очистить окровавленное мѣсто и освятить храмъ. Митрополитъ Филаретъ давалъ такія распоряженія: „полъ и стѣну очистить отъ крови такъ, чтобы срѣзано было до чистаго матеріала. Потомъ совершить освященіе воды и окропить весь храмъ, начиная отъ алтаря, съ каженіемъ еиміамомъ, какъ бываетъ при освященіи храма. За симъ продолжать въ немъ богослуженіе“²⁾.

Въ случаѣ пролитія крови отъ порѣза копіемъ на проскомидіи—митрополитъ Филаретъ давалъ распоряженіе копіе запечатать; если при этомъ капли крови попадали на престолъ или жертвенникъ, тогда запрещалось и священнослуженіе здѣсь до новаго освященія ихъ³⁾.

Иногда бываютъ случаи поврежденія на престольныхъ облаченіяхъ и самаго престола и антиминса. По церковнымъ правиламъ, совершеніе богослуженія въ раздранныхъ обла-

¹⁾ Т. II. № 3431 и 3029.

²⁾ Т. III. рез. № 4156. „Гдѣ слѣды крови, снять помысль, замѣнить новымъ и окропить св. водою“. II жур. № 2639. Въ случаѣ внезапной смерти кого-нибудь въ храмѣ предписывалось при освященіи воды и окропленіи св. храма прочесть молитву изъ Большого Требника, гл. 49, съ такими словами: „отъ внезапнаго наденія и изліянія крови“.. Орловск. Епарх. Вѣдом. 1887, стр. 187.

³⁾ Т. II. рез. № 3412.

ченіяхъ и на поврежденномъ престолѣ и антиминосѣ составляютъ смертный грѣхъ священника. Въ соотвѣтствіе этому, митрополитъ Филаретъ давалъ распоряженія поврежденный (напр. мышами) или ветхій и раздранный антиминосъ замѣнить новымъ; илиторъ же и поврежденныя (мышами) ленты отъ евангелія предать огню; напребстольную одежду поврежденную всю или часть ея (полотнище) перемѣнить, а запятнанное и испорченное предать огню ¹⁾.

Когда въ одной изъ церквей отъ упавшей свѣчи загорѣлось напребстольное облаченіе и даже самое дерево на престолѣ подверглось дѣйствию огня, митрополитъ Филаретъ велѣлъ: „Если дска престола измѣнила только цвѣтъ, а дерево цѣло, то снявъ съ престола одежду и срачицу и починивъ или замѣнивъ новыми, облачить престолъ съ окропленіемъ св. водою, съ пѣніемъ псалма и съ молитвою, положенною въ Большомъ Требникѣ. А есть-ли дска престола начала тлѣть и обращаться въ уголь; то снять престолъ совсѣмъ, остругать или перемѣнить дску и освятить полнымъ священническимъ освященіемъ. Остатки при поправленіи поврежденнаго предать огню въ церковномъ огнищѣ, и пепель всыпать въ непопираемое мѣсто или въ текущую рѣку“ ²⁾, но не въ стоячій прудъ ³⁾.

Если престолъ во время пожара вынесенъ непосвященными руками, тогда необходимо, раздѣвъ его, утвердить на мѣстѣ и освятить полнымъ освященіемъ ⁴⁾.— При возобновленіи ветхой срачицы митрополитъ Филаретъ велѣлъ поступать такъ: 1) совершить освященіе воды; 2) по входѣ въ алтарь св. антиминосъ на дискосѣ перенести на жертвенникъ; 3) при закрытыхъ вратахъ разоблачить престолъ, ветхую срачицу снять, и древо престола, если нужно, отереть губкою

¹⁾ Т. III, рез. № 3845.

²⁾ Т. III, № 4083.

³⁾ Орлов. Епарх. Вѣд. 1888 г. стр. 514.

⁴⁾ Ibidem, стр. 188.

со св. водою; 4) потомъ новую срачицу и одежду по окропленіи св. водою возложить на престоль, при пѣніи псалма, положеннаго для сего дѣйствія въ чинѣ освященія храма; 5) потомъ совершить кажденія и окропленія св. алтаря съ пѣніемъ псалма изъ того же чина и, наконецъ, перенести антиминсѣ опять на престоль, послѣ чего приступить къ совершенію литургіи ¹⁾).

Антиминсѣ на престолѣ—самая священная и важная принадлежность храма. Поэтому вообще требуется самое бдительное отношеніе къ нему, чтобы не допустить какого-либо поврежденія его. Митрополитъ Филаретъ совѣтовалъ обыкновенно чѣмъ-нибудь, кромѣ илитона, покрывать его. Въ нѣкоторыхъ храмахъ существуетъ обычай прикрыванія антиминса, сверхъ илитона, особымъ воздухомъ. Но и воздухъ или пелена можетъ не предохранить отъ поврежденія антиминса мышами. Въ одномъ храмѣ намъ приходилось видѣть накрываніе антиминса особымъ листомъ бѣлой жести. Если бы жечь была высеребрена, то, полагаемъ, это было бы наиболѣе приличное прикрытіе антиминса ²⁾).

Разумѣется, въ виду святости и важности антиминса, требуется и осторожное, бдительное отношеніе, чтобы къ нему не прикасалась неосвященная вещь, ³⁾ чтобы на него не пролились капли св. соединенія изъ потира при совершеніи богослуженія. Нѣкоторые изъ священниковъ, допустивши пролитіе св. соединенія на антиминсѣ и желая сокрыть свой проступокъ, иногда прибѣгаютъ къ мытію антиминса. Основаній для этого въ правилахъ церковныхъ не имѣется. Митрополитъ Филаретъ по сему поводу пишетъ: „Если три капли

¹⁾ Ibidem, стр. 189.

²⁾ Митрополитъ Филаретъ рекомендуетъ другой способъ охраненія антиминса,—покрытіе его, какъ и запасныхъ св. Даровъ, стеглянымъ колакомъ. Орл. Епарх. Вѣдом 1887 г., стр. 197.

³⁾ Одинъ священникъ старался стереть чистымъ полотенцемъ пятно отъ налѣпка, упавшаго съ трехсвѣчника. Митрополитъ Филаретъ велѣлъ этотъ антиминсѣ замѣнить новымъ, а полотенце сжечь. Орл. Епарх. Вѣд. 1887, стр. 190—191.

(священникъ такъ показывалъ о себѣ) упало, вовсе не нужно мыть и сосать. Мыть антиминсъ—поступокъ безразсудный: ибо антиминсъ для того и сдѣланъ, чтобы, въ случаѣ паденія частицы св. даровъ, паденіе сіе было на освященный антиминсъ, а не на другую вещь неосвященную... безразсудно и теплоту омовенія вылить въ яму: ибо св. дары всегда должно употреблять священнослужителю“. „Измѣтый антиминсъ былъ замѣненъ новымъ¹⁾. Вообще антиминсы, „какъ освященные и святымъ муромъ помазанные, не могутъ подлежать очищенію, безъ нарушенія освященія“²⁾.

Замѣтимъ, что въ одной изъ церквей митрополитъ Филаретъ нашелъ 2 антиминса, изъ коихъ одинъ былъ предназначенъ для праздничнаго, а другой для будничнаго богослуженія. Онъ разрѣшилъ имѣть ихъ, но только подъ условіемъ, чтобы на антиминсѣ не было какихъ-либо побочныхъ надписей (въ родѣ: для *будничнаго* богослуженія)³⁾, въ противномъ случаѣ антиминсъ отбирался въ каѳедральную ризницу.

При закрытіи ветхихъ церквей митрополитъ Филаретъ внушаетъ принять всѣ мѣры къ охранѣ самыхъ зданій, трапезу же отломать, и оставить храмъ для храненія иконъ, какъ часовню⁴⁾. Въ случаѣ же разрушенія храма, матеріалы, какъ извѣстно, по обычаю употребляютъ на печеніе просфоръ или на устройство ограды вокругъ храма или на обжиганіе кирпича для *постройки* храма⁵⁾.

Въ нашихъ руководствахъ для священнослужителей иной разъ указываются такія рѣшенія недоумѣнныхъ вопросовъ, которыя нельзя назвать иначе, какъ обходомъ вопроса или своеобразнымъ мудрствованіемъ авторовъ. Напр., для лицъ непосвященныхъ въ стихарь рекомендуютъ приготавливать сти-

¹⁾ Собр. рез. т. II, рез. № 3710.

²⁾ Орл. Еп. Вѣд. 1837, стр. 193.

³⁾ Собр. рез. т. II, рез. 3010.

⁴⁾ Собр. рез. т. I, рез. № 1156.

⁵⁾ Собр. рез. т. III, рез. 4012.

хари безъ нашивки крестовъ на оплечь; или на вопросъ: можно ли совершать 2 литургіи въ день въ одномъ и томъ-же потирѣ? отвѣчаютъ, что во всякомъ храмѣ можетъ найтись и 2-й экземпляръ богослужебныхъ сосудовъ. Не такъ смотритъ на дѣло приснопамятный митрополитъ Филаретъ. По первому вопросу онъ даетъ такое указаніе: „Если сегодня одѣли мѣщанъ въ стихари безъ крестовъ: то завтра могутъ одѣть и въ ризы безъ крестовъ. Это значить священныя облаченія обращать въ зрѣлищныя наряды. Благочинному (который допустилъ подобныя стихари) не надлежало водиться невѣжественными слухами (что будто и въ Москвѣ такія же стихари употреблены во многихъ церквахъ), а поступать по церковнымъ правиламъ, а въ случаѣ недоумѣнія просить разрѣшенія начальства“¹⁾. Что касается второго вопроса, то у митрополита Филарета для разрѣшенія его находится такое указаніе: „Одинъ потиръ для трехъ престоловъ недостаточенъ: ибо какъ возбранено на одномъ престолѣ совершать двѣ литургіи, такъ не разрѣшено и то, чтобы въ одномъ потирѣ совершать таинство въ одинъ день на двухъ или трехъ престолахъ“²⁾.

Нельзя не согласиться съ основательностью высказанныхъ взглядовъ митрополита Филарета.

Укажемъ теперь, какъ смотрѣлъ митрополитъ Филаретъ на затруднительные случаи, гдѣ дѣло касалось самихъ лицъ.

Такъ, въ случаѣ необходимости перемѣнить данное имя, съ которымъ то или другое лицо уже было крещено, митрополитъ Филаретъ находилъ возможнымъ производить эту замѣну при совершеніи таинства причащенія. „Если родители не привыкли къ имени младенца и желаютъ перемѣнить оное: то мѣстному священнику при случаѣ приобщенія сего младенца святыхъ тайнъ нареци его другимъ приличнымъ именемъ, которое и родителямъ объявить для употребленія и въ мет-

¹⁾ Ор. Еп. Вѣд. 1883, стр. 530—531.

²⁾ Ibidem, стр. 139.

рической книгѣ отмѣтить, что переменено по предписанію начальства“¹⁾). Такое распоряженіе было сдѣлано въ виду недовольства родителей на данное имя, неудобное для произнесенія. Въ другой разъ была нужда переменить имя женское на мужское—20 лѣтнему крещенному, такъ какъ имя не соответствовало полу. Консисторія полагала поручить священнику прочесть молитвы при нареченіи имени (въ 8-й день), и даже совершить воцерковленіе. На это митрополитъ Филаретъ писалъ: „еслибы Консисторія вникнула въ чинъ и молитвы: то увидѣла бы, какъ неосторожно нарекать имя двадцатилѣтнему крещенному по чину некрещеннаго младенца, и по чину четырехдесятидневнаго младенца воцерковляти, т. е. начинать вводить въ церковь того, кто былъ въ ней столько лѣтъ, и безъ сомнѣнія и св. тайнъ приобщался. Учинить слѣдующее: велѣть отроку приготовиться къ принятію св. тайнъ, нареши имя ему, которое, было употреблено при таинствахъ, и будетъ для него твердымъ“²⁾). Нельзя не согласиться, что, дѣйствительно, совершенно бывъ бы несообразно съ здравымъ смысломъ при переменѣ имени читать молитвы, положенныя въ 8-й день по рожденіи младенца. Указаніе на то, что достаточно переменить имя при приобщеніи св. тайнъ, очень цѣлесообразно. Какъ извѣстно, нѣчто подобное бываетъ и при поступленіи въ монашество: тамъ нѣтъ особаго чина для нареченія имени постригаемому, не читаются и молитвы при нареченіи имени въ 8-й день по рожденіи; однако произнесенія священнослужителемъ имени, даваемого вновь постригаемому, считается достаточнымъ основаніемъ для запечатлѣнія имени. Замѣтимъ, впрочемъ, что митрополитъ вообще допускалъ замѣну одного имени другимъ при совершеніи таинствъ. Такъ, напр., когда дѣвица, нареченная въ крещеніи Епистиміей, по неудобопроизносимости сего имени, въ семействѣ именовалась Софіей, и даже за-

¹⁾ Орл. Еп. Вѣд. 1887, стр. 211.

²⁾ *ibidem*, 1889 г., стр. 605.

писывалась такъ въ гражданскіе акты и въ исповѣдныя книги, то митрополитъ Филаретъ благословилъ ей такъ и именоваться Софіей, употребить это имя при совершеніи брака и сдѣлать соответствующую надпись въ метрической книгѣ¹⁾. Отсюда видно, что, по взгляду митрополита Филарета, переимѣна или лучше сказать утвержденіе имени допускалось и при таинствѣ брака. По нашему мнѣнію, наиболѣе подходящимъ было бы установить переимѣну имени при совершеніи причащенія. Замѣтимъ, однако, что митрополитъ Филаретъ не всегда *утверждалъ замѣну* одного имени другимъ; имя, данное по произволу родителей помимо имени, нареченнаго предъ крещеніемъ, не допускалось вносить въ метрику, такъ какъ „по уваженію къ таинству надлежитъ признать твердымъ данное предъ крещеніемъ“ предпочтительно предъ другими именами²⁾.

Какъ извѣстно, нѣкоторые изъ священнослужителей иногда подвергаются отрѣшенію отъ приходоу и даже запрещенію въ священнослуженіи. Является вопросъ: какъ должно пріобщаться такимъ лицамъ въ 1-мъ и 2-мъ случаѣ? Для подобныхъ случаевъ у митрополита Филарета находимъ слѣдующія указанія. Запрещенный въ служеніи могъ приступить къ пріобщенію—по разсужденіи духовнаго отца,—священникъ на правой, а діаконъ на лѣвой сторонѣ престола, причемъ для присутствованія при сей литургіи дозволялось надѣть рясу и тѣмъ, которымъ запрещено было носить рясу³⁾. Иногда дозволялось запрещенному священнику поверхъ рясы надѣвать епитрахиль и поручи⁴⁾. Замѣчательно

¹⁾ Орл. Еп. Вѣд. 1887 г. стр. 111.

²⁾ Ibidem, стр. 209.

³⁾ Собр. рез. Т. II, рез. № 3394.

⁴⁾ Ibidem, рез. 1979. Кстати, митр. Филаретъ замѣчалъ, что „хорошо было бы, есть ли бы и повсюду причетники не слѣдовали свѣтскому обычаю въ стриженіи волосъ, брѣтїи бороды и одеждѣ, а слѣдовали древнему церковному, простому и естественному обычаю“. Рез. Т. III, № 4135.

при этомъ и самое обоснованіе указаннаго порядка: „поелику запрещены, — пишетъ архипастырь, — то священнодѣйствовать не могутъ. А поелику не лишены священства: то, по удостоенію духовнаго отца, могутъ быть приобщены св. таинъ служащимъ священникомъ во святомъ алтарѣ у святаго престола, запрещенный священникъ на правой сторонѣ, а запрещенный діаконъ на лѣвой сторонѣ престола, съ одѣяніемъ на литургію приобщенія въ рясу и тѣхъ, которымъ ряса кромѣ сего запрещена“¹⁾.

Указанными выше случаями не исчерпывается весь кругъ *возможныхъ* въ пастырской практикѣ обстоятельствъ. Жизнь можетъ представить еще много и другихъ случаевъ. Но, кажется, слѣдовало подобные вышеуказаннымъ случаи свести въ одинъ какой нибудь цѣльный сборникъ хотя бы для пополненія „учительнаго извѣстія“, и издать его въ руководство пастырямъ Церкви. Нужды нѣтъ, что многіе изъ указанныхъ случаевъ могутъ показаться единственными въ своемъ родѣ, или мелкими и незначительными. Вѣдь существуютъ же въ чинѣ исповѣди указанія на такіе грѣхи, которые представляются невѣроятными, и это нисколько не лишаетъ этотъ чинъ и сборникъ вопросовъ уваженія. Также точно и указаніе разныхъ недоумѣнныхъ случаевъ, сверхъ приведенныхъ въ „учительномъ извѣстіи“, а также указаніе того, какъ выйти изъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, можетъ сослужить въ нужныхъ случаяхъ хорошую службу для пастыря, указавши ему путь къ наиболѣе соотвѣтствующему существу дѣла выходу изъ обстоятельствъ.

Св. Н. III—iii.

¹⁾ Орл. Ев. Вѣд. 1887, стр. 317.

Библия и естествознание.

(Продолженіе ¹⁾).

Геккель, въ своей книгѣ „Міровыя загадки“ хочетъ, подтвердить свое утвержденіе, будто мозгъ и душа или вещество и душа представляютъ собою нѣчто единое, тѣмъ, что онъ рассказываетъ исторію происхожденія души. Онъ рассказываетъ, какъ душа въ теченіе безчисленныхъ милліоновъ лѣтъ образовывалась изъ матеріи; при этомъ онъ признаетъ, что наука эта совершенно новая и что она даже подвергается многимъ нападкамъ со стороны его товарищей по специальности. Въ этой исторіи происхожденія души онъ дѣлается очень многорѣчивымъ; я приведу изъ его разсужденій только слѣдующее. Онъ говоритъ: „Существуетъ 8 главныхъ ступеней въ развитіи души. Надо принять, что пять первыхъ существовали до силлурійскаго періода, т. е. періода земли, къ которому относятся древнѣйшія окаменѣлости“. (Объ этихъ окаменѣлостяхъ, относящихся къ первичнымъ ступенямъ, мы имѣемъ однако очень мало свѣдѣній). Такихъ главныхъ ступеней онъ называетъ много: душа ячейки, душа собранія ячеекъ, душа ткани, душа растеній, душа не обладающихъ нервами метазой, душа нервовъ и т. д. Далѣе онъ продолжаетъ: „Если душа въ своемъ развитіи счастливо достигла типа позвоночныхъ, то она должна еще пройти 8 ступеней, изъ которыхъ 4 выпадаютъ на долю млекопитающихъ животныхъ, для чего требуется, по меньшей мѣрѣ, четырнадцать милліоновъ лѣтъ“.

Все это изложеніе исторіи происхожденія души есть не что иное, какъ измышленіе Геккелевской фантазіи; вѣдь онъ утверждаетъ, будто можно указать начало души въ незапамятныя времена и будто эти начала души можно прослѣдить въ теченіе милліоновъ лѣтъ!

¹⁾ См. № 22 за 1911 г.

Естествоиспытатель Рудольфъ Вирховъ въ одномъ общественномъ собраніи естествоиспытателей высказалъ однажды слѣдующее: „Возникновеніе души изъ матеріи доказать невозможно“, и далѣе дословно: „То, что меня красить, это знаніе моего незнанія. Самое важное это то, что я твердо знаю, чего я не понимаю въ химіи. Если-бы я этого не зналъ, то я-бы, безъ сомнѣнія, колебался то въ ту, то въ другую сторону. До тѣхъ поръ, пока мнѣ не опредѣлять свойствъ углеводорода, кислорода и азота такъ, чтобы я понялъ, какъ образуется душа изъ ихъ смѣшенія, до тѣхъ поръ я не могу признать, чтобы мы имѣли право вводить въ обученіе понятіе о душѣ пластиды“ — (такъ называетъ Геккель несуществующую, невидимую при помощи микроскопа частицу плазмы, которая, по его мнѣнію, можетъ имѣть душу), — „или вообще требовать отъ каждаго ученаго, чтобы онъ признавалъ это научной истиной, логически съ ней оперировалъ и строилъ на ней свое міровоззрѣніе. Этого мы, дѣйствительно, не можемъ требовать. Я полагаю, напротивъ, что прежде, нежели мы признаемъ эти положенія, какъ утвержденныя наукой, прежде, чѣмъ мы скажемъ: вотъ современная наука,—мы должны произвести предварительно долгій рядъ изслѣдованій, въ теченіи долгихъ лѣтъ. Поэтому мы обязаны сказать школьнымъ учителямъ: не учите этому“.

Вотъ воззрѣнія естествоиспытателя Вирхова по поводу утвержденія Геккеля, будто душа возникла изъ матеріи.

Писаніе въ отношеніи возникновенія души говоритъ просто: „Богъ вдунулъ въ человѣка дыханіе жизни, и человѣкъ сталъ живой душой“. Это—просто дѣло вѣры. Одни не могутъ доказать, что душа произошла изъ матеріи, другіе-же опять таки не могутъ доказать научно, что душа ведетъ свое начало отъ Бога.

Какъ-же получаетъ каждое единичное существо, то-есть человѣкъ, свою живую душу? Здѣсь мы стоимъ передъ величайшей изъ тайнъ. Для Геккеля, разумѣется, это не тайна и не загадка. Душа, по его мнѣнію, это придатокъ или со-

ставная часть матеріи. Изъ этого онъ дѣлаетъ далѣе умозаключеніе, что мы можемъ твердо установить моментъ возникновенія души, ибо мы можемъ опредѣлить моментъ возникновенія жизни, и поэтому-то душа не безсмертна. Тотъ, кто принимаетъ, что душа можетъ быть разсматриваема, какъ химическій продуктъ матеріи, тотъ имѣетъ право вывести заключеніе, что она начала свое существованіе одновременно съ возникновеніемъ человѣка и что поэтому она не безсмертна. Для того-же, кто скажетъ, что это не доказано наукой, для того не существуетъ этотъ выводъ. Мы даже не можемъ твердо установить научно возникновеніе жизни, не говоря уже о возникновеніи души.

Что-же однако твердо установлено? Твердо установлено, что естествознаніе, какъ таковое, не въ состояніи опредѣлить, что такое душа. Оно не можетъ имѣть дѣла съ духовной сущностью души. Но тѣмъ, что естествознаніе не можетъ имѣть дѣла съ духовной сущностью души, отнюдь еще не доказано, что душа не существуетъ; доказано только одно: то, что мы называемъ душой, не подлежитъ изслѣдованію естествознанія. Геккель говоритъ: „Наша наука“—онъ долженъ былъ-бы сказать—естествознаніе—„не познакомила насъ до сихъ поръ съ силами, которыя были-бы лишены матеріальной основы, а также и съ духовнымъ міромъ, который-бы существовалъ внѣ природы и надъ нею“.

Это вѣрно. Подъ этимъ положеніемъ каждый можетъ подписаться. Естественная наука не познакомила насъ ни съ силами, дѣйствующими внѣ матеріи, ни съ силами, дѣйствующими въ насъ или надъ нами. Она этого не можетъ сдѣлать, ибо это лежитъ внѣ ея области. Теперь передъ нами встаетъ вопросъ: доказано-ли такимъ образомъ, что души въ насъ не существуетъ? или наоборотъ, что душа существуетъ? Въ дѣйствительности, дѣло обстоитъ не такъ. Тѣмъ обстоятельствомъ, что естествознаніе не знаетъ никакой души, отнюдь еще не доказано, что души нѣтъ, но не доказано также, что она есть. Если для естествознанія не существуетъ души, является воп-

рось: откуда-же мы знаемъ, что она есть, и чѣмъ мы это докажемъ?

Уже съ давнихъ временъ приводятся слѣдующія доказательства. Мы доказываемъ бытіе души тѣмъ, что, независимо отъ матеріи, чувствуемъ себя личностью, въ которой имѣется нѣчто, не принадлежащее къ матеріи—а именно, сознание нашего „я“. Все, что проявляется, какъ душевная дѣятельность: любовь, вѣрность, дѣтская привязчивость, послушаніе и т. п.—все это принадлежитъ сюда. Никто не можетъ отрицать, что это существуетъ, а между прочимъ ни одинъ анатомъ не можетъ указать ихъ въ тѣлѣ. Отсюда слѣдуетъ, что значить есть что-то въ человѣкѣ, чего нельзя доказать чувственнымъ познаниемъ. Итакъ, дѣйствительно существуютъ на свѣтѣ вещи, признаваемые фактически существующими, хотя онѣ и не могутъ быть доказаны и чувственнымъ образомъ. Мы имѣемъ, кромѣ того, внутри себя чувство, выходящее за предѣлы всего матеріальнаго и вещественнаго,—мы имѣемъ религіозное чувство, чувство Божества, вѣчности. Откуда происходятъ это чувство? Въ—третьихъ, мы имѣемъ въ себѣ нравственное сознание—совѣсть. Эта совѣсть не есть нѣчто, намъ внушенное, какъ насъ хотятъ заставить повѣрить матеріалисты, нѣтъ, она проявляется въ насъ, какъ нравственное свидѣтельство духа, внѣ насъ пребывающаго. Матеріалисты также не могутъ обойтись безъ того, чтобы не ссылаться постоянно на духовное начало въ человѣкѣ. Зачѣмъ-же они пишутъ свои книги? Вѣдь они своими доказательствами хотятъ привести впечатлѣніе на разумъ и душу человѣка. Если-бы въ человѣкѣ не было чего-то, отличнаго отъ матеріи, отдѣльнаго, какъ разумъ и душа, то была-бы справедлива старая избитая фраза: „человѣкъ есть то, что онъ ѣсть“. Это можетъ относиться къ животному, которому необходимо только то, что поддерживаетъ его тѣло, но къ человѣку это не относится.

Писанія Геккеля спокойно могутъ цѣпляться за разумное и душевное начало въ человѣкѣ, ибо они по просту его предполагаютъ.

Для всѣхъ областей человѣческой жизни имѣеть чрезвычайно важное значеніе, признаемъ-ли мы, что человѣкъ имѣеть отличную отъ матеріи душу, или-же нѣтъ. Ибо, если у человѣка нѣтъ души, то для него нѣтъ и высшихъ чувствованій, нѣтъ нравственнаго сознанія, нѣтъ жизни для Бога и въ Богѣ. Отсутствіе души, Бога, безсмертія! Если-же мы имѣеть душу и если мы вѣримъ въ бытіе души въ насъ, то для насъ сама собою открывается обширная область духовнаго разсмотрѣнія всякой дѣятельности и чувствованій человѣческой жизни, стремленіе къ нравственности, религіи, Божеству и безсмертію.

Для матеріалиста не существуетъ единичная личность. Чтò такое человѣкъ, если онъ не имѣеть существующей въ себѣ души, предназначенной къ вѣчной жизни? Въ такомъ случаѣ, онъ то-же, что и животное, и относительно его существованія должны быть сдѣланы тѣ-же заключенія, что и относительно животнаго.

Это и дѣлаеть Геккель. Онъ говоритъ поэтому совершенно спокойно, что слабыхъ новорожденныхъ дѣтей необходимо умерщвлять, что самоубійство есть нѣчто вполне естественное и дозволенное тому, кто не хочетъ болѣе жить. Больные люди, спасеніе которыхъ кажется невозможнымъ, должны быть также умерщвлены. Эти заключенія вполне понятны съ его точки зрѣнія. Если у человѣка нѣтъ души, а только одно тѣло, то все дѣло, конечно, только въ свойствахъ этого тѣла, и жизнь имѣеть только тогда цѣнность для человѣка, если онъ можетъ получать тѣлесныя удовольствія. При заболѣваніи тѣла онъ можетъ покончить какъ свою жизнь, такъ и жизнь другихъ людей; вѣдь онъ убиваетъ въ себѣ и въ другихъ только то, что не имѣеть цѣнности для вселенной. Отсюда слѣдуетъ, что человѣкъ, какъ таковой, не обязанъ принимать во вниманіе своихъ ближнихъ; онъ долженъ только стараться прожить возможно пріятнѣе свою жизнь. Какое ему дѣло до другихъ людей? Если онъ слишкомъ слабъ, чтобы имѣть возможность существо-

вать, то онъ долженъ погибнуть, ибо жизнь для такого человека не имѣетъ цѣнности. Здѣсь идетъ дѣло о правѣ сильнѣйшаго и во вниманіе принимаются исключительно полезность, пріятность существованія. При такихъ условіяхъ великодушіе можетъ быть нелѣпымъ, состраданіе—преступнымъ, а самопожертвованіе—смѣшнымъ, если дѣло идетъ о томъ, чтобы заботиться о существахъ слабыхъ и безобразныхъ. Цѣль оправдываетъ средства. Для того, кто не принимаетъ души, не существуетъ и отвѣтственности передъ Высшимъ Судьей. Передъ какимъ собственно судьей? Человекъ, вѣдь, отвѣтственъ только передъ самимъ собою, и что онъ въ данный моментъ считаетъ хорошимъ, то и справедливо, и если нѣкоторое количество людей вѣрятъ, что желаемое для споспѣшествованія ихъ обществу хорошо, то они имѣютъ право поступать, какъ они считаютъ справедливымъ; такимъ образомъ, человекъ можетъ сдѣлаться величайшимъ врагомъ человека. Уничтоженіе рабства было-бы тогда сумасбродствомъ, ибо оно давало-бы слабому право на существованіе. Къ чему это? Только сильный имѣетъ право на существованіе. То-же наблюдается и у животныхъ. Они хотятъ жить для себя, ибо для нихъ другія существа представляются не имѣющими ничего, кромѣ тѣла. Отсюда само собою вытекаетъ, что, въ такомъ случаѣ, въ человѣчествѣ не было-бы обычая, сообразующихся съ высшими законами, исходящими изъ иного міра, какъ норма всего того, что истинно и хорошо, а были-бы справедливы плоскія слова, сказанныя еще Бебелемъ, подъ которыми долженъ былъ-бы подписаться всякій истинный матеріалистъ: „Нравственны — существующіе нравы“. Итакъ, если нравы таковы, что народы допускаютъ людоедство, то именно это и нравственно. Тамъ, гдѣ не существуетъ высшихъ точекъ зрѣнія, касающихся души, тамъ существуютъ только точки зрѣнія, которыя человекъ вырабатываетъ для себя, сообразно со своими потребностями, чтобы онъ могъ сказать мгновенію: „Не исчезай, ты такъ прекрасно“, хотя-бы при этомъ все другое рядомъ съ нимъ и вокругъ него погибло.

Въ противоположность этому, мы твердо стоимъ на томъ, что человѣкъ обладаетъ имѣющей самостоятельное бытіе, приходящей изъ вѣчности и возвращающейся къ Богу душой, что поэтому человѣкъ для себя имѣетъ право на жизнь, на существованіе, независимо отъ того, что онъ, слабъ, болѣзненъ, жалокъ или старъ. Онъ имѣетъ право на жизнь, ибо онъ обладаетъ душою, а не однимъ только тѣломъ. Именно въ этой душѣ и заключается цѣнность его личности, и кто жилъ когда-либо съ больнымъ благородной души человѣкомъ, тотъ ясно видѣлъ собственными глазами, что чѣмъ дряхлѣе и слабѣе дѣлалось тѣло такого человѣка, тѣмъ сильнѣе развивалось въ немъ все лучшее, и что въ немъ оставался духъ, истинно достойный уваженія. Не тѣло и не брѣнность бытія, не то, что угасаетъ со смертію, отпечатывалось въ немъ незабываемой красотой,—то была его любовь и вѣрность, его вѣра и терпѣніе.

Вѣрить въ существованіе души—это значить вѣрить въ то, что мы обладаемъ органомъ, при посредствѣ котораго мы можемъ воспринимать въ себѣ Божество, дающее намъ высшія разъясненія о томъ, что истинно и хорошо. Если у человѣка нѣтъ души, то для него не существуетъ также откровенія о томъ, что поистинѣ хорошо. Это откровеніе мы, сообразно съ нашей вѣрой, находимъ въ Библии, но оно возможно только въ томъ случаѣ, если у человѣка есть душа, которой могло-бы открыться Божество. Поэтому-то матеріализмъ долженъ отрицать всякое откровеніе. Если мы вѣримъ въ душу, то мы вѣримъ, что на эту душу оказываетъ вліяніе міръ духовный, лежащій внѣ ея. Будучи твердо убѣждены въ бытіи въ насъ души, души, обладающей совѣстью, которая носитъ въ себѣ отвѣтственность за добро и зло,—мы должны также твердо вѣрить въ то, что въ загробной жизни насъ ожидаетъ возмездіе.

Если считать Геккеля представителемъ матеріализма, то оказывается, что матеріализмъ считаетъ, будто изъ вѣры въ существованіе души происходитъ большой вредъ для чело-

вѣчества. Геккель говорить по этому поводу слѣдующее. „Неизмѣримый вредъ, который въ теченіе тысячелѣтій причиняло неразумное суевѣріе вѣрующаго человѣчества, проявляется особенно замѣтно въ непрерывной „борьбѣ вѣроисповѣданій“. Изъ всѣхъ войнъ, которыя народы огнемъ и мечемъ вели другъ противъ друга, религіозныя войны были самыми кровавыми; изъ всѣхъ видовъ раздора, разрушающихъ счастье семей и единичныхъ личностей, религіозныя, проистекающіе изъ вѣроисповѣдныхъ различій, еще и въ настоящее время принадлежать къ числу наиболѣе непримиримыхъ. Стоитъ только вспомнить о многихъ милліонахъ людей, потерявшихъ жизнь во время проповѣди христіанства и гоненія на христіанъ, во время религіозныхъ войнъ ислама и реформаціи, или-же благодаря инквизиціи и процессамъ о вѣдмахъ. Вспомнимъ еще большее число несчастныхъ, благодаря различіямъ вѣры впавшихъ въ семейныя распри, потерявшихъ уваженіе вѣрующихъ согражданъ, лишившихся положенія въ государствѣ или-же принужденныхъ эмигрировать изъ отечества. Самое пагубное дѣйствіе оказываетъ официальное вѣроисповѣданіе тогда, когда оно связывается съ политическими цѣлями культурнаго государства и принудительно преподается въ школахъ, какъ „вѣроисповѣдное преподаваніе Закона Божія“. Разумъ дѣтей съ раннихъ поръ отвращается этимъ отъ познанія истины и приводится къ суевѣрію. Поэтому всякій, любящій человѣчество, долженъ былъ-бы всѣми силами способствовать введенію школы безъ преподаванія Закона Божія, какъ наиболѣе цѣннаго института современнаго разумнаго государства“. Я привелъ эту цитату, ибо мысли, заключающіяся въ ней, служатъ руководствомъ для безчисленнаго множества людей, такъ или иначе возстающихъ противъ религіи. Но здѣсь Геккель указываетъ только на тотъ вредъ, который можетъ произойти для человѣчества отъ религіи и который произошелъ въ дѣйствительности; кто судить о вѣрѣ и религіи безъ предубѣжденія, тотъ съ этимъ согласится. Но, конечно, нужно отмѣ-

тять, что религіозныя войны далеко не всегда велись изъ-за религіи: очень часто онѣ были войнами политическими. Но если мы даже признаемъ, что изъ вѣры возникаютъ религіозныя войны, мы все-же должны прибавить, что онѣ возникаютъ совсѣмъ не потому, что Церковь или школа научаютъ религіи. Сознаніе души, Бога и безсмертія возникаетъ въ человѣкѣ не черезъ Церковь и не черезъ школу, но только потому, что человѣкъ въ это вѣритъ; требуетъ онъ религіи и въ школѣ. Почему религіозныя войны были именно самыми ужасными?—потому, что люди считаютъ душу важнѣе всего существующаго въ мірѣ. Такимъ образомъ, эти эксцессы служатъ только лишнимъ доказательствомъ того, что въ человѣчествѣ живетъ неугасимое сознаніе,—насколько цѣнна для человѣка его душа.

Почему-же она для него въ самомъ дѣлѣ цѣнна, почему онъ въ состояніи произвести въ мірѣ всѣ ужасы опустошенія ради своей вѣры? это потому, что онъ черезъ свою душу и связь ея съ Богомъ узнаетъ такъ много благодати, потому что она можетъ пробудить въ немъ все чистое и духовное, потому что обладаніе душой открываетъ всѣ духовныя сокровища, потому что человѣкъ носить въ душѣ сознаніе міра, къ которому онъ принадлежитъ въ вѣчности наперекоръ смерти, потому что съ сознаніемъ бытія души, Бога и безсмертія человѣкъ можетъ пренебречь всѣмъ тѣмъ, что безъ этого сознанія было-бы слишкомъ трудно перенести.

Поэтому я говорю: такъ твердо, какъ мы вѣримъ въ существованіе въ насъ души, такъ же достовѣрно мы чувствуемъ, что только этимъ намъ дается признаніе нашего истиннаго назначенія, благородство человѣка, его сила и его надежда. Но съ сознаніемъ бытія нашей души тѣсно связано сознаніе безсмертія.

Геккель имѣлъ дерзость—иначе нельзя этого назвать—написать слѣдующее: „Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ разумный человѣкъ еще могъ вѣрить въ безсмертіе, теперь-же это было-бы недостаткомъ мыслительной силы“. Почему? До по-

тому, что за послѣдніе 60 лѣтъ наука сдѣлала большіе успѣхи въ изученіи мозга и потому, что онъ, Геккель, открылъ душу клѣтки въ протистахъ.

Протисты—это, по его словамъ, матеріальныя существа, существовавшія уже сто милліоновъ лѣтъ тому назадъ. Геккель утверждаетъ, что онъ ихъ открылъ и доказалъ, будто въ этихъ протистахъ коренится начало нашей души. Итакъ, потому, что онъ это открылъ, каждый, вѣрующій еще и теперь въ безсмертіе души, оказывается невѣждой. Это, конечно, дѣло взгляда.

Перев. *Н. П. Селивановской.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

Инструкція для приходскихъ священниковъ по преподаванію Закона Божія въ начальныхъ школахъ и для Наблюдателей за преподаваніемъ Закона Божія въ начальныхъ гражданскихъ школахъ.

Обязанности приходскихъ священниковъ по преподаванію Закона Божія въ начальныхъ школахъ.

Обученіе дѣтей Закону Божию есть пастырская обязанность приходскаго священника. Посему приходскій священникъ нравственно обязанъ преподавать Законъ Божій во всѣхъ школахъ своего прихода.

Но такъ какъ въ настоящее время вводится всеобщее начальное обученіе и такъ какъ сельскіе приходы обычно бываютъ обширны и деревни, ихъ составляющія, разбросаны на значительно большія разстоянія, то одному приходскому священнику нѣтъ никакой возможности быть на самомъ дѣлѣ законоучителемъ во всѣхъ школахъ какъ церковныхъ, такъ и министерскихъ и земскихъ. Поэтому представляется неизбѣжнымъ для приходскихъ священниковъ имѣть помощни-

ковъ для обученія школьниковъ Закону Божію, съ порученіемъ этого дѣла или низшимъ клирикамъ—діаконамъ и псаломщикамъ, или учащимъ въ школахъ.

Такіе помощники приходскаго священника по преподаванію Закона Божія ведутъ это дѣло подъ наблюденіемъ, руководствомъ и отвѣтственностію приходскаго священника.

Поэтому приходскій священникъ, въ случаѣ необходимости, самъ усматриваетъ себѣ помощника въ дѣлѣ законоучительства по школамъ прихода и представляетъ его чрезъ Помощника Благочиннаго, какъ Наблюдателя надъ преподаваніемъ Закона Божія въ гражданскихъ начальныхъ школахъ, къ допущенію преподавать въ опредѣленной школѣ Законъ Божій. Но самъ приходскій священникъ не освобождается отъ обязанности быть руководителемъ такого своего помощника въ дѣлѣ. Поэтому, при первой же возможности или первомъ же случаѣ, наприм., при посѣщеніи деревни для требоисправленій, онъ обязанъ побывать и въ школѣ для наблюденія и руководства дѣломъ, для участія въ общей школьной молитвѣ, для бесѣдъ съ дѣтьми, для провѣрки ихъ знаній.

Въ случаѣ неудовлетворительности преподаванія Закона Божія помощникомъ законоучителя и при безуспѣшности принятыхъ къ улучшенію дѣла мѣръ, священникъ обязанъ довести о семъ до свѣдѣнія Помощника Благочиннаго, съ одновременнымъ указаніемъ лица, которому находитъ возможнымъ поручить преподаваніе Закона Божія въ школѣ.

Оставаясь отвѣтственнымъ лицомъ за дѣло, приходскій священникъ обязанъ быть и на выпускномъ экзаменѣ въ школѣ, если не будетъ къ тому никакихъ неотвратимыхъ и независящихъ отъ него самого препятствій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ приходскій священникъ, по обязанности пастырской и законоучительской отвѣтственности, долженъ имѣть наблюденіе и за духовными воззрѣніями и за христіанскимъ поведеніемъ учащихся въ школахъ прихода, о всѣхъ своихъ наблюденіяхъ своевременно доводя до свѣдѣнія подлежащаго начальства, смотря по условіямъ, частно и оффи-

ціально. Такимъ же путемъ поступать ему слѣдуетъ и при всякихъ недоразумѣніяхъ и столкновеніяхъ съ учащими вообще, и помощниками по законоучительству въ частности.

Наблюдатели за преподаваніемъ Закона Божія въ гражданскихъ начальныхъ школахъ—Помощники Благочинныхъ и ихъ обязанности въ этомъ дѣлѣ.

По Высочайше утвержденному положенію о земскихъ и министерскихъ школахъ, Епархіальному Архіерею ввѣрено не только главное наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божія въ этихъ школахъ, но ему же принадлежитъ и направленіе этого важнаго дѣла, какъ и оцѣнка всего, въ совокупности своей, пастырскаго воздѣйствія законоучителя на учениковъ.

Посему какъ Архипастырь своей паствы, Епархіальный Архіерей имѣетъ чрезъ особо назначаемыхъ лицъ наблюденіе за надлежащимъ преподаваніемъ Закона Божія во всѣхъ, какъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ школахъ, и за должнымъ христіански-воспитывающимъ преподаваніемъ этого первой важности предмета школьнаго обученія. Въ церковныхъ школахъ такими уполномоченными отъ Епархіальнаго Архіерея лицами являются Епархіальные и Уѣздные Наблюдатели церковныхъ школъ, которые имѣютъ весьма много своего обязательнаго дѣла, поэтому Наблюдателями за преподаваніемъ Закона Божія въ гражданскихъ школахъ назначаются, впредь до усмотрѣнія, Помощники Благочинныхъ каждый въ определенномъ районѣ школъ даннаго благочинническаго округа по усмотрѣнію Благочинническаго Совѣта. Наблюденіе же за гражданскими школами въ приходахъ Помощниковъ Благочинныхъ остается по прежнему на исключительной обязанности Благочинныхъ, которые и представляютъ о семъ отчетъ Епархіальному Архіерею не позднѣе 1 іюля.

Обязанности Помощниковъ Благочинныхъ по наблюденію за преподаваніемъ Закона Божія въ гражданскихъ школахъ заключаются въ слѣдующемъ:

1) Такъ какъ по дѣйствующему положенію представленіе на утвержденіе Епархіальнаго Архіерея преподавателей Закона Божія въ гражданскихъ школахъ ввѣрено окружнымъ Инспекторамъ народныхъ школъ, то Помощники Благочинныхъ обязаны сообщать онымъ Инспекторамъ свои предположенія къ своевременному замѣщенію всѣхъ законоучительскихъ должностей въ гражданскихъ школахъ своего района, напр., въ случаяхъ перемѣщенія или смерти кого либо изъ клира, преподававшихъ Законъ Божій.

2) Приходскіе священники, въ случаѣ перемѣщенія ихъ помощниковъ по преподаванію Закона Божія или невозможности дальнѣйшаго порученія имъ этого дѣла въ школѣ, незамедлительно и обстоятельно доносятъ о семъ Помощнику Благочиннаго съ указаніемъ лица, которому можно бы поручить преподаваніе Закона Божія. Помощникъ Благочиннаго сообщаетъ о семъ съ своимъ заключеніемъ окружному Инспектору на предметъ представленія Епархіальному Архіерею.

Дальнѣйшія обязанности Помощниковъ Благочинныхъ по наблюденію за преподаваніемъ Закона Божія въ школахъ:

3) Посѣщать не менѣе двухъ разъ въ годъ всѣ гражданскія школы своего района: въ срединѣ года для провѣрки постановки нравственнаго воспитанія и въ концѣ года для общаго экзамена. Но желательно посѣщеніе школъ и въ началѣ учебнаго года для установки преподаванія Закона Божія и нравственнаго воспитанія. При посѣщеніи школы Наблюдатели должны слѣдить за преподаваніемъ Закона Божія, успѣхами и неуспѣхами учениковъ, своевременностію и исправностію прохожденія программъ, провѣрять исправность посѣщенія уроковъ законоучителями и ихъ помощниками, а равно и того — какъ исправно слѣдятъ за преподаваніемъ приходскіе священники, поручившіе установленнымъ порядкомъ преподаваніе Закона Божія своимъ помощникамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Наблюдатели должны освѣдомляться и о религіозно-нравственномъ и церковномъ воспитаніи учени-

ковъ, о посѣщеніи и порядкѣ посѣщенія учениками церкви, о прислуживаніи въ церкви и т. п.

4) Разбирать возникающія недоразумѣнія между приходскими священниками и ихъ помощниками по законоучительству.

5) Въ случаѣ крайняго нерадѣнія или совершенно неправильнаго веденія дѣла законоучительства законоучителями и ихъ помощниками, или противодѣйствія имъ со стороны учащихся, Наблюдатели незамедлительно и обстоятельно должны доносить о семъ Епархіальному Архіерею.

6) О неблагопріятныхъ наблюденіяхъ относительно учащихся гражданскихъ школъ Наблюдатели обязаны доносить окружному Инспектору и Епархіальному Архіерею, въ случаѣ безуспѣшности своихъ предварительныхъ, частныхъ и осторожныхъ, чисто пастырскихъ совѣтовъ и указаній таковымъ учащимъ. И приходскій священникъ и Помощникъ Благочиннаго должны знать, что пастырь Церкви отвѣтственъ за свою паству и не можетъ хладнокровно предавать своихъ духовныхъ дѣтей на соблазнъ и смущеніе кому-либо, хотя бы учащимъ въ школахъ. А потому они должны, при безуспѣшности своихъ пастырскихъ мѣръ, предупредить учащихся, что они должны будутъ прибѣгнуть къ содѣйствію учебнаго и духовнаго начальства.

7) Наблюдатели непременно должны присутствовать на выпускныхъ экзаменахъ въ гражданскихъ школахъ своего района. Для сего слѣдуетъ заблаговременно сноситься съ окружнымъ Инспекторомъ, чтобы экзамены въ школахъ были назначаемы по возможности совмѣстно для нѣсколькихъ, напр., 3—4 школъ, не только гражданскихъ, но и церковныхъ, такъ какъ члены Уѣздныхъ Отдѣленій Епарх. Уч. Совѣта и Члены Уѣздныхъ Училищныхъ Совѣтовъ большею частію одни и тѣ-же. При такомъ составленіи росписанія экзаменовъ Наблюдателямъ возможно будетъ присутствовать на экзаменахъ во всѣхъ школахъ своего района.

8) Помощники Благочинныхъ должны заботиться о томъ, чтобы законоучители и ихъ помощники избѣгали всякихъ

неправильныхъ пріемовъ въ преподаваніи, заимствуя у болѣе опытныхъ законоучителей ихъ лучшіе пріемы, для чего и сами Наблюдатели въ нужныхъ случаяхъ должны давать примѣрные въ школахъ уроки. Въ частности а) слѣдуетъ избѣгать сухого по книжкѣ преподаванія, а дѣлать его живымъ разговоромъ въ удобопонятныхъ и занимательныхъ для дѣтей повѣствованіяхъ, конечно безъ вульгарности и подобныхъ недостатковъ, поясняя предметы урока выразительными и назидательными примѣрами; б) и дѣти должны пріучаться со словъ усваивать все уроки въ классѣ же, а учебникъ долженъ имѣть значеніе лишь для болѣе строгаго затверженія ими урока на дому и для обновленія познаній въ послѣдующее время; въ данномъ дѣлѣ лучше всякой книги поможетъ свѣжая дѣтская память, дѣтская любознательность и живая воспріимчивость ко всему наглядному и живому; в) слѣдуетъ добиваться, чтобы всякій урокъ былъ вмѣстѣ и назиданіемъ для дѣтской души, которое отпечатлѣвалось бы въ ней на всю жизнь, какъ печать на мягкомъ воскѣ, чтобы уроки Закона Божія были именно живыми нравственными уроками отъ Самаго Бога, а не отвлеченными исторіями о бывшемъ и отвлеченными формулами христіанскаго ученія; г) слѣдуетъ запрещать торопливое и небрежное чтеніе молитвъ или Евангелія, какъ и исполненіе крестнаго знаменія и поклоновъ; слѣдуетъ внушать дѣтямъ о ежедневномъ домашнемъ чтеніи Евангелія, которое нужно хранить какъ святыню; д) уроки о богослуженіи лучше вести въ самомъ храмѣ, особенно, когда что-либо слѣдуетъ и можно показать дѣтямъ для наглядности.

9) По особеннымъ условіямъ и требованіямъ времени, непременно слѣдуетъ добиваться, чтобы преподаваніе Закона Божія было утверждающимъ дѣтей въ истинахъ вѣры, пріучающимъ ихъ къ добрымъ навыкамъ и церковнымъ обычаямъ, чтобы они впоследствии твердо могли устоять въ этомъ передъ смущеніями невѣрія или сектантства. Для сего а) слѣдуетъ отчетливо впадать въ дѣтскія души все, что составляетъ

въ нихъ опредѣленное христіанское міровоззрѣніе и настроеніе, особенно, если оно будетъ подкрѣплено наглядными уроками изъ жизни обычной и изъ житій Святыхъ или Исторіи Церкви; б) слѣдуетъ требовать и наблюдать, чтобы дѣти имѣли кресты на груди; в) требовать, чтобы дѣти непременно посѣщали богослуженіе, въ порядкѣ прихода и становясь въ храмъ; если почему-либо наблюденіе за ними не можетъ быть поручено учащимъ, то это могутъ исполнять пригодные для такого дѣла и почтенные прихожане; г) учащіеся непременно должны говѣть, и по всѣмъ правиламъ Православной Церкви; при этомъ слѣдуетъ добиваться, чтобы на исповѣди дѣти сами рассказали духовнику свои грѣхи, а не отвѣчали на его вопросы, очевидно, и не подумавши о своихъ согрѣшеніяхъ и, слѣдовательно, не сокрушаясь о нихъ и не понимая даже истиннаго смысла Святого Покаянія; если такой порядокъ будетъ введенъ съ дѣтства, то онъ будетъ своимъ для души человѣка на всю жизнь; д) утромъ въ школахъ передъ уроками должна читаться утренняя молитва дѣтьми по очереди; если есть возможность, то священникъ обязательно долженъ быть на этой молитвѣ, а если школъ въ его вѣдѣніи нѣсколько или еще какія-либо задерживающія обстоятельства окажутся, то священникъ, при первой же возможности, хотя бы по очереди, долженъ стараться посѣщать всѣ школы для участствованія на утренней молитвѣ; законоучитель долженъ на этой молитвѣ читать дѣтямъ дневное Евангеліе; желательно, чтобы это сопровождалось краткимъ удобопонятнымъ объясненіемъ Евангелійскаго чтенія; если же законоучителю этого сдѣлать нельзя будетъ, то желательно, чтобы учащіе исполняли это за него; е) весьма полезно было бы причтамъ совершать въ школахъ по праздникамъ по очереди какія-либо служенія съ бесѣдами и чтеніями; на такихъ служеніяхъ дѣти-школьники будутъ пѣть, читать и прислуживаться.

10) По истеченіи учебнаго года, не позднѣе 1 іюля, Помощники Благочинныхъ должны представлять Епархіаль-

ному Архіерею обстоятельныя, т. е. полныя наблюдательности, фактичности, ясности, опредѣленности въ сужденіяхъ и характеристикахъ, отчеты о степени успѣшности преподаванія Закона Божія и состояніи религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей, какъ и о воспитывающемъ значеніи преподаванія Закона Божія на дѣтей въ училищахъ ихъ районовъ, объ отношеніи къ своему дѣлу законоучителей и ихъ помощниковъ, ихъ способностяхъ, аккуратности, усердіи, назидательности въ преподаваніи, числѣ пропущенныхъ уроковъ, о причинахъ сего и т. п., а равно и о тѣхъ указаніяхъ, какія были преподаны законоучителямъ Наблюдателемъ для улучшенія дѣла.—Одновременно съ симъ копія такового отчета должна быть представляема и Уѣздному Училищному Совѣту.

(Новгород. Епарх. Вѣдом.).

ЗАМѢТКА.

Объ отношеніяхъ священнослужителей между собою.

„Волинскія Епарх. Вѣд.“ со скорбью замѣчаютъ, что въ обществѣ нашего сельскаго духовенства есть одна непохвальная черта, глубоко пустившая свои корни. Это—неблагожелательность и высокоумѣнность отношеній пастырей другъ къ другу въ ихъ дѣятельности. Отсутствіе единства, общительности подрываетъ въ корнѣ то великое дѣло назиданія христіанъ, для котораго посвящается жизнь каждаго священника. При всѣхъ благихъ стремленіяхъ священника къ своимъ обязанностямъ, успѣхъ далеко не будетъ достигнутъ, если среди духовенства не будетъ сердечныхъ отношеній, общенія и единенія. Не менѣе губительной причиной проповѣдническаго дѣла служить высокоумѣріе нѣкоторыхъ нашихъ пастырей къ своимъ сослуживцамъ изъ „неученыхъ“. Въ настоящее время контин-

генты священниковъ весьма разнообразень по образованію. Разность въ образованіи даетъ поводъ нѣкоторымъ, получившимъ семинарское образованіе священникамъ относиться къ своимъ собратьямъ, не закончившимъ образованія, высокоумѣрно, въ каждомъ случаѣ стараться показать свое преимущество. Въ собраніяхъ на сѣздахъ не дорожатъ мнѣніемъ такихъ священниковъ, не обмѣниваются съ ними взглядами, въ случаяхъ недоумѣнныхъ, въ вопросахъ религіи и приходской жизни не подадутъ дружескаго совѣта и большею частью на заданный вопросъ отвѣчаютъ такимъ священникамъ или молчаніемъ, или же проніей, полной насмѣшкой и горечи. Тяжело такимъ пастырямъ находиться въ обществѣ священнослужителей, старающихся всячески умалить ихъ достоинство. При такихъ отношеніяхъ священниковъ, при натянутости и разрозненности, не можетъ быть согласной и благотворной работы на нивѣ Христовой.

Редакторъ. Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 4-го Іюня 1911 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*

Кіевъ, Тип. Акад. Общ. печат. и вед. вѣла Н. Т. Корчанъ-Новицкаго Меринов. ул., л. № 6.

ГОДЪ

III

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 25.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года іюня 19-го дня.

Содержаніе: I. По поводу одной книги. Свящ. В. Пестрякова.—II. Книга посвященная рѣшенію двухъ важнѣйшихъ вопросовъ въ начальной исторіи Богослуженія Русской Церкви. Н. Пальмова.—III. Библія и естествознаніе. (Окончаніе). Перев. Н. П. Селвановской.—Замѣтка. Обь устройствѣ въ отдаленныхъ отъ врачебныхъ пунктовъ начальныхъ училищахъ школьныхъ аптечекъ.—

По поводу одной книги.

(Изъ жизни Кишиневской епархіи).

Передъ нами довольно интересная и рѣдкая книга: „Журналы съѣзда депутатовъ духовенства Кишиневской епархіи 1910 года“. Интересна эта объемистая (306 стр.) книга потому, что она даетъ довольно обстоятельную картину епархіальной жизни и дѣятельности Кишиневского духовенства. Рѣдкой ее можно назвать потому, что въ ней напечатаны журналы епархіальнаго съѣзда, каковыя обычно являются достояніемъ консисторскихъ и иныхъ архивовъ, для широкой же публики совершенно неизвѣстны. Даже духовенство, если и знакомится съ работой съѣздовъ, то больше по рассказамъ своихъ депутатовъ и ~~по короткимъ~~ ~~назвеченіямъ~~, помѣщае-

мымъ въ „епархіальныхъ извѣстіяхъ“. Кишиневская епархія журналы съѣзда своихъ депутатовъ издала безплатнымъ приложеніемъ къ „епархіальнымъ вѣдомостямъ“ за 1911 годъ. Черезъ это дѣятельность съѣзда, а вмѣстѣ и жизнь епархіи, имъ освѣщаемая, дѣлается открытой и доступной не только самому духовенству, но и лицамъ стороннимъ. Последнее обстоятельство имѣетъ не малое значеніе. Духовенство часто упрекаютъ въ замкнутости; на него, какъ изъ мѣшка, сыпятся въ послѣдніе годы разныя обвиненія, клеветы, нареканія. Имѣя такой документъ, какъ „Журналы съѣзда“, всегда можно заставить помолчать неумѣренныхъ критиковъ на духовенство; имъ же разбивается часто повторяемое обвиненіе духовенства въ томъ, что оно свою сословную работу ведетъ скрытно, внѣ контроля такъ называемаго общественнаго мнѣнія. Имѣя такой документъ, какъ нами рассматриваемый, духовенство всякому сомнѣвающемуся и ругателю можетъ сказать: „свѣта мы не боимся, читай, изслѣдуй и говори правду на основаніи документовъ“.

Для будущаго историка епархіи „Журналы“ съѣзда тоже не лишены своего значенія и интереса.

Отъ общихъ замѣчаній по поводу „Журналовъ“ съѣзда, перейдемъ къ ихъ содержанію. Здѣсь интересны для насъ двѣ стороны: 1) самый съѣздъ, его работа; 2) жизнь епархіи и дѣятельность духовенства, поскольку они отразились въ „Журналахъ“ съѣзда.

Въ дѣятельности Кишиневского съѣзда, „Журналы“ котораго мы рассматриваемъ, есть не мало черточекъ, весьма характерныхъ и интересныхъ. Избитое мѣсто газетъ лѣваго пошиба, повѣстей и рассказовъ того же направленія, это — обвиненіе духовенства въ пришибленности и приниженности, въ отсутствіи собственнаго мнѣнія, въ работѣ лишь по указкѣ и приказанію свыше. На Кишиневскомъ съѣздѣ мы видимъ широкую инициативу, полную свободу мнѣнія и отсутствіе какого-либо давленія. Такъ, напримѣръ, по поводу только что введеннаго при Синодѣ страхованія строеній духовнаго Вѣдом-

ства Кишиневскій сѣздъ, по внимательномъ обсужденіи вопроса, постановилъ ходатайствовать: 1) о введеніи во взаимное страхование церковной движимости и строеній, принадлежащихъ, на правѣ собственности, членамъ причта; 2) объ уменьшеніи тарифа; 3) о введеніи новаго порядка составленія сѣбнокъ; 4) о составленіи новаго тарифа для церквей, безопасныхъ въ пожарномъ отношеніи. Не видно, далѣе, по журналамъ и такъ называемаго архіерейскаго давленія и принужденія, о которомъ такъ часто и назойливо пишутъ газеты; напротивъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сѣздъ не принялъ предложеній епархіальнаго епископа (напримѣръ въ вопросѣ о мѣстѣ павильона для психически больныхъ священно-церковно-служителей).

Всѣ постановленія епархіальнаго сѣзда утверждены епархіальнымъ епископомъ, а если кое-гдѣ имъ слѣданы поправки, дополненія и измѣненія, то для сѣзда безобидныя и вполнѣ оправдываемыя существомъ дѣлъ, какихъ они касались.

Особенностью епархіальнаго Кишиневского сѣзда было и то, что на немъ присутствовали церковные старосты, какъ представители прихожанъ.

Къ заслугамъ Кишиневского сѣзда нужно, далѣе, отнести и то, что онъ прямо смотритъ жизни въ глаза, не скрываетъ дѣйствительности и сознаетъ тѣ опасности, какія грозятъ въ послѣднее время православію. Такъ, о сектантствѣ въ епархіи сѣздъ утверждаетъ, что въ Кишиневской епархіи въ послѣднее время грозно, рѣшительно наступаетъ съ пропагандою своего ижеученія сектантство, которое систематически посылаетъ въ разные города и села епархіи своихъ ижеучителей-проповѣдниковъ и успѣло, къ глубокому приискорбію, увлечь въ свои сѣти нѣкоторыхъ изъ болѣе слабыхъ пасомыхъ православныхъ Кишиневской паствы, образовавъ общины штундистовъ, адвентистовъ и баптистовъ (стр. 34).

Переходя къ дѣятельности духовенства Кишиневской епархіи, слѣдуетъ отмѣтить блестящую постановку хозяй-

ственного дѣла епархіи и широкое развитіе дѣла взаимопомощи не только священно-церковно-служителей, но и всѣхъ вообще лицъ, служащихъ въ епархіальныхъ учрежденіяхъ; въ этомъ отношеніи Кишиневская епархія, по справедливости, можетъ занять мѣсто въ ряду первоклассныхъ епархій и служить для нѣкоторыхъ отсталыхъ епархій примѣромъ энергичнаго и умѣлаго веденія дѣла. Приведемъ нѣкоторыя цифры, доказывающія это. Средняя годовая прибыль епархіальнаго свѣчнаго завода опредѣлена съѣздомъ въ 63 тысячи рублей, изъ которыхъ постоянного расхода производится 50 тысячъ рублей. Общество взаимопомощи духовенства выдало за годъ членамъ общества и ихъ семействамъ 42 тыс. рубл. Капиталь эмеритальной кассы равнялся 533 тыс. рублей, причемъ, по заявленію съѣзда (стр. 125-я) для уплаты эмеритуры пенсіонерамъ не только изъ наличнаго капитала кассы или текущихъ поступленій, но и изъ $\frac{0}{100}$, получаемыхъ отъ капиталовъ кассы, не расходуется и половины ихъ“. Пенсіонная касса служащихъ епархіальнаго женскаго училища ко времени съѣзда равнялась 125 тыс. рублей. Въ организація взаимопомощи Кишиневской епархіи видна широкая инициатива и, пожалуй, трудно было-бы сказать, чего не сдѣлало и чтò еще должно бы сдѣлать въ этомъ отношеніи духовенство: такъ, здѣсь существуетъ ссудная касса духовенства, ссудная касса чиновниковъ консисторіи, собраны средства на сооруженіе епархіальной богадѣльни, приняты мѣры къ сооруженію отдѣльнаго павильона для больныхъ священно-церковно-служителей при земской психіатрической больницѣ. Хозяйственная и „коммерческая“ (какъ иные проницательно выражаются) дѣятельность духовенства въ послѣднее время весьма беспокоитъ нѣкоторыхъ „ревнителей“ православія изъ лѣвыхъ листковъ (всего чаще изъ обрѣзанныхъ): она де оскорбляетъ религіозныя чувства вѣрующихъ. Особенно засуетились и подняли гвалтъ газеты по случаю учрежденія при Св. Синодѣ страхового отдѣла, урвавшего у страховыхъ обществъ, почти сплошь еврейскихъ, сотни тысячъ вѣрнаго дохода. И пусть

себѣ злятся на здоровье, полагаютъ и перестанутъ, всякій дѣйствительно доброжелательный къ Церкви и духовенству человѣкъ можетъ только радоваться всякой мѣрѣ, направленной къ тому, чтобы предохранить духовенство, особенно вдовъ и сиротъ, отъ нищеты и хожденія съ протянутой рукой. Это бываетъ, нужно только не закрывать глаза на то, что дѣлается вокругъ...

Люди зрячіе, не затемненные „лѣвымъ налетомъ“, наблюдая хозяйственную и коммерческую дѣятельность духовенства, могутъ и должны видѣть, что духовенство, удовлетворяя свои сословныя нужды, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ и народу, что жертвы храмовъ на духовно-учебныя заведенія, на церковно-приходскія школы есть вмѣстѣ жертвы тому же народу и въ облегченіе его тяготы; что, наконецъ, духовенство несетъ въ это дѣло и свои личныя, кровныя копейки. Въ послѣднемъ отношеніи характерны, напримѣръ, постановленія Кишиневскаго съѣзда о единовременномъ взносѣ изъ личныхъ средствъ каждаго причта въ пользу взаимопомощи учащихъ церковныхъ школъ Бессарабіи (стр. 79); о личномъ взносѣ духовенства на второе женское училище по 2 коп. за каждый актъ о крещеніи и по 10 коп. за каждый актъ о бракѣ, что даетъ въ годъ 14 тыс. рублей (стр. 163). Изъ полезныхъ начинаній въ Кишиневской епархіи вниманія и подражанія заслуживаютъ слѣдующія: 1) епархіальный комитетъ по постройкѣ храмовъ въ бѣднѣйшихъ приходахъ; 2) церковно-археологическое общество; 3) епархіальная типографія; 4) псаломщицкіе классы; 5) образцовая пасѣка при заводѣ; 6) религиозно-просвѣтительный журналъ (кромѣ епархіальныхъ

1) Дѣла епархіальной типографіи идутъ довольно успѣшно: собственность типографіи равняется 10 тыс. рублей; въ остатокъ отъ операций типографіи за годъ было свыше 3-хъ тысячъ рублей.

2) Въ псаломщицкомъ классѣ сыновей духовенства—около половины; преобладающее же число учениковъ—дѣти поселянъ, мѣщанъ и разночинцевъ.

вѣдомостей) на молдаванскомъ языкѣ и особенно 7) епархіальный домъ. Последній—любимое дѣтище епархіальнаго владыки еп. Серафима: ради него онъ не мало перенесъ хлопотъ и заботъ. Деньги на это дѣло, по ходатайству епископа, разрѣшено взять заимобразно изъ суммъ Чиржавскаго монастыря.

Все перечисленные нами учрежденія, имѣющія общенародное и общепархіальное значеніе, какъ нельзя лучше отвѣчаютъ на упрекъ духовенству въ томъ, будто оно, кромѣ своихъ сословныхъ „кастовыхъ“ интересовъ, ничего другого не хочетъ знать.

Въ отношеніи епархіальнаго сѣзда къ духовно-учебнымъ заведеніямъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ стремленіе его удовлетворить *всѣмъ* требованіямъ педагогическаго дѣла, а не только *минимуму* ихъ: въ семинаріи учреждена прокатная библіотека, удовлетворяющая воспитанниковъ учебниками, устраиваются, съ пособіемъ отъ духовенства, экскурсіи, литературные вечера, заведено обученіе живописи, музыки и гимнастикѣ; у семинаристовъ пересчитаны зубы съ цѣлью рациональной постановки зубоврачебнаго дѣла.

Превосходно, по нашему мнѣнію, епархіальный сѣздъ духовенства разрѣшилъ вопросъ объ участіи духовенства въ кооперативныхъ учрежденіяхъ: „признавая желательнымъ и полезнымъ, для поднятія матеріальнаго благосостоянія прихожанъ, участіе духовенства въ развитіи кооперативнаго дѣла въ епархіи посредствомъ совѣтовъ, указаній, руководства прихожанами въ организациіи и открытіи кредитныхъ и потребительскихъ товариществъ, *въ арендѣ земли изъ первыхъ рукъ*“; епархіальный сѣздъ составленіе капиталовъ посредствомъ паевыхъ взносовъ священно-церковно-служителей призналъ нежелательнымъ, такъ какъ оно можетъ породить мысль о томъ, что духовенство въ этихъ учрежденіяхъ преслѣдуетъ свои матеріальныя выгоды (стр 29).

Для посторонняго читателя, не знающаго своеобразной нѣсколько жизни Кишиневской епархіи, нѣкоторые вопросы,

затронутые въ „Журналахъ“ сѣзда могутъ показаться и несовсѣмъ ясными.

Для полноты укажемъ и ихъ.

а) Существуютъ въ Бессарабіи „заграничные“ или „Приклоненные“ монастыри, располагающіе, видимо, большими средствами. Устраняя какое либо общепольное дѣло, сѣзды обращаются нерѣдко къ этому источнику за помощью и всегда получаютъ отказъ. Интересно было-бы въ „Журналахъ“ видѣть болѣе обстоятельное выясненіе и освѣщеніе какъ природы, такъ и размѣровъ этихъ учрежденій.

б) Для бѣдняковъ—семинаристовъ въ Кишиневской семинаріи существуетъ, какъ показываютъ „Журналы“ сѣзда, какой-то „второй“ столъ; очевидно, есть и столъ „первый“, но въ чемъ ихъ разница—въ журналахъ нѣтъ никакихъ указаній.

в) По ссудной кассѣ (стр. 197 балансъ—40 тыс. руб.) на жалованье служащимъ кассы выписано 330 рублей, а на канцелярскіе расходы 920 рублей... на канцелярію, какъ будто, много.

г) Фамиліи подрядчиковъ нѣкоторыхъ Кишиневскихъ епархіальныхъ учрежденій—Лейбовичи, Гинсбурги, Шехтеры, Фиштейны наводятъ на мысль о томъ, не пора ли духовенству задуматься надъ тѣмъ, чтобы свой трудовой грошъ, заработанный у алтаря, и народный грошъ, принесенный въ храмъ въ видѣ восковой свѣчки, возвратить тому же народу, который насъ кормитъ, а не Лейбовичамъ и Гинсбургамъ...

Священ. В. Пестряковъ.

**Книга, посвященная рѣшенію двухъ важнѣйшихъ
вопросовъ въ начальной исторіи Богослуженія
Русской Церкви.**

Протоіерей М. А. Лисицынъ, законоучитель Пажескаго
Его Величества Корпуса (въ С.-Петербургѣ), выпустилъ въ
свѣтъ ученый трудъ подъ заглавіемъ „Первоначальный сла-

вяно-русскій Типиконъ“ (СПБ. 1911. стр. I—XV+1—387+45 фототипическихъ снимковъ). Въ своей книгѣ авторъ рѣшаетъ самые главные вопросы, которые касаются начальной исторіи Богослуженія въ Русской Церкви, именно:

а) Какой уставъ регулировалъ у насъ на Руси Богослуженіе по принятіи нашими предками изъ Греціи православной вѣры, и

б) какой уставъ былъ принять преп. Θεодосіемъ, игуменомъ Кіево-Печерской лавры, въ обители Кіево-Печерской, отъ которой позаимствовали потомъ уставъ и прочіе древніе русскіе монастыри.

Важность обоихъ литургическихъ вопросовъ, равно какъ и то, что при рѣшеніи ихъ о. прот. М. Лисицынъ воспользовался, помимо обильнаго печатнаго матеріала, преимущественно—на греческомъ языкѣ, массой матеріала рукописнаго, тщательно собраннаго изслѣдователемъ въ библіотекахъ Москвы и С.-Петербурга и добросовѣстно изученнаго,¹⁾ въ результатѣ чего трудъ автора получилъ большую научную цѣнность,—все это побуждаетъ поговорить подробнѣе о книгѣ прот. М. Лисицына.

Какой богослужебный уставъ существовалъ въ Русской Церкви въ начальную пору просвѣщенія нашихъ предковъ христіанствомъ?—Ученые изслѣдователи, начиная съ прот. А. В. Горскаго и К. И. Невоструева, составившихъ превосходное „Описаніе славяно-русскихъ рукописей Московской Си-

¹⁾ Авторъ располагалъ слѣдующими древними славянскими рукописями: а) Типиконами отъ XI до XV в. (числомъ 13), б) Трїодями отъ XI до XIV в. (12), в) Стихирарями трїодными XIII—XIV в. (3), г) Требниками XIII—XVI вв. (6), д) Служебниками XII—XIV вв. (19), е) Часословами XII—XIV вв. (3), ж) Минелми XI—XV вв., з) Псалтырю XVI и и) Сборникомъ XVI в. Литургическими памятниками Византійской Церкви, привлеченными къ выясненію поставленныхъ вопросовъ, авторъ пользуется по изданіямъ проф. А. А. Дмитріевскаго, Фр. Миклошича—И. Мюллера, А. П. Паподонуло-Керамевса, аббата Пети, Гоара и др.

подальной библіотеки⁶ (стд. III, ч. I. М. 1869 г.), рѣшали и рѣшаютъ вопросъ о начальномъ Типиконѣ Русской Церкви различно, при чемъ, до самаго послѣдняго времени въ тѣхъ или иныхъ рѣшеніяхъ вопроса не чувствовалось прочности и научной основательности. *Горскій и Невоструевъ* первые раздѣлили славянскія рукописи Московской Синодальной библіотеки, содержація въ себѣ Типиконы, на двѣ редакціи: на Студійскую и Іерусалимскую. Съ тѣхъ поръ дѣленіе Типиконовъ на Студійскій и Іерусалимскій стало господствовать въ русской литургической литературѣ.

Архіепископъ Сергій въ своемъ „*Полномъ Мѣсяцесловѣ Востока*“ (первое изданіе было въ 1875—1876 гг.) принялъ классификацію славянскихъ Типиконовъ, произведенныхъ Горскимъ и Невоструевымъ, и своимъ научнымъ авторитетомъ какъ бы закрѣпилъ дѣленіе Типиконовъ на Студійскій и Іерусалимскій. Во второмъ изданіи „*Полнаго Мѣсяцеслова*“ (1901 г.) архіеп. Сергій, считаясь съ современнымъ состояніемъ литургической науки, правда, уже оговаривается, что Студійскій Типиконъ былъ принятъ преп. Θεодосіемъ въ его монастырь, а отсюда разошелся и по всей Россіи, въ *редакціи патріарха Константинопольскаго Алексія* (1034—1043 гг.), — что въ этомъ уставѣ (Алексѣевскомъ) есть отступленіе отъ устава Студійскаго, какъ послѣдній можно представлять себѣ по „*краткому начертанію*“ порядковъ студійской обители, сохранившемуся доселѣ и написанному какимъ-то инокомъ монастыря по кончинѣ преп. Θεодора Студита († 826 г.), и что эти отступленія надо объяснять вліяніемъ устава Великой Константинопольской Церкви (св. Софій) или вліяніемъ *другого какого-то устава*. Но такъ какъ архіеп. Сергій такихъ отступленій отъ Студійскаго устава въ уставѣ и. Алексія усмотрѣлъ „не много“, то, въ концѣ концовъ, и во второмъ „исправленномъ и много дополненномъ“ изданіи „*Полнаго Мѣсяцеслова Востока*“ сказалъ: „мы, по примѣру предковъ нашихъ, не обинуясь будемъ называть по прежнему XI—XVI

вѣка, въ которые дѣйствовали уставъ патріарха Алексія, періодомъ Студійскаго устава“ (т. I, с. 153).

Въ 1881 г. вышла книга *Н. Θ. Одинцова*: „Порядокъ общественнаго и частнаго богослуженія въ древней Россіи до XVI в.“. Въ вопросѣ о начальномъ Типиконѣ на Руси Одинцовъ оказался подъ сильнымъ вліяніемъ перваго изданія „Полнаго Мѣсяцеслова“ архіеп. Сергія. Надо сказать, что архіеп. Сергій, рассматривая славянскій Типиконъ XI в. ¹⁾ изъ Московской Типографской Синодальной бібліотеки подъ № 142 (по старому, № 285 и № 1206), призналъ его принадлежащимъ Константинопольскому монастырю св. Георгія въ Мангонахъ, основанному импер. Константиномъ Мономахомъ (1042—1056 гг.), и провелъ,—впрочемъ довольно нерѣшительно и безъ научныхъ доказательствъ,—мысль о существованіи въ древне-русской богослужебной практикѣ ктиторскаго Типикона неизвѣстнаго византійскаго Мангонскаго монастыря св. Георгія (т. I, с. 49—51). Одинцовъ принялъ мысль архіеп. Сергія и призналъ возможнымъ допустить, что уставъ монастыря св. Георгія появился на Руси въ княженіе Ярослава, „когда, благодаря любви названнаго князя къ богослужебнымъ и вообще богословскаго содержанія книгамъ, у насъ быстро шель переводъ ихъ съ греческаго языка на славянскій; но какой уставъ существовалъ прежде его“, прибавляетъ Одинцовъ, „для рѣшенія этого вопроса у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ“ (с. 22). Около 1070 г. преп. Θεодосіемъ былъ введенъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ уставъ Студійскій,—говоритъ далѣе Одинцовъ,—изложенный „письменно и исполнѣ“ патр. Алексіемъ для основаннаго имъ въ Константинополѣ монастыря во имя Успенія Богоматери. Изъ того или другаго византійскаго монастыря,—разсуждаетъ Одинцовъ,—уставъ, писанный патр. Алексіемъ, перенесенъ былъ къ намъ, въ Россію. Хотя,—оговаривается Одинцовъ,—

¹⁾ Нѣкоторыми изслѣдователями этотъ Типиконъ относится къ XII в. (напр. см. стр. 380 „Церковнаго Устава“ *И. Д. Мансветова*, м. 1885.

„вполнѣ категорически рѣшить вопросъ о томъ, изъ какого именно монастыря,—Студійскаго ли, или монастыря Успенія пресв. Богородицы, основаннаго патр. Алексіемъ,—былъ заимствованъ нашъ первый Студійскій уставъ, невозможно, такъ какъ до насъ не сохранился подлинный списокъ устава, принятаго преп. Феодосіемъ. Но, основываясь на томъ обстоятельстве, что самый древній списокъ Студійскаго устава XII—XIII в., сохранившійся до настоящаго времени и принадлежавшій прежде одному изъ Новгородскихъ монастырей ¹⁾, есть списокъ устава, составленнаго патр. Алексіемъ для основаннаго имъ монастыря, а также на томъ, что все послѣдующіе славянскіе списки этого устава принадлежать къ этой категоріи,—съ вѣроятностью можно думать, что уставъ Студійскій перешелъ къ намъ изъ монастыря Успенія Богоматери, основаннаго патр. Алексіемъ“ (с. 34—35). Господство Студійскаго устава на Руси Одинцовъ опредѣлилъ временемъ до второй половины XIV в.; во второй половинѣ этого вѣка сталъ постепенно проникать въ Россію уставъ Іерусалимскій. Начавъ вліять на уставъ Студійскій, Іерусалимскій уставъ сначала подчинилъ его себѣ, а затѣмъ въ XV в. окончательно вытѣснилъ изъ церковной практики. Съ XV в. наступаетъ періодъ господства на Руси Іерусалимскаго устава (с. 53 и с. 179). Книга Н. О. Одинцова подтвердилась сильной критикѣ со стороны проф. А. А. Дмитріевскаго въ жур. „Православный Собесѣдникъ“ за 1882 г.; особенно проф. Дмитріевскій возражалъ противъ усвоенной Одинцовымъ мысли архіеп. Сергія о существованіи въ богослужебной практикѣ древней Руси ктиторскаго устава монастыря св. Георгія въ Мангонахъ. Результатомъ критики Дмитріевскаго было то, что послѣдующіе изслѣдователи древне-русскаго богослу-

¹⁾ Это извѣстный уставъ, подъ № 380 (330), относимый большинствомъ ученыхъ къ концу XII или началу XIII в. См. „Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной бібліотеки“, отд. III, ч. I, с. 239 и дал.

женія уже отказались отъ предположенія о какомъ бы то ни было ктиторскомъ Типиконѣ, который могъ бы регламентировать русское богослуженіе въ начальную его эпоху.

Проф. И. Д. Мансветовъ въ своемъ замѣчательнѣйшемъ трудѣ, не потерявшемъ цѣну и въ настоящее время: „Церковный Уставъ (Типикъ), его образование и судьба въ греческой и русской Церкви“ (М. 1885) продолжаетъ держаться стараго дѣленія устава на Студійскій и Іерусалимскій ¹⁾ и хотя онъ вноситъ въ свою книгу главу и объ уставѣ Великой Константинопольской Церкви, но самостоятельнаго мѣста въ богослужебной практикѣ Русской Церкви этому уставу не указываетъ. Въ русскихъ монастыряхъ, говоритъ Мансветовъ, былъ принятъ Студійскій уставъ (с. 127) и господствовалъ онъ здѣсь, какъ, повидимому, и вообще на Руси, -- до XIII в. Съ XIII в. ясно обнаруживается поворотъ отъ Студійскаго устава къ Іерусалимскому (с. 269). Въ обширной рецензіи на трудъ проф. Мансветова проф. А. А. Дмитріевскій сильно колеблетъ традиціонное дѣленіе Типиконовъ, принятое Мансветовымъ, на Студійскіе и Іерусалимскіе и доказываетъ, что славяно-русскій Типиконъ XII в. подъ № 380 (330) въ Московской Синодальной бібліотекѣ не Студійскій, а *ктиторской* ²⁾. Можетъ быть, те обстоятельство, что у проф. Мансветова подъ руками не было ни одного списка устава Великой Константинопольской Церкви (см. с. 228), и послужило причиною, почему этотъ талантливый изслѣдователь богослуженія обошелъ полнымъ молчаніемъ вопросъ о вліяніи этого устава на древне-русское богослуженіе.

Проф. Е. Е. Голубинскій (нынѣ ординарный академикъ), издавшій въ 1881 г. „Исторію Русской Церкви“, придавалъ

¹⁾ Архіеп. Сергій справедливо отмѣчаетъ во второмъ изданіи „Полнаго Мѣсяцеслова“, что первое изданіе его труда имѣло вліяніе на трудъ Мансветова (см. т. I, с. 137—138).

²⁾ Рецензія проф. Дмитріевского на книгу И. Д. Мансветова была напечатана въ жур. „Христіанское чтеніе“ за 1888 г., кн. 9—10.

такое важное значеніе мысли о вліяніи на древне-русское богослуженіе устава Великой Константинопольской Церкви, что, не отказываясь отъ традиціонной классификаціи уставовъ на Студійскій и Іерусалимскій, въ томъ отдѣлѣ своей исторіи, гдѣ трактуется о богослуженіи, ведетъ рѣчь объ уставахъ церковей соборныхъ, монастырскихъ и приходскихъ, какъ объ особыхъ уставахъ, регулировавшихъ богослуженіе въ древней Руси (см. изд. 2 второй половины I т. „И. Р. Ц.“ М. 1904, с. 343 и дал.). Правда, Голубинскій не вдается въ подробное разсмотрѣніе вопроса о соборномъ, монастырскомъ и приходскомъ уставахъ въ древней Руси. Для него, какъ для историка, важно было только отмѣтить фактъ различія между этими тремя разрядами Типиконовъ и высказать мысль, которую онъ прозрѣвалъ, о существованіи и у насъ на Руси такого же самаго дѣленія Типиконовъ, какое было въ Греціи въ пору, когда Русь приняла христіанство. Раскрытіе и обоснованіе этой мысли историкъ долженъ былъ, конечно, всецѣло предоставить литургисту.

Проф. А. А. Дмитріевскій, доказывавшій въ рецензіи на книгу Мансветова: „Церковный Уставъ“, что древнѣйшій славянскій списокъ Типикона (№ 380—330 изъ Москов. Синодальной бібліотеки) представляетъ собою *кѣиторской*, а не Студійскій уставъ, и что именно этотъ кѣиторской уставъ патр. Алексія былъ принятъ преп. Феодосіемъ въ его Кіево-Печерскую обитель, приложилъ громаднй трудъ и энергію по отысканію матеріаловъ къ доказательству еще и того положенія, что до введенія Алексѣевского Типикона въ практику древне-русскихъ монастырей у насъ на Руси регламентироваль богослужебные порядки уставъ Великой Константинопольской Церкви. Свой взглядъ проф. Дмитріевскій высказалъ ясно уже въ этюдѣ: „Чинъ пещнаго дѣйства“ (СІБ. 1895), а раскрылъ его, съ большою обстоятельностью, въ предисловіи къ извѣстному труду: „Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ православнаго Востока“, т. I (Кіевъ 1895), и затѣмъ — въ книгѣ: „Древнѣйшіе патриаршіе Типи-

коны—Святогробскій Іерусалимскій и Великой Константинопольской Церкви“ (Кіевъ 1907).

Въ изданіяхъ проф. *А. П. Голубцова*: „Чинovníкъ Новгородскаго Софійскаго собора“ (М. 1849), „Чинovníкъ Холмогорскаго Преображенскаго собора“ (М. 1903) и „Чинovníки Московскаго Успенскаго собора“ (М. 1908), каковыя изданія послужили фундаментомъ диссертациі Голубцова: „Соборныя Чинovníки и особенности службы по нимъ“ (Сергіевъ Посадъ. 1907), мысль о существованіи въ русской богослужебной практикѣ устава Великой Церкви получила новое подтвержденіе. Научные труды проф. Голубцова показали живучесть у насъ традицій устава св. Софійи даже и въ такую позднѣйшую эпоху, какъ вѣка XVII и XVIII, когда создавались въ Россіи соборныя Чинovníки!

Такова исторія предварительной разработки въ русской литургической литературѣ вопросовъ, взятыхъ теперь прот. *М. А. Лисицынымъ* для спеціальнаго и всесторонняго изслѣдованія.

Н. Пальмовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библия и естествознание.

(Окончаніе)¹⁾.

Теперь мы должны себя спросить: что-же мы знаемъ о безсмертіи въ томъ случаѣ, если мы не выводимъ такихъ заключеній изъ подобной науки?

Прежде всего, мы знаемъ вотъ что: проявленія нашей души связаны съ веществомъ. Но мы знаемъ, вопреки Геккелю и столь многимъ другимъ, также и то, что положеніе, будто душа и есть сама матерія, не можетъ быть доказано. Химическій составъ души не можетъ быть опредѣленъ естественной наукой; наука, какъ таковая, даже еще не уста-

¹⁾ См. №№ 23—24 за 1911 г.

новила этого непреложно. Итакъ, мы знаемъ только слѣдующее: если душа не есть нѣчто химически и вещественно единое съ тѣломъ, то ей нѣтъ необходимости умирать тогда, когда умираетъ тѣло, представляющее собою химическое и матеріальное соединеніе. Но все-же мы не знаемъ определенно, живетъ-ли она послѣ смерти тѣла и если живетъ, то въ какомъ видѣ. Естественная наука, соотвѣтственно своему теперешнему состоянію, оставляетъ намъ открытый путь для дальнѣйшихъ доказательствъ: она можетъ только утверждать то, чего доказать не въ состояніи, т. е., что душа тождественна съ тѣломъ, съ веществомъ и подлежитъ вмѣстѣ съ веществомъ смерти.

Но живетъ-ли душа въ самомъ дѣлѣ? Живетъ-ли она вѣчно и какъ она живетъ? Это вопросы, которые глубоко должны затрагивать каждаго человѣка.

Естествознаніе не можетъ разрушить въ насъ понятіе о вѣчномъ. Естествознаніе, вѣдь, имѣетъ обыкновеніе и само при своихъ доказательствахъ пользоваться словомъ „вѣчность“: оно говоритъ, что существуетъ вѣчная матерія и вѣчная энергія. Какъ-же естествознаніе можетъ оспаривать, что вѣчность можетъ быть также и для души и для духа? Для доказательства безсмертія души можно привести слѣдующее: съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ люди, существуетъ и вѣра въ безсмертіе души. Поэтому-то наши предки смѣло шли на войну, поэтому исторія рассказываетъ намъ о пирамидахъ египтянъ, о тайныхъ ученіяхъ мистерій древнихъ грековъ. Откуда-же происходитъ вѣра въ безсмертіе, откуда явилась она въ этотъ міръ, смертность котораго постоянно подтверждается у насъ на глазахъ?

Геккель приводитъ извѣстные противныя доказательства: „Самые разнообразныя мотивы дѣйствовали въ этомъ полифилетическомъ явленіи: культъ предковъ, любовь къ родственникамъ, любовь къ жизни, желаніе продолжить жизнь, надежда на лучшія жизненныя условія въ потустороннемъ мірѣ, надежда на вознагражденіе за добрые и наказаніе за дурныя поступки и т. п.“.

Конечно, все это вѣрно, и никто не будетъ оспаривать, что подобныя мысли укрѣпляютъ вѣру въ безсмертіе. Но одно все-же остается загадкой: если люди стремились ко всему этому, то откуда у нихъ все-таки явилась увѣренность, что ихъ страстное желаніе не должно остаться въ области фантазіи, но что оно соотвѣтствуетъ дѣйствительному факту и можетъ осуществиться? Они это почерпнули, изъ живущаго въ нихъ сознанія, что ихъ душа—безсмертна. Ибо это совсѣмъ не правда, что все изложенное Геккелемъ, исчерпываетъ общее сознаніе человѣчества. Онъ самъ себѣ противорѣчить и принужденъ сознаться въ другомъ мѣстѣ, что человѣкъ по своей натурѣ совсѣмъ не склоненъ къ мысли о безсмертіи. Онъ говоритъ: „Самое лучшее, чего мы можемъ себѣ пожелать послѣ дѣятельной, нашедшей себѣ, по нашему искреннему убѣжденію, наилучшее примѣненіе жизни—это вѣчный миръ въ могилѣ: „Господи, даруй имъ вѣчный покой!“— Всякій разумный и образованный человѣкъ, которому знакомо геологическое лѣтосчисленіе и которому приходилось раздумывать о длинномъ рядѣ періодовъ въ миллионы лѣтъ въ органической исторіи земли, такой человѣкъ, судя безъ предубѣжденія, долженъ сознаться, что банальная идея „вѣчной жизни“ даже для самаго лучшаго человѣка не можетъ служить божественнымъ утѣшеніемъ, а только лишь страшной угрозой; оспаривать это можно только при отсутствіи яснаго сужденія и послѣдовательнаго мышленія“.

Итакъ, мы находимъ опять утверженіе противъ утверженія. Съ одной стороны: идея безсмертія коренится въ душѣ человѣка; съ другой стороны: человѣкъ не хочетъ никакого безсмертія. Откуда, тѣмъ не менѣе, явилась въ человѣкѣ эта неискоренимая идея безсмертія?

Мы постоянно чувствуемъ, что въ этомъ мірѣ дѣяніе и награда, преступленіе и наказаніе, счастье и несчастье въ отношеніи добра и зла не соотвѣтствуютъ одно другому; поэтому человѣчество требуетъ потусторонняго суда. Это тре-

бованіе правосудія служить другимъ доказательствомъ сознанія безсмертія въ человѣческой душѣ.

Геккель-же возражаетъ противъ этого, высказывая опять то-же, что высказывали тысячи другихъ людей помимо его ученія: „Такимъ-же шаткимъ кажется намъ въ настоящее время, при свѣтѣ чистаго свободнаго разума, антропистическій миѳъ о „Страшномъ Судѣ“, о дѣленіи всѣхъ человѣческихъ душъ на двѣ большія толпы, изъ которыхъ одна будетъ предназначена для вѣчныхъ радостей въ раю, другая-же для вѣчныхъ мученій въ аду — и это приписывается личному Богу, „Отцу любви“! Вѣдь этотъ любвеобильный Отецъ вселенной Самъ создалъ условія наслѣдственности и приспособляемости, вслѣдствіе которыхъ, съ одной стороны, избранные счастливыцы необходимо должны были развиться въ безгрѣшныхъ праведниковъ, съ другой-же стороны, несчастные бѣдники такъ-же необходимо должны были развиться въ достойныхъ наказанія осужденныхъ“.

Итакъ, Геккель говоритъ, будто ни одинъ человѣкъ не отвѣтственъ за свои поступки, ибо свободы воли нѣтъ. Если нѣтъ свободной воли, то, безъ сомнѣнія, не можетъ быть и Суда. Но о свободѣ воли я уже говорилъ въ статьѣ: „Происхожденіе человѣка и наука“. Такъ какъ люди сознаютъ свои дѣйствія и изъ этого сознанія почерпаютъ силу для своихъ поступковъ, то они обладаютъ также, до извѣстной степени, свободой воли. Поэтому-то среди людей не вымираетъ убѣжденіе, что они будутъ нести отвѣтственность за свои дѣла не только здѣсь на землѣ, но и въ потустороннемъ мірѣ.

Третьимъ доказательствомъ безсмертія служить слѣдующее: въ насъ, людяхъ, заложено такъ много прекраснаго, благороднаго, истиннаго, что не достигаетъ на землѣ своего совершеннаго развитія. Мы связаны здѣсь съ внѣшностью, и лучшее въ человѣкѣ часто рано гаснетъ или не находитъ случая развиваться дальше. Отсюда возникаетъ страстное же-

ланіе, чтобы заложенные въ насъ добро и истина могли продолжать развитіе въ потустороннемъ мірѣ. Апостоль Павелъ говоритъ: „Наше знаніе несовершенно и наши пророчества несовершенно. Когда-же настанетъ совершенное, тогда несовершенное прекратится“. Мы чувствуемъ въ себѣ назначеніе къ дальнѣйшему развитію; поэтому вѣчность представляется намъ несомнѣнной.

Благодаря этимъ различнымъ внутреннимъ основаніямъ, опровергнуть которыя естествознаніе не въ состояніи, вѣчное бытіе нашихъ душъ представляется намъ доказаннымъ. Если-же какому-либо человѣку безсмертіе души и послѣ этихъ доводовъ будетъ казаться недостовернымъ, то нужно сказать, что сдѣлать это для него болѣе яснымъ научно—нельзя; самое большее, можно попытаться разбудить дремлющее въ немъ чувство. Тѣ, которые не вѣрятъ въ безсмертіе души, пытаются убѣдить человѣчество, будто душа не безсмертна. Это имъ удастся по отношенію къ нѣкоторымъ людямъ, но на землѣ всегда будутъ жить такіе люди, которые не будутъ поддаваться подобнымъ убѣжденіямъ. Живущій въ человѣчествѣ вѣчный Духъ, говорящій имъ: ты—безсмертенъ,—будетъ постоянно укрѣплять вѣру въ безсмертіе. Вѣчный Богъ поддержитъ въ людяхъ черезъ Своего Духа сознаніе безсмертія души.

Религія или Христосъ не доказываютъ безсмертія души. Христосъ совсѣмъ не считаетъ это необходимымъ. Къ чему въ самомъ дѣлѣ? Стоитъ только почитать прекрасныя бесѣды, которыя велъ язычникъ—Сократъ со своими учениками передъ смертію, гдѣ онъ такъ прекрасно описываетъ имъ безсмертіе. Христосъ просто предполагаетъ сознаніе безсмертія. Онъ говоритъ: „Какая польза человѣку, если онъ приобрѣтитъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ“? А въ отношеніи того, что каждый имѣетъ въ себѣ безсмертную душу, Христосъ поучаетъ: „Ты долженъ надѣяться на спасеніе и долженъ бояться Суда“. Здѣсь я не могу развивать далѣе новозавѣтное ученіе о загробной жизни.

При этомъ нужно замѣтить слѣдующее. Душа, какъ таковая, живетъ послѣ смерти и сохраняется въ дальнѣйшемъ развитіи ея духовной жизни до Страшнаго Суда, связаннаго со вторичнымъ пришествіемъ Христа. Нѣкоторые пытаются утверждать, будто Христось сказалъ, что душа не безсмертна, что она только получаетъ жизнь черезъ Него. Это не правильное толкованіе. Христось сказалъ ясно: всѣ души предстануть передъ будущимъ Судомъ. Правда, Онъ также говоритъ, что люди получаютъ жизнь только черезъ Него; но онъ подразумѣваетъ здѣсь блаженную жизнь въ Царствѣ Небесномъ.

Христіанское ученіе идетъ навстрѣчу стремленію человечества найти развитіе для своей внутренней жизни въ вѣчности, которая должна наступить послѣ этого преходящаго и несовершеннаго міра. Развѣ не этого ищетъ человечество въ лицѣ своихъ самыхъ выдающихся представителей?

Я приведу здѣсь двухъ свидѣтелей, которые не являются свидѣтелями христіанства, но все-же принадлежать къ міру духа. Сначала я укажу на свидѣтельство Лессинга. Лессингъ пишетъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ о „Воспитаніи рода человѣческаго“ относительно дальнѣйшаго развитія человѣческой души: „Развѣ я могу что-нибудь упустить, вѣдь вся вѣчность принадлежитъ мнѣ“!

А Гёте! Гёте, будучи еще юношей, сказалъ устами Прометея въ своемъ стихотвореніи: „Всѣ мы—вѣчны. Своего начала я не помню, у меня нѣтъ призванія скончаться и я не вижу кончины, итакъ я—вѣченъ, ибо я есмь“.

Будучи-же старцемъ, онъ писалъ другу своей молодости, Августу фонъ Штольбергу, которую онъ никогда не видалъ, съ которой былъ связанъ только письменно,—слѣдующее: „Итакъ, будемъ продолжать дѣйствовать, пока живемъ на свѣтѣ; и для другихъ будетъ тоже свѣтитъ солнце и другіе также будутъ отличаться при свѣтѣ его, намъ-же тогда будетъ сіять болѣе ясный свѣтъ. Не будемъ-же заботиться о будущемъ. Въ царствѣ Отца нашего много странъ, и такъ

какъ Онъ намъ устроилъ такое радостное поселеніе здѣсь, на землѣ, то и по ту сторону, безъ сомнѣнія, о насъ обоихъ позаботится; можетъ быть, тогда удастся то, что не удавалось намъ до сихъ поръ, т. е. познакомиться другъ съ другомъ лично и тѣмъ крѣпче полюбить одинъ другого“.

Изъ этихъ словъ ясно, что это не болѣе, какъ пустая болтовня, когда Геккель и его приверженцы постоянно указываютъ на Гёте, какъ будто-бы онъ такъ-же думалъ, какъ и они. Гёте, по его собственнымъ словамъ, вѣрилъ въ личное безсмертіе души, въ продолженіе духовной жизни человѣка. Этому-же учитъ и Писаніе. Это невѣрно, будто Писаніе говоритъ о воскресеніи тѣла въ чувственномъ смыслѣ. Павелъ говоритъ: „Сѣется тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное“ (Кор. 15, 44). Также говоритъ и Христосъ: „Восхожу къ Богу Моему и Богу вашему“ (Ев. отъ Іоан. 20, 17). Но Богъ есть Духъ. Туда Христосъ хочетъ увлечь за Собою Своихъ послѣдователей, чтобы дать имъ дѣятельность. Христосъ говоритъ въ Своей притчѣ о вѣрномъ рабѣ: „Надъ многимъ тебя поставлю“ (Мат., 25, 21). Это будетъ дѣятельность въ Духѣ, о которой Павелъ говоритъ: „Теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно какъ я позналъ“ (1 Послан. къ Кор. 13, 12). О вѣчномъ блаженствѣ Писаніе повѣствуетъ въ чувственныхъ образахъ. Но какъ-же оно можетъ иначе это сдѣлать? Какъ оно можетъ лучше приблизить духовное къ нашей душѣ, чѣмъ при посредствѣ этихъ образовъ? Это нелѣпо бросать Писанію упрекъ, какъ дѣлаетъ Геккель, говорящій: „Писаніе учитъ, что человѣкъ тамъ наверху, на небѣ, ходить, какъ и здѣсь, гулять съ другими людьми; но вѣдь было-бы непріятно встрѣчать людей, бывшихъ человѣку непріятными на землѣ“. Тутъ онъ говоритъ о Генрихѣ VIII, объ Августѣ Сильномъ и объ ихъ женахъ.

Всѣ эти разсужденія сами себя осуждаютъ; ясно, что ихъ излагаетъ человѣкъ, не могущій ничего лучшаго выдумать, кромѣ болтовни, не имѣющій никакого представленія о христіанствѣ и не давшій себѣ даже труда прочитать Пи-

саніе. Ибо какъ разъ о свиданіи мужа и жены Писаніе, вѣдь, говоритъ, что, сообразно съ пониманіемъ Христа, такая встрѣча на небѣ произойдетъ не въ земномъ смыслѣ. Онъ говоритъ ясно: „Чада вѣка сего женятся и выходятъ замужъ; а сподобившіеся достигнуть того вѣка и воскресенія изъ мертвыхъ не женятся, ни замужъ не выходятъ, и умереть уже не могутъ, ибо они равны Ангеламъ и суть сыны Божіи, будучи сынами воскресенія“ (Луки, 20, 34—36).

Къ этому надо прибавить, что ученіе Писанія о будущемъ Судѣ идетъ навстрѣчу сознанію всѣхъ тѣхъ людей, которые себѣ говорятъ, что на землѣ нельзя найти совершенной справедливости.

Геккель привелъ однажды и Шекспира, въ качествѣ своего единомышленника. Но Шекспиръ какъ разъ въ „Гамлетѣ“ говоритъ о томъ, что существуетъ страхъ передъ вещами, которыя еще должны наступить въ загробной жизни и которыя грозятъ душѣ черезъ справедливаго Судію.

Геккель говоритъ, что мы только выиграли бы, если бы изъ сердца человѣческаго была удалена мысль о безсмертіи! Но онъ не можетъ привести этому ни одного доказательства. Мы, желающіе вѣрить въ вѣчную жизнь, мы знаемъ, что отсюда возникаетъ у насъ чувство нравственной отвѣтственности, а послѣдствіемъ является истинная нравственность; благодаря этой вѣрѣ, человѣчество получаетъ цѣль, дающую ей возможность внутренняго духовнаго развитія, ибо оно должно себѣ сказать, что жизнь для добра имѣетъ цѣну. Мы знаемъ, что мы въ этой вѣрѣ имѣемъ опору, надежду, идущую навстрѣчу страстному желанію столь многихъ людей, испытавшихъ, какъ много страданій и лишеній приноситъ намъ эта жизнь, и вполнѣ раздѣляющихъ слова Ленау:

„О сердце человѣческое, что такое счастье?—Загадочно родившееся и исчезнувшее, едва успѣвъ появиться, неповторимое мгновеніе“.

Увѣренность въ безсмертіи вселяетъ блаженство въ сердца многихъ тысячъ людей и помогаетъ имъ возвыситься

надъ горестями этого міра. Въ этомъ смыслѣ Павелъ сказалъ: „Я думаю, что нынѣшнія временныя страданія ничего не стоять въ сравненіи съ тою славою, которая откроется въ насъ“. Этой увѣренностью утѣшаются тысячи людей на землѣ и будутъ утѣшаться всегда, вѣруя, что этотъ бранный міръ смѣнится временемъ, когда не будетъ больше смерти, не будетъ страданій, горя и воплей.

Это сознаніе въ человѣчествѣ служитъ свидѣтельствомъ бытія въ насъ души и безсмертія. Естествознаніе, пытающееся побѣдить это сознаніе, всегда будетъ наталкиваться на область, явленій которой оно не понимаетъ, ибо они лежатъ за предѣлами чувственного міра. Естествознаніе имѣетъ дѣло съ явленіями чувственного міра; но мы, вѣрящіе, что за этимъ чувственнымъ міромъ есть еще другой, духовный міръ, мы, видящіе, какъ этотъ чувственный міръ постоянно разрушается,—мы чувствуемъ, что собственно пребывающее и истинное—это не чувственно земное, а душевное. Мы знаемъ, что естествознаніе доставляетъ много цѣннаго нашему преходящему существованію, но оно все-же становится вступникъ передъ послѣднимъ словомъ, оно не можетъ намъ сказать, что такое смерть и что будетъ послѣ смерти. Но человѣчество никогда не успокоится, не рѣшивъ именно этого послѣдняго вопроса, ибо вѣра въ то, имѣемъ-ли мы душу и безсмертны-ли мы, даетъ истинное направленіе нашему существованію, ибо она и только она возвышаетъ человѣка до личности, подвергая его загробной отвѣтственности за добрую или дурную жизнь здѣсь, на землѣ. Поэтому-то свидѣтельство о безсмертіи останется въ насъ навѣки неискоренимымъ; оно есть одновременно свидѣтельство Духа Божія, во вѣки вѣковъ пребывающаго. Поэтому-то человѣчество теперь и въ будущемъ спокойно и увѣренно можетъ исповѣдывать вмѣстѣ съ Шиллеромъ:

- „Богъ—есть, Святая Воля живетъ,
- „Какъ и колеблющаяся человѣческая;
- „Высоко надъ временемъ и пространствомъ парить
- „Живая высшая Мысль;
- „И хотя все смѣняется въ вѣчномъ круговоротѣ,
- „Въ смѣнѣ этой пребываетъ Спокойный Духъ“.

Перев. *Н. П. Селивановской.*

ЗАМѢТКА.

Объ устройствѣ въ отдаленныхъ отъ врачебныхъ пунктовъ начальныхъ училищахъ школьныхъ аптекъ.

Къ этому глубоко жизненному вопросу сочувственно отнеслось Боровичское Уѣздное земство, въ лицѣ дѣятельнѣйшаго предсѣдателя Александра Семеновича Акимова, и возбудило ходатайство въ концѣ 1910 г. предъ очереднымъ уѣзднымъ собраніемъ, а въ 1911 г. осуществило эту полезную мысль о здравіи дѣтей учащихся въ свѣтско-народныхъ школахъ Боровичскаго уѣзда устройствомъ въ отдаленныхъ отъ врачебныхъ пунктовъ школьныхъ аптекъ, которыя-бы, состоя въ вѣдѣніи и руководствѣ учительствующаго персонала, оказывали учащимся дѣтямъ при заболѣваніяхъ пособіе—до прибытія врача или фельдшера. Каждая оборудованная школьная аптечка такого типа стоитъ земству 5 р. 75 коп., ядовитыхъ и вредныхъ для здоровья и жизни медикаментовъ въ аптечкахъ не имѣется, а присылаются лишь тѣ лѣкарства, въ коихъ больше всего при заболѣваніяхъ нуждается крестьянскій людъ. Подобнаго рода аптечками можетъ безъ затрудненія пользоваться всякій учащій, даже неимѣющій понятія о медицинѣ. При каждой школьной аптечкѣ выслано прекрасное наставленіе, какъ нужно поступать съ лѣкарствами.

Для иллюстраціи привожу самую инструкцію школьныхъ аптекъ: 1) *Часоточная мазь*—втирается послѣ предварительной ванны или бани въ пораженные мѣста утромъ и вечеромъ; черезъ 3—4 дня снова баня или ванна и снова втиранія до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ излеченія.

2) *Цинковою мазью*—смазывать при мокнущихъ лишаяхъ, золотушныхъ коркахъ пораженное мѣсто 2—3 раза въ день.

3) *Касторовое масло*—дается при запорѣ подогрѣтымъ отъ чайной до столовой ложки, смотря по возрасту.

4) *Висмутъ*—при боляхъ подъ ложечкой и при поносахъ у дѣтей (1—2 грана).

5) *Капли датскаго короля*—при кашлѣ отъ 5 до 20 капель по возрасту.

6) *Нашатырно-анисовыя капли*—при кашлѣ дѣтямъ 2—5 кап., взрослымъ—10 капель.

7) *Фенацетинъ*—при головной боли, простудѣ давать по 2—3 грана, 2—3 раза въ день.

8) *Борная кислота*—чайную ложку на стаканъ горячей воды. Остуженный растворъ употреблять для полосканія горла при его болѣзни, промыванія глазъ при краснотѣ ихъ и для перевязки свѣжихъ ранъ.

9) *Иодистая настойка*—при боляхъ въ суставахъ, колотьѣ въ бокахъ, боляхъ въ мышцахъ—смазывать одинъ разъ въ день при шелушеніи кожи прекращать.

Медикаменты означенные высланы въ герметически закупоренныхъ сосудахъ и въ готовыхъ порошкахъ.

Во вѣренномъ мнѣ Быковскомъ приходѣ, деревни коего разбросаны на 10—12 и 18 вер. разстояніяхъ, уже въ 2 дальнихъ школахъ съ пользою функционируютъ школьныя аптечки и оказываютъ первую помощь не только учащимся дѣтямъ, но не отказываютъ изъ челоѣколюбія и всѣмъ обращающимся за помощію въ болѣзняхъ. Нельзя не отнести къ этому доброму начинанію съ чувствомъ благодарности, такъ какъ оно по своему характеру, значенію—принадлежитъ къ числу дѣлъ приходскихъ и обращаетъ мысль къ возсозданію православнаго прихода; дальнѣйшій успѣхъ этого дѣла конечно будетъ зависѣть отъ энергіи учащихся, имѣющихъ школьныя аптечки. Нашимъ церковнымъ школамъ, вошедшимъ „въ школьную стѣть“, состоящимъ въ вѣдѣніи, попеченіи и руководствѣ духовнаго вѣдомства, слѣдовало-бы тоже организовать въ медвѣжьихъ углахъ школьнаго района подобнаго типа аптечки для учащихся дѣтей, а небольшое денежное пособіе на медикаменты испросить у земства, такъ какъ при составленіи „школьной стѣти“ церковныя школы были включены въ послѣднюю не безъ участія и вѣдома земства; да и новый ничтожный расходъ 5 р. 75 к. на этотъ предметъ, думается, никто-бы изъ земцевъ не счелъ непроеводительнымъ, во 1-хъ, въ виду пользы для народнаго здравія и громадной дѣтской смертности въ Россіи, во 2-хъ, въ виду того, что удаленныя отъ врачебныхъ пунктовъ церковныя училища одинаково служатъ населенію и въ нихъ учатся крестьянскія дѣти тѣхъ-же земскихъ плательщиковъ, на финансы которыхъ существуютъ аптечки при земскихъ школахъ. (Новгород. Е. В.). Свящ. А. Алмазовъ.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 4-го іюня 1911 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гросс.*

Кіевъ, Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Мерицгов. ул., д. № 6

ГОДЪ

ЛЛ

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 26.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года іюня 26-го дня.

Содержаніе: I. Антихристіанская пропаганда. Свящ. Е. Дроздовъ.—II. Книга, посвященная рѣшенію двухъ важнѣйшихъ вопросовъ въ начальной исторіи Богослуженія Русской Церкви (Продолженіе). Н. Пальмовъ.—III. Средневѣковая борьба въ Западной Европѣ между римской церковью и государствомъ за взаимныя отношенія. Кир. Тихоміровъ.

Антихристіанская пропаганда

(Изъ путевыхъ замѣтокъ. Картинки съ натуры).

Май 1911 года. Казань. Пароходная пристань. Публикѣ третьяго класса очень много. Пароходъ уже готовится къ отходу вверхъ по Камѣ. Каютъ третьяго класса нѣтъ,—одно общее помѣщеніе для всѣхъ пассажировъ. Въ общей—тѣсно, грязно, невыносимо душно, —табачный дымъ виситъ облаками. Пассажиры—преимущественно простой деревенскій народъ, много приказчиковъ и мелкихъ торговцевъ.

На палубѣ парохода, а потомъ и въ помѣщеніи третьяго класса, суетливо ~~и наудачливо~~ предлагаютъ публикѣ „тол-

стовскую“ и „іоаннитскую“ литературу. Конечно, толстовець-книгоноша — подвыпившій, какъ это большей частью наблюдается относительно каждаго изъ нихъ: они обычно со „дна“.

Первый свистокъ.

Книгоноша — іоаннитъ бойкій, юркій, елейно-плутоватый, подходитъ почти къ каждому пассажиру и предлагаетъ. — „Кому нужно слово Божіе? Купите слово Божіе! Вотъ проповѣдь батюшки Іоанна Кронштадтскаго, какъ онъ училъ о страшномъ судѣ Божіемъ. Скоро настанетъ судъ Божій... покайтесь, — приближается судъ Божій... Такъ училъ только одинъ батюшка Іоаннъ Кронштадтскій, другіе священники такъ не могли учить: имъ не дано. Почитайте слова великаго праведника! Извольте, — „полное разоблаченіе Яснополянскаго еретика Толстого“. Вотъ еще золотая книга (показываетъ брошюрку — „Правда дороже золота“). А вотъ — „голосъ истинной правды“.—тутъ описана настоящая правда... Люди забыли настоящую правду... Кто прочитаетъ эту книжечку, тотъ узнаетъ истинную правду. Стоитъ всего 20 к.; купите! золотая книга! Вотъ тоже хорошая книга (показываетъ брошюру „Отповѣдь чиновнику Скворцову Пустошкина“); тутъ ясно описано, кто истинно вѣруетъ и кто обманываетъ довѣрчивыхъ добрыхъ людей; почитайте! — показываетъ конецъ 17 страницы и начало 18 страницы и читаетъ, водя пальцемъ: „Кому вѣрить, словамъ праведника о Іоанна Кронштадтскаго, или этимъ гг. которые идутъ навстрѣчу всего этого бѣдственнаго положенія для Россіи“... Видите, даже изъ печати видно: „Скворцовъ на миссіонерскомъ дѣлѣ скопилъ крупный капиталъ... Можетъ-ли такой человѣкъ въ одно и то-же время служить двумъ господамъ, Богу и мамонѣ? Можетъ ли изъ одного источника течь горькая и сладкая вода?“... И слово Божіе учить, что это невозможно. А вотъ видите, — водить пальцемъ по строчкамъ и читаетъ внушающимъ тономъ: „сподвижники досточтимаго пастыря о Іоанна Кронштадтскаго, раба Божія Порфирія, старецъ, рабъ Божій Назарій, праведной своей строгой жизнью святой бьютъ

ложныхъ учителей. господь Скворцовыхъ и К-о“. Купите, дешевая,—только гривенникъ стоитъ; очень душевспасительная книжечка“ ..

Книгоноша—толстовець, оборванный, грязный, осипшимъ голосомъ выкрикиваетъ: „Купите произведенія великаго писателя земли русской Льва Николаевича Толстого—„въ чемъ моя вѣра, въ чемъ моя“;... здѣсь описывается, какъ вѣровалъ великій праведникъ Левъ Николаевичъ. Купите, уступлю! „Крейцера соната“,—много интереснаго. А вотъ извольте, романъ „Воскресеніе“; полное сочиненіе... очень рѣдкая книга; купите!.. „Зеленая палочка“,—предсмертное произведеніе великаго писателя; всего три копейки... Покупайте. Или вотъ романъ подъ заглавіемъ „Въ омутѣ жизни“; подъ запретомъ былъ, рублевая книжка за 45 коп., очень дешево, нигдѣ не купите“.

Или вотъ еще картинка. Въ общей каютѣ. Къ толстовцу-книгоношѣ подошелъ молодой человекъ и спрашиваетъ: „нѣтъ ли у васъ книжки—„Ерусланъ Лазаревичъ“ и „Бова Королевичъ“, говорятъ, больно ужъ занятная книжка; сколько времени ищу и никакъ не могу найти“. Книгоноша, обмѣривъ глазами покупателя въ манишкѣ съ цвѣтнымъ бантикомъ (какъ оказалось,— это былъ официантъ изъ ресторана) и сдѣлавъ серьезный видъ, лаконически отвѣтилъ: „я сказками не торгую, я продаю сочиненія великаго писателя земли русской“.

Второй свистокъ. Публика немного волнуется. На палубѣ тѣснятся: одни спѣшатъ войти на пароходъ, другіе—сойти. Книгоноши, пользуясь послѣдними минутами, съ еще большимъ усиліемъ предлагаютъ книги и брошюры: „Въ чемъ моя вѣра, въ чемъ моя“... „Голосъ истинной правды“... Кто истинно вѣруетъ и кто обманывается; купите... уступлю (показываетъ отповѣдь чиновнику Скворцову). Каждому нужно имѣть эту книжку...

Третій свистокъ. Пароходъ отвалилъ.

Меня очень интересуется, что будутъ читать и говорить пассажиры третьяго класса, и я расположился въ третьемъ

классъ, избравъ болѣе наблюдательный пунктъ. Публика постепенно успокаивается и располагается, кто какъ можетъ: кто безпечно разваливается на полкахъ—нарахъ; занимающіеся торговлей собираются по нѣскольку человекъ и толкуютъ о дѣлахъ на ближайшей ярмаркѣ, и очень немногіе читаютъ, дѣйствительно очень немногіе, всего семь человекъ; это изъ 200—250 человекъ.

Табачный дымъ, соединяясь съ испариной, дѣлаетъ атмосферу особенно тяжелой, удушашей; окна открывать холодно (за день предъ тѣмъ шель снѣгъ и теперь погода пасмурная). „Крѣпкія слова“ подчеркиваются съ особой силой, несмотря на присутствіе женщинъ, подростковъ и дѣтей.

Что же читаютъ мои спутники? Одинъ—романъ „Счастье въ любви“, на крышкѣ котораго красуется полуобнаженная женщина; другой—„Зеленая палочка“; третій—„Въ чемъ моя вѣра“—Толстого; четвертый—„Отповѣдь чиновнику Скворцову“.

Вотъ какой духовной пищей питается нашъ простой, дѣвѣрчивый деревенскій народъ... Вотъ что имъ подносятъ и стараются привить враги Церкви Христовой сектанты-безбожники. Отсюда понятно, какую опасность для Церкви Христовой готовитъ эта антихристіанская пропаганда и каковы ея успѣхи при настоящемъ положеніи дѣла.

Мы поистинѣ переживаемъ такой періодъ, когда волны невѣрія, сомнѣнія и отрицанія съ особенною яростью вздымаются на корабль церковный.

Когда въ организмъ попадаетъ ядъ, необходимо немедленно давать противоядіе. Такъ точно не медля ни мало, какъ противоядіе антихристіанской пропагандѣ, слѣдуетъ заводить въ приходахъ, на мѣстахъ, органическую миссію, ибо миссія, созданная въ самомъ приходѣ и тѣсно связанная съ жизнью его, какъ плоть отъ плоти, есть наилучшее и наглядное проявленіе живой силы приходскаго организма, это цементъ, связующій приходъ въ одну святую Церковь Христову.

Опытъ устройства органической миссіи (народно-миссіонерскихъ курсовъ) въ городѣ Москвѣ далъ блестящіе результаты, организовавъ цѣлую рать истинныхъ ревнителей и горячихъ защитниковъ вѣры и Церкви Христовой.

Въ провинціи, гдѣ гораздо большій процентъ неграмотныхъ, необходимо завести воскресныя школы, обратить особенное вниманіе на наученіе истинамъ вѣры Христовой, ввести общенародное церковное пѣніе, виѣбогослужебныя собесѣдованія и чтенія съ тѣневыми картинами.

Не меньшую пользу принесли бы въ дѣлѣ миссіи книгоноши — миссіонеры, штатъ которыхъ весьма легко набрать изъ монастырскихъ послушниковъ и благочестивыхъ странниковъ, послѣднее особенно удобно и легко въ городахъ, гдѣ есть страннопріимные дома.

Такая организація не составитъ большихъ затрудненій, ибо въ качествѣ ближайшихъ помощниковъ пастыря и сотрудниковъ въ этомъ дѣлѣ святомъ и великомъ большую пользу могутъ оказать о.о. діаконы, учителя и исаломщики. Трудно только начать это дѣло, потому любовь къ дѣлу и трудъ все преодолеваютъ и дадутъ сторичный плодъ.

Не менѣе могущественнымъ миссіонерскимъ средствомъ, также и для проведенія церковнаго вліянія на народную среду, можетъ оказаться хорошая церковно-приходская школа съ ея христіанскою настроенностію, обученіемъ, направленнымъ къ религіозно нравственному воспитанію, съ хорошимъ церковнымъ пѣніемъ, съ молитвенно-благоговѣйнымъ и разумнымъ церковно-славянскимъ чтеніемъ, съ ея жизненными порядками, обстановкой и живыми образцами-руководителями. Если школа дастъ ученику религіозно-нравственное воспитаніе и христіанскую настроенность, то онъ на всю жизнь останется вѣрнымъ сыномъ Церкви Христовой.

Въ Писаніи сказано: „Наставь юношу при началѣ пути его: онъ не уклонится отъ него, когда ѱ состарится“ (Притч. 22, 6).

Свящ. Евд. Дроздовъ.

Книга, посвященная рѣшенію двухъ важнѣйшихъ вопросовъ въ начальной исторіи Богослуженія Русской Церкви.

(Продолженіе ¹⁾).

Соотвѣтственно *двумъ* положеніямъ, признаваемымъ современною литургическою наукою, что а) въ древне-русской богослужебной практикѣ дѣйствовалъ уставъ Великой Константинопольской Церкви (св. Софіи), и б) что преп. Θεодосій Печерскій ввелъ въ своемъ монастырѣ ктиторской Алексѣевскій уставъ, прот. Лисицынъ, послѣ *введенія*, въ которомъ перечисляются источники и пособія сочиненія, и излагается исторія разработки предмета русскими учеными,—дѣлитъ свое сочиненіе на *два* части. Первая часть—уставъ Великой Церкви самъ по себѣ и въ практикѣ Русской Церкви, вторая—ктиторскій уставъ Алексія, патріарха Константинопольскаго, въ практикѣ Русской Церкви и въ отношеніи къ уставамъ: а) Великой Константинопольской Церкви, б) къ Студійскому и в) другимъ.

Что такое уставъ Великой Константинопольской Церкви? Какъ онъ создавался? Какія обстоятельства способствовали введенію этого устава въ богослужебную практику древне-русской Церкви?—Вотъ вопросы, разбираемые авторомъ въ первой главѣ первой части сочиненія (с. 3—33). Уставъ Великой Церкви не представляетъ первичной формы христіанскаго Богослуженія. Онъ—порожденіе Константинополя и въ своей исторіи тѣсными узами связанъ съ жизнью и развитіемъ византійской столицы. Однако, въ своемъ образованіи и развитіи уставъ Великой Церкви оказывается не всецѣло самостоятельнымъ. Литургическая наука установила фактъ вліянія Иерусалимской святогробской богослужебной практики на практику Великой Константинопольской Церкви въ эпоху

¹⁾ См. № 25 за 1911 г.

до нашествія на Іерусалимъ персидскаго царя Хозрая (въ іюнѣ 614 г.). Съ этого времени прекращается вліяніе Іерусалима на Константинополь и начинается обратное вліяніе— Константинополя на Іерусалимъ, да и не на одинъ только Іерусалимъ, но и на другія восточныя Церкви. Въ 1009 г. халифъ Аль-Хакемъ разрушилъ до основанія храмъ Гроба Господня и Воскресенія въ Іерусалимѣ. Естественно, что послѣ такого бѣдствія въ Іерусалимѣ должно было исчезнуть съ остатками прежней богослужебной пышной практики и все новое, что принято было изъ Константинополя. Прежнія торжественныя службы въ Іерусалимѣ (а за Іерусалимомъ— и на всемъ Православномъ Востокѣ) смѣняются въ XII вѣкѣ болѣе скромными монастырскими службами, выработанными святогробскими монахами (спудеями). Эти-то послѣднія службы и составили содержаніе Типикона, который называется Іерусалимскимъ, или Типикономъ обители преп. Саввы Освященнаго. Но въ 1204 г. и Константинополь подвергся разгрому крестоносцевъ, которые положили съ этого года основаніе т. н. „латинской имперіи“, просуществовавшей до 1261 года. Св. Софія была разорена; патріархъ переселился въ Никею. Черезъ 58 лѣтъ возвратившійся снова въ Константинополь патріархъ не въ силахъ былъ уже воскресить къ жизни уставъ Великой Церкви. Прежній уставъ долженъ былъ уступить мѣсто въ Константинополѣ болѣе простому Іерусалимскому уставу.

Но во всякомъ случаѣ, въ то время когда Русь получала отъ Греціи просвѣщеніе христіанскою вѣрою, уставъ Великой Церкви былъ въ состояніи, можно сказать, полного разцвѣта и господствовалъ въ практикѣ церквей не только Востока, но и Запада. Церкви нынѣшняго Крыма, въ Суроожѣ и Херсонесѣ Таврическомъ зависѣли отъ Константинопольскаго патріарха, и естественно думать, что въ богослужебной практикѣ этихъ церквей дѣйствовалъ уставъ Великой Константинопольской же Церкви, какъ дѣйствовалъ онъ и въ Моравіи, и въ Панноніи, гдѣ проповѣдывали Христову вѣру равно-

апостольные братья Кирилль и Меѳодій. Официально Русь приняла христіанство при св. князѣ Владимірѣ, но извѣстно, что и до св. Владиміра христіанство было уже знакомо русскимъ, которые нерѣдко и принимали христіанство или прямо изъ Константинополя, гдѣ бывали (по торговымъ, напр., дѣламъ); или изъ Херсонеса. И тамъ, и здѣсь русскіе знакомились съ богослужебными порядками по уставу Великой Церкви. Самъ св. князь Владиміръ принялъ іерархію частью изъ Херсонеса, гдѣ, какъ предполагаютъ, онъ крестился самъ, частью же изъ Константинополя, откуда іерархія прибыла вмѣстѣ съ царицей Анной. Конечно, греческая іерархія привезла въ Кіевъ богослужебные порядки Великой Константинопольской Церкви. Эти порядки прочно утвердились въ Россіи. Хотя Русская Церковь при св. Владимірѣ и была подчинена въ административномъ отношеніи Оракійскому діоцезу, но все равно, и во Оракійскомъ діоцезѣ господствовали Константинопольскіе богослужебныя порядки. Дѣло нисколько не измѣняется даже и въ томъ случаѣ, если бы оказалось, что священные обряды и богослужебныя книги наши предки получили не изъ Константинополя, а изъ Болгаріи: Болгарія была подчинена въ церковномъ отношеніи Константинополю, и, слѣдовательно, уставъ Великой Церкви для Болгаріи имѣлъ обязательное значеніе, а отсюда—и для Россіи.

Прот. Лисицынъ весьма подробно останавливается на вопросѣ о первыхъ демественникахъ, прибывшихъ къ намъ при Ярославѣ Мудромъ, и вѣскими соображеніями доказываетъ, что три греческіе пѣвца, явившіеся въ Кіевъ вмѣстѣ съ своими родичами и учениками, весьма скоро научили нашихъ предковъ церковному пѣнію. А научить пѣнію необходимо было въ виду того, что въ уставѣ Великой Церкви пѣніе занимаетъ весьма важное мѣсто; службы по этому уставу—*пѣсенныя*, и для совершенія ихъ необходимы стройно организованные хоры пѣвцовъ. Разборъ нотныхъ знаковъ надъ текстомъ древнѣйшихъ славянскихъ богослужебныхъ рукописей, а также—сравненіе этихъ нотныхъ знаковъ съ греческими,

привели прот. Лисицына къ весьма цѣнному въ научномъ отношеніи выводу, что „къ концу XI в. проявилось даже творчество нашихъ мастеровъ въ расширеніи потной системы и въ изображеніи новыхъ знаменъ“ (с. 25).

Завоеваніе Константинополя крестоносцами четвертаго похода положило конецъ уставу Великой Церкви въ Византійской имперіи. И въ Россіи въ первой половинѣ XIII вѣка нашествіе татаръ повлекло за собою изытіе этого устава изъ богослужебной практики, въ особенности—на югѣ, который подвергся жестокому разгону. Уставъ Великой Церкви сначала былъ замѣненъ въ Россіи болѣе простою практикою ктиторскаго Алексѣевского монастыря, уже дѣйствовашаго по монастырямъ, а затѣмъ—Іерусалимскимъ уставомъ обители св. Саввы Освященнаго. Отъ татарскаго разоренія остались свободны лишь нѣкоторыя русскія области и, въ ихъ числѣ, Новгородская. Уставъ Великой Церкви продолжалъ здѣсь еще долго дѣйствовать и послѣ нашествія татаръ. Извѣстно, что въ концѣ XIII в., въ 1279 г., Новгородскій епископъ Климентъ переписалъ экземпляръ устава Великой Церкви для своей кафедральной Церкви—св. Софій. Да и на разоренномъ татарами югѣ Россіи память о порядкахъ Великой Церкви не исчезла окончательно. Въ XV в., какъ свидѣтельствуется одинъ южно-русскій уставъ (Импер. Публ. библ. Погод. собр. № 284), тамъ еще дѣлалось сопоставленіе практики Великой Церкви („соборной“) съ практикою монастырскою и приходскою. Въ XVII—XVIII вв. „соборная“ богослужебная практика заявляетъ о себѣ въ Москвѣ, въ Новгородѣ, Холмогорахъ, Нижнемъ Новгородѣ. Только въ концѣ XVIII в. особенно „соборной“ практики исчезаютъ изъ русскаго богослуженія, но и то—не всѣ. Даже въ наше время уставъ Великой Церкви примѣняется въ отдѣльныхъ случаяхъ при богослуженіи. Чтеніе, напр., евангелія въ Великую субботу послѣ великаго словословія—практика Великой Церкви; чтеніе евангелія на вечернѣ перваго дня Пасхи—тоже остатокъ древнихъ порядковъ св. Софій Константино-

польской ¹⁾. Многія особенности современной намъ архіерейской службы являются живымъ отголоскомъ старины и пережиткомъ тѣхъ временъ, когда на Руси дѣйствовалъ уставъ Великой Константинопольской Церкви.

Таково содержаніе главы первой въ книгѣ прот. М. А. Лисицына.

Въ главѣ второй (с. 33—160) авторъ изображаетъ самую богослужебную практику древней Русской Церкви, какъ это практика сложилась подъ вліяніемъ устава Великой Церкви.

„Если бы у насъ не имѣлось документальныхъ данныхъ, которыя говорили бы намъ о существованіи въ богослужебной практикѣ Русской Церкви устава Великой Церкви, то и тогда мы должны были бы признать за неоспоримое, что онъ у насъ и былъ, и дѣйствовалъ“. Такъ совершенно справедливо разсуждаетъ авторъ. Нельзя представить себѣ, чтобы Русская Церковь съ 988 г. по 1062 г. (когда преп. Θεодосій принялъ въ свой монастырь уставъ преп. Алексія) не имѣла уставнаго порядка (въ теченіе 74 лѣтъ!). Да и уставъ, принятый преп. Θεодосіемъ Печерскимъ, былъ собственно уставомъ для монаховъ, а не для мірянъ. На основаніи же тѣхъ общихъ соображеній, что а) св. Владиміръ принялъ и крещеніе, и іерархію отъ грековъ, находившихся въ церковной зависимости отъ Константинопольскаго патріарха, б) что съ царицей Анной прибылъ изъ Константинополя ея клиръ и штатъ пѣвцовъ, называвшихся „Царицынымъ хоромъ“, каковыя лица, т. е. и клирики, и пѣвцы, безъ затрудненій могли совершить торжественныя пѣсенныя службы по уставу Великой Константинопольской Церкви, и г) что

¹⁾ Въ своихъ статьяхъ въ жур. „Р. д. с. п.“ по изясненію современныхъ церковныхъ службъ (преимущественно—въ праздничные дни) съ точки зрѣнія древнихъ Типиконовъ пишущій настоящія строки неоднократно отмѣчалъ присутствіе въ современной богослужебной практикѣ порядковъ древняго устава Великой Константинопольской Церкви.

Русская Церковь была формально причислена къ Оракійскому діоцезу, гдѣ царили Константинопольскіе порядки, — надо признать единственно возможнымъ то предположеніе, касательно первоначальнаго русскаго богослужебнаго устава, что это былъ уставъ Великой Церкви.

Но вотъ фактическія и документальныя данныя въ пользу логически выведеннаго положенія. 1) Можно указать цѣлый рядъ *обычаевъ*, позаимствованныхъ древней Русскою Церковью изъ практики Великой Константинопольской Церкви. Таковы: а) обычай горѣсѣданія архіерея и священнослужителей при цѣнніи вечерняго и утренняго прокимна въ воскресный день, б) чтеніе евангелія на утрени послѣ великаго славословія, в) чтеніе евангелія архіереемъ, или игуменомъ, на пасхальной литургіи съ повтореніемъ прочитанныхъ словъ, строка въ строку, діакономъ, г) совершеніе всей службы самими священнослужителями въ алтарѣ, д) проскумисаніе діакономъ и е) совершеніе литургіи преждеосвященныхъ Даровъ въ среду и пятокъ сырной недѣли, въ Великую пятницу и во всѣ дни Великаго поста, за исключеніемъ субботы, — и Великаго четверга. Всѣ эти обычаи, существовавшіе въ практикѣ древне-русской Церкви, какъ показываютъ уцѣлѣвшіе памятники литургической и канонической письменности, у автора сопоставляются съ обрядами Великой Константинопольской Церкви, поскольку эти обряды открываются изъ различныхъ греческихъ списковъ этого устава, при чемъ авторъ нерѣдко слѣдитъ за генезисомъ развитія того или другого богослужебнаго обычая въ Византійской и въ Русской Церкви, представляя иногда цѣлую исторію обычая, напр. — обычая совершенія проскомидіи діакономъ (с. 49—56) ¹⁾, совершенія преждеосвященной литургіи въ среду

¹⁾ Вопроса о совершеніи въ древности проскомидіи діакономъ касался о. С. Д. Муретовъ въ книгѣ „Историческій очеркъ чинослѣдованія проскомидіи до „Устава литургіи“ Константинопольскаго патріарха Филовея“ (М. 1895). По словамъ Муретова, этотъ обычай заимствуетъ себя въ Россіи даже въ XVII в. (с. 236). Не знаемъ, правда ли это: прот. Лисицынъ не цитируетъ книгу о. Муретова.

и пятокъ сырной седмицы и въ Великій пятокъ (с. 56—69). Историческое освѣщеніе обряда, какъ извѣстно, весьма много помогаетъ его пониманію. Такъ, въ историческомъ освѣщеніи возгласъ на преждеосвященной литургіи: „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“, произносимый архидіакономъ, обозначаетъ моментъ возженія діаконами свѣтильниковъ въ св. Софіи за вечернимъ богослуженіемъ (с. 69—72)¹⁾; пѣснь „Да исправится молитва моя“ оказывается прокимномъ, заключающимъ собою паремію (какъ на 6 часѣ), съ нѣсколькими стихами — приѣвцами къ нему, исполняемыми, согласно уставу Великой Церкви, „отъ пѣвца и отъ людей“ (с. 73, примѣч. 76).

2) Кромѣ богослужебныхъ обычаевъ, позаимствованныхъ нашими предками изъ Типикона Великой Церкви, въ доказательство у насъ въ древней Руси этого Типикона прот. Лисицынъ приводитъ еще рядъ чинослѣдованій по славяно-русскимъ богослужебнымъ рукописямъ. Сопоставляя эти чинослѣдованія по уставу Великой Церкви, прот. Лисицынъ и отсюда почерпаетъ убѣжденіе въ дѣйствovanіи устава Великой Константинопольской Церкви въ первоначальную и дальнѣйшую эпоху существованія христіанства на Руси. Чинослѣдованія эти суть: а) чинъ пѣсеннаго послѣдованія (с. 77—92). Пѣсенное послѣдованіе составляло особенность богослуженія въ Константинопольской Софіи. Но какъ оказывается, и въ древней Руси пѣсенный чинъ службъ пользовался широкою распространенностью. Прот. Лисицынъ знакомитъ съ памятниками такого рода службъ по славянскимъ канонарямъ X—XI вѣка. Греческое вліяніе на нашихъ „азматикахъ“ — несомнѣнное! Но и не на отдѣльныхъ только частяхъ утрени можно прослѣдить вліяніе древняго пѣсеннаго послѣдованія съ трехъ-антифоннымъ его строемъ (существенный признакъ пѣсеннаго послѣдованія); вліяніе его сказыва-

¹⁾ Смысль этого возгласа интересовалъ многихъ нашихъ изслѣдователей. Но, не владея литургическимъ матеріаломъ, они давали возгласу нерѣдко фантастическія объясненія. См. нашу статью въ жур. „Р. д. с. п.“ за 1904 г. №№ 9 и 12.

ается еще въ манерѣ исполненія тропарей, сѣдальновъ и др. краткихъ пѣснопѣній; можно указать, наконецъ, и достаточное число примѣровъ примѣненія пѣсеннаго послѣдованія въ отдѣльныхъ богослужебныхъ случаяхъ (какъ: въ день Воздвиженія Креста Господня, на великопостныхъ панихидахъ). Далѣе, то же вліяніе устава Великой Константинопольской Церкви необходимо усматривать въ практиковавшихся у насъ въ древней Руси чинопослѣдованіяхъ: б) омовенія св. трапезы въ великій четвертокъ и в) омовенія св. мощей и св. креста въ Великій пятокъ (с. 93—102). Прот. Лисицынъ устанавливаетъ, что чинъ омовенія св. трапезы въ славянскомъ служебникѣ XII в. изъ Моск. Синод. библіотеки (подъ № 343) есть буквальный переводъ такого же греческаго чина въ евхологіи 1027 г. изъ Парижской національной библіотеки (изд. проф. Дмитріевскимъ въ II т. „Опис. лит. ркп.“, с. 993 и дал.). Происхожденіе обоихъ памятниковъ изъ практики Великой Церкви не подлежитъ сомнѣнію. Что касается до омовенія св. мощей и св. Креста въ Вел. пятокъ, каковой чинъ сталъ практиковаться у насъ со времени митрополита Кипріяна († 16 сент. 1406 г.), то этотъ чинъ представляетъ прямое наслѣдіе Великой Церкви, что доказывается самыми надписаніями чина въ Кипріяновскомъ служебникѣ („якоже держить свята апостольская Церковь“). Наслѣдіемъ Константинопольской практики оказываются также „литія“, бываемая внѣ храма, „обновленіе“ храма—служба въ воспоминаніе освященія храма и чинъ „новолѣтія“ (с. 102—114). Въ славянскому тексту названныхъ службъ и обрядовъ прот. Лисицынъ подыскалъ параллельный греческій текстъ (изъ евхол. 1027 г. Парижск. библ. и ркп. XII в. Аѳонск. монастыря, по „Опис. лит. ркп.“ Дмитріевскаго), чѣмъ документально подтвердилъ происхожденіе ихъ изъ Константинопольской практики.

Последнія страницы первой главы книги прот. Лисицына (съ с. 114) особенно интересны. Здѣсь идетъ рѣчь о *самыхъ уставахъ* Великой Константинопольской Церкви на

славянскомъ языкѣ, бывшихъ въ употребленіи въ Русской Церкви. Въ цѣльномъ видѣ не сохранилось, ни одного списка устава Великой Церкви на славянскомъ языкѣ,—сохранилось лишь два фрагмента отъ XIII в., изъ которыхъ одинъ уже извѣстенъ въ наукѣ (описанъ г. Поповымъ въ изданіи: „Первое прибавленіе къ описанію ркп. и каталогу книгъ церковной печати библ. А. И. Хлудова“ М. 1875, с. 17), а другой (въ 8 листовъ) описанъ прот. Лисицынымъ среди Погодинскаго собранія рукописей въ Импер. Спб. Публичной библиотекѣ. Но и то, что сохранилось, является доказательствомъ несомнѣнности дѣйствования въ богослужебной практикѣ древней Руси устава Константинопольской Софіи. Прот. Лисицынъ сопоставляетъ греческіе тексты съ славянскими (см. с. 116, 120. особ. 126 и дал.) и находитъ близкое между ними сходство. Нарочитому разсмотрѣнію подверглись у нашего изслѣдователя: чинъ поклоненія и воздвиженія Креста Господня въ сентябрѣ мѣсяцѣ (съ 10 числа), службы общія страстной седмицы, начиная отъ литургіи въ недѣлю Ваій до вечерни Великой субботы (с. 123—139); чины: омовенія ногъ въ Вел. четвертокъ (с. 139—145), освященія мѣра (с. 145—146), послѣдованія св. страстей (с. 147—149), крещенія оглашенныхъ на вечернѣ въ Вел. субботу (с. 150—154), таинства елеосвященія надъ присутствующими въ храмѣ въ Вел. четвертокъ или въ Вел. субботу (с. 154—155), чинъ пещнаго дѣйства, хожденія на ослати, дѣйства страшнаго суда и чина въ недѣлю православія (с. 156—158). Что же показало изслѣдованіе? Оно показало тѣсную связь и зависимость нашихъ богослужебныхъ порядковъ съ греческими и, въ частности, съ порядками св. Софіи Константинопольской, такъ что прот. Лисицынъ имѣлъ полное основаніе сказать въ концѣ первой части своей ученой работы: „самымъ первымъ Типикономъ, которымъ могли руководствоваться при богослуженіи пастыри и архипастыри нашей Церкви, тотчасъ послѣ принятія христіанства, могъ быть только *Типиконъ Великой Церкви* (с. 160).

Н. Пальмовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Средневѣковая борьба въ Западной Европѣ между римскою церковію и государствомъ за взаимныя отношенія ¹⁾).

Современный споръ о свѣтской власти папы есть послѣдній, кажется, эпизодъ средневѣковой борьбы между государствомъ и Церковью въ смыслѣ католическомъ, т. е. между государствомъ и клиромъ. Много данныхъ за то, что побѣда въ этомъ спорѣ останется за государствомъ. Средніе вѣка подготовили уже эту побѣду. Скоро ли окончится эта борьба, трудно рѣшить. Политическія отношенія европейскихъ государствъ, можетъ быть, задержать рѣшеніе дѣла; только съ увѣренностью можно сказать, что побѣда государства въ этомъ спорѣ будетъ имѣть рѣшительное значеніе для католичества. Свѣтская власть папы тѣсно связана съ догматомъ католичества о всемірномъ главенствѣ намѣстника Христова на землѣ. Слѣдовательно, въ рѣшеніи этого спора— для католичества вопросъ томъ: *быть* или *не быть*.

Паденіе же католичества не можетъ остаться безъ значенія для Церкви вселенской. Паденіе лжи—торжество для истины. Поэтому разрушеніе лжи католичества принесетъ дѣлу христіанства существенную пользу: уяснить на западѣ идею Церкви, какъ общества, состоящаго изъ клира и чрезъ то опредѣлить точнѣе взаимныя отношенія пастырей и паствы. Потому и Церковь Православная не можетъ остаться равнодушною къ этому спору; ей и нельзя будетъ остаться такою: съ паденіемъ католичества, идея возстановленія церковнаго единства между Западомъ и Востокомъ возгорится

¹⁾ Эта статья даетъ прекрасную характеристику дѣятельности католическаго духовенства, главнымъ образомъ высшаго, по утверженіи своего владычества надъ государствомъ. Изъ статьи видно также и то, какъ отличалось правовое положеніе римско-католическаго клира отъ такого же положенія нашего православнаго духовенства. По тому и другому статья не лишена интереса.

яркимъ свѣтомъ и латиняне обрѣтутъ новый путь къ познанію истины, покаются и снова возвратятся въ лоно Соборной Церкви и къ своему единому Пастырю.

Наша цѣль прелставить очеркъ средневѣковаго спора между католическимъ клиромъ и государственною властью и указать, что выработано жизнью на Западѣ для рѣшенія вопроса объ отношеніяхъ Церкви и государства ¹⁾.

Утвержденіе на землѣ царства Христова было идеаломъ среднихъ вѣковъ.—Этотъ идеаль вполне согласенъ съ Евангелиемъ, которое конечную цѣль бытія міра ставитъ въ распространенія между людьми и утвержденія началъ Новаго Завета и приготовленія людей чрезъ вѣру Христову къ царству славы. Но, къ несчастію, властолюбивый Римъ *оземлилъ*, если можно такъ выразиться, понятіе о царствѣ Христовомъ. вмѣсто того, чтобы стремиться къ утвержденію на землѣ правды и мира, Римъ полуязыческой—полухристіанской началъ стремиться къ утвержденію надъ всею землею своей власти. Царство Христово на землѣ есть Церковь Христова, какъ общество всѣхъ вѣрующихъ во Христа; но Римъ сузилъ понятіе о Церкви и подъ нею началъ разумѣть одинъ только клиръ. Отъ такого узкаго пониманія Церкви произошло, что идеаль, въ своемъ началѣ согласный съ Евангелиемъ, на практикѣ оказался ему противорѣчащимъ. Такъ какъ царство Христово на землѣ есть Церковь, а Церковь составляютъ клирики, то утвердить на землѣ царство Христово, по пониманію римской церкви, значило утвердить не миръ и правду между всѣми и во всѣхъ, а верховную власть клира надъ мірянами. Но верховная власть надъ

¹⁾ При изложеніи этого очерка мы руководствовались сочиненіемъ бельгійскаго историка Лоренца: „Борьба бельгійцевъ съ клерикалами“, перев. профес. А. И. Смирнова, 1879 г. Москва. Борьба эта окончилась въ 1857 г. ниспроверженіемъ въ Бельгій власти ультрамонтанской партіи. Такъ какъ въ продолженіи среднихъ вѣковъ въ Западной Европѣ подъ Церковію разумѣли клиръ, то и мы въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ иногда употреблять слово Церковь въ этомъ католическомъ смыслѣ.

людьми въ обществѣ издавна принадлежить государству. Въ какое же отношеніе должно стать государство къ Церкви? Рѣшая этотъ вопросъ, римская Церковь прибѣгла къ слѣдующему выводу: человѣчество имѣеть потребности духовныя и тѣлесныя. Удовлетвореніе духовнымъ своимъ потребностямъ оно находитъ въ Церкви, удовлетвореніе тѣлеснымъ—въ государствѣ. Но такъ какъ душа выше тѣла и должна господствовать надъ послѣднимъ, то и Церковь (т. е. клиръ) должна господствовать надъ государствомъ, а государство служить Церкви; слѣдовательно, Церковь имѣеть верховную власть надъ государствомъ.

Этому основному выводу среднихъ вѣковъ соотвѣтствуетъ и взглядъ на клиръ и мірянъ. По этому взгляду, клирики—люди духовные, а міряне—люди плоти; первые—золото, послѣдніе—желѣзо; власть папы солнце, власть государя—луна. „Самый послѣдній и презрѣнный клирикъ, писалъ Пилихдорфъ, имѣеть больше достоинства, чѣмъ святѣйшій изъ мірянъ. Христосъ—Глава, а священники—Его представители на землѣ“.

Исходя изъ такого ложнаго начала верховной власти Церкви надъ государствомъ, Церковь (т. е. клиръ) въ средніе вѣка устремилась прежде всего на приобрѣтеніе того, что служить выраженіемъ внѣшняго превосходства и помогаетъ достигнуть его. Отодвинувъ на второй планъ главное свое назначеніе—проведеніе въ жизнь и утверженіе въ ней началъ Евангелія,—она поставила на первый планъ власть надъ мірянами и устремилась къ сосредоточенію въ своихъ рукахъ *богатствъ и судебной власти*, какъ средствъ внѣшняго могущества. На этомъ поприщѣ она такъ сильно дѣйствовала, при этомъ мало дѣлая для выполненія своего прямого назначенія, что возбудила сильнѣйшее противодѣйствіе мірянъ.

Съ чрезвычайною, неусыпною ревностью и потому съ величайшимъ успѣхомъ она устремилась къ *приобрѣтенію богатствъ*, и особенно земельныхъ владѣній, и потомъ всѣ

силы свои употребляла на удержаніе ихъ за собою. Теченіе жизни, подобно приливу и отливу, то наполняло сокровищницы Церкви, то опустошало ихъ. Борьба клира съ мірянами за обладаніе земными благами составляетъ одно изъ важнѣйшихъ явленій средневѣковой исторіи. Жалобы древнихъ франкскихъ королей на страшное возрастаніе недвижимыхъ имѣній Церкви повторены были въ XVI вѣкѣ принцами германскими, въ XVII—республикою Венеціанскою; а отобраніе этихъ имѣній, начатое протестантскими князьями въ XVI вѣкѣ, систематически и въ болѣе обширномъ объемѣ продолжалось и продолжается въ XVIII, XIX и XX вѣкахъ. На какихъ же основаніяхъ ведена была эта борьба за церковныя имѣнія?

Право *собственности*, по смыслу римскаго права, есть право безраздѣльнаго владѣнія извѣстнымъ предметомъ, на который никто другой права не имѣетъ; *собственникъ*, по этому праву, есть эгоистическій хозяинъ своей собственности. Если-бы римская Церковь оставалась вѣрною христіанскимъ началамъ любви и самоотверженія, то она не могла бы имѣть собственности,—имущества. И дѣйствительно, истинная Церковь Христова не признаетъ за собою полномочія владѣть имѣніемъ на правахъ римскаго собственника. Она прямо высказала, что для самой себя она не желаетъ имѣній; ее не интересуетъ богатство, какъ сокровище преходящее, и, если она пріобрѣтаетъ его, то преимущественно для того, чтобы употребить на пользу бѣдныхъ. Имущество Церкви не принадлежитъ холодному эгоизму немилосерднаго собственника; оно употребляется на дѣла любви и милосердія, оно *богатство бѣдныхъ*. Антиохійскій соборъ (341 г. пр. 25) такимъ образомъ опредѣляетъ назначеніе церковнаго имущества: „епископу имѣти власть надъ церковнымъ имуществомъ, да распоряжаетъ имъ со всякою осмотрительностію и страхомъ Божиимъ, на пользу всѣхъ *нуждающихся*: и самъ да взимаетъ изъ него должную часть, *аще имѣетъ нужду, на необходимыя свои потребности* и на потребности

страннопріемлемыя имъ братій". Св. Златоустъ говоритъ, что эгоизмъ и жестокосердіе мірянъ суть единственныя причины, по коимъ клиръ беретъ на себя заботу о мірскомъ, столь чуждую его назначенію.

Но дѣйствія западной Церкви не соотвѣтствовали этому христіанскому идеалу. Исторія свидѣтельствуетъ о ненасытной жадности клира къ пріобрѣтенію земныхъ благъ, а также и о томъ, что забота о бѣдныхъ отнюдь не была побужденіемъ для этой всепожирающей жадности. Средства, употребляемыя для возбужденія доброты мірянъ, и формы пріобрѣтеній мѣнялись сообразно съ временными и мѣстными условіями. Такъ, страхъ близкой кончины міра, дѣйствовавшій сильно въ X вѣкѣ, въ послѣдующіе вѣка замѣненъ былъ, хотя догматически вѣрнымъ, но нарочито изъ корысти возбуждаемымъ страхомъ мученій адскихъ; богатые вклады въ послѣдующее время замѣнены завѣщаніемъ въ Церковь только доходовъ или процентовъ съ извѣстной части имѣнія, --- *аннатами и легатами*. Во всѣ времена обѣщаніе молиться за умершихъ и своими преимущественными молитвами—доставить умершему блаженство райа и облегчить ему мученія чистилищнаго огня служило главнымъ средствомъ для приращенія церковныхъ имуществъ.

Какъ велики были успѣхи римской Церкви въ этомъ отношеніи, видно изъ слѣдующаго общаго перечня. До реформации Церковь въ Англій владѣла, на правахъ собственности, почти половиною территоріи. Въ Германіи государственные чины жаловались, можетъ быть съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, что скоро міряне едва ли будутъ владѣть третью и даже четвертью земли. Въ нѣкоторыхъ странахъ Италіи неравномѣрность распределенія земли между клиромъ и мірянами была еще больше, чѣмъ въ Германіи. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Франціи, при самомъ началѣ революціи, половина и даже три четверти пахотной земли принадлежали римской Церкви.

Отсюда становится понятнымъ, почему еще до реформациі многія государства пыгались посредствомъ узаконеній положить предѣль умноженію церковныхъ имѣній, приобретаемыхъ посредствомъ завѣщаній умирающими. Таковы узаконенія Венеціи и имперскихъ городовъ Аугсбурга и Ратисбонны. Правда, Церковь отвергла законъ Венеціи, изданный въ 1605 году, и объявила его недѣйствительнымъ, на томъ основаніи, что онъ стѣсняетъ и личную свободу вѣрующихъ, и свободу Церкви. Но республика настояла на своемъ; ея борець въ спорѣ съ папою Павломъ V — Павелъ Сарпи отстаивалъ основательность этого узаконенія. „Если представитъ Церкви, сказалъ онъ, неограниченную свободу въ приобрѣтеніи имѣній, то, несомнѣнно, она мало-по-малу приобрѣтетъ себѣ всѣ недвижимыя имѣнія, и тогда всѣ міряне сдѣлаются ея вассалами“. Выставленное имъ основаніе было скорѣе подтверждено, чѣмъ ослаблено страннымъ отвѣтомъ кардинала Беллярмина: „Церковь употребила двѣнадцать вѣковъ на приобрѣтеніе себѣ въ собственность четверти территоріи; слѣдовательно, потребуется еще столько же вѣковъ для приобрѣтенія другой четверти, но міръ не просуществуетъ такъ долго; по апостолу, — кончина его приближается“. Отвѣтъ Сарпи на это странное объясненіе кардинала былъ таковъ: „мнѣніе о безостановочномъ возрастаніи имѣній церковныхъ вѣрнѣе, чѣмъ близость конца міра, который положить ему предѣль“.

Сто жалобъ германской націи. формулированныя католическими государствами на Нюрнбергскомъ сѣздѣ въ 1523 г., бросаютъ яркій лучъ свѣта на практику римской Церкви XVI вѣка относительно приобрѣтенія собственности. „Клирики безъ всякой необходимости, только для увеличенія своихъ имѣній и доходовъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, скупаютъ имѣнія мірянъ, или посредствомъ всевозможныхъ уловокъ берутъ ихъ въ свое управленіе“ (Art. 60). „Всѣ средства спасенія, предлагаемыя Церковію римскою, могутъ быть куплены богатыми, но бѣднымъ въ нихъ совершенно

отказано“ (85). „Если монахи или священники узнаютъ, что человѣкъ, имѣющій деньги, или владѣлецъ недвижимаго имѣнія заболѣлъ и предвидитъ для себя опасность смерти, то они льстятъ ему, опутываютъ его и обольщаютъ, чтобъ склонить его сдѣлать завѣщаніе въ пользу Церкви (Art. 93)“.

Всеобщій переворотъ во взглядахъ на вещи, происшедшій въ XVI столѣтіи, обуздаль нѣсколько жадность клириковъ. Но достаточно нѣсколько познакомиться съ исторіею ордена іезуитовъ, чтобы видѣть, что страсть къ приобрѣтенію имуществъ не была и тогда достаточно ослаблена. Эти послѣдніе борцы за свободу Церкви, какъ понимали ее католики, т. е. за господство клира, ловко избѣгали публичнаго скандала, но втихомолку съ большимъ еще жаромъ загребали сокровища мірянъ, чтобы употреблять ихъ на осуществленіе своихъ властолюбивыхъ плановъ. Ихъ *обители*, правда, ничѣмъ не владѣли, но *коллеіумы*, въ которыхъ получалось даровое воспитаніе, владѣли большими богатствами,—и вотъ на сто коллеіумовъ едва можно насчитать семь монастырей. Каждый іезуитъ въ отдѣльности былъ нищій, а богатства учрежденій ордена были неисчетны. „Своею бѣдностью, говорилъ Сарпи, іезуиты приобрѣтаютъ довѣріе и уваженіе, своими богатствами—власть“. Они имѣли право наследовать своимъ родителямъ, но сами не имѣли права передавать наследство другимъ, и имѣнія ихъ поступали въ распоряженіе ордена. Это было нарушеніемъ правъ мірянъ. Юристы обязаны были охранять эти права, но ловкіе іезуиты умѣли увертываться отъ ихъ нападеній.

Богатства Церкви были ли по крайней мѣрѣ употребляемы сообразно съ тою цѣлью, во имя которой собирались? Церковь исполняла ли свое назначеніе—уменьшать эгоистическую жадность богатыхъ, уравнивать распределеніе земныхъ благъ, помогать бѣднымъ, распространять блага религіи и цивилизаціи? Справедливость требуетъ сказать, что она не оставляла безъ вниманія этого назначенія. Великолѣпные кафедральные храмы среднихъ вѣковъ, блескъ

общественнаго богослуженія, многочисленныя убѣжища для бѣдныхъ и больныхъ, множество школъ, улучшение земледѣлія, успѣхи наукъ, все это свидѣтельствовало о полезномъ употребленіи имущества церковныхъ. Но издержки на все это далеко не равнялись обилію источниковъ, и никто не можетъ отвергнуть того, что бѣольшая часть богатствъ церковныхъ служила на удовлетвореніе роскоши ея князей и прелатовъ. Когда являлась потребность помочь обществу, клиръ часто прятался за свои привилегіи и свою свободу отъ налоговъ, и всѣ издержки возлагалъ на плеча мірянъ.

Противъ жадности клира къ приобрѣтенію церковныхъ имущества возстали міряне; но ихъ противодѣйствіе, въ продолженіе среднихъ вѣковъ, являлось болышею частью въ грубой формѣ разбоя или насилія. Только къ концу этого періода они стали опираться на начала права. То, что прежде было простымъ отнятіемъ, стало называться терминомъ—*секуляризацией*. Самая секуляризація въ различныя времена утверждалась на различныхъ основаніяхъ. Секуляризація XVI вѣка утверждалась на началахъ религіозныхъ, въ XVIII и XIX вѣкахъ—на началахъ политической экономіи и народнаго права. Сначала міряне стремились къ тому, чтобы возвратить клириковъ къ ихъ нравственному назначенію отъ погрѣшностей и заблужденій, въ которыя вовлекла ихъ жажда земныхъ благъ. Впослѣдствіи задумали освободить экономическія силы народа отъ стѣсненія клерикальной системы. Наконецъ, такъ какъ клиръ утверждалъ свои права на владѣніе недвижимыми имѣніями необходимою воспитывать народъ и помогать бѣднымъ и несчастнымъ, то государство, противодѣйствуя клиру, взяло на себя заботу о воспитаніи и вспомошествованіи бѣднымъ и затѣмъ *подчинило своему надзору всѣ церковныя имѣнія*.

Необходимымъ слѣдствіемъ верховной власти Церкви надъ государствомъ была *свобода Церкви* (т. е. клира, и не лично только, но и его имѣній) *отъ налоговъ*. Свобода клира отъ налоговъ съ имѣній не вытекала изъ ученія Христова.

На этомъ основаніи въ XI вѣкѣ сами папы не находили оскорбленія для Церкви въ платежѣ налоговъ съ церковныхъ имѣній. Но въ XII вѣкѣ клиръ повсюду объявилъ свободу Церкви отъ налоговъ, какъ *право благодарованное*. Въ подтвержденіе этого права онъ ссылаясь на привиллегіи ветхозавѣтныхъ священниковъ, на священное преданіе Церкви, на назначеніе самыхъ имѣній, какъ наслѣдія бѣдныхъ. Онъ соглашался только на *добровольныя подаянія* Церкви въ пользу государства, когда она, по разсмотрѣніи своихъ нуждъ и доходовъ, найдетъ возможнымъ сдѣлать это подаяніе. Всякую подать, наложенную государствомъ на церковныя имущества, клиръ объявилъ похищеніемъ божественнаго достоинства, оскорбленіемъ достоинства Церкви. Такъ католическая Церковь (клиръ) смотрѣла на себя, какъ на ничто, существующее *внѣ и выше государства*.

Борьба между государствомъ, объявившимъ подлежащими налогу церковныя имущества, и Церковью, отказавшеюся платить его, продолжалась, какъ и споръ за право Церкви владѣть недвижимымъ имѣніемъ, во всѣ средніе вѣка. Сначала міряне не отвергали теоретически правъ Церкви, но на практикѣ не было возможности для ихъ осуществленія, и они часто нарушались. Не разъ государство, во время общественныхъ несчастій, *силою* принуждало клиръ къ денежнымъ вспомошествованіямъ. И всякій разъ съ высоты всѣхъ кафедръ раздавались вопли о безчестномъ разграбленіи Церкви и проклятія сыпались на грабителей. Несчастія Генриха II, короля англійскаго, и императора Фридриха Барбароссы были представлены священниками того времени наказаніемъ небеснымъ за то, что эти государи совершили святотатство, заставивъ Церковь заплатить подать на удовлетвореніе потребностей государственныхъ. Кліръ средневѣковой такъ твердо стоялъ за эту свободу отъ налоговъ, что когда папа Климентъ IV уполномочилъ французскаго короля Людовика IX взять съ доходовъ церковныхъ десятину на веденіе священной войны, французскіе клирики сдѣлали папѣ пре-

достереженіе и объявили, что гибель Іерусалима была наказаніемъ Божиимъ за рабство Церкви. Самъ папа упрекнулъ тогда клиръ въ гнусной скупости, которая не допустила его посвятить меньшую часть своего избытка на дѣло вѣры. Если клиръ часто не уступалъ королямъ, то часто принужденъ былъ уступать городскимъ совѣтамъ и ратушамъ. Въ тѣсномъ кругу городской жизни борьба партій была упорнѣе, чѣмъ на обширномъ поприщѣ жизни государственной. Здѣсь каждая партія прибѣгала къ самымъ сильнымъ, даже насильственнымъ средствамъ борьбы. Клеръ отлучалъ горожанъ отъ таинствъ и громилъ анаемой. Мѣщане выгоняли отъ себя священниковъ, которые отказывали имъ въ божественной службѣ, и даже лишали ихъ общественныхъ правъ. Вотъ одинъ законъ противъ нихъ городской ратуши: „никто не долженъ продавать имъ съѣстныхъ припасовъ, необходимыхъ для жизни, и никакого товара; всякое сношеніе съ ними запрещено гражданамъ“. Во многихъ германскихъ и итальянскихъ государствахъ перуны клерикальнаго отлученія не внушали уже ужаса. Граждане смѣялись надъ ними и привыкали къ мысли, что можно обойтись и безъ помощи духовенства. Клеръ долженъ былъ уступить и платить городскія подати.

Эти финансовыя споры открыли государству и развили въ немъ сознаніе своей силы надъ клиромъ. Время отъ времени короли французскіе явно начали простирать свои виды на церковныя имѣнія, чтобы ими восполнить недостатки своихъ финансовъ. Дошло до того, что ревностный католикъ, Филиппъ II испанскій, несмотря на свое глубокое уваженіе къ престолу святѣйшаго отца, запретилъ публиковать въ Испаніи буллу: *in coena Domini*, потому что въ ней свобода Церкви отъ налоговъ объявлена была правомъ божественнымъ, и принуждалъ по временамъ испанскій клиръ платить подати. Борьба эта, продолжавшаяся нѣсколько вѣковъ, кончилась тѣмъ, что католическая Церковь отказалась отъ ученія, будто она *по праву божественному свободна отъ на-*

любовь. А если она и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ нѣкоторыхъ странахъ пользуется еще этою свободою, то не какъ *правомъ*, а какъ *привиллеіею*.

Отказываясь платить государству какой бы то ни было налогъ, римская Церковь сама наложила на мірянъ налогъ очень значительный. Въ первыя времена христіанства, вѣрныя отдавали на удовлетвореніе потребностей Церкви и въ помощь бѣднымъ десятую часть своихъ доходовъ. Но это было добровольнымъ даромъ благочестія и любви. Въ средніе вѣка перемѣнился характеръ взноса *церковной десятины*. Клерикалы объявили церковную десятину налогомъ, *установленнымъ отъ Самаго Бога*, а Карль Великій—налогомъ *обязательнымъ* для всѣхъ его подданныхъ. Законъ церковной десятины вошелъ послѣ этого въ канонику западной Церкви. Законъ этотъ клиръ старался вывести изъ законодательства Моисеева и идеи о Богѣ, какъ Владыкѣ всего міра. Вслѣдствіе такого взгляда, отказъ во взносѣ церковной десятины объявляемъ былъ оскорбленіемъ величія Божія, и собственникамъ, отказавшимся платить ее, грозило отлученіе.

Ни одинъ средневѣковый налогъ не падалъ такъ тяжело на имѣніе мірянъ, какъ церковная десятина, и однако мелочность церковныхъ законовѣдовъ и жадность клира безъ усталы трудились надъ его расширеніемъ. Не даромъ современники упрекали клиръ своего времени въ томъ, что онъ съ большею ревностю увѣщаваетъ крестьянъ платить десятину, чѣмъ жить по христіански. Эта жадность дошла наконецъ до того, что императоръ Карль V, могущественный противникъ германской реформаціи, принужденъ былъ въ своихъ бельгійскихъ земляхъ противиться стремленіямъ клира, который хотѣлъ наложить десятину на всѣ произведенія страны, и долженъ былъ приказать свѣтскимъ судамъ ограждать мірянъ отъ налога на нихъ новыхъ церковныхъ десятинь.

Французская революція произвела рѣшительную перемену въ этомъ отношеніи. Освобожденіе земли отъ платежа церковной десятины быстро распространялось изъ страны въ

страну. Римская Церковь нигдѣ не могла остановить этого движенія и должна была отказаться *отъ своего минимъ-божественнаго права*. Въ настоящее время ея теорія ограничивается представленіемъ, что каждый вѣрный обязанъ удовлетворять нужды Церкви, и что эта обязанность наложена на него Богомъ. Впрочемъ, въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ она удерживаетъ еще свое могущество, какъ, на примѣръ, въ Австріи, по послѣднему конкордату она снова заставила признать обязательность церковной десятины. Но, по уваженію къ духу времени, это постановленіе конкордата остается безъ дѣйствія въ тѣхъ частяхъ Австріи, гдѣ десятина была уже уничтожена.

Кир. Тихомировъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ЗАМѢТКА.

Распоряженіе Екатеринбург. епископа.

Епископомъ екатеринбургскимъ Митрофаномъ сдѣланы въ февралѣ мѣсяцѣ слѣдующія распоряженія по епархіи: 1) „Предлагаю принять къ точному и неуклонному исполненію, чтобы на Божественной литургіи Символь вѣры, Достоинство и Молитва Господня, а—по времени—и Заповѣди Евангельскихъ блаженствъ исполнялись общенароднымъ пѣніемъ всѣхъ богомольцевъ. О послѣдующемъ благочинные донесуть мнѣ въ полугодичныхъ рапортахъ“. 2) „Предлагаю собрать свѣдѣнія о всѣхъ православныхъ войнахъ приходовъ, на браня за Вѣру, Царя и Отечества животь свой положившихъ въ минувшую русско-японскую войну, и имена ихъ записать на особую доску, каковую помѣстить на стѣнѣ въ приличномъ мѣстѣ храма съ обязательнымъ поминовеніемъ на литуріи и панихидѣ въ Дмитріевскую субботу и 29 августа“.

(Совр. лѣт.).

При этомъ № разсылается бесплатное приложеніе выпускъ II.
А. Л. Веделя.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 22-го іюня 1911 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Авн. Общ. печат. и ~~друк.~~ П. Т. Корсаков-Новицкаго Мерниковская ул.

ГОДЪ

III.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб.; съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 27.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года іюля 3-го дня.

Содержаніе: I. Главная задача будущаго Всероссийскаго Церковнаго Собора. Свят. В. Бажановъ—II. Книга, посвященная рѣшенію двухъ важнѣйшихъ вопросовъ въ начальной исторіи богослуженія русской Церкви. (Окончаніе). Н. Пальмовъ.—III. Средневѣковая борьба въ Западной Европѣ между римской Церковію и государствомъ за взаимныя отношенія. (Продолженіе). Кир. Тихомировъ.

Главная задача будущаго Всероссийскаго Церковнаго Собора.

Присматриваясь къ современной русской печати по религіозно-церковнымъ вопросамъ, мы легко можемъ замѣтить, что она всецѣло посвятила себя изслѣдованію и исчисленію недочетовъ господствующей Православной Церкви и нестройной въ средѣ ея служителей. Этимъ недочетамъ и нестройностямъ придается большое значеніе въ особенности тогда, когда отторгнувшаяся отъ Церкви часть русскаго общества старается оправдать свое религіозное равнодушіе и отчужденіе. Съ такою цѣлію ею преднамѣренно смѣшиваются вопросы и

явленія церковно-религіозной жизни, дѣйствительно заслуживающіе отмѣны и искорененія, съ требованіями такъ называемой *церковной дисциплины*, обязательными для всякаго христіанина. Современный вѣкъ, воплощающій въ себѣ начала свободы и церковнаго либерализма, не мирится съ тѣми правилами жизни, которыя диктуются ему церковнымъ уставомъ. Всякое принужденіе и настойчивое запрещеніе пастыря, добросовѣстно исполняющаго свой долгъ даже въ области церковнаго воспитанія дѣтей, разсматриваются, какъ насиліе надъ совѣстію и религіознымъ сознаніемъ человѣка. Многіе говорятъ, что требованіями церковной дисциплины будто-бы уничтожается стремленіе новѣйшихъ богоискателей найти религіозный смыслъ жизни. Правда, на вопросъ, въ чемъ заключаются условія, препятствующія людямъ быть вѣрующими и религіозными, отвѣчаютъ различно. Эта неустойчивость въ мнѣніяхъ главнымъ образомъ зависитъ отъ того, что религіозно-церковные вопросы многими разбираются субъективно, согласно своимъ убѣжденіямъ, вкусамъ и наклонностямъ, безъ всякой связи съ цѣлымъ христіанскимъ вѣроученіемъ, безъ пониманія самаго характера церковности. Взглядъ на Церковь, какъ на коллективное начало, взглядъ, свойственный первымъ вѣкамъ христіанства, почти не существуетъ въ нашемъ обществѣ, стремящемся воплотить въ своей жизни научные и социальныя принципы послѣдней. Такимъ образомъ, вопросъ о поднятій религіозности въ русскомъ обществѣ, съ одной стороны, и объ устроеніи жизни согласно съ указааніями и требованіями церковной дисциплины, съ другой, — остается открытымъ даже „до сего дне“.

Важное всеопредѣляющее значеніе, которое для личной религіозной жизни имѣетъ церковная коллективная жизнь, дѣлаетъ въ чрезвычайной степени интереснымъ и настоятельнымъ вопросъ о церковномъ строѣ. Послѣдній, какъ увидимъ ниже, имѣетъ своей главной задачей то, чтобы каждая христіанская личность могла быть дѣйствительнымъ членомъ Тѣла Христова, т. е. Церкви (ср. 1 Кор. 12, 27; Колос.

1, 24). О выполнении этого условия религиозной жизни мы весьма мало заботимся. Между тѣмъ, соблюденіе этого условия, которымъ обезпечивается нормальность и жизненность церковнаго строя, для членовъ Церкви несравненно болѣе обязательно, нежели сохраненіе правильнаго политико-соціального строя для гражданъ мірскаго государства. Такимъ церковнымъ міровоззрѣніемъ нисколько не уничтожается личная свобода христіанина. Всякій воленъ войти въ церковь и выйти изъ нея, служить Господу и сдѣлать обратный выборъ. Но если мы желаемъ быть истиннымъ храмомъ Божиимъ (ср. 1 Кор. 3, 16 и 6, 19), то обязательно должны имѣть между собой такія отношенія и такой церковно-общественный строй, какой указанъ намъ Основателемъ Церкви—Иисусомъ Христомъ.

Итакъ, для того, чтобы были устранены недоразумѣнія и нестроенія религиозно-церковной жизни, необходимо придти къ такому соглашенію, которое должно имѣть прочное основаніе на твердомъ и непоколебимомъ камнѣ вѣры.—на Словѣ Божіемъ. Оно открываетъ намъ, что общественно-церковный элементъ и совмѣстная религиозная жизнь—самое необходимое условіе въ христіанствѣ. А потому весь строй религиозно-церковной жизни критически можетъ быть разсматриваемъ только съ точки зрѣнія древне-апостольскаго идеала и ни въ какомъ случаѣ не долженъ подлежать искаженію со стороны современныхъ реформаторовъ съ непостояннымъ и субъективнымъ міропониманіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно представить, чтобы человѣкъ находился въ дѣйствительномъ богообщеніи, если онъ отрицаетъ обязательное коллективное значеніе Церкви и высококомѣрно не признаетъ самой ея разумности и богоустановленности. Точно также преступный произволь заключался-бы въ выборѣ человѣкомъ какихъ-либо отдѣльныхъ сторонъ церковности и отверженіи другихъ. Напр., если кто-либо скажетъ: „мнѣ жить въ Церкви необходимо, потому что она меня пріобщаетъ къ св. таинствамъ, но управленіе ея мнѣ не нужно и, во всякомъ случаѣ, необязательно“,—

то это означало-бы, что у разсуждающаго такимъ образомъ совершенно нѣтъ понятія о Церкви, какъ живомъ Христовомъ Тѣлѣ. Или:—„управленіе церковное нужно, но, чтобы оно согласовалось съ нашимъ міропониманіемъ и настроеніемъ, мы сами можемъ придумать новыя его формы, лучшія, нежели созданныя древне-христіанскою Церковью“;—такъ получается разрывъ съ Соборно-Апостольскою Церковію и выходъ изъ нѣдръ ея.

Невозможное для человѣка—возможно только для Бога. II Святая Церковь, во многомъ являющая собою построеніе, проникнутое элементомъ чудотворнаго, таинственнаго,—есть дѣло рукъ Божіихъ. Возможно-ли грѣшнымъ и немощнымъ людямъ приступить къ переоцѣнкѣ и переустройству дѣла, созданнаго и хранимаго Духомъ Святымъ? Да и есть-ли необходимость въ этой дерзкой и разрушительной работѣ? Конечно, въ этомъ не можетъ быть никакой необходимости. Всякій христіанинъ, на какой-бы стадіи своего духовнаго развитія ни находился, въ вѣчно и непоколебимо—созданныхъ основахъ церковно-христіанскаго строя во всякое время находитъ все, что нужно для его духовныхъ запросовъ и для его вѣчнаго спасенія. Съ другой стороны, на какой-бы степени паденія и нравственнаго ничтожества онъ ни стоялъ, своей принадлежностью къ Церкви и активнымъ участіемъ въ церковно-общественной жизни можетъ принести не малую пользу себѣ и другимъ. Въ томъ и состоитъ смыслъ церковной организаціи, что она создана для поддержанія единства людей, которое, по законамъ духовной жизни, не лишая ихъ самостоятельности и свободнаго самоопредѣленія, подчиняетъ въ тоже время ихъ волю требованіямъ Божественной дисциплины.

Всемогущая Воля Божія, разъ навсегда установившая вѣчныя начала церковно-общественнаго строя, начала, не противорѣчающія по существу законамъ общественной психологіи, опредѣлила, чтобы въ Церкви была священная іерархія, какъ необходимая руководительница въ дѣлѣ коллективнаго спасенія. Значеніе послѣдней въ дѣлѣ духовнаго усо-

вершенствованія разумныхъ овецъ Христова стада вовсе не имѣеть юридическаго и правового характера. Цѣль ея, съ внѣшней стороны, заключается въ томъ, чтобы регулировать отношенія міра, т. е. общества и государства къ Церкви. Такъ наз. „церковное право“, съ этой стороны, есть условная формулировка того, что государство обязуется не препятствовать Церкви выполнять свое назначеніе, и что, въ свою очередь, члены Церкви обязуются исполнять въ отношеніи государства, могущаго, въ противномъ случаѣ, тормозить церковную жизнедѣятельность.

Съ внутренней же своей стороны, взаимоотношенія іерархіи и всѣхъ членовъ церковнаго организма должны быть естественными и непринужденными, какъ въ первохристіанскомъ обществѣ, у котораго была одна душа и одно сердце. Единство въ религіозномъ міровоззрѣніи и церковномъ строительствѣ—главная задача, къ которой вѣчно стремится Церковь Христова. Самъ Господь—Сердцевѣдецъ и Основатель Своей Церкви въ самомъ началѣ опредѣлили, что она учреждается Имъ не для святыхъ только пророковъ и апостоловъ, а для всего общества вѣрующихъ. Въ Первосвященнической молитвѣ Своей Иисусъ Христосъ съ особенною силою и настоятельностью просить Отца Небеснаго приобщить къ жизни вѣчной всѣхъ тѣхъ, которыхъ Онъ далъ Ему, чтобы Воля Божія совершилась и въ Немъ Самомъ, и во всемъ человѣчествѣ. „Да будутъ вси едино: якоже Ты, Отче, во Мнѣ и Азь въ Тебѣ, да и тии въ насъ едино будутъ“... (Іоан. 17, 21). Приобщить къ собственной жизни всѣ разумныя существа, созданныя по образу Божію, прославиться въ нихъ, открывая имъ Себя въ ореолѣ истины, и царствовать въ нихъ духомъ безграничной любви—вотъ великое предназначеніе Божіе.

И молитва Господа не осталась безплодной. То святое единеніе и братство, которое мы видимъ въ первоапостольской христіанской общинѣ, служитъ идеаломъ, къ которому донинѣ стремится весь христіанскій міръ. Исполненіе запо-

вѣди Иисуса Христа о совмѣстномъ—общественномъ совершеніи спасенія составляло главную задачу, къ которой направлялась вся дѣятельность продолжателей дѣла Спасителя—апостоловъ, пророковъ, учителей и св. мужей апостольскихъ, хотя препятствій къ осуществленію этой задачи было много и въ апостольское время. Зablужденія человѣческія, пороки и религіозныя преступленія, даже активное противодѣйствіе языческаго правительства,—все это представляло достаточно поводовъ для увѣщаній, настойчивыхъ внушеній и запрещеній со стороны пастырей первенствующей Церкви. Но эта первоначальная пастырская дѣятельность никогда не упустила изъ виду главную церковную задачу: единство Церкви и слитность ея членовъ въ дѣлѣ духовнаго строительства. Доказательствомъ тому служатъ всѣ посланія апостольскія: въ нихъ церковно-христіанская жизнь не мыслится внѣ коллективнаго существованія.

По ученію св. апостоловъ, жизнь христіанина содержаніемъ своимъ должна имѣть созиданіе Тѣла Христова, т. е. Церкви. Христіанское общество—это храмина, въ которой обитаетъ Христосъ, а люди суть отдѣльные камни, служащіе къ созиданію сей храмины или башни. „И сами, какъ живые камни, устрояйте изъ себя домъ духовный, священство святое, чтобы приносить духовныя жертвы, благопріятныя Богу Иисусомъ Христомъ“,—говоритъ ап. Петръ (1 посл. 2, 5). Въ извѣстной книгѣ Ерма—„Пастырь“ (II в. по Р. X.)—св. Церковь уподобляется башнѣ, которая строится ангелами изъ камней, т. е. людей, добываемыхъ въ водахъ крещенія; камни такъ плотно и гладко пригнаны, что башня кажется какъ-бы слитой изъ одного камня. Въ историческомъ памятникѣ того-же вѣка, подъ названіемъ: „Ученіе 12 Апостоловъ“,—въ древней евхаристической молитвѣ находится слѣдующая мысль: „какъ сей преломляемый хлѣбъ былъ разсыянъ по холмамъ и долинамъ и, собранный вмѣстѣ, сталъ единымъ, такъ и Церковь Твоя, Христе, отъ краевъ земли да соберется въ Царство Твое“ (гл. 9—10). Ближайшій ученикъ

апостоловъ св. Игнатій Богоносець больше всего заботится о единеніи чадь церкви, и эта мысль господствуетъ во всѣхъ его посланіяхъ. „Всѣ вы составляете изъ себя какъ бы одинъ храмъ Божій, какъ-бы одинъ жертвенникъ, какъ-бы одного Иисуса Христа; никто да не обольщаетъ себя: кто не внутри жертвенника, тотъ лишаетъ себя хлѣба Божія. Не думайте, чтобы вышло что-либо похвальное, если будете это дѣлать сами по себѣ, но въ общемъ собраніи да будетъ у васъ одна молитва, одно прошеніе, одинъ умъ, одна надежда въ любви и радости непорочной“ (посл. Магnezійцамъ гл. 7). „Вмѣстѣ подвизайтесь, вмѣстѣ совершайте путь спасенія, вмѣстѣ терпите, вмѣстѣ успокоивайтесь, вмѣстѣ вставайте, какъ Божіи домостроители, домочадцы и слуги“ (его-же къ Поликарпу еп. Смирн. гл. 6).

Таково было ученіе древней Церкви. Мысли, воспроизведенныя нами изъ древне-христіанскихъ источниковъ, можно встрѣтить и въ нашемъ Православномъ Катихизисѣ,—услышать и съ церковной кафедрѣ. Но, несмотря на ясность этого вѣкового призыва, современная жизнь весьма мало съ нимъ сообразуется: она такъ далеко ушла отъ своего первоначальнаго идеала, что въ наши дни многимъ голосъ Апостольской Церкви кажется непонятнымъ и, во всякомъ случаѣ, неосуществимымъ на практикѣ. Что-же представляетъ собою современная дѣйствительность?

Мы не будемъ говорить о такъ наз. научныхъ принципахъ, которые, будучи достояніемъ немногихъ, не могутъ составлять необходимой принадлежности человѣческой жизни. Мы имѣемъ въ виду остановиться на принципахъ „борьбы мнѣній“, безъ которыхъ, по ученію горделиваго и самообольщеннаго ума человѣческаго, невозможна разумная мысль: послѣдняя, вѣ искусственно созданныхъ условій, будто-бы застываетъ, омертвѣваетъ; безъ ожесточенныхъ преній истина не можетъ быть найдена; безъ партій и политическихъ союзовъ общественный и государственный порядокъ будто-бы не можетъ быть обезпеченъ. Такъ разномысліе, разнообразіе во

взглядахъ и сужденіяхъ полагаются въ основаніе общественнаго и народнаго блага и преуспѣянія, а не любовь и единодушіе. Насколько глубоко отмѣченное заблужденіе современности, и какое зло оно приноситъ людямъ и обществу въ цѣломъ,—это невозможно и исчислить. Истина словъ Спасителя и Апостоловъ (Матѳ. 18, 7; 2 Петр. 3, 3; Іуд. 18, 19) сбывается въ жизни съ ужасающей силою; въ ней убѣждаютъ насъ и историческіе опыты прошлаго. Величайшій вредъ принципа разъединенія открывается въ самой картинѣ исторической жизни Церкви. Вслѣдствіе разномыслія отторглась великая часть единой христіанской Вселенской Церкви, уступивъ мѣсто царству разума, получившаго кровавыми завоеваніями языческую свободу мысли со всѣми ея послѣдствіями. Разномысліемъ разрушаются послѣдовательно всѣ основы жизни общественной и государственной,—быть семейный и христіанскія начала образованія и воспитанія. Та же причина вызвала сомнѣнія, колебанія и, наконецъ, полное охлажденіе и равнодушіе къ вопросамъ вѣры и церкви, разрушила всѣ историческія—народныя преданія и поставила общественную и государственную жизнь въ такія условія, при которыхъ,—если непомощь Божія,—еѣ ждетъ одинъ удѣлъ—запустѣніе (Лук. 11, 17; 13, 3) и гибель.

Въ частности, русская жизнь такъ далеко разошлась со своимъ перво-христіанскимъ идеаломъ, что возвращеніе ея къ послѣднему безъ общихъ и единодушныхъ усилій ни въ какомъ случаѣ немислимо. Она состоитъ изъ такихъ разнородныхъ, взаимно исключающихъ другъ друга, элементовъ, что для того, чтобы голосу Церкви быть услышаннымъ отъ высшихъ до низшихъ ступеней ея, необходимо пѣлое всенародное движеніе къ церковной кааедрѣ, къ представителямъ и проповѣдникамъ „глаголовъ живота вѣчнаго“. Сложностью состава русской жизни предъявляются къ послѣднимъ такія трудныя задачи и требованія, что разрѣшеніе ихъ для нашего времени кажется невозможнымъ. Чтобы яснѣе представить себѣ тотъ разнородный матеріалъ, съ которымъ прихо-

дится имѣть дѣло современнымъ служителямъ Церкви Христовой, приведемъ выдержку изъ доклада, подвергавшагося обсужденію на одномъ религіозно-философскомъ собраніи, бывшемъ въ СИБ—гѣ въ 1902 году.

„Внутреннее положеніе Россіи въ настоящее время представляется сложнымъ и, повидимому, безысходнымъ. Всѣ чувствуютъ это. Полная неразрѣшимыхъ противорѣчій какъ въ просвѣщеніи, такъ и въ государственномъ своемъ устройствѣ, она заставляетъ крѣпко задумываться надъ своей судьбою. Главная изъ этихъ противорѣчій такіа: Верховная власть, религіозная по своему происхожденію и помазанію, носительница величайшихъ вѣроисповѣдныхъ упованій, дѣйствующая чрезъ бюрократію, этихъ упованій не вмѣщающую, къ благу управляемыхъ равнодушную, чуждую чувства отвѣтственности за свои дѣла; народъ, живущій только по религіозному идеалу Церкви; земство, представляющее и истолковывающее его волю въ духѣ противо-церковнаго, западно-европейскаго, общественнаго идеала; сословія старой Россіи, корнями своими отчасти связанныя съ историческими ея преданіями,—и новые вліятельные классы, возникшіе недавно около большихъ промышленныхъ и финансовыхъ предпріятій, исторической Россіи совершенно чуждые; наконецъ,—священство Церкви, и представители свѣтской мысли и высшаго образованія“.

Говоря дальше о глубокой разъединенности всѣхъ этихъ элементовъ и о томъ, что Россіи по этой причинѣ приходится считаться съ фактомъ духовнаго упадка и экономическаго разоренія народа, докладчикъ дѣлаетъ такое рѣшительное заключеніе, что возрожденіе нашего отечества возможно только на религіозной почвѣ, что „сила Россіи въ Православіи“. Но гдѣ дѣятели и проповѣдники этого возрожденія? Россія уже давно перестала быть обособленной страной. Движенія Запада владѣютъ русскими умами съ такою-же силою, какъ у себя на родинѣ. Русскіе сердцеѣды—искатели высшаго смысла—волнуютъ и Западъ. Слѣдуетъ считать уже вполне совершившимся фактомъ, что дѣйственно проповѣ-

довать въ Россіи—значить проповѣдовать на весь міръ. Готовы-ли для такой отвѣтственной задачи учащія силы Церкви русской, есть-ли въ нихъ широта религіознаго замысла,—вѣры, разверзающей небеса и низводящей Святаго Духа?¹⁾

Вотъ серьезные вопросы, съ которыми выступаютъ на арену общественной дѣятельности люди, главнымъ убѣжденіемъ своей жизни поставляющіе вѣру въ то, что „внѣ Церкви нѣтъ спасенія“. И дѣятели Церкви Христовой глубоко понимаютъ трудность предлагаемой имъ на разрѣшеніе задачи, осложняемой еще разнообразіемъ тѣхъ элементовъ, предъ которыми имъ приходится выступать. Церковь призвана быть наставницею всякаго человѣка, кто-бы онъ ни былъ, потому что его безсмертная душа одинаково дорога Создателю. Соответственно разнообразію наставляемыхъ должно быть и разнообразіе средствъ въ ея распоряженіи. Самая разнородность культурныхъ условій, въ которыхъ теперь воспитываются люди, имѣющая вліяніе на ихъ умственное и нравственное развитіе, побуждаетъ церковныхъ дѣятелей къ большой осмотрительности и примѣненію церковно-пастырскаго такта. Такъ, въ области религіозной, вѣро и нраво-ученія, или въ области собственно церковной, современное общество интересуютъ разныя стороны. Тонкій умъ образованнаго человѣка, склонный къ философскимъ построеніямъ, сосредоточивается на метафизической сторонѣ религіи; это путь, который привелъ ко многимъ ересямъ, осужденнымъ еще древне-вселенской церковію. Практическій умъ современниковъ осмысливаетъ свои отношенія къ Богу и Церкви съ точки зрѣнія матеріальной, отвергая мистическую сторону вопроса и весьма часто не думая о будущей загробной жизни, и т. п.

Характерная особенность русскаго ума и русскаго самосознанія заключается въ томъ, что они возвращаются преиму-

¹⁾ „Записки религіозно-философскихъ собраній въ СПБ. (1902—1903 гг.)“ 1906, 5 стр. „Изъ доклада В. А. Тернавцева“.

щественно въ области нравственныхъ вопросовъ. Потому такъ много на Руси людей, охотно берушихъ на себя миссію поучать общество съ точки зрѣнія нравственнаго идеала. Мы не будемъ говорить о тѣхъ крайностяхъ, къ которымъ приводитъ нашихъ моралистовъ односторонне понятый нравственный идеалъ. Достаточно замѣтить, что, выдѣляясь изъ своей среды отрицательнымъ отношеніемъ ко всему, что несогласно съ ихъ идеаломъ, они часто являются не сотрудниками истинныхъ проповѣдниковъ ученія Христова, не созидателями Церкви, а ея разорителями и врагами. Нѣтъ возможности въ краткомъ словѣ не только разобрать и обсудить, но и перечислить всѣ возраженія, софизмы и полуистины, направляемые противъ Церкви, церковнаго строя, и распространяемые путемъ печати и устно свободными мыслителями въ нашемъ русскомъ обществѣ и народѣ. Странно было-бы вести рѣчь о какихъ либо новыхъ задачахъ, несвойственныхъ самой природѣ Церкви, назначеніе и задачи которой ясно и точно опредѣлены ея Божественнымъ Основателемъ.

Если отмѣченныя трудности въ современной пастырской миссіи имѣютъ такое важное значеніе, если въ то же время самая дѣйствительность жизни русскаго общества громко говорить о необходимости найти средство для уврачеванія его духовныхъ ранъ и болѣзней, то на очереди во всей силѣ является вопросъ: итакъ, что-же должно дѣлать, куда идти, и гдѣ спасеніе раздираемому своими духовными страстями, а по той-же причинѣ—и тѣлесными немощами, современному человѣку? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ, и наша задача—его точно аргументировать не на основаніи личныхъ соображеній, а на основаніи практики древне-христіанской церкви и практики, имѣвшей мѣсто въ исторіи нашего отечества—до его Петербургскаго періода.

Свящ. В. Бажановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Книга, посвященная рѣшенію двухъ важнѣйшихъ вопросовъ въ начальной исторіи Богослуженія Русской Церкви.

(Окончаніе ¹⁾).

Вторая часть изслѣдованія прот. М. Лисицына посвящена доказательству того положенія, что преп. Ѳеодосій пещерскій принялъ въ свой монастырь ктиторской уставъ патр. Константинопольскаго Алексія, составленный патриархомъ для монастыря съ храмомъ Успенія Пресв. Богородицы, а также выясненію вопроса, что такое представлялъ изъ себя въ своемъ содержаніи этотъ уставъ патр. Алексія.

Въ составъ второй части изслѣдованія прот. Лисицына входятъ четыре главы.

Глава первая трактуетъ вообще объ уставѣ патр. Константинопольскаго Алексія въ богослужебной практикѣ Русской Церкви (с. 163—209). Здѣсь, прежде всего, разсматриваются сказаніе лѣтописи и житіе преп. Ѳеодосія о появленіи у насъ перваго монастырскаго Типикона и дѣлается критическій обзоръ мнѣній ученыхъ: прот. Горскаго, Невоструева, архіен. Сергія, проф. Мансветова, митр. Макарія, Одинцова, проф. Голубинскаго и проф. Субботина по поводу этихъ сказаній объ уставѣ Кіево-Печерскаго монастыря. Мнѣнія перечисленныхъ ученыхъ прот. Лисицынъ подводитъ къ тѣмъ категоріямъ: 1) м. Макарій утверждалъ, что устава, введеннаго преп. Ѳеодосіемъ въ Кіево-Печерскій монастырь, мы не имѣемъ,—уставъ до насъ не дошелъ, а поэтому и говорить о немъ мы ничего не можемъ. 2) Голубинскій, Горскій, Невоструевъ и Субботинъ называютъ уставъ, принятый преп. Ѳеодосіемъ, Студійскимъ, при чемъ Одинцовъ повторяетъ мысль м. Макарія о томъ, что подлиннаго устава, принятаго

¹⁾ См. № 26 за 1911 г.

преп. Феодосіемъ, мы не имѣемъ. 3) Мансветовъ считаетъ славянскій уставъ, сохраняющійся нынѣ въ Моск. Синод. библиотекѣ подъ № 330 (380), за принятый преп. Феодосіемъ въ его монастырѣ, но не рѣшается назвать этотъ уставъ ктиторскимъ уставомъ патр. Алексія, хотя и намекаетъ на переработки въ немъ, произведенныя примѣнительно къ практикѣ и нуждамъ монастыря патр. Алексія; по Мансветову, этотъ славянскій Типиконъ (№ 330—380) оказывается тоже Студійскимъ (с. 171).

Противъ мысли м. Макарія, что мы не знаемъ о подлинномъ уставѣ преп. Феодосія, прот. Лисицынъ выставляетъ сходство порядковъ въ Кіево-Печерской обители (во времена преп. Феодосія) съ тѣми порядками, какіе изображены въ славянскомъ уставѣ патр. Алексія (постриженіе въ малую и въ великую схиму, правила относительно пищи, общежительные порядки, сходство въ надписаніяхъ Алексѣевского устава и того, о которомъ идетъ рѣчь въ лѣтописи). Все это говоритъ за то, что преп. Феодосій принялъ *Алексѣевскій уставъ*, и мы можемъ знать этотъ уставъ по славянскимъ памятникамъ. Говоритъ за это и сходство богослужебной части Алексѣевского устава съ древнѣйшими минеями, стихирарями и прочими богослужебными книгами въ расположеніи стихирь и другихъ пѣснопѣній, да даже и въ составѣ уцѣлѣвшихъ службъ (служба „просвѣщенію“ 5 янв., служба срѣтенію 2 февр., службы 23 апр., 20 іюля, 14 и 15 авг., 31 авг., 1 сент., 8 сент., 14 сент., 23 окт., 17 дек.). Конечно, такое сходство можетъ быть объяснено только тѣмъ, что въ Кіево-Печерской обители дѣйствовали Алексѣевскій уставъ и что этотъ же уставъ, введенный затѣмъ въ прочихъ русскихъ монастыряхъ получилъ значеніе регулятора богослужебныхъ порядковъ въ этихъ монастыряхъ, оказавъ воздѣйствіе и на составъ, и содержаніе древнѣйшихъ славяно-русскихъ богослужебныхъ книгъ. Случай несходства между Алексѣевскимъ уставомъ и пѣснопѣніями въ минеяхъ очень рѣдки и могутъ быть объяснены такъ или иначе, но, во всякомъ случаѣ, безъ

посягательства на вѣрность общаго и главнаго положенія о *сходствѣ* Алексѣевского устава съ древнѣйшими нашими богослужебными книгами въ составѣ и содержаніи службъ (с. 175—198).

Почему же, однако, и въ лѣтописи, и въ житіи преп. Θεодосія принятый преп. Θεодосіемъ уставъ называется *Студійскимъ*, а не Алексѣевскимъ?—Прот. Лисицынъ объясняетъ это (и весьма правдоподобно!) тѣмъ, что лѣтописецъ, также какъ и составитель житія преп. Θεодосія, не были учеными литургистами, которые въ наше время дѣляютъ уставы на группы и даютъ имъ точную характеристику. Для лѣтописца, говоритъ прот. Лисицынъ, „достаточно было знать, что преп. Θεодосій посылалъ за уставомъ въ Студійскій монастырь, что въ привезенномъ изъ Константинополя уставѣ были Студійскіе обычаи“, (этого было довольно), „чтобы назвать этотъ уставъ именемъ Студійскаго“, хотя, на самомъ дѣлѣ, это былъ уставъ ктиторской Алексѣевскій, а не чисто Студійскій (с. 198).

Алексѣевскій уставъ въ греческомъ подлинникѣ неизвѣстенъ наукѣ. Славянскихъ же редакцій этого устава сохранилось восемь. Обзорѣнію ихъ прот. Лисицынъ и посвящаетъ конецъ первой главы второй части своего изслѣдованія (с. 198—208).

Въ каждомъ, такъ называемомъ, ктиторскомъ уставѣ можно усматривать три главныхъ элемента. Именно: а) общепринятый порядокъ богослуженія, б) мѣстные особенности, сообщающія каждому ктиторскому уставу мѣстный колоритъ, и в) заимствованія, сдѣланныя изъ другихъ Типиконовъ. И въ Алексѣевскомъ ктиторскомъ Типиконѣ нашли себѣ мѣсто: порядки Великой Константинопольской Церкви, Студійскіе обычаи, обычаи другихъ монастырей (какъ напр., Евергетидскаго), и ясно заявилъ о себѣ мѣстный элементъ, прямо говорящій за то, что Алексѣевскій уставъ—ктиторской и отнюдь не можетъ принадлежать Студійскому монастырю.

Какія заимствованія изъ Типикона Великой Церкви слѣдуетъ отмѣтить въ Алексѣевскомъ уставѣ? отвѣтомъ на этотъ вопросъ въ изслѣдованіи прот. Лисицына является вторая глава: „Отношеніе Алексѣевскаго устава къ уставу Великой Церкви“ (с. 209—235). Здѣсь тотъ и другой уставы сопоставляются въ отношеніи сходства обрядовъ и отдѣльныхъ чинопослѣдованій. Пѣніе тропарей, какъ и вообще манера пѣнія (с. 209—212), совершеніе литургіи преждеосвященныхъ Даровъ во весь Великій постъ (кромя субботы, воскресеній и Великаго четверга), а также въ среду и въ пятницу сырной седмицы (с. 212—214), „помовеніе“ Церкви въ Велик. пятокъ“ (с. 214—215), обычаи на службахъ страстной и пасхальной седмиць, какъ: пѣніе великаго славословія съ выходомъ и чтеніями послѣ него на утрняхъ Вел. субботы и пасхальной, совершеніе литургіи въ день св. Пасхи внутри алтаря (с. 215—217), обряды поклоненія св. Кресту и празднованіе Воздвиженія Креста Господня (с. 218), совершеніе діакономъ проскомидіи (с. 218—219), праздники и памяти часто *общіе* въ Типиконахъ Алексѣевскомъ и Великой Церкви (с. 219—220),—все это, находящее себѣ мѣсто въ обоихъ Типиконахъ, съ ясностью показываетъ, что Алексѣевскій Типиконъ былъ составленъ, въ богослужебной части, подъ сильнымъ вліяніемъ Типикона Великой Церкви. То же самое вліяніе Типикона Великой Церкви на Алексѣевскій Типиконъ обнаруживается изъ присутствія въ Алексѣевскомъ Типиконѣ такихъ чинопослѣдованій, которыя несомнѣнно составляли принадлежность устава Великой Церкви. Сюда относятся, прежде всего, часы Великаго вторника и чинъ пѣнія 12 тропарей на 3 часѣ этого дня. „Пѣсенный“ характеръ чина Вел. вторника съ убѣдительною говоритъ объ его происхожденіи изъ практики Великой Церкви (с. 220—221). Далѣе, ихъ устава Великой Церкви въ Алексѣевскій уставъ взяты чинъ омовенія ногъ въ Вел. четвертокъ *предъ* литургіей (с. 221—226), какъ изъ того же устава Великой Церкви взяты въ Алексѣевскій уставъ: чинъ вечерни въ Пя-

тидесятиницу (с. 226—232), чинъ вечерни наканунѣ Рождества Христова и Богоявленія, *еще есть постъ* (с. 232—233), „долѣ сѣданіе“, „горѣ сѣданіе“ (с. 233—235), и др.

Много труда употребилъ прот. Лисицынъ, отыскивая черты сходства между двумя Типиконами и тщательнымъ образомъ сличая древніе тексты! Но вотъ, покончивъ дѣло съ Типикономъ Великой Церкви, изслѣдователь приступаетъ къ сопоставленію Алексѣевского устава съ уставомъ Студійскимъ. Это — особенно важная часть въ ученой работѣ прот. Лисицына, такъ какъ многіе изслѣдователи считаютъ Алексѣевскій уставъ, въ сущности, за Студійскій уставъ. Во второй главѣ („Отношеніе Алексѣевского устава къ Студійскому“, с. 235—280) прот. Лисицынъ доказываетъ, что, при сходствѣ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, Алексѣевскій уставъ далеко не слѣдуетъ всѣмъ обычаямъ Студійскаго монастыря (какъ могутъ думать нѣкоторые), и что авторъ устава измѣняетъ Студійскіе обычаи примѣнительно къ своимъ взглядамъ и къ условіямъ жизни своего монастыря, а нерѣдко даже прямо отрицаетъ Студійскую практику и узаконяетъ другіе порядки. Для доказательства высказываемыхъ положеній прот. Лисицынъ предпринялъ кропотливѣйшій трудъ сопоставленія самыхъ мелкихъ деталей въ богослужебныхъ и общежительныхъ порядкахъ Алексѣевской и Студійской обители и документально подтвердилъ справедливость своихъ положеній. Мы не будемъ слѣдить за деталями сопоставленій, какія дѣлаетъ нашъ изслѣдователь въ области всѣхъ отдѣловъ Студійскаго и Алексѣевскаго уставовъ, — это весьма удлиннило бы нашу рѣчь¹⁾. Сопоставленіе даетъ возможность изслѣдователю установить тотъ фактъ, что даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ общаго согласія въ указанія того и другого Типикона не исчезаютъ и черты различія (с. 224), доказываю-

¹⁾ Замѣтимъ лишь, что Студійскій Мѣсяцесловъ въ грудѣ *проф. Н. С. Гроссу*: „Преподобный Феодоръ Студитъ. Его время, жизнь и творенія“ (Кіевъ, 1907, с. 107) представленъ нѣсколько полнѣе чѣмъ у архіеп. Сергія, на котораго опирается прот. Лисицынъ.

щѣ, что авторъ Алексѣвскаго Типикона далеко не рабски слѣдоваль Студійскому Типикону даже тогда, когда бралъ его въ основу извѣстной главы своего Типикона (см. напр. постановленія о пищѣ въ теченіе года, с. 256 и дал.: Алексѣвскій уставъ относится къ пищѣ строже Студійскаго). На основаніи того, что въ Алексѣвскомъ уставѣ есть нѣкоторые Студійскіе порядки, не слѣдуетъ называть его Студійскимъ, резонно разсуждаетъ прот. Лисицынъ. Вѣдь, не называются же Студійскими уставами другіе уставы, принявшіе, также какъ и Алексѣвскій, въ свою практику нѣкоторые порядки Студійскаго монастыря, каковы, напр., уставы монастырей: 'Нκσο Βοριϕο и Евергетидскаго, лавры Дечанской и др. Уставы этихъ обитателей—кѣиторскіе; такой же *кѣиторской уставъ*—и уставъ преп. Алексія, введенный преп. Θεοδοσιємъ печерскимъ въ Кіево-Печерскій монастырь (с. 263—267). Самостоятельность кѣиторскаго Алексѣвскаго устава какъ бы особенно подчеркивается, если обратить вниманіе на обычаи въ этомъ Типиконѣ, прямо исключаютъ Студійскую практику, и на то, что Студійской практикѣ противопоставляется и предпочитается въ Алексѣвскомъ уставѣ практика Великой Церкви. Исслѣдователь даетъ нѣсколько примѣровъ этого (въ чинѣ омовенія ногъ въ Вел. четвергъ, въ чинѣ утрени въ Вел. субботу, въ службѣ 13 сент. и др., см. с. 272 и дал.). Окончательный выводъ исслѣдователя формулируется на с. 279 въ слѣдующихъ словахъ: „Анализъ Алексѣвскаго устава, сдѣланный нами, обнаруживаетъ, что въ богослужебной своей части онъ очень самостоятеленъ, и что если въ немъ и встрѣчается Студійская практика, то она, въ большинствѣ случаевъ, подверглась переработкѣ, иногда незначительной, а иногда и очень сильной... Несомнѣнно, что Студійскій уставъ оказалъ больше всего вліянія на вторую, общежительную, часть Алексѣвскаго устава.“ Такимъ образомъ, „въ богослуженіи составитель Алексѣвскаго устава отдаетъ предпочтеніе практикѣ Великой Церкви, какъ *всею закона честнѣйшей*, въ общежительной же части онъ отдаетъ такое предпочтеніе

строю жизни, заведенному въ Студійскомъ монастырѣ св. Теодоромъ Студитомъ“. Алексѣевскій уставъ— уставъ ктиторской или, какъ самъ онъ себя называетъ, уставъ *patriarshii* (с. 280).

Послѣдняя (четвертая) глава изслѣдованія трактуетъ объ отношеніи Алексѣевского устава къ другимъ ктиторскимъ уставамъ (с. 281—355). Выяснить этотъ вопросъ прот. Лисицынъ почелъ нужнымъ, руководствуясь вѣрнымъ соображеніемъ, что сопоставленіе Алексѣевского устава съ другими ктиторскими уставами всего лучше можетъ подтвердить принадлежность Алексѣевского устава къ числу ктиторскихъ уставовъ. Ближе всѣхъ, по времени происхожденія, къ Алексѣевскому уставу стоитъ Евергетидскій уставъ (1143—1158 г.). Ему и удѣляетъ сначала вниманіе прот. Лисицынъ, подробно сравнивая богослужебную часть этого Типикона съ богослужебной частью въ уставѣ Алексѣевскомъ и отмѣчая какъ черты согласія, такъ и разногласія (с. 281—299). При сопоставленіи общежительной части устава преп. Алексія и устава Евергетидскаго изслѣдователь обращается и къ инымъ ктиторскимъ уставамъ, каковы уставы: монастыря Іліи Вономъ, монастыря импер. Ирины, Григорія Пакуріана, св. Мамонта и др.. На стр. 299—320 мы имѣемъ рядъ параллелей изъ предписаній этихъ уставовъ касательно трапезы для братіи, распредѣленія времени для монашескихъ занятій и богослужебныхъ собраній, должностныхъ лицъ въ монастырѣ (съ выясненіемъ ихъ обязанностей, порядка при избраніи и поставленіи), монастырской больницы съ врачомъ и больничными служителями и пр.. Уставы особенно много говорятъ объ игуменѣ монастыря. Они не только указываютъ порядокъ избранія этого перваго лица и начальника въ монастырѣ, но начертываютъ и необходимыя для игумена нравственныя качества, при которыхъ онъ съ большою пользою для обители можетъ осуществлять свои права и исполнять свои обязанности. Стр. 320—347 заняты сопоставленіемъ Алексѣевского устава въ богослужебной его части съ уста-

вомъ Дечанской лавры и въ общежительной части съ уставомъ Хиландарскаго монастыря. Опять въ результатъ сопоставленія уставовъ получается тотъ выводъ, что эти уставы одного типа: они ктиторскіе.

На послѣднихъ страницахъ изслѣдованія (347—355) и въ послѣсловіи (на с. 356) прот. Лисицынъ вкратцѣ повторяетъ положенія, которыя отъ научно аргументироваль на предыдущихъ страницахъ, прибавляя, что о Студійскомъ уставѣ нѣтъ въ наукѣ такихъ свѣдѣній, „которыя давали бы о немъ болѣе или менѣе полное и всестороннее представление. Добросовѣстное исканіе этого устава б. проф. Кіевск. Академіи А. А. Дмитріевскимъ въ теченіе цѣлыхъ 10 лѣтъ не привело ни къ какому положительному результату. Во всѣхъ извѣстнѣйшихъ бібліотекахъ Востока и Запада не только не сохранилось самого Студійскаго устава въ полномъ его видѣ, но даже какого нибудь отрывка изъ него или даже фрагмента. Ученныя описанія и каталоги важнѣйшихъ бібліотекъ Запада также не содержатъ о немъ никакихъ свѣдѣній“ (с. 353)¹⁾. А къ Алексѣевскому уставу титуло Студійскаго

¹⁾ Повидимому, прот. Лисицынъ склоненъ думать, что записи Студійскаго устава или совершенно не существовало, или что она безвозвратно погибла для науки. Новѣйшій изслѣдователь твореній преп. Θεοδора Студита, какъ и вообще порядковъ Студійской обители, проф. о. Н. С. Гроссу выражаетъ на этотъ предметъ нѣсколько иной взглядъ. Въ своемъ трудѣ: „Преподобный Θεοδορὸς Στουδίτης. Εἰς τὴν ἑποχὴν, τὴν ζωὴν καὶ τὰ ἔργα“ (Κίεβ, 1907 г.) названный профессоръ пишетъ: „Правильное веденіе въ Студійской обители точной записи уставныхъ предписаній и распоряженій преп. Θεοδора Στουδ. представляется вполнѣ возможнымъ, такъ какъ въ обители существовала обширная школа для обученія монаховъ грамотѣ вообще и искусству письма въ частности. Послѣднее сильно процѣтало въ обители; иноки съ любовью посвящали свой досугъ переписыванію книгъ, подражая въ этомъ дѣлѣ высокому примѣру своего игумена. Естественнo, что монастырскіе каллиграфы особенно усердно должны были предавать записи различныя установленія преп. Θεοδора касательно внутренней и вѣршней жизни обители для того, чтобы имѣть возможность всегда знать волю своего знаменитаго игумена въ точности. Такого рода записи являлась даже необходимостью для Студійскаго монастыря въ виду того, что при жизни Θεοδора Στουδίτη οὗτοι имѣли въ

„является насильно пристегнутымъ“. Алексѣевскій уставъ на многихъ страницахъ даетъ понятіе свое отличіе отъ Студійскаго устава и самостоятельность. Онъ самъ себя называетъ патріаршимъ (с. 354).

Мы передали содержаніе книги прот. М. А. Лисицына. Обиліе новаго, неиспользованнаго еще въ наукѣ матеріала при самомъ тщательномъ его обследованіи, основательность и серьезность сужденій вообще и въ частности—глубокая продуманность основныхъ положеній вмѣстѣ съ строго систематическимъ и прекраснымъ, въ литературномъ отношеніи, изложеніемъ дѣлаютъ книгу прот. Лисицына крупнымъ вкладомъ въ литургическую науку.

Чтеніе книги представляется незатруднительнымъ даже для неспеціалиста. А любитель литургическихъ изслѣдованій, — нечего уже и говорить, — получить отъ чтенія книги великое наслажденіе. Она расширитъ его литургическій горизонтъ, покажетъ, какія богатые залежи научныхъ нетронутыхъ еще сокровищъ скрываетъ въ себѣ литургическая наука, и во многихъ, можетъ быть, вызоветъ желаніе приложить извѣстную долю собственныхъ силъ къ изслѣдованію литургическихъ предметовъ. Молодая литургическая наука, основывающаяся на изученіи самыхъ памятниковъ богослуженія, изъ которыхъ очень и очень многіе лежатъ сокрытыми подъ спудомъ въ библіотекахъ и архивахъ, а то и просто—въ перковныхъ подвалахъ и на чердакахъ, ждетъ для себя работниковъ ¹⁾.

Н. Пальмовъ.

своемъ завѣдываніи не мало подчиненныхъ монастырей, которые, очевидно, должны были заимствовать отъ своей метрополіи уставъ определенный и точный, а слѣдовательно—исъменный.

Къ сожалѣнію, до настоящаго времени не удалось открыть ни одной полной записи первоначальнаго устава“ (с. 92). Высказывая, такъ обр., увѣренность въ томъ, что полная запись Студійскихъ порядковъ нѣкогда существовала, о. Н. С. Гроссу констатируетъ лишь тотъ фактъ, что до настоящаго времени не удалось открыть ея. А въ будущемъ?

¹⁾ Къ книгѣ прот. Лисицына приложенъ „Указатель именъ и предметовъ, содержащихся въ книгѣ“; онъ облегчаетъ пользованіе книгою,

Средневѣковая борьба въ Западной Европѣ между римской церковію и государствомъ за взаимныя отношенія.

(Продолженіе ¹⁾).

Если клиръ римской Церкви усиленно стремился къ обладанію земными благами, которое, не вытекая изъ основной идеи католичества, служило только *средствомъ* къ утвержденію этой идеи, то можно представить, съ какимъ жаромъ старался онъ освободиться отъ судебной власти государства и подчинить его своему суду, — что составляло самую *сушность* этой идеи.

Независимость клира отъ мірскаго суда, его *неподсудность* мірянину вытекаетъ, по закону логической необходимости, изъ основной мысли католичества. Если клирики люди духовные, а міряне люди плоти, то какъ плоть осмѣлится судить духъ? Если клирики — органы Бога, если всѣ ихъ дѣла проникнуты Духомъ Божиимъ, который сообщаетъ имъ *непогрѣшимость*, то кто дерзнетъ произнести судъ на Бога? Сколь нелѣпымъ ни кажется намъ въ настоящее время это высокоуміе средневѣковаго клира и глубокимъ униженіе государства, все таки неподсудность клира и власть его надъ мірянами имѣли въ продолженіе среднихъ вѣковъ практической смыслъ. Клирики въ отношеніи образованія и нравственности стояли такъ высоко надъ мірянами, а послѣдніе были столь грубы, что ограниченіе суда мірскаго даже надъ

такъ какъ даетъ возможность легко отыскать въ ней нужное свидѣніе. По прекраснымъ фототипическимъ снимкамъ читатель можетъ составить себѣ представленіе о внѣшнемъ видѣ и характерѣ писма цитируемыхъ рукописей, а иногда и провѣрить самый текстъ въ передачѣ издателя. Цѣна книги 3 р. Приложенія къ ней — 2 р. Можно выписывать отъ автора — С.-Петербургъ, Садовая ул., 26.

¹⁾ См. № 26 за 1911 г.

самими мірянами было благодареніемъ для человѣчества. Однако же это не извиняетъ тѣхъ вѣроломныхъ средствъ, которыми клиръ старался утвердить свою неподсудность и представить ее основанною на давно утвержденномъ правѣ, не извиняетъ поддѣлки историческихъ фактовъ и каноническихъ постановленій, не оправдываетъ и гордости, выразившейся въ декретахъ римскаго престола. „Да никто не принуждаетъ священника или монаха явиться предъ мірскимъ трибуналомъ, поелику это будетъ разбоемъ и оскверненіемъ святыни“. Но все это даетъ намъ возможность понять, на какомъ основаніи императоръ Фридрихъ II могъ признать общимъ закономъ, что никакое духовное лицо не можетъ быть позвано въ какой бы то ни было судъ свѣтскій, уголовный или гражданскій.

Такимъ образомъ, и право независимости клира отъ мірскаго суда римская Церковь домогалась представить *богодарованнымъ*. Въ XVI вѣкѣ оно утверждено было на соборѣ латеранскомъ. Но между тѣмъ обстоятельства перемѣнились. То, что въ продолженіе долгаго времени было естественно и даже полезно, при новыхъ обстоятельствахъ сдѣлалось противоестественнымъ и гибельнымъ. Противодѣйствіе государства подъ руководствомъ мірскихъ юристовъ не заставило себя ждать, и съ теченіемъ времени мало по малу привилегія клира была уничтожена, какъ устарѣлая.

Но прежде своего уничтоженія неподсудность клира послужила причиною самыхъ печальныхъ злоупотребленій которыя и вызвали противодѣйствіе государства. Церковь по своему основанію должна быть свята и блюсти себя чистою отъ грѣха, но, пользуясь благодатію, она прощаетъ кающагося грѣшника, не хочетъ его смерти, *но еже обратится и живу быти ему*; дѣло любви—ея первая обязанность и первая забота, наказаніе въ ея глазахъ есть только средство исправленія. Судопроизводство же государственное въ древности поражало преступника смертію, имѣя въ виду одну цѣль—показать на немъ силу законнаго права и въ то же время не думая ни о внутреннемъ его очищеніи,

ни объ исправленіи его; да и въ настоящее время оно на первомъ планѣ ставитъ удовлетвореніе правосудію, отодвигая на второй планъ исправленіе преступника. Такъ, цѣль религіознаго суда противоположна цѣли суда государственнаго. Раскрывая въ теоріи свой идеаль судопроизводства, Церковь открывала недостатки судовъ государственныхъ и указывала гражданскому судебному праву на лучший путь къ достиженію общественнаго порядка. Но на практикѣ судопроизводство клира не достигало своего идеала, оно поблажало виновнымъ клирикамъ до невыносимой степени и тѣмъ нарушало общественный порядокъ, вело къ безнаказанности клира.

Уже въ половинѣ среднихъ вѣковъ чувство оскорбленнаго гражданскаго правосудія начало сильно протестовать противъ этого. Извѣстна борьба, поднявшаяся въ XII вѣкѣ между англійскимъ королемъ Генрихомъ II и Томою Бекетомъ, архіепископомъ кентерберійскимъ. Тогда уже посмотрѣли, какъ на общественное бѣдствіе, на безнаказанность клириковъ, которые за величайшія преступленія рисковали только потерять званіе или попасть въ монастырь. Для восстановленія общественнаго порядка король, по свѣту высшихъ чиновъ государственныхъ, издалъ эдиктъ: „клирики, обвиненные въ преступленіи, должны быть представлены въ королевскій судъ, и въ процессахъ такого рода свѣтскіе судьи должны входить въ сношеніе съ клерикальными судами. Если обвиненный признается въ преступленіи, или если преступленіе дознано, Церковь не должна оказывать виновному никакого покровительства“. Тома Бекеть съ другими архіепископами сначала далъ клятву повиноваться этому королевскому указу, но потомъ, во имя своего полномочія отъ папы, объявилъ его недѣйствительнымъ на томъ основаніи, что онъ оскорбляетъ достоинство Церкви. Норманская гордость короля и римская гордость прелата вступили въ рѣшительную борьбу, которая привлекла на себя вниманіе всей Европы. Тома Бекеть сдѣлался жертвою своего упорнаго сопротивленія; но римская Церковь объявила его мученикомъ за свободу святой Церкви,

и король принужденъ быть уничтожить, правда, не эдиктъ, а „порядокъ судопроизводства, введенный въ Англіи, какъ нарушающій свободу Церкви“. Такъ какъ самый указъ не былъ уничтоженъ, то изъ этого ясно видно, что королевство не признало за *долгата* неподсудность клира, а допустила ее только, какъ *привиллеію*, которая, слѣдовательно, можетъ быть отмѣнена въ послѣдующее время. И дѣйствительно, въ XIII вѣкѣ свѣтскіе судьи часто держали подъ арестомъ клириковъ, обвиненныхъ въ преступленіяхъ, и не колеблясь вѣшали ихъ, несмотря на всѣ протесты римской куріи.

Въ этой борьбѣ противъ неподсудности клириковъ Англія предупредила всѣ европейскія государства. На всемъ континентѣ принципъ неподсудности клира въ теоріи одержалъ сначала верхъ, но практика и здѣсь не вездѣ согласна была съ теоріею. Доказательства этого видимъ въ томъ, что жалобы клира на нарушеніе его свободы никогда не умолкали. Во Франціи и Германіи бывали случаи, когда свѣтскіе судьи конфисковывали имѣнія клириковъ, держали ихъ самихъ подъ арестомъ и даже предавали смертной казни. Итальянцы, оказывая наружно глубокое уваженіе къ судамъ церковнымъ, съ удовольствіемъ отбивали у своихъ высшихъ духовныхъ сановниковъ тѣхъ клириковъ, которые обвинены были въ преступленіи, и судили ихъ при огромномъ стеченіи народа.

Но пока существовалъ принципъ неподсудности, нельзя было избѣжать печальныхъ злоупотребленій. Случалось часто; что даже міряне увертывались отъ наказанія, или выдавая себя за священниковъ, или поспѣшно постуная въ духовное званіе при видѣ опасности попасть подъ судъ. Посему жалобы германцевъ на то, что преступникъ почти никогда не подвергается заслуженному наказанію, при интригахъ клерикальнаго суда, имѣли больше основанія, чѣмъ жалобы клира на нарушеніе его свободы.

Наконецъ, сдѣлано было нападеніе на самый принципъ. Церемѣна взглядовъ настоятельно потребовала реформы судопроизводства. Юристы, естественно, явились главными дви-

гателями этой реформы. Во главѣ ихъ стоялъ французъ Карль Дюмулень, знаменитый современникъ Лютера. Папа Климентъ VIII запретилъ всѣ его сочиненія; но эти сочиненія оставались въ рукахъ юристовъ французскихъ и пріобрѣли ему названіе основателя національной юриспруденціи. Ненависть папы и пристрастіе французовъ съ сочиненіямъ Дюмулена объясняются тою энергіею, съ какою Дюмулень защищалъ отъ нападений клира зарождающееся государственное право. Дюмулень опровергаетъ мнимое превосходство клира надъ мірянами (міряне не менѣе клириковъ способны рѣшать даже религіозные вопросы), обличаетъ клиръ въ подлогахъ и передѣлкахъ историческихъ фактовъ, всю гражданско-судебную власть признаетъ существенною принадлежностью государства и совершенно отказываетъ клиру въ правѣ на нее. Между клириками и мірянами, по его мнѣнію, нѣтъ другого различія, кромѣ различія обязанностей, налагаемыхъ каждымъ званіемъ. Что-же касается до неподсудности клира, какъ права, будто бы дарованнаго ему Богомъ, онъ прямо называетъ ее (хотя и не совсѣмъ вѣрно) выдумкою, служащею для обмана народа. Среди простого народа, большинство котораго составляло оппозицію германской реформаціи, идеи Дюмулена не могли найти полнаго сочувствія. Но съ его времени юристы—католики и французское правительство старались и стараются поднять право государства и обуздать клиръ, доселѣ слишкомъ свободно присвоившій себѣ это право. Утвердившись на началахъ Дюмулена, юристы пошли далѣе. Они раздѣлили преступленіе клира на два разряда: на преступленія *общія* всему клиру и преступленія *особенныя*; первыя оставили за судами церковными, разбирательство вторыхъ предоставили правосудію государственному. Съ теченіемъ времени толкованія, которыя давали юристы этому закону, привели къ тому, что только преступленія противъ дисциплины объявлены были *общими*; всѣ другія оказались *особенными* и, слѣдовательно, подлежащими вѣдѣнію судовъ гражданскихъ. Такимъ образомъ, неподсудность клира на практикѣ была отвергнута, потому

что, собственно говоря, *общія* преступленія, подлежащія суду церковному, на практикѣ были исключеніемъ, а особенныя (исключительныя) были общимъ правиломъ; слѣдовательно, клиръ на практикѣ во всѣхъ дѣлахъ подлежалъ суду гражданскому и только въ нѣкоторыхъ *исключительныхъ* случаяхъ былъ судимъ своимъ судомъ. Наложничество священниковъ осталось единственнымъ преступленіемъ, подлежащимъ вѣдѣнію церковныхъ судовъ. Напрасно клирики напоминали о канонахъ своей Церкви и папскихъ буллахъ. Парламенты настаивали на правѣ гражданского судопроизводства и объявили *нетерпимымъ* злоупотребленіемъ всякое отъ него уклоненіе. Начиная уже съ XIII вѣка, мірскіе судьи запрещаютъ мірянамъ отдавать мірянина подъ судъ консисторіи и притѣсняютъ того, кто осмѣлится это сдѣлать. Они всѣми способами стараются противодействовать рѣшеніямъ консисторіи, и если одному и тому же дѣлу можно дать два рѣшенія—одно по суду гражданскому, а другое—по церковному, то они всегда рѣшаютъ по первому. Они такъ мало уважаютъ римскую курію, что осмѣливаются даже наложить руку на разносчиковъ папскихъ грамотъ, оскорбляютъ ихъ и, отнимая у нихъ грамоты, сажаютъ въ тюрьму. Судьи смѣются надъ папскими отлученіями отъ Церкви и, если подпадутъ имъ, то отвѣчаютъ не раскаяніемъ, а отнятіемъ епископскихъ доходовъ; они налагаютъ арестъ даже на десятины, ставятъ стражу въ жилищахъ прелатовъ, такъ что тѣ не могутъ найти себѣ покоя, и, когда арестъ снятъ, требуютъ еще вознагражденія за свои проступки. Въ 1329 году было собраніе французскихъ прелатовъ для отвѣта на жалобы юристовъ. Адвокатъ короля Петръ Кюньеръ (Cugnieres) ясно изобразилъ злоупотребленія и вмѣшательства клерикальной юстиціи и при этомъ употребилъ слова угрозы. Онъ говорилъ, что король не можетъ отказаться отъ своихъ правъ, такъ какъ они составляютъ сущность королевской власти. Положеніе прелатовъ было плохо. Онѣ, однако, твердо держались за свой принципъ, что имъ дано Богомъ право судить и что

они отъ этого права не могутъ отказаться. Засѣданія не рѣшили вопроса. Самъ король колебался между двумя авторитетами. Несмотря, впрочемъ, на это колебаніе, юристы, по представленію Петра Кюнъера, постановили принимать *апелляціи на злоупотребленія судовъ церковныхъ*. Это постановленіе съ теченіемъ времени болѣе и болѣе входило въ практику жизни и, наконецъ, утвердило власть государства надъ клиромъ.

Реформа XVI вѣка дала новый толчекъ борбѣ юристовъ съ клерикалами. Нападенія первыхъ съ этого времени слѣдвались живѣе и успѣхи замѣтнѣе. Мало по малу они заставили своихъ противниковъ уступить государству всю судебную власть. Судебная власть клира была еще терпима нѣскольکو времени, но юристы не признавали уже, чтобы она утверждалась на правѣ божественномъ; они просто признавали ее королевской привилегіей, которая можетъ быть ограничена или всецѣло отмѣнена. Лишь только была высказана такая мысль, какъ начались дѣйствительныя ограниченія судебной власти клира. Юристы утверждали, что Церковь можетъ судить мірянина только по дѣламъ *чисто духовнымъ*; если же что либо мірское, *вещественное* причастно дѣлу, то это дѣло подлежитъ вѣдѣнію мірскихъ судовъ. На основаніи этого положенія процессы по дѣламъ брачнымъ и по церковнымъ доходамъ объявлены были подлежащими болѣею частію вѣдѣнію свѣтскихъ судовъ. Право принимать апелляціи на злоупотребленія духовной власти представляло свѣтскимъ судамъ частые случаи вмѣшательства. За церковными судами остались религіозные обѣты, богослуженіе и церковная дисциплина. Папская булла *in соена domini*, подтверждавшая права церковнаго судопроизводства, не была принята во Франціи, и даже объявленъ былъ арестъ на доходы того епископа, который бы публиковалъ ее. Напрасно ультрамонтанскіе епископы выхлопотали у папы буллу съ отлученіемъ всѣхъ, кто подъ предлогомъ *апелляціи на злоупотребленія* старался, при помощи свѣтскаго суда, уничто-

жить рѣшеніе суда церковнаго. Эта булла въ свою очередь была признана отъ королевскаго двора юстиціи злоупотребленіемъ, и когда запальчивый епископъ d'Angers не выполнилъ декрета свѣтскаго суда, послѣдній секвестромъ его доходовъ далъ ему почувствовать свою силу. Наконецъ, французскій клиръ научился уважать рѣшенія органовъ государственной власти, и Церковь галликанская отвергла ультрамонтанскія мнѣнія іезуитовъ и объявила, что она хочетъ жить въ мирѣ съ государствомъ. Въ это же время она положила, что „всякій канонъ, всякое церковное предписаніе приобрѣтають во Франціи силу закона только тогда, когда будутъ утверждены государственною властію“.

Никогда не оспаривали у Церкви права отлученія; но юристы удержали за государствомъ право принимать жалобы на злоупотребленіе отлученіемъ и уничтожать отлученіе, неправильно произнесенное. Закономъ французскіе пошли далѣе. Они постановили, что короли не могутъ быть отлучены отъ Церкви. Нѣкоторые папы, видя невозможность удержать за собою право анаематствования королей, соглашались *пожаловать* королямъ Франціи освобожденіе отъ отлученія, какъ привиллегію. Но юристы не согласились на это. Они утверждали, что эта свобода принадлежитъ королямъ *по праву*, ни одинъ папа не можетъ отнять этого права, ни одинъ король не можетъ отъ него отказаться. Они распространили это право на всѣхъ чиновниковъ, поколику они являются органами короля. Такимъ образомъ, и это оружіе было притуплено, юристы объявили самое изданіе интердикта злоупотребленіемъ.

Такъ, въ средніе вѣка, во время борьбы между государствомъ и Церковью (клиромъ), на Западѣ Европы уже были подорваны и почти уничтожены многія права, которыя Римская Церковь присвоила себѣ въ ущербъ власти государственной. Именно, ограничены права: приобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ, свободы имѣній отъ государственныхъ налоговъ, налога на мірянъ церковной десятины, неподсудности клира государству, подсудности мірянъ клиру, отлученія отъ Церкви королей и ихъ чиновниковъ и даже изданія интердикта.

Кир. Тихомировъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Редакторъ, Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Киевъ, 30-го іюня 1911-г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

ГОДЪ

III.

УКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 28.

Подписна принимается въ редак-
ція журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года июля 10-го дня.

Содержаніе: I. Великая борьба. Н. Гумилевскій. — II. Главная задача бу-
дущаго Всероссийскаго Церковнаго Собора. (Окончаніе). Свящ. В.
Бажановъ. — III. Средневѣковая борьба въ Западной Европѣ между
римской церковью и государствомъ за взаимныя отношенія. (Окон-
чаніе). Кир. Тихомировъ. — IV. По поводу пожара въ женскомъ Ди-
вѣевскомъ монастырѣ. — Замѣтка.

Великая борьба.

Въ статьѣ подь такимъ заглавіемъ въ „Церковномъ
Вѣстникѣ“ за т. г. (№ 21) рассматриваются причины совре-
меннаго упадка вѣры и распространенія невѣрія. Критикуя
мнѣніе извѣстнаго публициста М. О. Меншикова, по кото-
рому главной причиной указанныхъ явленій служить рели-
гіозный и нравственный упадокъ православнаго духовенства,
авторъ вполне справедливо говоритъ, что современное рус-
ское духовенство стоитъ ничуть не ниже, если даже, въ
нѣкоторыхъ отношеніяхъ, не выше древне-русскаго, такъ какъ
случаи невѣрія среди него являются исключительными, и что
распространеніе невѣрія зависитъ, главнымъ образомъ, отъ про-
тиворелигіознаго теченія, ~~главнымъ образомъ~~ возникшаго въ Запад.

Европѣ, вслѣдствіе борьбы разума противъ вѣры, и перешедшаго и въ Россію. Но авторъ соглашается съ дальнѣйшимъ выводомъ Меньшикова, что невѣріе угрожаетъ Православной Церкви гораздо большей опасностью, чѣмъ католичество или сектантство, такъ что вмѣсто борьбы съ послѣдними полезнѣе было бы войти съ ними въ какое нибудь соглашеніе или по крайней мѣрѣ примиреніе для общей борьбы противъ невѣрія.

Всякому наблюдателю современной жизни извѣстно, что борьба свѣта съ тьмою, вѣры съ невѣріемъ, дѣйствительно, все болѣе и болѣе обостряется, такъ что исповѣдникамъ вѣры необходимо и обязательно напрягать всѣ усилія въ этой борьбѣ. Но едва ли большую пользу можетъ принести какое бы то ни было соглашеніе чистой Христовой истины съ искаженіями ея. Не такъ давно папа Левъ XIII призывалъ всѣхъ христіанъ объединиться для борьбы съ антихристіанскими теченіями, но подѣ условіемъ—подчиненія ему, папѣ; но такое подчиненіе повело бы не къ торжеству *истиннаго* христіанства, а къ его гибели. Исторія съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ, что современное европейское невѣріе послѣднимъ своимъ корнемъ имѣетъ отступленіе западнаго христіанства отъ единства Вселенской Церкви. Католическій рационализмъ, какъ доказано славянофилами, особенно А. С. Хомяковымъ, логически привелъ къ протестантству, а это послѣднее своимъ принципомъ свободнаго изслѣдованія и верховнаго авторитета человѣческаго разума въ вопросахъ вѣры явно ведетъ къ отверженію всѣхъ основъ христіанства. Къ тому же не можетъ не придти въ концѣ концовъ и наше сектантство, въ принципахъ своихъ согласное съ протестантствомъ. Торжество истинѣ можетъ доставить только полная и чистая истина, т. е. православіе; поэтому православнымъ людямъ должно одинаково усиленно бороться не только съ невѣріемъ, но и съ его источникомъ—западными искаженіями христіанства, соглашеніе же съ иномыслящими для православныхъ допустимо только въ смыслѣ возвращенія первыхъ въ лоно Вселенской Церкви.

Н. Гумилевскій.

Главная задача будущаго Всероссийскаго Церковнаго Собора.

(Окончаніе) ¹⁾.

Соотвѣтственно великому руководственному указанію Христа ученики Его и поступали.

Когда трудами Апостола Павла вѣра Христова была распространена и въ языческихъ странахъ, когда образовалась въ Церкви огромная группа христіанъ, вступившихъ въ Церковь Христову безъ посредства закона Моисеева, когда, такимъ образомъ, самую жизнь было удостовѣрено его упраздненіе,—появился сильный протестъ и началось движеніе въ его защиту среди іудействующихъ, въ частности — въ Антиохіи. Споры и разногласія достигли такихъ размѣровъ и получили такое важное значеніе, что для противодействія имъ созванъ былъ первый Апостольскій соборъ—это величайшее и знаменательное событіе въ исторіи Церкви. При помощи собора былъ рѣшенъ вопросъ объ отношеніи закона Моисеева къ религіи христіанской, чѣмъ утверждались миръ и единство Христовой Церкви. Съ другой стороны, этимъ примѣромъ практически устанавливалась та истина, что соборность церковнаго управленія есть основное, характерное церковно-каноническое начало. Съ этихъ поръ при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ церковной жизни оно проводится въ церковномъ законодательствѣ, начиная съ правилъ Апостольскихъ и до седьмого вселенскаго собора включительно. Во весь этотъ періодъ, несмотря на все разнообразіе внѣшнихъ формъ церковнаго управленія, отъ христіанскихъ общинъ апостольскаго времени съ ихъ старѣйшинами и братією и до Византійскихъ патріарховъ съ придворнымъ штатомъ чиновъ, ихъ окружающихъ, упомя-

¹⁾ См. № 27 за 1911 г.

нудое соборное начало непрерывно выдерживалось въ церковномъ канонѣ. Чѣмъ шире раздвигались круги церковнаго управленія, проходя чрезъ епархіи или округи, области или патріархаты, обнимающіе собою цѣлыя національныя Церкви, тѣмъ болѣе расширялись формы или степени соборности— приходской, епархіальной и, наконецъ, патріаршеской. Это начало не отрицалось даже въ эпохи самаго сильнаго преобладанія государственной власти въ Византіи. Если историческія условія по временамъ препятствовали его развитію въ округахъ и областяхъ, то оно сказывалось въ епархіяхъ и приходахъ, такъ что справедливость требуетъ сдѣлать такое заключеніе: въ исторіи Христіанской Церкви невозможно найти и указать періодъ, когда бы соборное начало было совершенно подавлено и умерло во всѣхъ формахъ и на всѣхъ степеняхъ церковнаго управленія и жизни.

Въ нашемъ отечествѣ до-Петровскаго періода мы видимъ также осуществленіе начала соборности на низшихъ и высшихъ ступеняхъ ея: въ приходахъ, епархіяхъ или округахъ, при митрополитахъ и патріархахъ всероссійскихъ, въ постоянныхъ и повременныхъ соборахъ и совѣщаніяхъ. Значеніе ихъ было не только церковное, но и государственное. По свидѣтельству юридической науки, Церковь оказывала громадное содѣйствіе возникновенію и развитію русскаго государства на началахъ права и справедливости. Предстоятели русской Церкви были истинными „стражами новаго израиля“, сохранявшими цѣлость Русской земли среди княжескихъ междоусобицъ, спасавшими ее отъ ханскихъ хищниковъ во время монгольскаго владычества. При посредствѣ Церкви и ея высшаго и низшаго духовенства русскій народъ знакомился съ началами русской гражданственности и государственности. Соборно-іерархическій строй древне-русской Церкви былъ основою того авторитета, которымъ пользовались въ обществѣ ея предстоятели. Русскіе князья, потрудившіеся „въ собираніи русской земли“, успѣхомъ своимъ во многомъ обязаны этому авторитету. Про-

повѣдь іерарховъ русской Церкви о томъ, что князь—не представитель только дружины, а Божій судія и избранникъ, орудіе Божественнаго промысла, проводя церковно-библейскій взглядъ на государственную власть, расширяла политическіе горизонты русской мысли, одинаково облагораживала и князей, и народъ. И не только на словахъ, но и въ поступкахъ и въ дѣйствіяхъ представителей Церкви сказывалась сила ихъ авторитета. Такъ, напр., въ періодъ удѣльной разрозненности и монгольскаго господства власть всероссійскаго митрополита, при участіи духовныхъ сподвижниковъ, была единственнымъ центромъ, противостоявшимъ ужасамъ междоусобицы и татарскаго погрома. Со временемъ, та же авторитетная власть возвеличила и утвердила въ сознаніи русскихъ гражданъ значеніе власти верховной, принявъ на себя охранительную миссію по отношенію къ идеѣ единодержавія. И если самодержавная власть, служила какъ-бы завершительнымъ актомъ всего прошлаго русской исторіи, то всероссійское патріаршество было необходимымъ слѣдствіемъ высоко поднявшагося авторитета русской церковной іерархіи.

Такое благотворное, созидательное значеніе церковно-іерархическаго элемента для древней русской жизни объясняется тѣмъ, что Церковь, въ дѣйствительности, имѣла всѣ признаки первохристіанскаго каноническаго строя, съ одной стороны, и, съ другой, она въ своей жизнедѣятельности стремилась къ осуществленію великой Византійской задачи, на основаніи которой Церковь и государство разсматривались, какъ два нераздѣльные начала въ общественно-государственной жизни.

Начавшаяся съ Петербургскимъ періодомъ русской исторіи новая жизнь не стала считаться съ особенностями древне-русскаго строя. Самобытность русскаго общества въ цѣломъ утратила свой обликъ: идеалы его, какъ извѣстно, съ Востока переносятся на Западъ. Общегосударственныя преобразованія коснулись и Православной Церкви, въ которой соборное начало жизни съ этого времени уступило мѣсто коллегіаль-

ному. Отсюда и произошли тѣ отрицательныя явленія, вредныя для русской Церкви и всего русскаго дѣла въ нашемъ отечествѣ, значеніе которыхъ не можетъ быть учтено въ надлежащей полнотѣ даже и въ настоящее время, т. е. черезъ 200 почти лѣтъ съ этого историческаго момента.

Если мы внимательно прослѣдимъ и прочитаемъ отзывы святителей русской Церкви о положеніи послѣдней и ея настоящихъ запросахъ въ наше время, отзывы, составленные всего пять—шесть лѣтъ тому назадъ, то во всѣхъ нихъ встрѣтимъ съ большей или меньшей силою единодушное заявленіе о необходимости повернуть русло русской церковной жизни къ ея историческому идеалу, практически осуществлявшемуся въ древнее время и—согласно каноническимъ предначертаніямъ, составлявшимъ „душу живу“ христіанской соборно-апостольской Церкви. Необходимость эта обуславливается тѣмъ, что, по мнѣнію, напр., преосвященнаго Владиміра, епископа Екатеринбургскаго, „Церковь наша омирщилась, ея значеніе пало не только среди интеллигенціи, но и въ простомъ народѣ; всякія выступленія церковныхъ дѣятелей въ интересахъ поддержки какихъ-либо правительственныхъ мѣропріятій стали малозначительными и малоцѣнными“ ¹⁾. Къ этому можно прибавить и такія соображенія: въ нашъ свободолюбивый вѣкъ совершенно утрачено искусство воспитывать христіански-цѣльнаго человѣка потому, что понятіе о Церкви, какъ Богоустановленномъ учрежденіи, и нѣкогда почетное званіе „христіанина“ пріобрѣтаютъ формальное значеніе и для многихъ кажутся пустыми и ничего не значащими наименованіями; что, къ величайшему соблазну для немногихъ вѣрующихъ, въ составѣ церковнаго общества открыто и безнаказанно пребываютъ явные безбожники, кощунники и люди, извѣстные своей недоброю жизнію; что возрастающіе въ числѣ вслѣдствіе развращенія и маловѣрія самоубійцы предаются христіанскому по-

¹⁾ Изъ отзыва Преосв. Владиміра, Е. Е.; Ц.—В. 1906. № 34.

гребенію иногда съ демонстративнымъ оказаніемъ имъ почестей за заслуги, которыя судомъ древне-апостольской Церкви ни въ какомъ случаѣ не были-бы признаны таковыми. Словомъ, вмѣсто правды и безпристрастія, вмѣсто апостольскаго суда и наказанія, кругомъ царить лицемѣріе, ложь и беззаконіе. Чѣмъ, какъ не упадкомъ авторитета и достоинства Церкви, можно объяснить вмѣшательство въ сферу церковнаго вѣдѣнія свѣтскихъ учрежденій и вѣдомствъ, смѣло и рѣшительно берущихъ на себя отвѣтственную миссію рѣшать, напр., вопросы о сокращеніи праздниковъ Православной Церкви, о легкости расторженія браковъ и даже о внесеніи въ русское законодательство условій, которыми опредѣлялась-бы возможность заключенія гражданскихъ браковъ?.. Все это—печальные факты русской дѣйствительности; все это такія стороны общественной жизни, съ которыми энергично боролись многіе и многіе истинные сыны русской Церкви, боролись и словомъ, и дѣломъ. И христіанская мысль не хочетъ вѣрить, чтобы труды ихъ пропали даромъ: если не теперь, то когда-нибудь наступитъ время ихъ плодоношенія. Незабвенные русскіе витіи Церкви: Никаноръ, арх. Херсонскій, Амвросій, арх. Харьковскій, о. Іоаннъ Кронштадтскій, и всѣ вы, истинные печальники русской Церкви! Къ вамъ молитвенно обращаемъ свой духовный взоръ, свое надорванное сердце за землю родную и просимъ—и тамъ, „въ странѣ живыхъ“, предъ Престоломъ Всевышняго Господа, усердно молить Его: да пощадитъ Онъ—Сердцевѣдецъ наслѣдіе Свое, многострадальное отечество наше, да утолитъ всѣ церковные соблазны и соберетъ всѣхъ разсѣянныхъ чадъ Своихъ „во едино стадо“!

Итакъ, изъ всего вышеизложеннаго можно сдѣлать такой выводъ: единственнымъ средствомъ для уничтоженія и устраненія всѣхъ золъ и нестроеній въ нашемъ отечествѣ можетъ быть только возстановленіе древне-вселенской и древне-русской практики въ жизни церковной, т. е. созывъ помѣстнаго Всероссійскаго Церковнаго Собора, котораго съ любовію

ждутъ всё русскіе люди. Это чрезвычайное событіе общественно-государственной жизни вызоветъ интересъ къ церковно-религіознымъ вопросамъ, заставитъ, по крайней мѣрѣ, многихъ свѣтскихъ и образованныхъ людей вспомнить о существованіи духовной, церковно-христіанской силы на ряду съ другими движущими общественными силами, подниметь авторитетъ православнаго духовенства въ его учительномъ и воспитательно-общественномъ значеніи. Тогда облегчился бы и сталъ бы болѣе продуктивнымъ трудъ многихъ христіанскихъ дѣятелей, работающихъ въ настоящее время одиноко; тогда многихъ кандидатовъ священства не страшилась бы колоссальность и неразрѣшимость собственными силами и разумѣніемъ великой пастырской задачи, и русская Церковь обогатилась бы новыми полезными дѣятелями, готовыми потрудиться въ виноградникѣ Христовомъ на общую пользу. Названнымъ чрезвычайнымъ событіемъ въ жизни русской Церкви парализовались бы и дерзкія выступленія невѣрующаго элемента нашего общества, проникшаго и утвердившагося даже въ средѣ простого и дѣйствительно темнаго крестьянства, имѣющаго уже теперь своихъ „проповѣдниковъ,—передовыхъ и сознательныхъ“, главная мысль которыхъ пока варьировается на такихъ разсужденіяхъ: „Церкви и духовенству скоро—конецъ! Еще немного времени, и отъ нихъ не останется слѣда, а храмы будутъ употреблены для народно-общественныхъ учрежденій: читальнъ, театровъ, политическихъ клубовъ и т. п.“. И вотъ, въ то время, когда самообольщенная общественная совѣсть поглощена заботой, „чтобы не поблекла слава бойцовъ за народъ, не погибли бы новой эры цвѣты золотые“, какой торжественностію прозвучало бы вслухъ всей русской паствы объявленіе, какъ непреложнаго закона, тѣхъ или другихъ каноническихъ правилъ и постановленій древне-христіанской Церкви! То, что теперь толкуется вкривъ и вкось незванными учителями въ церковной области, получить должно освѣщеніе, силу и авторитетность. Такъ, объявляя о созывѣ собора, Государь

или его уполномоченные отвергли бы и всенародно засвидѣтельствовали, что церковныя реформы и преобразованія должны идти не изъ мірской—свѣтской—безцерковной среды, а изъ нѣдръ самой Церкви, какъ хранительницы вѣроученія Самого Основателя Церкви Иисуса Христа (Матѳ. 18, 15—20; Иоанн. 17, 21—26). И не только для „мірянъ“ имѣла бы существенное значеніе эта мѣра, но засвидѣтельствованіе „со властію и силою многою“ дѣйствительныхъ правъ соборно-канонической Церкви произвело-бы отрезвляющее дѣйствіе и на клиръ въ той его части, которая обнаружила склонъ къ такъ называемому „пресвитеріанскому движенію“, протестантизму ¹⁾.

Какая же главная задача, разрѣшеніе которой долженъ будетъ принять на себя помѣстный Всероссійскій Церковный Соборъ?

Не входя въ подробныя разсужденія о вопросахъ, подлежащихъ разсмотрѣнію на этомъ соборѣ, о чемъ въ свое время давались отзывы нашихъ русскихъ іерарховъ и о чемъ въ общихъ чертахъ нами говорилось выше, полагаемъ справедливымъ, въ качествѣ вывода, сдѣлать такое заключеніе: возстановленіе и проведеніе въ жизнь русскаго общества церковной дисциплины—вотъ главная задача Собора.

Неоспоримо, что подъ вліяніемъ духа времени понятіе о церковной дисциплинѣ совершенно отсутствуетъ въ нашемъ обществѣ, что многія церковныя упражненія, въ которыхъ когда-то оно воспитывалось и укрѣпляло свою немощную человѣческую волю, въ настоящее время уступили мѣсто

¹⁾ На соборѣ Апостольскомъ вопросы Церкви рѣшались однимъ св. апостоламъ (15 гл. Дѣяній). Въ опредѣленіяхъ вселенскихъ соборовъ и 9 помѣстныхъ соборы именуются епископскими. Пресвитеры и міряне могли присутствовать на соборѣ и быть свидѣтелями рѣшавшихся дѣлъ, но подъ условіемъ сохраненія безмолвія. Впрочемъ, иногда первые участвовали въ качествѣ делегатовъ и, въ большинствѣ случаевъ, съ правомъ совѣщательнаго голоса (37 пр. свв. Апостолъ; 1 Всел. соб. пр. 5; 4 Всел. соб. пр. 19; 6 Всел. соб. пр. 6; 7 Всел. соб. пр. 1 и 2; Анціох. пр. 20; Корѳ. пр. 87; Лаодик. пр. 40).

произволу, личной инициативѣ каждаго жить и поступать, какъ ему хочется, согласно своимъ инстинктамъ и наклонностямъ. Субъективное пониманіе добра и зла, проповѣдь о непротивленіи злу и множество Евангельскихъ мыслей и положеній, истолковываемыхъ современными лжеучителями „по своему“ произвели громадную сумятицу и оторванность отъ цѣлаго въ сознаниіи общества. Одни смѣшиваютъ догматическія ученія съ нравственными; другіе, возставая противъ употребленія въ нашей церкви древнихъ уставовъ и Богослуженій, вмѣсто того, чтобы понять ихъ глубину, полноту и законченность, чтобы изучить духъ послѣднихъ и практически пользоваться ими, заявляютъ требованіе о полной ихъ отмѣнѣ и уничтоженіи. Всѣ же вообще сходятся въ убѣжденіи, что церковная дисциплина не нужна, что въ ней заключаются признаки насилія и посягательства на свободу личности и совѣсти, а потому она должна быть отвергнута. Между тѣмъ психологически извѣстно, что внѣ церковной дисциплины немислимо развитіе и воспитаніе религіознаго міросозерцанія, не можетъ быть религіозной жизни вообще.

Ни одна религія, даже ни одна философская или научная система не обходятся безъ нѣкоторыхъ непреложныхъ правилъ, служащихъ имъ основными устоями, съ паденіемъ которыхъ падаетъ и самая система. Поэтому то для всѣхъ послѣдователей данной системы считается настолько обязательнымъ признавать и хранить эти правила, что отвергающій ихъ тѣмъ самымъ уже теряетъ право быть послѣдователемъ той или иной религіи, философін, науки: внѣ всякихъ правилъ, хотя-бы и условнаго характера, таковыя превращаются въ хаотическое явленіе, теряютъ всякую примѣнимость къ практической жизни. Исдневный опытъ показываетъ намъ, что если дисциплина нужна въ обыденной жизни и во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, то тѣмъ болѣе она необходима въ церковно-религіозной области, въ которой воспитывается самое дорогое—наша безсмертная душа.

Церковная дисциплина есть средство для нашей нравственной устойчивости, усовершенствованія. Ея сущность заключается вовсе не въ наборѣ механическихъ правилъ объ образѣ жизни общества, а въ развитіи способности къ непрестанному самонаблюденію, суду надъ собой, въ выработкѣ способности давать отчетъ самому себѣ въ своихъ мысляхъ и поступкахъ. Церковная дисциплина по существу есть „опытное христіанство“. Понимаемая въ такомъ смыслѣ, церковная дисциплина наивысшаго выраженія своего достигаетъ въ „житіяхъ святыхъ“ нашей Православной Церкви, каковыя житія полны самаго разнообразнаго духовнаго опыта. Сила и простота вѣры, терпѣніе и послушаніе, молитвенное ежедневное предстоаніе Богу, благотворительность, не ищущая награды, служеніе съ самоотверженіемъ ближнему, вотъ добродѣтели, которыя должны отличать каждое христіанское общество ¹⁾).

Какими же способами могутъ проводиться въ жизнь начала церковной дисциплины? На этотъ вопросъ мы должны отвѣтить, что самымъ лучшимъ средствомъ для проведенія въ жизнь началъ церковной дисциплины является наше дивное по содержанию своему Православное Богослуженіе и возможно широкое знакомство христіанъ съ нашимъ церковнымъ уставомъ. Начавшееся въ апостольскій вѣкъ образованіе нашего Богослуженія закончилось только къ 16 вѣку, когда уставъ его получилъ надлежащее завершеніе ²⁾. И если на твореніе его потребовалось полтора тысячелѣтія, то, слѣдовательно, какое громадное воспитательное значеніе для жизни въ немъ сокрыто, какое глубокое знаніе чловѣ-

¹⁾ Авторъ слишкомъ широко понимаетъ церковную дисциплину, отождествляя ее съ самою церковною, христіанскою жизнью. Указанныя авторомъ добродѣтели могутъ быть подведены подъ понятіе церковной дисциплины только въ приложеніи къ высшей духовной жизни. *Ред.*

²⁾ „Толковый Типиконъ“, проф. Кіевской Д. Академіи М. Скабалавича. 1910. 1—2 стр.

ческой жизни со стороны ея глубочайшихъ душевныхъ движеній въ немъ заключается! Благодаря такому длинному періоду образованія нашего Богослужбнаго устава, въ его развитіи и формировкѣ принимала участіе Церковь разныхъ эпохъ, мѣстностей и странъ. Со страницъ его вѣтъ умиленнымъ духомъ древней церковной жизни то христіанскаго Константинополя, то подвижническаго Египта и Оиваиды. Какъ соборное твореніе Церкви, онъ создавался, по преимуществу, достойными ея сынами. Чувствомъ священнаго восторга исполнены его вдохновенныя страницы, чѣмъ и сообщается книгѣ характеръ особенной святости и чистоты духовной. Вотъ въ чемъ заключается тайна глубокаго дѣйствія на душу Православнаго Богослуженія: участвующій въ немъ воспринимаетъ вліяніе Церкви всѣхъ временъ въ лицѣ лучшихъ силъ ея и живетъ жизнью всей Церкви. Вліяніе это исходитъ не только отъ поэзіи и музыки христіанскаго Богослуженія, но и отъ самаго его строя, порядка и детальныхъ особенностей³⁾. Невозможно представить себѣ, какой нравственный вредъ, какое вознагражденное лишеніе терпятъ люди, чуждающіеся храмовъ и Богослуженія, въ своей личной, семейной и общественной жизни. Каждый домъ христіанина, по апостолу (Римл. 16, 4), долженъ быть „домашней церковію“. Эта священная заповѣдь, по волѣ Божіей, пока еще сохраняется въ средѣ нашего простаго народа. Любовь къ украшенію дома св. иконами, счетъ дней и распределеніе занятій по церковнымъ праздникамъ, соотвѣтствіе временамъ церковнымъ въ выборѣ пици,—все это, хотя и не повсемѣстно, сохраняется въ немъ и доказываетъ, что онъ, за нѣкоторыми исключеніями, стоитъ въ постоянной связи съ храмомъ Божіимъ и дѣйствительно составляетъ часть великаго Тѣла Церкви Христовой. Сравните жизнь въ семействахъ, отображающихъ собою „домашнюю церковь“, съ семействами, всецѣло приобщившимися духу

³⁾ Ibid.

вѣка сего, значить вообщю убѣдиться, что не тщетно слово Божіе, произнесенное Спасителемъ іудеямъ, не признававшимъ въ Немъ своего Мессію: „се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ“ (Матѣ. 23, 38). Въ первыхъ радуются, когда радуется Церковь, смиряются и духовно сосредоточиваются, когда Церковь въ Богослуженіи своемъ выражаетъ печаль, „яже по Бозѣ“, постыются, когда Церковь требуетъ подвига покаянія, торжествуютъ и славятъ Господа, когда Церковь торжествуетъ то или другое событіе изъ исторіи искупленія рода человѣческаго и въ особенности самое славное изъ нихъ—Воскресеніе Христово. Естественно, что такой порядокъ семейной жизни отражается и на всѣхъ членахъ семьи: страхъ Божій, воздержаніе, трезвенность, послушаніе дѣтей родителямъ, миръ и трудолюбіе—вотъ ея нравственныя качества. Что-же мы видимъ во вторыхъ, въ семействахъ, отчужденныхъ отъ Церкви и ея Богослуженія? Здѣсь—вѣчныя будни; все—въ услуженіи плоти, все на нее работаетъ, все порабощено ею: нѣтъ здѣсь мѣста для духовнаго человѣка, а слѣдовательно, и для христіанскихъ добродѣтелей; домъ нравственно пустѣетъ; нѣтъ мира между членами такой семьи, потому что, по слову Божію, „нѣтъ страха Божія предъ очами ихъ“ (Римл. 3, 18). Изъ сдѣланнаго сравненія ясно, что ничто на свѣтѣ, никакая матеріальная культура не въ состояніи дать столько духовныхъ благъ народу, сколько даетъ ему Церковь Христова. Можетъ-ли быть неправильнымъ слово Господа: „какая польза человеку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ?“ (Матѣ. 16, 23; Марк. 8, 36).

Чтобы не показались странными и фантастичными нѣкоторыя высказанныя нами положенія и замѣчанія, вмѣсто заключенія позволяемъ себѣ сдѣлать нижеслѣдующее послѣсловіе.

Въ наше время всевозможныхъ превратностей и непостоянства больше всего приходится считаться съ требованіями общественной критики по вопросу о средствахъ къ

возстановленію мира и единства съ Церковію огромной части нашего русскаго народа — интеллигенціи. Въ достиженіи этой цѣли часто употребляются ложно рассчитанныя средства, приспособительны къ духу времени и запросамъ общества. Намъ невольно приходятъ на память слова величайшаго изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, произнесенныя на пастыррей израильскихъ, которые лестію и челоуѣкоугодничествомъ усыпляли народное сознаніе и не открывали ему всей правды: „горе тѣмъ, которые говорятъ: миръ, миръ, а мира нѣтъ“ (Иерем. 6, 14).

„Нѣтъ мира“ и въ нашемъ отечествѣ, въ нашей Церкви Православной: враги ихъ безчисленны, коварны, сильны. Необходимы энергичныя мѣры для противодѣйствія развивающемуся кругомъ и крѣпнущему духу маловѣрія и невѣрія, плотоугодія и распутства, гордости и самопревозношенія, измѣны и отчаянія, словомъ, — безчисленныхъ „духовъ злобы поднебесныхъ“ (Ефес. 6, 12), потрясавшихъ во всѣ вѣка этотъ видимый міръ. Напрасно говорятъ, что господствующая Церковь не обращаетъ никакого вниманія на существующее разъединеніе и нестроенія въ своей оградѣ. Служители Христовой Церкви всегда были сторонниками идеи единенія въ обще-церковномъ дѣлѣ. Если же осуществленіе этой идеи не достигается на практикѣ, то послѣднее зависитъ оттого, что нѣтъ въ русской жизни объединяющаго клиръ и мірянъ церковнаго начала, какимъ можетъ быть только церковно-апостольское соборное начало. Вотъ почему такія большія надежды возлагаются многими на будущій Всероссійскій Церковно-помѣстный Соборъ. Онъ долженъ возвратить „отпадшихъ“ въ Церковь Христову: для сего въ его властномъ распоряженіи имѣются всѣ каноническія средства.

Причина всѣхъ церковныхъ соблазновъ и нестроеній известна: удаленіе изъ дома Отца Небеснаго, т. е. Церкви, души русской, которая „тамъ“, въ Церкви родилась въ водахъ крещенія для вѣчной жизни, „тамъ“, хотя и безсознательно, „вкусила

дара небеснаго и силъ будущаго вѣка и содѣлалась прича-
стницею Духа Святаго“ (Евр. 6, 5—6). Возвращеніе воз-
можно. Въ домѣ Божіемъ, Церкви Православной, этой ро-
динѣ нашего духа, хранится необходимая для сего сила. Слѣ-
дуетъ только прислушаться въ своей совѣсти къ голосу Па-
стыреначальника, которымъ Онъ таинственно и „по имени“
называетъ каждаго изъ насъ и приглашаетъ къ возвращенію
(Іоанн. 10 гл.) „во дворъ овчій“, въ Церковь Іисуса Христа.
Здѣсь мы встрѣтимъ и истинное разумѣніе Евангелія, и
образцы нравственнаго восхожденія къ совершенству, и духов-
ныя радости и утѣшенія, и залогъ нашего вѣчнаго спасенія
и блаженства.

Такимъ образомъ задача Церковнаго Собора велика,
всеобъемлюща; и чѣмъ скорѣе она получитъ на немъ свое
раскрытіе и общественное признаніе, тѣмъ большая польза
ожидаетъ нашъ русскій народъ и все русское государство,
потому что съ авторитетомъ Церкви упрочивается и разви-
вается личное, семейное и общественно-государственное бла-
госостояніе народовъ, принадлежащихъ къ ней.

Священникъ *Василій Бажановъ*.

Средневѣковая борьба въ Западной Европѣ между римской церковію и государствомъ за взаимныя отношенія.

(Окончаніе ¹).

Намъ остается теперь рассмотреть, что эта борьба выработала для рѣшенія вопроса на западѣ о взаимныхъ отношеніяхъ Церкви и государства.

Въ продолженіе среднихъ вѣковъ западно-европейское государство, раздробленное и обезсиленное феодализмомъ, не

¹ См. № 27 за 1911 г.

сознавало своихъ правъ и тѣмъ благопріятствовало могуществу клира Римская Церковь, могучая своимъ единствомъ, повергала его предъ собою въ прахъ. „Престоль св. Петра имѣеть власть рѣшить и вязать дѣла души, тѣмъ болѣе, слѣдовательно, имѣеть право рѣшать дѣла жизни временной. Богъ, вручившій папѣ власть вязать и разрѣшать на небѣ и землѣ, никого не освободилъ изъ подъ этой власти. Папу онъ поставилъ княземъ князей и потому всѣ земные государи—подданные папы“. Папа Григорій VII, высказавшій эти начала и стремившійся осуществить ихъ, былъ столь проникнутъ идеею превосходства Церкви надъ государствомъ, что объявилъ всѣ земныя власти произведеніемъ адскихъ силъ. Иннокентій III, великій юристъ своего времени, съ неменьшею гордостью относился къ свѣтской власти. „Священство есть установленіе божественное, власть государя вытекаетъ изъ необходимости человѣческой. Государи имѣють власть только на землѣ; священники на небѣ и землѣ. Первые имѣють власть надъ тѣломъ, вторые надъ душой и тѣломъ“. Иннокентій любилъ сравнивать Церковь съ солнцемъ, а государство съ луною. „Какъ солнце—свѣтило дня, такъ папство—свѣтило души человѣческой; какъ луна освѣщаетъ ночныя тропинки, такъ королевская власть управляетъ тѣлами. Луна свой свѣтъ заимствуетъ отъ солнца, превосходящаго ее величиною, такъ королевская власть отъ авторитета папы получаетъ свой блескъ и достоинство. Царь царей поставилъ папу Своимъ представителемъ на землѣ и въ то же время главою Церкви и государства. Весь міръ долженъ ему повиноваться. Онъ болѣе не человѣкъ, онъ намѣстникъ истиннаго Бога“. Даже такой государь, какъ Фридрихъ II, принужденъ былъ выслушивать отъ современныхъ папъ гордые уроки и въ продолженіе многихъ лѣтъ склоняться предъ ними съ наружнымъ смиреніемъ. Когда, спустя нѣсколько времени, онъ осмѣлился утверждать, что императорская власть исходитъ такъ же отъ Бога, какъ и власть папы, и объявилъ независимость государства отъ Церкви на томъ основаніи,

что первое древнѣе второй, Иннокентій IV отвѣчалъ ему съ негодованіемъ: „до Иисуса Христа свѣтская власть была только тиранніею. Христосъ ввѣрилъ св. Петру ключи отъ царства неба и земли. Потому и Константинъ въ руки Церкви передалъ свою императорскую власть, чтобы снова принять ее уже отъ Церкви законнымъ порядкомъ“.

Трудно современнымъ людямъ повѣрить, чтобы распространители этихъ мнѣній нисколько не сомнѣвались въ истинѣ своихъ словъ, и чтобы масса народа принимала ихъ безъ колебанія; но сила воспитанія была тогда сильнѣе критики. Исторія показывала только то, что благоприятствовало составленному идеалу, всякое же свободное историческое изслѣдованіе было объявлено путемъ къ ереси. Теорія Церкви, впрочемъ, никогда не была осуществлена на практикѣ жизни, потому что начало власти государственной составляло ея естественную оппозицію. Но она было признана справедливою большинствомъ ученыхъ того времени,—да и теперь еще господствуетъ, хотя и въ болѣе смягченномъ видѣ, въ ультрамонтанскихъ школахъ.

Изъ ревностныхъ поборниковъ папства іезуиты первые поняли, что міръ перемѣнился, и что владычества папъ надъ дѣлами мірскими и духовными болѣе нельзя защищать съ надеждою на успѣхъ, когда государство сознало свои права и когда почти весь германскій сѣверъ отказался даже отъ духовнаго авторитета папы. Поэтому они ограничили свои домогательства до той мѣры, въ какой надѣялись ихъ отстоять. Белларминъ, кардиналъ—іезуитъ, взялъ задачею согласить домогательства папства съ новыми взглядами на право государственное. „Папы имѣютъ только то право, которое Христосъ предоставилъ имъ, какъ своимъ представителямъ. Никогда Христосъ не пользовался царскою властью въ смыслѣ мірскомъ: *Мое царство не отъ міра сего*. Какъ Сынъ Божій, Онъ дѣйствительно господствуетъ надъ всѣми созданіями; какъ человекъ, Онъ не царствовалъ на землѣ и не передавалъ царской власти апостолу Петру. Онъ предоставилъ ему

только часть Своей власти, именно власть надъ вѣрными, поставивъ его пастыремъ Своего стада, для того, чтобы онъ показалъ, вѣрнымъ путь къ вѣчному спасенію“. Такъ Беллярминъ противорѣчилъ Григорію VII и Иннокентію III и отвергалъ принципъ свѣтской власти папы. Но ловкій іезуитъ отвергалъ свѣтскую власть папы только на словахъ, на самомъ дѣлѣ онъ старался укрѣпить ее. „Насколько требуетъ этого спасеніе души вѣрующаго, папа имѣетъ власть надъ дѣлами мірскими. Какъ душа, такъ и тѣло имѣютъ свою специальную сферу дѣятельности. Если плоть становится для души препятствіемъ въ достиженіи ея цѣли, послѣдняя посредствомъ поста и умерщвленія принуждаетъ тѣло себя подчиниться. Она даже можетъ предписать ему пожертвованіе жизнію. Цѣль власти свѣтской—миръ земной; цѣль духовной—спасеніе вѣчное, первая ниже второй и должна быть подчинена ей; слѣдовательно, и власть свѣтская ниже духовной. Ничто не запрещаетъ властямъ мірскимъ имѣть собственную свою дѣятельность; но если онѣ встрѣчаютъ на своемъ пути власть духовную, послѣдняя имѣетъ полное право подчинить ихъ всѣми средствами“. Изъ этого видно, что власть папы, косвенно предложенная Беллярминомъ, имѣетъ въ виду то же полное подчиненіе государства Церкви, какое имѣла въ виду и непосредственная власть Церкви, объявленная папами Григоріемъ VII, Иннокентіемъ III и Бонифаціемъ VIII. Только духъ клерикальнаго преобладанія прикрылся здѣсь болѣе скромною одеждою. Но папа Сикстъ V не хотѣлъ даже наружно отказаться отъ своего домогательства быть *царемъ царей*. Естественно поэтому, что скромность формы, въ которой Беллярминъ выразилъ принципъ Церкви, ему не понравилась, и онъ, несмотря на усиленныя просьбы іезуитовъ и большинства кардиналовъ, объявилъ сочиненія Беллярмина *запрещенными*. Однако и самые папы не могли освободиться отъ вліянія времени, и ученіе Беллярмина было скоро принято партією ультрамонтанскою. Эта партія не могла скрыть отъ себя, что непосредственная свѣтская власть папы никѣмъ

уже не признается, что защитить ее нѣтъ возможности; она поняла, что величайшія усилія нужны даже для того, чтобы защитить посредственную, косвенную власть папы. Но необходимо было защитить ее, и орденъ іезуитовъ началъ съ необыкновенною ловкостью, съ самою упорною настойчивостью, съ неослабною ревностью внушать народу сочувствіе къ дѣлу возстановленія верховной власти папъ надъ князьями въ такомъ видѣ, какъ понимали ее въ средніе вѣка. Ихъ усилія не всегда оставались безъ успѣха, только успѣхи были не тверды. Въ нѣкоторыхъ странахъ они успѣли на цѣлые вѣка удержать полетъ человѣческой мысли, направить ее на ложную дорогу, сдвинуть ее, но не успѣли повсюду остановить развитія человѣческаго сознанія. И вотъ успѣхи ихъ обращались большею частью на нихъ самихъ. Старая ненависть мірянъ къ римскому клиру дошла до крайнихъ предѣловъ и наконецъ привела къ революціоннымъ взрывамъ, которые погребли подъ своими развалинами зданіе клерикальной власти, воздвигнутое съ такимъ трудомъ.

На Тридентскомъ соборѣ сдѣлана была еще одна смѣлая попытка провести подъ новою формою начало верховной власти Церкви надъ государствомъ. Собранію представленъ былъ проэктъ *реформы государей* (*reformatio principum*), который долженъ былъ возобновить свободу Церкви, какъ понимали ее прежде. Въ проэктѣ было высказано, что „Богъ далъ государямъ мечъ для того, чтобы покровительствовать Церкви и заставлятъ подданныхъ ей повиноваться, что сами государи обязаны повиноваться св. законамъ папы и соборовъ и должны увеличить еще богоустановленную свободу клира отъ налоговъ и заставить своихъ чиновниковъ уважать эту свободу. Никто да не дерзаетъ призывать къ свѣтскому суду лицъ, облеченныхъ характеромъ религіознымъ, ни преслѣдовать ихъ подъ предлогомъ даже общественнаго блага и службы царской, „не получивши на это особаго полномочія“. Кто будетъ дѣйствовать иначе, тому грозитъ отлученіе. Право Церкви, во всей полнотѣ своей, должно быть уважаемо князьями,

какъ „установленіе Божіе“. „Никакое лицо, какъ бы ни было высоко его достоинство, не исключая королей и императоровъ, не можетъ собственною своею властью выдать приказъ, предписаніе и законъ, какой бы то ни было, касательно интересовъ лицъ Церкви и предпринять какія либо мѣры во всѣхъ дѣлахъ такого рода. Никто изъ мірянъ не можетъ мѣшаться въ церковное судопроизводство; даже болѣе,—каждый обязанъ уважать судебное рѣшеніе Церкви и, когда это необходимо, предлагать къ услугамъ Церкви свою помощь“.

Эта реформа власти государей была съ одобреніемъ принята членами собора. Но однако она, согласная съ средне-вѣковымъ идеаломъ, мало соотвѣтствовала духу XVI вѣка и видамъ свѣтскихъ властей. Самый фанатическій король Филиппъ II испанскій жаловался на то, что проэктъ оскорбляетъ королевское величество. Его дядя, король Германіи и императоръ римскій Фердинандъ, написавъ членамъ собора, что ихъ проэктъ вполне испровергаетъ гражданскій авторитетъ государственной власти. Онъ грозилъ имъ возмущеніемъ мірянъ, ярость которыхъ испровергнетъ Церковь до основанія. Король французскій Карль IX прямо объявилъ собору, что „онъ желаетъ сохранить неприкосновенными права своей короны, не потерпитъ, чтобы они были подвергнуты сомнѣнію, и даже не считаетъ нужнымъ защищать ихъ предъ соборомъ“. Его посланникъ юристъ Феррье (Ferrier) воспользовался этимъ случаемъ, чтобы высказать сеніорамъ Церкви нѣсколько горькихъ истинъ: „проэктъ *реформы* оскорбляетъ царское величество и нарушаетъ свободу Церкви галликанской. Христіанскіе короли, по примѣру Константина, издали многочисленныя декреты относительно Церкви, и эти законы собраны въ коллекціи книгъ каноническаго права. Они не противорѣчатъ ни догмѣ религіозной, ни рѣшеніямъ древнихъ соборовъ и предоставляютъ епископамъ свободу въ исполненіи ихъ духовнаго назначенія; они не запрещаютъ епископамъ жить въ своихъ діоцезахъ, даже болѣе восьми—девяти мѣсяцевъ, какъ требуетъ того соборъ тридентскій; они могутъ

оставаться цѣлый годъ среди своего стада и подавать ему примѣръ благочестивой жизни; никто не удерживаетъ ихъ исполнять всѣ евангельскія добродѣтели; они безъ опасенія могутъ раздѣлять доходы Церкви бѣднымъ, истиннымъ собственникамъ имѣній церковныхъ. Но если епископы имѣютъ свою свободу, государство также имѣетъ свои права. Оно принимаетъ жалобы на злоупотребленія съ цѣлью наложить узду на надменность клира; оно отказывается въ своемъ согласіи булламъ, которыя унижаютъ его власть, и даетъ приказаніе клиру по требованію общественнаго блага. Короли Франціи никогда не откажутся отъ этихъ богодарованныхъ правъ своихъ". Въ заключеніе посланникъ выражаетъ почтеннымъ отцамъ собора свое удивленіе, что они, собравшись для излеченія заблужденій Церкви, хотятъ разойтись, когда не сдѣлали еще ничего важнаго относительно этого предмета, и что въ то же время съ полною ревностью разсуждаютъ о реформѣ власти государей, которой, по святому писанію, „сами должны оказывать повиновеніе“. Рѣчь посланника французскаго не понравилась членамъ собора, однако они не осмѣлились принять проекта „реформы князей“ и удовольствовались объявленіемъ, и то въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ и менѣе повелительнымъ тономъ, что свобода Церкви отъ налоговъ есть право божественное и каноническое, и что они святія права Церкви вручаютъ покровительству властей государственныхъ. Но опредѣленія собора, несмотря на всѣ прикрасы, были только частью, и притомъ съ ограниченіемъ, приняты и признаны католическими свѣтскими властями. Такъ перемѣна въ основной идеѣ объ отношеніяхъ государства и Церкви была частью осуществлена или, по крайней мѣрѣ, готова была осуществиться. Внутри Церкви образовались ученія, на взглядъ римскаго клира еретическія, которыя съ энергіею, постоянно возрастающею, противопоставляли религіозной іерархіи идею національности. Уже Арнольдъ де Бреція (Brescia) въ Римѣ, Саванаролла во Флоренціи, англичанинъ Оккомъ въ Парижѣ, Виллефъ въ

Оксфордъ, Массиль Падуанскій въ Италиі и въ Германіи Іоаннъ Гуссъ Пражскій возстали противъ свѣтской власти Церкви. И потому, когда Лютеръ, Цвингли, Кальвинъ произвели религіозную реформу XVI вѣка, народное политическое движеніе приняло въ этомъ событіи большое участіе, потому что въ реформациі заключалось религіозное узаконеніе правъ государственныхъ. Реформаторы, признавая Церковь, какъ общество вѣрующихъ, признали за государствомъ не плотскую, но и духовную, нравственную природу и потому предоставили во власть христіанскаго государства внѣшнюю сторону Церкви, предоставили ему власть законодательную, все управленіе и судопроизводство; государство протестантское признано было совершенно свободнымъ (во внѣшнемъ положеніи) отъ владычества клира.

Такимъ образомъ, средневѣковая идея верховной власти Церкви (т. е. клира) совершенно ниспровергнута. Усилія ультрамонтанъ возстановить ее въ настоящее время—напрасны: единодушно уже признано, что клиръ, въ дѣлѣ образованія и нравственности, *не выше мірянъ по своей природѣ*, что верховная власть въ дѣлѣ внѣшняго законодательства и судопроизводства принадлежитъ государству, наконецъ, что клиръ подчиненъ законамъ и судамъ государственнымъ наравнѣ со всѣми другими классами общества гражданскаго. Если еще въ настоящее время существуютъ для клира нѣкоторыя исключенія, каковы, на примѣръ, освобожденіе клириковъ отъ военной службы или подсудимость клиру дѣлъ брачныхъ, то эти исключенія существуютъ потому, что власть государства предоставила клиру эти права, какъ *привилегіи*, а не потому, что они *по праву божественному* принадлежатъ клиру.

Кир. Тихомировъ.

По поводу пожара въ женскомъ Дивѣевскомъ монастырѣ.

Въ женскомъ Дивѣевскомъ монастырѣ въ четвергъ Страстной недѣли сгорѣлъ 3-хъ этажный корпусъ, и всѣ обитательницы его лишились скуднаго имущества, оставшись къ Великому Празднику почти безъ крова; монастырь этотъ, находящійся въ юго-западной части Нижегородской епархіи (въ Ардатовскомъ уѣздѣ), расположенъ въ 13 верстахъ на сѣверозападъ отъ Саровской пустыни, гдѣ отъ 17 и до 73 лѣтъ своей дивно-благочестивой жизни пребывалъ въ непрестанной молитвѣ преподобный Серафимъ. Незадолго до своей блаженной кончины, послѣдовавшей 2-го января 1833 года, онъ получилъ повелѣніе Царицы Небесной—въ смежности съ ранѣе бывшею общиною полковницы Мельгуновой (въ монашествѣ—мать Александра) отвести участокъ земли для жительства новымъ дивѣевскимъ сестрамъ, питавшимся съ доходовъ отъ мельницы.

По указанію Пресвятой Богородицы и по точнымъ св. Серафима измѣреніямъ, „мельничныя“ сестры его какъ разъ ко дню его кончины выкопали 3-хъ стороннюю (огражденную въ настоящее время проволокою) канавку, вдоль которой, по его завѣту, ежедневно передъ отходомъ ко сну всѣ подвижницы этой общины совершаютъ обходъ съ пѣніемъ духовныхъ пѣсенъ; установлено это потому, что Царица Небесная избрала это мѣсто Себѣ въ уѣздѣ, „обойдя его св. стопочками Своими“ (см. лѣтопись Серафимо—Дивѣевскаго монастыря, изд. 2-е, 1903 г., стр. 255, 256, 258) и обѣщавъ удостоивать его личнымъ Своимъ посѣщеніемъ каждодневно, какъ полагаютъ, преимущественно около полуночи, когда нѣкоторымъ счастливо вѣдѣть въ ту же пору и св. Серафима навѣщающимъ духовныхъ дѣтей своихъ. Что святая обитель эта („мельнично—дѣвическая община“), въ которую принимаются однѣ лишь дѣвушки (стр. 483), числомъ нынѣ до тысячи, представляетъ изъ себя, дѣйствительно, нѣчто выдаю-

щеся, можно заключить изъ словъ преподобнаго: „счастливы всякъ, кто у убогаго Серафима, въ Дивѣевѣ, пробудеть сутки, отъ утра до утра, ибо Матерь Божія, Царица Небесная, каждыя сутки посѣщаетъ Дивѣво“ (Лѣтопись, 1-е изд. 1896 года стр. 65). Этимъ какъ бы указывается, что, пребывая тамъ на молитвѣ, посѣтителѣ могутъ удостоиваться великаго счастья быть не только услышанными, но и встрѣченными самой Царицею неба и земли. Чтобы каждому православному дать возможность использовать для себя этотъ драгоцѣнный источникъ счастья, необходимо по отстройкѣ, взамѣнъ сгорѣвшаго, новаго корпуса выстроить, за счетъ предстоящихъ пожертвованій, не внѣ стѣнъ обители, а въ предѣлахъ монастырскихъ стѣнъ еще другой каменный корпусъ специально для того, чтобы каждый изъ пріѣзжихъ имѣлъ право провести, въ отдѣльной комнаткѣ, сутки на молитвѣ, во исполненіе пророчества св. Серафима; „станутъ всѣ приходить къ намъ“ (стр. 290), „будетъ здѣсь женская Лавра“ (стр. 263). Обитель эта замѣчательна еще и предсказаніемъ св. Серафима о томъ, что „когда антихристъ приблизится къ ней со своею ратью, то соборъ и канава поднимутся до неба и защитятъ, и не сможетъ ничего сдѣлать антихристъ. Вѣдь Дивѣевъ—то диво будетъ—четверо мощей въ Рождественской церкви почивать будутъ, и будетъ тутъ не село, а городъ“ (стр. 255, 256, 258, 290, 291, 456).

Зная все это, какъ не поспѣшить каждому, любящему Бога и свою родину, на помощь этой дивной святыни (направляя непосредственно по ея адресу свою лепту).

Нашей скорой и щедрой денежной помощи св. обитель эта заслуживаетъ еще и потому, что, по обычаю теперешней настоятельницы ея, игуменьи Александры, никто изъ состава ея никогда не бываетъ посылаемъ за сборомъ подаваній, но въ дни оскудѣнія руководима Царственной Наставницею Своею мать—игуменья (считающаяся намѣстницею по Верховной Управительницѣ этой общины) сзываетъ всѣхъ духовныхъ дѣтей своихъ на единодушно—слезную молитву къ

Покровительницѣ и единой ихъ Питательницѣ, не оставляющей никогда духовныхъ чадъ своихъ безъ дивной помощи (стр. 214, 456, 457, 465, 469). Придемъ же и мы, всѣ, на скорую помощь—чѣмъ кто можетъ—къ этимъ истиннымъ подвижницамъ, если не по духовному влеченію и усердію своему, то хотя бы изъ личной нашей выгоды, ибо св. Серафимъ Саровскій 2-хъ недѣльнымъ непрерывнымъ молитвеннымъ бдѣніемъ своимъ умолилъ Дѣву Марію не оставлять послѣ кончины его святымъ предстательствомъ Своимъ предъ Богомъ не только сестеръ этой общины, посѣтителей ихъ монастыря, но и всѣхъ благотворителей его, и не только ихъ лично, но и въ роды родовъ ихъ во исполненіе словъ величанія Дѣвы Маріи Архангелу Гавріилу: „И милость Его въ роды родовъ къ боящимся Его“ (Ев. Луки I, 50).

М.

ЗАМѢТКА.

МѢры къ улучшенію преподаванія церковнаго пѣнія въ церковныхъ школахъ.

Св. Синодъ утвердилъ предположенія синодальнаго совѣта о мѣрахъ къ поднятію значенія церковнаго пѣнія въ церковныхъ школахъ и къ лучшей постановкѣ его преподаванія и опредѣлилъ: 1) разъяснить, что церковное пѣніе принадлежитъ къ числу обязательныхъ предметовъ преподаванія въ церковныхъ школахъ, а потому къ изученію его должны быть привлекаемы всѣ учащіяся въ церковныхъ школахъ дѣти, при чемъ желательно, чтобы по возможности всѣ школьники, совмѣстно съ бывшими учениками и ученицами школы, принимали участіе въ богослужебномъ пѣніи въ церкви въ дни воскресные и праздничные; 2) считая обученіе церковному пѣнію обязанностью каждаго учащаго, просить епархіальныхъ преосвященныхъ сдѣлать распоряженіе, чтобы тѣмъ изъ уча-

щихъ въ церковныхъ школахъ, кои подготовятъ изъ учащих-ся хоръ и будутъ руководить имъ въ храмѣ при богослуженіи, было выдаваемо изъ церковныхъ суммъ особое вознагражденіе; 3) поручить епархіальнымъ училищнымъ совѣтамъ обращать особливое вниманіе на постановку преподаванія церковнаго пѣнія въ тѣхъ второклассныхъ школахъ, кои будутъ предназначены для подготовленія помощниковъ священникамъ по преподаванію Закона Божія въ начальныхъ школахъ; 4) въ виду того, что въ теченіе одного мѣсяца или пяти недѣль, назначаемыхъ обычно на лѣтніе учительскіе курсы, невозможно основательно ознакомить слушателей съ курсомъ пѣнія, поручить также епархіальнымъ училищнымъ совѣтамъ устроить въ центральныхъ пунктахъ періодическіе курсы съ курсомъ ученія, по крайней мѣрѣ, въ два лѣтнихъ сезона, организовать соотвѣтственно съ этимъ вызовъ слушателей и составъ преподавателей и руководителей на курсахъ; 5) при предстоящемъ пересмотрѣ программъ, сдѣлать въ программѣ по церковному пѣнію точный перечень церковныхъ пѣснопѣній, изученіе которыхъ необходимо и обязательно для учащихся; 6) при пересмотрѣ штатовъ второклассныхъ школъ, отдѣльныхъ учителей пѣнія сихъ школъ, имѣющихъ учительское званіе, уравнивать въ пенсіонныхъ, служебныхъ и иныхъ правахъ съ другими штатными учителями сихъ школъ.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 30-го іюня 1911 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

ГОДЪ

ЛІІ

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 29.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года іюля 17-го дня.

Содержаніе: I. Литературно-житейскія замѣтки. Свящ. А. Веселицкій.—
II. Ученіе Христа Спасителя въ третьемъ евангелии о богатствѣ и
бѣдности. В. Бѣлоликовъ.—III. Архипастырское воззваніе. Архіепис-
копъ Макарій.—

Литературно-житейскія замѣтки.

II.

Хорошо, легко было нашимъ дѣдамъ и прадѣдамъ раз-
бираться въ смыслѣ современной имъ литературы. Добрый де-
сятокъ писателей, да три—два истолкователя—критика ихъ
творчества,—вотъ и весь пантеонъ россійской словесности.
Теперь—не то. Мы подавлены хлынувшимъ на насъ литера-
турнымъ потокомъ: писателей—не перечесть, критиковъ—
обозрѣвателей—тоже, и вдумчивый, ищущій по прежнему
смысла и разъясненія жизненныхъ вопросовъ въ литературѣ
читатель становится положительно втупикъ. Кого слу-
шать, кому вѣрить, гдѣ, на чьей сторонѣ жизненная правда?

Разобраться трудно. Читатель уподобляется человѣку, попавшему въ глухой лѣсъ, гдѣ раздаются тысячи разнообразныхъ птичьихъ голосовъ; изволь разобраться, какимъ породамъ птицъ эти голоса принадлежатъ.

Еще труднѣе, мучительнѣе положеніе думающихъ, мыслящихъ представителей нашей духовной среды при современной количественно-продуктивной литературѣ и ея разногласицѣ. Какъ-никакъ, они ясно сознаютъ необходимость общенія съ ней и проникновенія въ ея завѣтные чаянія и идеалы. И это стремленіе наше, какъ мы уже говорили, явно обнаруживается теперь въ попыткахъ нашей изолированной, самозамкнутой духовной литературы къ сближенію со свѣтской. Нѣтъ почти ни одного духовнаго журнала, гдѣ бы оно не выражалось „литературными обзорѣніями“, „отзвуками печати“ и т. под. отдѣлами нашихъ повременныхъ изданій. Но главная бѣда, главное затрудненіе для нашихъ обзорѣвателей въ томъ, что до сихъ поръ они не имѣютъ прочнаго и вѣрнаго критерія—принципа, который освѣтилъ бы предъ ними истинное положеніе, состояніе литературы, помочь бы правильно оцѣнить произведенія литературно-творческой мысли, раскрылъ бы ихъ общій внутренній смыслъ и значеніе. До сихъ поръ всѣ они подходятъ къ свѣтской литературѣ, какъ незнакомому заколдованному лѣсу, не будучи посвящены въ общій смыслъ переживаемой литературной эпохи и при своихъ обзорахъ вынуждены руководствоваться или принципомъ чистой случайности, или узко-сословнымъ конфессіональнымъ интересомъ.

Но нужно же когда нибудь выйти намъ изъ такого шаткаго положенія, не дающаго ничего, кромѣ безплодныхъ и случайныхъ разсужденій на литературныя темы; нужно искать путей къ пониманію и правильному истолкованію для себя и для читателя общаго смысла и направленія литературной мысли; нужно найти руководственный основной принципъ для оцѣнки всего ея многообразія и многогранности, чтобы найти здѣсь нѣчто общее, главное, доминирующее надъ част-

ностями. И такая попытка разобраться въ нашей крикливой литературной современности, отыскать ея лейтъ-мотивъ и опредѣлить ея значеніе намъ кажется небезнадежной. Все дѣло въ томъ, что, не смотря на кажущуюся необъятность, пестроту и обиліе всей массы литературныхъ явленій, всѣ объекты, занимавшіе и раньше и теперь привлекающіе къ себѣ литературную мысль, могутъ быть обобщены, сведены къ очень ограниченному числу категорій.

Если философская мысль, не взирая на богатство содержанія и многообразіе системъ, сводится всего лишь къ тремъ главнымъ объектамъ: Богъ, міръ и человѣкъ, то и литературно-художественная мысль ограничена очень и очень узкими предѣлами. Чтò занимало ее на протяженіи всей человѣческой исторіи, какъ не жизнь во всей широтѣ своихъ проявленій и ея слагаемая—добро и зло? Изъ того или другого отношенія человѣка къ жизни, изъ ея оцѣнки, а также изъ соотвѣтственнаго пониманія значенія ея положительныхъ (добро) и отрицательныхъ (зло) сторонъ составлялось все идейно-художественное содержаніе литературы всѣхъ временъ и народовъ. Не напрасно же и до сихъ поръ не существуетъ болѣе распространеннаго и удобопріемлемаго опредѣленія литературы, какъ „изображенія жизни“. Жизнь, любовь къ жизни, или страхъ и отвращеніе и ужасъ передъ нею,—вотъ что производила творческая, художественная мысль человѣка; добро въ самомъ широкомъ смыслѣ, начиная съ идеи божества, нравственныхъ началъ до счастья и удовольствія включительно, и зло, какъ тѣневая сторона жизни, опять же начиная съ идеи злого духа до злостраданій человѣческой жизни.—вотъ что заставляло мысль человѣка работать усиленно, настойчиво до болѣзненности и искать выхода изъ рокового дуализма. Изъ этихъ трехъ объектовъ литературно-художественной мысли слагалось всегда, какъ и теперь, идейное содержаніе всякой литературы, а тѣмъ или другимъ отношеніемъ человѣка къ этимъ объектамъ опредѣлялись литературныя направленія или теченія.

При этомъ, конечно, отношеніе человѣка къ тремъ главнымъ предметамъ литературно-художественнаго творчества и характеръ положительнаго или отрицательнаго изображенія ихъ во всемъ зависѣлъ отъ многихъ естественныхъ, экономическихъ и религіозно-философскихъ условій существованія человѣческихъ обществъ въ разныя эпохи.

Возьмите, для примѣра, греческую классическую эпоху: благопріятныя условія создали въ человѣкѣ радостное міропониманіе и жизнеощущеніе, и вотъ литература, искусство грековъ даетъ намъ точное ихъ отраженіе. Зла какъ бы не существуетъ—это просто мимолетная тѣнь. Иное представляетъ средневѣковье. Подъ влияніемъ узко понятой христіанской идеи и еще болѣе подъ воздѣйствіемъ тяжелыхъ мрачныхъ условій соціальнаго быта жизнь естественная утратила красоту и цѣну, идеалы перенесены въ другой міръ. Данте и другіе выразили это. Рыцарство, полное жизни, не смѣло возводить въ идеальное поклоненіе и прославленіе ея, отсюда уродливое одухотвореніе жизни въ литературѣ—рыцарская любовь, рыцарскія добродѣтели. Но вотъ другое время—другія пѣсни. Новые вѣка создали просторъ разуму, раскрѣпостили жизнь, и она опять стала цѣнна и дорога. Литература отразила это всесторонне преклоненіемъ предъ естественной красотой жизни.

Общій характеръ литературы за всѣ эти времена отражалъ свѣтлую вѣру въ жизнь, ея отрицанія не было. Правда, чѣмъ ближе къ нашей эпохѣ, тѣмъ болѣе замѣтно—углубленіе мысли, ослабленіе религіозныхъ авторитетовъ, экономическіе кризисы, трудность существованія стали уже измѣнять отношеніе литературы къ жизни. Но подъ влияніемъ религіозныхъ и этическихъ началъ, оставшихся отъ предыдущихъ эпохъ, отношеніе къ жизни было все же положительное: задача мысли человѣческой, при болѣе яркомъ обнаруженіи зла въ жизни, сводилась лишь къ оправданію добра, Бога, теодицеѣ и формулировалась философски: *Sideus est, unde malum?* Литература исповѣдывала ту же вѣру: отсюда—то же лю-

бовное изображеніе жизни, бодрая борьба со зломъ, торжество добра; отсюда—широкое развитіе бытового изображенія жизни въ литературѣ, требованіе выведенія героевъ, побѣдителей зла всевозможныхъ видовъ. У насъ Толстой былъ такимъ пѣвцомъ естественной красоты человѣческой жизни, изображая ее, какъ самодовлѣющее благо. Здѣсь зло и нравственная борьба съ нимъ, подвигъ являлись лишь въ родѣ тѣни, малозначущимъ агентомъ, иногда просто—помѣхой широкому красивому развитію естественныхъ жизненныхъ явленій. Но это и въ жизни человѣческой и въ литературѣ былъ уже послѣдній періодъ цѣлостнаго, синтетическаго постиженія дѣйствительности и ея оцѣнки.

На ряду съ нимъ зарождалось въ человѣчествѣ разрушительно-критическое направленіе, захватившее мысль сверху донизу. Началась переоцѣнка цѣнностей. Теперь мысль въ своемъ направленіи измѣнилась кореннымъ образомъ. Всѣ условія постиженія и пониманія жизни стали другими. Общественно—соціальные крахи утопическихъ мечтаній, разладъ между матеріальнымъ прогрессомъ и счастьемъ создали небывалый еще мрачный уклонъ общечеловѣческой мысли. Изъ двухъ слагаемыхъ жизни—зла и добра перевѣсъ въ ней получило первое, и вопросъ жизни измѣнился діаметрально-противоположно. Если раньше благодушно спрашивали: откуда зло?—то теперь спрашиваютъ: если кругомъ безпросвѣтное зло, то гдѣ же Богъ? *Ubi tandem deus?* Выразителемъ направленія явился „богоубійца“ Ницше. Но съ отрицаніемъ Бога померкли и краски жизни. Жизнь утратила въ глазахъ людей непосредственную цѣну, прелесть, обаяніе. Люди подходили къ ней со скальпелемъ анализа, и художники стали искать красоту не въ настоящей жизненной дѣйствительности, а въ утонченныхъ внутреннихъ переживаніяхъ. Жизнь разбилась, какъ зеркало на мелкіе осколки, и писатели—художники перебирали по отдѣльности черепки, показывая уродливыя отраженія отдѣльных моментовъ жизни. Быть изгнанъ былъ изъ литературы, романъ смѣнился мелкими формами разсказа и декаденской бо-

лѣзненной лирикой. И у насъ мы видимъ, начиная съ Чехова, именно это частичное изображеніе кусочковъ, обломковъ безжалостно разбитаго цѣлаго, о синтезѣ никто не думалъ. Романъ бытовой исчезъ. Такъ, оказывается, разрушительная работа критической и аналитической мысли была главной виновницей новаго современнаго литературнаго направленія.

Странно было бы разработку этого страшнаго вопроса, ставшаго господствующимъ въ литературѣ, принимать за пробудившійся въ обществѣ интересъ къ религіознымъ вопросамъ. Какъ видитъ читатель, здѣсь дѣло далеко серьезнѣе. И современное страшно пытлиное рѣшеніе вопроса: гдѣ же Богъ, при безцѣнности жизни, скорѣе можно назвать судорожной попыткой человѣка совсѣмъ удалить Бога изъ міра, доказать призрачность Его бытія. Современное богоискательство это—бунтъ противъ религіозныхъ идеаловъ, это богоборчество, это, наконецъ, стремленіе оправдать передъ самимъ собою логически и художественно свою полную мрака и очаянія безбожную жизнь.

Правда, на первый взглядъ, наше опредѣленіе господствующей идеи—мотива современной русской литературы и характеристика современнаго „богоискательства“ могутъ показаться нѣсколько рѣзкими и несогласными, какъ будто, съ дѣйствительностью. Намъ скажутъ, что и въ недавнемъ прошломъ, и теперь были и есть у насъ скромные, добросовѣстные и смиренные богоискатели, и укажутъ на интеллигентные религіозно-философскіе кружки и журналы вроде „Новаго пути“, гдѣ люди искренне, какъ будто, добивались оживленія положительныхъ религіозныхъ идеаловъ. Могутъ привести многія имена подобныхъ лицъ, вроде Перцовыхъ, Ла-Франковъ, Бердяевыхъ, Мережковскихъ, Розановыхъ, или указать на такой сборникъ, какъ „Вѣхи“. Но и на это слѣдуетъ отвѣтить одно: всѣ подобныя интеллигентски—богоискательскія явленія совершенно не составляютъ характернаго, отличительнаго признака современной русской литературы; они—другого происхожденія и порядка, лучшимъ до-

казательствомъ чего служить общепринятельное отношеніе къ нимъ какъ литературной критики, такъ и выдающихся писателей. И тѣ и другіе относятся къ подобнымъ явленіямъ съ очевиднымъ нерасположеніемъ, стараюсь отгородиться отъ нихъ и выяснитъ, что здѣсь нѣтъ ничего общаго съ настоящей литературой. Конечно, лично, съ нашей точки зрѣнія, такое отношеніе къ частнымъ проявленіямъ у насъ положительнаго богоискательства будетъ нравственно—несправедливымъ, но фактъ остается фактомъ, и самосвидѣтельство литературныхъ представителей говоритъ за правильность нашего опредѣленія современной русской литературы, какъ по существу богоборческой ¹⁾).

Но если дѣйствительно таковъ сокровенный лейтъ-мотивъ, та выдвинутая жизнію и вмѣстѣ ставшая литературною проблема, которая лежитъ въ самой глубинѣ нашей мрачной литературной современности, то мы можемъ уже свободно теперь разобратъ въ своеобразномъ характерѣ, гестротѣ, многогранности и часто уродливости многихъ, если не всѣхъ, литературныхъ явленій. И въ самомъ дѣлѣ, при выясненномъ нами основномъ идейномъ мотивѣ для насъ не трудно ориентироваться въ кажущемся литературномъ хаосѣ и опредѣлитъ соответствующее значеніе и мѣсто, какъ современныхъ русскихъ писателей, такъ и значеніе ихъ произведеній. Въ нашихъ глазахъ тотчасъ же получаютъ должное освѣщеніе и, отчасти, оправданіе казавшія доселѣ случайными и подчасъ дикими писательскія выступленія, ихъ творчество, ихъ литературные приемы и общее отношеніе къ жизни. Все многогранное, какъ будто противорѣчивое, темное, унадочное въ современной русской литературѣ окажется объединеннымъ и логически (конечно, не нравственно) оправданнымъ тяготѣющей надъ современною жизнію и мыслию человѣчества мрачной, безотрадной проблемой.

¹⁾ Авторъ имѣетъ въ виду поговорить о мѣстѣ и значеніи въ русской жизни и литературѣ „богоискательства“ болѣе подробно въ отдѣльной статьѣ.

Начнемъ съ общаго. Общепринятая упадочность, измельчаніе литературы, какъ мы уже отмѣтили выше, находится въ прямой связи съ мрачнымъ отрицаніемъ идейныхъ, возвышенныхъ сторонъ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ ли съ любовію и увлеченіемъ изображать ее, постылую, разбитую въ полномъ объемѣ, восхищаться ея призрачными красотами, если въ ней нѣтъ ни общаго смысла, ни цѣли, а одно господство неотвратимыхъ слѣпыхъ и жестокихъ законовъ, да и кому нужны подобныя изображенія? И вотъ изъ литературы исчезли цѣлостныя, бытовые картины жизни человѣческой, исчезли и самыя формы, въ какія вмѣщали ихъ прежніе писатели—художники. Но инстинктъ, влеченіе къ жизни и сила художественнаго творчества оказались сильнѣе самыхъ мрачныхъ теоретическихъ убѣжденій, и люди, въ частности писатели, должны были ухватиться хотя бы за осколки безжалостно разбитаго прекраснаго цѣлаго. И писатели—художники по внутреннему побужденію продолжали свой творческій трудъ надъ воспроизведеніемъ разрозненныхъ, отрывочныхъ явленій жизни, подбирая ее кусочки. Однако здѣсь на каждомъ шагу ихъ творчества отражалось тревожное, возмущенное настроеніе: они какъ бы со злобой хватали эти кусочки человѣческихъ жизней и въ своихъ воспроизведеніяхъ бросали ихъ читателямъ въ глаза съ злорадной мыслию: на-те, моль, полюбуйте, какъ бессмысленна, ничтожна, мелка и сѣра ваша жизнь, какъ вообще-то мрачна и пошла вся переживаемая нами дѣйствительность. Иногда въ такихъ произведеніяхъ чувствовались нотки злобнаго смѣха, сатиры и даже крики бунта возмущенной своимъ безсиліемъ измученной души. Но, какъ бы то ни было, въ общемъ при такомъ идейномъ и эмоціональномъ настроеніи нашихъ писателей нельзя уже было ожидать отъ нихъ какихъ либо любовно-старательно созданныхъ литературныхъ шедевровъ, и мы дѣйствительно наблюдаемъ за послѣднія десятилѣтія слѣды измельчанія, отрывочности, пренебреженія художественностію какъ по формѣ, такъ и по содержанію на большинствѣ лите-

ратурныхъ произведеній. Прекрасное, эпически спокойное и любовное изображеніе жизни смѣнилось тревожно-лихорадочнымъ, спѣшнымъ и какимъ-то мрачнымъ творчествомъ. Читатель въ послѣднее время, принимаясь за любое литературное произведеніе новѣйшихъ писателей, не рассчитываетъ уже получить отъ него чистое эстетическое наслажденіе или умиротвореніе своей души.

Обращаясь отъ общей характеристики нашей современной литературы къ ея отдѣльнымъ выдающимся представителямъ, мы найдемъ въ ихъ художественномъ творествѣ еще болѣе ясные слѣды вліянія овладѣвшей за послѣдніа десятилѣтія и тяготящей надъ общечеловѣческой мыслию мрачной проблемы: *ubi tandem deus*, влекущей за собою цѣлый рядъ не менѣе безотрадныхъ вопросовъ и ихъ рѣшеній. Здѣсь мы замѣтимъ при одинаковомъ господствѣ надъ сознаниемъ писателей этой идеи не одинаковое реагированіе на нее сообразно съ ихъ индивидуальными характерами. Возьмемъ сначала литературное творчество Л. Андреева, который болѣе ярко сумѣлъ отобразить въ своихъ главныхъ произведеніяхъ тяготящую и надъ жизнью, и надъ литературой лейтъ-мотивъ. Онъ безстрашно и прямолинейно подходитъ къ стоящему надъ жизнью вопросу и даетъ, по своему, на него смѣлый, хотя бы въ высшей степени безотрадный отвѣтъ. Такъ въ „Жизни чловѣка“ Андреевъ безошадно и рѣзко, особенно вслѣдствіе схематичности изображенія, чуждаго всякихъ жизненныхъ красокъ, даетъ на вопросъ ужасающій по смыслу отрицательный отвѣтъ. Въ лицѣ героя другой пьесы, Лейзеръ, не менѣе рѣзко онъ показываетъ суету чловѣческихъ надеждъ на торжество добра въ формѣ милосердія; въ болѣе раннихъ произведеніяхъ и потому болѣе красочныхъ, какъ напримѣръ-- „Василій Оивейскій“, „Елеазаръ“, „Иуда“, у него то же отрицательно-безотрадное рѣшеніе жизненной проблемы и, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ самоубійство истинно-художественнаго творчества, художественнаго постиженія смысла жизни. Мрачнѣе

по идейнымъ итогамъ трудно и представить другого какого нибудь писателя.

Но вотъ предъ нами другой писатель съ инымъ характеромъ—Арцыбашевъ. И онъ всецѣло подъ властію той же доминирующей идеи, лишь отношеніе къ ней иное: онъ сознавая личное безсиліе обосновать ее, принимаетъ молча отрицательный выводъ и рѣшеніе, но по дѣйствию жизненнаго могучаго инстинкта не мирится съ отрицаніемъ жизни, а лучше согласенъ остаться съ жизнью, хотя бы въ низшей животной формѣ. „Развѣ нельзя обойтись безъ высшаго идейнаго смысла въ жизни; она и такъ хороша въ животной формѣ. Посмотрите на Санина: развѣ нѣтъ въ его существованіи красоты, силы и привлекательности“. Такъ говорилъ онъ своимъ сенсационнымъ романомъ „Санинъ“, но мы уже знаемъ, чѣмъ окончилась эта странная попытка отбросить мучительную проблему и удовольствоваться существованіемъ животнаго. Ее отвергли и осмѣяли, какъ недостойную чловѣка, критики его же лагеря. И, видимо, писателя это вразумило: его сочиненіе „У послѣдней черты“ уже звучитъ нотой трагизма и пробужденіемъ высшихъ запросовъ чловѣческаго духа. А въ результатѣ видимъ мы все же и на этомъ писателѣ неотразимое вліяніе той же современной проблемы и невозможность устраниваться отъ нея.

Нужно ли доказывать, что и художественное творчество М. Горькаго, особенно послѣднихъ лѣтъ, также отравлено ядомъ отрицанія и богоборчества: герой „Исповѣди“, напри- мѣръ, прямо демонстрируетъ предъ читателемъ бесплодность и полную тщету попытокъ найти въ жизни Бога и настоящее добро. Сведеніе Бога къ коллективной мощи народной, отождествленіе Бога съ „народушкомъ“ у него не болѣе, какъ риторическая фигура. Можно бы, пожалуй, въ А. Купринѣ видѣть не отравленнаго пессимизмомъ изобразителя жизни: такъ онъ красочно и тепло, и любовно живописуетъ ее въ своихъ произведеніяхъ; но отрывочность, фрагментальность его творчества и еще болѣе такое ужасающее обнаженное

изображеніе соціальныхъ язвъ, какъ въ его „Ямъ“, заставляють предполагать, что и онъ не приѣмлетъ жизнь въ ея цѣломъ и смотритъ на нее пессимистически-отрицательно.

Думается, приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, подъ какимъ тяжелымъ и общимъ идейно отрицательнымъ вліяніемъ суждено въ наше время проявляться художественному творчеству: неоспоримо, все художественно-литературное воспроизведеніе дѣйствительности получаетъ свою окраску и направленіе и даже форму именно подъ воздѣйствіемъ этого сокрытаго въ душахъ художниковъ слова тлѣтворнаго разлагающаго идейнаго элемента. И если сравнить потокъ жизни съ поочередно смѣняющимися другъ друга волнами, то надобно признать, что наша жизненная волна, а вмѣстѣ и отражающая ее литература, отличается небывалымъ еще по глубинѣ захвата человѣческой мысли мрачнымъ пессимизмомъ аморальнаго и атеистическаго свойства. Этимъ только обстоятельствомъ и можно истолковать и объяснить отличительныя упадочныя свойства нашей современной литературы. Но какъ всякая волна, валъ морской не отличаются устойчивостію и, достигнувъ предѣльной высоты, быстро падаютъ, уступая мѣсто другимъ, такъ, надо надѣяться, и современная безотрадно-мрачная волна жизни и ея литературное отраженіе скоро должны смѣниться другимъ, жизненно-радостнымъ положительнымъ міропониманіемъ, и наша литература должна достичь новаго идейно-жизненнаго подъема и разцвѣта.

И такія свѣтлыя надежды наши не безосновательны: есть уже и въ жизни, и въ литературѣ нашей вѣрные предзнаменованія и признаки, возвѣщающіе скорый несомнѣнный поворотъ и въ общечеловѣческой мысли, и въ литературѣ къ положительнымъ идеаламъ. къ положительной оцѣнкѣ самой жизни и къ признанію за ней смысла и значенія. Изъ области научно-философской все чаще и громче раздаются уже голоса въ пользу необходимости и законности признанія высшихъ духовныхъ нравственно-религіозныхъ идеаловъ и вѣро-

ваній, оттуда же до насъ искреннее сознание безсилія одними силами знанія обойтись въ разумномъ устроеніи жизни. Въ умонастроеніи широкихъ круговъ общества, въ сферахъ литературныхъ явно замѣчается тотъ же благотворный идейный поворотъ. Мрачная волна отрицательнаго отношенія къ живой дѣйствительности, видимо, достигла своего апогея и стремительно падаетъ; будутъ, несомнѣнно, еще нѣкоторыя мутныя брызги отъ нея мрачить и путать человѣческое сознание, но новая, идущая на смѣну волна жизни уже увлекаетъ властно за собой общую человѣческую мысль. Нельзя долго жить съ идейнымъ отрицаніемъ жизни, и вотъ новая волна властно возвращаетъ насъ къ ней. И снова людямъ становится дорога и мила отвергнутая ими жизнь, и они начинаютъ опять любить ее просто, непосредственно и видѣть въ ней глубокій смыслъ и возможность осуществленія высшихъ цѣлей. Жизнь опять принимается въ полномъ объемѣ, и это ярко обнаруживается на ея художественномъ изображеніи въ литературѣ. Писатели—художники опять оказались съ нею лицомъ къ лицу и, освобождаясь постепенно отъ пессимистическаго средостѣнія, снова стали способными къ непосредственному постиженію ея красоты и къ творческому, цѣлостному ея воссозданію въ своихъ произведеніяхъ. Такъ, вѣдь, и обстоитъ дѣло въ дѣйствительности. Присмотритесь только внимательно къ явному измѣненію за послѣдніе годъ—два нашей литературы: и писательскіе приемы, отношеніе къ дѣйствительности, формы творчества, и самое содержаніе литературныхъ произведеній начинаютъ принимать совершенно иной, болѣе уравновѣшенный, эпически-спокойный, положительный характеръ. Особенно знаменательно для нынѣшней поры возрожденіе совсѣмъ было отвергнутой у насъ формы—романа. Теперь нѣтъ книжки толстаго журнала, литературнаго сборника, гдѣ въ широкихъ рамкахъ бытового романа не воспроизводилась бы всесторонне, детально человѣческая жизнь съ ея бытомъ, съ ея мелкими перипетіями.

и часто этимъ не стыдятся заниматься вчерашніе упорные отрицатели жизни.

Да, ясно и несомнѣнно, — мрачный, темный валъ безпросвѣтнаго отрицанія, захлестнувшій нашу родину и ея литературу, начинаетъ спадать; на мѣсто его растетъ и ширится новая жизненная и литературная волна, свѣтящаяся возрожденной любовію къ отвергнутой жизни, общающаяся вмѣстѣ съ тѣмъ возвращеніе и къ вѣрѣ въ Бога живаго, въ торжество и побѣду добра надъ зломъ. Это должно такъ быть непременно: нельзя же признать и полюбить злой, безцѣльной, безбожной жизни, — это бессмыслица; слѣдомъ должно явиться и убѣжденіе въ ея высшемъ нравственномъ смыслѣ, увѣренность въ существованіи надъ жизнію благого и всемогущаго Разума — Бога.

Вотъ тогда-то и настанетъ пора дѣятельно выступить духовнымъ сѣятелямъ, чтобы оплодотворить высшимъ сѣменемъ вѣры вновь признанную и возстановленную въ правахъ своихъ жизнь. Тогда же, надо думать, явятся и настоящіе богоискатели изъ обновляющагося общества, жадно и убѣжденно ищущіе Бога живаго, чтобы возглавить, осмыслить, освятить новую жизнь. И это исканіе и дѣйствительное обрѣтеніе Бога будетъ настоящимъ, необходимо связаннымъ съ возвращеніемъ къ жизни, дѣломъ всѣхъ русскихъ людей, когда-то захлестнутыхъ мутной волной пережитаго отрицанія.

Поистинѣ, отрадны послѣднія литературныя знаменія, отраденъ для всѣхъ насъ поворотъ родной литературы отъ смерти богоборчества и отрицанія къ жизни съ возрождающей вѣрой и упованіемъ. Дастъ Богъ, сдвинутая съ мѣста и извращенная проблема жизни снова приметъ положительную форму, даже болѣе утѣшительную: „если мы вѣримъ въ Бога, то къ чему бояться зла и уступать предъ нимъ“.

Указанными выше, вновь нарождающимся въ литературѣ явленіями займемся ближе въ слѣдующій разъ.

Свящ. *Аванасій Веселукій.*

Ученіе Христа Спасителя въ третьемъ евангеліи о богатствѣ и бѣдности.

Иисусъ Христосъ, явившись въ міръ для устроения Царства Божія, не могъ пройти мимо вѣковѣчныхъ проблемъ богатства и бѣдности, тѣмъ болѣе, что богатство и бѣдность имѣють громадное вліяніе на весь строй человѣческой жизни, не исключая даже моральной стороны ея. Онъ долженъ былъ показать, какое значеніе въ дѣлѣ устроения Царства Божія имѣють богатство и бѣдность, какъ условія человѣческой жизни, и рѣшить вопросъ о томъ, какъ должны поступать люди, поставленные въ эти условія. Рѣшеніе Христомъ этой проблемы мы находимъ въ синоптическихъ евангеліяхъ, при чемъ первое мѣсто, по широтѣ постановки указанной проблемы и по оригинальному рѣшенію вопроса, принадлежитъ евангелію Луки. Это объясняется отчасти цѣлію евангелія Луки. Евангелистъ Матѳей, пишущій евангеліе къ іудео-христіанамъ, хотя и рѣшаетъ данную проблему о богатствѣ и бѣдности, но рѣшаетъ ее постольку, поскольку это нужно было для его читателей. Въ іудействѣ не было бѣдныхъ, какъ особаго класса—пролетаріата. Въ В. Завѣтѣ милосердная любовь имѣетъ націоналистическій и законническій характеръ,—и евангеліе Матѳея разсматриваетъ вопросъ именно въ отношеніи къ рѣшенію его книжниками и фарисеями. Евангелія Марка и Луки назначены для языко-христіанъ. Но евангеліе Марка имѣетъ въ виду изобразить Христа, какъ Бога въ великихъ знаменіяхъ и чудесахъ, и потому проходитъ мимо общихъ проблемъ соціальной жизни, въ частности, мимо проблемы богатства и бѣдности, и даетъ лишь сжатое повѣствованіе о рѣчахъ и дѣлахъ Христа. Евангелистъ Лука же пишетъ евангеліе для Теофила, а въ лицѣ его вообще для языко-христіанъ, для которыхъ необходима была новая мораль. Какъ человѣкъ, повидимому, образованный и много путешествовавшій съ ап. Павломъ, ев. Лука, естественно, могъ болѣе быть знакомъ съ соціально-экономическою стороною

жизни современныхъ ему язычниковъ. Языческій міръ рѣзко различался на двѣ неравныя половины — богатыхъ и бѣдныхъ, и это отражалось и на социальномъ положеніи того и другого экономического класса: въ рукахъ богатыхъ были и власть, и права, а бѣдные представляли изъ себя безправный пролетаріатъ. Даже философы, эти лучшіе люди своего времени, не могли дать моральнаго разрѣшенія этой проблемы. Платонъ, напр., рѣшаетъ проблему богатства и бѣдности очень просто: нищія въ его идеальномъ государствѣ не имѣютъ права на существованіе, — они попросту изгонялись изъ общества. Нищія, бѣдные являлись въ представленіи древнихъ презрѣнными людьми. „Можешь ли ты пасть такъ глубоко, чтобы тебѣ не причиняли отвращенія бѣдные?“ — спрашиваетъ Квинтиллианъ ¹⁾. Правда, мы видимъ много фактовъ раздачи хлѣба бѣднымъ въ Римѣ во времена имперіи, но мотивы раздачи хлѣба было совсѣмъ не гуманные, а исключительно политическаго свойства. Эта бесплатная раздача хлѣба не уничтожала, съ одной стороны, гордости и самодовольства богатей, съ другой — поселяла любовь къ праздности и отвращеніе къ труду въ пролетаріатѣ.

Къ этимъ то язычикамъ и пишетъ свое евангеліе св. Лука. Его евангеліе возвѣщаетъ горе богатымъ и блаженство бѣднымъ и указываетъ, какъ нужно пользоваться богатствомъ и бѣдностью для устроения Царства Божія.

Анализируя содержаніе евангелія отъ Луки, мы находимъ, помимо мѣстъ параллельныхъ съ другими синоптиками, не мало мѣстъ, посвященныхъ рѣшенію проблемы богатства и бѣдности, которыя встрѣчаются только у него одного.

Въ самомъ началѣ евангельской исторіи мы видимъ, что св. Дѣва Марія въ своей пѣсни, при посѣщеніи праведной Елизаветы, предрекаетъ: *алчущія исполни блазъ и богатящіяся отпусти тщи* (Лук. 1, 53). Въ нагорной бесѣдѣ,

¹⁾ Г. Ульгорнь. Христіанская благотворительность въ древней церкви. СПБ. 1900 г. стр. 2.

въ параллельномъ Матѳею мѣстѣ, гдѣ мы читаемъ: *Блаженни нищіе духомъ* (Мѳ. 5, 3)—у Луки читаемъ *Блаженни нищіе* (Лук. 6, 20), безъ прибавки „духомъ“. Въ той же нагорной бесѣдѣ, среди „горей“, возвѣщенныхъ различнымъ категоріямъ людей, на первомъ мѣстѣ стоитъ: *горе вамъ богатѣмъ: яко отстоите утѣшенія вашего* (Лук. 6, 24).

Еще немного ранѣе, въ Назаретской синагогѣ, Иисусъ Христосъ для своей проповѣди избралъ мѣсто изъ пророка Исаи, гдѣ въ числѣ задачъ Мессіи на первомъ мѣстѣ стоитъ: *благовѣстити нищимъ* (Лук. 4, 18). Только въ евангеліи Луки мы встрѣчаемъ фактъ отказа Христа раздѣлить имѣніе между двумя братьями (Лук. 12, 13—15) и наставленіе апостоламъ—„малому стаду“: „продадите имѣнія ваша и дадите милостыню“ (Лук. 12, 33). Далѣе слѣдуетъ рядъ притчей, встрѣчающихся только у Луки, въ которыхъ Христосъ рѣшаетъ вопросъ о правильномъ употребленіи богатства. Это притчи: о безумномъ богачѣ (Лук. 12, 16—21), о неправедномъ домоправителѣ (Лук. 16, 1—13) и о богатомъ и Лазарѣ (Лук. 16, 19—31).

Даже въ тѣхъ мѣстахъ, которыя являются параллельными евангелію Матѳея, Лука, по большей частію, произносить богатому классу *больше строгій* приговоръ.

„Ничтоже скверно само собою“ (Рим. 14, 14),—такую мысль неоднократно повторяетъ ап. Павелъ, рѣшая важный въ его время вопросъ объ яденіи идоложертвеннаго. Въ этихъ словахъ ясно и опредѣленно выразился взглядъ христіанства на все земное, на каждое явленіе на землѣ. Христіанство не занимается метафизическими вопросами о сущности вещей; оно разсматриваетъ все *sub specie aeternitatis*, съ точки зрѣнія идеи Царства Божія. Поэтому мы и въ евангеліи совершенно не находимъ рѣшенія вопроса о томъ, что такое богатство и бѣдность по ихъ существу. Поэтому совершенно неосновательно мнѣніе, что евангеліе богатство считаетъ зломъ, а бѣдность—добродѣтелью, самихъ по себѣ, безотносительно къ нравственному характеру человѣка, поставленнаго въ

условія богатства или бѣдности. Соціализмъ, не выдерживая евангельской критики и потому придя къ сознанию невозможности, а главное невыгодности борьбы съ христіанствомъ прямымъ, открытымъ путемъ, началъ скрытую борьбу съ христіанствомъ. Соціализмъ или объявляетъ Христа соціалистомъ и путемъ своеобразнаго толкованія и подбора текстовъ старается опереться въ своихъ принципахъ на христіанство, или же извращаетъ евангеліе, производитъ т. н. соціализацію евангелія. Для насъ важенъ первый приѣмъ. Соціализмъ, объявляя Христа соціалистомъ, старается доказать, что евангеліе смотритъ на богатство, какъ на зло, а на бѣдность, какъ на добродѣтель, старается доказать, что Христосъ—врагъ собственности, провозвѣстникъ соціалистическихъ идей въ демократическомъ духѣ и т. д. Въ доказательство этого онъ ссылается на 6 гл. 20 и 24 ст. евангелія Луки, гдѣ возвѣщается блаженство нищимъ и горе богатымъ. Правда, о послѣднихъ въ евангеліи прибавлено, что „горе“ имъ возвѣщается за ихъ несправедное пользованіе богатствомъ; но о нищихъ просто сказано: „блаженни нищіе“ и больше ничего не прибавлено. Къ такому же, по существу, толкованію даннаго мѣста примыкаютъ западные раціоналисты и изъ русскихъ—графъ Л. Н. Толстой, хотя въ частности эти толкованія расходятся. По однимъ, Иисусъ былъ эвѣнитъ и, какъ таковой, презиралъ богатство, какъ зло само по себѣ, и ублажалъ бѣдность, какъ добродѣтель саму по себѣ. По другимъ, Иисусъ былъ демагогъ, который явился переустроить соціально-экономическую жизнь на демократическихъ началахъ.

Разсмотримъ основанія представителей отрицательной критики, чтобы рѣшить вопросъ, какъ нужно смотрѣть на богатство и бѣдность по ихъ существу.

Что такое, прежде всего, эвѣнизмъ, который такъ навязываютъ Христу Ренанъ, Штраусъ и др.? По ученію эвѣнитовъ, на обладаніе земными благами надо смотрѣть, какъ на нѣчто злое само по себѣ или сатанинское; кто пріобрѣтаетъ богатство, тотъ уже этимъ самымъ вступаетъ въ ту

область, которая предоставлена только слугамъ сатаны. Но если обладаніе богатствомъ само по себѣ—нѣчто грѣховное, то, очевидно, эвіонитамъ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ придти къ заключенію, что нищета сама по себѣ есть нѣчто добродѣтельное, заслуга, дающая право на входъ въ царство Божіе. Значить, въ основѣ эвіонизма лежитъ принципъ дуализма: съ одной стороны—Царство Божіе, съ другой—царство сатаны, во власти котораго—всѣ земныя блага. Но въ евангеліи такого дуализма нѣтъ и быть не можетъ. Евангеліе знаетъ только одного владыку—Бога, отъ котораго все произошло и которому все должно поклоняться и служить (Лук. 4, 8). А на второе положеніе критики можно отвѣтить словами Спасителя: *царство Мое нѣсть отъ міра сего* (Іоан. 18, 36). Христосъ явился для спасенія людей, но не отъ соціально-экономическаго зла самого по себѣ и не путемъ революціи или насильственной ломки старыхъ устоевъ, а путемъ свободнаго перерожденія людей. Какъ именно духовный преобразователь жизни, Христосъ, по евангелію Луки, отказывается раздѣлить имѣніе между двумя братьями, говоря: *кто Мя постави судію или дѣлителя надъ вами?* (Лук. 12, 14). Христосъ пришелъ не для того, чтобы разбирать мелочныя тяжбы, основанныя на мелкихъ страстяхъ челоуѣка, а для болѣе великаго дѣла. Потому Онъ и отказался раздѣлить имѣніе, что пришелъ не для переустройства внѣшней, соціально-экономической жизни людей, а для спасенія погибшихъ, дѣйствуя на ихъ душу, могущую стать выше условій земнаго существованія.

А что Христосъ не осуждаетъ богатство, какъ таковое, и не ублажаетъ бѣдность, какъ добродѣтель саму по себѣ, это можно видѣть изъ многихъ фактовъ, передаваемыхъ еванг. Лукою. За Христомъ слѣдовали богатыя женщины (Лук. 8, 2—3), и ихъ богатства не только не воспрепятствовали имъ въ дѣлѣ спасенія, но именно богатствомъ своимъ онѣ и служили Христу, удѣляя отъ имѣній своихъ для содержанія Его маленькой общины. Богатство не помѣшало достигнуть спасе-

нія и начальнику мытарей—Закхею (Лук. 19, 1—10). Спасение возвѣщается дому Закхея не за обнищаніе, а за обѣщаніе исправить свою жизнь, результатомъ чего явилось раздача половины имѣнія и возвращеніе неправедно нажитаго обиженнымъ. Дѣло, стало быть, во внутреннемъ перерожденіи человѣка, а не въ томъ, богатъ онъ или бѣденъ.

Съ другой стороны, мы видимъ, что и бѣдность сама по себѣ не есть добродѣтель. Анализъ притчи о блудномъ сынѣ (Лук. 15, 11—32) показываетъ, что и тутъ спасеніе возвѣщается за коренное исправленіе жизни. Съ точки зрѣнія отрицательной критики, естественно ожидать, что нищета блуднаго сына была причиною его спасенія. Но въ евангеліи указывается на то, что обнищаніе его было только однимъ изъ импульсовъ къ обращенію: благодаря обнищанію, блудный сынъ въ „себе пришелъ“, т. е. созналъ свою грѣховность, и это раскаяніе возвратило его въ домъ отца.

Для яснаго и опредѣленнаго доказательства той мысли, что Христосъ не считаетъ богатство—зломъ, а бѣдность—добродѣтельно, необходимо разобрать первую заповѣдь блаженства (какъ она читается въ *евангеліи Луки*), въ которой рационалисты видятъ самое ясное подтвержденіе намѣренія Христа устроить царство „бѣдныхъ“, заповѣдь, возвѣщающую блаженство „нищимъ“—и параллельно съ этимъ „горе“ богатымъ.

Μακάριοι ἱπτῶχοι. *ἱπτῶχοι*:—значитъ бѣдные, нищіе, но не только въ матеріальномъ отношеніи. *ἱπτῶχος* происходитъ отъ глагола *ἱπτῶσθαι*, что значитъ пригибать, дѣлать малымъ, ничтожнымъ, нищенствовать. Значитъ *ἱπτῶσθαι* содержитъ въ себѣ болѣе понятіе смиренія, чѣмъ понятіе бѣдности. У древнихъ писателей *ἱπτῶχος* часто ставилось вмѣсто *ταπεινός*—низменный, низкій, послушный, смиренный. Такой смыслъ за словомъ *ἱπτῶχος* признаетъ и св. Іоаннъ Златоустъ: „почему, говорить онъ, сказалъ Христосъ: не смиренные, а нищіе? Потому что послѣднее выразительнѣе перваго. Ибо нищими называетъ онъ тѣхъ, которые боятся и трепещутъ

заповѣдей Божіихъ“¹⁾. Такимъ образомъ, по мнѣнію лучшаго изъ комментаторовъ, къ голосу котораго прислушиваются и западные комментаторы, подъ нищими нужно разумѣть „нищихъ духомъ“, хотя бы прибавки „духомъ“ и не было. Такого же мнѣнія держится авторитетный комментаторъ евангелія Луки Годе, который, при толкованіи даннаго мѣста, замѣчаетъ, что слово πτωχός содержитъ въ себѣ болѣе понятіе смиренія, чѣмъ понятіе бѣдности²⁾.

Итакъ, по смыслу слова πτωχός и по контексту рѣчи, подъ нищими въ евангеліи Луки надо разумѣть тѣхъ же „нищихъ духомъ“, о которыхъ говоритъ евангелистъ Матеей (Мѡ. 5, 3).

Что же это за нищіе? Это люди, имѣющіе смиренное понятіе о своихъ духовныхъ качествахъ, уничижающіе себя, считающіе себя грѣшниками, вообще смиренные въ противоположность гордости, тщеславію или самолюбію. Изъ самаго контекста рѣчи можно заключить, что здѣсь нельзя разумѣть нищихъ въ матеріальномъ отношеніи, коимъ возвѣщается блаженство за одну ихъ нищету, потому что, какъ антитеза этому блаженству, поставляется далѣе „горе богатымъ“, но съ поясненіемъ, что имъ возвѣщается горе за то, что они въ своемъ богатствѣ находили полное удовлетвореніе, за то, что они „сыты по образу жизни“³⁾. Естественнѣе ожидать, что разъ нищимъ возвѣщается блаженство за одну ихъ нищету, то и богатымъ горе возвѣщается за ихъ богатство. Но въ евангеліи прибавлено: „яко отстоите утѣшенія вашего“. Ихъ богатство принесло уже имъ житейское утѣшеніе, временное, скоропреходящее—и оно лишитъ ихъ утѣшенія вѣчнаго, блаженства, такъ какъ изъ за богатства они презрѣли царство Божіе.

¹⁾ Буткевичъ. „Нагорная проповѣдь“ Вѣра и Разумъ. 1892 г., т. I, 124 стр.

²⁾ Годе. „Комментаріи на Луку“. Ганноверъ, 1890 г. 223 стр.

³⁾ Годе, 226 стр.

Такимъ образомъ, въ указанномъ мѣстѣ нельзя видѣть оцѣнки богатства и бѣдности по ихъ существу. То и другое оцѣнивается съ точки зрѣнія идеи спасенія, какъ цѣли и смысла человѣческой жизни. Съ этой точки зрѣнія, богатство и бѣдность суть условія, въ которыя поставляется жизнь человѣка, при чемъ свободной волѣ послѣдняго предоставлена возможность того или иного отношенія къ этимъ условіямъ: человѣкъ можетъ ими подняться выше этихъ условій, подчинить ихъ себѣ, или же подчиниться имъ, такъ что это подчиненіе можетъ дойти до „идолослуженія“, съ одной стороны, и до „скотоподобія“ — съ другой.

В. Бьололиковъ

(Продолженіе слѣдуетъ)

Архипастырское воззваніе

*Возлюбленнымъ о Господь нашимъ соработникамъ на мѣсть
Господней, пастырямъ Томской паствы и всемъ служите-
лямъ церкви.*

„Вы есте свѣтъ міра. Вы есте
соль земли“.

Се тьма покрываетъ землю русскую, тьма заблужденій, нестроений, тьма нечестія и развращенія, тьма отпаденія отъ Бога, отъ церкви; тьма поклоненія мамонѣ, вмѣсто Бога; тьма пороковъ пьянства и разврата. Кто освѣтитъ эту тьму, тьму безбожія, нечестія и развращенія? Русскій народъ, какъ нѣкогда Израиль, по пророческимъ вѣщаніямъ, подобенъ сталь гніющему тѣлу, отъ подошвы ногъ до теменн главы покрытому струпами и ранами. Кто омоетъ гной его, кто наложитъ пластырь на него? Земля Русская тлѣетъ и готова къ разложенію, кто осолить ее, чтобы очистить отъ червей, грызущихъ ее?

Пастыри церкви! Вы—свѣтъ міра, вы соль земли. Изъ-мите ваши свѣтильники изъ подъ спуда и поставьте ихъ на высоту, чтобы освѣтить эту тьму, облекшую страну нашу. Преемники Апостольскаго служенія! Вы—соль земли: осоляйте гніющія мѣста земли, освобождайте ихъ отъ червей порока и нечестія, чтобы они не растлили все народное тѣло.

Вотъ мы,—слышится изъ нѣкоторыхъ мѣстъ; вотъ мы, пастыри, стережемъ наши стада, кормимъ и питаемъ ихъ. Вотъ мы,—слышится съ другихъ сторонъ; мы высоко держимъ свѣтильники наши, чтобы освѣщать темноту народную. Вотъ мы,—слышится еще, мы осаливаемъ гніющія мѣста народной жизни, чтобы предохранить ихъ отъ гноя пороковъ, пьянства и разврата.

Видимъ, слышимъ васъ и знаемъ. добрые и вѣрные рабы Христовы, видимъ васъ, стрегущихъ стадо Христово, слышимъ о васъ, просвѣщающихъ народную тьму, видимъ васъ, осоляющихъ словомъ обличенія народные струны пороковъ и призывающихъ къ покаянію. Вѣдомы Вы намъ, но васъ такъ мало! Гдѣ же другіе, подобные вамъ, поставленные быть стражами стада и свѣтильниками міра и солью земли? Гдѣ они? Увы! одни спятъ, другіе меркнутъ, третьи обуяли и годны лишь для изсыпанія вонъ, на попраііе ногъ.

Перейдемъ отъ этой иносказательной рѣчи къ дѣйствительности. Дѣйствительно, многіе пастыри не пасутъ вѣреннаго имъ стада, хотя одѣваются шерстью и питаются молокомъ отъ него. Дѣйствительно, многіе держатъ народъ во тьмѣ, не давая ему свѣта обученіемъ его вѣрѣ и благочестію. Дѣйствительно, многіе, долженствующіе быть солью для православнаго народа, потеряли силу соли, обуяли настолько, что годны стали только для изсыпанія подъ ноги и попраііа: небытіе ихъ было бы лучше бытія. Многіе пастыри небрежно относятся къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ: нѣкоторые рѣдко совершаютъ богослуженіе, особенно литургію; а иные хотя и служатъ въ церкви, но весьма небрежно, неохотно, въ храмѣ такъ все убого, уныло, что пасомые

охладѣвають къ вѣрѣ и перестаютъ посѣщать богослуженія; храмъ пустѣеть, пастырю какъ бы нѣтъ дѣла до этого, а пасомые идутъ въ дома увеселенія и разгула или идутъ на моленіе къ раскольникамъ или сектантамъ. Нѣкоторые пастыри, забывши свое призваніе, занялись житейскими дѣлами, торговыми предпріятіями; иные завели мельницы, другіе маслодѣльные машины, нѣкоторые занялись коннозаводствомъ и отдають туда все время, все вниманіе, весь трудъ свой. У иныхъ въ приходѣ множится сектантство, растетъ расколъ, у иныхъ народъ пьянствуетъ, развращается, а они какъ бы и не замѣчаютъ этого. Нѣкоторые сами предаются порокамъ-пьянству, свободное и несвободное время проводятъ въ картежныхъ играхъ, въ чтеніи пустыхъ книгъ, газетъ, почти исключительно съ дурнымъ направленіемъ. Многіе до того забыли свое званіе, что, не боясь Бога и не стыдясь людей, открыто пренебрегаютъ уставы святой церкви о постахъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ духовенства, даже священниковъ, къ позору духовнаго званія, ѣдятъ мясную пищу даже въ великій постъ; а посты среды и пятницы совсѣмъ пренебрегаютъ. Въ такихъ обычаяхъ воспитываются и дѣти ихъ. Сіи послѣдніе во время пребыванія въ учебныхъ заведеніяхъ, соблюдая посты, пренебрегаютъ ими, когда пріѣзжаютъ въ дома родителей. По примѣру сихъ они съ спокойной совѣстью ѣдятъ скоромную пищу; въ церковь не ходятъ, даже по праздникамъ. Когда народъ толпами идетъ въ храмы Божіи, дѣти духовенства въ это время спятъ или ѣдятъ, или сидятъ возлѣ домовъ, смотря на идущихъ въ храмъ благочестивыхъ прихожанъ.

Такъ потемнѣло злато, помрачилось серебро доброе; такъ обуяла соль, меркнулъ свѣтильники.

Убоимся, отцы и братія, убоимся суда Божіи. Вѣдь, рабъ, вѣдѣвый волю Господина своего и не сотворивый по волѣ его, біенъ будетъ много. Горе міру отъ соблазновъ, но горе тому, чрезъ кого соблазнъ приходитъ.

Изъемъ бревно изъ глазъ нашихъ, чтобы имѣть возможность изъять сучекъ изъ глазъ меньшихъ братій нашихъ. Покаемся, исправимся. Сдѣлаемъ это, чтобы путемъ покаянія и исправленія пошла за нами и ввѣренная намъ паства.

Архіепископъ *Макарій*.

Въ Редакціи имѣется въ продажѣ „ГОЛОВОУВЫЙ ТИШИКОНЪ“ выпускъ первый — Профессора Кіевской духовной академіи М. Н. Скабаллановича по цѣнѣ 2 р. 50 к. съ пересылкой.

Для подписчиковъ 1911 года вмѣсто 2 руб. 50 к. по 2 руб.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинарии Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 21-го іюля 1911 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акад. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Мериновская ул.

ГОДЪ

III

РУКОВОДСТВО
ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

№№ 30—31.

1911-го года 24—31-го іюля.

Содержаніе: I. Изъ психологіи баптизма. Н. Гумилевскій.—II. Ученіе Хри-
ста Спасителя въ третьемъ евангеліи о богатствѣ и бѣдности.
(Продолженіе). В. Вѣлоликовъ.—III. Почему нужно быть христіа-
ниномъ? Перев. Н. П. Селивановской.—IV. Памяти проф.—литур-
гиста А. П. Голубцова, — V. Замѣтк. а) Пастырское собраніе въ г.
Гороховцѣ, Влад. губ. б) Инструкія Подготовительной комиссіи
Орловскаго Епархіальнаго Сѣзда.

Изъ психологіи баптизма.

Для предупрежденія совращеній православныхъ въ раз-
наго рода секты, существенно важно опредѣлить тѣ побужде-
нія, которыми эти совращенія вызываются. При этомъ, ра-
зумѣется, нельзя оставлять безъ вниманія свидѣтельства
самихъ совращающихся. Въ настоящее время наибольшее
число совращеній совершается въ секту баптистовъ. Отно-
сительно того, что побуждаетъ бывшихъ православныхъ пе-
реходить въ баптизмъ, часто приходится слышать въ рѣчахъ,
произносимыхъ на баптистскихъ собраніяхъ, и читать въ
баптистской печати, что будто бы только въ баптизмѣ со-
держится и проповѣдуется истинная вѣра въ Спасителя и

Центральна

наукова библиотека

совершенное Имъ наше спасеніе, тогда какъ въ православіи такой вѣры нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, она православнымъ почти неизвѣстна, почему православные и живутъ не по-христіански. Прот. Синайскій, напр., пишетъ: „Когда я спрашивалъ заявлявшихъ о намѣреніи перейти изъ православія въ общество евангельскихъ христіанъ о томъ, что заставляеть ихъ совращаться изъ отеческой вѣры въ сектантскую общину, они выражали свои мысли въ такомъ приблизительно видѣ: „Цѣлые годы, полжизни мы были совершенно слѣпы въ дѣлѣ вѣры и пониманія своихъ обязанностей къ Богу и своимъ ближнимъ; мы слышали въ храмѣ часто произносимое достопокланяемое имя Христа, но не знали того, что Христось сдѣлалъ для насъ грѣшныхъ и несчастныхъ людей и въ чемъ состоитъ наша вѣра... Мы худо жили, пьянствовали, лѣнились работать, воровали, обманывали, ссорились..., словомъ—были погибшія, заблудшія овцы, не имѣвшія пастыря, но главное—вѣры и надежды на лучшее будущее. Теперь не то: мы стоимъ на истинномъ пути. Мы знаемъ и вѣримъ, что мы Спасителемъ нашимъ духовно возрождены и спасены для вѣчной жизни. Для руководства въ жизни настоящей намъ дано слово Божіе, слушая, читая и понимая которое, мы исполнялись мира и высокой радости, прежнюю грѣховную жизнь, т. е. ветхаго человѣка, оставили¹⁾, облекшись въ новую, старались не грѣшить не только дѣломъ и словомъ, но и мыслью, что намъ и удастся, Богу содѣйствующу; если согрѣшаемъ, то, раскаиваясь предъ

¹⁾ Такъ говорятъ сектанты, но вотъ что пишетъ, напр., одинъ изъ баптистскихъ руководителей въ отсутствіе своимъ братьямъ, отправляющимся въ Филадельфію на всемірный баптистскій конгрессъ: „встать попросимъ нашихъ делегатовъ захватить съ собою изъ нашихъ общинъ ненужныя намъ вещи, какъ-то: скупость у нѣкоторыхъ, пустое тщеславіе и самоиѣвіе тоже у нѣкоторыхъ, сварливость и ехидство, мелочность и подозрительность, односторонность и злобу, хладность и безпечность и т. д. и т. д.“ („Баптистъ“ 1911 г. № 20, стр.).

Единымъ Господомъ, а не предъ какимъ-либо человѣкомъ, надѣмся получить прощеніе“¹⁾).

Въ журн. „Баптистъ“ есть рассказы самихъ совратившихся объ ихъ переходѣ въ сектанство. Такъ, нѣкто Г. А. Спировскийъ рассказываетъ, что онъ долго проводилъ грѣховную жизнь, хотя и считалъ себя христіаниномъ. („И удивительное дѣло! при всемъ моемъ нечестіи, при всей моей порочности, я считалъ себя христіаниномъ, основывая мое мнѣніе на томъ, что ходилъ въ Церковь, исполнялъ обряды и неукоснительно бывалъ ежегодно у исповѣди и причастія“²⁾). Но потомъ онъ началъ читать Слово Божіе; „и вотъ тамъ-то“, говоритъ онъ: „я и узналъ великую истину, что никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Иисуса Христа, и что только Онъ единственно есть путь, истина и жизнь, и что человѣкъ ни чрезъ самое усердное исполненіе обрядовъ, ни чрезъ какіе либо подвиги благочестія, словомъ, никакими своими личными заслугами спастись не можетъ“³⁾). Повидимому, на этомъ слѣдовало успокоиться, такъ какъ, если спасеніе человѣка совершается исключительно Христомъ, то человѣкъ ничего предпринимать для своего спасенія не можетъ и не долженъ. Однако Спировскийъ не удовлетворился вычитанной имъ изъ Св. Писанія истиной, а вступилъ въ переписку съ Фетлеромъ, извѣстнымъ баптистскимъ проповѣдникомъ, и только тогда счелъ себя окончательно спасеннымъ, когда чрезъ крещеніе былъ присоединенъ къ петербургской баптистской общинѣ. Подобное же рассказываетъ о себѣ совратившійся въ баптизмъ бывший православный діаконъ П. М. Домнышевъ. „Будучи діакономъ Православной Церкви“, говоритъ онъ, „я читалъ евангеліе, читалъ по славянски...

¹⁾ „О нѣкоторыхъ особенныхъ причинахъ, содѣйствующихъ усилению сектанства въ Россіи и совращенію православныхъ въ иновѣріе“. — „Церков. Вѣст.“ 1910 г. № 44.

²⁾ „Баптистъ“ 1905 г. № 5.

³⁾ Тамъ-же.

Предъ совершеніемъ богослуженія прочитываль по 40—50 листовъ положенныхъ уставомъ молитвъ, ко всѣмъ предметамъ, называемымъ священными, прикасался съ благоговѣніемъ, предъ самой службой считаль за грѣхъ вынуть одинъ глотокъ воды. Исполняя все это — я думаль, что этимъ я и угожу Богу, но сердце мое оставалось такимъ же жестокимъ, холоднымъ—какимъ оно и раньше было,—а это потому, что я не получилъ за это виѣшнее исполненіе обрядностей того, чего жаждало мое измученное сердце... Будучи священнослужителемъ Православной Церкви, я считаль себя возрожденнымъ еще съ самаго ранняго дѣтства, какъ учить православіе, разумѣя подъ словомъ возрожденіе „крещеніе въ водѣ“. Какъ я былъ возрожденъ и когда совершилось возрожденіе—ничего не знаю и не помню, но тѣмъ не менѣе я думаль, что я истинный христіанинъ, правильно вѣрующій, по ученію Православной Церкви, во Христа; но Того, въ Котораго, я думаль, вѣрую,—какъ разъ я и не имѣль въ сердцѣ своемъ, почему и не могъ быть удовлетвореннымъ, успокоеннымъ“¹⁾. Смущался Домнышевъ и тѣмъ, что нигдѣ кругомъ себя не видалъ справедливости. Удовлетвореніе Домнышевъ нашель въ общинѣ баптистовъ. Однажды онъ молился въ домѣ одного изъ „братьевъ“ (очевидно, баптиста); съ нимъ молились и другіе братья. Во время молитвы онъ почувствовалъ, что получилъ отъ Бога прощеніе грѣховъ: „я не могъ себѣ объяснить, что это со мной произошло во время этой сердечной молитвы, но только я почувствовалъ послѣ молитвы необыкновенный подъемъ духа! И сердцемъ же я почувствовалъ, что это мое дѣтское обращеніе ко Христу и раскаяніе предъ Господомъ Богъ Отецъ приняль. До сего дня меня радуетъ, что моя жизнь теперь всецѣло въ рукѣ Господа“²⁾. Хотя Домнышевъ и говоритъ, что его „привлекъ къ Себѣ Христосъ, а не баптистская община“, и что на-

¹⁾ „Баптистъ“ 1911 г., № 15.

²⁾ Тамъ-же.

прасно думаютъ, „что спастись можно только въ извѣстной церкви или общинѣ“, однако онъ оставилъ Православную Церковь и перешелъ въ баптизмъ¹⁾.

То, что произошло съ Домнышевымъ во время молитвы, обыкновенно называется у баптистовъ обращеніемъ или возрожденіемъ. По представленію баптистовъ, въ крещеніи не совершается возрожденія: крещеніе есть только исповѣданіе вѣры и вмѣстѣ съ тѣмъ внѣшній знакъ возрожденія, уже совершившагося раньше. Когда человѣкъ, подъ вліяніемъ чтенія или слушанія Слова Божія и сознанія своей грѣховности и невозможности спастись собственными силами, приходитъ къ увѣренности, что спасеніе его можетъ быть совершено (а въ сущности уже и совершено) только Христомъ, Которому онъ всецѣло и передаетъ себя и свою судьбу, тогда онъ изъ невѣрующаго, грѣшника, погибшаго, становится вѣрующимъ, святымъ, спасеннымъ, принимаетъ Христа въ сердце свое; это и есть обращеніе или возрожденіе. Судя по тѣмъ призывамъ къ обращенію, которые приходится слышать на баптистскихъ собраніяхъ, этотъ актъ представляется

¹⁾ Крайне страннымъ представляется заявленіе бывшихъ православныхъ, будто до перехода въ баптизмъ они не знали о совершеніи Христомъ нашего спасенія, когда эта истина проповѣдуется въ самомъ православномъ богослуженіи. Достаточно, напр., вспомнить извѣстный прмось 2-го гласа: „Пришелъ еси отъ Дѣвы ни ходатай, ни ангель, но Самъ, Господи, воплосся: и снасъ еси всего мя человѣка“, или молитву предъ причастіемъ: „Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси Христось, Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихже первый есмь азъ“. Неужели упомянутый Спировскій, ежегодно причащавшійся, никогда не слышалъ этой молитвы? Если заявленіе указанныхъ лицъ искренне (а заподозривать ихъ въ неискренности, повидимому, нѣтъ основаній), то, очевидно, въ нѣкоторыхъ (а можетъ быть и во многихъ) православныхъ храмахъ не только не преподается наставленія даже объ основныхъ истинахъ христіанства, но и молитвы и пѣснопѣвія произносятся такъ, что не оставляютъ никакого впечатлѣнія въ душѣ молящихся и даже самихъ священнослужителей. Странно также убѣжденіе бывшаго діакона, что, по православному ученію, спасеніе зависитъ отъ одного только внѣшняго исполненія „обрядностей“.

мгновеннымъ: баптистскіе проповѣдники часто обращаются къ своимъ слушателямъ съ увѣщаніемъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которые еще не увѣровали и не приняли Христа, которые еще не спасены,—покаялись и обратились немедленно, сейчасъ же, потому что никто не знаетъ, доживетъ ли онъ до слѣдующаго дня. На всероссійскомъ баптистскомъ съѣздѣ въ Петербургѣ въ сентябрѣ 1910 г. раздавались, напр., слѣдующіе призывы: „Помни, о братъ, что не безъ конца будетъ къ тебѣ взывать Господь: настанетъ рано или поздно минута, когда возможность спастись отнимется у тебя, можетъ быть, минута не за горами. Не теряй времени, а сейчасъ, сію минуту рѣшайся разбить свое сердце и отдаться Господу... Не медлите же своимъ спасеніемъ! Скорѣй, скорѣй, сію минуту устремитесь къ Спасителю!.. Кто изъ васъ желаетъ, именемъ Господа, спастись? Поднимите руки“¹⁾.

Много примѣровъ внезапнаго обращенія приводитъ извѣстный американскій психологъ Вильямъ Джемсъ въ своей весьма содержательной книгѣ „Многообразіе религіознаго опыта“, недавно переведенной на русскій языкъ (изд. журн. „Русская Мысль“, Москва, 1910 г.). Джемсъ беретъ примѣры, главнымъ образомъ, изъ жизни американскихъ протестантскихъ сектъ, но эти секты по духу очень близки къ нашимъ баптистамъ. Джемсъ описываетъ процессъ обращенія словами самихъ пережившихъ этотъ процессъ. По рассказамъ обращенныхъ, процессъ этотъ состоитъ въ переживаніи непосредственнаго воздѣйствія Божія на душу, озаряющаго ее, освобождающаго отъ гнета грѣховъ и вызывающаго стремленіе жить не для себя, а для Бога²⁾. Разумѣется, степень

¹⁾ „Наблюденія и впечатлѣнія на Всероссійскомъ съѣздѣ баптистовъ“.—„Миссион. Обзоръ 1911 г., № 1.

²⁾ Вотъ примѣры. „Я находился въ присутствіи Бога.. Я чувствовалъ, что въ комнатѣ есть другое существо, хотя и невидимое для меня. Вокругъ меня была чарующая тишина, и я испытывалъ огромное счастье. Въ эту минуту я понялъ путемъ откровенія, что я никогда не былъ въ соприкосновеніи съ Богомъ, и что если бы я тогда умеръ, я бы невоз-

напряженности и отчетливости такого состоянія бываетъ различна, но, во всякомъ случаѣ, это состояніе оказываетъ значительное воздѣйствіе на испытавшаго его человѣка: „неудивительно“, говоритъ Джемсъ, „что люди, прошедшіе черезъ такой опытъ, выносятъ изъ него увѣренность, что съ ними было чудо, а не явленіе естественнаго порядка вещей... чувство обновленія, спасенія, чистоты и праведности такъ сильно и ярко въ человѣкѣ, что понятна истекающая отсюда увѣренность, что все его существо совершенно преобразилось“¹⁾. Поэтому для насъ чрезвычайно важно рассмотретьъ, не доказываетъ ли состояніе обращенія или возрожденія, переживаемое (хотя бы и далеко не всѣми, а лишь нѣкоторыми) при переходѣ изъ православія въ баптизмъ, преимущества послѣдняго предъ первымъ.

Джемсъ интересуется данными религіознаго сознанія съ психологической точки зрѣнія; такъ и приведши рассказы о случаяхъ обращенія, онъ изъясняетъ это послѣднее психологически. Онъ говоритъ, что обращеніе не есть исключительно религіозное состояніе. „При рассмотрѣніи душевнаго возрожденія религіознаго типа важно сознавать, что мы имѣемъ дѣло только съ одной изъ разновидностей процесса, обнимающаго на ряду съ этой и другія разновидности его. Второе рожденіе, напр., можетъ быть какъ переходомъ отъ религіозности къ невѣрію, такъ и переходомъ отъ оковъ

вратно погибъ. Я былъ осужденъ,—въ этомъ я былъ также увѣренъ, какъ увѣренъ теперь въ моемъ спасеніи“ (209 стр.). „Вполнѣ понятно, что передъ освобожденіемъ нашимъ отъ грѣха и проклятія, Богъ заставляеть насъ сильнѣе почувствовать, отъ какого зла Онъ избавляетъ насъ, чтобы мы знали всю цѣнность спасенія и были бы способны постигнуть величіе того, что Бгу было угодно сдѣлать для насъ... Сперва человѣкъ долженъ сознать свое грѣхопаденіе, а затѣмъ свое освобожденіе и блаженство“ (216—217 стр.). „Себя я вручилъ волѣ Божіей, желая одного,—чтобы Онъ дѣлалъ со мной то, что найдетъ нужнымъ. У меня не оставалось мѣста для мыслей о себѣ, такъ какъ я слишкомъ поглощенъ былъ мыслями о другихъ“ (204 стр.).

¹⁾ Джемсъ, 215—216 стр.

морали къ полной нравственной свободѣ; оно можетъ быть вызвано также и тѣмъ, что въ душѣ поднимается новая страсть—любовь, честолюбіе, жажда богатства, жажда мщенія или патріотическій энтузіазмъ. Во всѣхъ этихъ разновидностяхъ мы имѣемъ передъ собой одно и то же общее психическое явленіе: душевная сила, устойчивость и равновѣсіе смѣняются собой періодъ внутренней бури, душевныхъ страданій и противорѣчій¹⁾. Словомъ, обращеніе, по Джемсу, есть коренное измѣненіе теченія душевной жизни, когда господствовавшіе прежде интересы, цѣли и стремленія вытѣсняются новыми. Часто это измѣненіе происходитъ, повидимому, внезапно, но на самомъ дѣлѣ оно готовится въ такъ называемой подсознательной области души и прорывается въ сознаніе лишь тогда, когда пріобрѣтаетъ достаточную силу напряженности; а такъ какъ указанная подготовительная работа совершается внѣ сознанія человѣка, то вторженіе результатовъ ея въ сознаніе и кажется ему неожиданнымъ. Религіозное обращеніе, такимъ образомъ, отличается отъ другихъ аналогичныхъ измѣненій душевной жизни лишь своимъ объектомъ: при немъ всѣ другіе интересы и стремленія оттѣсняются на задній планъ религіозными. Правда, существенной особенностью религіознаго обращенія является, повидимому, и то, что въ немъ человѣкъ сознаетъ непосредственное соприкосновеніе съ Божествомъ, но это сознаніе Джемсъ объясняетъ дѣйствіемъ подсознательной области, которая для человѣка представляется внѣшнею силой, хотя Джемсъ принципиально не отрицаетъ и допустимости непосредственнаго воздѣйствія Божества на человѣка. Дѣйствительно, указанное сознаніе само по себѣ далеко еще не можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ того, что человѣкъ, испытывающій его, и на самомъ дѣлѣ находится въ непосредственномъ общеніи съ Богомъ: вѣдь и хлысты утверждаютъ, что на нихъ во время радѣній „накатываетъ

¹⁾ Джемсъ, 165 стр.

духъ“, и шаманы во время своихъ волхвованій испытываютъ воздѣйствіе на себя высшей силы. Чтобы рѣшить вопросъ, — вызывается ли переживаемое сектантами при обращеніи состояніе дѣйствительно непосредственнымъ озареніемъ отъ Бога, или оно возникаетъ по естественнымъ психологическимъ законамъ, въ силу благопріятныхъ обстоятельствъ: общественныхъ молитвъ однообразнаго содержанія, проповѣдей, постоянно и настойчиво произносимыхъ на одну и ту же тему, искусственно подбираемыхъ текстовъ Св. Писанія и т. п., — нужно рассмотреть, соотвѣтствуетъ ли настроеніе обращенныхъ указанному въ словѣ Божіемъ духовному состоянію истиннаго христіанина.

Христосъ началъ Свою проповѣдь призывомъ къ покаянію (Мѡ. 4, 17); точно также и ап. Петръ въ день Пятидесятницы увѣровавшимъ прежде всего сказалъ: „покайтесь“ (Дѣян. 2, 38); покаяніе, слѣдовательно, есть необходимое начало новой христіанской жизни. Греческое слово *μετάνοια*, соотвѣтствующее русскому *покаяніе*, означаетъ перемѣну мыслей, настроенія, внутренней, душевный переворотъ. Чтобы сдѣлаться членомъ царства Божія, человѣкъ долженъ внутренне измѣниться, освободиться отъ своего прежняго грѣховнаго состоянія. Это — переворотъ настолько коренной, что въ Св. Писаніи онъ называется вторымъ рожденіемъ. Но человѣкъ самъ себя переродить не можетъ; возрождаетъ его благодать Божія, подаваемая въ таинствѣ крещенія: Христосъ ясно говоритъ, что человѣкъ для того, чтобы изъ плотскаго сдѣлаться духовнымъ, долженъ родиться „отъ воды и Духа“ (Іоан. 3, 5—6). Такимъ образомъ, тотъ процессъ, который сектанты называютъ обращеніемъ, дѣйствительно необходимъ въ христіанской жизни. Но сектанты неправы прежде всего въ томъ отношеніи, что они стрываютъ этотъ процессъ отъ таинствъ, какъ богоустановленныхъ *внѣшнихъ* священнодѣйствій, каковыхъ у сектантовъ, за отсутствіемъ у нихъ законнаго, Богомъ поставленнаго священства, и не можетъ быть.

Помимо того, самое значеніе обращенія, или возрожденія сектанты представляютъ совершенно неправильно. У баптистовъ обращеніемъ вызывается сознаніе спасенія, какъ уже совершившагося факта: увѣровавшій и возрожденный есть наслѣдникъ вѣчной блаженной жизни, такъ что ему нужно только сохранять уже полученное спасеніе. Между тѣмъ, въ Св. Писаніи возрожденіе подаваемое въ крещеніи, представляется, только какъ начало спасенія чело-вѣкъ въ крещеніи очищается отъ своихъ прежнихъ грѣховъ, но возможность грѣшить и даже влеченіе ко грѣху остается у него, и это влеченіе лишь постепенно ослабляется и уничтожается усиленнымъ подвигомъ добродѣланія, разумѣется, при содѣйствіи благодати Божіей. Спасеніе, о которомъ въ Св. Писаніи говорится, какъ о фактѣ, уже совершившемся, состоитъ въ томъ, что Христось Своимъ воплощеніемъ, страданіемъ и воскресеніемъ освятилъ и обновилъ естество чело-вѣческое, падшее въ лицѣ перваго Адама, и подаетъ это освященіе и обновленіе всѣмъ, присоединяющимся къ Его земному Тѣлу—Церкви. Освящающая благодать Христова подается чело-вѣку для того, чтобы при ея содѣйствіи онъ могъ достигать нравственнаго совершенства, подобнаго совершенству Отца Небеснаго (Мѡ. 5, 48). Ап. Петръ пишетъ: „какъ отъ Божественной силы Его даровано намъ все потребное для жизни и благочестія, чрезъ познаніе Призвавшаго насъ славою и благостію, которыми дарованы намъ великія и драгоцѣнныя обѣтованія, дабы вы чрезъ нихъ содѣлались участниками Божественнаго естества, удалившись отъ господствующаго въ мірѣ растлѣнія похотію,—то вы, прилагая къ сему все стараніе, покажите въ вѣрѣ вашей добродѣтели, въ добродѣтели разсудительность, въ разсудительности воздержаніе, въ воздержаніи терпѣніе, въ терпѣніи благочестіе, въ благочестіи братолюбіе, въ братолюбіи любовь“ (2 Пет. 1, 3—7). Изъ этихъ словъ ясно видно, что, получивши Божественную благодать и сдѣлавшись участникомъ Божественнаго естества, чело-вѣкъ не долженъ на этомъ усно-

коится, какъ представляютъ баптисты, а долженъ прилагать всѣ старанія къ возвращенію въ себѣ добродѣтелей, и пока онъ не станетъ обладателемъ послѣднихъ, онъ не можетъ считать дѣло своего спасенія законченнымъ („посему, братія, болѣе и болѣе старайтесь дѣлать твердымъ ваше званіе и избраніе: такъ поступая, никогда не преткнетесь, ибо такъ откроется вамъ свободный входъ въ вѣчное Царство Господа нашего“—10—11 ст.). Но Богъ подаетъ человѣку только Свою благодатную помощь, а не вселяетъ въ душу его готовые добродѣтели. Представлять добродѣтель чѣмъ-то даннымъ человѣку отънѣ, безъ участія его свободной воли, значить въ корнѣ извращать понятіе о нравственной жизни; при такомъ представленіи остается совершенно необъяснимымъ, почему всеблагій и всеправедный Богъ однимъ подаетъ добродѣтели, а другимъ нѣтъ, и почему Онъ „воздастъ каждому по дѣламъ его“ (Мѡ. 16, 27)¹⁾.

Ап. Павель также говоритъ: „Богъ силенъ обогатить васъ всякою благодатью, чтобы вы, всегда и во всемъ имѣя всякое довольство, были богаты на всякое доброе дѣло“ (2 Кор. 9, 8), и въ другомъ мѣстѣ: „явилась благодать Божія, спасительная для всѣхъ человѣковъ, научающая насъ, чтобы мы, отвергнувши нечестіе и мірскія похоти, цѣломудренно, праведно и благочестиво жили въ нынѣшнемъ вѣкѣ, ожидая блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, Который далъ Себя за насъ, чтобы избавить насъ отъ всякаго беззаконія и очистить Себѣ народъ особенный, ревностный къ добрымъ дѣламъ“ (Тит. 2, 11—14). Такимъ образомъ, полученіе благодати Божіей, слѣдующее за обращеніемъ человѣка къ Богу и рѣшеніемъ измѣнить свою жизнь, еще не является завершеніемъ спасенія человѣка. Благодать Божія не есть билетъ, дающій человѣку право на входъ въ вѣчное блаженное цар-

¹⁾ „Каждый получить отъ Господа по мѣрѣ добра, которое онъ сдѣлалъ“ (Еф. 6, 8).

ство Божіе, а она есть спасительная сила, помогающая человѣку жить добродѣтельно и благочестиво и, такимъ образомъ, дѣлаться способнымъ къ блаженному общенію съ Богомъ, достигать чистоты сердца, которая есть необходимое условіе для лицезрѣнія всесвятѣйшаго Бога (Мѡ. 5, 8). Далѣе въ томъ же посланіи къ Титу ап. Павелъ говоритъ, что эта благодать прежде всего подается человѣку именно посредствомъ воднаго крещенія. „Когда же явилась благодать и человѣколюбіе Спасителя нашего, Бога, Онъ спасъ насъ не по дѣламъ праведности, которыя бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрожденія (= „банею водною“ — Еф. 5, 26) и обновленія Святымъ Духомъ, Котораго излилъ на насъ обильно чрезъ Іисуса Христа, Спасителя нашего, чтобы, оправдавшись Его благодатью, мы по упованію содѣлались наслѣдниками вѣчной жизни“ (Тит. 3, 4—7).

Въ приведенныхъ словахъ ап. Павла ясно высказана и та, опровергающая ученіе баптистовъ мысль, что возрожденіемъ подается намъ не завершенное уже спасеніе, а только надежда на спасеніе, что мы — наслѣдники вѣчной жизни лишь „по упованію“. Еще яснѣе эту мысль ап. Павелъ развиваетъ въ другомъ мѣстѣ: „мы спасены въ надеждѣ. Надежда же, когда видить, не есть надежда, ибо если кто видить, то чего ему и надѣяться? Но когда надѣемся того, чего не видимъ, тогда ожидаемъ въ терѣніи“ (Рим. 8, 24—25). Надежда указывается ап. Павломъ въ числѣ трехъ главнѣйшихъ добродѣтелей христіанскихъ (1 Кор. 14, 13). Но у баптистовъ понятіе о надеждѣ христіанской совершенно обращено. Ап. Павелъ въ приведенныхъ выше словахъ ясно свидѣтельствуетъ, что надежда должна относиться къ ожидаемому, къ тому, чего еще нѣтъ. Поэтому истинный христіанинъ, въ противоположность баптистамъ, утверждающимъ, что они уже спасены, можетъ только надѣяться на полученіе спасенія при содѣйствіи благодати Божіей. Истинный христіанинъ знаетъ, что Богъ „хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись“ (1 Тим. 2, 4), что Христосъ „есть умиловленіе за грѣхи

наши, и не только за наши, но и за грѣхи всего міра“ (1 Іоан. 2, 2); но онъ знаетъ также, что, пока въ немъ грѣховныя склонности не искоренены противоположными имъ добродѣтелями, онъ не способенъ къ блаженному общенію съ Богомъ, потому что „какое общеніе праведности съ беззаконіемъ?“ (2 Кор. 6, 14). Такимъ образомъ, хотя спасеніе есть даръ Божій, но неполученіе спасенія зависитъ отъ самого человѣка.

Но въ настоящей жизни ни одинъ христіанинъ не можетъ считать себя вполне чистымъ отъ грѣховъ (1 Іоан. 1, 8). Ап. Павелъ представляетъ поразительнѣйшій примѣръ чудеснаго „обращенія“,—онъ былъ избраннымъ сосудомъ Божиимъ (Дѣян. 9, 15), однако онъ не считалъ себя достигшимъ совершенства (Филип. 3, 13), усмирять и порабощать тѣло свое, чтобы „не остаться недостойнымъ“ (1 Кор. 9, 27)¹⁾. Поэтому наряду съ радостнымъ чувствомъ благодарности Богу за Его неизреченную любовь, явленную въ крестной смерти Сына Его для нашего спасенія, истинный христіанинъ долженъ испытывать и покаянное настроеніе. „Господь, по усмотрѣнію премудрости и благодати Своей, можетъ дать и иногда даруетъ душѣ человѣческой непрерываемый миръ и полное успокоеніе отъ чувства грѣховности; этого мы, конечно, желаемъ, какъ *вѣнца* нашей духовной жизни, но это не въ нашей власти. Въ нашей же власти располагать свое духовное дѣланіе вдали отъ обѣихъ крайностей,—какъ отъ мысли своими трудами и подвигами оправдаться предъ Богомъ, такъ и отъ пренебреженія сознаніемъ своей грѣховности. Иначе сказать, мы должны срастворять въ своей духовной жизни духъ покаянія съ успокоеніемъ на мысли о нашемъ спасеніи, чередовать моменты покаянные съ успо-

¹⁾ Правда, въ своемъ предсмертномъ посланіи къ Тимошею ап. Павелъ высказываетъ увѣренность въ полученіи вѣнца, по основаніемъ для этой увѣренности служить не только то, что онъ „вѣру сохранилъ“, но и то, что „подвигомъ добрымъ подвизался“ (2 Тим. 4, 7—8).

коительными, утѣшительными“¹⁾. „Сама благодать, по опыту свв. подвижниковъ, дѣйствуетъ такъ: даетъ сначала вкусить человѣку отъ сладости своей, а потомъ скрывается, упражняя свободу человѣческую труднымъ путемъ исканія себя. Такъ, говорятъ, первый годъ въ монастырѣ для искавшихъ его бываетъ сладостенъ и легокъ, потомъ же начинаются искушенія“²⁾. Наряду съ заповѣдью: „всегда радуйтесь“ (1 Тес. 5, 16), мы имѣемъ и другую: „блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся“ (Мѡ. 5, 4). Нельзя думать, что послѣдняя заповѣдь относится только къ не обратившимся, къ тѣмъ, которые еще не получили спасенія (въ баптистскомъ смыслѣ), а лишь стремятся къ нему, потому что такому пониманію противорѣчатъ, напр., слѣдующія слова ап. Павла: „теперь я радуюсь не потому, что вы опечалились, но что вы опечалились къ покаянію; ибо опечалились ради Бога, такъ что нисколько не понесли отъ насъ вреда; ибо печаль ради Бога производитъ неизмѣнное покаяніе ко спасенію“ (2 Кор. 7, 9—10). Это апостоль пишетъ вѣрующимъ, которыхъ онъ самъ называетъ призванными сзатыми (1 Кор. 1, 2). И Самъ Господь заповѣдуетъ ученикамъ Своимъ молиться такъ: „Отче нашъ,... прости намъ грѣхи наши“ (Лук. 11, 4). „Всѣ мы много согрѣшаемъ“ (Іак. 3, 2). Поэтому не достаточно однажды сознать свои грѣхи и испросить у Бога прощенія ихъ при „обращеніи“, при вступленіи въ Церковь Христову. Нужно чаще судить (1 Кор. 11, 31, ср. 28 ст.), изслѣдывать самихъ себя (2 Кор. 13, 5) и, сознавая свои грѣхи, каяться въ нихъ съ тѣмъ, чтобы потомъ уже не подчиняться имъ: „если исповѣдуемъ грѣхи наши, то Онъ будучи вѣренъ и праведенъ, проститъ намъ грѣхи наши и очиститъ насъ отъ всякой неправды“ (Іоан. 1, 9, ср. Іак. 5, 16)³⁾.

¹⁾ „Психологическіе уроки для нашей церковной жизни по матеріаламъ Джемса“, Е. А. Л.—„Страникъ“ 1910 г., декаб. 688 стр.

²⁾ Тамъ же, 695 стр.

³⁾ Ап. Іоаннъ въ откровеніи пишетъ къ малоазійскимъ церквамъ, т. е. обществамъ вѣрующихъ, и себя называетъ ихъ образомъ (1, 8); однако апостоль призываетъ этихъ вѣрующихъ къ покаянію (2—3 гл.).

Но такъ какъ прощеніе грѣховъ есть дѣло благодати Божіей, то для сообщенія его нужно особое таинство, каковымъ и является таинство покаянія, въ которомъ пастыри Церкви властію, полученною отъ Христа (Іоан. 20, 23), связываютъ или прощаютъ грѣхи. Такимъ образомъ, сознаніе своихъ грѣховъ и обращеніе къ Богу для освобожденія отъ нихъ, соединенное съ рѣшимостью измѣнить къ лучшему свою жизнь, т. е. то, что у сектантовъ называется обращеніемъ, должно многократно повторяться: Православная Церковь заповѣдуетъ членамъ своимъ приступать къ таинству покаянія, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ годъ.

То-же нужно сказать и относительно всецѣлаго преданія себя волѣ Божіей, которое баптисты также считаютъ своей исключительной принадлежностью. Православная Церковь признаетъ такое преданіе одною изъ важнѣйшихъ добродѣтелей. Достаточно привести, напр., слова еп. Теофана: „человѣкъ долженъ до сознанія своего ничтожества и всецѣло предать себя Богу и благодати Его. Предавшій себя Богу говорить: я—ничто и все Богъ и Его всеильная благодать... Это живой союзъ, жизнь въ Богѣ, утвержденіе въ Немъ всѣмъ существомъ: мыслію, сердцемъ, волею“¹⁾. Но по православному представленію, это преданіе должно вызываться именно сознаніемъ своей грѣховности и безсилія безъ помощи Божіей достигнуть нравственнаго совершенства и спасенія. Баптистъ, впадая въ логическое противорѣчіе, рассуждаетъ такъ: я уже спасенъ и потому долженъ предать себя Богу; а православный молится: „Самъ Господи, имиже вѣси судьбами, устрой мое спасеніе“²⁾. Очевидно, что корень разногласія между православіемъ и баптизмомъ заключается не въ томъ, что первое отрицаетъ тѣ требованія, которыя предъявляетъ своимъ послѣдователямъ послѣдній (вѣра въ спасеніе, совершенное Христомъ, „обращеніе“ къ Богу и преданіе Ему себя), а въ

¹⁾ „Путь ко спасенію“.

²⁾ Тамъ-же.

томъ, что баптизмъ, вопреки свидѣтельствамъ св. Писанія, считаетъ сознание человѣкомъ своей грѣховности обязательнымъ лишь до „обращенія“ и вступленія въ „общество святыхъ“, тогда какъ православіе требуетъ этого сознания и отъ вѣрующихъ

Баптисты, для подтвержденія своего убѣжденія въ томъ, что они уже получили спасеніе, особенно часто ссылаются на 1-е посл. ап. Іоанна, въ которомъ говорится о высококомъ достоинствѣ вѣрующихъ въ Іисуса Христа, какъ чады Божіихъ. „Смотрите, какую любовь далъ намъ Отецъ, чтобы намъ называться и быть чадами Божіими“ (3, 1). „Мы знаемъ, что мы отъ Бога“ (5, 19). „Мы знаемъ, что перешли отъ смерти въ жизнь, потому что любимъ братьевъ“ (3, 14). „Вѣрующій въ Сына Божія имѣетъ свидѣтельство въ себѣ самомъ... Свидѣтельство сіе состоитъ въ томъ, что Богъ даровалъ намъ жизнь вѣчную, и сія жизнь въ Сынѣ Его. Имѣющій Сына Божія имѣетъ жизнь; не имѣющій Сына Божія не имѣетъ жизни. Сіе написалъ я вамъ, вѣрующимъ во имя Сына Божія, дабы вы знали, что вы, вѣруя въ Сына Божія, имѣете жизнь вѣчную“ (5, 10—13). Но апостоль вовсе не утверждаетъ, что полученіе вѣчной жизни обуславливается одною только вѣрою; напротивъ, необходимымъ условіемъ для пребыванія въ Богѣ онъ называетъ любовь (4, 16), а любовь неизбежно выражается въ соотвѣствующихъ дѣлахъ: „ибо это есть любовь къ Богу, чтобы мы соблюдали заповѣди Его“ (5, 3). Поэтому христіанинъ не можетъ успокаиваться на одной только увѣренности въ полученіи спасенія; онъ долженъ тщательно слѣдить за своей внутренней, духовной жизнью: если сердце наше не осуждаетъ насъ, то мы имѣемъ дерзновеніе къ Богу“ (3, 21). Но какъ можетъ кого либо изъ насъ не осуждать сердце наше, когда самъ апостоль свидѣтельствуется: „если говоримъ, что не имѣемъ грѣха, обманываемъ самихъ себя, и истины нѣтъ въ насъ“ (1, 8). Хотя возрожденные получаютъ отъ Бога освящающую благодать, которая открываетъ имъ путь къ вѣчной жизни, но

въ нихъ, какъ уже было сказано, остается и влеченіе ко грѣху, удаляющее отъ Бога. Потому то апостоль и говорить, что спасеніе христіанина есть предметъ надежды, которая должна побуждать его къ очищенію себя отъ грѣховъ: „всякій, имѣющій сію надежду на Него, очищаетъ себя“ (3, 3).

Итакъ, религіозное сознаніе баптистовъ не соотвѣтствуетъ тому настроенію, которое долженъ имѣть истинный христіанинъ. А такъ какъ всякое дерево познается по своимъ плодамъ, то очевидно, что переживаемое баптистами обращеніе нельзя признать дѣйстви́емъ непосредственнаго Божественнаго озаренія. Оно возникаетъ естественнымъ психологическимъ путемъ въслѣдствіе указанныхъ выше обстоятельствъ. Самый испытываемый при этомъ состояніи подъемъ и даже духовный восторгъ Джемсъ объясняетъ психологически: „внутреннее умирненіе, а въ рѣзкихъ случаяхъ даже состояніе счастья и восторга при этихъ переживаніяхъ получается, благодаря нѣ-которому разряду напряженія, когда накопившіеся въ подсознательной области элементы прорвались наконецъ въ область сознательную“ ¹⁾. Джемсъ приводитъ даже примѣры, когда подобное восторженное состояніе вызывалось употребленіемъ опьяняющихъ веществъ, которыя, вызывая потемнѣніе сознанія, тѣмъ самымъ усиливаютъ дѣятельность подсознательной области души; экстагическаго состоянія достигаютъ и хлысты во время своихъ радѣній.

Однако сдѣланный нами выводъ вовсе не даетъ основанія умалять опасность для нашей Православной Церкви со стороны баптизма. Не слѣдуетъ забывать приведенныхъ выше свидѣтельствъ отщепенцевъ отъ православія, что они въ сектантствѣ нашли благоприятныя условія для освобожденія отъ тѣхъ пороковъ, которымъ были подвержены, называясь православными. Будучи слабъ со своей теоретиче-

¹⁾ Джемсъ, 238 стр.

ской стороны, вслѣдствіе своего несогласія съ словомъ Божиимъ, — баптизмъ силенъ своей жизненностью, своей способностью удовлетворять религіознымъ и нравственнымъ запросамъ души, не проникшей въ глубины Христова ученія. Православіе, какъ чистое и неповрежденное Христово ученіе, во всѣхъ отношеніяхъ глубже, возвышеннѣе и совершеннѣе всякаго рода сектъ. Но, къ сожалѣнію, и въ личной и въ общественной (особенно приходской) жизни большинства православныхъ людей содержимое ими Божественное ученіе отражается и проявляется очень слабо. „Церковь наша“, говоритъ Н. В. Гоголь, „должна святиться въ насъ, а не въ словахъ нашихъ... Они (враги Церкви) говорятъ, что Церковь наша безжизненна. Они сказали ложь, потому что Церковь наша есть жизнь; но ложь свою они вывели логически. вывели правильнымъ выводомъ: мы трупы, а не Церковь наша, и по насъ они назвали и Церковь нашу трупомъ“¹⁾. На обязанности всѣхъ насъ, православныхъ христіанъ, лежитъ нашей жизнью показать, что православная вѣра дѣйствительно содержитъ „вся Божественныя силы яже въ животу и благочестію“ (2 Пет. 1, 3). И лишь тогда, когда не только жизнь великихъ подвижниковъ, какихъ много въ Православной Церкви, и подобныхъ которымъ нѣтъ въ другихъ христіанскихъ исповѣданіяхъ, но и жизнь большинства православныхъ христіанъ будетъ устроиться на началахъ исповѣдуемой ими вѣры, — не будетъ побужденій у немощныхъ въ вѣрѣ оставлять „домъ Отчій“ и удаляться на сторону далече“.

Н. Гумилевскій.

¹⁾ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“.

Ученіе Христа Спасителя въ третьемъ евангеліи о богатствѣ и бѣдности.

(Продолженіе ¹⁾).

Разсмотримъ, какой взглядъ проводится въ евангеліи Луки на богатство и бѣдность въ ихъ отношеніи къ дѣлу устройства царства Божія, и выяснимъ, почему богатымъ возвѣщается „горе“, а бѣдные улажаются.

„Какъ на сценѣ являются принимающія на себя лица царей, и военачальниковъ, и врачей, и софистовъ, и воиновъ, на самомъ дѣлѣ не будучи ничѣмъ этимъ: такъ и въ настоящей жизни и бѣдность и богатство суть только маски“ ²⁾, т. е. временныя формы жизни, въ которыя мы поставлены Богомъ для испытанія нашихъ духовныхъ свойствъ. Предъ нами притча о неправедномъ домоправителѣ, гдѣ богатство разсматривается, какъ имѣніе, ввѣренное Богомъ человѣку для управленія имъ. Предъ нами притча о минахъ, гдѣ богатство разсматривается какъ капиталъ, ввѣренный господиномъ слугамъ своимъ для храненія и приращенія. Какъ для слугъ употребленіе этихъ ввѣренныхъ благъ было пробнымъ камнемъ ихъ трудоспособности и радѣнія объ интересахъ господина своего, такъ и богатство, или точнѣе, правильное употребленіе его служить пробнымъ камнемъ для насъ, можемъ ли мы обладать высшими благами. Богатство, ввѣренное намъ, мы должны употреблять на благо ближнихъ. Христосъ не имѣетъ въ виду уничтожить различіе во владѣніи. Въ индивидуальности человѣка относится не только просто отличіе его отъ другихъ по наклонности дарованій, но также и по его владѣнію. Но такъ какъ различія предназначены для того, чтобы люди взаимно дополняли другъ друга, то и различія во владѣніи также должны быть уравниваемы посредствомъ служенія любви. Значитъ, бѣдность служить для

¹⁾ См. № 29 за 1911 г.

²⁾ Св. І. Златоустъ, т. І. 794 стр.

богатства поводомъ къ благотворительности, милосердію, а милосердіе—это завершеніе всѣхъ добродѣтелей, потому что, по евангелію Луки, высшее совершенство, которымъ чело-вѣкъ уподобляется Богу,—это милосердіе: „будите милосерди-якоже и Отецъ Вашъ милосердъ есть“ (Лк. 6, 36).

Но богатство и бѣдность, какъ условія земной жизни, разсматриваются съ точки зрѣнія идеи спасенія. Подъ угломъ этой идеи, бѣдность является условіемъ болѣе благопріятнымъ, чѣмъ богатство. Почему? Вѣдь природа ихъ—одна и та же: все даръ Божій? Это потому, что богатство часто соединяется съ пороками, которые препятствуютъ богатому быть „нищимъ духомъ“. Въ евангеліи Луки указаны эти пороки, которые живутъ параллельно съ богатствомъ.

Первый порокъ—это гордость, взглядъ на богатство, какъ на нѣчто цѣнное само по себѣ, какъ на силу, при помощи которой можно сдѣлать все. Въ самомъ началѣ евангелія Луки, въ пѣсни Дѣвы Маріи мы видимъ, что въ Царствѣ Сына Бя сильные и надменные, гордые своимъ богатствомъ и надбющіеся лишь на земныя блага будутъ отвергнуты и познаютъ суетность своего мнимаго богатства, а смиренныя, возлагающіе все свое унованіе на Бога, будутъ приняты и возвеличены.

Къ этому пороку присоединяется взглядъ на богатство, какъ на собственность, какъ на нѣчто „наше“;—отсюда, неблагодарность Богу, забвеніе Его и, какъ естественный результатъ этого, практическій матеріализмъ, съ одной стороны, и отсутствіе любви къ ближнимъ, съ другой. Характеристику богачей съ такими именно пороками мы видимъ въ притчахъ о безумномъ богачѣ, о богатомъ и Лазарѣ и о блудномъ сынѣ. Первый беретъ въ тотъ моментъ, когда онъ уже владѣеть богатствомъ. Богъ даетъ ему еще больше, но богачъ не хочетъ знать Бога, какъ раздаятеля благъ, и смотритъ на богатство, какъ на свое собственное владѣніе. Далѣе мы видимъ, какъ богачъ, лишившись, при забвеніи Бога, надежной опоры для своей дѣятельности, приходитъ къ практическому

материализму, и въ своей четырехчленной формулѣ: „*почивай, яждь, пей, веселися*“ (Лк. 12, 19), выражаетъ взглядъ на цѣль человеческой счастливой жизни. За это то, а не за то, что онъ былъ богатъ, и возвѣщается ему смерть. Другой богатъ беретъ уже въ моментъ т. е. законченнаго міровоззрѣнія: онъ весь ушелъ въ наслажденія и совершенно не замѣчаетъ бѣднаго, валяющагося на гноищѣ у порога его дома. Блудный сынъ представляетъ изъ себя образецъ того, какъ человѣкъ, неразумно тратя свои богатства, можетъ дойти до скотоподобія во всѣхъ отношеніяхъ.

Это одинъ типъ богачей—богачей расточителей, пользующихся своимъ богатствомъ для удовлетворенія своихъ неизменно-животныхъ потребностей и въ упоеніи наслажденіями такого рода забывающихъ о Богѣ и ближнихъ.

Но есть еще другой типъ богачей. Это люди ведущіе раздвоенный образъ жизни. Съ этой стороны эти люди признаютъ себя вѣрующими въ Бога, слугами Божиими.—съ другой—они слишкомъ привязаны ко всему земному, къ богатству, при чемъ эта привязанность часто доходитъ до полнаго подчиненія идолу мамоны. У человѣка получается два господина, изъ которыхъ каждый требуетъ служенія только ему одному. Возникаетъ коллизія. Кто служить двумъ господамъ даже сходнаго, а тѣмъ болѣе различнаго характера, тотъ по необходимости, исполняя волю одного, будетъ уклоняться отъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ другому: „*или единого возненавидитъ, а другого возлюбитъ: или единого держится, о другомъ же нерадити начнетъ*“ (Лк. 16, 13), предпочитая того господина, служеніе которому болѣе удобно или выгодно для него. Поэтому Христосъ ясно сказалъ: „*не можете Богу работать и мамонѣ*“ (Лк. 26, 13). Христосъ требуетъ постоянства въ служеніи Ему, подобно какъ для хорошаго управленія домою нужна постоянная бдительность, а не единичныя распоряженія, при невниманіи къ общему ходу жизни.

Такимъ образомъ, причина осужденія Христомъ богатства—не въ самой природѣ богатства, а въ настроеніи владѣющихъ имъ. Къ такимъ то богачамъ и обращаетъ Христосъ свое слово, какъ бы убѣждая ихъ, что богатство призрачная сила, немогушая избавить насъ отъ смерти (Лк. 12, 15), что низки радости, доставляемыя имъ, ибо оно—„мамона неправды“ (Лк. 16, 9). Экзегетика и западная и русская представляетъ такую массу толкованій на послѣднее мѣсто, что всѣхъ ихъ привести нѣтъ возможности. Можно установить 4 типа пониманія этого выраженія „мамона неправды“. Первое слово показываетъ, что богатство часто замѣняетъ для людей Бога, само становясь на Его мѣсто, и заставляя человѣка подчинять себѣ всѣ движенія его души.

Къ первому типу пониманія „неправды“ должно быть отнесено толкованіе въ томъ смыслѣ, что здѣсь разумѣется богатство, несправедливо нажитое. Такого пониманія держится Иеронимъ, Златоустъ, Годе, Теофилактъ, Августинъ.

Несправеднымъ, далѣе, называется богатство по способу его употребленія,—когда люди забываютъ о томъ, что оно дается намъ отъ Бога для того, чтобы мы употребляли его на добрыя дѣла. Оно несправедливо присвоится человѣкомъ себѣ, въ видѣ собственности. Такъ понимаетъ Златоустъ, Теофилактъ, Зигабень, Иеронимъ, Оригенъ.

Далѣе, богатство несправедливо потому, что оно связано часто съ неправдами, понимаемыми въ самомъ широкомъ смыслѣ слова: оно часто бываетъ соблазномъ для насъ, поводомъ къ неправдѣ въ разныхъ отношеніяхъ. Житейскій опытъ настоящаго времени, именуемаго практическимъ, представляетъ яркія иллюстраціи пагубнаго вліянія богатства на ходъ духовной жизни. Дѣйствительность представляетъ намъ слишкомъ много несчастныхъ и безотрадныхъ съ нравственной точки зрѣнія случаевъ, когда духовное существо чловѣка, всецѣло поработенное золотому тельцу, приноситъ ему въ жертву и Бога, подобно Іудѣ, и ближнихъ, и даже свои

завѣтныя идеи. Такого пониманія держится св. Амвросій Медиоланскій

Всѣ эти три типа толкованія стоятъ въ тѣсной связи между собою, и потому часто одинъ и тотъ же толковникъ принимаетъ всѣ три толкованія.

Наконецъ, богатство несправедливо потому, что оно суетно, непрочно, обманчиво, оно не удовлетворяетъ тому представленію, какое создается о немъ у людей, въ противоположность истинному, такому, которое всегда постоянно, неизмѣнно, удовлетворяетъ своему идеалу. Поэтому также оно называется „малымъ“ (Лк. 16, 10), по сравненію съ „многимъ“ богатствомъ дарованій духовныхъ, и „чужимъ“, поскольку оно, какъ данное намъ Богомъ, не должно быть удерживаемо нами, а должно быть раздаваемо нищимъ; ¹⁾ или же въ томъ смыслѣ, что оно чуждо нашей природѣ ²⁾. Оно представляется людямъ самымъ высокимъ и надежнымъ сокровищемъ и обольщаетъ ихъ безконечными наслажденіями (Лк. 12, 19), между тѣмъ какъ оно оставляетъ человѣка при переходѣ его въ будущую жизнь: „*яже уготовалъ еси, кому будутъ*“ (Лк. 12, 20). Поэтому Христосъ неоднократно убѣждаетъ Своихъ послѣдователей заботиться болѣе о небесномъ, чѣмъ о земномъ, ибо все земное — ничто по сравненію съ небеснымъ. Пусть бы человѣкъ пріобрѣлъ весь міръ, но если владѣніе всѣмъ міромъ не принесетъ пользы душѣ его, то какая польза ему отъ его обладанія міромъ?

Послѣднее толкованіе въ православной экзегетикѣ считается болѣе соответствующимъ смыслу притчи, хотя не исключаетъ толкованій и другихъ типовъ.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія пригодности богатства для дѣла спасенія, оно является для многихъ камнемъ преткновенія. Впрочемъ, человѣкъ можетъ и долженъ возвышаться

¹⁾ Теофилактъ Благовѣстникъ, ч. III. 211.

²⁾ Иеронимъ. Творенія, т. III. 190.

наль этимъ условіемъ жизни: „какъ трудно имѣющимъ богатство войти въ Царствіе Божіе!“ (Лк. 18, 24); трудно, но не невозможно, если человекъ сознаетъ свое безсиліе въ борьбѣ со зломъ богатства и прибѣгнетъ за помощью къ Богу и тогда „невозможное человеку, возможно Богу“ (Лк. 18, 27).

Какъ же нужно смотрѣть на бѣдность? Для устройства Царства Божія она представляется болѣе подходящимъ условіемъ, чѣмъ богатство, ибо она предрасполагаетъ человека къ смиренію, къ терпѣнію, къ надеждѣ на Бога и вѣчную награду. „Какъ легки, говоритъ св. Златоустъ, ничѣмъ не связаны и на все готовы бѣдные, и какъ, напротивъ,—богатые испытываютъ множество затрудненій“! ¹⁾ Проповѣдываніе нищимъ, какъ очевидно, болѣе достойнымъ—по слову Псаіи, приведенному въ евангеліи Луки, является первою чертою дѣятельности грядущаго Мессіи. (Лк. 4, 18). Нишіе оказываются болѣе достойными войти на вечерю, чѣмъ званые (Лк. 14, 21). Въ евангеліи Луки изображенъ только одинъ типъ бѣдняковъ—Лазарь, лежащій у порога дома богатаго и терпѣливо переносящій и физическія страданія и жестокость со стороны богатаго.

В. Бѣлолюковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Златоустъ, т. II. 35.

²⁾ Авторъ не дѣлаетъ въ своей статьѣ открытій, но его статья заслуживаетъ вниманія по легкости, простотѣ и красотѣ изложенія; кромѣ того она можетъ дать матеріалъ для бесѣды съ народомъ. *Ред.*

Почему нужно быть христіаниномъ

(Проф. М. Лепенъ).

ПЕРВАЯ ИСТИНА.

Богъ существуетъ ²⁾

Когда я начинаю думать, моему уму прежде всего представляется вопросъ: откуда произошелъ міръ, въ которомъ я нахожусь? Существовалъ-ли онъ всегда, или-же онъ имѣлъ

¹⁾ Злагоусть, т. II. 35.

²⁾ Авторъ не дѣлаетъ въ своей статьѣ открытій, но его статья заслуживаетъ вниманія по легкости, простотѣ и красотѣ изложенія; кромѣ того она можетъ дать матеріалъ для бесѣды съ народомъ. *Ред.*

начало? Существуетъ-ли онъ самъ по себѣ и движется-ли онъ самостоятельно или-же есть Высшее Существо, давшее ему начало и управляющее имъ? Этотъ вопросъ, занимающій мои мысли, имѣетъ капитальную важность.

Меня поражаетъ величіе вселенной, окружающей меня.

Въ городѣ, въ которомъ я живу, я занимаю очень мало мѣста. Но городъ этотъ представляетъ собою только точку въ моемъ отечествѣ. Отечество-же мое составляетъ лишь незначительную часть земнаго шара. А земля... что она въ сравненіи съ безпредѣльнымъ пространствомъ, ее окружающимъ?

Надъ своей головой я вижу свѣтила небесныя: солнце, луну и звѣзды. Наука объясняетъ мнѣ, что эти свѣтила, которые мнѣ кажутся точками, представляютъ собою въ дѣйствительности огромные шары, расположенные на неизмѣримомъ разстояніи другъ отъ друга.

А что-же находится за этими свѣтилами, за солнцемъ, за звѣздами? Я не могу себѣ представить границы, которая-бы заканчивала пространство; предполагая таковую, я спрашиваю себя тотчасъ-же: но развѣ за ней нѣтъ ничего? Тамъ, по моему, безконечность, безконечность вѣчная, непроницаемая, недоступная людскому изслѣдованію; въ этой безконечности теряется мое воображеніе.

Наука объясняетъ мнѣ далѣе, что земля, на которой я живу, не неподвижна, что она вращается вокругъ солнца, что другія планеты движутся, какъ и она, вокругъ этого свѣтила, въ то время, какъ луна вращается вокругъ земли. Всѣ эти гигантскія тѣла совершаютъ въ пространствѣ равномерное и постоянное движеніе. Они увѣренно слѣдуютъ по пути, начертанному заранѣе, не мѣняя своего положенія по отношенію другъ къ другу. Какое удивительное устройство!

Однообразно протекаютъ вѣка. Смѣняются годы, всегда одинаковые. Одни и тѣ-же движенія луны вокругъ земли опредѣляютъ мѣсяцы. Одни и тѣ-же движенія земли вокругъ солнца производятъ смѣну временъ года. Однообразное вра-

щенье земли вокругъ самой себя производить смѣну дней и ночей.

Это — часы, искусно составленные!

Но гдѣ же находится пружина, управляющая этими грандиозными движеніями? Гдѣ маятникъ, обезпечивающій ихъ правильность? Устройство это насчитываетъ миллионы лѣтъ, а машина съ тѣмъ-же постоянствомъ продолжаетъ свой молчаливый ходъ; часы функционируютъ съ такой-же правильностью и съ такимъ-же совершенствомъ.

А сколько еще чудесъ окружаетъ меня со всѣхъ сторонъ на одной лишь землѣ, чудесъ, къ которымъ я привыкъ, но которыя, тѣмъ не менѣе, поражаютъ меня, когда я начинаю о нихъ размышлять!

Полны чудесъ тѣ стихіи, среди которыхъ я живу! Воздухъ, которымъ я дышу, и который входитъ въ мои легкія, чтобы обновить мою кровь! Вода, выходящая изъ нѣдръ земли, текущая рѣками, поднимающаяся въ видѣ облаковъ и вновь падающая на землю въ видѣ дождя, для того, чтобы сдѣлать ее плодородной! Огонь, освѣщающій и согрѣвающій меня и варящій мою пищу!

А въ мірѣ растений какія чудеса! Какая многочисленность и какое разнообразіе, отъ маленькой полевой травки, такой тоненькой и такой нѣжной, до садоваго цвѣтка, такъ богатаго красками и пахучаго, до большого дерева, укрывающаго меня своей листвою, питающаго меня своими плодами и дающаго мнѣ свой стволъ въ видѣ дровъ для самаго разнообразнаго употребленія!

Не чудо-ли это, что хлѣбное зерно, брошенное въ землю, сгниваетъ тамъ, затѣмъ пускаютъ ростокъ, растетъ, развивается въ колосъ и наконецъ, подъ дѣйствіемъ солнца и дождя, производитъ большое количество новыхъ зеренъ, одни изъ которыхъ служатъ для дальнѣйшаго воспроизведенія, а другія для моей пищи! А что сказать о маленькомъ желудѣ, производящемъ на свѣтъ дубъ!

Еще больше чудесъ въ мірѣ животныхъ! Начиная съ маленькаго насѣкомаго, ловкости котораго я удивляюсь, паука,

такъ искусно ткающаго свою паутину, муравья, такъ искусно сооружающаго и снабжающаго припасами свои кладовыя, кончая птицею, легкой полетъ которой въ воздухѣ приводитъ меня въ восхищеніе, рыбой, свободно плавающей подѣ водой, и большимъ четвероногимъ животнымъ, лошадыю, воломъ, силой котораго я пользуюсь для своихъ услугъ.

И наконецъ, высшее чудо—это самъ человѣкъ! Человѣкъ, царь твореній, обладающій такимъ совершеннымъ тѣломъ и такимъ высокимъ разумомъ! человѣкъ, познающій окружающую его вселенную, способный мыслить и выражать мысль словомъ, способный восхищаться красотой и любить добро! Человѣкъ, отношенія котораго создаютъ общество, семью, отечество, человѣкъ, котораго волнуютъ столько заботъ умственныхъ, нравственныхъ, коммерческихъ и политическихъ!

Какую тайну заключаютъ въ себѣ эти миллиарды человѣческихъ существъ, живущихъ, дѣйствующихъ, сражающихся за жизнь индивидуальную (въ отдѣльности каждаго) и социальную (общества)—и все это на маленькомъ земномъ шарѣ, неуклонно слѣдующемъ по своему пути въ пространствѣ!

Когда я хорошо надѣ этимъ поразмышляю, все представляется мнѣ чудомъ въ этомъ мірѣ: чудеса происходятъ надѣ моей головой въ безпредѣльномъ небѣ; чудеса происходятъ вокругъ меня, въ существахъ, меня окружающихъ; чудеса заключаются и во мнѣ, въ моемъ тѣлѣ, въ моемъ разумѣ, въ моемъ сердцѣ.

Но нужно-же, наконецъ, спросить: откуда, въ концѣ концовъ, происходятъ всѣ эти чудеса? Существуютъ-ли они сами собою, или-же первопричина ихъ заключается внѣ ихъ самихъ?

Чудеса вселенной существуютъ сами собою! они не имѣютъ причины, не имѣютъ творца! Нѣтъ, это невозможно допустить.

Предположимъ, что я нахожусь передъ великолѣпнымъ дворцомъ, грандіозныхъ и безукоризненно правильныхъ размѣровъ; тамъ собраны самыя разнообразныя матеріалы, образующіе стѣны, колонны, своды, разной величины залы; мра-

морь, золото, краски, гармонично сочетаясь, образуютъ изящныя и богатыя украшенія. Вѣдь я непремѣнно долженъ прийти къ тому заключенію, что дворець этотъ есть произведеніе искуснаго архитектора, который создалъ планъ его, собралъ необходимый матеріалъ и руководилъ сооруженіемъ.

Предположимъ еще, что передо мной необыкновенныя часы со сложнымъ и точно вывѣреннымъ ходомъ: множество колесиковъ, связанныхъ другъ съ другомъ такимъ образомъ, что онѣ точно показываютъ часы, дни, мѣсяцы, годы и вѣка. И тутъ опять невозможно не видѣть произведенія гениальнаго художника.

Тому, кто мнѣ скажетъ: „этотъ дворець всегда стоялъ на этомъ мѣстѣ, у него нѣтъ создателя; эти часы неизвѣстнаго происхожденія, они создались сами собою“,—я отвѣчу: „это—невозможно. Я, правда, не видѣлъ, какъ строился этотъ дворець; правда и то, что я не знаю, кто сдѣлалъ эти часы; но глаза мои ясно видятъ, что и дворець и часы существуютъ, и что эти произведенія прекрасны и достойны удивленія. А мой здравый смыслъ отказывается вѣрить, чтобы такія великолѣпныя произведенія могли существовать, не имѣя искуснаго творца“.

Чѣмъ совершеннѣе произведеніе, чѣмъ онъ правильнѣе, гармоничнѣе и прекраснѣе, тѣмъ умнѣе и гениальнѣе долженъ быть его создатель.

Это—непоколебимое убѣжденіе моего разума.

Однако, ни одинъ дворець не можетъ сравниться со вселенной, въ которой я обитаю, и нѣтъ часовъ болѣе сложныхъ и болѣе совершенныхъ, чѣмъ вселенная, окружающая меня.

Я долженъ, во имя разума, приписать созданіе вселенной Творцу, обладающему высшимъ разумомъ и могуществомъ, то-есть, Богу, какъ сказалъ поэтъ:

„Вселенная меня смущаетъ и я не могу думать,

„Что эти часы идутъ, не имѣя часовщика.

Размышляя надъ тѣмъ, что мнѣ открываетъ наука объ исторіи вселенной, а особенно о происхожденіи земли и о перемѣнахъ, совершившихся на ней, я прихожу къ такому-же выводу.

И дѣйствительно, наука говорить въ настоящее время, что земля не всегда была въ томъ состояніи, въ какомъ она находится теперь.

Было время, когда она была пуста и неустроена. Это была безформенная масса, изъ которой и образовалось то, что мы называемъ нашей планетой,—углубились долины, возвысились горы и обширные океаны наполнились водой, появились живыя существа: растенія, животныя и люди.

Вотъ чему учить наука.

Но какимъ-же образомъ совершилась вся эта работа? Какъ произошли первыя растенія? Какъ образовались первыя животныя? Какъ зародились первые люди?

Необходимо допустить участіе въ этомъ дѣлѣ Высшаго Существа, Творца и Создателя всего существующаго, то-есть, Бога.

Можно-ли утверждать, въ самомъ дѣлѣ, что все произошло благодаря силамъ природы, благодаря ряду трансформаций и эволюцій, медленныхъ и прогрессивныхъ? Если даже и допустимъ это,—что нелѣпо,—то все же для того, чтобы этотъ большой трудъ достигъ устройства міра, міра разнообразнаго, хорошо упорядоченнаго и полнаго чудесъ, міра растеній, животныхъ и людей,—необходимо, чтобы онъ былъ внушенъ и направленъ высшимъ и ни съ чѣмъ несравнимымъ разумомъ.

Далѣе, мнѣ кажется нелѣпымъ помѣщать этотъ высшій разумъ въ первобытныя силы земного шара, какими онъ былъ вначалѣ, въ эту массу, состоящую изъ элементовъ физическихъ и химическихъ, которая существовала вначалѣ.

Я чувствую себя вынужденнымъ приписать этотъ высшій разумъ Существу возвышенному, независимому отъ вселенной и надъ вселенной властвующему, то-есть Богу.

Съ другой стороны, для того, чтобы приписать образованіе живыхъ существъ исключительно лишь силамъ природы нужно было-бы признать, что не только растенія, но и всѣ виды животныхъ, и даже люди, съ ихъ способностями умственными, нравственными и эстетическими, произошли просто и непосредственно изъ земной массы такъ-же, какъ и грубый камень или инертный песокъ, который я попираю ногами.

Это мнѣ представляется абсурдомъ.

Предположимъ, что всѣ существа, населяющія землю, внезапно погибаютъ, всѣ, до послѣдняго человѣка, до послѣдняго животнаго, до послѣдняго растенія. Развѣ можно допустить, чтобы всѣ эти растенія, животныя и люди могли вновь возродиться, исключительно благодаря силамъ, скрытымъ въ нѣдрахъ земли? Точно также я не могу убѣдить себя въ томъ, что при началѣ міра минералы образовали растенія, растенія произвели всѣ многочисленныя породы животныхъ, а животныя, въ концѣ концовъ, породили человѣка.

Итакъ, нужно сдѣлать выводъ: появленіе живыхъ существъ на землѣ, гармонія въ организаціи міра животныхъ и растеній и наконецъ чудесное устройство человѣка съ напряженной жизнью его ума и сердца—получили свое начало отъ Бога Творца и верховнаго Устроителя всего существующаго.

Вотъ что провозглашаетъ повелительно мой разумъ.

Я понимаю, что величайшіе ученые не считали для себя униженіемъ, а наоборотъ, великой честью провозглашать во всеуслышаніе существованіе Бога, Творца чудесъ, которыми они сумѣли больше восхищаться, чѣмъ другіе.

Знаменитый астрономъ Ньютонъ говорилъ: „Удивительное устройство солнца, планетъ и кометъ можетъ быть только дѣломъ Существа разумнаго и всемогущаго“.

Великій ученый Амперъ, посреди научной бесѣды съ Озанамомъ, схватился руками за голову и воскликнулъ съ восторгомъ: „Какъ Богъ великъ! Озанамъ, какъ Богъ великъ“!

Леверье, Коши, Фей, Шеврёль, знаменитый Пастёръ и столько другихъ славныхъ представителей науки 19-го вѣка были въ то-же время глубоко вѣрующими.

Итакъ, вѣря въ бытіе Бога, я буду въ обществѣ истинныхъ ученыхъ. Любуясь, какъ и они, небесными тѣлами, сверкающими надъ моей головой, получая свѣтъ и тепло отъ солнца, созерцая восхитительныя картины природы, я буду имѣть право, по ихъ примѣру, признать Творца и смогу также гордиться своимъ поклоненіемъ Существо безконечно великому и совершенному, Существо безконечно мудрому и всемогущему, Творцу всего существующаго, великому Господу.

Богъ гармоніи
И красоты,
Который посадилъ сосну
И благословилъ верескъ,
Я поклоняюсь Твоему генію
Въ его простотѣ.

Бытіе Бога доказывается порядкомъ и гармоніей во вселенной, окружающей меня; это истина здраваго смысла и простаго разсудка.

Но существуетъ еще другой міръ, внутри меня самого: міръ идей и принциповъ, вліяющихъ на мои поступки и управляющихъ моею нравственностью; это идеи добра и зла, совѣсти и долга, отвѣтственности и добродѣтели.

Этотъ міръ нравственныхъ идей также доказываетъ существованіе всевышняго Бога.

Идеи, о которыхъ я только что говорилъ, неотдѣлимы отъ моей сущности и безъ нихъ я не могу обойтись.

Итакъ, когда я совершаю какой-либо поступокъ, я сознаю, хорошо или дурно я дѣлаю. Я не могу себя увѣрить въ томъ, что всѣ поступки одинаково хороши и что я имѣю право совершать безразлично тѣ или другіе. Я чувствую, что ложь и воровство это дурныя поступки и что, совершая ихъ, я дѣлаю нѣчто нехорошее; и наоборотъ, я чувствую, что

актъ милосердія, милостыня, есть поступокъ хорошій, облагораживающій меня. Идеи добра и зла коренятся въ сущности моей природы; онѣ составляютъ какъ-бы часть меня самого.

Точно также, идеи долга и отвѣтственности являются для меня принудительными. Я чувствую, что я долженъ позаботиться о нуждахъ моей семьи, что я отвѣтственъ за обязанности, мнѣ порученныя, что я долженъ сдержать слово, данное мною. Мнѣ, на примѣръ, одолжили нѣкоторую сумму денегъ; совѣсть моя приказываетъ мнѣ отдать деньги при первой возможности. И даже, если я не подписалъ никакого документа, если я не принялъ на себя никакого обязательства передъ свидѣтелями,—все-же я чувствую, что мой долгъ эти деньги уплатить; долгъ этотъ неумолимо принуждаетъ меня, какъ-бы я ни желалъ сохранить у себя занятыя деньги.

Вотъ идеи, опредѣляющія нравственность моихъ поступковъ, и принципы, лежащіе въ основѣ моего отношенія къ обществу.

Итакъ, міръ идей, существующій во мнѣ, уничтожить который я не въ состояннн, предполагаетъ бытіе высшаго Существа, передъ которымъ я обязанъ и отвѣтственъ.

Что-же меня заставляеть, въ самомъ дѣлѣ, воздерживаться отъ дурныхъ поступковъ и дѣлать хорошіе?

Можеть быть, голосъ моей совѣсти? Но почему-же моя совѣсть принуждаетъ меня дѣлать добро? Не потому-ли, что то, что мы называемъ добромъ, болѣе благородно, болѣе соотвѣтствуетъ достоинству моей личности и находится въ болѣе тѣсной связи съ порядкомъ и совершенствомъ моей природы.

Но этого еще не достаточно.

Совершенно справедливо, что добро это—порядокъ, а зло—безпорядокъ, что хорошій поступокъ облагораживаетъ, а дурной, наоборотъ, унижаетъ. Но истинную и суровую обязанность—дѣйствовать сообразно съ порядкомъ и воздерживаться отъ безпорядка я могу почувствовать только въ томъ случаѣ, если этотъ нравственный порядокъ существуетъ внѣ

меня и независимо отъ меня, если онъ установленъ по желанію высшаго Существа, которое я долженъ уважать и почитать, то-есть Бога.

Если-бы Бога не было, если-бы я былъ простымъ продуктомъ природы, если-бы я существенно не отличался отъ міра растений и животныхъ, среди котораго я призванъ жить, —развѣ я-бы считалъ для себя обязательнымъ слѣдовать голосу моей совѣсти и моего разума, слѣдовать во что-бы то ни стало, каковы-бы ни были мои страсти и мои интересы?

Моя совѣсть, собственно говоря, это я самъ, и значитъ, я имѣю полное право принуждать себя только постольку, поскольку я самъ захочу.

Что-же касается моего разума, то развѣ онъ-бы мнѣ не подсказалъ скорѣе всего, что, такъ какъ нѣтъ никого, кому-бы я долженъ былъ давать отчетъ въ моихъ поступкахъ, и такъ какъ для меня, какъ для животного, все ограничивается матеріей и все кончается въ этой жизни, то въ такомъ случаѣ мнѣ нечего особенно стѣсняться. Къ чему заботиться о достоинствѣ моей природы? Это мнимое достоинство представилось-бы мнѣ простымъ предразсудкомъ и я-бы сохранилъ свободу дѣйствовать въ духѣ моихъ интересовъ и моего удовольствія.

Совѣсть можетъ имѣть для меня характеръ общаго и постоянного обязательства, но только въ томъ случаѣ, если она представляетъ для меня порядокъ, установленный Богомъ, если она мнѣ предписываетъ мой долгъ во имя самого Бога.

Дѣйствительно, въ такомъ случаѣ я отвѣтственъ уже не только передъ самимъ собой, но и передъ высшимъ Существомъ; я повинуюсь не только высшему инстинкту моей природы, но я повинуюсь порядку, установленному самимъ Богомъ.

Отрицать Бога это значитъ разрушать единственную логичную и разумную мораль. Послѣдствія были бы пагубны для отдѣльныхъ индивидуумовъ, а еще болѣе для всего общества.

Отвергнуть Бога это значить опустить съ цѣни человѣческія страсти и умножить преступленія.

Безъ сомнѣнія, есть люди, увѣряющіе, что они не вѣрятъ въ Бога, и ведущіе въ то-же время, повидимому, честную жизнь. Это объясняется тѣмъ, что люди эти безсознательно испытываютъ вліяніе среды, въ которой они живутъ, и которая проникнута привычками, созданными и выработанными религіей.

Впрочемъ, кто-же мнѣ гарантируетъ прочность ихъ морали? Развѣ я не поколеблюсь довѣрить безъ гарантіи мой кошелекъ большинству изъ тѣхъ людей, которые мнѣ сообщаютъ, что они не вѣрятъ въ Бога?

Во всякомъ случаѣ, эти мнимые мудрецы, называющіе себя атеистами, останутся исключеніями. Что-же касается всей массы людей, то, сколько ихъ ни обучай естественной философіи, никогда не удастся имъ внушить безупречную мораль, независимую отъ Бога.

Доказательствомъ этому служить то, что по мѣрѣ распространенія безрелигіозной школы, понижается нравственный уровень общества.

Никогда, какъ теперь не было такъ много сдѣлано для просвѣщенія народа и въ то-же время никогда, какъ теперь, не было замѣтно такое отсутствіе уваженія къ имуществу и даже въ жизни другого человѣка. Эгоизмъ, распушенность, воровство, несправедливость во всевозможныхъ видахъ—не есть-ли это это естественный плодъ морали, претендующей на освобожденіе отъ Бога?

Съ отмѣной Бога изсякнетъ въ средѣ общества наиболѣе чистый источникъ добра.

Что внушаетъ преданность, спокойствіе и самоотверженность сестръ милосердія и монахинѣ—сидѣлкѣ при больномъ? Что порождаетъ среди насъ усердіе, великодушіе и милосердіе? Это—религія, то-есть идея Бога.

Для того, чтобы я отказался отъ богатства и отъ удовольствій и пошелъ навѣщать бѣдняковъ, ухаживать за неиз-

лечимо-больными или помогать пораженнымъ чумой—недостаточно естественной философіи. Только мысль о Богѣ одна можетъ породить этотъ возвышенный героизмъ милосердія, такой полезный и даже необходимый въ человѣческомъ обществѣ.

Въ общемъ, распространеніе невѣрія среди людей равносильно снятію узды со зла и изсушенію источника добра. Отрицаніе Бога опрокидываетъ индивидуальную мораль и глубоко потрясаетъ общественный порядокъ.

Невозможно, чтобы идея настолько необходимая, служащая основаніемъ для нравственной жизни, чтобы эта идея не соответствовала дѣйствительности. Если я не хочу отрицать основъ нравственной жизни, если я не хочу считать пустыми мечтаніями все то, что носитъ названіе добра, са-отверженія, милосердія,—мнѣ необходимо признать бытіе Бога, какъ основаніе для благородныхъ чувствъ и великихъ дѣлъ.

Утверждая вѣру въ Бога, какъ основу для нравственного, а также и для физическаго міровъ, я совершаю поступокъ по существу разумный. Я признаю истину, отождествляя голосъ моей совѣсти съ голосомъ Бога. Я признаю порядокъ, сообразуя свою нравственную жизнь съ волей Бога. И я чувствую въ то-же время, что, поступая такъ, я соединяюсь со всѣмъ, что было въ прошлыхъ вѣкахъ, и со всѣмъ, что будетъ въ будущемъ среди людей самаго чистаго, самаго благороднаго и самаго великаго.

Перев. *Н. П. Селивановской.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Памяти профессора—литургиста А. И. Голубцова.

5 іюля текущаго года въ Сергіевскомъ Посадѣ (Московской губ.) скончался профессоръ Московской духовной Академіи по кафедрѣ литургики и церковной археологіи Александръ Петровичъ Голубцовъ.

Преемникъ по академической кафедрѣ талантливаго своего учителя Ив. Д. Мансветова (автора известной книги: „Церковный уставъ—Типиконъ, его образование и судьба въ въ греческой и русской Церкви“, М. 1885), покойный А. П. Голубцовъ избралъ специальнымъ предметомъ для ученой разработки вопросъ о такъ называемыхъ *соборныхъ чиновникахъ*, которыми регулировалось богослуженіе въ кафедральныхъ соборахъ Россіи XVII, а отчасти XVIII и даже XIX вѣковъ. Проф. Голубцовъ издалъ въ Москвѣ, по лучшимъ спискамъ, рядъ русскихъ соборныхъ чиновниковъ,—въ 1899 г.: „Чиновникъ Новгородскаго Софійскаго Собора“ (здѣсь же чиновникъ Псковскаго Троицкаго собора), въ 1903 году: „Чиновники Холмогорскаго Преображенскаго собора“ въ 1905 г.: „Чиновникъ Нижегородскаго Преображенскаго собора и въ 1909 г.: „Чиновники Московскаго Успенскаго собора и выходы патріарха Никона“. Эти изданія, съ пространными научными предисловіями и примѣчаніями къ тексту, легли въ основу докторской диссертациі проф. Голубцова, которую онъ выпустилъ въ свѣтъ въ Сергіевскомъ Посадѣ въ 1907 году подъ заглавіемъ: „Соборные чиновники и особенности службы по нимъ“. Въ названной диссертациі покойный А. П. Голубцовъ обнаружилъ себя большимъ знатокомъ литургическихъ древностей и, въ особенности, древностей московскихъ, которыя блюдутся, до нѣкоторой степени, и теперь еще въ Москвѣ, въ богослужебныхъ порядкахъ Успенскаго собора, да и кромѣ Москвы заявляютъ о себѣ, по временамъ, въ богослужебныхъ порядкахъ кафедральныхъ русскихъ церквей, принявшихъ на себя московское вліяніе. Диссертациа проф. Голубцова показала, между прочимъ, живучесть традицій устава Великой Константинопольской Церкви (св. Софій) въ богослужебной практикѣ русскихъ соборовъ даже въ ту пору, когда, за давностью примѣненія устава Великой Церкви въ русскихъ соборахъ въ эпоху Кіевской Руси, совсѣмъ, повидимому, должна была бы погибнуть память объ этомъ уставѣ: когда всюду уже

былъ принять въ Россіи и какъ бы узаконить Иерусалимскій уставъ обители св. Саввы освященнаго, дѣйствующій и досель...

Объ изданіяхъ проф. Голубцова и объ его докторской диссертациі мы имѣли случаи дѣлать сообщенія на страницахъ „Богословскаго Библиографическаго Листка“ (см. за 1908 г. вып. 1, с. 14 и за 1908 г. вып. 12, с. 375—382). Строгая всегда продуманность и непременно документальная обоснованность выставляемыхъ научныхъ положеній, при удивительно простомъ и ясномъ, истинно художественномъ, изложеніи мыслей: вотъ отличительныя черты ученаго и писательскаго таланта покойнаго проф. Голубцова. Кончина А. П. Голубцова—крупная потеря „въ группѣ (и безъ того немногочисленной!) русскихъ литургистовъ“.

А. П. Голубцовъ скончался отъ грудной жабы, въ нестарыхъ лѣтахъ—на 51 году жизни. Разсуждая по человѣчески, отъ могъ бы много еще потрудиться для науки, но Господь судилъ иначе...

Да будетъ почившему профессору-литургисту вѣчная память, и да упокоитъ всеблагій Господь душу новопреставленнаго раба Своего Александра въ лонѣ святыхъ!

Н. Пальмовъ.

ЗАМѢТКИ.

а) Пастырское собраніе въ г. Гороховцѣ, Влад. губ.

Истекшею осенью въ г. Гороховцѣ происходило особое, специальное собраніе пастырей, подъ предѣдательствомъ Епископа Муромскаго Евгенія. Это пастырское собраніе имѣло своею задачею выяснить, какое положеніе занимаетъ „старообрядчество“ въ Гороховецкомъ уѣздѣ, что способствуетъ его сравнительной устойчивости и какія мѣры необходимо принять для болѣе успѣшной дѣятельности пастырей въ зараженныхъ „старообрядчествомъ“ приходяхъ.

По обсужденіи вышеизложеннаго, собраніе пастырей остановилось на слѣдующихъ мѣрахъ, желательныхъ для болѣе успѣшнаго воздѣйствія на „старообрядцевъ“ уѣзда.

- 1) Трезвая и благочестная жизнь пастырей и всѣхъ членовъ причта.
- 2) Неопустительныя поученія, особенно при общественныхъ моленіяхъ, совершаемыхъ въ селеніяхъ, зараженныхъ „старообрядчествомъ“.
- 3) Дозволеніе совершать требы въ мѣстностяхъ, зараженныхъ „старообрядчествомъ“ по единовѣрческому чину.
- 4) Служеніе въ деревняхъ всенощныхъ бдѣній и вечерень съ поученіями; при совершеніи утрени—чтеніе полностью каѳизмъ и канона.
- 5) Введеніе при богослуженіяхъ обиходнаго и общаго пѣнія.
- 6) Введеніе въ курсъ Закона Божія начальныхъ школъ элементарныхъ свѣдѣній по расколу старообрядчества.
- 7) Организациа по приходамъ „кружковъ ревнителей православія“ изъ прихожанъ обоого пола.
- 8) Устройство Епархіальнымъ миссіонеромъ протовораскольническихъ курсовъ для членовъ клира и мірянъ обоого пола.
- 9) Открытіе единовѣрческихъ приходовъ.

Собраніе происходило въ Знаменскомъ мужскомъ монастырѣ; на этомъ собраніи были всѣ священники г. Гороховца и нѣсколько сельскихъ.

Н. Ушаковъ.

в) Инструкціа Подготовительной комиссіи Орловскаго Епархіальнаго Съѣзда.

§ 1. При Орловскомъ Епархіальномъ Съѣздѣ имѣется постоянная Подготовительная комиссія, назначеніе которой собирать, разрабатывать и готовить матеріаль для Епархіальнаго Съѣзда на основаніи настоящей инструкціи по Архiepастырскимъ указаніямъ Епархіальнаго Архiepерея, подъ отеческимъ руководствомъ Преосвященнаго.

§ 2. Комиссію составляютъ пять членовъ,— три отъ духовенства и два отъ церковныхъ старостъ г. Орла. Весь

составъ комиссіи и назначается и освобождается отъ занятій въ Комиссіи по усмотрѣнію Епархіальнаго Архіерея.

§ 3. Кромѣ назначенныхъ членовъ въ занятіяхъ Комиссіи участвуютъ, съ правомъ голоса, члены отъ духовенства, входящіе въ составъ Правленій мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній и Совѣта Епархіальнаго женскаго училища, а также и представители администраціи другихъ епархіальныхъ учреждений, но каждый изъ нихъ участвуетъ въ занятіяхъ комиссіи только по предметамъ, касающимся его учрежденія.

§ 4. Предсѣдатель и дѣлопроизводитель Комиссіи назначаются Епархіальнымъ Архіереемъ.

§ 5. Всѣ дѣла и заявленія епархіальныхъ учреждений и разныхъ подвѣдомственныхъ лицъ, имѣющія поступить на разсмотрѣніе Епархіальнаго Съѣзда, направляются въ Подготовительную Комиссію чрезъ предсѣдателя Комиссіи.

§ 6. Дѣла со смѣтами учреждений, получающихъ на свое содержаніе денежныя суммы изъ общепархіальныхъ средствъ, должны поступать въ Комиссію не позже какъ за двѣ недѣли до открытія Епархіальнаго Съѣзда.

§ 7. Комиссія, съ разрѣшенія Епархіальнаго Архіерея, можетъ 1) отъ себя возбуждать вопросъ по предметамъ вѣдѣнія Епархіальнаго Съѣзда съ представленіемъ таковыхъ вопросовъ въ разработанномъ видѣ на обсужденіе и заключеніе Съѣзда; 2) можетъ лично обслѣдовать на мѣстахъ положеніе дѣлъ подотчетныхъ Епархіальному Съѣзду учреждений, какъ напр., свѣчнаго завода, Епархіальнаго женскаго училища.

§ 8. Весь собранный и разработанный матеріаль комиссія докладываетъ Епархіальному Съѣзду чрезъ своего Предсѣдателя и Дѣлопроизводителя, которымъ представляется право рѣшающаго голоса въ засѣданіяхъ Съѣзда. Программа Съѣзда заблаговременно печатается Комиссіею въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ и до наступленія времени Съѣзда обсуждается на окружныхъ съѣздахъ духовенства.

§ 9. По окончаніи засѣданій Епархіальнаго Съѣзда всѣ дѣла его предсѣдателемъ Съѣзда передаются въ Коммиссію, которая затѣмъ незамедлительно должна издать въ печати журналы Съѣзда съ ихъ приложениями для освѣдомленія подлежащихъ учрежденій и лицъ о состоявшихся постановленіяхъ Съѣзда, относящихся къ этимъ учрежденіямъ и лицамъ. Коммиссія потомъ и сама и чрезъ своихъ членовъ, указанныхъ въ § 3 Инструкціи, наблюдаетъ за исполненіемъ постановленій Съѣзда, вошедшихъ въ законную силу, и въ случаѣ неисполненія ихъ докладываетъ объ этомъ Епархіальному Архіерею.

§ 10. Для засѣданій Коммиссіи отводится помѣщеніе въ зданіяхъ Епархіальнаго вѣдомства. Засѣданія назначаются и ведутся Предсѣдателемъ Коммиссіи или его замѣстителемъ и считаются состоявшимися при наличіи не менѣе трехъ членовъ съ Предсѣдательствующимъ или его замѣстителемъ въ томъ числѣ. Журнальныя постановленія Коммиссіи представляются на благоразсмотрѣніе и утвержденіе Епархіальнаго Архіерея.

§ 11. На канцелярскіе, типографскіе, почтовые и другіе расходы назначается изъ общеепархіальныхъ средствъ денежная сумма, каковую Предсѣдатель Коммиссіи получаетъ частями, по мѣрѣ надобности, изъ кассы епархіальнаго свѣчнаго завода.

(Орл. Епарх. Вѣд.).

Редакторъ, ~~Редакторъ~~ *Кіевской Духовной Семинарии* Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 27-го іюля 1911 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и вѣд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул.

ГОДЪ

III

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 32.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года августа 7-го дня.

Содержаніе: I. Общеніе имуществъ въ апостольской Церкви и этическая оцѣнка этого факта исторической церковной жизни въ его истинномъ значеніи для всѣхъ послѣдующихъ временъ. Прот. Д. Говоровъ.—II. Ученіе Христа Спасителя въ третьемъ евангеліи о богатствѣ и бѣдности. (Окончаніе). В. Вѣлоликовъ.—III. Почему я долженъ быть христіаниномъ. (Продолженіе). Перев. Н. П. Селивановской.

Общеніе имуществъ въ апостольской Церкви и этическая оцѣнка этого факта исторической церковной жизни въ его истинномъ значеніи для всѣхъ послѣдующихъ временъ.

Общеніе имуществъ въ апостольской Церкви привлекаетъ нынѣ всѣхъ изслѣдователей древняго христіанскаго міра; въ этомъ фактѣ они черпаютъ идеалы для общественной жизни и настоящаго времени. Уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, а въ послѣднее время въ особенности, разрабатывается вопросъ о томъ, какъ лучше организовать общественную жизнь, чтобы облегчить положеніе меньшихъ братій, нуждающихся въ насущномъ хлѣбѣ, и другого разрѣшенія этого важнаго

соціального вопроса не находятъ, какъ только въ возстановленіи древне-христіанскихъ общинъ въ формѣ соотвѣтствующей условіямъ настоящаго времени. Этимъ вопросомъ заняты не только просвѣщенные люди Церкви Христовой, но и враги ея—соціалисты; они возводятъ строй жизни по коммунистическимъ теоріямъ въ идеаль, и свой взглядъ подкрѣпляютъ авторитетнымъ свидѣтельствомъ книги Дѣяній Апостольскихъ (II, 44, 45, IV, 32, 34). Для насъ этическая сторона факта общенія имуществъ имѣетъ основное значеніе; соціальная сторона имѣетъ значеніе, какъ выводъ изъ первой. Богословская наука занята по преимуществу этической стороною вопроса; социализмъ—исключительно стороною матеріальною.

Какъ видно изъ „Манифеста Коммунистическихъ партій“, социализмъ вовсе не интересуется вопросами религіозными, этическими, философскими, которые даютъ полное освѣщеніе всякому факту и всякому вопросу, въ данномъ случаѣ факту общенія имуществъ. Въ устроеніи жизни человѣческой социалисты ставятъ на первомъ планѣ матеріальную сторону, производственную, экономическую. Каутскій категорически заявляетъ: „Социализмъ носитъ исключительно экономической характеръ, и хорошо было-бы приложить всѣ усилія къ его разрѣшенію; вопросомъ же о возможныхъ преобразованіяхъ въ религіи и семейной жизни пусть займутся будущія поколѣнія, если они вообще найдутъ это нужнымъ“¹⁾. Въ жизни человѣческой, по социализму, исключительную роль играютъ производственныя отношенія. Все остальное—религія, нравственность и пр.—только „надстройка“.

Возникновеніе древне-христіанской общины социализмъ ставитъ въ связь съ экономическимъ и классовымъ движеніемъ языческаго Рима, съ демократическимъ строемъ жизни, когда пролетаріатъ имѣлъ политическую угрожающую силу; упадокъ общины социализмъ объясняетъ возникновеніемъ цезаризма, усиленіемъ капитализма и частной собственности.

¹⁾ Ангагтнусъ: „Производство и потребление въ будущемъ социальномъ государствѣ“ 30 стр.

Ясно, что социализм факту общенія имуществъ апостольскаго времени, какъ формѣ социальной жизни, придаетъ безусловное значеніе; это, по нему, самоцѣль, а не средство, не форма выраженія религіознаго и этическаго настроенія. Односторонность системы социализма, беспочвенная, неоснованная на дѣйствительности аргументація взглядовъ, а также неправильный экзегезисъ относительно извѣстныхъ мѣстъ книги „Дѣяній“—достаточно выяснены въ свѣтской и богословской литературѣ¹⁾. По недостатку мѣста мы не можемъ, на основаніи этихъ данныхъ показать всю несостоятельность социализма или, такъ называемаго, историческаго матеріализма въ отношеніи факта общенія имуществъ апостольскаго времени. Ограничимся общими замѣчаніями. Подробностей будемъ касаться попутно, насколько это необходимо будетъ для уясненія этическаго значенія этого факта для послѣдующихъ временъ. Мы будемъ разсматривать фактъ общенія имуществъ Иерусалимской Церкви съ точки зрѣнія, во 1-хъ, христіанской морали, т. е. насколько въ этомъ фактѣ нашла осуществленіе заповѣдь о любви, во 2-хъ, со стороны пригодности церковно-общиннаго строя для облеченія нуждающихся въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи меньшихъ братій нашихъ.

Книга Дѣяній Апостольскихъ кратко изображаетъ намъ картину жизни первыхъ христіанъ: *„Всѣ върующіе, постоянно пребывали въ ученіи Апостоловъ, въ общеніи, преломленіи хлѣба и въ молитвахъ. Всѣ върующіе были вмѣстѣ, и имѣли все общее. И продавали имѣнія и всякую соб-*

¹⁾ Имѣемъ подъ руками слѣдующіе труды послѣдняго времени: 1) „Взгляды социалистовъ по изслѣдованію В. Катрейна“, перев. съ нѣмецкаго свящ. Н. Липскаго; 2) К. Григорьева: „Къ вопросу о христіанскомъ отношеніи къ собственности.“ „Правос. Собес.“ февр. 1906 г. 3) М. Е. Поснова: „Первая христіанская община и коммунизмъ“ „Христ. чтеніе“ Аирѣль, Май 1909 г.; 4) Ив. Власовскаго: „Взглядъ представителей историческаго матеріализма на происхожден. христіанства предъ судомъ науки“ „Уч. богослов. опыты студ. К. Д. Ак. LXI курс.“

ственность, и раздѣляли всѣмъ, смотря по нуждѣ каждаго. И каждый день единодушно пребывали въ храмъ, и, преломляя по домамъ хлѣбъ, принимали пищу въ веселіи и простотѣ сердца, хваля Бога, и находясь въ любви у всего народа. Господь же ежедневно прилагалъ спасаемыхъ къ Церкви (II, 42—47). Умножества утѣровавшихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее... Не было между ними никого нуждающагося, ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго, и полагали къ ногамъ Апостоловъ, и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду (IV, 32, 34, 35).

Какъ понимать это повѣствованіе? Будетъ ли это простое изображеніе картины жизни первыхъ христіанъ, или здѣсь слѣдуетъ усматривать норму или идеалъ общественной жизни для всѣхъ временъ?

Въ виду того, что здѣсь повелѣнія относительно внѣшняго устройства жизни нѣтъ, то можно сказать, что такое общеніе, какъ изображается въ „Дѣянiяхъ“, не есть норма для всѣхъ послѣдующихъ временъ. Да и вообще въ Новомъ Завѣтѣ нигдѣ нѣтъ указаній на то, какой внѣшній строй общества предпочтительнѣе. Основной элементъ общественной организаціи, по Евангелію,—личность человѣка, основное свойство, соединяющее личности въ общественную организацію—любовь. Евангеліе говоритъ только о совершенной личности, а не о совершенномъ обществѣ; Евангеліе желаетъ проявленія только любви. Любовь можетъ дѣйствовать во всякомъ общежитіи; но не во всякомъ общежитіи можетъ проявляться любовь. Поэтому, устройство общественной жизни Господь предоставилъ благоразумію и творческой дѣятельности своихъ послѣдователей, проникнутой духомъ Евангельской любви. Истинная любовь находитъ разные пути и средства къ обнаруженію въ общественной жизни; она скрѣпляетъ членовъ общества узами крѣпкими, неразрывными; она соединила и первыхъ христіанъ въ одну общую единую семью, члены которой

жили въ полномъ довольствѣ духовномъ и матеріальномъ. Если проповѣдники доброй, благоустроенной жизни и обращаютъ взоры на картину общинной жизни Іерусалимскихъ христіанъ, то только потому, что въ этомъ строѣ находила свое полное выраженіе Евангельская любовь, что у множества вѣрующихъ было одно сердце и одна душа. Современные же коммунисты христіанской общинѣ придаютъ значеніе потому, что въ этомъ фактѣ они видятъ подтвержденіе своего взгляда, т. е. что у всѣхъ должно быть все общее и собственности ни у кого не должно быть. Такая оцѣнка слишкомъ низка для такого важнаго явленія, какъ изъ ряда выходящая общинная жизнь на зарѣ христіанства. Общинная жизнь Іерусалимскихъ христіанъ, въ первоначальной формѣ, не могла быть нормой для всѣхъ временъ. Это показываетъ уже то обстоятельство, что при жизни самыхъ апостоловъ среди членовъ общины появились взаимныя неудовольствія и ропотъ: еллинисты роптали на евреевъ за то, что ихъ вдовицы пренебрегаемы были въ ежедневномъ раздаяніи потребностей (VI, 1). Различіе національностей не могло, очевидно, сгладиться при общинномъ строѣ и даже при непосредственномъ участіи апостоловъ, и оно (различіе) обнаружилось въ острой формѣ. При такомъ національномъ раздѣленіи и при быстромъ увеличеніи числа вѣрующихъ община нуждалась во внѣшнихъ измѣненіяхъ соотвѣтственно потребностямъ времени. Апостолы предложили всему обществу избрать распорядителей столовъ, которые заботились-бы о продовольствіи пищею бѣдныхъ и вдовъ; и избрали діаконовъ. Этимъ самымъ апостолы предупредили дальнѣйшія нестроенія. А ап. Іаковъ въ своемъ посланіи старается исправить вкравшіеся въ общество недостатки—привязанность къ внѣшнимъ преимуществамъ, въ особенности къ богатству (что социалисты должны были бы имѣть въ виду), страсть къ словопреніямъ и пр. Церковь Христова, войдя въ жизнь, подвергалась омірщенію въ лицѣ ея членовъ. Съ увеличеніемъ числа вѣрующихъ прекратили свое существованіе и вечери любви, въ которыхъ также выражалось

общеніе вѣрующихъ. Ясно, что не во вѣншей организаціи первыхъ христіанъ была сущность христіанства,—зло можетъ вторгнуться во всякую организацію, будь она даже самая совершенная, и разрушить ее,—а въ томъ внутреннемъ элементѣ, который связываетъ общину—въ любви. Она объединяла членовъ общины духовно, она объединяла и въ общеніи имущество (Дѣян. XI, 29 Гал. II, 10), она дѣлала то, что никто не терпѣлъ недостатка.

Знатокъ исторіи древняго міра и христіанской Церкви Г. Ульгорнъ объ общинахъ апостольскаго времени такъ говорилъ: „То была весна, которая прошла, какъ проходить всякая весна на землѣ. То было время дѣтства, которое исчезаетъ со всѣмъ своимъ блескомъ и очарованіемъ. Было-бы невѣрно усматривать въ апостольскихъ временахъ первообразъ для всѣхъ временъ въ томъ смыслѣ, что тогдашнія учрежденія имѣли законодательное значеніе навсегда. Такое значеніе имѣеть только господствующее тогда настроеніе. Для учреждений дана была только основа, на которой будущія времена должны были строить дальше. Церковь должна была войти въ жизнь міра, чтобы исполнить свои задачи въ мірѣ. А это не могло быть безъ того, чтобы не имѣть дѣла съ наличнымъ грѣхомъ и житейскими хлопотами. Но образъ древнѣйшей Церкви, который мы имѣемъ предъ собою даетъ намъ все-таки увѣренность, что въ ней было нѣчто новое, чего не зналъ древній міръ—любовь и въ томъ мы имѣемъ залогъ того, что какъ бы эта новая жизнь любви по временамъ ни омрачалась, все-таки она никогда не можетъ быть и не будетъ безъ совершенія любви и милосердія. Солнце взошло и всегда будетъ побѣдоносно разгонять всѣ омрачающія его тучи“¹⁾. Въ этихъ словахъ Ульгорна заключается отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ. Въ общинѣ апостольскаго времени мы должны различать элементъ Божественный

¹⁾ Г. Ульгорнъ: „Христіанская благотворительность въ древней Церкви“ стр. 90.

и элементъ человѣческой. Божественный элементъ—это вѣчное начало любви, связывающей вѣрующими тѣсными неразрывными узами въ одну семью, это тѣ вѣчные принципы, которые нормируютъ взаимныя отношенія членовъ общины по духу Евангельскому. Элементъ человѣческой—это внѣшняя форма общенія, которая имѣетъ характеръ преходящій, временный, измѣняющійся соотвѣтственно условіямъ историческимъ, экономическимъ, просвѣтительнымъ, миссіонерскимъ и пр. Древне-христіанская община производитъ обаяніе на вѣрующихъ всѣхъ временъ своею Божественною стороною, вѣчными принципами христіанской жизни; въ этой общинѣ заложенъ Евангельскій взглядъ на свободу, на трудъ, на собственность, на благотворительность. Безъ осуществленія этихъ принциповъ община не имѣла-бы для насъ значенія, безъ нихъ и самое святое чувство любви могло бы принять ложное направленіе. Вотъ почему общины, учреждаемыя въ разныя времена по частной инициативѣ, безъ проведенія въ жизнь христіанскихъ принциповъ, не имѣли и не имѣютъ успѣха. По этимъ принципамъ мы и должны оцѣнивать всѣ общины и учрежденія, которыя основываются якобы по примѣру апостольскихъ общинъ.

Разсмотримъ же теперь, какъ осуществлялись эти принципы въ апостольское время, и прежде всего принципъ свободы.

Въ первохристіанской общинѣ вѣрующіе безъ всякихъ внѣшнихъ побужденій, безъ всякихъ постановленій, совершенно свободно, воодушевляемые только живою вѣрою и любовью, соединялись вмѣстѣ для совершенія молитвы и преломленія хлѣба по ученію апостоловъ. Иерусалимская община имѣла единеніе съ другими общинами. Какъ только какая либо община освѣдомлялась о бѣдствіи другой,—немедленно, съ полною готовностію, приходила на помощь своими средствами. Благочестивое настроеніе первыхъ христіанъ свободно вылилось въ общенія имуществъ, въ той формѣ, какая была возможна по тому времени. Вмѣстѣ съ общеніемъ иму-

щество здѣсь нашла примѣненіе всякая дѣятельность на общую пользу сообразно способностямъ каждаго члена: и даръ учительный, и даръ пророческій, и даръ слова, и даръ управленія, руководства и вспоможенія бѣднымъ, больнымъ, странствующимъ и т. д. (1 Кор. XII, Римл. XII, 4—8 Ефес. IV, II). Даже декретъ Апостольскаго Собора (Дѣян. XV. 28, 29) не имѣетъ принудительнаго значенія. Указано было самое необходимое, существенное, все же остальное предоставлено было свободѣ. Съ торжествомъ христіанства общественно-государственный строй повліялъ на общинную организацію съ внѣшней стороны, но принципъ свободы остался навсегда. Этотъ принципъ съ убѣдительною проводили св. отцы и особенно св. I. Златоустъ, и сохранился въ Православной Церкви донынѣ. Первоначальная форма общины сохранилась только въ жизни монастырской. Она образуется изъ лицъ, свободно отречшихся отъ міра для служенія на общую пользу.

Этого принципа нѣтъ въ организаціяхъ по коммунистической теоріи. Правда, Каутскій признаетъ самую могучую организаціею ту, которая основана на добровольномъ и восторженномъ подчиненіи; это та именно форма, говоритъ онъ, съ помощію которой Церковь одержала свои самыя блестящія побѣды, т. е. апостольская община. Но вмѣстѣ съ этимъ онъ проповѣдуетъ политическія стачки для борьбы съ государствомъ. А Марксъ говоритъ: „сила является акушеркою всякаго новаго общества. Добровольно, невынужденно не слается ни одинъ господствующій классъ“. Каутскій рекомендуетъ пролетаріату имѣть въ своемъ распоряженіи необходимыя средства физической силы, если хочетъ смѣнить старый господствующій классъ. „Когда намъ придется выступить въ бой, говоритъ онъ, мы не должны бросаться въ разсыпную, чтобы дать свободно развиваться нашей индивидуальности. Нашъ лозунгъ: тѣснѣй смыкай ряды“.

1) Сборникъ статей К. Каутскаго, стр. 89, 104.

Слѣдовательно, личность, по социализму, несвободна, она поглощается и захватывается потокомъ общественной жизни, дѣятельность ея сводится къ нулю, въ общественной жизни она не имѣетъ никакого значенія. Апостольскія общины не изъ такихъ индивидуумовъ составлялись, и съ ними ничего общаго не имѣютъ коммунистическія организаціи.

Христіанская свобода утратилась въ Западной Церкви: въ средніе вѣка она подавлена была абсолютизмомъ власти папъ, почему тамъ и нѣтъ общинъ въ первоначальномъ строѣ.

Въ Русской Церкви до XVIII в. жизнь общинная (приходская) трактовалась, какъ жизнь вѣрующихъ, связанныхъ христіанскими узами на началахъ свободы. Но съ Петра Великаго христіанская жизнь начала строиться по духу и буквѣ Регламента. Пастыри выдѣлились изъ среды паствы; они получили инструкціи касательно внѣшняго совершенія своего служенія подъ угрозой административныхъ наказаній за невыполненіе инструкцій. Разобщеніе пастырей отъ пасомыхъ продолжается донинѣ. Свободной дѣятельности паства не проявляетъ. Отсюда упадокъ общиннаго строя и замираніе жизнедѣятельности общества вѣрующихъ

Въ послѣдніе годы явилась попытка къ возстановленію христіанской общины. Разумѣемъ Крестовоздвиженское братство Н. Н. Неплюева. За кратковременностію своего существованія оно не могла дать ощутительныхъ результатовъ, а по отзывамъ печати оно не чуждо ошибокъ въ этомъ именно пунктѣ. Уставомъ Братства подавляется личная инициатива, личная свобода. Члены общины чувствуютъ принудительныя мѣры воздѣйствія внѣшняго, что не даетъ имъ возможности развернуть свои индивидуальныя силы на пользу окружающаго общества.

Итакъ принципъ свободы, какъ элементъ Божественный, сохранился въ ученіи Православной Церкви, но не имѣетъ онъ примѣненія въ общежитіи человѣческомъ.

Іерусалимская община отличалась тѣмъ, что члены ея трудились на общую пользу. Кто не трудился, тотъ, по слову

ап. Павла, не имѣть права ѣсть. Идеальный взглядъ на трудъ высказанъ въ „апостольскихъ постановленіяхъ“. „Старайтесь, юноши Церкви, говорится здѣсь, служить во всѣхъ нуждахъ своихъ нелѣнливо, занимайтесь дѣлами своими со всею честностію, чтобы во всю жизнь свою довольствоваться и самихъ себя и бѣдствующихъ, дабы не обременять собою Церкви Божіей. Такъ и мы (отъ имени апостоловъ), хотя занимаемся словомъ Евангелія, однако же не нерадимъ и о занятіяхъ; ибо одни изъ насъ рыболовы, другіе скинотворцы, иные земледѣльцы, чтобы никогда не быть намъ праздными... Итакъ, трудитесь непрестанно. Если кто не трудится, тотъ у Васъ да не ясть; ибо праздныхъ ненавидитъ Господь Богъ нашъ, а изъ почитающихъ Бога никто не долженъ быть празднымъ“.

(кн. II, гл. 63). Здѣсь отъ имени апостоловъ высказывается Евангельскій взглядъ на трудъ. По примѣру апостоловъ, клирики древней Церкви, кромѣ своего церковнаго служенія, занимались какимъ либо ремесломъ и тѣмъ добывали себѣ пропитаніе. Христіане изъ Слова Божія научились смотрѣть на трудъ, во 1-хъ, какъ на общечеловѣческой удѣль (Быт. III, 19), во 2-хъ, какъ на пріятный долгъ, какъ на средство, воспитывающее челоуѣка въ добрыхъ навыкахъ. По христіанскому взгляду трудъ—это служеніе Богу и ближнему. Христіанство осватило, облагородило трудъ. Подъ живымъ впечатлѣніемъ ученія Спасителя первые христіане цѣнили только тотъ трудъ, который служилъ во славу Божию и на пользу ближнимъ. Благословенъ трудъ земледѣльца (Мѡ. XIII, 8), купца (Мѡ. XIII; 45, 46), рыболова (Мѡ. XIII, 47), пастуха (Іоан. X, 1—17), сотника (Мѡ. VIII, 5—13), благословенъ трудъ ап. Павла—скинотворца. По христіанскому взгляду трудъ, наравнѣ съ молитвою, не измѣряется количествомъ затраченныхъ часовъ, а продуктивностію и усердіемъ. Поэтому онъ цѣнится одинаково, производится ли онъ пролетаріемъ или богачемъ. Всякій въ своемъ положеніи можетъ быть *тѣрнымъ работъ*, и всякому воздается, не по внѣшнимъ проявленіямъ труда, а по внутреннимъ его достоя-

ствамъ. Иисусъ Христосъ, подъявшій трудъ земной жизни, освятилъ его и сдѣлалъ его благословеннымъ удѣломъ всѣхъ людей. По примѣру Его и апостоловъ нынѣ трудятся всѣ, и всякій вѣрующій долженъ понимать, что цѣнность труда— не въ немъ самомъ, а въ томъ, что онъ есть средство служенія Богу и ближнему, какъ необходимаго условія счастья временнаго, земнаго и вѣчнаго, небеснаго. При такомъ взглядѣ вѣрующіе Апостольскаго времени не считались съ тѣмъ, кто сколько затратилъ силъ и часовъ на удовлетвореніе нуждъ своихъ ближнихъ; трудился каждый по своимъ силамъ и способностямъ. Въ порывахъ истинной любви они приносили плоды трудовъ своихъ къ ногамъ апостоловъ на общую пользу, потому и не было тогда нуждающихся.

Не такъ учить о трудѣ коммунизмъ. Трудъ, по нему, есть „субстанція, образующая цѣнность“ (Марксъ, Энгельсъ) „трудъ— товаръ“, который имѣетъ цѣнность потребительную и мѣновую.

Слѣдовательно, трудъ самъ по себѣ имѣетъ цѣнность, каковъ-бы онъ ни былъ—полезный, бесполезный, вредный. Съ этой точки зрѣнія, трудъ, не имѣющій въ виду общественной пользы, напр., изготовленіе сапогъ изъ картона (Катрейнъ), долженъ цѣниться наравнѣ со всякимъ полезнымъ трудомъ, п. ч. одинаково затрачиваются силы и время. При такомъ взглядѣ не можетъ быть христіанскаго общенія имуществъ. „Каждый по своимъ способностямъ, каждому по его потребностямъ“. Такъ, говорятъ социалисты, будетъ написано на знамени ихъ. Но кто и какъ измѣритъ способности, и кто положить границы потребностямъ,—этого социалисты не говорятъ и не могутъ сказать. Если трудъ есть товаръ, который образуетъ цѣнность безотносительную и только сообразно затраченному времени распредѣляются продукты потребленія, то неспособные къ труду не должны участвовать въ этомъ распредѣленіи. Какой же смыслъ труда, если онъ не служитъ ближнему, лишенному трудоспособности? На та-

комъ принципѣ не можетъ образоваться христіанская община. Коммунизмъ ничего общаго съ нею не имѣеть.

Съ упадкомъ древне-христіанскихъ общинъ свободный трудъ вѣрующихъ на общую пользу не находитъ примѣненія. Являются теперь попытки частныхъ лицъ примѣнить трудъ къ общинному строю, таковы попытки Н. Н. Неплюева и Л. Н. Толстого. Въ попыткахъ Л. Н. Толстого возродить общеніе имуществъ въ созданныхъ имъ колоніяхъ нѣтъ примѣненія труда, какъ существеннаго условія христіанскаго общежитія. Здѣсь подъ видомъ стремленія членовъ къ нравственному совершенству и исканія Царства Божія пассивно относятся къ труду. вмѣсто труда развилось попрошайничество. Очевидно, гдѣ нѣтъ Евангельской основы, релігіозныхъ и нравственныхъ молитвъ, ясно и правильно понимаемыхъ,—тамъ никто не будетъ самоотверженно трудиться, тамъ трудъ не услада жизни, а горькая повинность.

Толстовскія колоніи не имѣють успѣха и влачатъ свое жалкое существованіе. Въ одной колоніи, напр., никто изъ колонистовъ не пожелалъ исполнять обязанности пастуха, и вмѣсто личнаго труда допущенъ компромиссъ—обратились къ наемному труду.

Противоположный характеръ въ отношеніи труда носитъ Неплюевское Трудовое Братство.

Режимъ Трудового Братства суровый, холодный, трудъ членовъ Братства продуктивный, разумный, но онъ имѣеть цѣну только для нихъ самыхъ; продукты труда принадлежатъ исключительно членамъ. Несостоящіе въ Братствѣ, по уставу, не могутъ рассчитывать на продукты,—принципъ не христіанскій. Поэтому Неплюевское Братство, по нашему, не имѣеть характера общины апостольскаго времени и вліянія древне-общиннаго строя въ немъ не сказывается.

Прот. Д. Говоровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Ученіе Христа Спасителя въ третьемъ евангеліи о богатствѣ и бѣдности.

(Окончаніе) ¹⁾.

Что нужно дѣлать человѣку, поставленному въ условія богатства и бѣдности? Евангелистъ Лука представляетъ оригинальное, нигдѣ болѣе въ евангеліи не встрѣчающееся, рѣшеніе этого вопроса въ притчѣ о неправидномъ домоправителѣ. Сущность притчи въ слѣдующемъ. У одного богатаго человѣка былъ домоправитель, который неумѣлымъ управленіемъ растратилъ имѣніе господина своего. Господинъ, узнавши объ этомъ, потребовалъ отчета отъ управителя. Ставши лицомъ къ лицу съ вопросомъ о кускѣ насущнаго хлѣба, управитель придумалъ очень оригинальный способъ выйти изъ затрудненія. Онъ призываетъ къ себѣ по одному должниковъ своего господина—и сбавляетъ имъ долгъ въ ихъ долговыхъ роспискахъ въ надеждѣ, что по увольненіи отъ должности онъ будетъ облагодѣтельствованъ ими. Притча заканчивается похвалою мудрости управителя, вложенною въ уста господина.

Эта притча, весьма важная для рѣшенія проблемы богатства, является очень трудною для пониманія. Примѣръ неправеднаго приставника, который злоупотребляетъ и имуществомъ и довѣріемъ своего господина и, несмотря на это, получаетъ похвалу отъ него, при нѣкоторой неясности выраженія кажется до того видимо несообразнымъ съ чистотою и святостію Христова ученія, что почти всѣ толкователи св. Писанія, приступая къ изъясненію ея, считаютъ необходимымъ замѣтить, что не все въ ней должно брать въ примѣръ себѣ,—а только идею, практическій выводъ, конечно, не въ грубо-буквальномъ смыслѣ, какъ думаютъ нѣкоторые, не стыдящіеся говорить, будто Христосъ въ этой притчѣ учитъ,

¹⁾ См. № № 30—31 за 1911 г.

выражаясь вульгарно, мошенничать. Съ другой стороны, есть не мало людей, которые, основываясь на неправильномъ пониманіи вывода изъ притчи, думаютъ, что если бы человекъ несправедливо, напр. обманомъ, грабежами и т. д., присвоилъ себѣ богатство и потомъ часть изъ несправедливо нажитаго употребилъ на добрыя дѣла, то онъ былъ бы спасенъ. Противъ такого пониманія возставали въ свое время Златоустъ и блаженный Августинъ.

Всматриваясь въ содержаніе этой притчи, мы видимъ, что хозяинъ хвалитъ управителя не за его поступокъ, который былъ съ нравственной точки зрѣнія безчестнымъ, и за который Христосъ называетъ управителя несправедливымъ, а за его умъ, догадливость, находчивость, мудрость: „*показали господь дому строителя несправедлаго, яко мудрость сотвори*“. (Лк. 16, 8). Образцомъ для подражанія домоправителю, выставляется, такимъ образомъ, не его несправедливость и неумѣренность, а его предусмотрительность, съ которою онъ обезпечивалъ себя противъ затрудненій.

Въ чемъ же сказалась эта мудрость? Она сказалась въ умѣломъ, цѣлесообразномъ пользованіи богатствомъ. Управитель не собиралъ для себя сокровищъ, расточая богатство господина своего, не подумалъ также объ этомъ и тогда, когда услышалъ требованіе отчета изъ устъ господина своего. Онъ рѣшилъ такъ использовать, въ послѣдніе дни своего управленія, имущество господина своего, чтобы, оказавъ помощь должникамъ своего господина, могъ самъ впоследствии найти у нихъ пріютъ. Значитъ, онъ не непосредственно беретъ себѣ сокровища, а чрезъ вторыя руки. Такимъ образомъ, мудрость его въ умѣнии пользоваться ввѣренными ему благами такъ, чтобы въ нужную минуту они оказались ему полезны. Безпечный къ своей будущности во все время своего управленія, управитель умѣлъ воспользоваться послѣднею возможностью, чтобы избѣжать тяжкой участи, и поступилъ очень мудро: онъ не утаилъ отъ господина своего всего, что было роздано имъ въ долгъ, но онъ и не присвоилъ себѣ

той части долга, которую простилъ должникамъ. Этой мудрости часто не достаесть сынамъ свѣта, т. е. людямъ, имѣющимъ своею цѣлю устроение Царства Божія, которые часто не обнаруживаютъ постоянства, ревности и усилій къ достиженію своей цѣли. Въ этомъ отношеніи сыны вѣка сего, т. е. сыны міра сего, мудрѣе сыновъ свѣта, потому что умѣютъ мудро устроить свои дѣла и все направлять къ тому, чтобы предполагаемая цѣли были достигнуты. Это дѣлаютъ они въ своихъ отношеніяхъ къ подобнымъ себѣ. Но это не значить, что сыны вѣка сего мудрѣе сыновъ свѣта во всѣхъ отношеніяхъ. Они мудрѣе только въ „родѣ своемъ“ т. е. въ томъ кругѣ житейскихъ отношеній, которыя имѣютъ въ виду созиданіе счастья на землѣ, среди подобныхъ же себѣ существъ.

Сыны міра сего съ напряженіемъ и расчетомъ стремятся къ своей цѣли, имѣя въ виду будущее счастье. Сыны же свѣта въ отношеніи къ своей цѣли (спасенію) часто не проявляютъ такой мудрости, какою владѣютъ сыны вѣка сего по отношенію къ своей земной жизни, не проявляютъ они ни постоянныхъ заботъ о будущей своей жизни, жизни небесной, ни особенныхъ усилій ума и воли, предусмотрительности, изобрѣтательности и т. д.

Далѣе слѣдуетъ указаніе Спасителя, въ чемъ же мы должны проявлять эту мудрость: *сотворите себѣ други отъ мамы неправды, да, егда оскудѣете, примутъ вы въ вѣчныя кровы*“ (XVI, 9).

Мы уже говорили, что здѣсь лучше всего подъ мамою неправды разумѣть богатство, — въ смыслѣ: ложнаго, призрачнаго, обманчиваго. Это призрачное богатство мы должны употреблять такъ, чтобы при помощи его, какъ неправедный домоправитель, приобрести себѣ друзей, которые бы приняли насъ, когда мы обнищаемъ. Здѣсь по толкованію какъ св. отцовъ, такъ и западныхъ ученыхъ, Христосъ заповѣдуетъ благотворительность бѣднымъ, которые за то будутъ молиться за богатыхъ, и своею молитвою приготовить имъ вѣчныя кровы.

Помимо того, что за милосердіе къ бѣднымъ, богатые могутъ наслѣдовать блаженство на небѣ, и здѣсь на землѣ можно иногда видѣть, какъ бѣдный христіанинъ, котораго облагодѣтельницамъ болѣе или менѣе религіозный богачъ, чрезъ свою молитву, чрезъ свое серьезное выраженіе благодарности, несравненно больше и лучше воздастъ, чѣмъ онъ самъ отъ него получилъ.

Дальнѣйшіе стихи еще яснѣе раскрываютъ идею притчи. Они показываютъ, что богатство служитъ для насъ пробнымъ камнемъ, можемъ ли мы обладать высшими духовными благами. Заключение въ словахъ Спасителя идетъ отъ меньшаго къ большему. Кто не вѣренъ въ маломъ, кто не вѣренъ въ чужомъ, кто не вѣренъ въ неправедномъ, тотъ не будетъ вѣренъ и въ бѣльшемъ, истинномъ. Вѣрный въ маломъ, по словамъ Теофилакта, хорошо распоряжающійся ввѣреннымъ ему имѣніемъ по волѣ Божіей, будетъ вѣренъ и во многомъ, т. е. въ будущей жизни достоинъ вѣчнаго блаженства¹⁾, подобно тому какъ рабъ, получившій 5 талантовъ и приобрѣтшій на нихъ другія 5,—призывается ко владѣнію многимъ.

Отъ общаго Христось переходитъ къ болѣе конкретному: *аще убо въ неправеднымъ имѣніи вѣрни не бысте, во истиннымъ кто вамъ вѣру иметъ*“ (11 ст.). Истинное — это добро, вполне отвѣчающее идеалу; добро неизмѣнное, всегда остающееся добромъ, тогда какъ богатство мѣняетъ свой характеръ, и можетъ быть названо зломъ, если бы на него человекъ смотрѣлъ, какъ на *свое* богатство. Надобно воспитать нравственное чувство добросовѣстности, и проявлять эту добросовѣстность постоянно, тогда намъ могутъ быть ввѣрены дары духовные, а иначе мы можемъ злоупотреблять и ими, можемъ расточить имѣніе духовное, какъ управитель растратилъ имѣніе господина своего. *И аще въ чужемъ вѣрни не бысте, ваше кто вамъ дастъ*“? (12 ст.). Если мы въ томъ, что не принадлежитъ намъ, какъ несвойственное нашей природѣ, что

¹⁾ Благовѣстникъ т. III 210.

дано, какъ управителямъ, не были вѣрны, то кто дастъ намъ наше т. е. то, что всегда соотвѣтствуетъ нашей богоподобной природѣ и дѣлается единымъ съ нашею личностью, тогда какъ земныя блага всегда остаются внѣшними, а слѣд., и чужими. Деньги только случайно привязаны къ нашему истинному бытію, а наше благо то, что уготовано отъ сложенія міра, г. е. Царство Божіе.

Такимъ образомъ, смыслъ этихъ изрѣченій таковъ: если мы не употребляемъ благъ міра сего какъ должно, съ честностью, добросовѣстностью и благоразуміемъ, то мы не имѣемъ истиннаго благочестія, и потому недостойны духовныхъ даровъ и не войдемъ въ вѣчныя обители.

Возможенъ вопросъ: что дѣлать человѣку, если онъ не умѣетъ или не въ силахъ мудро управлять богатствомъ, если оно привязываетъ человѣка къ себѣ, всецѣло охватываетъ его, мѣшаетъ его слабой волѣ укрѣпиться на пути добра. Тогда, по ученію евангелія, нужно болѣе радикальное отношеніе къ богатству. Предъ нами юноша приступившій ко Христу съ вопросомъ: „что сотворишь животъ вѣчный на слѣдствую“ (Лк. 18, 18). По его словамъ, онъ исполнилъ всѣ предписанія ветхозавѣтнаго нравственнаго закона. Но его душа, очевидно, чувствовала недостатокъ чего-то, задыхалась подъ тяжестью богатства, къ которому былъ привязанъ этотъ юноша, несмотря на самыя добрыя качества и намѣренія его. Христосъ замѣтилъ его недостатокъ,—и мы видимъ новое рѣшеніе вопроса о пользованіи богатства. Для человѣка съ самыми благими намѣреніями, но со слабой волей, которая легко подчиняется соблазну богатства и не знаетъ, какъ выйти изъ подъ его гнета, для человѣка, у котораго нѣтъ другихъ желаній кромѣ желанія приобрѣтать все больше и больше,—для такого возможенъ одинъ выходъ: *вся, елико имашь, продаждь и раздай нищимъ и имѣти имашь сокровища на небеси и гряди во слѣдъ Мене*“ (22 ст.). Но отреченіе отъ имущества должно быть актомъ свободной воли человѣка, а не вынужденнымъ ка-

кими бы ни было внѣшними условіями. Для нѣкоторыхъ больныхъ нужны радикальныя средства. Если, напр., у человѣка зараженъ—палець, и это зараженіе грозитъ распространиться далѣе, палець отнимають совершенно. Богатый съ особеннымъ пристрастіемъ къ богатству это—больной. Если онъ здравъ духовно, но боленъ одною страстью сребролюбія и боленъ такъ, что эта страсть можетъ все болѣе и болѣе усиливаться и грозитъ охватить все существо человѣка—тогда нужно радикальное средство: отказаться отъ всего, что имѣешь. Для такихъ людей нравственное улучшение однѣми естественными силами невозможно, ихъ сердце и душа настолько привязаны къ земному, что они не въ силахъ оторваться отъ него во имя самаго неба. Даже и простое обладаніе богатствомъ, отнимая у человѣка время и силы, осложняетъ его жизнь житейскими заботами и отвлекаетъ его сердце отъ неуклоннаго стремленія ко спасенію. Образецъ того, какъ различныя житейскія заботы, вытекающія изъ стремленія жить въ богатствѣ, довольствѣ съ матеріальной стороны, препятствуютъ человѣку войти въ Царствѣ небесное, представленъ въ притчѣ о званыхъ на вечерю, въ которой званые отказываются прибыть на вечерю по мотивамъ чисто матеріально эгоистическаго характера: „село купихъ, и имаю нужды изыти и видѣти е“ (Лк. 14, 18)—„супругъ воловъ купихъ пять, и гряду искусити ихъ“ (19 ст.); „жену пояхъ“ (20). Та же мысль выражается и въ притчѣ о сѣятелѣ; „а еже въ терніи падшее, сіи суть слышавшіи, и отъ печали и богатства и сластями житейскими ходяще подавляются и не совершаютъ плода“ (Лк. 8, 14).

Поэтому отъ Своихъ учениковъ, отъ которыхъ самую миссію ихъ, требовалась всецѣлая преданность ихъ одному—проповѣди о Христѣ, Христосъ требуетъ всецѣлаго отреченія отъ богатства; „продадите имѣнія ваша и дадите милостыню“ (XII, 33).

Такимъ образомъ, кто имѣетъ настолько силы воли, что въ состояніи правильно распредѣлять свое богатство, тотъ

пусть пользуется имъ, но пусть помнитъ, какой мудрости требуетъ отъ его это пользованіе и какую отвѣтственность понесетъ онъ за „неправедное“ управленіе богатствомъ. Кто же не можетъ устоять противъ власти богатства, или кто вообще хочетъ быть свободнымъ отъ всякихъ узъ, связывающихъ его съ міромъ и со всѣмъ, что въ мірѣ, тому лучше отказаться совершенно отъ богатства. Поэтому на совѣтъ богатому юношѣ и наставленіе апостоламъ нельзя смотрѣть, какъ на требованіе, имѣющее значеніе для всѣхъ людей. иначе притча о неправедномъ домоправителѣ потеряла бы весь свой смыслъ и была бы неумѣстной вставкою въ евангеліе. Напротивъ, въ этой притчѣ возвѣщается отрадная вѣсть и для богачей, что они и въ своемъ состояніи богатства могутъ спастись. Въ этой притчѣ показывается, что богатство есть орудіе благотворительности; если же кто неправедно пользуется орудіемъ; орудіе не виновато.

Евангельскій же совѣтъ богатому юношѣ долженъ напоминать каждому богачу о томъ, какъ трудно богатому войти въ царствіе Божіе. Такова т. с. психологія богатства, что она приковываетъ къ себѣ человѣка, и чѣмъ больше оно, тѣмъ сильнѣе его оковы на душу человѣка, тѣмъ больше для человѣка разныхъ препятствій войти въ жизнь вѣчную. Отсюда понятно изрѣченіе Спасителя: *„удобнѣе есть вельбуду сквозь ильнѣе уши пройти, неже богату въ царствіе Божіе внити“* (Лк. 18, 25).

Доселѣ шла рѣчь о богатствѣ вообще, независимо отъ того, праведно или неправедно оно пріобрѣтено. Но въ евангеліи Луки рѣшается вопросъ и о богатствѣ, неправедно нажитомъ. Закхей, исполненный глубокой благодарности ко Христу, даетъ обѣщаніе: *„се полъ-имѣнія моего, Господи, дамъ нищимъ: и аще кого чимъ обидѣлъ, возвращу четверцею“* (Лк. 19, 8). Мало того, чтобы возратить потерпѣвшему неправедно присвоенное отъ него,—надо воздать въ четыре раза больше. Дѣло, конечно, не въ томъ, во сколько разъ больше надо воздать потерпѣвшему, а въ намѣреніи

искупить прежнія беззаконія и больше не приобрѣтать богатства неправеднымъ путемъ.

Къ тому вопросу имѣютъ отношеніе и слова Спасителя, обращенныя къ фарисеямъ: „*обаче отъ сущихъ дадите милостыню: и се вся чиста вамъ будутъ*“ (Лк. 11, 41). Здѣсь нельзя видѣть указанія на то, что богатство, есть нѣчто нечистое само по себѣ, нечистое, что нужно очищать милостынею. Изъ контекста рѣчи ясно, что здѣсь говорится о неправедно нажитомъ богатствѣ. Фарисеи считали тяжкимъ грѣхомъ нарушить самыя мельчайшія предписанія обрядоваго закона, въ данномъ случаѣ, обычай умывать руки предъ принятіемъ пищи, между тѣмъ какъ главное въ законѣ—судъ и любовь Божію—они оставили (42 ст.), и угнетали вдовъ и сиротъ. Христосъ и вооружается противъ ихъ мелочности въ обрядности и отсутствія или, точнѣе сказать, извращенія нравственныхъ нормъ, благодаря чему, —несмотря на ихъ внѣшнее благочестіе, „*внутренность*“ ихъ „*исполнена хищенія и лукавства*“ (39). Онъ совѣтуетъ, въ противоположность ихъ несправедливости по отношенію къ бѣднымъ, раздавать милостыню изъ того, что у нихъ есть, и тогда, когда они очистятъ себя отъ хищеній и неправдъ, тогда у нихъ все будетъ чисто.

Обобщая все сказанное, мы должны сказать, что задача человѣка—„не въ себя, а въ Бога богатѣть“. (Лк. 12, 21). Это значить:—человѣкъ на богатство долженъ смотрѣть какъ на даръ Божій, данный ему для служенія ближнимъ. На богатство человѣкъ не долженъ смотрѣть, какъ на свое владѣніе, а какъ на аренду, а потому долженъ стараться правильно распоряжаться имъ, милосердіемъ и благотворительностью при помощи его приобрѣтать себѣ друзей на небѣ. Прекрасный примѣръ того, какъ люди богатѣютъ въ себя, представляютъ два богача: первый съ своей оригинальной четырехчленной формулой: „*почивай, яждь, ній, веселися*“ (Лк. 12, 19), а второй своимъ образомъ жизни. (Лк. 16, 19—21).

Богатѣть же въ Бога—это значитъ: жить для неба и съ точки зрѣнія законовъ неба смотрѣть на богатство, не привязываться къ нему во имя эгоистическихъ и матеріалистическихъ интересовъ и направлять богатство къ благу ближнихъ, а вмѣстѣ съ этимъ „собирать себѣ богатство божественныхъ свойствъ, которое Самъ Богъ признаетъ за богатство, т. е. Царство Божіе и правду Его. ¹⁾).

В. Бѣлоликовъ.

¹⁾ Года, 385 стр.

²⁾ См. № № 30—31 за 1911 г.

Почему нужно быть христианиномъ.

(Продолженіе ²).

ВТОРАЯ ИСТИНА.

У меня есть душа и загробная жизнь существуетъ.

Второй истиной послѣ истины о Богѣ является истина о душѣ и загробной жизни. Передо мной стоитъ вопросъ: есть-ли у меня душа, душа безсмертная, долженствующая пережить разложеніе моего тѣла?

Этотъ вопросъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, ибо если все кончается въ этой жизни, то единственной моей заботой должно быть старанье прожить возможно дольше и возможно пріятнѣе провести жизнь; и наоборотъ, если есть загробная жизнь, я долженъ стараться приготовиться къ ней, въ продолженіе моей земной жизни, сообразно съ волею Бога.

Когда я рассматриваю человѣка въ отношеніи его тѣла, мнѣ не кажется, чтобы онъ существенно отличался отъ животнаго. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ немного болѣе одаренъ и болѣе совершененъ, но зато онъ уступаетъ животному въ отношеніи силы и ловкости.

¹) Года. 385 стр.

²) См. № № 30—31 за 1911 г.

Но если я рассматриваю его въ отношеніи его интеллектуальныхъ и моральныхъ свойствъ, я вижу, что онъ положительнымъ образомъ отличается отъ животнаго.

Животное обладаетъ нѣкоторой долей ума, называемаго инстинктомъ. Паукъ ткеть возбуждающую удивленіе паутину; пчела располагаетъ свой медъ съ замѣчательнымъ искусствомъ; собака, лошадь знаютъ голосъ своего хозяина и понимаютъ его приказанія. Но все это, собственно говоря, не есть разумъ.

Животное не спрашиваетъ себя о причинѣ вещей; оно не изучаетъ способовъ прокармливать себя и строить себѣ жилище; оно не совершенствуетъ свои орудія; въ его занятіяхъ не замѣтно прогресса. Съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, паукъ ткеть свою паутину всегда одинаковымъ образомъ, а пчела строила свои соты въ первый день такъ-же, какъ будетъ строить и въ послѣдній.

Животное не размышляетъ о мірѣ, который его окружаетъ. Оно равнодушно къ красотамъ природы. Оно не старается отдать себѣ отчета въ томъ, для чего оно существуетъ. Оно думаетъ только объ удовлетвореніи потребностей своего тѣла, не предвидя того, что въ одинъ прекрасный день придется умереть.

Человѣкъ-же, напротивъ, думаетъ и размышляетъ. Онъ разсуждаетъ о мірѣ и самомъ себѣ. Онъ испытываетъ восторгъ передъ прекраснымъ пейзажемъ или передъ прекрасной картиной. Онъ не перестаетъ прогрессировать въ наукахъ и искусствахъ. Онъ постоянно подвигаетъ впередъ свои изслѣдованія въ области истины. У него есть идея истины, добра и красоты. Онъ возвышается до идеи Бога, какъ принципа и завершенія всего существующаго.

Лишенное разума, въ собственномъ смыслѣ, животное не обладаетъ и свободой. Если оно видитъ какое-либо удовольствіе, оно не можетъ удержаться, если только его раньше не наказывали и если его не удерживаетъ боязнь новыхъ ударовъ. Добра и зла оно не знаетъ, оно знаетъ только удо-

вольствіе и страданіе. Оно не имѣетъ понятія о жизни нравственной или религіозной.

Что касается человѣка, то онъ имѣетъ идею о нравственномъ добрѣ и злѣ. Онъ знаетъ, что нужно избѣгать пороковъ и быть добродѣтельнымъ. И онъ сознаетъ, что онъ свободенъ выбрать то или другое. Онъ чувствуетъ себя господиномъ своихъ поступковъ и отвѣтственнымъ за свое поведеніе передъ своей совѣстью и передъ Богомъ.

Итакъ, всѣми своими интеллектуальными и моральными свойствами человѣкъ неизмѣримо возвышается надъ животнымъ. Онъ существеннымъ образомъ отличается отъ этого послѣдняго. Это именно и подразумѣвается, когда говорятъ, что у человѣка есть душа. Человѣкъ—выше животнаго, у него есть душа, ибо онъ обладаетъ разумомъ, свободой и нравственными задатками.

Безъ сомнѣнія, душу нельзя увидѣть, ее нельзя и потрогать и вообще она не можетъ быть воспринята при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ. Душа по природѣ своей невидима и неосязаема. Если-бы она себя видѣла, если-бы она могла сама къ себѣ прикоснуться—это была-бы уже не душа, а тѣло.

А развѣ я могу увидѣть разумъ ученаго? Развѣ я могу притронуться къ добродѣтели святого? Могу-ли я вымѣрять ихъ величину или опредѣлить ихъ цвѣтъ? А между прочимъ, разумъ и добродѣтель существуютъ.

Точно также и душа можетъ существовать, не будучи доступна взорамъ человѣка.

Итакъ, у меня есть душа; я говорю съ гордостью, ибо душа именно и отличаетъ меня отъ животнаго и дѣлаетъ меня человѣкомъ.

У меня есть душа, что-бы тамъ ни утверждали невѣрующіе, желающіе изобразить меня какимъ-то животнымъ, болѣе или менѣе совершеннымъ. Не странно-ли, что люди пользуются своими талантами и наукой для того, чтобы доказать, что они не болѣе, какъ животныя?

У меня есть душа, и я долженъ быть признателенъ религіи за то, что она во всеуслышанье провозглашаетъ эту истину возвышающую и облагораживающую меня.

Въ настоящее время много толкуютъ о томъ, что будто-бы вѣра противорѣчитъ разуму, а религія будто-бы унижаетъ достоинство человѣка. Но вѣра, напротивъ, находится въ полномъ согласіи съ разумомъ, а религія именно и защищаетъ мое человѣческое достоинство, утверждая, что, при всемъ тѣлесномъ сходствѣ съ животнымъ, я неизмѣримо выше его и существенно отличаюсь отъ него моею душой.

Эта душа, составляющая мое величіе и мое человѣческое достоинство, прекратитъ-ли она свое существованіе одновременно съ моимъ тѣломъ, или-же она его переживетъ для того, чтобы вступить въ новую и вѣчную жизнь? Вотъ вопросъ, требующій разрѣшенія.

Прежде всего нужно сказать, что все мое существо стремится къ безсмертію.

Животное также обладаетъ инстинктомъ самосохраненія; оно желаетъ жить и вступаетъ въ отчаянную борьбу съ тѣмъ, кто хочетъ лишить его жизни. Но оно, въ сущности говоря, не понимаетъ, что значить смерть и, вслѣдствіе этого, не чувствуетъ въ себѣ разумнаго желанія ея избѣгнуть. Оно не предчувствуетъ смерти, задолго до ея наступленія, какъ неизбежнаго окончанія жизни. Смерть его не смущаетъ и не занимаетъ, ибо оно живетъ изо дня въ день, не думая о будущемъ и не размышляя о своей судьбѣ.

Человѣкъ-же, наоборотъ, знаетъ, что онъ долженъ когда-нибудь умереть, и мысль эта озабочиваетъ его. По временамъ она какъ будто исчезаетъ, заглушенная развлеченіями этого міра, но какъ только человѣкъ начинаетъ размышлять, она вновь появляется еще болѣе ясная, еще болѣе страшная. Человѣкъ долженъ жить, имѣя передъ собой перспективу неизбежной смерти, сознавая, что его жизнь можетъ со дня на день окончиться, по произволу болѣзни или несчастнаго случая, и что, во всякомъ случаѣ, онъ не избѣгнетъ ста-

рости и медленнаго угасанія. Чѣмъ счастливѣе протекаетъ его жизнь, тѣмъ болѣе его должна угнетать мысль о смерти.

Но вѣдь мы-же не можемъ примириться съ мыслью, что все будетъ кончено послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни. Мысль, что нужно будетъ всецѣло и навсегда исчезнуть, противна намъ и глубоко насъ возмущаетъ. Мы стремимся всѣми силами нашего существа къ вѣчной жизни.

Неужели-же это страстное желаніе есть только иллюзія? Неужели-же, во имя разума, нужно признать, что загробная жизнь это только мечта? Неужели-же я долженъ жить съ перспективой умереть въ одинъ прекрасный день, съ убѣжденіемъ, что все и навсегда будетъ кончено?

Вотъ это именно и утверждаютъ невѣрующіе.

Но вѣдь въ такомъ случаѣ то, что я предвижу смерть, и мое стремленіе къ безсмертію послужить только къ тому, чтобы сдѣлать мою жизнь болѣе тяжелой. По правдѣ говоря, природа—ибо теперь только и говорятъ, что о природѣ—была-бы черезчуръ жестока ко мнѣ. То, что возвышаетъ меня надъ животнымъ, мой разумъ, мой интеллектъ, служилъ-бы для меня источникомъ величайшихъ страданій.

Если я долженъ прекратить свое существованіе, на подобіе животнаго, то почему было-бы не оставить меня, какъ и его, не заботящимся о завтрашнемъ днѣ и не подозрѣвающимъ наступленія смерти? Человѣкъ, царь природы, былъ-бы, въ сущности говоря, несчастнѣйшимъ существомъ: онъ долженъ былъ-бы жить, ощущая глубокую потребность въ безсмертіи, и сознавая въ то-же время, что смерть неизбежна и что она повлечетъ за собой полное уничтоженіе.

Нѣтъ, нѣтъ! этого не можетъ быть! Я не могу повѣрить, чтобы природа была такъ чудовищно жестока. А еще менѣе я этому вѣрю, когда я подумаю о томъ, что природа сотворена Богомъ.

Богъ, Существо безконечно мудрое, возвышенное и благое, не могъ создать во мнѣ потребность въ вѣчной жизни только для того, чтобы осудить меня на жизнь съ убѣжде-

нѣмъ, что потребность эта не будетъ удовлетворена. Онъ вложилъ въ меня это стремленіе только потому, что оно отвѣчаетъ дѣйствительности, и потому, что Онъ предназначаетъ мою душу къ тому, чтобы она на вѣки вѣчные пережила мое тѣло.

Для того, чтобы убѣдиться окончательно въ существованіи загробной жизни, стоитъ только подумать о необходимости вознагражденія за неравенство и несправедливость жизни на землѣ.

Здѣсь на землѣ добро и зло получаютъ весьма неравномѣрное воздаяніе.

Есть люди сомнительной честности, разбогатѣвшіе на счетъ другихъ, эгоисты и сладострастники, которые, тѣмъ не менѣе, пользуются всеми благами этого міра, здоровьемъ, почестями, богатствомъ и мирно кончаютъ дни свои. Рядомъ съ ними мы видимъ людей добродѣтельныхъ, вѣрныхъ своему долгу, нравственно безупречныхъ, всегда готовыхъ открыть несчастнымъ свое сердце и свой кошелекъ, которые, несмотря на это, или сами или за кого-нибудь изъ своей семьи страдаютъ отъ болѣзни, отъ неудачъ, отъ нравственныхъ невзгодъ и умираютъ такъ-же, какъ и другіе, а иногда даже ранней смертью, сопровождаемой тяжелыми страданіями.

Какое неравенство въ ихъ судьбѣ по сравненію съ ихъ заслугами! Какая несправедливость, если дѣло ограничивается земной жизнью! Эта мысль меня возмущаетъ.

Если все кончится съ этой жизнью, къ чему-же стѣснять себя? Къ чему умѣрять свои страсти и подавлять свой эгоизмъ? Если все будетъ поглощено могилой, то самое логичное это пользоваться жизнью, не заботясь о другихъ и не думая о нравственности.

„Будемъ ѣсть и пить, ибо завтра мы умремъ“.

Нѣтъ, это не можетъ быть! Отрицаніе загробной жизни, подобно отрицанію Бога, уничтожаетъ долгъ и добродѣтель, уничтожаетъ серьезную мораль, вноситъ отчаяніе въ души людей и самый чудовищный безпорядокъ въ общество.

Вотъ къ чему приходятъ невѣрующіе. Подъ предлогомъ того, что будущая жизнь есть тайна, они настоящую жизнь сводятъ къ нелѣпости. Они хотятъ освободить разумъ отъ того, что его превосходитъ, и уничтожаютъ одновременно все, что составляетъ гордость человѣка, что его возвышаетъ и возвеличиваетъ среди земныхъ горестей.

Да, конечно, будущая жизнь есть тайна. Я не понимаю, какимъ образомъ душа отдѣлится отъ тѣла и переживетъ его. Я не знаю также, въ какихъ условіяхъ эта жизнь осуществится. Но я твердо убѣжденъ въ томъ,—этому учить меня разумъ наравнѣ съ религіей,—что я дѣйствительно буду жить за гробомъ, и что Богъ, какъ Существо верховно справедливое, воздастъ мнѣ по заслугамъ за мою теперешнюю жизнь.

Вотъ что мнѣ поистинѣ необходимо знать. Я совершаю въ высшей степени разумный поступокъ, полагаясь въ остальномъ на справедливость и милосердіе Создателя.

Пусть-же невѣрующіе похваляются тѣмъ, что у нихъ нѣтъ души, пусть заявляютъ, что все кончается вмѣстѣ со смертью. Вольно-же имъ унижать себя до степени животнаго!

Они, впрочемъ, не такъ спокойны, какъ стараются изобразить. Легко храбриться, когда человѣкъ здоровъ; но съ угрозой смерти самоувѣренность быстро исчезаетъ. Во всякомъ случаѣ, ихъ слова ничуть не мѣняютъ порядка вещей. Они не уничтожатъ загробной жизни своимъ отрицаніемъ.

Что-же касается меня, то я горжусь своей безсмертной душой. Перспектива будущаго для меня не заканчивается въ могилѣ; она тянется въ безконечность. Какъ утѣшительно сознаніе, что мои поступки и мои земные труды не исчезнутъ безслѣдно, но что я за нихъ получу воздаяніе въ вѣчности!

Отрицающіе загробную жизнь не могутъ разумно объяснить смерть и страданіе. Если нѣтъ Бога, если нѣтъ будущей жизни, то не жестоко-ли это со стороны природы за-

ставлять меня страдать? Что мнѣ остается дѣлать, какъ не проклинать страданіе и смерть?

Но какъ только я увѣрую въ Бога и въ безсмертную душу, все становится разумнымъ. Земное страданіе имѣеть цѣлью меня очистить, заставить меня почувствовать мою зависимость отъ Бога и приблизить меня къ Нему. По ту сторону смерти наступитъ жизнь идеальная, воздаяніе за земныя страданія, удовлетвореніе моей потребности въ счастья.

Вотъ великая надежда, которую вѣра, совмѣстно съ разумомъ, виѣдряютъ въ мою душу.

Перев. *Н. И. Селивановской.*

Окончаніе слѣдуетъ).

Редакторъ. Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 8-го августа 1911 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Шевъ. Тип. Авд. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меряиговская ул.

ГОДЪ

ЛІ

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 33. Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года августа 14-го дня.

Содержаніе: I. Памяти профессора В. Θ. Пѣвницкаго. Н. Пальмовъ.—
II. Общеніе имуществъ въ апостольской Церкви и этическая оцѣнка
этого факта исторической церковной жизни въ его истинномъ зна-
ченіи для всѣхъ послѣдующихъ временъ. (Окончаніе). Прот. Д. Го-
воровъ.—III. Почему я долженъ быть христіаниномъ. (Окончаніе).
Перев. Н. П. Селивановской.—IV. Замѣтка. Починка дорогъ на
церковныхъ земляхъ.

Памяти профессора В. Θ. Пѣвницкаго.

(† 12 іюля, 1911 г.).

Отшель ко Господу маститый старецъ — профессоръ Кіев-
ской духовной Академіи Василій Θεодоровичъ Пѣвницкій.

Прошлую осень и зиму В. Θ. тяжело болѣлъ и четыре
мѣсяца безотлучно пробылъ въ своемъ домѣ. Многіе думали,
что В. Θ. уже больше не жилецъ на свѣтѣ. Но, къ общей
радости почитателей, В. Θ. великимъ постомъ сталъ поправ-
ляться, а къ страстной недѣлѣ оказался въ состояніи выхо-
дить изъ дома и посѣщать богослуженія въ любимомъ храмѣ—
Софійскомъ соборѣ.—~~Свое выздоровленіе~~ В. Θ. относилъ не

столько къ пособію врачей, пользовавшихъ его во время болѣзни, сколько къ благодатнымъ средствамъ, къ которымъ онъ тогда обращался. Силы В. Θ. даже такъ окрѣпли, что съ весны В. Θ. нашелъ возможнымъ продолжать, литературный трудъ, прерванный болѣзнію, по части „Воспоминаній“, которыя въ первыхъ двухъ частяхъ (кончая студенческими годами) печатались въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“. В. Θ. взялся за „Воспоминанія“ о годахъ профессорской службы въ Кіевской Академіи и приступилъ къ печатанію этого отдѣла „Воспоминаній“ въ „Трудахъ Кіевской духовной Академіи“ по настоятельнымъ просьбамъ преосвященнаго ректора академіи и о. инспектора—редактора академическаго журнала... Но елей жизни въ свѣтильникѣ В. Θ-ча истощился; пламя въ послѣдній разъ ярко вспыхнуло и свѣтильникъ угасъ: В. Θ-ча не стало, не стало послѣдняго представителя той блестящей плеяды вдохновенныхъ „служителей слова“, которыхъ воспитала старая Кіевская Академія и къ которой принадлежали: авторъ „Чтеній о церковной словесности“ Я. К. Амфитеатровъ, архіеписк. Иннокентій Борисовъ, архіеп. Димитрій Муретовъ и др.

Свѣтлая личность почившаго профессора-гомилета всесторонне была обрисована на празднованіи 50-ти лѣтняго юбилея профессорской и учено-литературной дѣятельности В. Θ. Пѣвницкаго. Въ настоящую минуту нѣтъ надобности повторять все то, что было тогда сказано въ достойную и праведную похвалу В. Θ-чу, какъ носителю лучшихъ традицій Кіевской школы проповѣдничества, и вообще какъ хранителю традицій Кіевской Академіи. Сказано было много, но въ настоящемъ случаѣ довольно остановиться вниманіемъ на томъ, что высказывала Кіевская духовная Семинарія въ своемъ адресѣ В. Θ. Пѣвницкому, какъ сотруднику жур. „Руководства для сельскихъ пастырей“ „Съ чувствомъ глубочайшаго уваженія преклоняясь предъ Вашимъ авторитетомъ, какъ ученаго богослова-гомилета и какъ славнаго церковнаго витія и предъ высокой личностью Вашей, какъ человѣка—христіа-

нина, семья начальствующих и наставниковъ Кіевской духовной Семинаріи считаетъ своимъ священнымъ долгомъ выразить Вамъ искреннюю благодарность также и за Ваши цѣнные труды, которыми украшались страницы издаваемаго при семинаріи журнала „Руководства для сельскихъ пастырей“. Ваше просвѣщенное сотрудничество въ нашемъ журналѣ, много содѣйствовавшее развитію и процвѣтанію его, всегда будетъ вспоминаться съ чувствомъ неизмѣнной къ Вамъ признательности“. Вотъ что говорилось отъ редакціи нашего журнала В. Ө-чу въ день юбилея. Въ отвѣтъ на привѣтствіе, В. Ө. выразилъ, что онъ считаетъ себя тѣсно связаннымъ и съ Кіевской семинаріей, гдѣ почти всѣ наставники—его ученики, и съ журналомъ по единству духа, и по единству направленія въ литературной работѣ. В. Ө. подтвердилъ, такимъ образомъ, то, что писалось въ привѣтствіе ему къ юбилею, кромѣ адреса и на страницахъ журнала (см. № 45 за 1905 г.)¹⁾.

В. Ө. Пѣвницкій не носилъ священнаго сана, хотя митр. Кіевскій Арсеній склонялъ его къ принятію священства, а митр. Іоанникій предлагалъ ему мѣсто кафедральнаго протоіерея въ Кіевѣ. „Отъ Господа направляются стопы челоуѣка, и каждому изъ насъ свыше указывается путь жизни“, говорилъ В. Ө. нынѣшнему предстоятелю Кіевской Церкви митр. Флавіану въ отвѣтъ на юбилейное поздравленіе, — „и я, не принимая священства, служилъ Церкви, сколько могъ, въ своемъ положеніи наставника высшей духовной школы“. Не будучи священникомъ В. Ө. прилежалъ, тѣмъ не менѣе, къ

¹⁾ Ученые и литературные труды В. Ө. Пѣвницкаго всѣ вообще перечислены проф. Ө. И. Титовымъ въ біографической статьѣ къ 50 лѣтнему юбилею В. Ө-ча, напечатанной, вмѣстѣ съ описаніемъ юбилея, въ декабрьской книжкѣ „Трудовъ Кіевской дух. Академіи“ за 1905 годъ. Въ „Рук. д. с. и.“, кромѣ популярнаго среди пастырей „Священника“, выдержавшаго много изданій, отзывы о проповѣдяхъ м. Кіевского Платона, архіеп. Харьковскаго Амвросія, архіеп. Одесскаго Никанора, Костромскаго еп. Александра (въ „Библ. Л.“ за 1884 г.) и др., В. Ө. помѣстилъ за послѣдніе годы статью: „Что требуется для того, чтобы достойнымъ образомъ выполнять долгъ проповѣдничества“ (1908 г. №№ 10 и 12) и вышеуказанная „Мои Воспоминанія“ (съ 13—14 за 1909 г. по 50 № 1910 г.).

задачамъ, интересамъ и нуждамъ пастырства всю душою. Оттого то, изъ подъ мастерскаго пера В. Θ. Пѣвницкаго и выходили такія превосходныя работы по вопросамъ пастырства, которыя въ достоинствѣ не имѣють еще себѣ подобныхъ.

Пятьдесятъ лѣтъ (съ 1855 по 1905 г.) В. Θ. преподавалъ въ Кіевской Академіи науку краснорѣчія—сначала свѣтскаго, а затѣмъ церковнаго; въ теченіе столькихъ же лѣтъ онъ обогащалъ гомилетическую и пасторологическую литературу капитальными произведеніями и много далъ ихъ; пятьдесятъ лѣтъ плѣнялъ кіевлянъ благодатно-помазанными и классическими, по художественной обработкѣ, проповѣдями въ храмахъ и публичными чтеніями; онъ воспиталъ длинный рядъ проповѣдниковъ; онъ былъ человѣкъ глубокой вѣры въ Бога и въ спасающую Церковь Христову; онъ былъ проникнутъ нелицемѣрною любовью и благожелательствомъ къ людямъ. Не можетъ ли преставившійся восьмидесятилѣтній старецъ непостыдно приложить къ себѣ слова Апостола: *Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончалъ, вѣру соблюдохъ* (2 Тим. IV, 7)?

Будемъ молить Господа, чтобы незабвенному почившему наставнику нашему Господь воздалъ *вѣнецъ правды* и чистую душу его да упокоилъ въ селеніи праведныхъ.

Н. Пальмовъ.

**Общеніе имущества въ Апостольской Церкви и
этическая оцѣнка этого факта исторической цер-
ковной жизни въ его истинномъ значеніи для
всѣхъ послѣдующихъ временъ.**

(Окончаніе ¹⁾).

Каковъ взглядъ былъ первыхъ христіанъ на собствен-
ность?—Первые христіане смотрѣли на собственность по Еван-

¹⁾ См. № 27 за 1911 г.

гельски. А Евангеліе не придаетъ никакого значенія собственности, какъ таковой. Оно учитъ только о томъ, какъ христіанинъ долженъ пользоваться собственностію. Отрицательный взглядъ на собственность утверждается обыкновенно на словахъ Евангельскихъ, гдѣ изрекается горе богатымъ и пресыщеннымъ (Лук. VI, 24, 25), гдѣ указывается на трудность богатому войти въ царство небесное (Мр. X, 25), гдѣ дѣлается увѣщаніе продать имѣніе и роздать нищимъ (Лук. XVIII 22), гдѣ возвеличиваются обездоленные, бѣдные (Лук. XVI 20, 22) и т. д. Но въ этихъ и подобныхъ Евангельскихъ изреченіяхъ не отрицается собственность, и Церковь ея не отрицаетъ. Отрицать собственность—это значить: имѣющаго ее считать погибшимъ и неимѣющаго считать спасеннымъ. Если цѣнность жизни человѣка не зависитъ отъ его имѣнія, то не зависитъ она и отъ его наготы. Собственность можетъ быть благомъ, если она пріобрѣтается честно и если употребляется она во славу Божию и на пользу ближнимъ; она можетъ быть зломъ, когда пріобрѣтается неправильно и тратится на угожденіе плоти. Въ первомъ случаѣ она освящается, во второмъ—отвергается. Въ этомъ смыслѣ небрежно относящіеся къ дарованнымъ благамъ матеріальнымъ—лѣнныя рабы, купцы, виноградари—осуждаются (Мѡ. XXV, 14, 30. Лук. VIII, 13, 25. Мр. XII, 1—9).

Изъ книги Дѣяній Апостольскихъ также видно, что имѣть собственность не возбранялось. Ап. Петръ сказалъ Ананію, утаившему часть имѣнія: „чѣмъ ты владѣлъ, не твое ли было и пріобрѣтенное продажей не въ твоей ли власти находилось“? Были собственники и въ апостольской общинѣ, напр., мать ап. Марка имѣла домъ (Дѣян. XII). Такимъ образомъ собственность не могла служить препятствіемъ для тѣхъ, кто желалъ вступить въ общину и принять участіе въ общеніи имущества.

Изъ жизнеописанія св. Іоанна Златоуста извѣстно, что онъ навлекъ на себя гнѣвъ импер. Евдоксін, между прочимъ, тѣмъ, что онъ выступилъ на защиту владѣній (виноградниковъ)

нѣкоторыхъ бѣдныхъ вдовъ, когда она, опираясь на законъ, захотѣла завладѣть ими. Вообще Церковь не высказывала стремленія уничтожить права собственности. Особенно подробно говорить о собственности Климентъ Александрійскій, ученіе котораго выражаетъ голосъ всей Церкви по этому вопросу. Объясняя текстъ Евангелія: *иди, продай имѣніе и роздай нищимъ* (Мѡ. XIX, 16), онъ приводитъ много примѣровъ отреченія отъ собственности до Христа, но, въ нихъ онъ ничего хорошаго не видитъ. Онъ доказываетъ что только при свѣтѣ Христова ученія устанавливается правильный взглядъ на имущество и пріобрѣтшій имѣніе можетъ правильно распорядиться имъ. Евангельскій Закхей, напр., неправильно пріобрѣтшій имѣніе, употребилъ его разумно, почему и заслужилъ такое опредѣленіе Господа: *нынѣ пришло спасеніе дому сему*. Далѣе Климентъ Ал. говоритъ: „Богатство и собственность существуютъ и подчинены намъ нѣкоторымъ образомъ такъ, какъ матеріаль и орудія знающему доброе употребленіе ихъ. Если ты искусно пользуешься ими, изъ подъ руки твоей выходятъ художественныя вещи: если же умѣлости ими пользоваться тебѣ недостаетъ, то и вещи принимаютъ неприглядный видъ. Точно также и богатство есть орудіе... Нельзя, слѣд. на то взводить вину, что само по себѣ ни добро, ни зло, п. ч. оно невинно, а того нужно винить, кто какъ во благо, такъ и во зло эти вещи можетъ употребить. Посему, должно не столько отрѣшиться отъ богатства, сколько душу отъ страстей освободить. Повелѣвшій отказать отъ имѣнія врядъ ли повелѣваетъ отъ того отказываться, по отреченіи отъ чего страсти еще остаются“¹⁾. Итакъ, въ общинномъ строѣ частная собственность допустима.

Изъ книги „Дѣяній Апостоловъ“ не видно, чтобы въ древне-христіанскихъ общинахъ средства производства были общія, и чтобы трудъ былъ обязательно общественный. Въ „Дѣяніяхъ“ сказано: *имѣли все общее*. *ἕνα* означаетъ не только *имѣли*, но употребляется въ смыслѣ: „считать за что, думать,

¹⁾ „Кто изъ богатыхъ можетъ спастись“ гл. 3, 1.

полагать“¹⁾. Въ этомъ послѣднемъ значеніи *ἔκδοσις* и употреблено въ „Дѣяніяхъ“, т. е. каждый собственникъ не считалъ своего имущества своимъ. Слѣд., отрицанія собственности здѣсь нѣтъ. Нельзя также допустить, чтобы среди первохристіанъ былъ коммунизмъ потребления. Въ общинѣ была общая касса, которая составлялась изъ добровольныхъ жертвъ въ пользу бѣдныхъ. Принудительныхъ же взносовъ не было.

Только съ теченіемъ времени, когда любовь среди христіанъ стала охладѣвать, явилось желаніе со стороны нѣкоторыхъ отцовъ Церкви ввести ветхозавѣтные начатки плодовъ и десятины. Въ принципѣ же взносъ въ общую кассу — это актъ взаимной любви христіанъ (1 Кор. XVI, 1—5. Рим. XV, 25—27, 2. Кор. VII 1—15 IX, 1—12). По взгляду коммунистовъ, частная собственность сама въ себѣ зло; собственность и конкуренція изъ за обладанія ею, по коммунизму, является могущественною причиною ослабленія общественныхъ инстинктовъ; равно какъ неимѣніе частной собственности укрѣпляетъ эти инстинкты въ классѣ неимущихъ²⁾. Анархическій коммунизмъ требуетъ передачи орудій производства въ распоряженіе автономныхъ рабочихъ группъ или рабочихъ союзовъ; социалистическій коммунизмъ желаетъ сдѣлать орудія производства собственностію общества (государства) и такимъ образомъ при посредствѣ общества правильно организовать какъ производство, такъ и распределеніе продуктовъ труда³⁾. Что такова должна быть организація общественной жизни, Каутскій указываетъ на практику первыхъ христіанъ, у которыхъ все было общее.

Взглядъ коммунистовъ на собственность односторонній и противорѣчитъ вышеизложенному ученію Церкви Христовой.

¹⁾ М. Э. Посновъ: „Первая христіанская община и коммунизмъ Христ. чтеніе“ май 1909 г. стр. 740. Лв. Власовскій: Учено-богосл. опыты ст. К. Д. Академіи LXI курса, стр. 211.

²⁾ Каутскій. Сборникъ статей, стр. 24.

³⁾ Взгляды социалист. по изслѣдованію В. Котрейна, пер. съ нѣм.

Къ сказанному добавимъ, что если говорить о значеніи собственности, то это слѣдуетъ говорить не по отношенію къ инстинкту (это не научно), а по отношенію къ идеальному строю жизни, основой которой служатъ религія и нравственность, основы сознательнаго характера. Затѣмъ, если привязанность къ собственности можетъ доходить до необыкновенныхъ размѣровъ, до *мизантропіи*, скарденности, изолирующихъ человѣка отъ общества и дѣлающихъ его бесполезнымъ для ближнихъ, то и совершенная нестяжательность не предохраняетъ отъ *мизантропіи*. Собственность тутъ ни при чемъ. Соціалисты слишкомъ сѣзвили христіанскій взглядъ на собственность и на права собственности, хотя и ссылаются на практику перво-христіанской общины. Если и есть въ Евангеліи *мыста* касательно отреченія отъ собственности, то надо знать, что они объясняются примѣнительно къ обстоятельствамъ и лицамъ, къ которымъ относится извѣстные слова. Современникамъ Иисуса Христа, быть можетъ, и необходимо было, по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ, чтобы они продавали свои дома и все свое имущество съ тѣмъ, чтобы присоединиться къ числу вѣрующихъ, всюду слѣдовать за нимъ и благовѣствовать Евангеліе по городамъ и весямъ. Въ настоящее же время преданность Иисусу Христу нисколько не связана съ такимъ образомъ жизни и, слѣдовательно, нѣтъ нужды продавать имѣніе, чтобы быть Его послѣдователемъ. Богатому юношѣ потому сказано о продажѣ имѣнія, что Сердцевѣдецъ зналъ его крайнее пристрастіе къ богатству и что это пристрастіе дѣйствительно мѣшало юношѣ сдѣлаться Его послѣдователемъ.

Коммунисты неправы и въ томъ, что требуютъ орудія производства передать общинѣ. Это значить, — земледѣлецъ долженъ быть безъ сохи и лошади, плотникъ безъ топора, ученый безъ книги и проч. Такія требованія на практикѣ не примѣнимы.

Опытъ Толстовскихъ колоній свидѣтельствуетъ, что община разрушается отъ неправильнаго взгляда членовъ на

собственность. Отрицание собственности может внушить неуважение и къ частной собственности и общинной. При неуваженіи къ чужой собственности развивается попрошайничество и насильное отнятіе чужого, что и обнаружилось въ практикѣ Толстовскихъ колоній.

Такимъ образомъ мы не находимъ Евангельскихъ влѣдовъ на свободу, трудъ и собственность въ коммунизмѣ, не находимъ осуществленія ихъ въ организаціяхъ, возникающихъ по частной инициативѣ. Общинъ первохристіанскихъ мы не видимъ. Неужели же утратили свой истинный смыслъ эти принципы и не могутъ осуществляться въ жизни человѣческой? Нѣтъ. Прошли уже десятки вѣковъ со времени существованія первохристіанскихъ общинъ, которыя покоились на этихъ принципахъ, но эти послѣдніе не предаются забвенію. Они составляютъ предметъ напряженныхъ изслѣдованій великихъ умовъ и предметъ искреннихъ желаній осуществить ихъ на дѣлѣ. Они должны непременно выливаться въ формѣ, соотвѣтствующей и первохристіанскому образу и условіямъ настоящаго времени. Форма эта готова; она непрерывно сохраняется на землѣ отъ самихъ апостоловъ и таитъ въ себѣ великія жизненные силы. Это та же самая Іерусалимская община, только принявшая нынѣ необъятные размѣры, это Церковь и ея органы. Главнѣйшій ея органъ—приходъ, нынѣ учрежденіе безжизненное. Что касается Церкви, то люди, мало вникающіе въ сущность дѣла, считаютъ ее носительницею идеаловъ только потустороннихъ. Взглядъ совершенно неправильный. *Церковь Бога жива*. Она одна только въ человѣческомъ мірѣ возвѣщаетъ Евангельское ученіе о свободѣ, потому что она одна *столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. III, 15. Іоан. VIII, 32). Только она даетъ истинную оцѣнку и труду и собственности. Если органы ея не проявляютъ достаточной жизнедѣятельности, то въ этомъ сказывается элементъ несовершенства человѣческаго, а всякое несовершенство имѣетъ временный, преходящій характеръ. Западная половина христіанскаго міра—реформатство сознаетъ безжизнен-

ность церковныхъ органовъ и со времени Кальвина всё уси-
лія употребляетъ къ возстановленію первохристіанскаго строя,
чтобы воплотить Евангельскіе принципы въ обществѣ вѣ-
рующихъ. Но, оторванное отъ живого тѣла Церкви, реформат-
ство ограничивается тѣмъ, что жизнь свободнаго духа заклю-
чаетъ въ рамки мелочныхъ правилъ общечеловѣческихъ,
т. е. несовершенныхъ.

Что Церковь Христова не есть носительница только
потустороннихъ идеаловъ, а благословляетъ счастье и благо-
получіе человѣка на землѣ, и что помимо ея недостижимо
послѣднее,—это намъ будетъ ясно, когда обратимъ вниманіе
на одну изъ главнѣйшихъ функцій ея—благотворительность
и на высокій Евангельскій взглядъ ея на этотъ предметъ.

Благотворительность—самый важный пунктъ въ дѣятель-
ности церковныхъ общинъ. Въ общинахъ апостольскаго вре-
мени это дѣло было организовано идеально. Эта сторона жиз-
недѣятельности древнихъ общинъ свидѣтельствуетъ о высотѣ
послѣднихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служить главною мѣркою для
оцѣнки христіанскихъ общинъ и во всё послѣдующія вре-
мена до настоящаго.

Оцѣнивая по этому критерию коммунистическія теоріи,
мы находимъ, что онѣ не соотвѣтствуютъ христіанскому
идеалу общезитія; въ коммунизмѣ нѣтъ мѣста для благотво-
рительности, движимой христіанскою любовью; здѣсь только
передача бѣднымъ принадлежащаго владѣльцу имущества,
передача, вызываемая холоднымъ чувствомъ простой спра-
ведливости. Въ коммунизмѣ нѣтъ мѣста для благотворенія и
потому, что каждый членъ получаетъ изъ общей кассы все
соотвѣтственно затраченному труду, а лишние трудоспособ-
ности не входятъ въ программу коммунизма. Идея христіан-
скаго милосердія здѣсь отсутствуетъ. Нельзя обойти молча-
ніемъ по этому пункту и Неплюевского трудового Братства.
Это гуманнѣйшее учрежденіе самоотверженнаго христіанина
моралиста дѣлаетъ свое дѣло, выполняетъ намѣченныя осно-
вателемъ задачи культурнаго развитія общества. Но благо-

творительность его не простирается далѣе своего круга. Идеаль далеко не достигается. Этотъ идеаль могли осуществлять во всей цѣлости только въ общинахъ апостольскаго времени, возглавляемыхъ предстоятелями Церкви и подъ сѣнію Св. Божіихъ храмовъ, въ которыхъ соединялись для преломленія хлѣба и молитвы. Такое литургійное единеніе для проявленія милосердія сохраняется преемственно только въ тѣхъ обществахъ, которыя также возглавляются преемниками Апостоловъ и которыхъ центромъ служатъ храмы для совершенія Евхаристіи; это—общества, именуемая приходами въ ихъ первоначальномъ устройствѣ. На востокѣ живая дѣятельность общинъ, или приходовъ, со временемъ подавлена была деспотизмомъ государственной власти, но онѣ (общины) сохранили все таки до нѣкоторой степени свой прототипъ; у насъ, въ Русской Церкви, менѣе онѣ сохранился. Но стремленіе подражать духу апостольскаго времени все же сохранилось донинѣ вездѣ.

Организація благотворительности въ древнихъ общинахъ представляетъ образецъ и для нашего времени. При апостолахъ учрежденъ былъ чинъ діаконскій исключительно для завѣдыванія имуществомъ; діаконы были раздаятелями милостыни бѣднымъ; въ женской половинѣ исполняли эту обязанность вдовы и діакониссы. Діаконы были глазами и ушами епископа и въ тоже время рукою, которою онѣ дѣйствовалъ. (Ап. пост. II, 144). Имъ епископъ пользовался какъ при собраніи, такъ и при распредѣленіи средствъ. Главнѣе всего они должны были точно и подробно разузнавать положеніе бѣдняковъ. Они ходили по домамъ и доносили епископу, гдѣ находили нуждающихся. Въ общинѣ велся списокъ (матрикула) всѣмъ нуждающимся на основаніи донесенія діаконровъ. Они должны были разыскивать и такихъ, которые изъ за стыда не рѣшались сами являться и просить о помощи. Въ матрикулахъ значились вдовы, сироты, найденныши, больные, калѣки, неспособные къ труду, разорившіеся вслѣдствіе тяжелыхъ обстоятельствъ и т. д. Сознаніе единства членовъ

общины сохранялось и послѣ апостольскаго времени, когда число вѣрующихъ значительно умножилось, и когда внѣшній порядокъ общенія уже измѣнился. Общины умножались, а вмѣстѣ увеличивалось число храмовъ, но всѣ общины цѣлаго города или мѣстности считались, какъ одна община, или Церковь во главѣ съ епископомъ (парикін). Отдѣльнаго завѣдыванія собственности въ каждой общинѣ не существовало, п. ч. всѣ средства Церкви и всѣ приношенія ея членовъ собирались въ одну общую сокровищницу, подъ вѣдѣніемъ епископа. Въ малыхъ общинахъ совершали богослуженіе пресвитеры, они завѣдывали и имуществами подъ управленіемъ епископа. Съ централизаціей церковной власти имущественныя права общинъ ограничивались, все поступало подъ власть епископа.

Съ измѣненіемъ общиннаго строя апостольскаго времени общеніе имуществъ не прекратилось, хотя и приняло другую форму, форму благотворенія частнаго и общественнаго. Путемъ благотвореній и сохраняются традиціи апостольскихъ общинъ въ Церкви Христовой; въ этомъ вся сила церковныхъ организацій сравнительно со всѣми другими, возникающими по частной инициативѣ. Единеніе духа вѣрующихъ и отсутствіе нуждающихся — вотъ двѣ задачи; существующія отъ времени апостольскихъ эти задачи должны выполняться въ Церкви апостольской до настоящаго времени. Выполнялись ли эти задачи въ первые вѣка христіанства и выполнены ли онѣ нынѣ?—Что было единеніе духа вѣрующихъ, даже при разномысліяхъ, это фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Что же касается нуждающихся, то ихъ было очень много тогда. Всѣ великіе проповѣдники IV в. рисуютъ намъ картины страшной бѣдности, необыкновенной нищеты, указываютъ на толпы нищихъ, наполнявшихъ городскія улицы. Отношеніе имущихъ къ неимущимъ, по статистикѣ того времени, были какъ 1 къ 6½. Какъ согласить это явленіе съ представленіемъ о широкомъ, самоотверженномъ проявленіи любви христіанской первыхъ вѣковъ? Неужели такъ охладѣла любовь

послѣ апостоловъ, что бѣдные остались безъ помощи? Тогда древнія общины утрачиваютъ свое значеніе для послѣдующихъ временъ.

Дѣйствительно среди вѣрующихъ стало замѣчаться холодность и даже безсердечіе богатыхъ къ бѣднымъ. Но это явленіе не отъ христіанства. Это наслѣдіе язычества. Языкохристіане не могли вдругъ, по принятіи христіанства, отрѣшиться отъ языческой морали, основанной на эгоизмѣ, и вполнѣ проникнуться христіанскимъ милосердіемъ.

Кромѣ того были христіане неискренніе. Равнымъ образомъ и нищенство перешло въ Церковь Христову отъ умирающаго римскаго міра. Чѣмъ больше распространяла свои предѣлы Церковь, тѣмъ болѣе оказывалось въ лонѣ ея обездоленныхъ. Исторія намъ говоритъ, что на зарѣ христіанства Римская имперія умирала въ страшной агоніи. Жизнь большей половины древняго міра преисполнена была такой нищеты, какой не знаетъ современный пролетаріатъ, согрѣваемый лучами христіанской культуры. То было время деспотическаго правленія Римскихъ императоровъ съ арміею чиновниковъ. Имперія дѣлилась на высшіе и низшіе классы. На сторонѣ первыхъ были деспотизмъ и роскошь, на сторонѣ вторыхъ раболѣпство и нищета. Въ Римѣ на ряду съ великолѣпной обстановкой жизни императоровъ и высшихъ классовъ, толпы обнищавшихъ и забытыхъ римскихъ гражданъ не имѣли буквально насущнаго куска хлѣба; при этомъ были тысячи рабовъ безъ всякихъ человѣческихъ правъ. Положеніе ихъ ухудшалось отъ постоянныхъ войнъ. За неимѣніемъ возможности платить непосильные налоги, граждане бросали дома и усадьбы и бродяжничали по городамъ подъ видомъ нищихъ. Такая массовая бѣдность не могла быть удовлетворена обычнымъ общеніемъ имуществъ; явилась необходимость въ разныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ. Они и создались въ первые вѣка подъ покровомъ Церкви въ видѣ госпиталей и монастырей. Съ востока благотворительныя учрежденія распространились на Западѣ, такъ: ксенодохіи (дома для чу-

жестранцевъ), носокоміи (дома для больныхъ), хиротрофіи (дома для вдовъ), орфанотрофіи (дома для сиротъ), врефотрофіи (дома для воспитанія маленькихъ дѣтей—сиротъ или найденышей), геронтокоміи (дома для престарѣлыхъ) и т. д. Эти учрежденія не составляли что либо внѣшнее для Церкви, существующія только при Церкви съ отдѣльнымъ уставомъ, администраціею, съ отдѣльными средствами къ существованію, каковы: Братства, попечительства; они были дѣломъ, исходящимъ изъ внутреннихъ основъ Церкви, тѣсно связанныя съ нею; были дѣломъ, руководимымъ клириками и содержимыми на средства общинъ. На Западѣ всѣ функціи благотворительныхъ учрежденій перешли постепенно къ монашескимъ орденамъ. Церковь утратила здѣсь значеніе древне-христіанскихъ общинъ.

Русская Церковь близко знакома съ общиннымъ строемъ. По типу апостольской общины въ началѣ существованія Русской Церкви былъ приходъ, какъ юридическое учрежденіе. Приходъ, правда, не созданъ вновь по образцу древнихъ общинъ на востокѣ. Корни его находятся въ языческой эпохѣ. У Балтійскихъ славянъ, какъ говорятъ наши лѣтописи, были храмы, около которыхъ сосредоточивалась не только религіозная жизнь, но и общественное управленіе и общественная благотворительность. Христіанство не уничтожило этого института, а только одухотворило. То, что намъ извѣстно о древнихъ общинахъ, то самое можно сказать и о приходѣ въ первыя времена христіанства въ Россіи. Какъ только наши предки приняли христіанство, начали строить храмы и организовать приходы при храмахъ. Храмы обеспечивали землями или другими средствами. Около храма устраивалось кладбище. Избраніе членовъ причта было обязанностію для прихода. Благотворительность при храмахъ считалась за необходимое правило. Близъ храма строились дома для нищихъ, калѣкъ, безпріютныхъ, вдовъ и сиротъ; строились также богадѣльни для больныхъ, воспитательные дома для подкидышей. На содержаніе всѣхъ призрѣваемыхъ пищею сносился

въ церковные дома зерновой хлѣбъ. Отсюда дѣлались ссуды на льготныхъ условіяхъ. Свои средства приходъ употреблялъ и на элементарныя школы. Такимъ образомъ приходъ выполнялъ функціи благотворительныя, просвѣтительныя, нравственно-воспитательныя и административныя. Около храма сосредоточивался центръ всей общественной жизни. Практиковались и „Братчины“, которыя носили названія по храму, — это братскія собранія чисто нравственного характера; здѣсь совершался судъ скорый, безъ канцелярскихъ формальностей. Въ XVI в. приходъ началъ падать вслѣдствіе усиленія централизація власти. Введеніе крѣпостнаго права нанесло рѣшительный ударъ самоуправленію. Въ XVIII в. церковная жизнь сложилась по Регламенту. Въ 1797 г. положенъ былъ предѣлъ выборному духовенству. Секуляризаціей церковныхъ имуществъ былъ нанесенъ послѣдній ударъ самоуправленію, такъ какъ земли были главнымъ источникомъ благотворенія и просвѣщенія. „Наказъ“ 1830 г. предписывалъ полиціи закрывать „приходскія Братства“, хранившія въ себѣ нѣкоторыя искры общественной жизни. Между пастыремъ и народомъ установилось чисто виѣшнее единство. Приходъ пересталъ быть юридическимъ лицомъ. вмѣстѣ съ этимъ храмъ пересталъ быть центромъ, средоточіемъ жизни христіанской въ полномъ смыслѣ слова. Община христіанская потеряла жизненную силу, приходы разстроились. Для попеченія о бѣдныхъ съ конца XVIII в. появились благотворительныя учрежденія, а въ XIX в. они получили большое распространеніе ¹⁾).

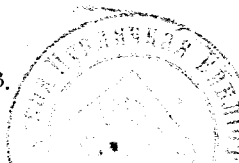
Изъ сказаннаго о Русской Церкви видно, что примѣръ апостольскихъ общинъ относительно единенія духовнаго и благотворенія немущимъ осуществлялся здѣсь такъ же, какъ и на Востокѣ. Единство церковное здѣсь сохранилось и сохраняется при всѣхъ разномысліяхъ. Что же касается немущихъ, то здѣсь ихъ было всегда великое множество, особенно съ упадкомъ приходской жизни, какъ увидимъ ниже.

¹⁾ Лекціи по Русской Церк. исторіи проф. прот. Ѳ. И. Титова.

Въ официальныхъ отчетахъ о благотворительности по вѣдомствамъ учреждений Императрицы Маріи и Министерства Финансовъ есть замѣчаніе, что русское общество очень отзывчиво на голосъ вопиющей нужды¹⁾. Это замѣчаніе свидѣтельствуетъ о томъ, что русское православное общество представляетъ благопріятную почву для поддержанія общенія имуществъ въ духѣ апостольскаго времени. Русскій народъ, какъ показываютъ и пастырскія наблюденія, всегда отличался отзывчивостію и полною готовностію дѣлиться съ нуждающимся, особенно если актъ милосердія приурочивается къ празднику или посту. Идея общенія имуществъ заложена въ душѣ каждаго человѣка, но особенно русскаго, отличающагося сердечностію. Исслѣдователи народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ отмѣчаютъ этотъ отрадный фактъ даже среди угнетаемыхъ вопиющей нуждою, даже среди каторжниковъ, у которыхъ нищія находятъ радостный пріютъ подъ нарами. Порывы милосердія проявляются и въ средѣ достаточныхъ классовъ; только они отличаются въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ неодинаковою степенью плановѣрности и систематичности. Съ благотворительною цѣлью и открываются по частной и общественной инициативѣ разныя учрежденія и общества. Эта черта характера русскаго народа даетъ основаніе думать, что возстановленіе общенія имуществъ въ духѣ апостольскаго времени—не утопія; это дѣло требуетъ только благопріятныхъ условій.

Но благотворительное дѣло имѣетъ и свою оборотную сторону. Не смотря на сердечность русскаго народа, не смотря на множество благотворительныхъ учреждений, открываемыхъ по городамъ и даже селамъ, бѣдность не уменьшается, а какъ будто увеличивается. Вся сумма бѣдности не ограничивается тѣмъ, что видимъ по всѣмъ улицамъ; сюда надо включить такую же сумму бѣдности, въ лицѣ больныхъ, немощныхъ,

1) „Правосл.-богословская энциклопедія“ стр. 673.

калькъ и пр., которая не может показаться на свѣтъ Божій, которая ютится въ самыхъ незамѣтныхъ уголкахъ, въ сырыхъ и темныхъ подвалахъ и пр., до которой никому нѣтъ дѣла и которая никѣмъ не призрѣвается. Это явленіе печальное и ненормальное для нашего времени, когда христіанство проникло во всѣ сферы жизни человѣческой, когда христіанская цивилизація свое благотворное вліяніе распространила и на языческія страны. Многіе бѣдные остаются безъ призрѣнія по недостатку освѣдомленности о нихъ и недостатку планомѣрности въ благотвореніяхъ, чего не было въ апостольскихъ общинахъ.

Есть еще болѣе печальная сторона благотворительнаго дѣла,—это размноженіе профессиональнаго нищенства, которое также питается отъ благотвореній. Оно имѣетъ свои корни въ давнихъ временахъ нашей исторіи, когда русскіе князья и богатые горожане устраивали общія трапезы для убогихъ по случаю разныхъ семейныхъ торжествъ. Общія трапезы благотворителей пріучили многихъ къ тунеядству и праздности. Въ свое время администрація принимала репрессивныя мѣры къ уничтоженію нищенства, но привычка къ тунеядству и праздности сильно укоренилась и проявляется до настоящаго времени. Профессиональное нищенство эксплуатируетъ благочестивое чувство частныхъ жертвователей и назойливо требуетъ копейки по всѣмъ улицамъ, возбуждая неудовольствіе прохожихъ. Существованіе такого рода нищенства свидѣтельствуетъ объ утратѣ среди меньшихъ братій христіанскихъ принциповъ, регулирующихъ человѣческія отношенія, о чемъ раньше была рѣчь (свобода, трудъ, собственность). Нищенство по большимъ городамъ составляетъ организованное общество изъ нищихъ—домовладѣльцевъ, землевладѣльцевъ; въ столицы отправляются цѣлые вагоны крестьянскихъ дѣтей въ возрастѣ отъ 12 до 14 лѣтъ. Это нищенство функціонируетъ по опредѣленнымъ районамъ и въ опредѣленное время и выполняетъ опредѣленные для каждаго роли („Кіевлянинъ“ 14 февр., 13 дек. 1910 г.). Такое ни-

нищенство служить проводникомъ неуваженія къ чужой собственности, хищеній и другихъ пороковъ, что не имѣло мѣста въ древне-христіанскихъ общинахъ. Здѣсь благочестіе и сердечность русскаго человѣка подвергаются большому искушенію. Онъ благотворитъ тѣмъ, которые того не достойны и которымъ благотворенія приносятъ только вредъ. Такіе нищіе въ древне-христіанскихъ общинахъ не могли рассчитывать на церковную благотворительность, ибо таковыхъ діаконъ и діакониссы не вносили въ матрикулы, на таковыхъ общеніе имущество не простиралось. Церковь строго слѣдила за нищими, и св. отцы безразлично относились ко всякаго рода бѣднымъ. Всѣ бѣдняки, по взгляду св. Іоанна Златоуста, должны быть предметомъ нашихъ заботъ, но не ко всѣмъ одинаково должна простираться матеріальная благотворительность: нѣкоторые бѣдняки не заслуживаютъ матеріальной помощи, требуютъ нравственнаго возбужденія къ дѣятельности. „Мы не кормимъ людей, говоритъ онъ, живущихъ въ праздности и потому необходимо страдающихъ отъ голода, но убѣждаемъ ихъ трудами доставлять и себѣ, и другимъ содержаніе; тѣмъ, которые увѣчны тѣломъ, мы позволяемъ пользоваться только необходимою пищею отъ людей достаточныхъ“. (Бесѣда о св. Вавилѣ стр. 386, 387). А св. Василій Великій учитъ: „Долгъ благотворительности быть ясновидящею и не поддаваться обману. Кто даетъ несчастному и слабому, тотъ даетъ Богу; но кто даетъ бродягамъ и распутницамъ, бросаетъ подаваніе псамъ“¹⁾). Профессиональное нищенство—гноійный наростъ на христіанскомъ обществѣ, необходимо его извѣять, что и служить нынѣ предметомъ большихъ заботъ лучшихъ людей.

Нѣкто П. А. Жмуркинъ (въ Москвѣ) представилъ въ бывшій „Всероссійскій Съѣздъ для борьбы съ нищенствомъ“ докладную записку, въ которой заключается проектъ борьбы

¹⁾ В. Паша: „Св. б. Златоустъ и нравы его времени“, стр. 80.

съ нищенствомъ. Проектъ утопическій, но въ немъ высказана одна разумная мысль. „Въ Москвѣ, говорить онъ въ запискѣ, 8000 нищихъ, которые собираютъ приблизительно 1 р. въ день каждый, а всѣ нищія—8 т. рублей или около 3 милліоновъ руб. въ годъ. Уличная копейка, обращенная нищимъ къ концу дня въ рубль, представляетъ собою достаточное средство для достиженія тѣхъ радостей жизни, которыхъ ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ въ виду уличные благотворители“. То же можно сказать и о Кіевѣ. Здѣсь насчитывается 5000 нищихъ, собирающихъ также приблизительно по 1 р. въ день каждый, а всѣ 5 т. р. въ день (изъ этой суммы 50% идетъ нищимъ антрепренеру по правиламъ нищенской организаціи). Эта сумма совершенно достаточна, при имѣющихся благотворительныхъ учрежденіяхъ, чтобы поставить дѣло благотворительное на христіанскихъ началахъ. Необходима правильная организація его.

Въ статистическихъ отчетахъ упомянутыхъ двухъ вѣдомствъ благотворительная дѣятельность церковныхъ попечительствъ названа „слабою“ („Правосл. богосл. энциклопедія“, стр. 673). Замѣчаніе прискорбное. Попечительства не оправдали своихъ надеждъ, и это потому, что они ничего общаго не имѣютъ съ древне-церковными общинами. Возникновеніе церковныхъ попечительствъ—искусственное. Когда церковно-общинная жизнь замерла, 200 лѣтъ тому назадъ, люди, близко принимавшіе къ сердцу интересы Церкви, возбуждали вопросъ о возрожденіи церковной жизни въ духѣ апостольскаго времени. И вотъ, съ этою цѣлью учреждены въ 1864 г. „Приходскія Попечительства при Православныхъ Церквахъ“, съ подробнымъ уставомъ и съ точною регламентаціею правъ и обязанностей ихъ. Главная задача ихъ—отысканіе средствъ къ содержанію приходской Церкви, духовенства, школъ, церковныхъ домовъ и, наконецъ, оказаніе бѣднымъ необходимаго пособія. Попечительства, какъ оказалось, не оживили ц.-приходской дѣятельности и не замѣнили собою церковныхъ общинъ, такъ какъ коллегіальность

не то же, что соборность. Попечительства не содѣйствовали единенію вѣрующихъ, какъ это было въ общинахъ; напротивъ, они разъединяють, дѣлятъ прихожанъ на двѣ половины: одна—избранные, которые по своему положенію и состоянію попали въ число членовъ (§§ 2, 9 уст.), и неизбранные—остальные прихожане, не-члены. Первые живые и дѣятельные члены прихода, и ихъ нѣсколько душъ, а вторые—мертвые, недѣятельные, и ихъ значительное большинство. Первые должны изыскивать средства и раздавать, а вторые получаютъ или безразлично относятся къ существованію Попечительства. При отсутствіи единенія духа вѣрующихъ не можетъ быть и общенія имуществъ. Самыя лучшія по составу своихъ членовъ Попечительства не могутъ выполнить функций церковныхъ общинъ; всякое доброе дѣло выполняется ими съ большимъ напряженіемъ силъ моральныхъ и матеріальныхъ, и священная забота о неимущихъ дѣлается игомъ тяжкимъ и непріятнымъ для членовъ попечительствъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о Братствахъ. Есть по городамъ такъ называемыя Участковыя Попечительства благотворительныхъ обществъ. Здѣсь благотворительная организція несравненно лучшая, чѣмъ въ церковныхъ попечительствахъ. Замѣчательно то, что они приурочиваются къ православнымъ приходамъ съ наименованіемъ приходскихъ Церквей, хотя предсѣдатели и члены бывають неправославные, приходскій же священникъ—непремѣнный членъ и весьма желательный. Это косвенное указаніе на то, что самая лучшая организція общественной жизни—приходъ, гдѣ центръ—Церковь, предсѣдатель—предстоятель Церкви.

Въ упомянутыхъ благотворительныхъ отчетахъ въ Россіи не упоминается вовсе о благотвореніяхъ Церквей. Это умолчаніе еще болѣе печальный фактъ, чѣмъ замѣчаніе о слабой благотворительности Церковныхъ Попечительствъ. Ни одно изъ учреждений въ мірѣ столько не благотворитъ, какъ Церковь Православная. Благотворительность Церкви не ограничивается опредѣленнымъ мѣстомъ, она распространяется

на весь міръ; лишь только въ какомъ-либо мѣстѣ случится несчастіе, появится нужда, — обносится церковная кружка среди молящихся, и никто не отказывается въ посылной лептѣ; путемъ благотвореній и опредѣленныхъ денежныхъ взносовъ Церковь, кромѣ матеріальной помощи, служитъ цѣлямъ просвѣтительнымъ и миссіонерскимъ. На все это изъ своихъ доходовъ она тратитъ до 90%. Церковь Православная выполняетъ завѣтъ апостольскій: *Будемъ охоты добро вѣсти*, и она вѣстѣмъ благотворитъ. Но здѣсь же апостолъ добавляетъ: *на и паче же своимъ по вѣрѣ* (Гал. VI, 10). Церковь отсылаетъ всѣ свои средства на сторону, а своимъ остается очень мало. Въ этомъ заключается причина замалчиванія и въ официальныхъ отчетахъ, и въ обществѣ христіанскомъ о благотворительности Церкви. Попечительность Церкви испытываютъ *внѣшніе*, а свои немущіе, которые ютятся по нашимъ приходамъ, не находятъ помощи.

Въ высшихъ административныхъ сферахъ проектируется учрежденіе Всероссійскаго Союза благотворительныхъ заведеній. Цѣль союза объединить разрозненное у насъ дѣло благотворительности и поставитъ его на практическую почву. Въ такой постановкѣ дѣла нѣтъ ничего новаго. Въ этомъ проектѣ кроется христіанское стремленіе возвратиться къ той практикѣ, которая была въ вѣкѣ апостольскій между общинами. Но если это дѣло будетъ совершаться помимо Церкви, то дѣятельность союза произведетъ много шума устройствомъ лекцій по благотворительности, школъ для подготовки дѣятелей въ этой области, курсовъ для лицъ, желающихъ посвятить свои силы ближнему, организаціей участковыхъ попечительствъ и пр. На все это потребуется очень много средствъ, а для немущихъ пользы будетъ мало.

На бывшемъ недавно благотворительномъ Съѣздѣ въ Петербургѣ вопросъ о благотворительности рѣшенъ проще и рациональнѣе. Свою резолюцію онъ формулировалъ такъ: „Первый всероссійскій Съѣздъ дѣятелей по общественному и частному призрѣнію бѣдныхъ признаетъ, что для правиль-

ной, цѣлесообразной организаціи церковно-приходской благотворительности необходимо скорѣйшее возрожденіе православнаго прихода съ правомъ юридическаго лица, первичнаго, основнаго ядра нашей Церкви, съ широкимъ участіемъ въ немъ мірянъ“. Этими словами свѣтское общество, въ лицѣ Съѣзда, сдѣлало, во-первыхъ, этическую оцѣнку факту церковнаго общенія имуществъ въ его истинномъ значеніи для нашего времени; во-вторыхъ, признало себя бессильнымъ выполнить тѣ функціи, которыя по завѣту апостоловъ принадлежатъ Христовой Церкви.

Есть надежда, что желаніе Съѣзда исполнится, когда настанетъ благопріятное къ тому время. А до той поры духовное и свѣтское общество должно выполнить по возможности одно очень важное условіе. Оно должно поднять средній уровень духовнаго просвѣщенія, чтобы не было той пропасти, которая раздѣляетъ интеллигентныхъ членовъ отъ крайне невѣжественныхъ, богатыхъ отъ бѣдныхъ. Только при достаточно-высокомъ уровнѣ духовнаго просвѣщенія всѣхъ классовъ возможно вводить общинную организацію творческой дѣятельности самой общины, т. е. прихода, для пользы неимущихъ. Наши приходы тогда будутъ напоминать общины апостольскаго времени, когда у членовъ его будетъ одно сердце и одна душа, а это достигается не иначе, какъ только духовно-нравственнымъ развитіемъ; тогда не будетъ имѣть смысла и классовая борьба, которую такъ настойчиво проповѣдуютъ коммунисты. Приходы въ Русской Церкви тогда будутъ соответствовать общинамъ апостольскаго времени, когда они будутъ въ постоянномъ общеніи между собою и будутъ имѣть подробныя свѣдѣнія о всѣхъ нуждающихся въ лонѣ Церкви, и христіанское милосердіе будетъ находить тѣ незамѣтные уголки, гдѣ ютится истинная бѣдность, и призреть ее¹⁾. Наши приходы тогда будутъ древне христіан-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи Франція представляетъ примѣръ, достойный подражанія. Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія здѣсь образовалось об-

скими общинами. когда пастыри церкви будутъ на высотѣ своего служенія и своимъ авторитетомъ, подобно апостоламъ, будутъ объединять всѣхъ вѣрующихъ подъ сѣнію св. храмовъ, будутъ регулировать взаимныя отношенія ихъ по принципамъ христіанскаго общежитія и устранять разногласія, нестроенія на почвѣ національной, экономической, имѣя подъ руками ближайшихъ помощниковъ—діаконовъ и діакоنیссъ.

Дѣло общенія имуществъ въ Церкви Христовой не прекратило своего существованія, традиціи отъ апостоловъ сохраняются въ сознаніи христіанъ и не утратили своего обаянія на вѣрующихъ до настоящаго времени; только это дѣло получило нежелательное направленіе. Ожидаемая реформа внѣшняго несовершеннаго строя церковной жизни откроетъ возможность возстановить апостольскій порядокъ соотвѣтственно условіямъ и потребностямъ нашего времени; тогда настанетъ новая эра въ дѣятельности православныхъ приходоу; и это дѣло—оживленіе прихода въ нынѣшніе дни всякихъ испытаній окажетъ великую услугу Церкви Божіей въ смыслѣ единенія чадъ ея и удовлетворенія всѣхъ нуждающихся меньшихъ братій нашихъ.

Протоіерей *Димитрій Говорогъ.*

щество подъ названіемъ: „Office central des Oeuvres charitables“, которое задалось цѣлью составить сборникъ—указатель всѣхъ благотворительныхъ учрежденій Франціи. Результатомъ трудовъ этого общества получилось двѣ объемистыя книги, которыя могутъ служить руководствомъ какъ для бѣдняковъ, получающихъ указанія, гдѣ какого рода помощь можетъ быть оказана, такъ и для благотворителя. Послѣдній изъ этихъ книгъ черпаетъ точныя свѣдѣнія о наличности средствъ помощи, о мѣсто-нахожденіи благотворительныхъ предпріятій и гдѣ его помощь можетъ быть особенно цѣнна. Въ Россіи пока имѣется, сколько намъ извѣстно, только одна объемистая книга по благотворительности; это именно о церковной благотворительности въ г. Петербургѣ, гдѣ это дѣло поставлено очень хорошо.

Почему я долженъ быть христіаниномъ.

ТРЕТЬЯ ИСТИНА.

Есть религія, угодная Богу, и мнѣ необходимая.

(Окончаніе ¹⁾).

Великія истины, которыя я только что призналъ: бытіе Бога, бытіе души, бытіе загробной жизни—приводятъ меня къ вопросу, имѣющему тоже существенное значеніе: есть-ли религія, которую я долженъ былъ-бы исповѣдывать.

Этотъ вопросъ можно разчлениить на два слѣдующіе: требуетъ-ли Богъ, чтобы я Его почиталъ какой-либо формой религіи? Требуется-ли Онъ, чтобы я Его почиталъ особой и исключительной формой религіи?

Повидимому, не подлежитъ сомнѣнію, что Богъ желаетъ, чтобы Его почитали извѣстной религіей.

И дѣйствительно, Богъ, создавшій человѣка и сдѣлавшій изъ него самое совершенное твореніе здѣсь на землѣ, далъ ему разумъ для познанія, сердце для любви и волю для рѣшенія и для дѣйствій.

Всѣ эти способности могутъ быть примѣнены къ Богу. Такъ, при посредствѣ своего разума, человѣкъ можетъ познать Создателя, воздать хвалу Его могуществу и преклониться передъ Его безконечнымъ величіемъ. При посредствѣ своего сердца онъ расположенъ любить Бога, восхищаться Его совершенствомъ и благоговѣть передъ Его славой. При посредствѣ своей воли, наконецъ, онъ можетъ Ему служить, повиноваться Его приказаніямъ и сообразоваться съ Его желаніями.

При всемъ томъ человѣкъ остается свободнымъ. Онъ можетъ воздавать почести Богу, но можетъ и не дѣлать

¹⁾ См. № 32 за 1911 г.

этого; онъ можетъ направить къ Нему свою любовь, но можетъ ее и отратить отъ Него; онъ можетъ подчиниться Его приказаніямъ, но можетъ и возмущаться противъ нихъ.

Невозможно, однако, чтобы и то, и другое поведеніе были одинаково пріятны Богу. Невозможно, чтобы Богу было безразлично, какое употребленіе въ отношеніи къ Нему человѣкъ дѣлаетъ изъ своихъ способностей. Давши человѣку возможность почитать и любить Себя и свободно Себѣ служить, Богъ, безъ сомнѣнія, желалъ, чтобы человѣкъ дѣйствительно любилъ и почиталъ Его и Ему служилъ.

Другими словами, Богъ долженъ желать, чтобы у человека была религія.

Но что-же такое, въ сущности говоря, религія? Религія есть ни что иное, какъ то настроеніе, при посредствѣ котораго человѣкъ приноситъ въ даръ Богу свой разумъ, преклоняясь передъ Нимъ, какъ передъ Существомъ безконечно совершеннымъ, свое сердце, любя Его, какъ воплощеніе блага и любви, и свою свободную дѣятельность, служа ему какъ Господину, безконечно достойному повиновенія.

Эта религія носитъ названіе религіи внутренней, личной; она заключается въ глубинѣ сердца единичнаго человѣка.

Но человѣкъ, кромѣ разума и сердца, имѣетъ еще и тѣло. Онъ не можетъ жить одинъ; онъ предназначенъ для жизни въ обществѣ.

Значить, необходимо, чтобы его отношеніе къ Богу, его религія, заключенная въ глубинѣ его души, проявлялась также, и внѣшнимъ образомъ. Необходимо также, чтобы она выражалась публично, въ обществѣ, членомъ котораго онъ состоитъ наравнѣ съ другими людьми, подобно тому, какъ она выражается въ его частныхъ отношеніяхъ съ Богомъ.

Другими словами, для полнаго и достойнаго почитанія Бога, необходима религія внѣшняя, общественная.

Изучивши исторію и бросивши взглядъ на всѣ міровые народы, я вижу, что всегда существовали, существуютъ и въ настоящее время разнообразныя формы религіи.

Неужели всѣ эти религіи одинаково хороши? Или-же Богъ одобряетъ, а слѣдовательно, признаетъ истинной, только одну изъ нихъ?

Нѣкоторые люди говорятъ: всѣ религіи равны.

Утверждать, будто всѣ религіи, сами по себѣ, равноцѣнны и будто для Бога безразлично, какую религію человѣкъ исповѣдуетъ—это бессмыслица и богохульство.

Въ самомъ дѣлѣ, религіи различаются не только по формѣ: онѣ взаимно противорѣчатъ одна другой въ своихъ догматическихъ ученіяхъ и въ своихъ нравственныхъ истинахъ.

Всѣ эти противоположныя религіи не могутъ одновременно заключать въ себѣ истину. Не возможно, чтобы всѣ онѣ были угодны Богу, языческія и мусульманская религіи наравнѣ съ религіей христіанской, культъ грубый и безнравственный наравнѣ съ культомъ благороднымъ и возвышеннымъ.

Говорить, что всѣ религіи равноцѣнны въ глазахъ Бога, это значитъ утверждать, будто Богъ одобряетъ одновременно истину и заблужденіе. Подобное предположеніе оскорбляетъ достоинство Бога.

Я убѣжденъ въ томъ, что между всѣми существующими религіями есть только одна, одобряемая и желаемая Богомъ, въ противоположность всѣмъ прочимъ, и что эту именно религію человѣкъ, по мѣрѣ возможности, долженъ познать и принять.

Я, слѣдовательно, не обладаю свободой служить Богу, какъ мнѣ угодно и въ какой угодно религіи; выборъ не предоставленъ моему капризу. Я долженъ Ему служить въ единой истинной религіи,—въ той, какая ему угодна для служенія и почитанія Его.

ЧЕТВЕРТАЯ ИСТИНА.

Истинная религія есть религія христіанская.

Между всѣми религіями больше всего привлекаеть мои взоры и заслуживаетъ наибольшаго вниманія, безусловно, христіанская религія, или религія Христа.

Эта религія оставила такой глубокой слѣдъ въ исторіи, что всѣ цивилизованные народы ведутъ свое лѣтосчисленіе отъ рожденія ея Основателя. Мы имѣемъ теперь 1911 годъ потому, что въ Іудеѣ родился Иисусъ Христосъ 1911 лѣтъ тому назадъ.

Вліяніе этой религіи на современный міръ ни съ чѣмъ не сравнимо. Безспорно, что свою основу наше общество получило отъ христіанства. Всѣмъ лучшимъ въ идеяхъ и нравахъ, всѣмъ, что составляетъ его истинное превосходство надъ древнимъ языческимъ обществомъ, всѣмъ этимъ оно обязано христіанскому духу. Въ странахъ, оставшихся внѣ вліянія христіанства, царить и до сихъ поръ варварство, или по крайней мѣрѣ эгоизмъ и безнравственность. Страны, оставшіяся чуждыми христіанству, цивилизуются, улучшаются, растутъ въ смыслѣ нравственномъ и социальномъ по мѣрѣ того, какъ христіанскія идеи тѣмъ или инымъ способомъ проникають въ нихъ. Напротивъ, христіанскіе народы приходятъ въ упадокъ и вырождаются по мѣрѣ того, какъ христіанство утрачиваетъ на нихъ вліяніе.

И въ самомъ дѣлѣ, никакая другая религія не предложила вѣрующимъ догматовъ, болѣе способныхъ возвысить человѣка; ни одна не предложила болѣе совершенныхъ нравственныхъ истинъ.

Ни одна не дала болѣе вѣрнаго ученія о Богѣ, ни одна не внушила отношенія къ Нему людей, наиболѣе Его достойнаго и наиболѣе соответствующаго, въ то-же время, потребностямъ нашего разума и нашего сердца.

Евангеліе было предметомъ восхищенія въ прошлые вѣка. Еще и въ настоящее время оно внушаетъ уваженіе самымъ гордымъ ученымъ и служитъ одновременно книгой жизни для всѣхъ самыхъ благородныхъ, самыхъ религіозныхъ и самыхъ святыхъ людей.

Что касается его нравственнаго ученія, то для оцѣнки его достаточно констатировать тѣ чудеса милосердія, святости и чистоты, которыя она внушала въ продолженіе двенадцати вѣковъ, и которыя она внушаетъ еще и въ наши дни.

Нѣтъ человѣка, который-бы могъ сомнѣваться въ несравненномъ превосходствѣ христіанской религіи надъ всѣми существующими религіями. Ни одна не соответствуетъ больше, чѣмъ она, истинному благу людей. Ни одна больше ея не прославила Господа Бога.

Отсюда вытекаетъ слѣдующій выводъ.

Если это правда, — въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія, — что существуетъ истинная религія, положительно одобряемая и исключительно желаемая Богомъ, то эта религія есть именно религія христіанская, ибо она неизмѣримо превосходитъ всѣ прочія религіи и болѣе всѣхъ соответствуетъ человѣческой природѣ и достоинству Бога.

Если я, далѣе, отъ величія и несравненной красоты христіанской религіи, обращусь къ исторіи ея возникновенія, къ званію и достоинствамъ ея Основателя, то я долженъ буду признать, что она несомнѣнно происходитъ отъ Бога.

И въ самомъ дѣлѣ, Иисусъ Христосъ, ея Основатель, объявилъ Себя пришедшимъ отъ Бога для поученія и для спасенія людей. Онъ выдалъ Себя за Посланника Божія, болѣе того, за Сына Божія, и во имя Отца Своего небеснаго сталъ учить насъ нашимъ обязанностямъ и излагать намъ Свою религію, на правахъ нашего Господа и Спасителя.

Я не могу сомнѣваться въ правдивости Его словъ. Каждая страница Евангелія, всѣ рѣчи и все поведеніе Иисуса Христа дышатъ прямою и честностью: это ясно для каж-

лаго. Я убѣжденъ въ томъ, что, имѣвая Себя Сыномъ Божиимъ. Онъ не хотѣлъ никого обманывать, и былъ вполне искреннимъ.

А развѣ Онъ отказался отъ своихъ истинъ, когда дѣло дошло до суда? Нѣтъ, именно за то, что Онъ назвалъ Себя Сыномъ Божиимъ, за то, что Онъ объявилъ о Своемъ будущемъ пришествіи на облакахъ небесныхъ для суда надъ живыми и мертвыми, именно за это Онъ былъ присужденъ къ крестной смерти и перенесъ самыя ужасныя мученія. Нельзя сомнѣваться въ искренности, позвержденной такимъ героизмомъ.

Но, можетъ быть, можно предположить, что Иисусъ Христосъ ошибался, вѣруя Самъ вполне искренно въ то, что Онъ—Посланникъ и Сынъ Божій?

Но вѣдь это было-бы съ Его стороны—да простить Господь—величайшимъ безуміемъ. Какое въ самомъ дѣлѣ, неразуміе—со стороны бѣднаго сына плотника вообразить себя Посланникомъ и Сыномъ Божиимъ, Спасителемъ и Судьею міра!

Но кто-же осмѣлится хоть на минуту счесть Иисуса Христа безумцемъ? Онъ, всѣ слова Котораго суть слова мудрости, все поведеніе Котораго доказываетъ ясный и глубокій умъ, Онъ, ученіе Котораго служило, изъ вѣка въ вѣкъ, предметомъ восхищенія для мыслителей и мудрецовъ!

Нѣтъ! Иисусъ Христосъ не обманывалъ другихъ и Самъ не обманывался. Онъ объявилъ Себя Сыномъ Божиимъ, ибо Онъ былъ Имъ въ дѣйствительности.

Кромѣ того, развѣ правдивость Его миссіи не подтверждается многочисленными доказательствами?

Иисусъ Христосъ доказалъ прежде всего Своими чудесами то, что Онъ былъ дѣйствительно Сынъ Божій, посланный Отцомъ; сомнѣваться-же въ истинности этихъ чудесъ—невозможно. Развѣ скромному галилейскому плотнику не нужно было совершать повстинѣ необыкновенныя вещи для того, чтобы возбудить около Себя такой энтузіазмъ, чтобы

приобрѣсти надъ Своими учениками такое мощное вліяніе и чтобы вызвать въ исторіи міра подобный переворотъ?

Равнымъ образомъ, и Воскресеніемъ Своимъ Иисусъ Христосъ также доказаль, что Онъ былъ Сынъ и Посланникъ Божій. Истинность этого Воскресенія точно также не подлежитъ сомнѣнію.

И въ самомъ дѣлѣ, если есть что-либо достовѣрное въ исторіи, такъ это именно то, что Иисусъ Христосъ умеръ, распятый на крестѣ, какъ разбойникъ, претерпѣвши поношенія и страданія, оставивши своихъ апостоловъ ошеломленными событіями, такъ мало отвѣчавшими ихъ надеждамъ. Равнымъ образомъ, если есть что-либо безспорное, такъ это то, что нѣсколько дней спустя тѣ-же самые апостолы совершенно преобразились. Они проповѣдуютъ имя Христа на площадяхъ Іерусалима, не обращая вниманія на угрозы еврейскихъ властей, наперекоръ преслѣдованіямъ и заключеніямъ въ тюрьму. Они привлекаютъ къ себѣ милліоны учениковъ. Они идутъ проповѣдывать Евангеліе повсюду, отъ Малой Азіи до Рима; мало того, въ доказательство своей вѣры они проливаютъ кровь свою.

Какъ объяснить такую удивительную перемѣну безъ необыкновеннаго, чудеснаго факта, ее вызвавшаго? Этотъ фактъ это и есть воскресеніе Иисуса Христа, о которомъ свидѣлствуютъ апостолы, прилагая къ этому свидѣтельству печать своею кровью.

И наконецъ, неотразимымъ доказательствомъ того, что Иисусъ Христосъ былъ Посланникъ и Сынъ Божій, служить обращеніе всего міра, совершенное Его учениками.

При мысли о томъ, что неслыханное дѣло нравственнаго обновленія римской имперіи и созданія религіи въ современномъ мірѣ, принадлежитъ двѣнадцати рыбакамъ изъ Галилеи, необразованнымъ и бѣднымъ, грубымъ и застѣчивымъ, имѣющимъ, въ качествѣ единственнаго побѣждающаго средства, убѣжденіе въ божественной миссіи Христа и свою

любовь къ Нему, при мысли этой невольно говоришь: здѣсь виденъ перстъ Божій.

Итакъ, все удостовѣряетъ для меня истинность христіанской религіи. Съ одной стороны, она настолько превосходитъ всѣ другія формы религіи, что одна только можетъ быть угодна Богу. Съ другой стороны, въ личности ея Основателя и въ исторіи ея происхожденія я нахожу несомнѣнныя доказательства участія Бога.

Отсюда вытекаетъ то, что, если я хочу достойно служить Богу, я долженъ Ему служить, какъ христіанинъ. Истинная религія, одобряемая и желаемая Богомъ, есть, несомнѣнно, религія христіанская.

Перев. *Н. П. Селвановской.*

ЗАМѢТКА.

Починка дорогъ на церковныхъ земляхъ.

Въ „Яросл. Епарх. Вѣдомостяхъ“ помѣщена статья одного сельскаго священника, въ которой онъ дѣлится знаніями существующихъ узаконеній относительно починки дорогъ на церковныхъ земляхъ.

Лѣтомъ 1909 года я, какъ настоятель церкви, былъ привлеченъ къ отвѣтственности по 69 ст. устава о наказаніяхъ за неисправное содержаніе дорогъ. Возникло это дѣло обычнымъ порядкомъ. Полицейскій урядникъ сдѣлалъ открытіе, что проѣзжая дорога на участкѣ церковной земли „не только не проѣздна, но даже мѣстами непроходима“, составилъ о семъ протоколъ и направилъ его участковому земскому начальнику. Земскій начальникъ назначилъ судебное разбирательство, вызвалъ повѣсткой меня въ такой день, когда я не могъ явиться по приходскимъ обязанностямъ, о чемъ заблаговременно и извѣстилъ его. Черезъ двѣ недѣли я получилъ извѣщеніе, что земскій начальникъ „разбиралъ уголовное дѣло по обвиненію священника N въ неисправномъ содержаніи дорогъ,

нашелъ обвиненіе доказаннымъ, и священника, въ виду его упорнаго нежеланія починить дороги, призналъ сугубо преступнымъ и заочно приговорилъ оштрафовать на 25 рублей въ пользу мѣстъ заключенія, за неисправное содержаніе дорогъ его причта“. Такъ было сформулировано постановленіе земскаго начальника. На это постановленіе я подалъ въ уѣздный съѣздъ жалобу, въ которой указалъ на § правилъ произв. суд. дѣлъ, гдѣ говорится, что „въ дѣлахъ уголовныхъ каждый отвѣчаетъ самъ за себя“, и что постановленіе земскаго начальника неправильно потому, что я одинъ являюсь отвѣтчикомъ за причтъ. Далѣе, основываясь на ст. 755 устава путей сообщенія т. XII, ч. 1-я, изданія 1857 г., я указывалъ, что и причтъ не можетъ быть привлекаемъ за неисправное содержаніе дорогъ на церковной землѣ къ отвѣтственности, такъ какъ по смыслу сей статьи исправленіе дорогъ, мостовъ и гатей на земляхъ, входящихъ въ опредѣленную закономъ установленную для церквей пропорцію земли, лежитъ на обязанности прихожанъ. Съѣздъ постановленіе земскаго начальника отмѣнилъ, признавъ объясненія заслуживающими вниманія“ (Совр. Лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 12-го августа 1911 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Алл. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчака-Ногинскаго, Мериновская ул.

ГОДЪ

ЛП.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 34.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года августа 21-го дня.

Содержаніе: I. Нѣсколько словъ о духовно-просвѣтительномъ и культурномъ значеніи нашихъ монастырей. Кир. Тихоміровъ. — II. Мечтатель. Свящ. В. Пестряковъ. — III. Изъ Апостола. М. Скабллановичъ. — IV. Замѣтка. Оптинскій старецъ іеросхимонахъ Іосифъ.

Нѣсколько словъ о духовно-просвѣтительномъ и культурномъ значеніи нашихъ монастырей.

Вопросы о просвѣтительной и культурной дѣятельности нашихъ монастырей, ихъ доходахъ и употребленіи монастырскихъ суммъ въ послѣдніе годы стали въ русской печати вопросами злободневными. О монастырскихъ богатствахъ распускаются пѣлыя легенды; монастыри упрекаютъ за то, что, являясь когда-то разсадниками духовнаго просвѣщенія и культуры на Руси, содержа на свои средства школы, семинаріи и даже академіи, они теперь якобы не хотятъ ничего дѣлать въ этомъ направленіи; что владѣя землей, садами, виноградниками, лѣсными дачами, рыбными ловлями, монастыри ведутъ свое хозяйство безъ должной интенсивности и культур-

наго вліянія на окрестное крестьянское населеніе. Всякій часто преувеличенный слухъ о какихъ нибудь непорядкахъ въ монастырской жизни подхватывается „опозиціонной“ прессою, можно сказать, на лету и быстро обходитъ всѣ изданія съ явной тенденціей унизить идею монашества и доказать, что монастыри въ нашъ „просвѣщенный“ вѣкъ совершенно излишни и что ихъ „слѣдуетъ упразднить“.

Все это, разумѣется, одно грустное недоразумѣніе, по поводу котораго мы скажемъ нѣсколько словъ.

Можно различно относиться къ идеѣ монашества, но нельзя не считаться съ религіознымъ чувствомъ русскаго народа и его глубокимъ уваженіемъ къ этой идеѣ, которая для него несравненно выше „идей“ нашихъ „опозицивистовъ“. Стремленіе къ Богу, забота одушѣ искони присущи русскому народу и создаютъ въ немъ „духовный голодъ“, удовлетворяемый имъ паломничествомъ въ монастыри. Всѣмъ извѣстны огромные размѣры этого паломничества, свидѣтельствующіе о томъ, что, несмотря на всѣ испытанія и соблазны, несмотря на всѣ усилія „освободителей“ исторгнуть вѣру изъ русскаго народа, она въ немъ все же еще очень глубока. Нельзя поэтому не признать „идею“ нашихъ „освободителей“, открыто проповѣдуемую ими и въ печати и съ трибуны Государственной Думы, объ упраздненіи монастырей „идею“ глубоко анти-народной. Среди всеобщаго разложенія и упадка приходится, правда, наблюдать у насъ и упадокъ духовной жизни въ монастыряхъ. Но это не значитъ, что все нужно упразднить, это значитъ, что все у насъ, въ томъ числѣ и монастырская жизнь, требуетъ освѣженія и исправленія. Для это и созванъ былъ всероссійскій монастырскій съѣздъ, съ участіемъ въ немъ лучшихъ представителей монашества, которые намѣтили и выработали мѣры къ поднятію духовной жизни въ нашихъ монастыряхъ.

Не слѣдуетъ забывать, какъ это дѣлаютъ „освободители“, что помимо религіозно-нравственной роли монастыри имѣютъ въ жизни русскаго народа и государства большое просвѣти-

тельное и культурное значеніе. Въ Западномъ краѣ, въ пору порабощенія его Польшей, православные монастыри, являясь оплотами русской народности и культуры, сыграли, несомнѣнно, и политическую роль; имъ именно въ очень большой степени Западная Русь обязана тѣмъ, что осталась Русью, а не превратилась въ Польшу, со стороны которой потому православные монастыри и подвергались такому преслѣдованію. И во внутренней Россіи монастыри сыграли въ свое время извѣстную политическую роль. Достаточно вспомнить вліяніе и роль Троице-Сергіевой лавры. И въ настоящее время монастыри не утратили культурно-просвѣтительнаго значенія, особенно на окраинахъ. Достаточно указать на Почаевскую лавру, служащую мощнымъ оплотомъ русскаго народнаго самосознанія въ Юго-Западномъ краѣ. Такую же роль играетъ въ Холмской Руси извѣстный Лѣснинскій монастырь, благотворное вліяніе котораго сказывается во всемъ Холмско-Подляшскомъ краѣ, въ смыслѣ укрѣпленія мѣстнаго русскаго населенія въ его вѣрѣ и народности, осаждаемыхъ вражьей силой.

Просвѣтительная дѣятельность монастырей выражается въ содержаніи народныхъ школъ, существующихъ при большинствѣ монастырей (которыхъ въ Россіи свыше 1000); при иныхъ же монастыряхъ существуютъ по двѣ и по три школы. Во многихъ монастырскихъ школахъ обучаются тысячи крестьянскихъ дѣтей не только грамотѣ, но и различнымъ ремесламъ, а дѣвочки рукодѣльнымъ работамъ. Помимо того монастыри оказываютъ денежное вспомошествованіе церковнымъ школамъ въ своихъ епархіяхъ; изъ 6,700,000 руб. мѣстныхъ средствъ, на которыя содержатся церковныя школы, 1,500,000 руб. поступаютъ отъ монастырей и церквей. Нѣкоторые болѣе состоятельные монастыри оказываютъ поддержку и въ содержаніи духовно-учебныхъ заведеній. О своей просвѣтительной дѣятельности монастыри не кричатъ, но дѣлаютъ для просвѣщенія народа больше, чѣмъ наши „освободи-

тели“, только кричащіе о тьмѣ и невѣжествѣ народа, но ничего не дѣлающіе для его просвѣщенія.

Не менѣе обширна благотворительная дѣятельность монастырей, широко призрѣвающихъ въ существующихъ при нихъ богадѣльняхъ, пріютахъ, страннопріимныхъ домахъ, больницахъ и т. п. учрежденіяхъ неимущихъ, убогихъ, слѣпыхъ и больныхъ. Въ настоящее время при монастыряхъ существуетъ свыше 200 больницъ, пріемныхъ покоевъ, амбулаторныхъ и фельдшерскихъ пунктовъ. Многими монастырями (Лѣснинскимъ, Вировскимъ, Радоницкимъ, Почаевскимъ, Кіево-Печерскимъ, Троице-Сергіевскимъ и друг.) въ теченіе года оказывается медицинская помощь *десяткамъ тысячъ* больныхъ изъ богомольцевъ, мѣстныхъ жителей и жителей сосѣднихъ и часто дальнихъ деревень, для чего содержатся доктора, аптеки и фельдшера. Оказывается медицинская помощь крестьянамъ и въ мѣстѣ ихъ жительства, для чего сестры и братья странствуютъ періодически по деревнямъ ближнимъ и дальнимъ. Все это, конечно, бесплатно.

Многіе монастыри служатъ поучительнымъ сельско-хозяйственнымъ примѣромъ для мѣстнаго населенія, насаждая среди него культурныя понятія, обычаи и потребности. Какъ на особенно разительный въ этомъ отношеніи примѣръ можно указать на Ново-Аѳонскій монастырь на Кавказѣ (въ 23 верстахъ отъ Сухума). Монастырь этотъ, основанный въ 1875 году монахами, переселившимися съ Аѳонской горы (изъ русскаго Пантелеймоновскаго монастыря), явился не только оплотомъ православія и русской народности на Черноморскомъ побережьѣ Кавказа, но и разсадникомъ культуры. Въ короткое время долина, надъ которой виситъ въ горахъ Ново-Аѳонскій монастырь, обратилась въ обширный тропическій садъ, заключающій въ себѣ собраніе разнообразныхъ пальмовыхъ породъ (драцены, туи, хамеропсы, магноліи, лавры, юкки, аллоэ, эйкалипты, кипарисы и т. д.), цѣлые масличныя и миндальные сады и, наконецъ, обширныя рощи апельсиновъ, лимоновъ и цитроновъ. О размѣрахъ этихъ цѣнныхъ

культуръ можно судить по тому, что въ настоящее время въ Ново-Аѳонскихъ садахъ имѣется свыше 30,000 оливковыхъ и миндальныхъ деревьевъ и свыше 600 апельсиновыхъ и лимонныхъ, вполне акклиматизированныхъ и дающихъ прекрасные урожаи. По примѣру Новаго Аѳона, культура апельсиновъ и лимоновъ, а также маслинъ, началась и въ другихъ мѣстахъ—въ Сухумѣ и Батумѣ—и постепенно распространилась по всему южному побережью Чернаго моря на Кавказѣ. Ново-Аѳонскій монастырь явился пионеромъ этихъ цѣнныхъ культуръ, до него неизвѣстныхъ въ Россіи, и создалъ новый источникъ экономическаго развитія края и благосостоянія его населенія. Въ настоящее время кавказско-черноморскіе апельсины и лимоны, кромѣ мѣстнаго потребленія, вывозятся уже во внутрь Россіи, а маслины и миндаль—и за границу.

Извѣстный путешественникъ Ишевскій, посѣтивъ недавно Мурманъ, говоритъ о культурной роли тамошняго Печенгскаго монастыря слѣдующее: „Вся монастырская братія, въ числѣ до 300 человѣкъ, съ утра до вечера работаютъ по проведенію дорогъ, на молочномъ дворѣ, занимаются ловлей трески и семги, разводятъ гагъ для добыванія драгоцѣннаго гагачьяго пуха и т. д. Монахи приспособили даровую силу водопада р. Княжухи въ качествѣ двигателя въ 100 лошадиныхъ силъ, который обслуживаетъ маленькій лѣсопильный заводъ и приводитъ въ движеніе динамо-машины для электрическаго освѣщенія монастыря. Въ цѣляхъ колонизаціи русскими поселенцами Западнаго Мурмана о. Іонаѳанъ приступилъ къ прокладкѣ дороги къ рѣкѣ Пазъ, которая въ близкомъ будущемъ будетъ имѣть огромное торговое значеніе для мѣстнаго края. Норвежцы предлагали за аренду водопада на рѣкѣ Пазъ нѣсколько тысячъ рублей; о. Іонаѳанъ отправился въ Петербургъ и воспротивился заключенію невыгоднаго для нихъ условія. Договоръ не былъ заключенъ, и теперь норвежцы предлагают за использование только части водопада, какъ двигателя, уже 100,000 рублей. Мѣстное на-

селеніе стягивается около монастыря, какъ оплота русской государственности и культуры на далекомъ забытомъ сѣверѣ“.

Основываясь на культурной и національно-государственной роли монастырей на другихъ окраинахъ, академикъ А. И. Соболевскій рекомендуетъ воспользоваться монастырями для колонизаціи и нашихъ дальне-восточныхъ окраинъ, гдѣ въ настоящее время существуетъ только одинъ монастырь Троицко-Уссурійскій. „На восточныхъ окраинахъ, говоритъ онъ, монастыри могли бы сослужить русскому народу и русскому государству значительную службу. Ни школа, кромѣ самой низшей, ни образцовое поле, ни образцовая пасѣка, ничто подобное не можетъ существовать и дѣйствовать въ пустынѣ, при ничтожности населенія, при бездорожьѣ, при отсутствіи всего необходимаго. Но монастырь можетъ работать и въ пустынѣ съ успѣхомъ. Владѣющіе уже достаточнымъ хозяйственнымъ опытомъ, готовые на всякій трудъ во славу Божию, привыкшіе къ работѣ, монахи легко могутъ приспособиться къ новымъ условіямъ далекой окраины и сдѣлаться руководителями ближайшаго русскаго населенія не только въ сферѣ духовной, но и въ сферѣ хозяйственной и культурной. Монастыри имѣютъ всѣ данныя сдѣлаться и духовными и культурными центрами, укрѣпить на мѣстахъ наличное русское населеніе, притянуть новыхъ переселенцевъ, устроить дороги, создать мастерскія, склады и торговлю—однимъ словомъ, сослужить русскому народу и русскому государству на новыхъ мѣстахъ большую службу. Монастыри сразу обратили-бы на себя вниманіе ближайшаго русскаго населенія и стали бы притягивать его къ себѣ, удовлетворяя всѣ духовныя его нужды и выполняя для него всѣ духовныя требы. Опытъ единственнаго пока на Дальнемъ Востокѣ монастыря Троицко-Уссурійскаго показываетъ, какой большой духовный успѣхъ ожидаетъ на восточныхъ окраинахъ новые монастыри“¹⁾.

¹⁾ „Окраины Россіи“ 1908 г. № 50.

Едва ли, при наличности всего этого, можно считать монастыри „совершенно лишними“, „притонами праздныхъ людей“ и „кровными врагами народа, затемняющими его сознание“, какъ это заявлялось съ Думской трибуны ораторами „оппозиціи“, при обсужденіи церковнаго бюджета. „Поддержка“ государствомъ монастырей и выражается-то отпускомъ всего 40,0000 рублей въ годъ. Конечно, не на эту ничтожную сумму существуетъ 800 слишкомъ монастырей съ 65,000 монашествующихъ. Существуютъ они своими трудами и жертвами вѣрующаго народа, въ духовной жизни котораго монастыри играютъ большую роль.

Но чѣмъ большую роль играютъ монастыри въ жизни народной, тѣмъ, конечно, печальнѣе упадокъ въ нихъ духовной жизни, признанный бывшимъ миссіонерскимъ съѣздомъ въ Кіевѣ, и тѣмъ необходимѣе поднятіе ея на должную высоту, на чтò нынѣ и обращено особенное вниманіе.

Такъ, еще лѣтомъ 1909 года разсмотрѣны высшей церковной властью постановленія бывшаго монашескаго съѣзда, и на основаніи ихъ Св. Синодъ выработалъ рядъ мѣропріятій къ поднятію иноческой жизни. Предполагается усилить физическій трудъ для братіи; рекомендуется озаботиться развитіемъ старчества; предписывается совершать богослуженіе уставно и благоговѣнно, заставляя монашествующихъ неопустительно посѣщать службы Божіи, самимъ пѣть въ церкви; запрещается употреблять и держать въ монастыряхъ спиртные крѣпкіе напитки и вообще предписывается всемѣрно искоренять пьянство среди монашествующихъ; запрещается также употребленіе табаку; не одобряется посѣщеніе монашествующими мірянъ и мірянами монаховъ; не одобряется перемѣщеніе порочныхъ иноковъ изъ монастыря въ монастырь, не дозволяется ходить для сбора подаваній на монастырскія нужды; рекомендуется съ крайней осмотрительностью позволять монахамъ исправлять обязанности приходскихъ священниковъ или служить въ женскихъ монастыряхъ.

Помимо того, при Св. Синодѣ организована особая комиссія, которая занялась всестороннимъ разсмотрѣніемъ вопроса объ упорядоченіи отчетности и вообще хозяйства монастырей. Комиссія не закончила еще своихъ работъ по этому предмету, но, насколько можно судить по проникшимъ въ печать свѣдѣніямъ, уже установила опредѣленные принципы для контроля за расходованіемъ монастырскихъ суммъ.

Всѣ эти мѣропріятія слѣдуетъ только привѣтствовать, они несомнѣнно освѣжаютъ, исправятъ монастырскій бытъ, поднимутъ пошатнувшійся было прежній престижъ монастырей на должную высоту, и такимъ образомъ усилятъ и благоговѣнно-довѣрчивое отношеніе къ нимъ общества и народа.

Что же касается самой идеи монашества, то по меньшей мѣрѣ странны нареканія на нее, какъ якобы на „пережитокъ варварства“, когда самыя передовыя страны не видятъ въ ней никакого „пережитка“ и даже во Франціи и сейчасъ существуютъ монастыри. Англиканская церковь, правда, долгое время не знала иночества, но съ 1904 года и въ ней возстановлено монашество.

Да и наша „оппозиція“ не нарекаетъ на существованіе инославныхъ монастырей, которыхъ (католическихъ, армянскихъ) въ Россіи, какъ извѣстно, много. Походъ ведется только противъ православныхъ монастырей, только они имъ мѣшаютъ. Не ясна-ли отсюда тенденціозность этихъ нападокъ?

Кир. Тихомировъ.

Мечтатель.

I.

Вдовый священник о. Поликарпъ Лотоцкій еще на школьной скамьѣ получилъ кличку мечтателя, съ нею окончилъ курсъ и выступилъ на іерейское поприще. Мечтательность его направлялась на самые разнообразныя предметы и

положенія и создавала ему не мало неприятностей: незлобивый и кроткій человекъ онъ слылъ за безпокойнаго и долженъ былъ часто мѣнять мѣста: по милости и благоусмотрѣнію начальства, по прошеніямъ ближнихъ, ради пользы службы, но никакъ не по доброй волѣ. Мечтательность въ немъ особенно развилась послѣ того, какъ онъ овдовѣлъ.

Оплакавъ жену, о. Поликарпъ рѣшилъ, что жить и трудиться нужно, а чтобы воспоминанія о семейномъ горѣ не мѣшали работѣ, перемѣнилъ приходъ, предоставивъ это дѣло волѣ архіерея. Назначенъ онъ былъ на вновь открытое второе священническое мѣсто въ с. Крякахъ. Открытіемъ здѣсь второго штата епархіальное начальство проявляло заботу не только о здоровьѣ служившаго здѣсь лѣтъ 40 старика протоіерея, вмѣстѣ и благочиннаго, о. Онуфрія Исаева, но и о карманѣ его: консисторіи онъ представлялся немовѣрно толстымъ. Заботы эти только огорчили и нанесли обиду старику: мечта о. Онуфрія—на закатѣ дней посадить на свое мѣсто зятя отпадала: приходъ у зятя былъ теперь не хуже Кряковъ, раздѣленныхъ на двое.

Добрыя отношенія между сослуживцами установились скоро, старикъ понималъ, что въ постигшемъ его вниманіи начальства о. Поликарпъ ни мало не виноватъ: не онъ, такъ другой былъ бы назначенъ къ нему въ помощники; о. Поликарпъ покорялъ старика кротостью и послушаніемъ; оба были вдовцы и въ деревенской глуши тянулись одинъ къ другому. Безъ треній и разногласій дѣло на первыхъ порахъ однако не обошлось, пока не обжились и не столковались сослуживцы.

Первое, въ чемъ разошлись сослуживцы, была церковная проповѣдь. Протоіерей въ этомъ дѣлѣ ограничивался чтеніемъ проповѣдей раза три въ годъ по печатному. О. Поликарпъ проповѣдывалъ за каждымъ богослуженіемъ и проповѣди говорилъ свои.

— Вы не такъ часто назидайте, о. Поликарпъ... Самимъ скоро наскучить и крестьянъ утомите, говорилъ старикъ.

— Мнѣ-то не наскучить: я еще въ первые годы пріучилъ себя говорить за каждымъ служеніемъ, а народъ привыкнетъ: голоденъ онъ на проповѣдническое слово.

— Это, пожалуй, вѣрно, только нужно и въ положеніе прихожанъ входить. Зимой, когда крестьяне свободны, проповѣдуйте, сколько вашей душенькѣ угодно, а лѣтомъ, когда имъ нуженъ отдыхъ, когда въ церкви стоитъ жара, я бы не томилъ ихъ...

Въ этомъ вопросѣ протоіерей не былъ особенно настойчивъ и даже самъ сталъ почаще заглядывать въ церковную бібліотеку, выскивая проповѣди подлиннѣе, со славянскимъ колоритомъ.

— Величественнѣе, торжественнѣе и виднѣе, что слово Божіе толкуетъ, а не сказку рассказываетъ.

Большинству прихожанъ о. Поликарпъ пришелся по душѣ, но были и недовольные, особенно изъ людей пожилыхъ; послѣдніе, критикуя „молодого“ батюшку, говаривали:

— Первое дѣло—виду въ немъ никакого нѣтъ. Попъ долженъ быть сытый, съ бородой окладистой, благообразной. А о. Поликарпій—худой, какъ глиста, бороды три волоска и тѣ въ разные стороны смотреть. Развѣ такой долженъ быть попъ?

— За то онъ служить хорошо, разборчиво, лучше протоппа, а проповѣдуетъ такъ, что и малое дитя пойметъ.

— Что проповѣди? Протопопъ проповѣдуетъ рѣдко, а толку больше. О. Онуфрій выйдетъ съ книжкой, очки на носъ одѣнетъ, народъ осмотритъ и пойдетъ вычитывать и все превыспренно—не все и разберешь, а за душу хватаетъ: видно, что Божественное слово толкуетъ и на правый путь наставляетъ. А о. Поликарпъ проповѣдуетъ такъ, будто собрались люди на бесѣду и по пріятельски балачкой забавляются.

— Не хорошо...

Въ другомъ вопросѣ—о платѣ за требы—протоіерей настоялъ на своемъ и не на какія уступки не пошелъ.

Въ Крякахъ издавна повелось такъ, что за требы всегда платилась опредѣленная плата, выработанная, если не закономъ, то обычнымъ правомъ. О. Онуфрій ея не поднялъ, но и не уронилъ и крѣпко огорчился, когда о. Поликарпъ сдѣлалъ попытку не придерживаться ея.

— Пожалуйста, говорилъ старикъ своему помощнику, нашихъ обычаевъ не ломайте. Что вы хотите, чтобы крестьяне вовсе перестали намъ платить за трудъ?..

— Этого я не хочу, а вотъ вывести таксу за требы было-бы хорошо: не всѣмъ она подсилу.

— Не такса, о. Поликарпъ, а просто обычай, и заведенъ онъ десятки лѣтъ назадъ. Во всякомъ дѣлѣ нуженъ порядокъ, дисциплина: уничтожьте таксу и черезъ годъ два половина крестьянъ совсѣмъ перестанутъ платить.

— Что-же и пусть—съ голоду не умремъ.

— Намъ съ вами, какъ бобылямъ, легко говорить, а назначать на наше мѣсто семейныхъ людей—нищенствовать будутъ. И сосѣди насъ не одобрятъ; скажутъ, благочинный портитъ народъ, вредный примѣръ подаетъ.

Частыя разногласія не портили отношеній между сослуживцами: каждый день сходились они вмѣстѣ, попить чайку, пофилософствовать. Старикъ жилъ въ прошломъ, его только любилъ и признавалъ, и въ будущемъ ничего хорошаго не видѣлъ.

— Наше время, говаривалъ онъ, золотое было, жилось радостно и пріятно, потому что народъ былъ религіозенъ, Бога боялся, духовенство уважалъ. Теперь не то, распатался народъ; чѣмъ дальше, тѣмъ хуже дѣлается.

— Слишкомъ мрачно, о. благочинный, вы смотрите на жизнь: народъ и теперь религіозенъ, только развитіе дѣлается, больше къ намъ требованій предъявляетъ, больше хочетъ знать, а отъ Христа и отъ Церкви онъ не уйдетъ.

— А сектантство? Лѣтъ тридцать его у насъ и не слышно было, а теперь, даже по отчету нашего скромнаго на цифры миссіонера, въ нашей епархіи сектантовъ тысячи насчитываются.

— Это временное—пройдетъ: старообрядчество какъ колыхнуло Русь православную, а само то православіе крѣпкимъ осталось; такъ будетъ и съ сектантствомъ: оно остановится, замретъ и тѣмъ скорѣе, чѣмъ скорѣе мы, пастыри, лучше станемъ... Мы привыкли все жаловаться на времена, на жизнь, все сваливаемъ на плохихъ людей и на обстоятельства, а въ свою жизнь, въ свои дѣла и душу рѣдко заглядываемъ и очень не любимъ, если насъ критикуютъ да разныя къ намъ требованія предъявляютъ.

— Чего же вы, о. Поликарпъ, отъ духовенства хотите? Трудимся мы не лѣнностно, исполняемъ обязанности честно, бѣдствуемъ подчасъ, а радость и человѣческую ласку рѣдко видимъ. Что еще отъ насъ требовать можно?

— Миѣ кажется, у насъ мало двухъ предметовъ: религіознаго воодушевленія и самопожертвованія.

— Что-же мы невѣры какіе-то?

— Нѣтъ, не то. Невѣрующихъ я среди священниковъ не встрѣчалъ, но и апостоловъ среди насъ не видно, вотъ такихъ, какъ о. Іоаннъ Кронштадтскій...

— Высоко вы хватаете: такіе праведники, какъ о. Іоаннъ, на десятки лѣтъ по одному являются. Невозможно, чтобы всѣ такіе были. А на счетъ самопожертвованія вы сказали, такъ его теперь и не требуется; перемѣнятся времена, можетъ быть и мы дадимъ мучениковъ.

— Навѣрно немного: оземленились мы крѣпко, живемъ какъ тысячи живутъ. Святое апостольское дѣло правимъ и сытенькимъ мѣщанскимъ благополучіемъ дорожимъ, какъ чѣмъ-то важнымъ и крайне необходимымъ.

— Какъ же иначе то быть? Всякому нуженъ уголь, кусокъ хлѣба, одежка. А у кого семья, тому и еще больше нужно того, что вы мѣщанскимъ благополучіемъ называете.

— Простите, о. Онуфрій, но не убѣдительно миѣ ваши доводы и тоскливо отъ нихъ на душѣ дѣлается.

Благочинный не обижался. Какъ челоуѣкъ простоватый, рѣдко думавшій и половину жизни посвятившій указамъ,

рапортамъ, представленіямъ, отчетности, онъ не могъ понимать своего сослуживца, не могъ чувствовать его тоски по идеалу. Раздумывая надъ бесѣдами со своимъ сослуживцемъ, протоіерей склонялся къ тому, что критика о. Поликарпа больше всего происходитъ отъ недостатка работы.

— Дѣла въ приходѣ на двоихъ немного, хозяйства онъ не ведетъ; поневолѣ мысли одолѣваютъ человѣка.

О. Онуфрій былъ очень радъ, когда въ благочиніи открылось дѣло, которое могло, по его мнѣнію, порадовать и развлечь о. Поликарпа. Когда въ благочиніи открылось мѣсто духовнаго слѣдователя, благочинный представилъ на эту должность своего сослуживца. Неловко было старику передъ благочиніемъ отдавать предпочтеніе пришельцу, но очень ужъ заманчивой казалась мысль оживить и порадовать сослуживца. О. Поликарпъ протестовалъ.

— Что вы со мною дѣлаете, о. Онуфрій. Поручили дѣло, для какого я вовсе не гожусь,—не по моему оно характеру совсѣмъ,—и я непременно что-нибудь напутаю.

Старикъ улыбался.

— Другіе несутъ эту должность, отчего же вы не сможете? Сможете, если захотите. И я не за горами: случится дѣло—посоветуемся.

Скрѣпя сердце, о. Поликарпъ взялся за дѣло и даже нашелъ въ немъ нѣкій высшій смыслъ. Своими мыслями онъ подѣлился съ благочиннымъ.

— Дѣло слѣдователя не лишено своего значенія. Всего чаще приходится разбирать ссоры и недоразумѣнія причтовъ и прихожанъ,—той сферы, гдѣ прежде всего долженъ царить миръ и согласіе. Я свою новую работу такъ и понимаю, что я прежде всего долженъ примирять людей, если гдѣ-нибудь случится несчастье, въ видѣ приходскихъ или причтовыхъ несогласій.

— Это хорошо, о. Поликарпъ, только вы не забывайте свой новый чинъ: духовный слѣдователь... Это значитъ, что вы должны производить слѣдствія и прежде всего надъ духов-

ными. Такъ то, мой собратъ, а впрочемъ, дѣло будетъ виднѣе изъ дѣла...

Надъ Россіей въ то время едва загоралась заря новой жизни; были только ея слабыя признаки; увидѣть зарницы и проблески грядущаго дня пришлось прежде всего духовенству въ массѣ недоразумѣній, насилій, жалобъ.

Недостатка въ работѣ у о. Поликарпа не было: онъ ѣздилъ, мирилъ, писалъ и, какъ неопытный человѣкъ, переводилъ цѣлыми дестями бумагу.

Не повезло ему тутъ и скоро пришлось разстаться съ почетной должностью.

Верстахъ въ 20 отъ Краковъ, въ селѣ Черноводахъ, священствовалъ лѣтъ 15 смиренный человѣкъ, о. Вороновичъ; жилъ онъ съ крестьянами въ мирѣ; такъ бы и дни свои скончалъ, но, на его горе, въ село явился писарь самыхъ передовыхъ взглядовъ и съ большими литературными задатками. Авторскія способности писарь сталъ прежде всего испытывать на своемъ духовномъ отцѣ. На Вороновича сначала посыпались анонимы, а потомъ и коллективная жалоба крестьянъ; и чего только въ ней не было: и лѣнивъ Вороновичъ, и съ крестьянами грубъ, и за требы вымогаетъ.

Раза три пришлось о. Поликарпу ѣздить въ Черноводы, пока онъ уладилъ дѣло и крестьяне отказались отъ своихъ голословныхъ обвиненій: жалоба закончилась мировой. Но униженный священникъ допустилъ двѣ ошибки: за незаслуженную обиду сдѣлалъ въ церкви крестьянамъ выговоръ а; самое главное, отказался дать сходу на ведро водки. Новая жалоба полетѣла по начальству: въ ней и слѣдователя обвинили въ пристрастіи. Дѣло передали другому слѣдователю для дослѣдованія, а о. Поликарпу объявили выговоръ. Въ другомъ случаѣ о. Поликарпу поручено было вести слѣдствіе надъ уважаемымъ всѣми старикомъ, имѣвшимъ слабое здоровье и тихій голосъ. Газеты очень усиленно занимались въ то время вопросомъ о выборномъ духовенствѣ. Голосистый, не чуждый просвѣщенія лавочникъ, громогласно читавшій въ

церкви апостола, захотѣлъ замѣстить старика, противъ котораго и повелъ компанію. Зная старика за добраго пастыря, о. Поликарпъ отписалъ все по начальству и просилъ слѣдствіе прекратить. Такое отношеніе его къ дѣлу начальство посчитало продерзостью и лишило его почетной должности. Тѣмъ и закончилась работа о. Поликарпа по устройству мира между пастырями и пасомыми.

II.

Военная гроза на Дальнемъ Востокѣ сгушалась. Не изъ газетъ, а скорѣе инстинктомъ, народъ угадывалъ положеніе дѣла и опредѣленно говорилъ о войнѣ. Разразился предательскій ударъ враговъ, послѣдовало и официальное объявленіе войны. Заволновалась и всколыхнулась въ патріотическомъ порывѣ вся Россія, до самыхъ своихъ глубинъ, до отдаленныхъ глухихъ уголковъ. Въ Крякахъ интересъ къ военнымъ дѣйствіямъ былъ не меньшій, чѣмъ въ столицахъ: газеты, какія получались причтомъ, расхватывались по селу. Усердно раскупались народомъ сотни портретовъ адмираловъ и командующихъ войсками: ими украшали почетнѣйшіе углы избъ.

Чувствовали-ли эти печальной памяти герои, сколько любви и народныхъ надеждъ связано было съ ихъ именами?...

Война какъ громомъ поразила впечатлительнаго о. Поликарпа.

— Горя-то сколько, крови и слезъ сколько прольется, говорилъ онъ о. Онуфрію при первыхъ извѣстіяхъ о войнѣ. А успѣхъ-то кто знаетъ каковъ будетъ...

О. Онуфрій философствовалъ.

— Война—несчастье, это правда, но она необходима; какъ гроза она очищаетъ воздухъ. Больше двадцати лѣтъ не было войны. Армія за это время размякла, сошли въ могилу герои, на которыхъ покоились надежды Россіи, а война дастъ опытъ, подниметъ воинскій духъ, дастъ героевъ. И это большое наше счастье, что послѣ долгаго мира у насъ война

съ мелкой державой. Кто знаетъ, что было бы, если-бы война затѣялась у насъ съ первоклассной державой.

— Трудно гадать, о. Онуфрій, что еще насъ ожидаетъ. Японія вовсе не такой слабый противникъ, какъ мы думаемъ.

— Всего, быть можетъ, одна пятая нашей матушки Россіи; шавка противъ медвѣдя...

— А дальность разстоянія—развѣ ничего не значитъ?

-- Дойдемъ какъ-нибудь. Переходили Альпы, были на Балканахъ, пройдемъ и Сибирь.

— А что мы, пастыри, будемъ дѣлать, какъ отзовемся на народное бѣдствіе?

— Будемъ поддерживать духъ народный, молиться будемъ.

— Этого мало.

— Жертвовать будемъ.

— И этого мало. Я думаю, что и мы, пастыри, должны бы дать арміи своихъ добровольцевъ, какъ дать ихъ, скажемъ, корпорація врачей.

— Что вы?! Воевать намъ нельзя.

— Не воевать, а молиться съ солдатами, ухаживать за больными и ранеными, облегчать людскія страданія...

Военныя извѣстія не радовали. На время оживились было надежды при извѣстіи о затопленныхъ у Портъ-Артура брандерахъ, а потомъ дѣла пошли все хуже и хуже. Больше неудачъ, какія терпѣли наши флотъ и армія, разстраивала о. Поликарпа та перемѣна въ обществѣ, какая произошла въ короткое время. Подъемъ патріотическаго духа при началѣ войны упалъ, его мѣсто заняли уныніе, критика и брань. Въ газетахъ, между строкъ, легко можно было читать злорадства по поводу нашихъ неудачъ. Начинались внутренніе беспорядки. Дѣлались пожертвованія, устраивались подписки, но все это—вяло, кое-какъ: не было порыва, воодушевленія. О. Поликарпъ горячо молился, часто плакалъ, даже къ приходской работѣ охладѣлъ: душа его была тамъ, гдѣ дрались и умирали безславно и безрезультатно тысячи русскихъ людей.

Въ одинъ день о. Онуфрій, раздѣлявшій уже грустныя мысли своего сослуживца, былъ удивленъ его нѣсколько торжественнымъ видомъ.

— Что это вы, о. Поликарпъ, такимъ именинникомъ смотрите. Что нибудь хорошее, радостное прочитали.

— Нѣтъ, я принялъ одно рѣшеніе—хочу на войну идти; сегодня и прошеніе подалъ.

— Вотъ какъ! Почему это вамъ вздумалось?

— Потрудитесь хочу для тѣхъ несчастныхъ, что сражаются и умираютъ за славу Россіи. Стыдно какъ то пользоваться покоемъ, удобствами, когда знаешь, что тамъ тысячи жизней приносятся на алтарь отечества.

— Напрасно... Въ священникахъ и безъ васъ недостатка нѣтъ; зачѣмъ вамъ ломать свою жизнь?

— Какая же здѣсь ломка, что я теряю? Послѣ войны приходъ гдѣ нибудь другой получу. Не все ли равно, гдѣ трудиться?

— Все же привычка уже есть къ людямъ, мѣсту. Придется имущество продать.

О. Поликарпъ улыбнулся.

— Имущество мое за часъ можно ликвидировать и вновь приобрести.

— И то правда. Впрочемъ, что я васъ расхолаживаю? Дѣло доброе, помогай Вамъ Богъ!

Съ мѣсяць ожидалъ о. Поликарпъ отвѣта изъ Петербурга отъ протопресвитера. Отвѣтъ былъ краткій: „вакансій полковыхъ священниковъ въ дѣйствующей арміи нѣтъ, а кандидатовъ—больше десяти“.

Долго послѣ этого зубоскалы называли о. Поликарпа „полковымъ“: о. Онуфрій не удержался и, по благочиннической болтливости, рассказалъ кое-кому изъ сосѣдей секретъ своего сослуживца.

III.

Тяжелымъ былъ для Кряковъ 190... годъ и не мало принесъ имъ горя.

„Пошерсть“, ходившая по окружности, добралась и къ нимъ и стала косить народъ. Первый работникъ въ селѣ, крѣпкій какъ дубъ мужикъ послѣ работы съѣлъ съ дюжину огурцовъ, запилъ въ сласть холодненькой водицей и къ вечеру занемогъ. Напрасно бабы его оттирали, поили разнымъ снадобьемъ, нашептывали,—на другой день его не стало. За нимъ заболѣло ближайшее семейство, принимавшее въ поминкахъ самое дѣятельное участіе.

Холера была несомнѣнная, помощи никакой, ближайшій врачъ—въ 20 верстахъ. О. Поликарпъ заволновался.

— Надо писать по начальству, просить немедленной помощи, иначе все село переболѣетъ. Сколько сиротъ останется!...

— Какъ бы начальство не прогнѣвалось, отвѣчалъ ему о. Онуфрій; скажутъ—не въ свое дѣло мѣшаетесь...

— Не скажутъ и помогутъ... Какъ жаль, что насъ въ семинаріи медицинѣ не учили; вотъ какъ пригодилось бы теперь знакомство съ ней.

Экстренно выписалъ о. Поликарпъ небольшую аптечку, съ полдесятка брошюръ и принялся за помощь людямъ. Скоро онъ остался на холерѣ одинъ. Отецъ Онуфрій, любившій жизнь инстинктомъ здороваго крѣпкаго человѣка, никогда не думавшій о смерти, струхнулъ не на шутку, даже заболѣлъ. Онъ пригласилъ къ себѣ о. Поликарпа и, съ нѣкоторымъ смущеніемъ, сообщилъ ему о своей болѣзни.

— Вы уже сами пожалуйста безъ меня хозяйничайте въ приходѣ. Пусть меня не тревожатъ, пока я поправлюсь.

— Пожалуйста, о. Онуфрій. Я радъ потрудиться.

— Еще хотѣлъ я вамъ сказать, что думаю я немного старыя кости разломать, давно уже пора дочку съ внучатами

провѣдать. Поправлюсь и поѣду; прошеніе объ отпускѣ я уже подалъ.

— И то дѣло доброе; когда же и поѣхать вамъ, какъ не лѣтомъ.

Недѣли черезъ двѣ о. Поликарпъ былъ утѣшенъ въ своемъ одиночествѣ. На борьбу съ холерой прислали въ Кряки студента медика, симпатичнаго веселаго юношу.

О. Поликарпъ несказанно ему обрадовался.

— Теперь у насъ холера бѣлугой завоюетъ: мигомъ вытуримъ ее изъ Кряковъ.

Студентъ хотѣлъ было поселиться у кого нибудь изъ крестьянъ, но о. Поликарпъ запротестовалъ.

— И не думайте. Меня вы ни мало не стѣсните, а для дѣла гораздо лучше будетъ вамъ жить у меня. О больномъ, повѣрьте, я гораздо скорѣе васъ буду знать.

Работа спорилась. Студентъ и батюшка вмѣстѣ обходили дворы, производили дезинфекцію, ухаживали за больными. Крестьяне, искоса поглядывавшіе на студента и его распоряженія, не смѣли ослушаться, видя что съ нимъ согласенъ и о. Поликарпъ. Бывали для обоихъ трудныя минуты. Мысль о заразительности холеры постепенно проникала въ народъ и на мѣсто прежняго равнодушія и безразличія въ народъ сталъ проникать ужасъ и страхъ передъ грозной болѣзью. Бывали случаи, что близкіе родные и сосѣди отказывались ходить за больными, въ страхѣ разбѣгались, и тогда санитарныя обязанности принималъ на себя о. Поликарпъ: согрѣвалъ и вытиралъ больныхъ, поилъ лѣкарствомъ, поддерживалъ въ нихъ настроеніе. Не пришлось однако о. Поликарпу торжествовать побѣду надъ холерой и видѣть ея изгнаніе изъ Кряковъ. Послѣ одного очень труднаго безпокойнаго дня онъ и самъ свалился: слабый организмъ не долго боролся со страшной болѣзью, не помогли и заботы студента: о. Поликарпа не стало. Хоронили его кое-какъ, на спѣхъ и съ опаской. Вмѣсто полнаго собора пресвитеровъ на погребеніи присутствовало только два болѣе храбрыхъ сосѣда; опоздалъ на

погребеніе и о. Онуфрій. На могилѣ не выдержалъ и разрыдался студентъ: душу молодого человѣка давило одиночество среди темнаго люда, жаль было безвременно умершаго случайнаго друга.

Священ. В. Пестряковъ.

Изъ Апостола.

Гал. 3 гл. о вѣрѣ и законѣ.

Основная мысль апостола въ этой главѣ посл. къ Галатамъ та, что законъ не даетъ праведности, потому что по сознанию самого Ветхаго Завѣта, ясно выраженному у пр. Аввакума въ словахъ: „праведникъ отъ вѣры живъ будетъ.“ (Авв. 2, 4), существо спасенія заключается въ вѣрѣ, а „законъ не по вѣрѣ“ (Гал. 3, 12), законъ не есть учрежденіе, котораго существо опредѣляется вѣрою, „но кто исполняетъ (ποιῶσας) его, тотъ живъ будетъ имъ“ (Лев. 18. 5). Ту самую жизнь, которая обѣщается праведнику у пророка вѣрою, законъ обѣщаетъ отъ „дѣланія“. Мало того, это „исполненіе“, „дѣланіе“, „твореніе“ закона требуется полное, совершенное. „Проклятъ всякъ, кто не исполняетъ всего (ὅς ἐμμένει= „не пребудетъ“), что написано въ книгѣ закона“ (Втор. 27, 26), такъ что понятіе „дѣла“ доводится здѣсь до его крайнихъ предѣловъ, которые какъ бы усиливаются еще угрозою клятвы, отсутствующею въ обѣтованіяхъ и оправданіи вѣрою. Эта клятва тяготѣетъ надъ всѣми, утверждающимися на дѣлахъ закона, если даже предположить, что кто-либо изъ нихъ исполнилъ бы весь законъ. Потому то и требовалось особое начало оправданія—вѣра, требовалось и для ветхозавѣтнаго человѣка, что „закономъ никто не оправдывается предъ Богомъ“. Имѣя существомъ своимъ дѣло, а не вѣру, законъ и плодомъ своимъ имѣетъ клятву, а не благословеніе, обѣщанное Аврааму. Нужно было искупленіе

насъ отъ этой клятвы Христомъ, пострадавшимъ на основаніи закона, чтобы обѣщанное еще Аврааму благословеніе распространилось на все человѣчество, выразившись въ принятіи имъ Духа.

По сопоставленіи обѣтованія Божія Аврааму и закона Моисеева по существу, апостоль обращаетъ вниманіе на ихъ хронологическую послѣдовательность: обѣтованіе было дано ранѣе; законъ явился послѣ. Обѣтованіе было завѣтомъ Божиимъ. Но даже человѣческое завѣщаніе (предсмертное) считается настолько священнымъ и неприкосновеннымъ, что его не только нельзя измѣнять, но и дополнять („никтоже отменяетъ или приповелѣваетъ“). Итакъ завѣта Божія Аврааму, завѣщанія, даннаго благословенному сѣмени Авраама, т. е. Христу и ради Него, не могъ отмѣнить законъ, данный черезъ 430 лѣтъ. Между тѣмъ, если бы наслѣдованіе царства Божія происходило чрезъ соблюденіе закона, то мы получили бы (апостоль разсуждаетъ съ чисто юридической точки зрѣнія) наслѣдство по закону; а по закону получаютъ наслѣдство только, если нѣтъ завѣщанія.

Теперь является самый трудный вопросъ: для чего же данъ законъ, это настолько несовершенное въ сравненіи съ вѣрою учрежденіе, дающій не благословеніе, или что то же оправданіе, какъ вѣра, а проклятіе и осужденіе. „Преступленій ради приложися“—*τῶν παραβάσεων χάριν προσετέθη*: Онъ привзошелъ въ домостроительство спасенія для преступленій. Апостоль высказываетъ здѣсь кратко ту ужасную истину, которую онъ развиваетъ подробнѣе въ посл. къ Римл.— что существованіе закона породило только преступленія. Словомъ „преступленіе“ обозначается не грѣхъ вообще, а его особенное „проявленіе въ преступленіи (нарушеніи) точно формулированной и повелительной нормы, каковою могли быть только законническія нормы“ (*Глубоковский*, „Благовѣстіе христіанской свободы въ посланіи къ Галатамъ“, стр 93). „Въ исполнителяхъ закона необходимо предполагается сила сопротивленія законнической корректности, сила, получающая

теперь отчетливое выраженіе, именно въ качествѣ законопреступности, оживотвореннаго и усиленнаго грѣха (какъ показано въ посл. къ Римл.). Такъ было фактически, и апостолъ раскрываетъ намъ, что это совершилось не вопреки законоизрекающей волѣ. Если же непремѣннымъ предвареніемъ и обязательнымъ условіемъ водворенія закона должна быть наличность сродной ему величины—грѣха, то онъ не есть учрежденіе ни исконное, ни вѣчное, а возникаетъ и прекращается вмѣстѣ съ своимъ двойникомъ—грѣхомъ (тамъ же, 94). А грѣхъ упраздняется благословеннымъ сѣменемъ Авраамовымъ.

Законъ не можетъ соперничать съ обѣтованіемъ и по способу его (закона) дарованія, по источнику своему. Онъ „вчиненъ (διαταχείς) ангелы рукою ходатая“. Соучастіе ангеловъ въ дарованіи синайскаго закона архидіаконъ Стефанъ считаетъ (Дѣян. 7, 53) символомъ славы закона, и посл. къ Евреямъ (2, 2) принимаетъ это участіе за вѣрную поруку твердости закона, преступленіе и ослушаніе котораго неминуемо влекли за собою праведное наказаніе. Но тутъ блескъ ангельскій отражался для людей единственно въ преломляющемъ посредничествѣ Моисея. Въ этомъ, въ наличности особаго посредника между небомъ и людьми—особенность Синайскаго закона. Посредникъ же предполагаетъ двѣ стороны, которыя входятъ въ какую-либо сдѣлку и разсматриваются самостоятельно. При посредникѣ „необходимо требуется что-нибудь второе, но Богъ одинъ и представляетъ собою божественное единство въ существѣ со всею абсолютностью. Теперь получается такой выводъ: разъ посредничество обязательно предполагаетъ двойство, а его нельзя находить въ строго единомъ Богѣ, то очевидно законъ не исключительно божественный, не чисто божественное учрежденіе, не самодѣльное и не самосвѣтлое выраженіе воли Божіей, если чрезъ него послѣдняя входитъ въ соглашеніе, примиряется и приспособляется къ другой волѣ. Эта вторая не божественна, преходяща“ (тамъ же 95). Таковымъ не мо-

жетъ не быть отчасти и законъ. Онъ вноситъ въ сферу Божества не вполне достойное Его отношеніе нѣкотораго контракта съ человѣкомъ; причеиъ послѣдній получаетъ неестественное для него равноправіе съ Богомъ. Возможно поэтому, что и пророкъ Іезекіиль имѣетъ въ виду Моисеевъ законъ, когда говоритъ отъ лица Божія евреямъ: „и дахъ имъ заповѣди недобры, и оправданія, въ нихъ же будутъ живы“ 20, 25 (ср.: „Моисей по жестосердію вашему повелѣ вамъ пустити жены ваша; изъ начала же не бысть тако“—Мѡ. 19, 8).

М. Скабаллановичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Оптинскій старецъ іеросхимонахъ Іосифъ.

По поводу кончины (10 мая т. г.) старца Оптиной Козельской (Калужской губ.) пустыни іеромонаха Іосифа „Моск. Церк. Вѣдом.“ (№ 29, отъ 16 іюля) пишутъ: Имя старца— подвижника Іосифа можетъ быть поставлено на ряду съ такими извѣстными по всей Руси старцами Оптиной пустыни, уже почившими, какъ Леонидъ, Макарій, Амвросій. Скончавшійся отецъ Іосифъ былъ однимъ изъ носителей завѣтовъ святоотеческаго преданія, преемникомъ служенія незабвеннаго отца Амвросія. Въ Оптиной пустыни отецъ Іосифъ получилъ постригъ, здѣсь же онъ прошелъ первыя ступени монашества до іеромонашескаго званія. Затѣмъ, уже въ санѣ іеромонаха, преклонный годами, принялъ схиму. Въ скромной келліи въ постѣ, молитвѣ и суровыхъ подвигахъ протекла жизнь почившаго старца. Но вдали отъ міра отецъ Іосифъ, подобно своему предшественнику старцу Амвросію, не чууждался людей, а, напротивъ, любовію и духомъ кротости служилъ спасенію тѣхъ, кто ввѣрялъ ему свою совѣсть. Со

всѣхъ сторонъ необъятной Руси шли къ старцу, чтобы познать отъ него смыслъ жизни, получить утѣшеніе въ горестяхъ и печаляхъ. Всѣхъ съ ласкою, необыкновенною доброю и привѣтливостію принималъ къ себѣ почившій старецъ, утѣшалъ, давалъ совѣты, предостерегалъ отъ опасныхъ увлеченій и ошибокъ. Старецъ Іосифъ обладалъ и даромъ прозорливости. Много ходитъ разсказовъ о необыкновенной силѣ его молитвы... Жизнь подвижника и его необыкновенное умѣніе разбираться въ сложныхъ житейскихъ обстоятельствахъ влекли къ нему даже многихъ изъ представителей интеллигенціи. Писатель графъ Л. Н. Толстой былъ не разъ у старца іеросхимонаха Іосифа. Послѣ послѣдняго своего ухода изъ Ясной Поляны Толстой направился, какъ извѣстно, въ Оптину пустынь, чтобы здѣсь побесѣдовать со скромнымъ старцемъ-подвижникомъ о смыслѣ жизни, о дѣятельномъ служеніи ближнимъ въ отшельническомъ уединеніи. Но это намѣреніе не осуществилось. Могила старца Іосифа, несомнѣнно, станетъ мѣстомъ паломничества многочисленныхъ почитателей его изъ разныхъ слоевъ общества, со всѣхъ концовъ нашего отечества.

Утверждаютъ, что отецъ Іосифъ записывалъ послѣ визита Толстого свои бесѣды съ нимъ. Если это вѣрно, то отстается только пожелать, чтобы эти записи поскорѣе увидѣли свѣтъ.

Н. Пальмовъ.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 23-го августа 1911 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Борчакъ-Новицкаго. Мерниговская ул.

ГОДЪ

ЛП.

УКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

№№ 35 — 36.

1911-го года 28 августа—4-го сентября.

Содержаніе: I. Къ торжеству открытія мощей святителя Іоасафа Бѣлгородскаго. Н. Гумилевскій.—II. Іисусъ Сладчайшій. Н. Колосовъ.—III. Изъ Апостола. (Окончаніе). М. Скабаллановичъ.—III. Замѣтка. Къ борьбѣ съ „мужицкимъ нигилизмомъ“.

Къ торжеству открытія мощей святителя Іоасафа Бѣлгородскаго.

Въ сонмѣ прославленныхъ святыхъ Православной Церкви возсіялъ новый великій угодникъ Божій—святитель Бѣлгородскій Іоасафъ. Многочисленныя чудеса, совершающіяся при гробѣ святителя, свидѣтельствуютъ о томъ, что благоволеніе Божіе продолжаетъ пребывать на Церкви Русской, въ которой Богъ съ самаго начала ея существованія и до нашихъ дней прославляетъ чудесами почти непрерывный рядъ Своихъ угодниковъ. Не налагаетъ ли это Божественное благоволеніе на всѣхъ насъ обязанности быть достойными его?

Вмѣстѣ съ тѣмъ открытіе мощей святителя Іоасафа, какъ и другихъ, прежде него прославленныхъ святыхъ, снова являетъ всему міру святость и истинность Православной Церкви Восточной, нераздѣльную часть которой составляетъ наша Русская Церковь. Всякое дерево узнается по плодамъ; поэтому несомнѣнно истинна и свята Церковь, въ лучшихъ сынахъ своихъ являющая такіе образы нравственнаго совершенства, какихъ нельзя найти въ другихъ человѣческихъ обществахъ. Достаточно вспомнить хотя бы русскихъ святыхъ, прославленныхъ въ позднѣйшее, ближайшее къ намъ время. Кому изъ русскихъ православныхъ людей не знакомы и не близки дивные образы святителя Тихона Задонскаго и преп. Серафима Саровскаго?—Всецѣлое устремленіе къ Богу и полное отрѣшеніе отъ всякой земной скверны, выражающееся въ строгомъ подвижничествѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ глубочайшее смиреніе и кротость, — горячая и самоотверженная любовь къ людямъ, любвеобильное отношеніе къ посѣтителямъ, вызывавшее въ послѣднихъ чувство успокоенія отъ всѣхъ житейскихъ тревоженій и неземную радость—вотъ главныя черты этихъ дивныхъ образовъ.

Вполнѣ сроденъ по духу съ этими великими подвижниками и нынѣ прославленный святитель Іоасафъ. Отъ юности посвятивши себя иноческимъ подвигамъ, святитель всю жизнь свою провелъ въ строгомъ воздержаніи и устремленіи отъ земной нечистоты къ небу. Молитвенное настроеніе его было такъ горячо, что молитва его часто сопровождалась слезами. Но это устремленіе къ небу не препятствовало святителю трудиться для блага людей: онъ разливалъ вокругъ себя свѣтъ Христова ученія и какъ личный примѣръ святой жизни, и какъ церковный дѣятель—настоятель монастырей и епископъ. Строгій къ порокамъ, особенно къ поступкамъ священнослужителей, вредно вліяющимъ на паству, святитель вмѣстѣ съ тѣмъ былъ проникнутъ любовью къ людямъ, въ особенности къ угнетеннымъ и нищимъ, которымъ онъ всячески благотворилъ. Святость жизни святителя Іоасафа за-

свидѣтельствована и тѣмъ, что его пасомые со времени смерти его стали почитать его, какъ угодника Божія.

Описывая радостное торжество Православной Церкви, невольно обращаешь мысль и къ инославнымъ христіанскимъ исповѣданіямъ. Лютеранство, вмѣстѣ со множествомъ другихъ раціоналистическихъ сектъ, совершенно отвергаетъ почитаніе святыхъ и, такимъ образомъ, добровольно лишается великаго духовнаго утѣшенія, не понимая возможности молитвеннаго общенія ближайшихъ друзей Божіихъ, прославленныхъ въ небесныхъ селеніяхъ, съ земными людьми, тогда какъ для православныхъ такое общеніе вполне понятно и, такъ сказать, осязательно. Другая половина западнаго христіанскаго міра—католичество—почитаетъ святыхъ, но, къ сожалѣнію, послѣ отдѣленія Рима отъ Вселенской Церкви понятіе о христіанской святости у него постепенно затемняется и извращается. Римъ также хвалится множествомъ своихъ новоявленныхъ святыхъ; эти святые даже почти совершенно заслонили собою въ католическомъ сознаніи образы святыхъ древней нераздѣльной Церкви Вселенской; но эти новые римскіе святые (по крайней мѣрѣ, значительное большинство ихъ) по духу своему очень далеки отъ того образа святости, какой мы видимъ въ лицѣ преподобнаго Серафима Саровскаго и свят. Іоасафа Бѣлгородскаго. Большинство канонизованныхъ въ позднѣйшее время папами святыхъ принадлежитъ къ дѣятелямъ инквизиціи и ордена іезуитовъ или къ людямъ, которые, по своимъ убѣжденіямъ и по своей дѣятельности, близко примыкали къ этимъ спеціально-католическимъ учрежденіямъ. Главными добродѣтелями этихъ людей являются фанатизмъ, слѣпая преданность папству и готовность всѣми, хотя бы и безнравственными средствами способствовать распространенію его владычества, а вмѣстѣ съ тѣмъ ненависть и презрѣніе ко всѣмъ, не желающимъ подчиняться папѣ. Примѣръ такой чисто-римской святости представляетъ извѣстный уніатскій епископъ Іосафатъ Кунцевичъ, который истязалъ православныхъ, не желавшихъ принимать унію,

отнималъ у нихъ храмы, разгонялъ православныхъ священниковъ и т. п., и все это даже вопреки польскимъ законамъ; и такой то человѣкъ былъ причисленъ папами къ лику святыхъ. Представляя своимъ чадамъ такіе образы святости, какъ высшіе примѣры для подражанія, католическая церковь тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ, что у нея не сохранилось истиннаго пониманія духа Христова ученія. Это различное пониманіе идеала святости нагляднѣе всего показываетъ, насколько существенно различается католическая церковь отъ Православной.

Н. Гумилевскій.

Иисусъ Сладчайшій.

(Универсальная Личность Христа и міръ.—Иисусъ Христосъ въ русской жизни).

Дажь мнѣ Себе, Всесладкаго!

(Изъ молитвы „Ко Господу Иисусу Распятому“).

Переворотъ, произведенный въ міръ христіанствомъ, является единственнымъ и неповторимымъ въ исторіи.

Начало этому перевороту наиболѣе опредѣленнымъ образомъ было положено, когда Господь Иисусъ, поднявшись на одну изъ Палестинскихъ горъ, говорилъ „въ слухъ множества народа, собравшагося къ подножію Его изъ Галилеи и Десятиградія, и Иерусалима и Іудеи, и изъ-за Іордана“ (Мѡ. IV, 25):

— Вы слышали, что сказано древнимъ: „не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду“. *А Я говорю вамъ*, что всякій, гнѣвающійся на брата своего напрасно, подлежитъ суду... Вы слышали, что сказано древнимъ: „не прелюбодѣйствуй“. *А Я говорю вамъ*, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вождельніемъ, уже прелюбодѣйствуетъ съ нею въ сердцѣ своемъ... Еще слышали вы, что сказано древнимъ: „не преступай клятвы, но исполняй предъ Господомъ клятвы твои“. *А Я говорю вамъ*: не клянитесь вовсе... Вы слышали, что

сказано: „око за око и зубъ за зубъ“. *А Я говорю вамъ:* не протився злему. Но кто ударить тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую... Вы слышали, что сказано: „люби ближняго твоего и ненависть врага твоего“. *А Я говорю вамъ:* любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ... Ибо, если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не то же ли дѣлаютъ и мытари (сборщики податей у евреевъ)? И если вы привѣтствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и язычники? Итакъ, будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный“ (Мѣ. гл. V).

Не трудно видѣть, что этими, совершенно ясными словами Господа нашего въ самой сущности своей перерождалась ветхая мораль, *еврейская* и *языческая*. Въ міръ нравственныхъ понятій и отношеній, въ міръ духовной жизни вообще вносилось невѣдомое доселѣ, новое начало, открывавшее въ сферѣ духа новыя, незримыя доселѣ горизонты.

Переворотъ начинался... Но его, безусловно, не произошло-бы, если бы ученіе объ абсолютномъ совершенствѣ, по образу совершенства Отца Небеснаго, не находило конкретнаго и полнаго воплощенія въ абсолютно совершенной жизни Самого Учителя. Въ Лицѣ Господа Иисуса между словами Его и Его жизнью, отъ начала до конца запечатлѣнной духомъ чистоты, кротости и безпредѣльной любви, царила полная гармонія.

— „Кто изъ васъ обличитъ Меня въ неправдѣ“?—вопросалъ Спаситель Своихъ враговъ, и они, при всей своей озлобленности противъ Него, оставались бозотвѣтными (Іоан. гл. VIII, 46).

Да и что можно было сказать противъ Иисуса, если Онъ, какъ Солнце Божіей любви, свѣтилъ на добрыхъ и злыхъ и, какъ Неизсякаемый Родникъ воды живой, напоилъ всякаго, кто жаждалъ и съ вѣрою и любовію шелъ къ Нему.

Что можно было сказать противъ Иисуса, если вся дѣятельность Его протекала въ томъ, что ходилъ Онъ „по городамъ и селеніямъ, уча въ синагогахъ..., проповѣдуя Евангеліе Царствія Божія и исцѣляя всякую болѣзнь и всякую немощь въ людяхъ“ (Мѣ. IX, 35).

— „Пойдите, скажите Іоанну,—говорилъ Христось ученикамъ Іоанновымъ,—что слышите и видите: слѣпые прозрѣваютъ и хромые ходятъ, прокаженные очищаются и глухіе слышать, мертвые воскресаютъ и нищіе благовѣтствуютъ“ (Мѣ. XI, 4—5).

Изумительная гармонія, царившая въ духѣ Иисусовомъ, въ высшей своей степени проявилась на Голгоѣскомъ крестѣ, когда истина ученія и жизни Богочеловѣка была засвидѣтельствована Его мучительной, страдальческой смертью.

Чтобы приблизительно подойти естественной нашей мыслью къ пониманію тайны Голгоѣы, которая глубоко потрясаетъ и перерождаетъ всякую, чутко приникающую къ ней душу, нужно припомнить, какъ тяжело переносится человѣкомъ всякое проявленіе къ нему неправды, всякая обрушившаяся на него несправедливость. Человѣкъ склоненъ бываетъ роптать даже противъ заслуженныхъ страданій; всякая же обида, какая представляется ему незаслуженной, огнемъ жжетъ его душу. Положительно ужасъ пережили бы мы, если бы только мысленно представили себѣ, что насъ судятъ и обвиняютъ за какое либо несовершенное нами преступленіе. Да безъ болѣзненнаго волненія не могли бы мы переживать и чужого такого трагическаго положенія.

При созерцаніи же той, ни съ чѣмъ несравнимой несправедливости, какая лежитъ въ основѣ Голгоѣской трагедіи, мы можемъ лишь остановиться въ нѣмомъ трепетѣ. Здѣсь со беззаконными вмѣняется не знавшій грѣха. Здѣсь оскорбительныя муки переноситъ всему міру открывшій путь къ счастью. Здѣсь въ путы смерти заключается Вѣчная Жизнь. Здѣсь грѣшный человѣкъ не только хочетъ стать выше все-совершеннаго Бога, но Богъ, дѣйствительно, принимаетъ

унизительный зракъ рабій, дабы привести къ Богоуподобленію человѣка. Здѣсь совершается злодѣяніе, какое могло совершиться лишь одинъ разъ на всѣ вѣка прошедшіе и будущіе. И, однако, Страстотерпецъ молится за злодѣевъ:

— „Отче! Прости имъ“..

„И возрыдала вся тварь, — скажемъ высоко поэтическими словами церковной пѣсни, — видя обнаженнымъ на крестѣ Вседержителя; солнце сокрыло лучи свои и звѣзды отложили свѣтъ; земля въ великомъ ужасѣ поколебалась и камни распались“ (икось Вел. субботы). При страданіяхъ и смерти Богочеловѣка измѣнилось обычное теченіе жизни въ природѣ, и было бы противоестественно, если бы этого не произошло...

Испивъ горькую чашу страданій, Христось Спаситель умеръ.. Но для Того, Кто, — повторимъ слова Вл. Соловьева изъ его „Пасхальныхъ писемъ“, — былъ безпредѣльно свободенъ отъ всякихъ внутреннихъ ограниченій, отъ страстей и грѣха, не могъ быть подчиненъ смерти, а потому Господь Иисусъ, сойдя „долѣ“ во гробъ, въ третій день возсіалъ изъ гроба, прославленный, лучезарный, прекрасный... И когда, въ сороковой день по воскресеніи, вознесся Господь нашъ на небеса, во слѣдъ Ему, въ небесную же высь, устремился и весь міръ. Все, чѣмъ жило человѣчество раньше, всѣ его цѣнности, идеалы, боги... постепенно были отброшены. Во Христѣ прогоркли для міра всѣ его прежнія „сладости“, и жизнь внѣ Иисуса Сладчайшаго, внѣ зависимости отъ Его ученія и Его Личности, стала уже невозможной для него. Говоря словами церковной пѣсни, Христось явился для міра спасительной *весной*, подъ животворными лучами которой только и мыслимо стало дальнѣйшее его развитіе“ (Каѳизмы Великой субботы).

Чѣмъ жило человѣчество до Христа? Каковы были его духовныя цѣнности.

Древнее человѣчество имѣло право гордиться своей философіей, какъ системой самостоятельныхъ усилій, направленныхъ къ уясненію и рѣшенію вопросовъ о жизни вселен-

ной, о смыслѣ бытія, о назначеніи человѣка и т. дал. Древній міръ далъ такихъ великановъ мысли, какъ Сократъ, Платонъ и Аристотель. Но явился Христось, и Аристотели, Платоны и Сократы стали уже болѣе не нужны. Историческое значеніе ихъ заключалось въ томъ, что въ области мысли они рѣшили все, что было доступно человѣку, и подвели сознание человѣка къ той границѣ, за которой начиналась для него бездна невѣдѣнія. Эту бездну заполнило Евангеліе, и вниманіе философовъ христіанскаго времени могло направиться лишь къ тому, чтобы прояснить для ограниченнаго разума человѣческаго истины христіанства, истолковать ихъ, распространить. Съ такимъ характеромъ философія существовала въ первые вѣка христіанства въ лицѣ Аристида, Минуція Феликса, Оригена, Климента Александрійскаго, Іустина Философа и др. Нужно ли говорить о томъ, что во всецѣломъ единеніи съ Евангеліемъ стояла философія въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, когда выработалась эта извѣстная формула: „философія—служанка при богословіи“? Но было бы ошибочно думать, что независимо отъ христіанства развивалась философія новѣйшаго времени. Да, эта философія болѣе самостоятельна, чѣмъ философія прежняго времени. Она, дѣйствительно, не скрываетъ своего желанія совсѣмъ отрѣшиться отъ вліянія Евангелія и быть „человѣческой, какъ только человѣческой“. Но чѣмъ опредѣленнѣе сказывается эта тенденція новѣйшей философіи, тѣмъ замѣтнѣе безсиліе ея въ ея дерзновеніи. Всякій, кому приходилось серьезно работать въ области исторіи философіи, согласится, что даже такіе, повидимому, самобытные мыслители, какъ Декартъ, Спиноза и Кантъ, корнями своей философіи, особенно въ нравственной ея части, уходятъ въ почву христіанства, и всѣ не разъ и открыто свидѣтельствовали о своемъ глубокомъ благоговѣніи къ Евангелію¹⁾. Мы не говоримъ

¹⁾ См. опредѣленные указанія на это у Пфеннигсдорфа въ его книгѣ: „Иисусъ Христось въ современной духовной жизни“. Перев. С. П. Никитскаго. Харьковъ. 1907 г.

уже о такихъ философахъ, какъ Лейбницъ, писавшій гимны въ честь Христа, Шеллингъ, видѣвшій въ христіанствѣ цѣль всего развитія человѣчества и приписавшій безконечную цѣну крестной смерти Христа, Дж. Ст. Милль, который сначала дѣйствительно былъ врагомъ всякой, а тѣмъ болѣе христіанской метафизики, а потомъ проникся чувствомъ благоговѣнія ко Христу и говорилъ, что Христосъ является для насъ непремѣнно единственнымъ образомъ, непохожимъ ни на своихъ предшественниковъ, ни на всѣхъ своихъ послѣдователей. Не говоримъ также о высокой христіанской настроенности выдающихся философовъ позднѣйшаго времени: Тейхмюллера, Секретана, Эйкена, Спитта и т. д.—Христіанство питало и всю русскую философію, въ лицѣ виднѣйшихъ ея представителей: Гогоцкаго, Голубинскаго, Юркевича, Вл. Соловьева, кн. С. Трубецкаго и друг. Въ послѣднее же время русская философія проявлялась съ одной стороны въ формѣ неохристіанства, съ другой—въ формѣ толстовства. Здѣсь, конечно, далеко не все свободно отъ заблужденій, но тенденція построить философію всецѣло на началахъ христіанства здѣсь несомнѣнна.—Правда, и въ христіанское время появлялись мыслители, пытавшіеся, подобно, напр., Фейербаху или Ницше, создать совершенно отрицательную по отношенію къ христіанству философскую систему и на мѣсто идеи Богочеловѣчества поставить идею челоукобожества и вмѣсто любви проповѣдывавшіе ненависть, но такого рода философскія системы никогда не были оригинальными: въ нихъ всегда отражалось то или другоедохристіанское, языческое ученіе. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, доктрины философовъ-отрицателей въ христіанскомъ мірѣ не имѣли того успѣха, на какой онѣ были рассчитаны; онѣ не удовлетворяли христіанскаго сознанія, и сами творцы ихъ, въ минуты искренности, признавались, что ихъ парадоксальныя ученія—мука для нихъ и что тѣнь убитаго ими Бога преслѣдуетъ ихъ неумолимо...

Но говорят иногда, что не только внѣ христіанства, но и вопреки ему, развивается естественная наука. Однако, говорить такъ значитъ ошибаться. Конечно, по внѣшней сторонѣ своихъ изслѣдованій, въ своихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ представители науки стоятъ внѣ зависимости отъ христіанства, потому что матерія науки къ существу христіанской религіи не имѣетъ отношенія. Нѣтъ и быть не можетъ непосредственной связи между Евангеліемъ съ одной стороны и между телефонами, автомобилями и аэропланами съ другой. Христіанство—религія вѣчнаго духа, наука же имѣетъ дѣло лишь съ внѣшними матеріальными формами. Но здѣсь мы должны припомнить, что въ общемъ своемъ міросозерцаніи всѣ величайшіе представители науки были добрыми христіанами, а это уже устанавливаетъ довольно определенную связь между христіанствомъ и наукой. Мы не будемъ много останавливаться на именахъ тѣхъ виднѣйшихъ естествоиспытателей, христіанская настроенность которыхъ стала слишкомъ извѣстной, каковы, напр., Коперникъ, въ своихъ собственныхъ сочиненіяхъ просившій себѣ милости у Христа, Бэконъ Веруламскій, говорившій, что глубокое знаніе возвращаетъ къ Богу, Галилей, горячо вѣровавшій во Христа, Ньютонъ, обнажавшій голову при всякомъ произнесеніи имени Божія, Кеплеръ, утверждавшій, что „въ твореніи онъ ощущаетъ Бога какъ бы руками“, Пастеръ, писавшій въ своемъ дневникѣ, что, послѣ 30 лѣтъ непрерывнаго изученія тайнъ природы, онъ сталъ религіозенъ. „какъ простой нормандскій крестьянинъ“. Больше остановимся на тѣхъ ученыхъ, которыхъ по недоразумѣнію охотнѣе зачисляють въ лагерь враговъ христіанства, чѣмъ въ лагерь его сторонниковъ и послѣдователей. Укажемъ на великаго астронома Гершеля, который говорилъ, что „чѣмъ больше расширяется поле науки, тѣмъ многочисленнѣе и неопровержимѣе становятся доказательства за вѣчное существованіе творческой и всемогущей Мудрости, о Которой говорятъ Библія и Евангеліе“,—укажемъ на основателя науки новой географіи Риттера, кото-

рый былъ вѣрующимъ человѣкомъ,— на знаменитаго изслѣдователя электричества Фарадея, который не только систематически и съ любовью читалъ Библію, но и занимался изученіемъ толкованій на нее. По позднѣйшимъ даннымъ, касающимся біографіи Дарвина¹⁾, видно, что авторъ общезвѣстной по своей смѣлости гипотезы часто обращался къ вѣрѣ во Христа во всѣхъ тѣхъ моментахъ чрезвычайныхъ нравственныхъ колебаній, какія онъ часто переживалъ. Романесъ, наиболѣе ревностный ученикъ и послѣдователь Дарвина, дѣйствительно, нѣкоторое время былъ врагомъ христіанства и единомышленникомъ Геккеля, но потомъ и онъ ученую свою мантію повергаетъ къ стопамъ Христовымъ: „только человѣку, — говоритъ онъ, — совершенно лишенному духовнаго ощущенія, христіанство можетъ не представляться, какъ самое величественное, едва ли на нашей землѣ вполнѣ постижимое изображеніе прекраснаго, возвышеннаго и всего того, что вліяетъ на нашу душевную природу“. Не можемъ не остановиться еще на словахъ ученаго, которому принадлежитъ величайшее открытіе о единствѣ силъ, — ученаго Роберта Майера. Этотъ крупнѣйшій представитель естествовѣдѣнія открыто и убѣжденно говорилъ въ торжественномъ собраніи естествоиспытателей въ Инсбруккѣ (Австрія): „отъ всего сердца я провозглашаю, что истинное знаніе имѣетъ право и можетъ быть не чѣмъ инымъ, какъ только пропедевтикой къ христіанской религіи“, введеніемъ въ нее.

Вопросъ о томъ, насколько ученые естествоиспытатели были христіанами, специально изслѣдовалъ докторъ Деннеръ. И въ результатъ его строгаго и безпристрастнаго изслѣдованія оказалось, что всѣ ученые перваго ранга были добрыми христіанами, и лишь ученые третьяго, пятаго, еще болѣе десятаго и дальнѣйшихъ ранговъ воображаютъ себя слишкомъ разумными, чтобы открыто исповѣдывать Христа. Если же всѣ истинные ученые по общему своему міросозерцанію были

¹⁾ См. у Пфсннигсдорфа.

христіанами, то естественно, что вѣра христіанская не могла не вліять благотворно на характеръ и широту ихъ ученыхъ работъ: вѣра христіанская поддерживала въ нихъ свѣтлый взглядъ на жизнь, сообщала несомнѣнный смыслъ ихъ дѣятельности, а любовь христіанская побуждала ихъ наиболѣе ревностно трудиться надъ ихъ изслѣдованіями и изобрѣтеніями, направленными ко благу человѣчества. Далекое не безъ вліянія христіанства опредѣлился тотъ конкретный историческій фактъ, что очагомъ культуры оказался *христіанскій* Западъ, въ то время какъ *языческій* Востокъ до сихъ поръ продолжаетъ коснѣть въ застоѣ.

Была еще другая духовная цѣнность, которой украшался древній міръ. Это—искусство.

Наиболѣе вдохновенной жрицей искусства была Греція, возводившая красоту въ культъ, вѣрившая, что кисть, рѣзецъ и цѣвница призваны искупить міръ, и—дѣйствительно—дававшая человѣчеству рядъ художниковъ, относительно которыхъ можно повторить слова великаго нашего поэта ¹⁾, обращенныя къ греческому ваятелю Фидію:

Или Зевсъ съ неба сошелъ показать
тебѣ образъ свой, Фидій,

Или ты самъ въ небеса Зевса узрѣлъ
возлетѣлъ.

Но съ появленіемъ христіанства, Греція,—скажемъ словами Гоголя,—свои „влажныя отъ наслажденія“, „прекрасныя очи обратила къ Востоку“, гдѣ „въ деревянныхъ ясляхъ возлегло Божественный Младенецъ“ ²⁾. Въ образѣ Христа Іисуса открылась полнота Божества тѣлесно (Колос. 11, 9); жизнь была полна положеніями глубокими, сильными, разнообразная галерея выдающихся произведеній на темы евангельской исторіи. Кому; хотя бы въ репродукціяхъ, неизвѣ-

¹⁾ Пушкина.

²⁾ Н. В. Гоголь. „Жизнь“.

образными: то нѣжно-тихими, то скорбно-трагическими, то свѣтло радостными, а такія положенія не могли не влечь къ себѣ чуткаго художническаго вниманія; ученіе же Христа Спасителя заключало въ себѣ именно ту универсальную идею уподобленія человѣка Богу, которую тщетно искало доселѣ искусство языческой древности. Чѣмъ шире распространялось христіанство, тѣмъ быстрѣе искусство становилось религиознымъ въ христіанскомъ смыслѣ, достигая, подъ вліяніемъ Евангелія, „той духовной сосредоточенности и глубины, которыхъ греческое искусство вовсе не знало, такъ какъ служило существенно отличной, веселой, свѣтской и чувственной религіей“¹⁾. Можно сказать, что, съ появленіемъ христіанства, искусство поработилось ему.—Зодчіе во славу Христову воздвигали всѣ эти величественныя и до сихъ поръ непревзойденныя въ строительномъ искусствѣ храмы Римскіе, Кальнскіе, Страсбургскіе, Брюссельскіе, Парижскіе, Византійскіе, древне-русскіе храмы—Кіевскіе, Новгородскіе, Московскіе, Владимірскіе и далѣе... „до послѣднихъ земли“. Оригинальныя школы зодчества византійская и готическая всецѣло выросли на почвѣ христіанства. — Высочайшіе геніи музыки также въ честь Христа настраиваютъ свои лиры, при чемъ зенита своего христіанская музыка достигаетъ въ композиціяхъ Гайдна, Глюка, Баха, Бетховена, Моцарта. Не можемъ не вспомнить здѣсь о цѣломъ рядѣ нашихъ русскихъ композиторовъ прежняго времени, которые, какъ, на примѣръ, Ведель, Бортнянскій, Турчаниновъ, Львовъ и др., всѣ свои богатые дарованія безраздѣльно посвящали Христу, а также не можемъ не вспомнить о такихъ виднѣйшихъ композиторахъ позднѣйшихъ, которые, какъ, нар., Чайковскій, Римскій Корсаковъ, Гречаниновъ, Рахманиновъ, Кастальскій и др., не разъ вдохновлялись высокими христіанскими настроеніями. Въ области же живописи мы не можемъ назвать ни одного сколько-нибудь крупнаго имени, которому не приписывалась

¹⁾ Проф. Карлъ Верманъ. „Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ“. Т. II. Стр. 861. — СПб. 1910 г.

стны эти дивныя картины Рафаэля („Преображеніе Господне“, „Несеніе креста“, „Положеніе во гробъ“), Леонардо-де Винчи (Der Erlöser, „Тайная вечеря“ и др.), Тиціана („Искушеніе Христа“, „Воскресеніе Христово“ и др.), Корреджіо (напр., „Вознесеніе Господне“), Рембрандта („Воскресеніе“ и „Вознесеніе“), Веласкеза („Иисусъ въ домѣ Марѣи и Маріи“, „Христосъ въ темницѣ“ и др.), Перуджино (напр., „Несеніе креста“), Гвидо Рени („Ессе Номо“), Ганса Тома (напр., „Христосъ и Никодимъ“), Фра-Анжелико („Преображеніе Господне“, „Не прикасайся мнѣ“ и др.), Мурильо (напр., „Святое семейство“, „Чудо насыщенія хлѣбомъ“ и др.), Джерера („Христосъ на крестѣ“)? Однимъ словомъ, и въ области живописи такъ же, какъ и въ области философіи и науки, и другихъ видовъ духовнаго творчества, все великое неодолимо влеклось къ Сладчайшей Личности Иисусовой¹⁾. И по отношенію къ нашимъ русскимъ художникамъ кисти кто не чувствовалъ, что въ религіозныхъ картинахъ и Семирадскаго, и Ге, особенно Иванова, Бруни, еще болѣе Васнецова, Верещагина, Нестерова, въ значительной степени Полѣнова, заключена лучшая часть ихъ творческаго духа, что здѣсь, въ религіозномъ христіанскомъ творествѣ, художники видѣли высшее свое назначеніе и получали здѣсь высшія художническія радости?— Не менѣе, чѣмъ на указанные виды искусства, замѣтно вліяніе христіанства и на поэзію. Совершенно излишне говорить, что всецѣло христіанству обязаны своей міровой славой такія созданія поэзіи, какъ поэмы Данта, Мильтона, Тасса и др., но христіанскимъ духомъ дышать произведенія и многихъ такихъ позднѣйшихъ и современныхъ писателей, которые, повидимому, иногда и хотѣли бы освободиться отъ вліянія христіанства. При внимательномъ чтеніи, вполне опредѣленный отпечатокъ христіанскаго ученія находимъ мы въ произведеніяхъ Гете (напр., въ „Фаустѣ“ и въ цѣломъ рядѣ

¹⁾ Указанія на это въ сконцентрированомъ видѣ см. въ только что вышедшей книгѣ—альбомѣ Д - r. Walter Röhres. „Christus“. Köln a Rh. 1911.

стихотвореній), Шиллера (напр., „Надежда“, „Стремленіе“, „Къ радости“, „Бой съ дракономъ“, „Иѣснь о колоколѣ“ и друг.), Шекспира (особенно „Макбэтъ“), Байрона („Была я въ свѣтломъ Божьемъ храмѣ“, „Если тамъ за небесами“). В. Гюго (напр., „Молитва за всѣхъ“, „Смерть сластолюбца“, „За бѣдныхъ“, „Я былъ на берегу“ и друг.), Гейбеля, Фрейтага, Рила, Рейтера, отчасти въ произведеніяхъ Гауптмана („Ганнель“ и „Потонувшій Колоколь“), Зудермана („Іоанна“), но особенно яркіе проблески христіанскихъ идей мы встрѣчаемъ въ произведеніяхъ Ибсена съ его Брандомъ, пламеннымъ проповѣдникомъ христіанства, а также и у друго́го выдающагося скандинавскаго драматурга Бьернсона. Неудивительно поэтому, что великій Гете говорилъ въ свое время: „времена напряженія христіанской вѣры всегда были наиболѣе продуктивными для поэзіи и, наоборотъ, упадокъ вѣры имѣлъ своимъ послѣдствіемъ паденіе поэзіи“. — Что касается, въ частности, поэзіи русской, то христіанскій характеръ ея особенно очевиденъ. Вся древняя наша поэзія была не только религіозна, но и церковна въ строгомъ смыслѣ этого слова. Въ стихахъ наши предки перелагали Псалтирь (Симеонъ Полоцкій, Антиохъ Кантеміръ и друг.), въ драмѣ инсценировались евангельскіе сюжеты (напр., „Комедія о блудномъ сынѣ“ Симеона Полоцкаго) и т. д. Высокіе христіанскіе мотивы находимъ мы положительно у всѣхъ великихъ позднѣйшихъ русскихъ писателей: у Хераскова, вся поэзія котораго, можно сказать, сводится, къ прославленію „великаго христіанскаго Бога“, у гениальнаго Ломоносова, который, въ духѣ псалмовъ царя Давида, утро и вечеръ воспѣвалъ величіе Божіе, у Державина съ его общеизвѣстной безсмертной одой („Богъ“), у Карамзина, христіанская настроенность котораго замѣтна всюду: во время своего путешествія по Западной Европѣ онъ событія, напр., французской революціи оцѣниваетъ съ христіанской точки зрѣнія, съ Кантомъ много и съ живымъ увлеченіемъ бесѣдуетъ о безсмертіи души и о ненасытности человѣческихъ желаній, вѣру и безсмертіе же души выра-

жаеть въ своихъ повѣстяхъ (напр., „Бѣдная Лиза“), факты прошлой русской жизни разсматриваетъ въ свѣтѣ христіанскаго, нравственнаго идеала; христіаниномъ былъ и Жуковский и не только въ поэзіи, но и въ жизни, и въ педагогіи, какъ воспитатель Императора Александра II; яркія отраженія христіанскихъ понятій и чувствъ находимъ мы у Батюшкова, лучшія стихотворенія котораго говорятъ о Богѣ и безсмертіи („Надежда“, „Умирающій Тассъ“, и друг.), и у великаго Пушкина, который умилялся религіознымъ умиленіемъ предъ изображеніемъ „Божественнаго Спасителя“, преклонялся предъ религіознымъ творчествомъ „отцовъ пустынниковъ и женъ непорочныхъ“, „въ священномъ ужасѣ“ внималъ проповѣдническому слову митрополита Филарета, уподобляя его „архѣ Серафима“, проводилъ нравственно христіанскія идеи почти во всѣхъ своихъ крупнѣйшихъ произведеніяхъ (особенно въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ — образъ Татьяны — и въ „Борисѣ Годуновѣ“ — „жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста“). А одно время Пушкинъ выражалъ даже желаніе совсѣмъ отрѣшиться отъ грѣшнаго, суетнаго міра, уйти „въ сосѣдство Бога“, поселившись въ уединенной кельѣ въ монастырѣ на Кавказскихъ горахъ („Монастырь на Казбекѣ“). Вообще же Пушкинъ благоговѣлъ предъ христіанствомъ. И Евангеліе онъ, не только геніальный поэтъ, но и умнѣйшій и образованнѣйшій человѣкъ своего времени, чью музу современная критика первѣе всего почитаетъ мудрой музой¹⁾. Евангеліе онъ почитаетъ совершеннѣйшей и несравненной книгой (см. напр., его журнальную статью о книгѣ Сильв. Пеллико: „Объ обязанностяхъ“) и о необходимости проповѣди Евангелія между русскими инородцами — иновѣрцами пространно и горячо говорить, между прочимъ, въ своемъ „Путешествіи въ Эрзерумъ“ и прекрасный образъ будущаго христіанскаго миссіонера даетъ въ неоконченной, къ сожалѣнію,

¹⁾ См., напр., у Д. Мережковского: „Вѣчные спутники“. Изд. III. СПб. 1910 г. Стр. 267—336.

поэмъ „Галубъ“ (образъ Тазита). Не будемъ говорить о Гоголѣ, который поэтическую свою дѣятельность закончилъ христіанскою проповѣдью, но чистые и мощные христіанскіе аккорды находимъ мы въ лучшихъ стихахъ и байроническаго Лермонтова, въ такихъ крупныхъ произведеніяхъ Тургенева, какъ „Дворянское гнѣздо“, и въ такихъ мелкихъ какъ „Христосъ“, „Живыя мощи“, „Басьянъ съ Красивой мечи“ и др., во всѣхъ почти крупныхъ произведеніяхъ Достоевскаго, а также въ поэзіи гр. А. Толстого, Полонскаго, Фета, особенно Тютчева, не менѣе—въ поэзіи Майкова съ его драмой „Два міра“, гдѣ міръ христіанскихъ идей вытѣсняетъ собою міръ идей языческихъ. Христіанскіе мотивы находимъ мы даже у Некрасова, напр., въ его дивномъ стихотвореніи „Тишина“, гдѣ поэтъ рассказываетъ, какъ онъ, по возвращеніи изъ-за границы, входя въ русскій православный храмъ,

. дѣтски умилился
 И долго рыдалъ и бился
 О плиты старыя челомъ,
 Чтобы простилъ, чтобъ заступился,
 Чтобъ осѣнилъ (его) крестомъ
 Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ..

Правда, у нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ нами писателей есть и такія произведенія, которыя написаны въ свободномъ по отношенію къ христіанству духѣ, но такія произведенія относятся, по большей части, къ порѣ молодости поэтовъ, когда муза ихъ была еще незрѣла и легкомысленна. Въ болѣе зрѣломъ періодѣ своего творчества, большинство названныхъ нами поэтовъ успокоеніе своихъ мятежныхъ думъ и бурныхъ порывовъ находили именно въ христіанствѣ. Особенно яркіе примѣры такого рода перелома въ настроеніи и дѣятельности поэтовъ мы находимъ въ лицѣ Карамзина, Пушкина, Фета, Майкова и друг.—Очень многіе склонны обвинять въ антихристіанскомъ направленіи русскую литературу,

такъ сказать, послѣднихъ дней. И для обвиненія этого есть, къ сожалѣнiю, рядъ безспорныхъ основанiй. Однако, по отношенiю къ крупнѣшимъ представителямъ литературы послѣдняго времени это обвиненiе должно быть до нѣкоторой степени смягчено, въ виду того, напр., что Чеховъ, при всемъ своемъ видимомъ индифферентизмѣ къ христіанской религіи, лучшими и любимыми своими рассказами считалъ рассказы „Святой ночью“ и особенно „Студентъ“, гдѣ въ положительныхъ и даже восторженныхъ тонахъ разработаны темы съ религіозно-христіанскимъ оттѣнкомъ; указанное нами обвиненiе, предъявляемое къ русской литературѣ текущаго момента, должно быть смягчено и въ виду того, что и самъ „властитель думъ“ современной молодежи, Л. Андреевъ, наиболѣе значительныя свои произведенія („Жизнь Василя Ойвейскаго“, „Савва“, „Къ звѣздамъ“, „Елеазаръ“, „Иуда Искариотскій“, „Жизнь человѣка“ и друг.) посвящаетъ уясненiю и рѣшенiю вопросовъ религіи и—при этомъ—чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше склоняется къ положительному рѣшенiю этихъ вопросовъ. Какъ ни странно, но этотъ уклонъ къ положительному рѣшенiю религіозныхъ проблемъ мы, при тщательномъ изученiи предмета, въ наиболѣе ясныхъ опредѣленiяхъ находимъ въ послѣдней, такъ много напумѣвшей пьесѣ Л. Андреева—„Анатѣма“, ибо здѣсь, въ концѣ концовъ, торжествуетъ именно идея христіанской любви, носителемъ которой въ пьесѣ является Давидъ Лейзеръ, получившій, послѣ временныхъ оскорбленiй на землѣ, вѣчное блаженство въ небесахъ, что въ заключенiи пьесы возвѣщается Анатѣмѣ, какъ непререкаемая истина.

И никогда, безусловно, искусство во всѣхъ своихъ видахъ не найдетъ для себя болѣе цѣннаго содержанiя, чѣмъ то, какое заключается въ ученiи, жизни, смерти и прославленiи Сладчайшаго Іисуса, такъ какъ въ этомъ содержанiи христіанской религіи открыто для земли самое Небо. „Мы съ удивленiемъ останавливаемся,—говоритъ одинъ христіанскій апологетъ (Лютардъ),—предъ пластическимъ изображе-

ніем Лаокоона, въ которомъ человѣческая сила напрасно борется съ силою судьбы, и нашу душу невольно трогаетъ судьба Ніобы, но какая глубина душевной жизни раскрывается предъ нами въ образѣ Распятаго; какая здѣсь сочетается противоположность: побѣдоносная высота въ глубочайшемъ униженіи“. Въ эту глубину душевной жизни особенно зорко, — какъ это можно было видѣть и выше, — вглядывается искусство русское, никогда въ своемъ цѣломъ не отрывавшееся отъ корней христіанства. И убѣжденно мы можемъ сказать, что многое еще великое и славное предстоитъ создать русскому искусству, если оно и впредь будетъ питаться и одухотворяться христіанствомъ. „Когда мы видимъ Гоголя и Достоевскаго, готовыхъ принести всѣ свои литературныя сокровища въ жертву тому, что они считаютъ истинною; когда такіе богатыри, какъ Ивановъ и Васнецовъ, являютъ собою умиленное зрѣлище рѣдкой духовной мощи, направленной единственно къ уразумѣнію великихъ истинъ и идеаловъ святости и высшей красоты, мы чувствуемъ, что русскій художникъ есть прежде всего служитель идеи правды, и поэтому мы вправѣ надѣяться, что настанетъ время, когда его усилія увѣнчаются успѣхомъ, когда онъ представитъ намъ въ своихъ твореніяхъ свѣтлый образъ правды, являвшійся уже не разъ на Руси въ примѣрахъ ея подвижниковъ и ярко отражавшійся въ тѣхъ художественныхъ типахъ, которые выражаютъ заветныя думы русскаго народа и его нравственныя убѣжденія“¹⁾.

Николай Колосовъ.

Еще была цѣнность, которой былъ славенъ древній міръ — это правовой государственный и общественный строй, который обезпечивалъ порядокъ во внутренней жизни древнихъ государствъ, обезпечивалъ ихъ внѣшнее могущество и Риму, напр., стяжалъ едва не міровое господство. Римъ гордился правомъ, которое было плодомъ вѣковыхъ его усилій, и,

¹⁾ Н. Балашевъ. „Мысли объ искусствѣ“. А. С. Суворина. 1900 г. стр. 101—102.

„потрясая блестящимъ лѣсомъ копій“¹⁾), мечтавъ о томъ, что силою права и военнаго могущества онъ подлинно подчинить себѣ весь міръ, создавъ единое и во вѣки нерушимое царство. Но явился Христосъ, и Римъ остановился въ своемъ стремленіи къ „захвату міра“ и „вперилъ орлиныя очи свои на Востокъ“²⁾).

Христіанство противопоставило праву болѣе высокую цѣнность— любовь, и право въ общей системѣ жизни должно было занять ниже, чѣмъ второстепенное мѣсто. Право вынуждаетъ человѣка лишь на minimum добра, между тѣмъ какъ любовь располагаетъ человѣка свободно вносить въ жизнь maximum добра. Пользуясь правомъ, человѣкъ всегда въ той или другой степени отстаиваетъ свои интересы, въ любви же человѣкъ отъ своихъ интересовъ отказывается. Источникъ права—эгоизмъ. Источникъ любви—забвеніе о своемъ я. Римлянинъ, обоготворяя право и богомъ почитая государство, стремился къ приобрѣтенію и господству ради господства и приобрѣтенія. Христіанинъ же отрекается отъ своего я ради общаго духовнаго блага. Христіанская любовь поднялась выше языческаго права и выразилась въ формахъ, поразившихъ древній міръ и подчинившихъ его себѣ. Христіане первыхъ вѣковъ менѣе всего прибѣгали къ отстаиванію своихъ интересовъ правовымъ порядкомъ, но они добровольно отказывались отъ всякихъ интересовъ. Они всецѣло отдавали себя на служеніе Христу и ближнимъ: ради ближнихъ отказывались отъ имущества, положенія, почета, въ жертву Христову приносили всѣ свои помыслы, свои желанія, всѣ дарованія, молодость, красоту и столь часто, напр., во времена гоненій, самую жизнь. Сотнями, тысячами шли они на костры, на кресты, на арену цирковъ. Благочестивая баллада не безъ историческихъ основаній представляетъ, что недавно еще изъ песку, что подъ развалинами Колизея, вы-

¹⁾ Н. В. Гоголь. „Жизнь“.

²⁾ Н. В. Гоголь. „Жизнь“.

давливалась кровь христіанскихъ мучениковъ („Кровь мучениковъ Колизея“. Стихотв. изложеніе К. Рунова). Самоотверженіе христіанское своей духовной красотой зачаровало язычество, и хотя право не потеряло своего смысла для христіанскаго общества, но оно уже перестало быть богомъ, утратило свои прежія суровыя черты, постепенно подчинилось вліянію христіанства, все болѣе и болѣе смягчаясь и облагораживаясь. Юристы позднѣйшаго времени, напр., Бирлингъ, Тонъ, Регельсбергеръ, изъ русскихъ — Коркуновъ, не хотятъ уже видѣть въ самомъ понятіи права признаковъ *принужденія*, признавая изначальнымъ его принципомъ *свободное* подчиненіе челоуѣка извѣстнымъ правовымъ нормамъ. Насколько обильно пропитано современное наше право духомъ христіанства, всякій можетъ видѣть хотя бы изъ этого, всѣмъ извѣстнаго, уголовного судебного процесса. Милость, которая, по мысли нашего законодателя, должна царствовать въ судахъ, сквозить здѣсь всюду. Процессъ уголовного судопроизводства дѣлаетъ все, чтобы дать возможность оправдаться невинному и смягчить участь виновнаго. Припомните: подсудимому предоставляется право ставить свидѣтелямъ вопросы, давать по поводу ихъ показаній свои объясненія; интересы подсудимаго отстаиваетъ спеціальнѣйшій защитникъ, если не имъ выставляемый, то назначаемый самимъ же судомъ. Рѣчь защитника ставится послѣ рѣчи представителя обвинительной власти, а это всегда въ благопріятномъ для подсудимаго смыслѣ можетъ вліять на присяжныхъ засѣдателей, ибо послѣднее впечатлѣніе, по законамъ психологіи, наиболѣе сильно и дѣйствительно. Кромѣ того подсудимый имѣетъ возможность защищаться самъ, въ виду чего ему предоставляется послѣднее слово. Судъ присяжныхъ — по самому характеру своему — судъ милостивый. Въ случаѣ неполной выясненности преступности подсудимаго, въ случаѣ хотя бы и неглубокаго сомнѣнія въ его виновности, они самымъ закономъ побуждаются къ тому, чтобы вынести подсудимому оправдательный вердикъ. Этотъ вердикъ выносится и въ томъ случаѣ, если го-

лоса судей въ равной мѣрѣ распредѣляются за осужденіе и за оправданіе. Во всѣхъ этихъ моментахъ уголовного процесса развѣ не видно живого дыханія Евангелія. А кто, будучи въ судѣ, не чувствовалъ, что онъ присутствуетъ именно въ *христіанскомъ* судѣ, когда, при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ дѣлъ, послѣ долгой процедуры разбирательства дѣла, послѣ судебного слѣдствія, рѣчей прокурора и защитника, послѣ совѣщанія присяжныхъ, председатель суда предлагаетъ тяжущимся окончить дѣло примиреніемъ, на что, по большей части, тяжущіеся отвѣчаютъ скрытой въ нихъ доселѣ готовностью. И вотъ, излишними становятся свидѣтели, теряютъ смыслъ рѣчи прокурора и адвоката, постановленіе присяжныхъ получаетъ лишь второстепенное значеніе: со слезами радости, обиженный подаетъ руку обидчику, слышны всхлипыванія въ рядахъ публики, свѣтлая улыбка играетъ на лицахъ судей и самого прокурора и вы видите, что вспыхнула христіанская любовь и изъ зала суда постыженной ушла богиня правосудія...

Вообще же право въ христіанскомъ мірѣ развивалось въ томъ смыслѣ, что все за бѣльшимъ и бѣльшимъ количествомъ лицъ признавало цѣнность человѣческой личности, все настойчивѣе и настойчивѣе утверждало ея высокое достоинство. Въ языческомъ мірѣ личность была орудіемъ для общества, средствомъ для государственныхъ цѣлей. Христіанство же, хотя и приняло въ себя древній общественный и государственный строй, но сообщило ему совершенно новое, высшее значеніе—орудія для блага личности или группы личностей, объединенныхъ единствомъ вѣры, духовныхъ настроеній, идейныхъ стремленій. И все внѣшнее могущество въ христіанскомъ мірѣ имѣетъ значеніе не само по себѣ, а лишь постольку, поскольку оно ограждаетъ духовныя святыни народа отъ вражескихъ покушеній. Въ зависимости отъ этого, и война въ христіанствѣ—не геройскій путь къ пріобрѣтенію и славѣ, а неизбежное зло, при защитѣ вѣры и преданныхъ вѣрѣ братьевъ—сыновъ родного народа. Естественно поэтому,

что въ христіанскомъ мірѣ, съ самаго его начала, идетъ упорная работа, направленная къ устраненію всѣхъ лишнихъ поводовъ къ вооруженному столкновенію между народами и къ возможному смягченію ужасовъ самой войны.

Какъ по указаннымъ, такъ и по всѣмъ другимъ сторонамъ жизни, христіанство вносило въ языческой міръ переломену цѣнностей. Столь велико и неодолимо было вліяніе на него Сладчайшаго Иисуса. И не только къ Личности Иисуса влеклось вниманіе міра, но и ко всему внѣшнему, чисто, такъ сказать, предметному, что было связано съ Его Личностью. Земля, гдѣ Онъ жилъ, стала „Святой землей“, мѣсто мученій, гдѣ Онъ пролилъ Спасительную кровь Свою, стало достопоклоняемымъ мѣстомъ, крестъ—нѣкогда орудіе позорной казни — сталъ „вѣрнымъ утвержденіемъ, Церкви огражденіемъ, ... царей державой, оружіемъ необходимымъ“ (Изъ служб. въ нед. Крестопоклон.). И теперь не мирится христіанское сознаніе съ тѣмъ фактомъ, что мѣсто жизни, страданій и воскресенія Христа Спасителя находится въ рукахъ невѣрныхъ, но припомните, что ранѣе на освобожденіе Гроба Господня поднимались цѣлыя крестоносныя ополченія, въ которыхъ десятки тысячъ молодыхъ жизней съ радостью и всецѣло отдавали себя во славу Господа. Любовь къ Иисусу Сладчайшему до того проникала нѣкогда міръ, что на ряду со взрослыми, тысячи дѣтей шли... освобождать Господень Гробъ...

Не излишне ли говорить о тѣхъ благодѣтельныхъ результатахъ, какими сопровождалось въ исторіи это всеобщее обаяніе Личностью Иисуса Сладчайшаго, Его ученіемъ и дѣломъ? Скажемъ лишь, что всѣмъ лучшимъ, чѣмъ владѣтъ современный міръ, онъ обязанъ именно христіанству. Лучшія идеи, высшіе порывы, благороднѣйшія стремленія, гуманнѣйшія понятія—все это заимствовано изъ содержанія христіанства. Нѣмецкій профессоръ Августъ Вейсманъ писалъ недавно: „если бы какой нибудь житель другой планеты могъ посѣтить землю, и если бы онъ попалъ въ одинъ изъ центровъ нашей современной цивилизаціи, то одна черта нашей

жизни болѣе всякой другой возбудила бы его интересъ и любопытство. Если бы интеллигентный и просвѣщенный человекъ повелъ его въ Лондонъ, Парижъ, Берлинъ, Нью-Йоркъ или въ какой нибудь другой крупный центръ населенія, то мы можемъ представить себѣ, каково было бы затруднительное положеніе проводника, если бы пришлось объяснить посетителю характеръ и смыслъ зрѣлища, являемаго нашимъ обществомъ. Показавъ ему внѣшнюю сторону: улицы, толпы народа, сооруженія, средства передвиженія и сообщенія, нашъ ученый проводникъ сталъ бы, вѣроятно, объяснять характеръ могущественной соціальной организаціи, скрывающейся подъ всѣмъ этимъ внѣшнимъ блескомъ. Онъ, безъ сомнѣнія, сталъ бы говорить о нашей торговлѣ, о нашемъ производствѣ, о нашихъ системахъ управленія, о занимающихъ наши умы общественныхъ и политическихъ задачахъ, также о нашей исторіи, о прошлыхъ и настоящихъ отношеніяхъ между сосѣдними націями и даже далекими другъ отъ друга частями человѣческаго рода. Но поживъ среди насъ нѣкоторое время, нашъ посетитель, вѣроятно, пришелъ бы къ тому заключенію, что есть что то такое, чего ему не разъясняютъ. Онъ замѣтилъ бы, что во всѣхъ нашихъ большихъ городахъ — церкви и соборы вездѣ, гдѣ живутъ люди. Онъ увидѣлъ бы толпы народа, которыя періодически наполняютъ эти зданія, и, безъ сомнѣнія, заинтересовался бы ученіемъ, которое тамъ проповѣдуется. Съ теченіемъ времени, онъ узналъ бы, что эти учрежденія не составляютъ отличительной черты того или другого мѣста, что они встрѣчаются въ другихъ городахъ и другихъ странахъ и что они существуютъ почти во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Оглядѣвшись внимательно вокругъ себя, онъ убѣдится; что, хотя система нашей цивилизаціи занимаетъ весьма опредѣленное мѣсто среди народовъ всего міра, но она не имѣетъ опредѣленныхъ расовыхъ или національныхъ границъ. Это не тевтонская, не кельтическая, не латинская цивилизація. Она также не можетъ быть названа ни германской цивилизаціей, ни французской, ни англо-саксонской,

ни славянской. Насколько мы имѣемъ право соединить ее съ какимъ нибудь опредѣленнымъ мѣстомъ, мы можемъ ей дать названіе европейской, хотя это опредѣленіе будетъ только географическимъ, одностороннимъ и неправильнымъ. Самымъ подходящимъ названіемъ системы, къ которой мы принадлежимъ, можно считать только выраженіе: *христіанская цивилизація*¹⁾. Такъ, христіанство растворилось въ самомъ воздухѣ нашемъ оно стало нашей стихіей, мы имъ живемъ и движемся дальше, по пути прогресса, и если нѣкоторые этого не замѣчаютъ, то развѣ потому лишь, почему мы не всегда замѣчаемъ воздухъ физическій, безъ котораго, однако, прекратилась бы всякая органическая жизнь.

Но только совершенно лишенный духовнаго зрѣнія могъ бы не видѣть, какое огромное и благотворное значеніе имѣло христіанство для роста русской духовной культуры. Послѣ принятія русскими христіанства, сравнительно быстро стали крѣпнуть на Руси духъ христіанскаго благочестія и святости: воздвигались храмы, при чемъ иногда наши предки какъ бы страшились опечалить Господа своей лѣнностью въ этомъ отношеніи и воздвигали храмы съ изумительной поспѣшностью: въ одинъ день; — строились монастыри, появлялись отшельники и пустынники; въ самомъ началѣ христіанства на Руси земля наша обогрилась кровью мучениковъ за имя Христово, среди которыхъ были славные Аскольдъ и Диръ; успѣшно развивалась въ древней Руси церковная проповѣдь, процвѣтала церковная письменность вообще. Въ христіанскомъ духѣ мыслили и писали не только духовныя лица, но и лица свѣтскія: князья, бояре, цари, какъ, напр.: Владиміръ Мономахъ, кн. Курбскій и друг. Въ христіански-аскетическомъ духѣ построилась жизнь не только въ скитахъ и монастыряхъ, но и въ домахъ мірскихъ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ, напр., „Домострой“ Селивестра, „Завѣщаніе отеческое“ По-

¹⁾ См. въ книгѣ Веніамина Кидда: „Соціальное развитіе“.

сошка и др. Христіанскія вѣянія проникли и въ русское законодательство, какъ это съ очевидностью открывається изъ „Русской Правды“ Ярослава Мудраго. Скоро, послѣ появленія христіанства на Руси, Христось, можно сказать, воцарился въ русской жизни, облекся здѣсь въ лѣпоту злато-главыхъ храмовъ, доброшумныхъ звоновъ, ангелоподобныхъ пѣній и самоотверженныхъ подвиговъ святыхъ русской Церкви. Это почувялъ самъ русскій народъ и сказалъ, что два Рима пали, но ихъ мѣсто занялъ третій Римъ и послѣдній—Москва. Русь, дѣйствительно, пошла навстрѣчу Христу съ той готовностью, съ той любовью, какая передана на извѣстной картинѣ Нестерова—„Святая Русь“. И не только къ самому Христу, Царю и Богу своему, простерла руки святая Русь, но всѣмъ сердцемъ, всѣмъ желаніемъ устремила она и ко всему, что связано съ Личностью и жизнью Сладчайшаго Иисуса. Иерусалимъ и его святыни всегда были священнѣйшимъ мѣстомъ въ глазахъ древне-русскаго человѣка. Иерусалимъ былъ воспѣтъ въ народной поэзіи, онъ былъ предметомъ благочестивыхъ легендъ, народная географія помѣстила его въ центрѣ міра. Побывать въ Иерусалимѣ, „омыться отъ грѣховъ“ „во Иордань—рѣкѣ“, „Господень гробъ сподобиться узрѣтъ“—вотъ предѣлы желаній древне-русскаго человѣка, по осуществленіи которыхъ—представлялось ему—онъ „спокойно можетъ умереть“. „Паломникъ Данила Мниха“—„Хожденіе въ Святую землю“—открываетъ собою цѣлый рядъ другихъ сочиненій этого рода, ибо обычай паломничества въ Иерусалимъ былъ чрезвычайно распространенъ въ древней Руси, особенно въ XII и слѣдующихъ вѣкахъ.

Въ силу многообразныхъ историческихъ условій, русскій народъ довольно долгое время былъ лишень образованія въ принятомъ смыслѣ этого слова, образованія общаго. Единственной школой, подъ кровомъ которой шло воспитаніе и образованіе народа, была именно Христова вѣра, Христова Церковь. И поразительны были результаты такого воспитанія

и образованія. За короткое сравнительно время, русскій народъ, по натурѣ склонный ко враждѣ, мстительности, къ междоусобіямъ и безудержный въ своихъ дѣяніяхъ, этотъ народъ преобразовался въ народъ мирный, кроткій, незлобивый, любвеобильный, разумный, работающій. Когда, со времени Петра Великаго, у насъ появилась независимая литература, то она, можно сказать, запѣла восторженный панегирикъ нашему народу, который звучалъ въ ней до самаго послѣдняго времени. Литература находила народъ настолько хорошимъ, что протестовала противъ всѣхъ стѣсненій въ его положеніи, ратовала, между прочимъ, за освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостного права, каковое освобожденіе и было совершено христіаннѣйшимъ, а потому и гуманнѣйшимъ Императоромъ, въ надеждѣ, что русскій народъ уже достаточно усовершенствовался духовно и вполне достойно воспользуется благомъ свободы. Цѣлой общественной группой, славянофилами, русскій народъ объявлялся славнымъ богатыремъ, который не только для себя добудетъ счастье, но и всѣмъ другимъ народамъ укажетъ путь къ нему. И, дѣйствительно, иногда духовная мощь русскаго народа вспыхивала съ изумительной силой, и казалось, что начинается уже его миссія богоизбранничества. Стоитъ припомнить, что, всего 100 лѣтъ назадъ, русскій народъ именно силою своего одушевленія, вызваннаго оскорбленіемъ его вѣры, поруганіемъ его святынь, даль богатырскій отпоръ натиску многоплеменнаго врага, „въ бездну повалилъ тяготѣвшій надъ царствами кумирь“ и своей кровью „искупилъ Европы вольность, честь и миръ“ и, мимо пышныхъ памятниковъ гордой западной культуры, побѣдоносно прошелъ къ самому Парижу. И раньше этого и позже не столько физической силой или техническимъ искусствомъ побѣждала Русь царствія, заграждала уста львовъ, угашала силу огненную, укрѣплялась въ немощи, обращала въ бѣгство полки чужихъ (Евр. XI, 33—34), сколько самоотверженной вѣрою своей въ Бога Христа Спасителя и любовью къ Нему. Подъ знаменами Его, подъ зна-

менами Пречистой Его Матери и Его святыхъ совершала она всѣ великія свои дѣянія. Ему, дивному во святыхъ своихъ, возносила она моленія, выступая на свои подвиги, и Ему, Христу Спасителю, воздвигала храмы—памятники, по счастливомъ завершеніи дѣній.

Такъ было раньше... Но не то—увы!—теперь. Въ самое послѣднее время, когда надъ нашей землей пронесся разрушительный ураганъ всякаго рода непровѣренныхъ учений, бранныхъ словъ и буйныхъ дѣлъ, словно переломъ какой произошелъ въ народной психологіи. Если раньше въ народной средѣ чуть не на каждомъ шагу встрѣчались прекрасные характеры, самоотверженные души, то теперь и въ литературѣ, и въ повременной печати, и въ статистикѣ, и въ судебной хроникѣ, и въ разсказахъ непосредственныхъ наблюдателей народной жизни слышатся безконечныя жалобы на то, что народъ нашъ портится, опускается, пьянствуетъ, мало трудится, становится завистливымъ и хищнымъ, перестаетъ страшиться путей преступленія, путей грабежа, поджоговъ, убійства... По очень многимъ изображеніямъ современная деревенская жизнь представляется, какъ чудовищный кошмаръ, какъ отвратительная язва ¹⁾...

Въ чемъ же причина такой рѣзкой разницы между недавнимъ прошлымъ, когда грѣхъ народный былъ частичнымъ паденіемъ, отъ чего никто и никогда не можетъ быть застрахованъ, и настоящимъ, когда народный грѣхъ грозитъ стать системой и утвердиться на устойчивой почвѣ принципиальнаго его признанія?

Что бы мы ни говорили противъ Толстого, какъ философа и моралиста, однако, мы не можемъ ему отказать въ тонкой наблюдательности, особенно по отношенію къ рус-

¹⁾ См., напр., любопытную въ этомъ отношеніи статью свящ. Н. Лебедева: „Религіозно-нравственная жизнь деревни за послѣднее пятилѣтіе“. („Чтенія въ общ. любителей духовнаго просвѣщенія“ 1911 г., январь). Ср. книгу г. Родіонова: „Наше преступленіе“.

скому народу, который онъ когда то такъ любилъ, олицетворивъ его въ прекрасномъ образѣ любвеобильнаго Платона Каратаева („Война и миръ“). И вотъ, Толстой, когда его спросили о причинѣ нравственного развала нашей деревни, просто и коротко отвѣтилъ:

— Бога забыли.

Да, забыли Бога, Сладчайшаго Спаса Иисуса.

Это же объясненіе народной порочности дають и всѣ серьезные наблюдатели современной русской деревни.

Когда то раньше, славный поэтъ-мыслитель, Фед. Ив. Тютчевъ, представляя мысленно нашу скромную наружно, но неизмѣримую духовно Русь говорилъ:

Эти бѣдныя селенья,
 Эта скудная природа—
 Край родной долготерпѣнья,
 Край ты русскаго народа!
 Не пойметъ и не замѣтитъ
 Гордый взоръ иноплеменный,
 Чтó скозитъ и тайно свѣтитъ
 Въ наготѣ твоей смиренной.
 Удрученный ношей крестной,
 Всю тебя, земля родная,
 Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
 Исходилъ, благословляя...

Но теперь поэтъ, созерцая нашу дѣйствительность, долженъ былъ бы говорить другими образами. Теперь онъ долженъ былъ бы сказать, что Христосъ не ходитъ уже среди русскихъ селеній, что Онъ не благословляетъ уже съ дѣтской довѣрчивостью склоненныхъ предъ Нимъ головъ. Нѣтъ, изнемогшій подъ усилившейся тяжестью крестной ноши, скорбный и плачущій, уходитъ Христосъ Спаситель изъ русской земли, и уходитъ не замѣчаемый и... не удерживаемый... Въ былую пору Христосъ обильно насаждалъ на русской

землѣ розы добродѣтели, розы простоты, незлобивости, прощенья, взаимной уступчивости, трудолюбія, высокихъ и свя-
тыхъ порывовъ, милитвенныхъ восторговъ и т. под. Наса-
ждая розы, Христось—припомнимъ поэтическую легенду—ле-
лѣялъ ихъ, дабы сплестъ изъ нихъ для Себя пышный и кра-
сивый вѣнокъ. Но вотъ налетѣлъ на нашу землю опустоши-
тельный ураганъ, и поломаны розы... смяты цвѣты, и лишь
новые шипы влетаются въ терновый вѣнецъ Спасителя, и
еще мучительнѣе становится душевная туга Божественнаго
Человѣколюбца

Если мы оставимъ въ сторонѣ всѣ болѣе или менѣе
субъективныя и излишне пессимистическія сужденія о нрав-
ственномъ состояніи русскаго народа въ данный моментъ, то
у насъ едва ли будутъ данныя для утвержденія, что рус-
скій народъ переживаетъ моральный кризисъ, который мо-
жетъ окончиться для него *трагически*. Русскій народъ—на-
родъ далеко не изжившій себя, народъ почти еще юный,
отъ самой природы надѣленный чуткимъ и яснымъ нравствен-
нымъ сознаніемъ. Превосходное воспитаніе, полученное имъ
въ свое время, лишь укрѣпило и усилило это сознаніе, хотя
оно и не могло предупредить возможность временныхъ укло-
неній отъ нравственныхъ нормъ, ибо оно не отнимало у на-
рода его нравственной свободы. Поэтому для насъ больше
основаній не за то, чтобы предсказывать *скорую гибель* на-
рода, а за то, чтобы вѣровать въ его *близкое и славное воз-
рожденіе*. Однако, принимая во вниманіе изъ общей массы
сужденій о временномъ состояніи русскаго народа все, что
запечатлѣно характеромъ наибольшей объективности и умѣ-
ренности, мы должны признать, что душа народная пережи-
ваетъ, дѣйствительно, трудное время, что она тяжело больна
и нуждается въ особыхъ о себѣ заботахъ. Поэтому на всѣхъ
учрежденіяхъ и лицахъ, для кого Евангеліе является книгой
Божественной, а судьбы родины—близкими и дорогими, на
всѣхъ этихъ лицахъ и учрежденіяхъ лежитъ непремѣнный

долгъ—всѣ усилія направлять къ тому, чтобы напомнить потерявшемуся въ смутѣ народу о томъ, Кто Одинъ только для всего міра, какъ и для русской земли, всегда доселѣ былъ и во-вѣки вѣковъ будутъ Истиной, Путемъ и Жизнью, напомнить о Богѣ Спасителѣ, Сладчайшемъ Господѣ Исусѣ, Который, говоря словами церковнаго моленія Ему (акаѳистъ), Одинъ только есть „Мудрость недомыслимая“, „Источникъ разума“ и „истинное ума Просвѣщеніе“, Который Одинъ только является „Красотой пресвѣтлой“, „Украшителемъ всея твари“, „души Утѣшителемъ“ и „сердца Веселіемъ“, Который, будучи Источникомъ „крѣпости высочайшей“, является „Господствомъ неисчетнымъ“, „Царствомъ непобѣдимымъ“ и „Владычествомъ безконечнымъ“.

Дай же намъ Себя, Всесладкаго!
 Вспомнись же намъ, Забвенный нами!
 Просіяй сквозь сумракъ думъ!
 И созиждется Тобою
 Сердце чисто, правый умъ.

Николай Колосовъ.

Изъ Апостола.

(Окончаніе)¹⁾.

Римл. 3, 20; 4. 5; 5, 13. 14.

(О недостаточности закона для оправданія).

Въ посланіи къ Римлянамъ ап. Павелъ не посвящаетъ оцѣнкѣ закона такого спеціальнаго трактата, какъ въ посл. къ Галатамъ. Но рѣшая въ гл. 3—5 вопросъ, имѣютъ ли преимущество іудеи предъ язычниками въ дѣлѣ оправданія, и

¹⁾ См. № 34 за 1911 г.

привлекая къ рѣшенію этого вопроса наличность у первыхъ Богооткровеннаго закона, апостолъ объ этомъ законѣ высказываетъ въ трехъ различныхъ мѣстахъ указаннаго отдѣла, гдѣ того требуетъ ходъ мысли, три основныя положенія, изъ коихъ каждое слѣдующее усиливаетъ мысль предыдущаго.

1-ое положеніе: „Дѣлами закона не оправдается предъ Нимъ никакая плоть, ибо закономъ познается грѣхъ“ (3,20). Въ самой природѣ закона и человѣка лежитъ то, что законъ не можетъ быть выполненъ. Законъ по столько законъ, по скольку онъ требуетъ чего-то выше естественныхъ силъ человѣка и обычнаго направленія ихъ; онъ хочетъ измѣнить это направленіе, тогда какъ само оно стремится идти другимъ путемъ, обратнымъ. Законъ беретъ на себя „водительство безсильнаго (нравственно) человѣка, который есть плоть, и онъ противопоставляетъ себя человѣку какъ чуждая воля, какъ гетерономія (Lange, Der Brief Pauli an die Römer, на это мѣсто), вслѣдствіе чего обнаруживается сильнѣе раздвоенность въ самомъ человѣкѣ, противорѣчіе его самому себѣ и свидѣтельству нравственныхъ требованій въ немъ самомъ. „Законъ, какъ химическій элементъ, вызвалъ броженіе въ человѣчествѣ, въ которомъ человѣческая природа и грѣховность казались тождественными. Человѣкъ сталъ различать между внутреннимъ чистымъ грѣхомъ и его внѣшнимъ осуществленіемъ. Въ немъ появилось объективное познаніе грѣха. Законъ, какъ буква, завершилъ развитіе грѣха“ (тамъ же).

2-ое положеніе. „Законъ производитъ ильвъ, потому что ильвъ нѣтъ закона, нѣтъ и преступленія“ (4,5). „Законъ имѣетъ своимъ слѣдствіемъ обнаруженіе грѣха и представленіе его въ качествѣ преступленія какъ въ совѣсти, такъ и въ самой жизни. Безъ закона грѣховное удовольствіе дремлетъ. Закономъ обозначается настоящій расчетъ Бога съ грѣшникомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ впервые и естественное наказаніе грѣшныхъ принимаетъ яркій, пламенный видъ гнѣва“ (Lange), гнѣва Божія на грѣшника и отвѣтнаго гнѣва—ропота, неудовольствія грѣшника на метящаго Бога.

3-е положеніе. „И до закона грѣхъ былъ въ міръ, но грѣхъ не вѣнчается, когда нѣтъ закона“ (5, 13). Это положеніе у апостола является доказательствомъ той мысли, что смерть, бывшая наказаніемъ Адаму за грѣхъ, перешла на всѣхъ людей, очевидно, потому, что всѣ согрѣшили въ Адамѣ (ст. 14). Смерть была наказаніемъ за одинъ грѣхъ, грѣхъ Адамовъ, въ которомъ повинны были всѣ люди, какъ находившіеся тогда въ Адамѣ. Но всѣ люди, кромѣ грѣха Адамова, повинны были во множествѣ другихъ грѣховъ. Наказывались ли они за эти грѣхи такъ, какъ Адамъ былъ наказанъ за свой? Очевидно, нѣтъ, потому что смерть была наказаніемъ за этотъ одинъ грѣхъ. Потому-то, прибавляетъ далѣе апостоль, смерть царствовала отъ Адама до Моисея и надъ несогрѣшившими подобно преступленію Адама (напр. надъ праведниками, невинными младенцами, умиравшими до сознательнаго грѣха или ни разу въ своей жизни такъ сознательно не противившимися Богу, какъ Адамъ). Всѣ остальные грѣхи, слѣдовательно, не наказывались ничѣмъ. Противъ этого можно было бы возразить апостолу примѣрами потопа, Содома: но 1) нѣтъ правила безъ исключенія: тамъ былъ вопіющій грѣхъ; 2) тамъ наказаніемъ была не самая смерть, но родъ смерти; смерть постигла и Ноя съ его сыновьями и Лота съ дочерьми, хотя они не были виновны въ грѣхахъ, которые наказаны были потопомъ и огнемъ съ неба. Не то было послѣ Моисея, когда данъ былъ законъ. Будучи такою же положительною заповѣдью, какою была заповѣдь райская, онъ прямо каралъ всякое значительное нарушеніе свое такъ, какъ карала его та заповѣдь: смертию (*Cornelius, Commentarius in epist. ad Romanos*, на это мѣсто). Слѣдовательно, съ этого времени грѣхъ сталъ собственно вѣнчаться человѣку. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ теперь сознавъ былъ какъ грѣхъ, какъ преступленіе. Строгій судъ Божій надъ нимъ отразился и въ совѣсти человѣка. Количество грѣховъ возросло неимоверно. И нарушеніе субботы стало грѣхомъ, наказуемымъ смертію, и такимъ образомъ „умножилось преступленіе“ (ст. 20). Это, увеличеніе грѣха

на землѣ, созданное закономъ, имѣло цѣлью вынаруженіе человѣческой грѣховности и необходимости въ очищающей ее благодати. „А когда умножился грѣхъ, стала преизобиловать благодать“.

Римл. 8, 20—22.

Суетѣ тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю на упованіи, яко и сама тварь свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чады Божіихъ; вѣмы бо яко вся тварь (съ нами) совоздыхаетъ и соболѣзнуетъ даже донынѣ.

Здѣсь апостоль признаетъ ненормальность въ современномъ положеніи „твари“, т. е. очевидно, всего творенія Божія, но ближайшимъ образомъ, какъ показываетъ дальнѣйшее противопоставленіе этой твари намъ,—ненормальность въ окружающей насъ бездушнѣй, неразумнѣй природѣ. Ненормальность эту апостоль усматриваетъ въ томъ, что тварь подчинена суетѣ (*ματαιότης*). „Суета“ на библейскомъ языкѣ означаетъ такую пустоту или ничтожество, которое имѣетъ обманчивый видъ полноты, чего-то существенно-важнаго, цѣннаго. Въ природѣ, понимаемой въ вышеуказанномъ смыслѣ, апостоль видитъ господство такой пустоты. Кѣмъ и когда природа подчинена этой суетѣ, апостоль не указываетъ, давая этимъ поле для множества догадокъ со стороны толкователей. Не останавливаясь на нихъ, лучше всего прослѣдить мысль апостола далѣе. Такое устройство природы или міра, по которому въ немъ ничтожное или пустое кажется цѣннымъ и важнымъ, по апостолу, не является желательнымъ для міра, а невольнымъ для него, „не волею“ (*οὐκ ἐχούσα*). Самъ міръ въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ по необходимости: необходимость—первый и основной законъ въ природѣ, ею она вся держится, почему естественный человѣкъ обыкновенно предъ нею невольно преклоняется. Но апостоль думаетъ объ этой необходимости иначе; по нему она во всякомъ случаѣ ниже той свободы, какую пользуются въ мірѣ чада Божіи. Мало

того: по апостолу и для самой природы это не неизбежный и вечный порядок вещей; а преходящий, въ которомъ даже заложена надежда на лучшій. Уже потому этотъ порядокъ не можетъ быть постояннымъ, что въ немъ заложено смертоносное для него самого сѣмя тлѣнія. Подчиненная суетѣ, покрывая полное ничтожество внѣшностью существеннаго, тварь работаетъ, служитъ, находится въ рабствѣ (δοουλεία), которымъ и является для нея господство вышеуказанной необходимости; она находится въ рабствѣ этой самой суетѣ. Но суета эта, въ сущности своей, если снять съ нея обманчивые покровы, есть тлѣніе, уничтоженіе. На ряду съ беспощадной необходимостью въ природѣ дѣйствительно господствуетъ постоянное измѣненіе, уничтоженіе, смерть, вызываемая ея-же необходимыми законами. Освобожденіе природы отъ необходимости было бы освобожденіемъ и отъ заложеннаго въ нее тлѣнія. Это будетъ при наступленіи славы чадъ Божіихъ. Апостоль присовокупляетъ, что въ природѣ какъ-бы можно подслушать вздохи и тоску по такому возрожденному состоянію ея. Если сопоставить съ этимъ то, что ап. Павелъ говоритъ въ посланіи къ Коринѳянамъ о духовномъ тѣлѣ будущаго, которое, какъ нынѣшнее наше тѣло, не можетъ не быть органическою частью будущаго міра, то для насъ выяснится взглядъ его на теперешнее состояніе міра, какъ на болѣе грубое въ сравненіи съ будущимъ.

Римл. 9, 6—13.

(О дѣйствиіи избранія Божія въ потомствѣ Авраама).

Потомство Авраамова было избрано носителемъ насильственнаго обѣтованія человечеству. Дальнѣйшую исторію этого избранія хорошо изложилъ ап. Павелъ въ посланіи къ Римл. въ связи съ вопросомъ о характерѣ вообще избранія Божія. Какъ извѣстно, на высокое достоинство потомства Авраамова притязалъ въ послѣдствіи цѣлый народъ (еврейскій). Апостоль соглашается, что Израильтяне были избраннымъ народомъ; изъ всѣхъ народовъ они одни отличены были Богомъ высокой

честью избранія въ Его особый народъ, съ которымъ было связано столько преимуществъ. Но весь-ли Израиль, во всей его національной цѣлости, сталъ избраннымъ народомъ, Израилемъ во всемъ позднѣйшемъ высокомъ значеніи слова? Далеко не весь. „Не всѣ тѣ Израильтяне, которые отъ Израйля“ (Римл. 9, 6), т. е. которые имѣютъ общее съ Израилемъ происхожденіе.

Богъ произвелъ въ этомъ народѣ цѣлый рядъ отсѣченій выдѣлений нежелательныхъ ему элементовъ, чтобы сдѣлать этотъ народъ своимъ избраннымъ. И эти выдѣленія, какъ бы историческое просвѣщеніе избраннаго сѣмени Авраамова, началось съ самаго начала его жизни, вѣрнѣе еще до начала исторической жизни Израйля. Израиль избранъ Богомъ въ Его народъ главнымъ образомъ за своего великаго родоначальника Авраама, этого исключительнаго по силѣ и твердости праведника на землѣ, имѣвшаго уже чисто естественнымъ, наслѣдственнымъ путемъ передать свою вѣру и праведность своему потомству, будущему еврейскому народу. Можно было-бы ожидать, что все потомство этого великаго праведника станетъ избраннымъ народомъ Божиимъ за одно происхожденіе свое отъ Авраама, гарантировавшее ему относительную нравственную высоту между народами земли. На самомъ дѣлѣ оказалось иначе. „Не всѣ дѣти Авраама, которые отъ сѣмени его“ (стихъ 7). Изъ нѣсколькихъ дѣтей Авраама былъ выбранъ Богомъ въ качествѣ истиннаго (и по духу) сына Его одинъ лишь сынъ, не первородный, при томъ именно такой, самое рожденіе котораго отъ Авраама было не вполне естественнымъ, ибо однимъ изъ факторовъ этого рожденія было обѣтованіе Божіе, которое дѣлало изъ Исаака дитя больше Божіе, чѣмъ Авраамово. „Сказано“, говоритъ Апостоль, „въ Исаакѣ наречется тебѣ сѣмя“; т. е. не плотскія дѣти суть дѣти Божіи, но дѣти обѣтованія признаются за сѣмя; а слово обѣтованія таково: въ это-же время (чрезъ годъ послѣ явленія) приду, и у Сарры будетъ сынъ“ (ст. 8. 9), котораго, слѣд., безъ особаго посѣщенія Божія, однимъ есте-

ственнымъ путемъ, не родилось-бы. Настолько Исаакъ былъ не плотской лишь сынъ Авраама! Можно было-бы ожидать, продолжаетъ апостолъ свою аргументацію, что по крайней мѣрѣ такой—столько-же Божій, сколько и Авраамовъ, сынъ. Исаакъ обезпечить всему своему потомству избраніе Божіе. Не тутъ-то было, выражаясь вульгарно. Какъ-бы съ бессознательной цѣлью обезпечить потомству такое избраніе Исаакъ и женился (точнѣе Авраамъ женилъ его) на женщинѣ изъ благороднаго рода Авраамова—Ревеккѣ. И вотъ Богъ дѣлаеть выборъ и въ этомъ, уже настолько отобранномъ, вдвойнѣ святомъ (по отцу и матери) сѣмени (ст. 10). Притѣмъ дѣлаеть выборъ между близнецами, рожденными отъ одного зачатія сыновьями. Такой выборъ былъ-бы еще понятенъ, если-бы онъ былъ обусловленъ поведеніемъ, жизнью двухъ претендентовъ на избраніе Божіе. Но онъ совершился до рожденія, когда выбираемые не сдѣлали еще ничего добраго или худого. Этимъ ясно показано, что не только плотское происхожденіе отъ святаго родоначальника, но и „дѣла“ человѣка не могутъ повліять на избраніе Божіе, а одна только воля Божія, опредѣляющая (по предвѣднію) всю судьбу человѣка на землѣ (ст. 11). Этой волей еще до рожденія назначена двумъ сыновьямъ Исаака различная и совершенная неожиданная съ человѣческой точки зрѣнія судьба: „большій будетъ въ порабощеніи у меньшаго“ (ст. 12,—разумѣется подчиненіе идумеевъ евреямъ). Это порабощеніе—слѣдствіе высокихъ преимуществъ избранія, которое изъ двухъ сыновей Исаака могло остановиться только на одномъ Іаковѣ, такъ какъ онъ одинъ сталъ угоденъ Богу. Богъ возлюбилъ его такою сильною любовью, въ сравненіи съ какою общая любовь Божія къ людямъ представлялась и могла быть названа на гиперболическомъ языкѣ пророка (Малахія) нерасположеніемъ, ненавистью: „Іакова возлюбихъ, Исава же возненавидѣхъ“ (ст. 13; подобнымъ образомъ говоритъ и Спаситель: „аще кто грядетъ ко Миѣ и не возненавидитъ отца своего или матеръ“... Мѡ. 17, 26).

М. Скабаллановичъ.

ЗАМѢТКА.

Бъ борьбѣ съ „мужицкимъ нигилизмомъ“.

Въ мѣст. Браиловкѣ (Вол. губ.) происходить миссіонерскій порайонный съѣздъ по вопросу о борьбѣ съ „мужицкимъ“ нигилизмомъ среди православнаго населенія епархіи. Съѣздъ высказался такъ: замѣчено, что вольнодумствомъ заражена молодежь; отправляясь лѣтомъ на заработки, молодежь мѣсяцами не бываетъ въ храмѣ, на работахъ надзора за поведеніемъ ея нѣтъ; проводя такъ лѣто, парень является въ свое село духовно и тѣлесно растлѣнный; замѣчено, что служащіе у евреевъ нерѣдко совершенно „свободны отъ вѣры“: вредно вліяютъ на народъ базары, отвлекая его въ воскресные и праздничные дни отъ посѣщенія храмовъ,—училища вѣры и благочестія въ сектантскихъ приходахъ. Многіе, слушая религіозныя пререканія между православными и сектантами, не могутъ видѣть, иногда по винѣ бесѣдующаго священника, истинности православія: молъ, правды и у насъ и у нихъ нѣтъ, тогда—индифферентизмъ. Ясно, какъ осторожно нужно вести противосектантскія бесѣды. Вредно вліяетъ на народъ чтеніе антирелигіозной литературы, особенно распространяемой вблизи ст. желѣзныхъ дорогъ. Желательно, чтобы помѣщики строили временные бараки отдѣльно для мужчинъ и женщинъ, а священники такихъ приходовъ удовлетворяли бы ихъ религіозныя нужды, не уклоняясь отъ бесѣдъ, чтеній и пр.

Народные миссіонерскіе курсы весьма желательны. Водеть ихъ священникъ, при участіи епар. или окружн. миссіонера. Удобнѣе всего соединять для этой цѣли два—три прихода. Лучшимъ руководствомъ для веденія курсовъ признали противосектантскій и противокатолическій катихизисъ арх. Антонія (Волынь).

Вопросъ объ изданіи отдѣльнаго миссіонерскаго журнала съ характеромъ и направленіемъ, близкимъ къ пониманію

народа, по долгомъ обсуженіи рѣшенъ такъ. Желательно для этой цѣли приспособить, часто пустующую, „Православную Подолію“. При журналѣ печатаются листки миссіонерскаго и религіозно-нравственнаго содержанія. Для болѣе успѣшнаго дѣла избирается, подъ предѣдательствомъ епарх. миссіонера особый комитетъ. Комитетъ редактируетъ матеріаль, касающійся миссії, и направляетъ въ готовомъ видѣ въ редакцію.

Окружные миссіонеры, руководствуясь инструкціей, служатъ миссії, устраиваютъ чтенія, читаютъ доклады, какъ на мѣстахъ развитія сектантства, такъ и на окружныхъ собраніяхъ духовенства. Миссіонеры не совмѣщаютъ этой должности съ другими, имѣющими административный характеръ, напримѣръ, благочиннаго или слѣдователя. Весьма важно устраивать приходскія торжества при участіи окружн. миссіонеровъ.

Признано желательнымъ расширеніе программы по Закону Божію въ ц.-приходскихъ школахъ въ сектантскихъ мѣстностяхъ, но безъ введенія въ нее полемики.

Прекрасно вліяютъ въ смыслѣ поднятія въ народѣ религіознаго духа паломничества учащихся и народа къ святынямъ. Паломничество обставятъ торжественностью, заботиться, чтобы все было благообразно и по чину.

Необходимо псаломщикамъ заняться устройствомъ общаго пѣнія, не оставляя хороваго. Полезно изучать и пѣть на бесѣдахъ псалмы и пѣсни изъ Богогласника. Катихизація дѣтей внѣшкольнаго возраста непосредственно касается приходской миссії. Въ виду отсутствія подходящихъ руководствъ для веденія катихизаціи рекомендовать катихизаторскіе „воскресные вечера“, издаваемые „Кормчимъ“. Весьма желательно устраивать передвижныя школы въ малонаселенныхъ пунктахъ епархій, особенно въ мѣстахъ католической и сектантской пропаганды.

Вниманіе съѣзда привлекъ вопросъ о братствахъ. Въ братствѣ прихожане объединяются со своими пастырями въ цѣляхъ возрожденія приходской жизни по завѣтамъ Еванге-

лія. Полезно приглашать сельскихъ матушекъ къ руководству сестричествами. Кружки ревнителей православія лучше всего именовать братствами. Въ основу братствъ полагать смиреніе, строгое послушаніе пастырю и неосужденіе.

Признано желательнымъ участіе священника въ кооперативныхъ учрежденіяхъ, но съ осмотрительностью, ибо они, вслѣдствіе недобросовѣстности нѣкоторыхъ лицъ и народной темноты, порождаютъ ссоры, нарушаютъ мирное теченіе приходской жизни.

(Соврем. лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 3-го сентября 1911 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Ави. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мериановская ул. 6.